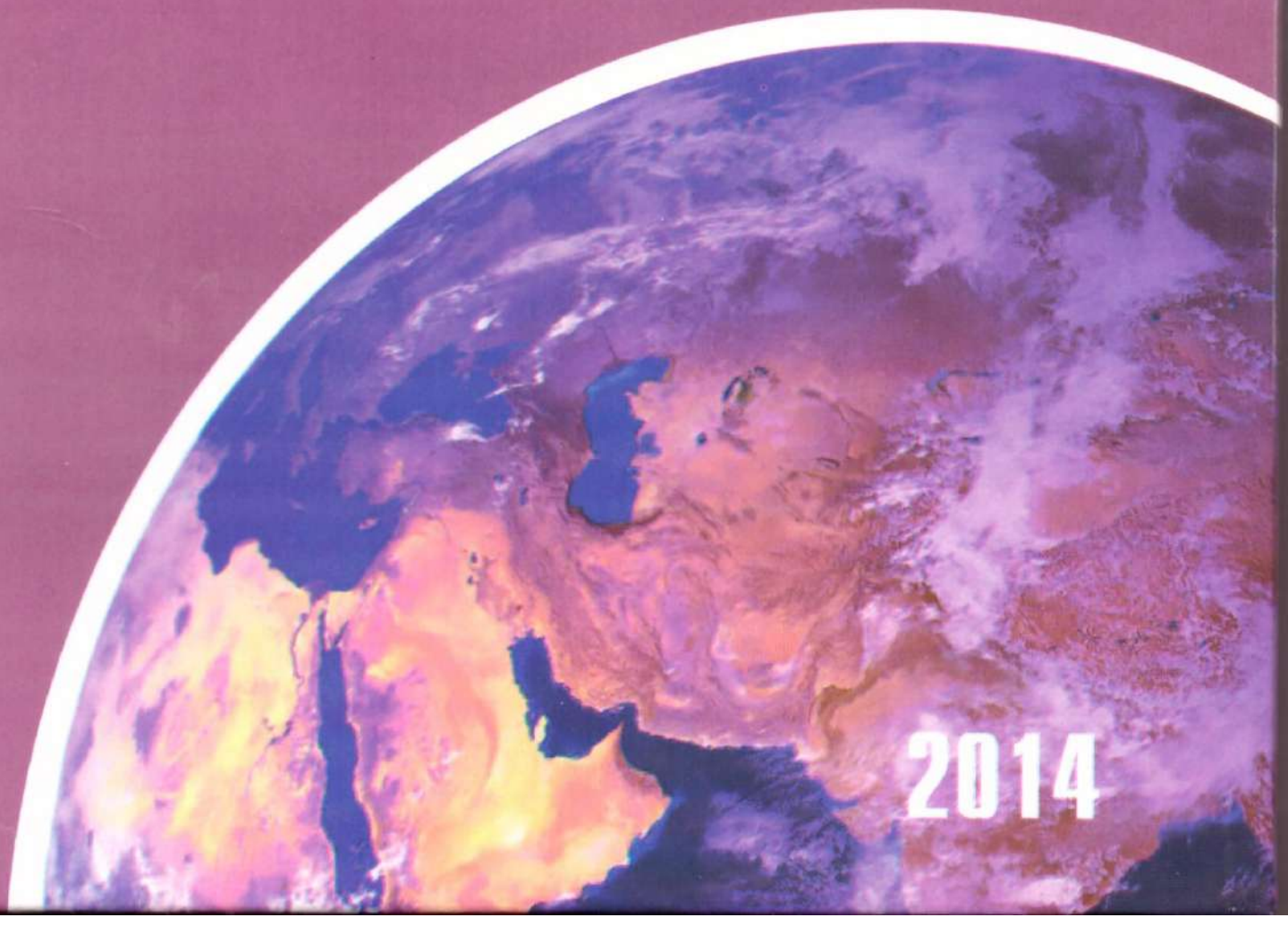
СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КАЗАХСТАНЕ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

XIV Международная
научно-практическая конференция



2014

АССАМБЛЕЯ НАРОДА КАЗАХСТАНА
ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ

ОБЛАСТНОЙ ДОМ ДРУЖБЫ

ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Д. СЕРИКБАЕВА

ЛАБОРАТОРИЯ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ПРИ ВКГТУ ИМ. Д. СЕРИКБАЕВА

ИНСТИТУТ АНАЛИЗА И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ВКО

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КАЗАХСТАНЕ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

**XIV Международная
научно-практическая конференция
(г. Усть-Каменогорск, 11–12 сентября 2014 г.)**

Сборник научных трудов

Усть-Каменогорск, 2014

УДК 001 (063)
ББК 72
Э 91

Под редакцией: **Алексеенко А.Н.,**
Краснобаевой Н.Л.,
Панковской Г.И.,
Сарсембаевой Г.А.
Чернышова О.В.

Э 91 Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: Сб. науч. трудов XIV Междунар. науч.-практ. конф. 11-12 сентября 2014 г., Усть-Каменогорск. – Усть-Каменогорск: «Медиа-Альянс», 2014. – 453 с.

ISBN: 978-601-7378-57-8

В сборнике представлены материалы докладов и сообщений, включенных в программу XIV Международной научно-практической конференции «Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях». В них рассмотрены дискуссионные вопросы демографии, этнологии, истории и географии населения Казахстана, России, Кыргызстана, Словакии, Германии. Выявлен круг проблем, свойственных этнодемографическому развитию государств и отдельных регионов, широко представлены различные точки зрения.

УДК 001 (063)
ББК 72

ISBN: 978-601-7378-57-8

©Издательство «Медиа-Альянс», 2014

Абдыгалиева Л.И.

ХАЛЫҚТАР ТОҒЫСҚАН КЕҢІСТІК: ГУМАНИЗМ ҰҒЫМЫНЫҢ ЭВОЛЮЦИЯСЫ ЖӘНЕ ОНЫҢ ҚАЗІРГІ ӨМІРМӘНДІК МӘНІ

Тарих толқынында елдіктің бірлігі мен берекесі туралы толғаған ұлы ойшылдар философтар ерекше мән берген аса маңызды философиялық категориялардың бірі – гуманизм. Адамдық мәнділіктің шынайы болмысының өзегі – ізгілік десек, субъектінің рухани деңгейін анықтап, қоғамдық сапасын көрсетер негізгі компонент ретінде, ізгіліктің, «Мендікті» шынайы адамдық кеңістікте дамытар күш-қасиетін сынар ғасыр, бүгінде адам санасына ауыр салмақ салып отыр. Заман өзгерістерінің адамзатқа терең ықпалын ескермесе болмайтын қажеттілік «мендердің» ізгілік ілімін құндылық көзімен қабылдауға талпынысын құптайды. Қай кезең, қай кеңістікті алсақ та қазір гуманизмнің күрделенген мәнін қоғам ақиқатына айналдыру үлкен, өзекті мәселелердің бірі болып отыр. Әртүрлі ұлт және этнос өкілдері тоғысқан Алтай жері мен оның болашағы үшін де бұл ұғым еліміздің бүгіндігі мен ертеңіне қажет құндылықтарының негізін құрары анық. Тарихқа үңілсек, гуманизм – философия ғылымының негізгі мәселесі ретінде тамырын ежелгі Қытай, Үнді елдерінен алып, адам болмысының тіршілік етіп отырған ортасымен біте қайнаса дамып келген. Философия ғылымының екі мыңжылдықтан астам уақытты қамтыған тарихына бағдарлай қарап, оның қай кезеңі, қай түрі, қай ағымы немесе мектебі болмасын осы бір құдіретті адамзаттық ілімдермен қандай да бір органикалық байланысын, қиылысын ұстай аламыз. Гуманизм қоғамдық ортаға байланыста өрбитін кең ұғым. Бұған тағы да тарихтың өзі дәлел.

Әлемде экономикасы, ғылым мен техникасы мықты дамыған, байлығы ұшан-теңіз елдер аз емес. Бұған Алтай кеңістігінде қатар жайғасқан мемлекеттер де кіреді. Олардың бірі Қазақстан болса, келесісі Ресей мемлекеті. Қазір осы елдерде де демократия салтанат құрып отыр деген түсінік көпшілігіміздің көзқарасымызда бар. Бірақ дал қазір осы елдерде гуманизм – адамды сүюшілік сезімі күшті дамыған ба, адамға адамның рахымы, мейірімі күшті ме? Бұл елдердегі мақтаулы демократия гуманизмге қызмет етіп отыр ма деп келетін осыған мазмұндас сұрақтарға бірден ойланбай жауап беру қиын.

Бүгінде гуманизм – қоғамның тұрақты дамуының бірден-бір кепілі, басты алғышарты. Қоғамдағы тұрақтылықты бизнес пен саяси элитаның немесе саяси элитаның өз арасындағы түсіністік қана деп қарауға болмайды. Баянды тұрақтылық қоғам мен билік, қоғам мен бизнес элитасы арасындағы түсіністік қалыптасқанда ғана ғұмырлы болады. Бұл үшін қоғамның қатігезденуіне жол бермей, оның гуманистік сипат алуына жетісуіміз керек.

Қоғамға гуманистік сипат беру не деген сөз?

Бұл нағыз әлеуметтік әділдік пен әлеуметтік теңдіктің негізін (өз мүмкіндігін ашу үшін әр азаматқа бірдей жағдай жасау) қалау деген сөз.

Қоғамды демократияландыру және оған гуманистік сипат беру өзара байланысты дүние. Нағыз демократия қалыптасуы үшін қоғамда гуманизм үстемдік құруы, басымдыққа ие болуы тиіс. Бірыңғай либералдық демократияны тықпалай берумен қоғам ізгілене түсуі, адами сипат алуы неғайбыл. Қоғамның гуманизмге қанығуы адамдардың мәдени-рухани жетілу дәрежесіне тікелей байланысты. Өйткені гуманизм бүкіл қоғамның болмысынан, күнделікті тіршілігінен көрініп тұрады. Ол үшін қоғамдағы әлеуметтік жіктеліс тым тереңдеп кетпеуі тиіс. Билік басындағылар да, қатардағы шенеуніктер де, кәсіпкерлер мен қаржы топтарының өкілдері де өздерінің қоғам, халық алдындағы әлеуметтік, азаматтық жауапкершіліктерін жете сезінулері керек. Заң алдында бай да, кедей де, лауазым иесі де, қатардағы қарапайым азамат та бірдей құқықпен пайдаланып, өз мүдделерінің тек заң арқылы қорғалатынына сенімді болулары керек. Мұны сезіну адамдардың теріс қылықтарға ұрынбауына жағдай жасайды. Қоғамда заңмен бірге қоғамдық пікірдің күші мықты болуға тиіс. Қоғамдық пікірден биліктегілер де, бизнесмендер де, жас та, кәрі де именуге, онымен санасуға тиіс. Бұл қоғамның ізгілігін, адамды адамның құрметтеуін, ардақ тұтуын қамтамасыз етеді.

«Қауымдағы гуманизмнің ілгері басуы қазіргі жастардың қолында», – деп жоғарыда айтып кеткендей, жастарды бір-бірін құрметтеуге, сыйлауға, өз ойын жетік жеткізуге, қоршаған ортаға аялаушылықпен қарауға, ізгілігін жоғалтпауға, ең бастысы – адамды құрметтеуге шақырамыз. Бұл сезім аналардан, ана сүтінен, ата-ана тәрбиесінен басталады. Сондықтан, адам негізін қалайтын аналарға мемлекет тарапынан әлеуметтік-рухани көмек жасау өте қажет.

«Гуманизм» сөзінің өзі түсінік, ұғым ретінде қазақ философиясында қолданылмайды. Оның баламасы ретінде көбінесе «ізгі» мен «ізгілік» ұғымдары қолданылады. Арнайы әдебиеттерде, оқулықтарда «ізгілік» – игілік, қайырымдылық, жақсылық сөздерімен синонимдес, ал «ізгі» – игі, асыл, жомарт, игілікті, мейірбан, нұрлы, әзіз сөздерімен мағыналас қолданылады. «Ізгі» сөзінің орыс тілінен аудармасы 1954 жылы баспада жарық көрген орыс-қазақ сөздігіне төмендегідей берілген:

«Благой – игі, ізгі, Благое намерение – игі тілек, ізгі ниет» [1];

Яғни, ізгілік, ізгі сөздерінің мағынасы адамның адамға, қоғамға қатысты жақсы табиғатын, жағымды қатынасын, игі ықпалын білдіреді. Ойымызды нақтылау үшін бұл аударманы баспадан соңғы шыққан «Үлкен қазақша-орысша, орысша-қазақша» сөздіктегі «ізгілік», «ізгі» сөздерінің мағынасымен салыстырып көрелік:

«Ізгі – благой; добрый; идеальный, благожелательный; благородный» [1].

Мәселен, грек ғалымы Демокриттің гуманистік ілімінің түп қазығы – рационализм және қарапайым диалектика мен утилитаризм элементтері. Адам – табиғатынан саналы, сондықтан, ол ізгілікті іс-әрекет жасауға деген қажеттілікті сезінуге, оны жүзеге асыруға талпыныс қылуға да бейім. Софистердің бірінен деп саналатын ертедегі грек ойшылы Сократтың іліміндегі гуманистік көзқарастар да қарама-қайшылықты. Сократ ізгіліктің негізін тереңірек аша алды. Ол негізгі ізгіліктік қасиеттер есебінде: сабырлық, жігерлілік (қайраттылық), әділеттілікке ерекше мән береді. Бұл ізгілікті қасиеттерді адам өзін-өзі тану және таным барысында бойына сіңіре отырып, осы қасиеттер негізінде ізгілікті табиғатын тұрақтандырады. Сондықтан, әділеттілік, қайраттылық, сабырлық Сократ үшін қажет әрі маңызды болып қалады. Сократтың ойынша, адамның ең тамаша қасиетінің бірі – өз-өзін ұстауы. Қандай көңіл-күйде болсаң да: шаттық, қайғы-қамығуда да, неше түрлі құштарлықта да адам өзін-өзі билеп, ұстауы қажет. Сократ грек ойшылдарының бақыт жөніндегі түсініктерін тереңдете түсті. «Менің ойымша, тек ізгі адам бақытты; шындығы жоқ, арам пиғылды – әрқашанда бақытсыз».

Олай болса, адамның өз-өзін танып-білуі – оның ең биік мұратына айналуы керек. Сонда ғана адам мен қоғам арасындағы қайшылықтар шешіледі. Ол үшін адам күнделікті өмірдегі «ұсақ мәселелердің» жолын табуы емес, ол бүкіладамзаттық ақиқат деңгейіне көтеріліп, өзінің жан-дүниесін толтыруы керек. Бұл пікірді қолдайтын бір аңыз бар. Сократтан: «Сіздің туған жеріңіз қайда?» – деп сұрағанда, ол: «Мен ғарыштанмын», – деп жауап берсе керек. Сократтың ұлы тұлғалығы, міне, осында білемін.

Сократтың объективті-идеалистік философиялық ілімдеріне негізделген діни-этикалық жүйесі кейін Платон еңбектерінен жалғасын тапқан. Платон ілімінен ауқымды орын алған игілік «идеясы» оның пікірінше, барлық заттардың мәнділікке ие болу, танылу және өмір сүре білу қабілеттігін бекітіп береді. Игілік, (қайырымдылық) – барлығының бастамасы. Игілік идеясы туралы Платонның бұл ілімі діни идеализмге тән. Бұған қарамастан Платон игілік «идеясын» ілімін барлық философиялық ілімдерінен жоғары қойған. Жан мәселесіне философ еңбектерінде ерекше орын беріледі. Осы тұста, Платонның гуманистік көзқарасын анықтай аламыз. Жанды құрайтын негізгі ізгіліктік белсенділіктер: даналық, ерік-жігер және сезім. Аристотельдің пікірінше, ең ұлы игілік – бұл, адам өзі үшін ұмтылатын мақсат. Ізгіліктерді туа бітетін қабілет емес, біртіндеп дамитын қасиет деп тұжырымдаған. Цицерон гуманизміндегі атап айтар ерекшелік – адамзаттық индивидтің тағдырына үнемі баса назар аударуы. Цицерон гуманизімінің шын бейнесі осы – адам баласын қалай, қандай әдіс, қандай

жолмен жақсы өмірге, жақсылыққа жеткізу, жетелеу. Алғашқы рим философы ретінде танылған Цицеронды «гуманизм» терминін тұңғыш қолданушы деп бағалағанымызбен этика ілімінің даму тарихында эпикуршылар мен стоиктердің идеялары неғұрлым кеңінен қаралады.

Қайта Өрлеу кезеңінде гуманизм сөз формасынан озық ой-пікір, іс-әрекет, қозғалыс формасына өте бастады. Бұған осы кезеңдң дүниеге келген тамаша шығармалар мен мәдени ескерткіштер дәлел. Диалектиканың абстрактылықтан нақтылыққа өту заңдылығы жолын осылайша тарихпен таласып, тармаса гуманизм те жүріп өтті. Осылайша, гуманизм біртіндеп жалпыадамзаттық сипат ала бастады. Жалпыадамзаттық дейтініміз, ізгілік – адам баласының өз ақыл-ойы мен біліміне, ерік-жігер күші мен қайтпас қайсар рухына деген сенімді қуаттайтын, адам болмысының тіршіліктегі орны мен рөлін нақтылап және адамның бақыты мен бостандығын қорғайтын озық идеяларды дүниеге әкелген жаңа күш, жаңа құрал қызметін өмірдің бар саласынан көрсете алған қозғалыс та. Гуманизм – жаңа күш, құрал ғана емес, ол – ескі мен жаңаның синтезі әрі өмірдің өзі де. Ендігі маңызды сұрақ – ізгілік ілім ретінде қазір елімізге, көпұлтты Қазақстанға қажеттігі қаншалықты? Гуманизм адамға не бере алады? Гуманизм дегеніміз не? Оның мән мағынасы қаншалықты өзгереалды? Бұл сұрақтарға жауап алдында: ««Гуманизм», «гумандылық» және басқа да ұқсас сөздердің қазіргі қолданымнан жоғалып бара жатқандығын байқау қиын емес. Бұл немен байланысты…», – дей келе, философ А.Б. Наурызбаева бұл жағдайды бір қырынан, гуманизм ұғымының қазіргі тіл жүйесінде «архаизм» деп аталатын топқа өтуімен деп түсіндірсе, екінші жағынан құдай «өлімін» мойындаудан туындаған адамның «жоғалуымен» байланыстырса, қазіргі жаңа мәдениетте оған басқа эквивалент табылуы мүмкіндігін білдіреді [2]. Біздің ендігі мақсатымыз – тарихи дамуымызда «көрінбей» келген құндылықтарымыздың адамзаттық, гуманистік сипатын білдіретін ізі бар болса, соны анықтау, тану, әсіресе, адамның «Мендік» бейнесі көмескілене бастаған XXI ғасырдағы бұл ізденісіміз – құба-құп дейтін игі істен.

Расында, бүгінгі өмірімізбен тамырлас, тағдырлас тарих құндылықтарын тауып, оларды өзімізге де, өзгелерге де танытуға ықпал етіп, оларды ұрпаққа жол көрсетер өміршең, өлмес ілімге айналдыруды қажет етсек, жарқын болашағымызға тірек болар күш-қазына көзін тауып ашқан игі істің негізін қалаған болар едік. Міне, осындай заңды құбылыс көзінің бірінен саналған мұсылман өркениеті кеңістігінде қалыптасқан адам болмысына тән құнды әрі өмірмәнді ілім – ізгілік, ойының өткірлігімен және ақиқаттылығымен, мазмұндылығымен әрі жан-жақтылығымен қазіргі философия тарихы үшін тың тақырып.

Өзіміз білетіндей, көптеген елдерде және үлкен кеңістіктерде индивидуализм – өзімшілдік күшті дамыған. Мұндағы гуманизм жеке тұлғалардың,

адамдардың құқығы сақталсын деген қағидамен шектелген. Бірақ қандай жеке тұлғалардың, байлардың ба, кедейлердің бе, бұл жағы белгісіз. Өмірде олардың құқықтары бірдей бола бермейтіні сөзсіз. Демократия мен гуманизм екі ұғым болғанымен, олардың арасында берік байланыс бар. Профессор В. Иноземцев айтқандай, демократия қоғамды ізгілендірудің заңды нәтижесі болып табылары Ізгілендіру қоғамның өркениеттілігінің, кемелдігінің өлшемі болып есептеледі [3]. Егер қоғам жетілмеген болса, онда гуманизм берік орныға алмайды.

Міне, сондықтан Гуманизм – адамды құлдықта, теңсіздікте ұстау сияқты адамдық мәнділікті терістейтін қатынас формасының қайсысынан болмасын адамды босатуды талап ететін, әрі қорғайтын өмір жолының ережесі іспеттес. Кейінірек, еуропа гуманистері де бұл ережені батыл көтерген. Бұл ереже – өмірдің ауыры мен салмағына адам өмірі мен идеясын құрбан етумен қатар жүретін құбылыс ретінде көптеген ой-пікірлерден көрінетін ащы шындық. Бұл өркениетте, бұл самғауда әрбір адам «Мендік» тұлғалық рухани байлығымен, еңбектеріндегі гуманистік ережелердің мәнділігімен, теориялық танымның кеңдігімен, өз қоғамы мен өз уақытындағы азаматтық миссиясын түсініп қана қоймай, озық ой мен сезімдік көңіл-күйдің барлық гаммасын өз болмысынан көрсете білуімен ғана болашақты жасай алады.

ӘДЕБИЕТТЕР:

1. Русско-казахский словарь. – Москва, 1954. – 935 б.
2. Наурызбаева А.Б. Гуманизм как концепт антропологического дискурса культуры. – Докт. ғыл. дәреж. алу. дайын. дисс. автореф. Алматы, 2003. – 53 с.
3. Иноземцев «Вопросы философии», №9, 2006, 94 стр.

Алдашева А.Б.

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КЫРГЫЗОВ ПО ИТОГАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ НА ЮГЕ КЫРГЫЗСТАНА

Суть функционального взгляда на этническую идентичность заключается в том, что этнос, как производные от него «этнические процессы», не принимается в качестве объективной реальности. Под этносом понимается «воображаемое сообщество», «иллюзия», целенаправленно культивируемая политическими элитами для достижения политических и экономических благ. И как результат термин «этнос» фактически отсутствует в работах функционалистов. В свою очередь, по их мнению, реальным процессом яв-

ляется сама этничность, понимаемая ими как форма групповой, возникшей в процессе приписывания себе и другим определенных черт, идентичности, характер которой не определяется «вещественными культурными признаками, но в которой, однако, представление о различных широких общностях способствует формированию рамок для коллективных действий. Функционалисты исследуют этнические общности, акцентируя внимание на внешние функциональные связи.

Функциональный подход представлен континуумом многочисленных «конструктивистских» и «инструменталистских» теорий. Рассмотрим конструктивистский подход. По их мнению этническую идентичность от других форм социальной идентичности отличает, прежде всего, представление об общеразделяемой культуре, «хотя в ряде случаев это может быть и идея или миф об общности происхождения и общей истории».

Так, по мнению Фредерика Барта, этническую идентичность следует рассматривать скорее как форму организации, чем выражение определенного культурного комплекса. Сущностную значимость имеют только те культурные характеристики, которые используются для маркировки различий и групповых границ. Конструируемые в этом контексте культурные стандарты используются для оценки и суждений об этнической принадлежности.

Ф. Барт теоретически обосновал «генеративный» подход к исследованию этничности и этнической идентичности. На сегодняшний день большинство современных специалистов придерживаются бартовского подхода: «этничность – это форма социальной организации культурных различий» [1].

По мнению норвежского антрополога, «культуру следует рассматривать как следствие или результат, а не как первичную или определяющую характеристику этнической групповой организации» [2, с. 13]. Автор предостерегает: нельзя рассматривать культуру как первичную характеристику этнических групп и нельзя смешивать результаты воздействия на поведение экологических условий с результатами воздействия культурной традиции. Признаками этнических групп являются свойства и признаки, которые приписываются самими акторами.

Центральное место в парадигмальной теории Ф. Барта занимает этническая граница. «Именно этническая граница есть то, что определяет группу, а не культурное содержание, в ней заключенное» [1, с. 15]. Следовательно, не объективные различия ведут к прочерчиванию границ между группами, называемыми этническими, а наоборот: границы формируют различия. В различных социально-культурных системах этническим категориям могут придаваться различные количественные характеристики и приписываться различные содержания. Кроме того, этнические категории могут иметь и не иметь значения для поведения индивидов. К тому же они могут пронизывать всю общественную жизнь, но могут сохранять релевантность только в ограниченных секторах деятельности. Барт отмечает: «Этнические группы – суть категории аскрипции, а также идентификации себя с действующими, следовательно, они представляют собой характеристики взаимодействия людей» [1, с. 10]. Таким образом, этничность по Барту – есть характеристика субъективная. Основополагающее значение Ф. Барт придает тому обстоятельству, что «этнические группы суть признаки, приписываемые и идентифицируемые самими акторами и, следовательно, обладающие свойством организовывать взаимодействие между людьми» [2, с. 11].

По данным социологического исследования [3], «кыргызам» приписываются качества считать себя кыргызом (29,7%), хорошо знать и уважать культуру кыргызов (20,3%), любить Кыргызстан (14,8%), иметь запись в паспорте «кыргыз» (6,5%), говорить на кыргызском языке (6,5%), знать историю кыргызов (1,2%) и быть мусульманином (4,0% от общего числа опрошенных респондентов).

В качестве «признаков и свойств» кыргызов как этнической группы помимо самоидентификации, осведомленности, любви к культуре кыргызов включают и официальное признание этнической идентичности. Инструкция о порядке приема документов, оформления, выдачи, учета, изготовления паспорта и персонификации общегражданского паспорта гражданина Кыргызской Республики [4] гласит: «В пункте 15 «Национальность» указывается национальность заявителя. В позиции «Указать в паспорте» гражданин выражает свое желание указывать национальность или нет». Закон не требует от граждан Кыргызстана указывать национальность в паспорте, но и не отменяет совсем. По данным нашего исследования часть кыргызстанцев желает официального признания своей этнической принадлежности.

Интересным представляется наложение этнической идентичности кыргызов с религиозной идентичностью, в частности, быть «мусульманином» равнозначно тому, что быть «кыргызом». Это можно объяснить тем, что этническая и религиозная идентичности предопределяют важные моменты сосуществования и взаимодействия культур современного Кыргызстана.

Этническая составляющая находит свое проявление в феномене памяти. «Этносоциальная память означает одновременно преемственность и изменчивость. Взаимосвязь прошлого и настоящего весьма подвижна. Но она существует постоянно и реализуется в результате столкновения воспоминаний и поведений, относящихся к разным эпохам и сочетающихся в самых неожиданных комбинациях» [5, с. 62].

Изучение общественного мнения ассоциаций, связанных с кыргызами как этнической группой, свидетельствует о неизменной связи прошлого и настоящего, что находит непосредственную связь с культурным наследием кыргызов, символами кыргызской культуры. Так, 80,2% респондентов

назвали кыргызский национальный головной убор мужчин «аккалпак», традиционный дом кочевников кыргызов – «бозуй» – 69,3%, непревзойденное художественное творение кыргызского народа эпос «Манас» – 62,8%, жемчужину Центральной Азии озеро Иссык-Куль – 20,9%, священную гору «Сулайман-Тоо» – 19,3%, кыргызский национальный головной убор женщин – «элечек» – 12,9%, археолого-архитектурный комплекс «Башня Бурана» – наиболее ранний памятник башенного сооружения на территории Средней Азии и единственный на сегодняшний день из сохранившихся памятников аналогичного типа конца X – начала XI века – 6,5%. Остальные респонденты назвали горы «Ала-Тоо», «Кыргызжер» (землю кыргызов) и великого писателя и гуманиста XX века – Ч. Айтматов.

Этническая группа обладает идентичностью лишь только потому, что существуют другие этнические группы, по ряду признаков отличающихся от нее. Эту особенность отметил Дж. Де Вос, в интерпретации которого этническая общность – это «осознающая себя группа людей, которые придерживаются общих традиций, не разделяемых другими группами, с которыми она находится в контакте» [6, с. 9].

Барт убедительно доказал решающее значение социальных границ для формирования этнической идентичности. Признавая, что приписывание этнической идентичности является главным признаком этнических групп, Ф. Барт разрешил концептуальные трудности [2, с. 17]:

Во-первых, устойчивость и сохранность этнических групп зависит от устойчивости ее границы. Культурные признаки, сигнализирующие о границе, могут меняться, и точно так же могут трансформироваться культурные характеристики членов этнических групп: более того, может поменяться даже организационная форма. Устойчивое противопоставление входящих и не входящих в группу позволяет выявить природу этой устойчивости и изучить изменения культурной формы и содержания.

Во-вторых, диагностическую роль для определения этнической принадлежности играют только социально релевантные факторы, а не внешние «объективные» различия, порождаемые другими факторами. Социально релевантным фактором выступает этническая идентичность, декларирующая свою принадлежность к культуре этнической группы. Последняя наряду с другими факторами влияет на реальное поведение индивида.

Социальное взаимодействие является фундаментом, на котором возводятся все социальные системы и ни в коей мере не ведет к исчезновению той или иной группы в результате культурных изменений и аккультурации. Культурные различия могут сохраняться вопреки межэтническим контактам и взаимосвязям. Границы между «нами» и «не-нами» возникают путем сравнения, объектом которого могут стать различные признаки. Фиксирование при этом сходства и различия, обобщение результатов влияет на этническую

идентичность и этническую солидарность. Такого рода сравнения возникают не столько на реальных отличиях, сколько на неосознанных представлениях о значимости этих различий, в которых «воображаемая реальность» становится «маркером» как этнической дифференциации, так и консолидации. По мнению специалистов, «чужие» традиции и обычаи вообще заметнее своих собственных, ибо «свои» культурные черточки во многом осознаются как привычный способ существования, в котором они как бы растворяются и поэтому не воспринимаются как нечто особое, отличительное для своего народа.

Жителям Ошской, Джалал-Абадской и Баткенской областей было предложено составить «портрет» кыргызов, оценив положительные и отрицательные черты и качества. Наиболее часто были названы такие качества, как гостеприимство (75,3%), патриотизм (62,7%), уважение старших (55,5%). На порядок реже назывались такие качества, как образованность (22,2%), доброта (21,6%), прилежность (16,8%), дисциплинированность (14,6%). Остальные 3,7% от общего числа опрошенных респондентов дополнили положительную характеристику кыргызов терпеливостью, добродушием, широтой души.

Анализ отрицательных характеристик, присущих кыргызскому народу, показал, что «лень» лидирует по количеству ответов респондентов и составляет 80,9%. На втором и третьем местах оказались «зависть» – 68,2%, «племенные предпочтения/трайбализм» – 41,7% и неустойчивость, что составило 39,4%. Далее следуют такие отрицательные качества, как узость внутреннего мира, бездуховность – 24,8%, инертность – 10,3% от общего числа опрошенных. Остальные 3,5% охарактеризовали кыргызов как индивидуалистов, любителей власти/любителей быть начальниками, продажными, безразличными, безответственными, а также бездельниками и алкоголиками.

Этническая идентичность вписывается в другие множественные идентичности и на уровне личности в большинстве случаев в более-менее спокойной социально-политической обстановке не является доминирующей. Она имеет тенденцию к актуализации в ситуациях конфликтов, особенно насильственных. Но в других случаях она имеет иной вектор, заключающийся в стремлении к сохранению и умножению этнической культуры с учетом ее интеграции в систему общегражданских ценностей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Barth F. (ed.). Ethnic Groups and Bourdaries. The Social Organisation of Cultural Differences. Bergen: Universitaeforlaget, London: Allen and Unwin, 1969.
2. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных

различий. Сборник статей / Под ред. Ф. Барта; пер. с англ. И. Пильщикова. – М.: Новое издательство, 2006.
3. «Кыргызстандыктардынидентттүүлүгүнаныктообоюнчаталдоо: Кыргызстандынтү штүкаймагынынмисалында» аттуусоциологиялыкдолбоор КР Билимберүүжанаили мминистрлигининкаржылоосунда 2012-2013-жылдар аралыгында Ош, Жалал-Абад, Баткен областтарындажүргүзүлдү.
4. Инструкция о порядке приема документов, оформления, выдачи, учета, изготовления паспорта и персонификации общегражданского паспорта гражданина Кыргызской Республики. Утверждена постановлением Правительства Кыргызской Республики от 20 июня 2011 года №332.
5. Молдобаев К.К. Этносоциальная память, идентичность и глобализация. – Бишкек, 2005.
6. De Vos G. Ethnic Pluralism: Conflict and Accommodation // Ethnic Identity: Cultural Continuities and Change. Chicago, 1982.

Антонович И.В.

ОКАЗАНИЕ ПОМОЩИ БЕЖЕНЦАМ И ПЕРЕСЕЛЕНЦАМ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Трансграничное сотрудничество – это средство, посредством которого власти регионов либо территориальные органы самоуправления, действуя согласно действующим компетенциям и не нарушая законодательства сотрудничающих стран, объединяют свои силы с целью решения существующих для себя проблем, несмотря на разделение их государственными границами.

Распад СССР, образование суверенных государств, возникновение локальных вооруженных конфликтов явились переломным моментом в развитии миграционных процессов, происходящих на территории России и СНГ. Россия столкнулась с проблемой миграции. Возникла острая необходимость решения сложных вопросов гражданства и обеспечения прав людей. Вопросы, связанные с оказанием помощи беженцам, с организацией процесса добровольного переселения из опасных или перенасыщенных районов, приобретают большое экономическое и социальной значение.

Стихийные миграционные процессы создают одну из сложнейших государственных проблем в России. Сотни тысяч вынужденных мигрантов нуждаются в материальной и финансовой помощи, объемы которой превышают нынешние социально-экономические возможности государства и отдельных регионов, а условия, в которых экономически активная часть переселенцев могла бы заняться самообеспечением, практически отсутствуют.

Противоречия возникают и при выборе нового места жительства: интересы вынужденных мигрантов и интересы государства в целом, регионов и местных органов власти часто не совпадают. Это огромная социальная, политическая и гуманитарная проблема, требующая особых ресурсов и квалификации для ее разрешения или, по меньшей мере, облегчения положения пострадавших.

Беженцы и вынужденные переселенцы – это люди, вынужденные в силу каких-либо обстоятельств политического, военного, религиозного характера покидать место постоянного жительства и искать приют на территории другого государства либо на территории своего государства, но в иной его части [1]. Проблема беженцев и вынужденных переселенцев имеет международный характер. В настоящее время проблемы миграции населения в форме беженцев и переселенцев для нашей страны приобрели большое значение. Помочь решению данных проблем может достаточно богатый опыт, накопленный в России в XIX и начале XX вв.

В России государственная миграционная политика всегда играла очень важную роль. До крестьянской реформы 1861 года регулирование миграции в России ограничивалось административно-организационными мерами. Сама миграция осуществлялась в форме вольно-народного переселения, правительственной или помещичьей колонизации. При этом миграционная (колонизационная) политика решала как политические, так и экономические задачи. Переселенческое движение регламентировалось рядом Высочайших Императорских Указов, а также специальными переселенческими законами.

После отмены крепостного права потребовалось 20 лет, чтобы Правительство осознало необходимость регулирования переселенческого движения в России. В 1881 г. было утверждено Положение «Об установлении временных правил о переселении крестьян на свободные казенные земли», которое сдерживало переселение. Новый закон о переселении, утвержденный в 1889 году, вводил ряд льгот (по арендным платежам, исполнению воинской повинности, получению ссуд). Закон не был опубликован, и это отрицательно сказалось на переселенческом движении. В то время потребность в переселении была столь велика, что за ним не поспевало ни землеотводное дело, ни ссудная помощь.

После строительства Сибирской железной дороги политика Правительства на переселенческое движение изменилась. В 1893 году был утвержден Комитет Сибирской железной дороги, обеспечивающий регулирование переселения. Система предоставляемых льгот и пособий была расширена. Выдавались разнообразные ссуды: путевые, на хозяйственное устройство, на посев; осуществлялся безвозмездный отпуск лесоматериалов на возведение усадебных построек. Эта система льгот распространялась не только на регламентированные переселения, но и на вольных переселенцев. Размер

предоставляемой помощи дифференцировался по территориям и осуществлялся в размере выявленной необходимости. Правительство активно занималось организационными проблемами: велась работа по улучшению перевозки переселенцев, подготовке участков для расселения.

В 1904 году принимается Закон, в основу которого был положен принцип свободы переселения. Он обеспечивал получение содействия со стороны Правительства только для выходцев из определенных местностей, откуда переселение признавалось желательным, либо для направляющихся в район, определенный для переселения. Желающим воспользоваться государственным содействием в переселении устанавливалась обязательность ходачества (для выбора земельного участка). Было образовано специальное Переселенческое Управление, которому вменялось выполнение закона. Последующие изменения в регулировании правительством вопросов переселения расширили и уточнили систему государственных льгот. Были организованы склады продукции (сельскохозяйственной, лесной) для оказания помощи переселенцам, велись работы по расширению дорожной сети, по исследованию новых территорий. Главной задачей переселенческой политики тех лет становится «не выселение трудовых масс с Родины, а заселение окраин русскими людьми».

Война 1914 года и последовавшие за ней революционные потрясения нарушили все планы. Процесс организованного переселения практически прекратился, не стали предоставляться кредиты, были свернуты землеустроительные работы.

Реальный практический и юридический опыт по работе с данной категорией населения имеется с периода Первой мировой войны. После начала мировой войны 1914 года Российская империя столкнулась с проблемами массовой миграций населения из районов военных действий. Первоначально эти вопросы решались в рамках существующего законодательства силами действующих благотворительных организаций и соответствующих органов государственной администрации. Затем была предпринята разработка специального законодательства, воплотившаяся в Законе об обеспечении нужд беженцев от 30 августа 1915 года [6, с. 34].

Этот закон действовал на протяжении всей войны, и многие его положения имеют значительный интерес для сегодняшнего дня. Основные положения Закона об обеспечении нужд беженцев:

1. Беженцами признавались лица, покинувшие местности, которым угрожал неприятель, либо выселенные из районов военных действий по приказу властей.

2. Заботы по обеспечению материальных и духовных нужд беженцев возлагались на Министерство внутренних дел, Главноуполномоченных по делам беженцев и на местные комитеты.

3. Оказание временной помощи беженцам возлагалось на комитет Великой Княжны Татьяны Николаевны, который действовал на основе особого Высочайшего указания.

4. Лицам и учреждениям, на которых была возложена забота о беженцах, предоставлялось право приглашать к сотрудничеству общественные и частные объединения.

5. Успешному выполнению мероприятий по обеспечению нужд беженцев обязаны были содействовать все ведомственные учреждения и должностные лица.

В данном законодательстве достаточно чётко определялось понятие «беженец».

Интересно введение должности Главноуправляющих по делам беженцев, которые осуществляли контроль за выселением беженцев из районов военных действий и отвечали за положение в полосе действий командования того или иного фронта.

Весьма важным и актуальным для сегодняшнего времени можно считать введение специального государственного органа с широкими полномочиями – Особого совещания. Очень важно, что оно было независимо от других органов государственной власти. Достаточно примечателен и принцип Комплектования состава данного органа. Согласно законодательному уложению в состав Особого совещания входили: руководитель, 7 членов, избираемых от ГосСовета и ГосДумы, представители от военного министерства, МВД, Министерства иностранных дел, финансов, Народного просвещения, Путей сообщения, Торговли и промышленности, и от Главного управления землеустройства и земледелия, члены Красного Креста, Главноуправляющий по устройству беженцев, представители Всероссийского земского и городского созывов. Таким образом, в него вошли представители государственной власти, причём в лице всех министерств, которые имели отношение к проблеме беженцев, представители законодательной власти, избранные соответствующими палатами, и представители наиболее влиятельных общественных организаций [4, с. 45].

Такой комплексный подход к формированию высшего государственного органа заботы о беженцах был вполне оправдан и с определёнными модификациями может быть использован и в нынешних условиях.

Вопросы, которые решались Особым совещанием, заключались в следующем:

1. Общее распределение кредитов, отпускаемых на нужды беженцев.

2. Заботы об упорядочении дела размещения беженцев, их регистрации, передвижения их в места временного проживания, возвращение их в места постоянного проживания, оказание им помощи в восстановлении хозяйства.

3. Вопросы, связанные с возмещением убытков беженцев, прежде всего, в плане отработки процедуры и организационной структуры.

4. Оказание ссудной помощи.

5. Вопросы, относящиеся к устройству школ, курсов, кружков для беженцев, их детей.

6. Организация сношений с родными посредством МИД.

Из вышеперечисленного видно, что в задачи Особого совещания включались практически все вопросы обеспечения беженцев. В тоже время существовал ряд недостатков:

1. Не было права контроля за исполнением своих решений и контроля за постановкой дела с беженцами в отдельные местности.

2. Главноуполномоченные по делам беженцев на фронтах были вне сферы влияния совещания, что снижало его эффективность и нарушало координацию действий в масштабах всей страны.

3. Руководствуясь идеей борьбы с бюрократизацией, Особое совещание было лишено исполнительного аппарата. Не было возможности обобщить предложения членов Особого совещания.

4. Срывались сроки утверждения кредитов и поступления их на места.

В результате беженцы месяцами не получали денежного довольствия и продовольственных пайков. Так, например, Екатеринославское земство сообщало, что многие попечительства вследствие непоступления кредитов уже по два месяца не выдают беженцам пайков и денег. В ряде мест беженцы разбирают у крестьян плетни и используют их для отопления. Недовольство беженцев, угрожавшее общественному спокойствию, представляло существенный фактор в общественно-политической обстановке в стране. К моменту революции их было свыше 5 миллионов человек. Особенным недостатком было то обстоятельство, что из-за неэффективной организации работы Особого совещания так и не удалось выработать действенную программу помощи беженцам [8, с. 36].

Главные комитеты Земского и Городского созывов не стали дожидаться решений Особого совещания реализовать часть программ. Они при поддержке союза Городов в Петрограде 5 октября 1915 года создают Всероссийское общество Попечения о беженцах.

Главные комитеты Земского и Городского союзов предлагали:

1. Выработать общий эвакуационный план с учетом возможностей железной дороги и возможностей губерний принять беженцев.

2. Создать единую систему регистрации беженцев и Центральное адресное бюро для разыскивания потерявшихся.

3. Организовать для беженцев Всероссийское бюро трудоустройства.

4. Создать во всех местах скопления беженцев специальные бюро, предоставляющие юридические услуги.

За год было открыто: 39 школ, 59 приютов для детей, 17 убежищ для престарелых беженцев, 7 питательных пунктов, 7 справочных контор по трудоустройству, 27 ремесленных мастерских.

При этом следует отметить, что авторы указанных предложений пытались, не дожидаясь решений Особого совещания, реализовывать часть их через общественные организации.

Была попытка организовать помощь через общенациональную общественную организацию. Речь идет о «Комитете Ее Императорского Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий». Полугосударственный характер подобной организации проистекал уже из самой личности её формального руководителя – дочери царя.

В задачи Комитета входило:

1. Оказание единовременной материальной помощи беженцам.

2. Содействие отправлению их на родину.

3. Приискание занятий для трудоспособных беженцев.

4. Содействие помещению в приюты нетрудоспособных.

5. Выдача пособий благотворительным учреждениям, которые помещают у себя беженцев.

6. Создание собственных учреждений для помещения нетрудоспособных.

7. Содействие получению беженцами пособий.

8. Прием пожертвований и их сбор.

Средства Комитета складывались из средств государства и пожертвований. Комитет не принимал на себя обязанности по обеспечению населения продовольствием, не возмещал непосредственно убытки от потери беженцами хозяйств и имущества. Все эти обязанности лежали по закону на государстве. Здесь мы видим достаточно рациональное разделение обязанностей общественной организации и государства [2, с. 16].

Подобия таких обществ организовывались по всей стране. В некоторых местах, например Виленской и Ковенской губерниях, они носили название обывательских комитетов. Права и обязанности комитетов определялись следующим образом: собирать сведения о нуждах беженцев и населения, состоящего в соприкосновении с ними, о лицах, лишённых средств к существованию, нуждающихся в трудоустройстве, оказывать помощь посредством организации работ, санитарных мероприятий, устройством дешёвых столовых, чайных, убежищ, приютов, госпиталей.

Политика империи, в отношении беженцев, имела один серьезный просчет, а именно – не организовывала расселение беженцев из мест их скопления в малозаселенные районы для поселения их на свободных землях.

Переселенческая политика в России началась в начале XX века. По-

литика правительства сводилась к тому, чтобы способствовать переселению крестьян из малоземельных губерний в Сибирь и другие малонаселённые районы. 6 июля 1904 года был взят курс на переселенческую политику. Закон от 6 июля 1904 года подразумевал относительную свободу от запретительных и ограничительных мер и провозглашал стремление установить такой порядок, «при котором никому не возбраняется на свой счёт и риск переселяться в свободно избранные местности». Государственная помощь оказывалась только таким переселенцам, выселение которых представлялось желательным правительству. Этот принцип поощрения переселения исходил из интересов государства. Помимо помощи в виде ссуд переселенцам, поощряемым государством, предоставлялись различные льготы, освобождение на несколько лет от налогов, продажа по льготным ценам, либо льготная аренда инвентаря. Подобные льготы могли бы привлечь многих и в настоящее время.

Интересно был организован и процесс подбора потенциальными переселенцами земельных участков. В Сибири специальные землеустроительные команды проводили, каждая в своём районе, работы по поиску свободных земель, пригодных для населения. В случае необходимости проводили на них мелиоративные работы. Семьи или группы семей потенциальных переселенцев выделяли из своей среды ходока, который, получив от властей определённое пособие, ехал в Сибирь и осматривал данные участки. В случае, если участок подходил ему, он выписывал на него свидетельство и возвращался домой.

В целом это была отработанная и достаточно эффективная система.

После февраля 1917 г. были закрыты или реорганизованы императорские и правительственные благотворительные учреждения и ведомства.

С октября 1917 года, в отличие от переселенческой политики прежних лет (допускавшей свободное переселение из любых местностей и участие самого переселяющегося в расходах и риске переселения), закон о социализации земли возлагал на государство регулирование переселенцев, оставляя за последними только выполнение плана. Так была произведена «национализация» переселенческого процесса.

Советская власть, в соответствии с циркуляром по Переселенческому Управлению от 06.03.1918 года №1, призывала советы к удержанию крестьян от переселений, к направлению их внимания на расселение внутри Европейской России.

С введением Новой экономической политики (НЭП) создались предпосылки для организации колонизационных мероприятий в новой трактовке. Ряд статей Земельного Кодекса, принятого в октябре 1922 года, были посвящены вопросу об открытии планового переселения. Кодекс устанавливал возможность предоставления государственных льгот плановым и внеплановым переселенцам, которые с разрешения переселенческих организаций поселялись на колонизуемых землях. Народному комиссариату земледелия РСФСР, ведающему переселением в пределах России, поручалось провести мероприятия для организации Колонизационного фонда. Земплану было поручено включать в сметы средства на хозяйственное устройство переселенцев. Постановлением ЦИК и СНК Союза СССР от 10 сентября 1926 года «О льготах крестьянскому населению по землеустройству и переселению» предусматривалось, что расходы по землеустройству беднейшей части крестьянского населения будут осуществляться за счет государства. Этим Постановлением вводились льготный переселенческий тариф, долгосрочный льготный кредит (до 8 лет) на землеустроительные работы, а также льготы переселенцам по обложению единым сельскохозяйственным налогом. Право пользования льготами предоставлялось только расселяющимся в соответствии с планами переселения и землеустройства, ежегодно устанавливаемыми декретом ВЦИК и СНК РСФСР.

Коллективизация внесла в переселенческий процесс важное нововведение: Советское правительство предоставляло ряд преимуществ членам переселенческих колхозов перед индивидуальными переселенцами. Со второй половины 1929 года льготное переселение крестьян-единоличников было отменено, государство принимало на свой бюджет только колхозное переселение. Системы льгот, применяемые Советской властью, были достаточно дифференцированы. Например, для Дальнего Востока в 20-е годы размеры ссудной помощи дифференцировались в зависимости от отнесения территории края к «обжитой», «полуобжитой» и «необжитой». Впоследствии все осваиваемые местности страны были разделены на два пояса в зависимости от удаленности от центра страны и условий работы.

Послевоенное восстановление народного хозяйства, требовавшее концентрации усилий огромных масс трудящихся и эффективного использования рабочих рук, обусловило усиление организованных форм переселения, достигших в этот период своего пика. Формы организованного переселения включали: организованный набор рабочих, сельскохозяйственное переселение семей, общественные призывы молодежи, перевод на работу в другую местность – переселения имели четко выраженный трудовой характер.

Административные мероприятия регулирования миграционных процессов сопровождались мерами стимулирования. Они осуществлялись посредством системы льгот материального и нематериального характера. В послевоенный период, особенно в первые годы, льготы сыграли определенную роль в перераспределении населения в малообжитые районы, в районы активного промышленного освоения и восстановления разрушенного хозяйства. В то же время сила воздействия льгот на миграционные процессы не была постоянной, а менялась в зависимости от времени и места действия.

Значительные льготы предоставлялись переселяющимся в районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности.

В 20-30-е гг. XX в. процесс создания международной организации, способной реагировать на проблемы беженцев и управлять их решением, шел медленно; ко времени начала второй мировой войны международному сообществу так и не удалось создать сеть учреждений и систему законодательных актов для того, чтобы глобальным образом решать проблемы беженцев. Только массовое беженство в годы второй мировой войны заставило международное сообщество законодательно разрабатывать эту проблему. В 1951 г. было учреждено Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ ООН) и была принята Конвенция Организации Объединенных Наций, касающаяся статуса беженцев. Впервые были созданы официальные международные структуры для реагирования на нужды беженцев и учреждены нормы для защиты беженцев в соответствии с нормами международного права. В соответствии с этими нормами, основную ответственность за защиту беженцев и оказание им помощи несут те государства, которые предоставляют убежище и в которых ищут защиты беженцы. УВКБ ООН играет важную роль международного посредника, призванного содействовать соблюдению государствами Конвенции и контролировать этот процесс, уполномочивая их предоставлять беженцам надлежащую защиту на своей территории.

Исторический опыт, накопленный Россией, в решении проблем беженцев вполне заслуживает тщательного изучения с выявлением тех форм и методов, которые могут быть использованы в наше время.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Закон Российской Федерации «О вынужденных переселенцах» (Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1993, №12, ст. 427).
2. Иванова Н.М. Милосердие и благотворительность в годы Первой мировой войны. 1914-1917 гг. (На материалах Петрограда): Автореф. дисс. канд. ист. н. – СПб., 2002.
3. Исторический опыт социальной работы в России. Под. ред. Бадя Л.В. – М., 1994. – 255 с.
4. Кустов Н.И. Краткие очерки о деятельности национальных и благотворительных организаций, оказывающих помощь беженцам в Москве. – М., 1917.
5. Лаврентьев М.В., Хасин В.В. Миграционные процессы в России в годы первой мировой войны. // Военно-исторические исследования в Поволжье. – Вып. 2. – Саратов, 1997. – С. 139-150.
6. Лахарева Н.В. Судьба беженцев Первой мировой войны в советской России (на примере Курской губернии): Автореф. дисс. канд. ист. н. – Курск, 1999.
7. Фирсов М.В. История социальной работы в России. Учебное пособие. – М., 1998. – С. 118.
8. Щепкин М.М. Беженцы и организация помощи им в связи с работами Особого совещания. – М., 1916.

Артюхина В.А.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОТЕСТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ[1]

Регулирование (от латинского regulare – подчинять правилу) предполагает деятельность по установлению определенного порядка, упорядочивание, необходимое для правильного взаимодействия частей регулируемого объекта. Регулирование протестного поведения населения представляет собой систему мер по воздействию на субъекты протеста с целью упорядочивания их взаимодействия.

Основная задача регулирования протестного поведения населения состоит в его оптимизации, понимаемой как деятельность по сокращению деструктивных и увеличению конструктивных последствий акций социального протеста. В соответствии с конфликтологической парадигмой, выступающей методологической основой рассмотрения феномена социального протеста в данной работе, любая протестная акция несет за собой как конструктивные, так и деструктивные последствия.

Деструктивные последствия любого конфликта проявляются, прежде всего, в физическом уничтожении конфликтерами друг друга. Нерегулируемые акции социального протеста могут привести к жертвам как среди непосредственных участников конфликта – протестантов, представителей силовых структур и органов власти, так и среди людей, не являющихся оппонентами в конфликте, в рамках которого проводятся акции протеста, – наблюдатели, представители СМИ и т.п. Современность, к сожалению, изобилует примерами деструктивных акций протеста, жертвами которых становятся как непосредственные участники, так и обыватели, наблюдающие за событиями.

Результаты событий 3-4 октября 1993 года в Москве представляют собой яркий пример деструктивных последствий протестных акций. Противостояние двух ветвей государственной власти – исполнительной и законодательной, привело к жертвам среди мирного населения. 23 февраля 1994 года Государственная дума России объявила политическую амнистию участни-

1. Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта по теме «Мониторинг социального самочувствия и безопасность населения Алтайского края», проект №13-13-22005.

кам тех событий. Но главным итогом явились жертвы как среди защитников Белого Дома, так и среди силовых структур, подавлявших протестную волну. По данным следствия 123 человека были убиты, 384 ранены, вышеописанные события признаны одной из самых страшных трагедий новейшей российской истории.

Другое проявление деструктивности протестных акций – это нанесение ими экономического ущерба. Протестные акции нередко перерастают в уличные беспорядки, для которых характерно увеличение случаев хулиганства и мародерства как среди самих протестующих, так и со стороны сомнительных личностей, пользующихся сложившейся ситуацией.

В качестве примера подобного варианта развития событий можно привести акции социального протеста, произошедшие в августе 2011 года в Лондоне. Акции протеста, носившие изначально мирный характер, в последствие переросли в беспорядки и распространились по Лондону и другим городам Великобритании. Ущерб от массовых беспорядков составил свыше 215 млн. долларов, такие данные обнародовал комитет по внутриполитическим делам Палаты общин британского парламента.

Стихийные протестные акции также способны привнести дестабилизацию в политическую сферу общества. Так, протестные волнения в Ливии в начале 2011 года спровоцировали начало гражданской войны. Во многих странах современности в результате акций протеста населения произошла смена власти, сопровождающаяся в дальнейшем политической нестабильностью в стране. Примером может служить Оранжевая революция на Украине (2004 г.), Тюльпановая революция в Киргизии (2005, 2010 г.).

Было бы неверным полагать, что последствия протестных акций носят только деструктивный характер. На это четко указывают положения конфликтологической парадигмы в социологии. К основному конструктивному последствию любой протестной акции можно отнести возможность налаживания механизма сотрудничества между протестантами и их оппонентами.

Данный постулат приводит нас к мысли о том, что социальный протест не должен восприниматься как механизм борьбы между протестантами и их контрагентами. На первый план должен выдвигаться тезис о возможности решить существующие социальные, экономические, политические проблемы, выступившие источником той или иной протестной акции, путем совместных действий протестантов и их непосредственных оппонентов.

В основу разрешения противоречий, лежащих в истоках любого социального протеста, должна быть положена совместная деятельность протестантов и их оппонентов по разработке и реализации первоочередных мер по решению насущных проблем, выступивших источником протестной акции.

С сожалением следует признать, что в современной России нет эффективного механизма, обязывающего власти, работодателей и других субъ-

ектов, вызывающих социальный протест, реагировать на массовые формы его проявления. Существующие способы стимулирования диалога между протестантами и их оппонентами малоэффективны. Подкрепим сказанное на примере современного механизма регулирования трудовых споров между работниками и работодателями, описанными в Трудовом кодексе РФ.

Основной формой протеста по защите своих прав для работников признается забастовка. Однако механизм подготовки и объявления забастовки, описанный в Трудовом кодексе РФ, сложно осуществим на практике. Сначала должны быть исчерпаны все примирительные процедуры разрешения трудового конфликта – рассмотрение коллективного трудового спора примирительной комиссией, посредником, трудовым арбитражем и т.д. [1]. «В целом, по подсчетам экспертов, длительность всех обязательных предварительных процедур составляет не менее 42 дней» [2, с. 15].

Но, даже преодолев все эти сложности по организации законной забастовки, протестующие работники вполне вероятно не смогут добиться своих целей, ибо Трудовой кодекс не обязывает работодателя идти на встречу требованиям протестантов и обсуждать выдвигаемые требования.

Для того чтобы реализовалась важнейшая конструктивная функция социального протеста – возможность взаимодействия его субъектов с целью разрешения противоречий, лежащих в основе массовых социальных конфликтов, необходимо создание механизма реагирования субъектов, вызывающих протест, на действия протестантов. Такой механизм следует создать и законодательно закрепить на уровне а) федеральных законов, б) регионального и в) муниципального законодательства.

Итак, основой регулирования протестного поведения населения должна выступать оптимизация, под которой необходимо понимать максимизацию конструктивных и минимизацию деструктивных последствий протестных акций. Говоря о конкретных мерах регулирования социального протеста в российском обществе, необходимо выделить ряд основных направлений деятельности по оптимизации последствий акций протеста. К таковым направлениям можно отнести: во-первых, поиск оптимальных способов решения уже сложившихся массовых социальных конфликтов в стадии протестных действий участников, во-вторых, прогнозирование наступления инцидентных стадий массовых социальных конфликтов, в-третьих, профилактику возможных деструктивных последствий протестных акций.

1. Реагирование на происходящие и произошедшие протестные акции. Безответные социальные протесты выступают несомненной угрозой социальной безопасности государственности, общественного устройства, повседневной жизни людей. Игнорируемые протестные акции могут выступить предпосылкой дезинтеграции общества, его институтов и структур. Подобные акции несут в себе угрозу разрушения целостности государства,

роста сепаратистских настроений среди различных групп населения [3].

Реагируя на социальный протест, назревший в обществе, представители государственной власти должны основываться на принципе респонсивности, который А. Этциони определил как организованную способность системы воспринимать воздействие и отзываться на него оптимальным образом [4]. Суть этого принципа заключается в следующем: если система управления (в нашем случае государственная власть) проявляет излишнюю восприимчивость, она оказывается неспособной эффективно вырабатывать и реализовывать собственные решения, потому что вынуждена расходовать ресурсы для того, чтобы гасить возмущения, корректировать собственные решения. В случае чрезмерной ригидности, отстранения от назревших в обществе проблем усиливается масштабность отчуждения подчиненных субъектов, накапливается рассогласование интересов власти и населения, разрушается основа для взаимодоверия и солидарности, в таких условиях протестные акции все чаще носят деструктивный характер и могут привести к социальному взрыву [5].

Подавляющее большинство зарубежных и отечественных теоретиков социологии конфликта и конфликтологического знания утверждают, что любой конфликт в значительной степени легче решить на доинцидентных стадиях его развития [6]. Вследствие этого прогнозирование наступления социальных протестов является важнейшей составляющей регулирования протестного поведения населения.

2. Прогнозирование социальных протестов. Для успешного прогнозирования наступления инцидентных форм массовых социальных конфликтов в виде акций социального протеста необходима информационная база, объективно отражающая социальные процессы в обществе. Подобная база должна составляться на основе:

Во-первых, мониторинга социальной напряженности и конфликтности локальных социумов.

Во-вторых, мониторинга протестных настроений населения.

В-третьих, статистического учета состоявшихся протестных акций. Учет динамики особенностей протестного поведения населения – необходимый инструмент прогнозирования последнего. С сожалением следует признать, что в настоящее время в России нет должной статистки, на основе которой можно было бы делать правдоподобный прогноз развития протестного поведения населения. Существующие способы учета акций социального протеста несовершенны: они не фиксируют всех протестных акций и концентрируются на действиях протестантов, а их контрагенты остаются вне поля зрения.

Несомненно, технологии успешного прогнозирования социальных протестов представляют большую ценность как для научного знания, так и

для практики управления социальными, экономическими, политическими процессами в обществе. Но социальный протест мало спрогнозировать, необходимы профилактические меры по минимизации его деструктивных и максимизации конструктивных последствий.

3. Профилактика деструктивных последствий протестных акций. Любая профилактическая деятельность основывается на использовании превентивных мер, направленных на недопущение отрицательного события. Система мер по профилактике социального протеста не должна ставить перед собой целью полное уничтожение изучаемого феномена. Профилактируя социальный протест, необходимо направлять его в конструктивное русло. Превентивные меры должны быть направлены прежде всего на недопущение деструктивных последствий протестных акций. К таким мерам можно отнести:

1. Стимулирование развития гражданского общества в России.

2. Распространение в СМИ идеи о том, что протест – это нормальное, закономерное явление общественной жизни. К сожалению, сейчас в нашей стране преобладают негативные оценки действий протестантов.

3. Недопущение стихийного протеста. Следует содействовать развитию организационных функций профсоюзов, других органов гражданского общества, нежели отдавать управление протестом экстремистским группам и/или частным лицам, зарабатывающим на протестных акциях.

4. Общественный и государственный контроль за деятельностью организаторов акций социального протеста. Подобный контроль позволит минимизировать случаи спекулятивного протеста, разного рода провокаций, экстремистские призывы на митингах и демонстрациях.

Сложность и многоаспектность деятельности по регулированию протестного поведения населения требует высококвалифицированных специалистов – конфликтологов, социологов, математиков, экономистов, программистов, политологов, психологов и т.п. В настоящий момент остро чувствуется дефицит специалистов в области конфликтологии – междисциплинарной научной дисциплины о сущности социального конфликта. К сожалению, конфликтологическое образование в современной России находится на начальной стадии своего развития. Лишь некоторые вузы готовят квалифицированных специалистов по разрешению конфликтов.

Специалисты-конфликтологи нужны на всех этапах регулирования протестного поведения – и при проведении мониторингов социальной напряженности, и при сборе статистических данных, и при разрешении массовых социальных конфликтов в инцидентной их форме, и при профилактировании деструктивных последствий протестных акций. Без специалистов по разрешению конфликтов в исследовательских центрах, органах власти, общественных организациях невозможно эффективное регулирование протестного поведения населения.

Другой важной проблемой, препятствующей повышению эффективности регулирования социального протеста в обществе, является отсутствие единой теоретико-методологической и методической базы изучения протестного поведения населения. Не решены многие теоретико-методологические вопросы, что затрудняет организацию управления, прогнозирования и профилактирования социальных протестов.

По разумению автора, основой для решения выше охарактеризованной проблемы должна стать конфликтологическая парадигма, разработанная в рамках социологии. Рассмотрение социального протеста как инцидентной стадии массовых социальных конфликтов решает ряд важных теоретических и методологических вопросов: что именно понимать под протестом, какими методами изучать его проявления, как оценивать его последствия и т.п.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/popular/tkrf/. – Загл. с экрана.
2. Козина И.М. Забастовки в современной России / И.М. Козина // СОЦИС, 2009. – №9. – С. 13-24.
3. Растов Ю.Е. Сибирский сепаратизм: социологическая экспертиза современных проявлений: монография / Ю.Е. Растов, Д.И. Щербинин. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. – 168 с.
4. Etzioni A. Mobilization as a macrosociological conceptin // The British Journal of Sociology, 1968. – V.19. – №3.
5. Ядов В.А. Социальная база поддержки реформ и потенциал массового протеста / В.А. Ядов, С.Г. Климова, И.А. Халий и др. // Россия в глобальных процессах: поиски перспективы; отв. ред. М.К. Горшков. – М.: Институт социологии РАН, 2008. – С. 85-102.
6. Сперанский В.И. Управление и самоменеджмент в конфликтных ситуациях / В.И. Сперанский. – М.: Инфра, 2001. – 321 с.

Ахметова Г.М.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ НА ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

Одним из актуальных вопросов для вузов Казахстана становится успешное трудоустройство выпускников, этот показатель влияет на рейтинг университета, его конкурентоспособность и имидж. В вузах разрабатывается целый комплекс мероприятий, начиная от организации ярмарок вакансий, встреч с работодателями, заканчивая созданием филиалов кафедр. Насколько данные мероприятия эффективные, что является главным принципом успешной занятости, не считая высококвалифицированное образование, наличие дополнительных сертификатов и дипломов научных конкурсов у выпускника. Ответ один – востребованность специалистов на рынке труда в момент окончания вуза. Если не провести долгосрочный анализ потребности кадров на ближайшие 5-10 лет, то велика вероятность поиска другого вида деятельности, переквалификация. Большинство выпускников вуза понимают принцип «образование в течение всей жизни» в получении разных специальностей на базе высшего профессионального образования, к сожалению, количество дипломов не переходит в качество.

Между тем постоянный отток трудоспособного населения за пределы области – внешняя миграция, активизация переезда в столичные города, создает дисбаланс в обеспечении кадрами, так называемый «кадровый голод». Все больше уезжает молодежь, выбирая грантовые программы вузов Сибири, анализ мест выхода первокурсников университетов города Усть-Каменогорска показывает преимущество выходцев из сельской местности, постепенно сокращается количество групп с русским языком обучения. Опрос учащихся 10-11 классов города показал, что более 80 % анкетируемых выбирают местом учебы российские вузы. Такая ситуация заставляет искать пути решения проблемы. Если для выпускников технических и медицинских специальностей обучение в вузе другой страны не будет иметь существенного значения, то изучение права, финансов, образовательной системы, политических процессов, исторического развития другой страны, без анализа казахстанской специфики, не принесет пользу будущему нашей страны. В тоже время замкнутое образовательное пространство, «воспроизводство себе подобных» создает стагнацию в процессе развития научных школ, исследовательских центров, формировании личности.

Поэтому необходим постоянный систематический обмен мнениями, идеями, новая волна в исследовании научных проблем, решением может стать развитие академической мобильности ученых-исследователей, преподавателей, студентов и магистрантов. Реализация программы двойных дипломов может позволить квалифицированно готовить специалистов для региона Большого Алтая. Плодотворное сотрудничество преподавателей, выраженное в совместной подготовке вузовских курсов, даст позитивный результат в качественной подготовке специалистов.

В настоящее время ВКГУ имени С. Аманжолова успешно развивает академическую мобильность в следующих формах:

– чтение преподавателями авторских курсов в вузах ближнего зарубежья, причем основной процент поездок приходится на вузы Сибири;

– проведение совместных научных форумов по вопросам приграничного сотрудничества: конференции, семинары, «круглые столы»;

– совместная исследовательская деятельность по истории, экологии, географии и другим наукам, выраженная в проектах и издании совместных монографий;

– стажировки магистрантов в период научно-исследовательской практики;

– организация летних школ и форумов студентов, где наибольшую эффективность показывает деятельность школы «Алтай – наш общий дом».

В 2013 году в рамках Учредительного съезда ВКГУ имени С. Аманжолова подписал Учредительный договор о создании Ассоциации азиатских вузов. В настоящее время университет реализует совместные научные образовательные исследования с более чем 25 вузами России, Китая и Монголии.

В работе школы «Алтай – наш общий дом» принимают участие студенты и магистранты вузов приграничных территорий. Будущих международников, историков, географов, экономистов, экологов объединяет общий научный интерес к настоящему и будущему Большого Алтая.

Учеными Университета в рамках созданного в 2013 году научно-исследовательского центра «Алтайтану» ведутся работы по проекту «Юго-Западный Алтай во второй половине XVIII-XIX веков». В рамках которго проведены этнографические полевые экспедиции по Восточно-Казахстанской области, Алтайскому округу и СУАР (КНР), исследования в архивах Казахстана, Узбекистана, России, издано справочно-библиографическое пособие «Исследователи Юго-Западного Алтая и Казахстана», организована Международная научно-практическая конференция «Социальные практики в трансимперском пространстве».

Учебно-научно-исследовательским центром экологии разрабатывается проект «Экологические проблемы и устойчивое водопользование населения в трансграничном бассейне р. Ертис (Иртыш) Республики Казахстан и Российской Федерации».

Международный форум «Алтай – золотая колыбель тюркского мира», проведенный акиматом ВКО и ВКГУ имени С. Аманжолова, рекомендовал подготовить к изданию «Красную книгу животных и растений Восточного Казахстана». Публикация «Красной книги» послужит основанием для обновления материалов «Красной книги» Казахстана, которая в свою очередь может стать частью проекта «Атлас Большого Алтая», разработка которого предполагает изучение истории, культуры, природы Большого Алтая с участием в коллективе исполнителей представителей всех государств, расположенных в пределах Алтая. Уникальность атласа предопределяется, исходя из концептуальных положений, лежащих в его основе, и оригинальной тематической структуры. Атлас предназначен для широкого круга пользователей, а также применения в управленческой, хозяйственной, научной, образовательной и общественной деятельности.

Студенты университетов принимают активное участие в молодежных проектах по приграничному сотрудничеству. Так, за последние 3 года студенты вузов Усть-Каменогорска, Барнаула, Горно-Алтайска, западных университетов Китая провели встречи в рамках конференций, интеллектуальных игр по модели ООН, в период работы летних школ молодежного актива.

Еще одним приоритетным направлением ВКГУ имени С. Аманжолова стало открытие научных центров в приграничных вузах. Так, успешно функционируют Центры языка и культуры в Усть-Каменогорске и Барнауле, действует центр Абая в Илийском государственном педагогическом университете, на стадии открытия центр Конфуция в нашем вузе.

Студенты, магистранты и преподаватели университета принимают участие в международных программах академического обмена. Обучение по программам академической мобильности наши студенты в основном проходят в вузах Китая, ежегодно около 70 магистрантов ВКГУ проходят научную стажировку в университетах России и Китая. Образовательные программы ВКГУ привлекают иностранных студентов, на сегодняшний день обучается 300 студентов из Монголии, Китая, России и Узбекистана.

Сложностью для реализации образовательных проектов являются различия в государственных стандартах образования разных стран, требует дальнейшей работы гармонизация учебных планов, создание и расширение новых возможностей сотрудничества для студентов и преподавателей. Так, например, студенты специальностей «Иностранный язык» и «Международные отношения» нуждаются в языковой практике, студенты специальностей «История» и «География» – в летних полевых исследованиях.

С вузами приграничья можно было проработать вопрос об обменных программах в период летних каникул студентов с целью ознакомления с историей и культурой стран. Также долгосрочную перспективу имеет организация совместных археологических, этнографических, картографических и других учебных практик. Представляет интерес соруководство дипломными и магистерскими проектами преподавателей двух вузов, на этой основе можно будет издать совместные учебники, разработать электронные обучающие программы, подготовить монографии.

Таким образом, для развития академической мобильности в приграничных регионах необходимо выполнение следующих задач:

– формирование информационной базы о совместных проектах университетов с зарубежными партнерами, стипендиальных программах и грантах поддержки академической мобильности студентов, магистрантов, преподавателей и сотрудников университета;

– разработка пошаговой программы действия, включающей информирование, отбор кандидатов, оформление необходимого пакета документов, согласование условий обучения или научно-исследовательской стажировки;

– создание условий для приезжих студентов и преподавателей, соразмерно с их запросами.

В настоящее время наиболее распространенными типами мобильности студентов по периоду пребывания за рубежом стала горизонтальная мобильность (краткосрочное пребывание по обмену), по типу организации учебного процесса – мобильность студентов, участвующих в определенных программах (договоров между вузами).

В университете получила развитие внешняя мобильность, реализуемая как индивидуально, по инициативе кандидатов, так и групповая, финансируемая МОН РК. Так, в 2013-2014 учебном году в других вузах по академической мобильности обучались 54 студента, из них 32 в зарубежных университетах. Такая тенденция характерна для большинства вузов страны. Так, мониторинг, проведенный МОН РК, показал, что академическая мобильность студентов бакалавриата составляет 0,7% от общего числа студентов, магистрантов – 22,0% и докторантов – 32,0%, из них на внутреннюю мобильность приходится соответственно студентов бакалавриата 0,3%, магистрантов – 6,0%, докторантов – 5,0%.

То есть 79% студентов, 78% магистрантов, 85% докторантов предпочитают обучаться в зарубежных вузах. Анализ географии выезда, форм и видов мобильности может выявить проблемные аспекты и дать возможность для развития международного сотрудничества.

В первую очередь обратимся к понятийному аппарату. Согласно стратегии академической мобильности в республике Казахстан на 2012-2020 годы, под академической мобильностью подразумевается перемещение обучающихся или преподавателей-исследователей на определенный академический период (включая прохождение учебной или производственной практики), как правило, семестр или учебный год, в другое высшее учебное заведение (внутри страны или за рубежом) для обучения или проведения исследований, с обязательным перезачетом в установленном порядке освоенных образовательных программ в виде кредитов в своем вузе. При осуществлении программы академической мобильности главным элементом является академическое признание вузом документа об успешном завершении обучения по образовательной программе со сдачей соответствующих экзаменов.

Анализ нормативных документов вызывает ряд вопросов, таких как осуществление мобильности степени (в части признания МОН РК – нострификация диплома), оценка обратной мобильности. Поэтому нерешенных аспектов проблемы достаточно, необходим анализ ситуации и определение направлений деятельности университета по реализации академической мобильности.

В настоящее время для активизации академической мобильности необходимо решить вопросы с финансированием, языковой подготовкой претендентов, сопоставить содержание и уровень программ, определить единую систему перевода и накопления кредитов.

В программу минимум включаются такие аспекты, как активизация внутренней мобильности; обеспечение качества внешней мобильности; обеспечение качества пребывания иностранных преподавателей, исследователей и студентов в Казахстане. Не менее важной задачей является реализация принципов полиязычного образования, при котором наряду с изучением языков пристальное внимание необходимо уделить раскрытию культуры, менталитета других стран.

Актуальной задачей для вузов становится расширение прямых связей вузов с зарубежными университетами-партнерами и международными организациями. Формами сотрудничества могут быть реализация совместных исследовательских программ, разработка гибких образовательных программ, ориентированных на трудоустройство, так как по блоку гуманитарных специальностей могут возникнуть вопросы, связанные с разной нормативной базой для юристов, экономистов, политологов.

В настоящее время кафедры пополняют базу данных «приглашенный профессор», реализуют долгосрочные стажировки преподавателей в зарубежные вузы, продолжается практика чтения специальных курсов на иностранных языках. Между тем предлагаемые кафедрами образовательные программы, в основном дублируя содержание ГОСО специальностей за исключением элективных дисциплин, не вызывают интереса обучающихся других университетов. Преподавателям кафедр необходима разработка авторских курсов, отражающих научные интересы или результаты научных изысканий разработчиков и представляющих теоретическую и практическую значимость для подготовки специалистов. Более 20% преподавателей и сотрудников университета посетили вузы зарубежья с целью стажировки, чтения лекций, прохождения научной стажировки и участия в конференциях. Низкий уровень академической мобильности приводит к тому, что преподавательские кадры проводят научные исследования автономно, темы их относятся к конкретным университетам и мало актуальны в мировой научной среде. Тем более что уровень владения английским языком среди студентов и преподавателей не возможно увеличить в разы только за счет международной активности (публикации в ведущих мировых журналах, участие в международных научных конференциях).

Исключение взаиморасчётов между вузами в процессе академического обмена студентами может быть обеспечено в случае одинакового количества от принимающей и отправляющей сторон, однако объем кредитов в типовых учебных планах страны может не совпадать с объемов часов в принимающем вузе. Сравнительный анализ по конкретной специальности

показывает разницу в количестве учебных недель и выделяемом объеме часов, поэтому интеграция учебных планов требует пристального внимания с целью приведения их в соответствие с нормативными документами.

Формами привлечения студентов по программам мобильности являются информационные семинары, сессии по грантовым и обменным программам, актуализация страницы на сайте университета, организация методических семинаров по оформлению документации, тренингов для студентов по адаптации в новых условиях.

В данном случае отметим, что выезжающие студенты испытывают объективные трудности – другая языковая среда, некомфортные условия проживания, длительный процесс социокультурной адаптации, отсутствие информационной поддержки. Поэтому, прежде чем отправлять студентов в другой вуз, необходимо рассмотреть весь комплекс вопросов: транспортные трудности, место проживания, страховки, регистрация в библиотеке, ответственность, порядочность и самостоятельность студентов, умение пользоваться информационными ресурсами, коммуникабельность, финансовую обеспеченность, моральную устойчивость, патриотизм.

В настоящее время в университете на основе договоров с зарубежным вузом, получения сертификата-приглашения, реализуется выезд студентов в течение семестра на грантовой или самофинансированной базе. Также студенты выезжают во время каникул, как по образовательным программам, так и в форме частной поездки для языковой стажировки. Групповая академическая мобильность реализована по трем направлениям: через МОН РК (выезд в Польшу), программу Эразмундус Мундус, договор обмена студентами (Корея).

Распространенными формами академической мобильности являются также языковые стажировки, участие в работе летних школ, проведение производственной практики, включенное обучение в зарубежном вузе. На факультете истории, международных отношений и права в магистратуре зарубежных вузов обучаются десятки выпускников специальности «Международные отношения» по программе вертикальной мобильности. За прошлый учебный год прошли языковую стажировку в других вузах 12 студентов, из них 5 по грантовой программе, три студентки выиграли конкурс по программе ДААД и съездили в Германию. Участие в работе международных летних школ приняли 5 студентов факультета, 7 студентов выезжали в форме частных поездок для повышения уровня языка (Малайзия, США, Индия).

Для развития академической мобильности необходимо:

– инициирование заключения и администрирования существующих договоров с зарубежными вузами (поиск партнеров и составление протокола намерения);

– поиск индивидуальных и коллективных грантов, помощь в оформлении заявок на гранты;

– презентация авторских курсов наших профессоров для привлечения студентов Казахстана и зарубежья в период летнего семестра;

– проведение адаптационной программы для иностранных студентов;

– соотнесение учебных планов университета с учебными планами зарубежных вузов, согласование учебных планов, в том числе определение механизма проведения итоговой аттестации и сопоставления получаемых квалификаций;

– утверждение сроков приезда/отъезда студентов и преподавателей, оформление визовых документов, подписание дополнительных соглашений: страховка, плата за жилье, библиотеку;

–координирование программ двухдипломного образования (2+2, 1+1);

– актуализация базы данных зарубежных профессоров;

– презентация обменных программ для выезда на семестровое обучение и программ поддержки мобильности;

– поиск грантодателей для обучения студентов и магистрантов в зарубежных вузах;

– определение перечня образовательных программ внутренней мобильности для определения финансовых издержек вузов. Так как годовое обучение студентов, обучающихся на договорной основе, варьируется.

В современных условиях становится все более очевидным, что национальные системы высшего образования не могут развиваться вне глобальных процессов и тенденций, вне запросов мирового рынка труда, в этой связи академическая мобильность должна найти свою нишу в образовательном пространстве.

Анализ трудоустройства выпускников ВКГУ имени С. Аманжолова показывает, что по итогам 2012-2013 учебного года работают по специальности 84,7% выпускников. Основными сферами деятельности являются: сфера образования (56%), экономическая отрасль (11%), юридический сектор (6%). География трудоустройства показывает, что ежегодно 5-6% выпускников выезжают за пределы области, в том числе за пределы страны.

В то же время маркетинговые расчеты показали, что потребность рынка труда Восточного Казахстана в среднем до 2020 года составляет 500 специалистов аграрного, 2800 – педагогического, 1200 – технического и 800 – экономического, 500 – юридического направления. При этом на сегодня доля Университета на рынке образовательных услуг составляет: по подготовке кадров педагогических специальностей более 65%, технических – 40%, экономических – 50%, юридических – 50%, аграрных – 30%.

В этой связи наиболее актуальным вопросом становится долгосрочное прогнозирование рынка труда, исходя из следующих параметров:

– анализ государственных программ развития экономики страны и

региона;

– мониторинг движения трудовых ресурсов, связанный с миграцией населения за пределы страны, региона;

– рассмотрение трудового потенциала сельского населения, переезжающего в город;

– изучение прикладного значения предлагаемых образовательных программ вузов;

– возможность получения дополнительных знаний через программы взаимодействия с вузами ближнего и дальнего зарубежья.

Исходя из вышеизложенного, рассмотрим, учитывая приграничное положение Восточно-Казахстанской области, тесные связи населения с регионами России в районе Большого Алтая, пути и формы развития совместных образовательных проектов, нацеленных на успешное трудоустройство и кадровую обеспеченность.

При изучении вопроса будем обращаться к вопросам регулирования занятости населения, специфики официальной и неофициальной безработицы, динамики движения рабочей силы на рынке труда. Важно рассмотреть качественные и количественные изменения в различных отраслях трудовой деятельности за последнее десятилетие, систему подготовки специалистов для экономики приграничных стран, противоречие между потребностями экономики в квалифицированных трудовых ресурсах и наличием резервов необученных трудовых ресурсов.

Система образования в каждой конкретной стране связана с ее общественно-культурной средой и производственно-технологической базой множеством сложных функциональных отношений и зависимостей. Согласно Документу ЮНЕСКО, есть три аспекта образовательной деятельности, существенно влияющие на качество высшего образования: высокая академическая квалификация преподавателей и качество образовательных программ; качество подготовки студентов; качество инфраструктуры. Последнее включает всю совокупность условий функционирования образовательных программ, в том числе компьютерные сети и современные библиотеки, наличие современной учебно-лабораторной базы, способной обеспечить экспериментальную, методическую и информационную поддержку учебных программ в тесной связи с научными исследованиями.

Вузам предстоит решить целый ряд сложных задач в условиях масштабной модернизации всей системы профессионального образования и серьезных трансформаций в государственной политике развития высшей школы. Наиважнейший вопрос – подготовка и реализация новых совместных с зарубежными вузами магистерских программ. Детальный анализ реальной ситуации позволит выработать комплекс конкретных мероприятий по развитию магистратуры. Необходимо разрабатывать магистерские программы,

не имеющие аналогов. Только ускоренное развитие системы магистерской подготовки обеспечит существенное конкурентное преимущество университетам.

Большую роль для обеспечения квалифицированными кадрами сыграет адресная подготовка специалистов, как через целевую программу подготовки студентов по грантам промышленных предприятий и учреждений, так и развитие дуальной системы обучения, при которой на старших курсах студенты будут проходить практическую подготовку по специальности. Для развития научного потенциала выпускников можно предложить реализацию двухдипломного образования с вузами ближнего зарубежья. Развитие программы двойного диплома возможно при подписании необходимых документов о признании квалификации и проведении совместной государственной аттестации.

Конкурентными преимуществами вуза по результатам социологических опросов стратегических партнеров являются: высококвалифицированный преподавательский состав, конкурентоспособное качество образовательных услуг, систематическое повышение квалификации преподавателей и сотрудников, развитые международные связи, весомый научный потенциал ученых. В разработке и модернизации образовательных программ должны быть максимально задействованы работодатели.

При осуществлении деятельности кафедр, реализующих программы академической мобильности, необходимо разработать конкретные индикаторы для сравнительного анализа и прогноза динамики процессов. Кафедрам необходимо конкретизировать цели в области качества, исходя из специфики, отражать абсолютные цифры по всем направлениям деятельности. Результаты мониторинга должны стать основой разработки и реализации комплекса мер по совершенствованию деятельности структурных подразделений по всем её направлениям. Так, можно предложить следующие индикаторы оценки учебной деятельности:

Таблица 1

Параметры оценки учебной деятельности кафедр

Параметр	Средний показатель
успеваемость и качество знаний студентов по результатам учебного года	90%, 75%

качество знания выпускников при итоговой государственной аттестации	75%
доля магистрантов в общем количестве выпускников бакалавриата очной формы обучения	не менее 20%
доля штатных преподавателей	не менее 85%
доля остепененных штатных преподавателей	не менее 50%
доля студентов, выехавших по программам академической мобильности, из числа обучающихся по очной форме обучения	не менее 10%
студенты из других вузов, обучающиеся по специальностям кафедр по программам горизонтальной и вертикальной мобильности	не менее 10%
преподаватели, повысившие квалификацию и прошедшую зарубежную стажировку	не менее 10%
средний балл ЕНТ и КТА студентов, принятых по очной форме обучения	75
итоги письменных срезов студентов в период текущей аттестации	не менее 75 баллов

Исходной основой стратегического планирования служит анализ внутреннего состояния дел и внешнего положения организации на рынке труда, на основе которого разрабатываются цели и задачи, направления и перспективы развития кафедры, определяются миссия и философия, строятся конкретные планы практических мероприятий. В период прохождения аккредитации образовательных программ особое внимание необходимо уделить учебно-методической работе, в этом плане можно предложить следующие индикаторы для оценки деятельности.

Таблица 2

Параметры оценки учебно-методической деятельности кафедр

Параметр	Средний показатель
число организованных методических семинаров со стратегическими партнерами, в том числе межвузовских мероприятий	не менее 2-х в год

число организованных межвузовских методических семинаров со странами приграничья	не менее 2-х в год
количество учебников, учебных пособий, электронных образовательных ресурсов на одного преподавателя	не менее 2-х
доля дипломных работ, прошедших публичную защиту	не менее 50%
доля преподавателей, прошедших курсы повышения квалификации по инновационным технологиям обучения	не менее 50%
число филиалов кафедр	не менее 2-х
число предприятий, являющихся базами практик	не менее 10-и
доля дисциплин, предложенных работодателями в каталог элективных дисциплин	не менее 30%
количество полиязычных групп или дисциплин, чтение которых осуществляется на иностранном языке	не менее 2-х
количество специализированных кабинетов на каждую специальность	не менее 4-х
число приглашенных зарубежных профессоров для чтения лекций	не менее 2-х
число преподавателей кафедры, выехавших по программе академической мобильности	не менее 2-х
доля трудоустроенных выпускников бакалавриата и магистратуры	90%, 100%
доля заявок на трудоустройство выпускников в ходе прохождения практик	не менее 20%
доля обновления фонда ученой и научной библиотеки	не менее 10% в год
доля обучающих электронных программ	не менее 20%
число предприятий, финансирующих обучение студентов	не менее 2-х

Президент страны Н.А. Назарбаев, выступая на Форуме ученых Казахстана, отметил, что именно ученые, исследователи, научные работники должны внести самый решающий вклад в развитие Казахстана. Назвав формы, условия финансирования и поддержки ученых, Глава государства определил и слабые стороны состояния науки страны. Это низкая обеспеченность научными кадрами, низкий процент молодых в науке, нулевая доля опубликованных казахстанскими авторами научных работ от всего мирового объема публикаций.

Таким образом, первоочередными задачами по развитию науки на кафедрах выступают: востребованность научной продукции бизнесом; увеличение госзаказа на магистерские и докторские программы; публикация научных разработок в ведущих зарубежных журналах, разработка международных научных исследований.

Анализируя научно-исследовательскую работу на кафедрах, можно констатировать: преподаватели и студенты принимают активное участие в конференциях, организуют мероприятия, стимулирующие научную деятельность, участвуют в конкурсах проектов, выезжают на форумы. В то же время нерешенными проблемами являются: слабое участие в зарубежных научных проектах, недостаточная разработка авторских курсов, низкий процент качественных учебников.

Квалификация преподавателей имеет основополагающее значение для качества предоставляемых образовательных услуг. Ежегодно преподаватели кафедр проходят повышение квалификации, в том числе в зарубежных вузах и НИИ, в то же время приходится свидетельствовать о низком проценте совместных международных проектов, учебников и монографий, написанных в соавторстве с зарубежными коллегами.

Для привлечения студентов к научной деятельности можно практиковать мастер-классы «Методика и техника научного исследования», «Методика и техника оформления выпускных работ», презентацию научных школ, выставку монографий ведущих преподавателей.

Общий научный потенциал кафедры определяется научно-творческими возможностями преподавателей, сотрудников кафедры, а также привлекаемых специалистов из коллективов других вузов. К положительным сторонам организации научной работы на кафедрах можно отнести: установление связи с родственными кафедрами; организацию методологических семинаров; международное сотрудничество кафедр. Для оценки научно-исследовательской и международной деятельности можно предложить следующие параметры.

Таблица 3

Параметры оценки научно-исследовательской и международной деятельности кафедр

Параметр	Показатель
общий объем научных исследований	исходя из специфики кафедр
количество госбюджетных и хоздоговорных проектов	
количество международных проектов	
индивидуальные гранты (в том числе через конкурсы «Лучший преподаватель вуза», «Методист года» и другие), патенты, изобретения, заявки на патентную деятельность	не менее 2-х
количество организованных мероприятий международного и республиканского уровней научной направленности: конференция, семинар, «круглый стол»	не менее 2-х
издание монографий, в том числе совместная издательская деятельность с научными институтами и зарубежными партнерами	не менее 2-х
публикация статей, докладов, тезисов в сборниках международных научных конференций, в журналах, рекомендованных Комитетом	не менее 3-х на преподавателя
публикация статей в журналах с ненулевым импакт-фактором, в рейтинговых журналах международных агентств	не менее 2-х на преподавателя
доля студентов-победителей научных конкурсов	не менее 10%
количество межкафедральных договоров сотрудничества, в том числе с кафедрами зарубежных вузов	не менее 2-х
число научных центров и лабораторий, где ведутся научные разработки преподавателей, магистрантов и студентов	не менее 2-х
количество научных кружков профессиональной направленности	не менее 2-х

Система высшего образования сегодня рассматривается как важнейший институт социализации личности, где обучение и воспитание представляют собой единый процесс, направленный на подготовку высокообразованных, широко эрудированных, культурных, творчески мыслящих специалистов. В студенческие годы молодые люди наиболее активно приобщаются к ценностям культуры, приобретают навыки общественно-политической деятельности, интенсивно расширяют круг общения. Этому способствует особый уклад жизни высшей школы, где существенной чертой является поощрение творчества, инициативы и самодеятельности в поиске оптимальных форм и методов самостоятельного добывания знаний.

Для правильного определения стратегии воспитательного воздействия должен быть четко определен спектр тех проблем, которые имеют место в студенческой среде. При этом надо четко проводить грань между

общими тенденциями личностного становления современной студенческой молодежи и теми проблемными ситуациями, с которыми сталкиваются студенты в условиях конкретного учебного заведения.

Серьезной результативности в воспитательной работе в студенческой среде невозможно добиться без активизации деятельности молодежных организаций, развития здорового образа жизни, организации познавательных мероприятий. Критерием оценки воспитательной работы могут выступать следующие параметры:

– количество студенческих объединений;

– доля студентов, задействованных в молодежных клубах по интересам;

– число студентов, участвующих в летних трудовых отрядах и молодежных акциях;

– число студентов, задействованных в спортивных секциях и творческих студиях;

– количество проведенных воспитательных мероприятий;

– число студентов-участников предметных олимпиад.

Таким образом, стратегия успеха должна включать максимализацию существующих возможностей, минимализацию угрожающих факторов, устранение слабых сторон, использование и развитие сильных сторон, а также превращение угрожающих факторов в возможности.

Повышение статуса вуза требует совершенно другого уровня и объемов научно-исследовательской и инновационной деятельности. В связи с этим необходимо формировать «портфель внешних заказов» в области приоритетных направлений развития не только в стране, но и за ее пределами, уделяя особое внимание приграничным странам.

Одновременно, в целях повышения рейтинга вуза в мировом образовательном пространстве, необходимо привлекать большое количество иностранных студентов, в этом плане можно изучить опыт российских вузов по обучению студентов из КНР.

Насущной необходимостью выступает проработка финансовых механизмов мобильности, таких как грантовые программы зарубежных вузов, обменные программы, программы молодежных обменов по линии правительства зарубежных стран, программы МОН РК. В целях имиджевой работы необходимо проанализировать вопрос о командировании за рубеж лучших студентов за счет вуза.

Таким образом, первоочередными шагами по развитию академической мобильности с приграничными странами должны стать:

– подготовка программ двухдипломного образования «Бакалавриат 2+2», «Магистратура 1+1»;

– утверждение плана по прохождению международных стажировок

преподавателей, путем презентации авторских программ ведущих профессоров кафедр на сайтах университетов;

– проведение онлайн-конференций, видеолекций, организация интеллектуальных игр с приглашением зарубежных студентов;

– разработка совместных научных проектов с вузами России, Китая, Монголии по актуальным исследованиям приграничных территорий;

– практикование краткосрочных периодов обучения за рубежом (летние школы, летний семестр, организация исторического туризма).

Биктимиров Н.М., Габдрахманов Н.К.

РОЛЬ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ ТАТАР НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН В ФОРМИРОВАНИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА

География татарских поселений имеет особенности на территории Республики Татарстан. Даже в 20-х годах XX века невозможно было найти татарские поселения в бассейне реки Волги и в городах, расположенных в пределах территории края. Объяснение исходит из исторических событий, происходивших после присоединения Казанского ханства к Российскому государству в 1552 г. Указом Ивана Грозного для обеспечения безопасности завоеванных земель татары были высланы на 50 вёрст вглубь края [15].

В этот период существовало 3 основных ареала расселения, или территориальной концентрации населения. Во-первых, это Заказанье, которое является исторической территорией татарского народа, ареной формирования её национальной общности. Во-вторых, в западной части Предволжья татары живут тоже издавна. Поэтому эту территорию рассматривают как крупный второй массив расселения татарского населения. С исторических времен основная полоса расселения татар – Заказанье, Предкамье (малоплодородный район республики) – сложилась в период XV-XVI вв. [9, с. 10-11].

Третий массив расположен в крайней восточной части Республики Татарстан. Кстати, и в настоящее время во многих административных районах этих регионов численность татар превышает 90%. Скопление сети поселений татарского населения на востоке республики связано со стихийным переселением татар из районов Заказанья и Предволжья после присоединения Казанского ханства к Русскому государству.

Даже через несколько столетий закономерности расселения населения в зависимости от национального состава сохранились. Например, в конце XVIII века размещение населенных пунктов в зависимости от геоморфологических особенностей рассматриваемой территории имело этнические

различия. Так, в Свияжском уезде 69% русских сельских поселений, 50% чувашских и лишь 26% татарских поселений находились на берегах, 26% – у ключей, колодцев и болот, 5% – у оврагов. В большинстве татарских деревень протекали небольшие реки или ручьи. Некоторые этнологи указывали, что татары не любили копать колодцы [15, с. 175].

Становление Советской власти сыграло положительную роль в расселенческих процессах татар. Это объясняется тем, что до революции административными единицами деления России служили губернии. Административно-территориальное деление дореволюционной России не учитывало условия компактного проживания нерусских народностей на территории России. В это время отдельные районы территории современного Татарстана принадлежали пяти губерниям: Казанской, Вятской, Уфимской, Самарской и Симбирской. В этот период в Казанской губернии господствующими нациями были татары и русские, далее по численности преобладали чуваши, башкиры, мордва и вотяки (удмурты), присутствующие во всех территориальных образованиях внутри губернии. В 1920 г. после образования Татарской республики в современных границах больше половины населения Татарстана составляли татары (табл. 1).

Таблица 1

Национальный состав населения ТР по переписи 1920 г [4, с. 19].

Группы насел.	Кол-во в тыс. чел.	В том числ. (в %)						
		татары	русские	чуваши	мордва	удмурты	мари	прочие
сельск.	2639	54,8	36,9	5,3	1,5	0,9	0,5	0,1
город.	253	16,3	78,3	0,3	-	-	0,1	5,0
Итого	2892	51,6	40,4	4,9	1,5	0,8	0,4	0,2

Важнейшим событием 20-ых годов XX века, несомненно, следует назвать голод 1921-1923 гг., который в территориальном плане наибольший урон нанес населению и его расселению в Калмыкской и Татарской республиках, Чувашской и Марийской областях, Челябинской губернии, где пострадало 90% населения. В республике Башкирия голодало от 70 до 90% населения.

Как было отмечено, среди наиболее сильно пострадавших регионов оказалась и Татарская республика. В связи с убылью огромного числа населения в период между двумя переписями национальный состав населения претерпел большие изменения.

В первую очередь наше внимание было обращено на 1921 год, т.е. время массового распространения засухи на изучаемой территории. Согласно статистическим материалам, сельское население Татарстана, которое составило преобладающую часть жителей республики в период с 1920 по 1926 годы, благодаря росту смертности во всех возрастах сократилось на 326,1 тыс. чел. Из этого числа 77,7% приходилось на татар, 16,9% – на русских и 5,4% – на национальные меньшинства. Благодаря географическому фактору, в связи с особенностью национального расселения (очень низкая доля татар в городах и в примыкающих к ним территориях, получавших продовольственную помощь), и экономическим показателям (отсутствия материальных запасов и меньшего развития огородничества) численность татар сократилась на 17,5% (253,5 тыс. чел.), русских – на 5,7% (55,3 тыс. чел), а национальных меньшинств – на 8% (17,3 тыс. чел.).

Особенно сильно пострадало население, проживающее в южных регионах республики. При большом отличии по районам максимальный рост смертности татар составил в Спасском кантоне на юге РТ (35,7%) [6]. Около 300-500 тыс. голодобеженцев выехало за пределы республики. Эти цифры значительно опережают потери во время Второй мировой войны (450 тыс. чел.). В 1941-1945 годы такая высокая степень национальной дифференциации демографических данных отсутствовала [7, с. 52].

Меньшее развитие овощеводства у татар в значительной степени объясняется малым употреблением овощей в пище; например, татарские крестьяне почти не варили щи, засолка огурцов отсутствовала. Кроме того, удаленность большинства татарских районов от городов делала товарную продукцию нерентабельной [6, с. 8].

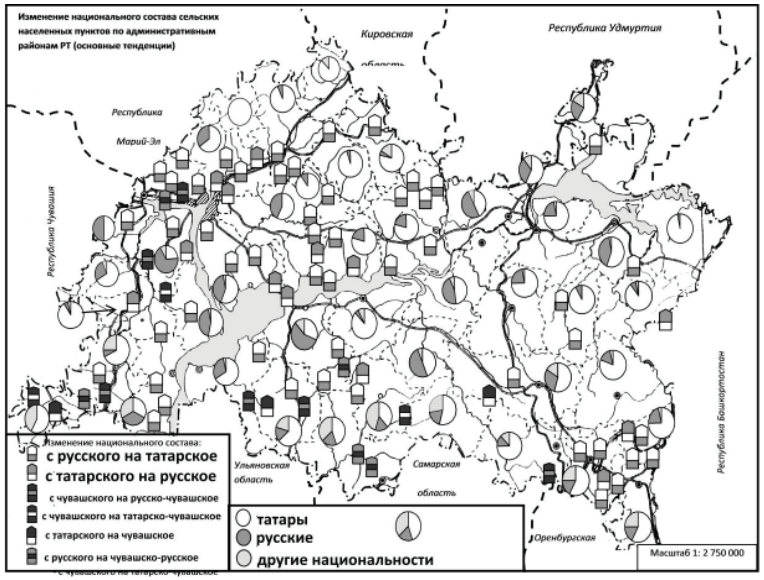
Рассматривая демографические показатели Республики Татарстан на примере двух основных наций республики, можно отметить, что рождаемость среди татар в течение многих лет была в 1,4 раза выше, а смертность, наоборот, в 1,5 раза ниже, чем русских. А различия в уровне смертности в городах у русских в 1,8 раз превышали аналогичные показатели городских татар. Наблюдались отличия и в показателях брачности и разводимости. Так разводимость у татар была ниже в 1,7 раза, чем у русских. В сальдо миграции на различных этапах развития республики сложились существенные этнические различия в основном в пользу татар. Например, в 1992 г. сальдо миграции татар в 4,7 раз превышала этот показатель у русских.

Эти преимущества в этнодемографическом развитии татар сыграли свою компенсирующую роль как ответ крайне негативным последствиям засухи, и даже последствиям событий, происходившим в 1552 году. Татары начали расселяться везде. С 20-х годов XX века и до наших дней непрерывно

росло число населенных пунктов со смешанным населением. Например, в 1948 году только в Предволжье зафиксировано 55 населенных пунктов со смешанным населением (7,6%). В основном это были рабочие поселки.

За годы советской власти в долине реки Волги и Камы, возрождая историческую картину, образовался целый ряд новых татарских поселков, например: Ватан, Идель, Нариман, Кзыл Байрак, Бахча-Сарай.

При исследовании закономерностей изменения национального состава сельских населенных пунктов за период двух переписей населения с 1970 по 1989 гг. были обработаны статистические данные для исследования закономерностей динамики населения. За рассмотренный период в сельских населенных пунктах Татарстана, в 55 из которых раньше преобладало русское население, к 1989 г. стало численно доминировать татарское (рис. 1). Это подтверждается увеличением их численности с 27034 до 28473 чел. Среди изученных объектов 29 – смешанные поселения (52,7%) с преобладанием татар, 5 из них расположены вблизи прохождения железных дорог, 18 – рядом с речной сетью и почти все находятся вблизи (1-3 км) от административных центров. При анализе был выявлен и другой вариант изменения национального состава, например, татары – русские. В 15-ти населенных пунктах республики за тот же рассматриваемый период численность населения в них уменьшалась с 4364 чел. до 3170 человек. Из них 10 населенных пунктов имеют смешанный состав (66%), 5 – относительно однонациональные.



Вариантов изменения национального состава всего 19. Предлагаем наиболее распространенные:

Русские → Чуваши + Русские (6 – количество насел. пунктов)
Чуваши → Русские + Чуваши (6)
Чуваши → Татары (3)

Самое большое число населенных пунктов, подверженных изменению в варианте русские – татары (12), имеют численность населения 200-500 чел. (27,3%), в варианте татары – русские (5) от 100-200 чел. (33%), в случае русские – татары максимум прироста численности населения приходится на II вариант (50-100 чел.), где увеличение происходило в 2 раза, максимальное снижение населения характерно для II варианта (0-50) чел., здесь численность населения уменьшилась в 4,5 раза. В случае татары – русские, максимум (500-1000 чел.) в 1,07 раз, а минимум (50-100) – 2,59 раз (табл. 2).

Таблица 2

Изменение численности населенных пунктов
по национальному составу за 1970-1989 годы (в абсол. показат.) [10; 11]

Группы сельских посел.	Русские – татары			Татары – русские		
	Колич. изменений	Изменение численности населения		Колич. изменений	Изменение численности населения	
I (0-50) чел.	3	123	27	-	-	-
		- 4,5 р(раз).			-	
II (50-100) чел.	8	585	1215	4	321	124
		+ 2,07 р.			- 2,59 р.	
III (100-200) чел.	12	1552	1485	5	689	566
		- 1,04 р.			- 1,22 р.	
IV (200-500) чел.	15	4563	5716	3	1015	641
		+ 1,26 р.			- 1,58 р.	
V (500-1000) чел.	10	7074	5935	2	1295	1395
		- 1,2 р.			+ 1,07 р.	
VI (1000) и бол. чел.	7	13050	14841	1	1044	444
		+ 1,14 р.			- 2,35 р.	

В результате данного исследования были сделаны следующие выводы:

1. Урбанизированность татар и дальше будет происходить быстрыми темпами, причем местами их расселения все чаще будут выступать более крупные города и агломерации. Прогнозируется существенный рост численности татар в наиболее крупных городах и регионах с относительно высоким уровнем жизни населения.

Если сравнивать данные 1989 и 2002 годов в пределах Татарстана, то доля горожан увеличилась среди татар на 3,5%, а русских только на 0,5%.

2. Русские в своем демографическом поведении менее инерционны, чем татары. На формирование новых тенденций в демографическом развитии населения республики больше оказывает влияние татарская часть республики. У нового поколения татар, с одной стороны, все еще слабо выражено национальное самосознание, а, с другой стороны, популяризация ислама и поддержка со стороны мусульманского мира может сыграть решающую роль в укреплении тюрко-мусульманской идентичности у татар.

3. Для татар более благоприятными для повышения численности населения следует считать населенные пункты с численностью 50-100 и 200-500 чел. и те, где численность превышает 1000 чел. Для русских именно эти группы по людности населения наоборот имеют отрицательные показатели. Для русских благоприятным для роста их доли выступает только один тип поселений, где численность населения находится в интервале 500-1000 чел.

4. Расселение населения на территории современного Татарстана в течение многих лет носило этническую обусловленность. Исследования изменений национального состава сельских населенных пунктов Татарстана за 1970-1989 годы показывают тенденцию возрождения исторической картины расселения путем создания целого ряда новых татарских поселений на месте русских.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абрамов П.В. Татарская АССР (экономико-географический очерк) / П.В. Абрамов. – Казань: Татарское книжное изд-во, 1960. – 232 с.
2. Биктимиров Н.М. Этнодемографическое развитие населения Республики Татарстан в XX веке. Монография / Н.М. Биктимиров. – Казань: Редакционно-издательский центр «Школа», 2011. – 195 с.
3. Бондарская Г.А. Рождаемость в СССР: Этнодемографический аспект / Г.А. Бондарская. – М.: Статистика, 1977. – 128 с.
4. Габидуллин Х.З. Татарстан за семь лет (1920-1927 гг.) / Х.З. Габидуллин. – Казань: Татиздат, 1928. – 92 с.
5. Гумилев Л.Н.Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев. – Санкт-Петербург: Кристалл, 2001. – 640 с.
6. Ермолаев В.М. Сравнительная характеристика татарского, русского и нацменовского хозяйства ТР / В.М. Ермолаев, Г.Ш. Шараф // Труд и хозяйство. – №11-12. – Казань: Татполиграф, 1927. – 16 с.
7. Ермолаев В.М. Очерки по экономгеографии ТР / В.М. Ермолаев, Г.Ш. Шараф, М.А. Хасанов. – Казань: Татполиграф, 1931. – 317 с.
8. Исхаков Д.М. Татары к 2025 г.: демографический прогноз. Научно-исследовательская работа / Д.М. Исхаков, М.Р. Мустафин, Н.М. Биктимиров. – Изд-во Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. – 92 с.
9. Ляликов Н.И. Поволжье (Среднее и Нижнее) / Н.И. Ляликов. – М.: Центр. тип. им. Ворошилова, 1946. – 43 с.
10. Национальный состав населения РТ: По данным Всесоюзной переписи населения 1970 г. Гос. ком. РТ по статистике, 1971.
11. Национальный состав населения РТ: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. Гос. ком. РТ по статистике, 1990.
12. Новая Российская энциклопедия: В 12 т / Редкол.: А.Д. Некипелов, В.И. Данилов-Данильян, В.М. Карпов и др. – М.: ООО Изд-во «Энциклопедия». – Т. 1: Россия, 2006. – 960 с.
13. Статистический сборник Республики Татарстан (в цифрах). – Казань: Госкомстат РТ, 2004. – 233 с.
14. Татары. – М.: Наука, 2001. – 583 с.
15. Татары Среднего Поволжья и Приуралья. – М.: Наука, 1967.
16. Токарев С.А. Этнография народов СССР / С.А. Токарев. – М.: Изд. МГУ, 1958. – 615 с.

Буканова Ж.К., Калиева К.С.

МОЛОДЕЖЬ КАЗАХСТАНА: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (ПО МАТЕРИАЛАМ НАЦИОНАЛЬНОГО ДОКЛАДА «МОЛОДЕЖЬ КАЗАХСТАНА – 2013»)

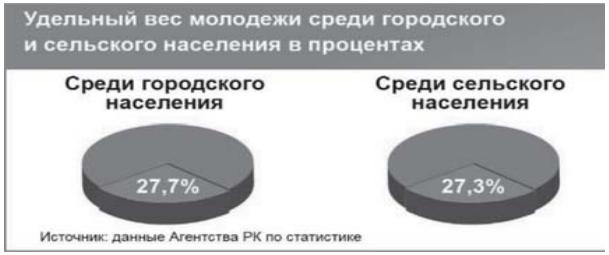
Демографическая характеристика молодежи представляет интерес для демографии – специальной науки о населении, о воспроизводстве населения, о структуре населения, о миграции населения.

Молодежь – социально-демографическая группа, выделяемая на основе возрастных параметров, особенностей социального положения и социально-психологических качеств.

Согласно данным Агентства Республики Казахстан по статистике (2013 г.), численность молодежи в возрасте от 14 до 29 лет на начало 2013 года в Казахстане составила 4 656, 5 тыс. чел. (от всего населения республики), в том числе 2 335,1 тыс. мужчин и 2 321,4 тыс. женщин. Из них (в абсолютных значениях): городская молодежь – 2574,1 тыс. человек, сельская

молодежь – 2082,4 тыс. человек. Удельный вес молодежи среди городского населения республики составляет 27,7%, среди сельского населения – 27,3%. В целом молодежь Казахстана составляет 27,5% от всей численности населения республики (рис. 1.1).

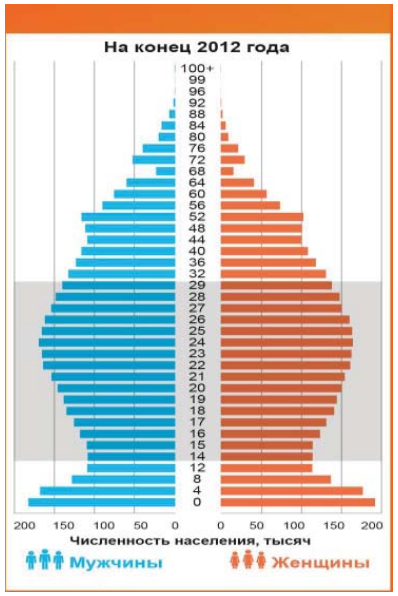
Рисунок 1.1



За последние 20 лет численность молодежи в возрасте от 14 до 29 лет выросла на 288,9 тыс. человек (в 1992 году – 4 367,6 тыс. человек, на конец 2012 года – 4 656,5 тыс. человек).

Относительное увеличение численности молодежи в 2012-13 гг. связано с демографической волной рожденных в конце 80-х гг., влияние которой в ближайшие годы будет ослабевать в связи с увеличением удельного веса молодежи, рожденной в кризисные 1990-е годы. Можно отметить, что в последние годы молодежь в возрасте 14-29 лет превышает по численности другие возрастные группы (рис. 1.2).

Рисунок 1.2



От всей численности молодежи страны 55,3% составляет городская молодежь, 44,7% – сельская молодежь (рис. 1.3).

Рисунок 1.3

Как видно из рисунков, на начало 2013 года наибольшее количество молодежи, в абсолютных цифрах, проживает в Южно-Казахстанской (773,4 тыс. человек) и Алматинской (529,9 тыс. человек) областях (рис. 1.4а и 1.4б).

Рисунок 1.4 а.

Рисунок 1.4 б.

Наименьшая численность молодежи в Северо-Казахстанской области – 133,9 тыс. человек.

На начало 2013 года в региональном разрезе наибольшая доля молодежи от общей численности молодежи в Республике Казахстан представлена в ЮКО – 16,6%, Алматинской области – 11,4%. Меньше всего молодежи отмечается в Северо-Казахстанской (2,9%), Атырауской (3,4%), Мангистауской (3,5%) и Западно-Казахстанской (3,6%) областях (рис. 1.5).

Рисунок 1.5

В среднем в разрезе город-село удельный вес молодежи в сельской местности от общей численности населения в регионах Республики Казахстан на 1,2% больше, чем в городских населенных пунктах. Хотя в Актюбинской, Северо-Казахстанской и Восточно-Казахстанской областях, наоборот, доля молодежи выше в городах (рис. 1.6).

Рисунок 1.6

Сравнительный анализ показывает снижение численности сельской молодежи за последние три года (рис. 1.7).

Рисунок 1.7

Если на начало 2011 года численность молодых людей, проживающих в сельской местности, составляла 2 118,5 тыс. человек, то на начало 2013 года численность молодежи составила 2 082,4 тыс. чел., то есть снизилась почти на 2% по сравнению с 2011 годом.

Наибольший процент лиц мужского пола в республике в возрасте 14-29 лет от всей численности региона проживает в Акмолинской области (51,9%), тогда как наибольшая доля лиц женского пола этого возраста – в Актюбинской области (50,3%) (на конец 2012 года). Следует отметить, что количество мужчин в регионах немного больше количества женщин. Однако в городах республиканского значения девушек значительно больше, чем молодых мужчин (рис. 1.8).

Рисунок 1.8

Доля молодых людей по основным половозрастным группам в разрезе регионов Республики Казахстан. В республике молодых мужчин в среднем на 2% больше, чем девушек. Однако в городах республиканского значения девушек в возрасте 19-28 лет больше, чем молодых мужчин: в возрастной группе 19-23 года в Астане – на 6%, в Алматы – на 10%; в возрастной группе 24-28 лет в Астане – на 6%, в Алматы – на 8% (рис. 1.9а, 1.9б, 1.9в).

Рисунок 1.9а

Рисунок 1.9 б.

Рисунок 1.9 в.

В отличие от общей картины распределения доли мужчин и женщин по Казахстану в городах девушек в возрасте 19-28 лет больше, чем молодых парней. Так, в городских населенных пунктах в среднем разница между парнями и девушками в возрасте 19-28 лет составляет 2%. В то же время в городах республиканского значения девушек значительно больше, чем парней: в Астане – на 6% и Алматы – на 10%.

В сельской местности мужчин проживает значительно больше, чем женщин. Во всех возрастных группах в сельской местности наблюдается преобладание мужчин, при этом наибольшая разница составляет в возрастной группе 19-23 года в Северо-Казахстанской, Восточно-Казахстанской, Западно-Казахстанской областях – 12%, а также в Акмолинской и Карагандинской областях – 8%.

Один из актуальных вопросов в любом государстве – это вопрос рождаемости. Наибольшая рождаемость детей в Казахстане приходится на возрастные группы женщин 20-24 года и 25-29 лет (147 живорожденных детей на 1000 женщин в возрасте 20-24 года и 156 живорожденных детей на 1000 женщин в возрасте 25-29 лет), что составляет 58% рождаемости детей у женщин в репродуктивном возрасте.

За период 2009-2012 годы сумма возрастных коэффициентов рождаемости по возрасту матери (15-29 лет) показала, что в Казахстане на одну женщину в возрасте 15-29 лет приходится 1,6 ребенка в 2009-2011 гг. и 1,7 ребенка в 2012 году.

Удельный вес рожденных у матерей в возрасте 14-29 лет. За 2010-2012 годы наблюдается наибольшее количество рожденных у матерей в возрасте

20-24 года и 25-28 лет. Так, выше 50% всех рождений приходится на возраст матери 20-24 года и свыше 40% – на возрастные группы 25-28 лет. В данном периоде доля молодых матерей в возрасте 20 лет и младше составила не более 8% (рис. 1.10).

Рисунок 1.10

Для определения смертности молодежи в возрасте 14-29 лет был использован возрастной коэффициент смертности, который представляет собой отношение общего числа умерших (14-29 лет) за год к численности населения, выраженное в промилле (‰), т.е. на 1000 человек. Так, наивысший возрастной коэффициент смертности казахстанской молодежи (на конец 2012 года) достиг 1,78 промилле среди мужчин. Вместе с тем стало очевидным, что в сельской местности в 2012 году смертность достигла 1,91 промилле, что на 0,25 промилле больше, чем в городах.

На конец 2012 года в Казахстане наибольший возрастной коэффициент смертности на 1000 молодых людей наблюдался в старшей возрастной группе 24-28 лет – 1,56. Мужчины умирают чаще, чем женщины в возрасте 19-28 лет, а в более раннем возрасте коэффициент смертности превысил на 0,27 промилле среди молодых девушек (0,77), при 0,50 промилле среди молодых мужчин.

Возрастной коэффициент смертности молодежи в разрезе регионов Казахстана на 1000 человек демонстрирует наивысшие показатели в Северо-Казахстанской области – 2,64, Акмолинской – 2,39 и Карагандинской – 2,29.

Показатели смертности (по причинам смерти) по основным возрастным группам молодежи в Республике Казахстан. В республике на конец 2012 года в возрасте 14-18 лет самой распространенной причиной смерти стали новообразования, их доля составила 19%. Доля смертей от несчастных слу-

чаев, отравлений и ранений составила 15% от всех случаев смерти в этих возрастных группах.

В возрасте 19-23 года наибольшая часть причин смерти была связана с несчастными случаями, отравлениями и ранениями (36%) и заболеваниями органов дыхания (32%).

В возрасте 24-28 лет наибольший процент смертей был связан с заболеваемостью органов пищеварения – 72%, инфекционными и паразитарными болезнями – 67% и болезнями органов кровообращения – 62%.

В сельской местности в возрастной группе 19-23 года наибольший процент смертей был зафиксирован по причине болезней органов дыхания – 42%, наименьший – болезней органов пищеварения.

В городской местности доля умерших от болезней органов кровообращения, несчастных случаев, отравлений и ранений, новообразований выше, чем в сельских регионах, а доля умерших от болезней органов пищеварения, дыхания, инфекций и паразитарных заболеваний меньше. Однако в старшей возрастной группе молодежи в городах число умерших от указанных болезней значительно выше, чем в сельских регионах.

Внутренняя и внешняя миграция молодежи страны. В Казахстане наиболее мобильными являются девушки в возрасте 19-23 года и 24-28 лет, в первой возрастной группе их количество составило 46 038 человек, т.е. 47% от всего количества женщин в структуре данной возрастной группы, во второй – 36 075 человек, т.е. 37%. В целом, согласно сводным данным Агентства по статистике, девушки являются более мобильными, чем молодые мужчины, при этом пик мобильности молодых людей достигается в 19-23-летнем возрасте.

Внутренняя миграция. Наибольший приток внутренней миграции в 2012 году отмечен в городах республиканского значения – Астана (8965) и Алматы (9086). Приток молодых людей наблюдается также в Алматинской (1476) и Мангистауской (1209) областях. В остальных регионах выехавшей молодежи оказалось больше, чем прибывшей (рис. 1.11).

Рисунок 1.11

Как отмечалось ранее, снижение количества сельской молодежи объясняется оттоком молодых людей из села в город с целью продолжения образования и трудоустройства. Статистические данные свидетельствуют о социально-демографических проблемах по оси «село – город». Неравномерность социально-экономического развития регионов приводит к росту внутренней миграции. Отсутствие работы, низкий уровень социальной инфраструктуры в селах и поселках – основные причины внутренней миграции и оттока сельского населения в города.

В региональном разрезе на первом месте по количеству сельской молодежи находятся Южно-Казахстанская – 449 168 человек (22,9%) и Алматинская области – 387 018 человек (19,7%). Соответственно, только в этих двух регионах сосредоточено почти 43 % всей сельской молодежи Казахстана. На это влияет социально-географическое положение этих регионов: высокая плотность населения и близость границы. Вследствие этого возникает рост внешней миграции населения из соседних государств и потенциальное повышение внутренней миграции сельской молодежи.

Наибольшее количество молодежи стремится в города Астана и Алматы, положительное сальдо миграции составило соответственно 8 934 и 9 475 человек. Наибольшее количество молодежи покинуло Южно-Казахстанскую – 5 225 человек, Жамбылскую – 3 888 человек и Восточно-Казахстанскую области – 3 551 человек, что в полной мере коррелирует с показателями количества сельской молодежи по регионам.

В структуре возрастных групп молодого населения (14-28 лет) отмечается пропорциональное количество молодых людей, проживающих на селе. В возрасте от 14 до 18 лет – 645 626 человек, от 19 до 23 лет – 659 449 человек, от 24 до 28 лет – 658 823 человека от общей численности молодежи, тогда как в возрастной структуре городской молодежи наблюдается дисба-

ланс возрастных групп.

В целом, в городах проживает больше молодежи, при этом на селе проживает больше молодых людей в возрасте 14-18 лет, а большинство молодых старше 19 лет живет в городах. Связано это с тем, что молодежь по окончании средних классов общеобразовательных школ начинает покидать села. Соответственно, возрастные пропорции растут, что указывает на пополнение доли городской молодежи от 19 до 28 лет молодыми сельчанами.

Миграция молодежи в другие страны. В возрастной группе 19-23 года молодые казахстанцы мигрируют больше в другие страны (за исключением стран СНГ), чем 14-18-летние. Стоит отметить, что в возрастной категории 14-18 лет юношей-эмигрантов больше, чем девушек-эмигрантов, на 4%. В целом, в 2012 году доля уехавших молодых людей в другие страны значительно больше, чем доля прибывших в Казахстан.

В 2012 году из стран СНГ наибольшее количество молодежи в возрасте 14-29 лет прибыло в Мангистаускую (2045) и Южно-Казахстанскую (1455) области, а наибольший отток отмечался в Восточно-Казахстанской (-1323), Павлодарской (-638), Акмолинской (-559) и Северо-Казахстанской (-567) областях.

Общее сальдо внутренней и внешней миграции. Республики Казахстан показало, что в 2012 году поток прибывших был больше потока выбывших в городах Астана (8934) и Алматы (9475), Мангистауской (3322), Алматинской (1935) и Атырауской (148) областях, что, скорее всего, связано с возможностями трудоустройства, обучения, осуществлением иных жизненных планов молодежи, реализуемых ими в этих регионах. В остальных регионах поток выбывшей молодежи превысил число прибывшей молодежи.

Миграционный настрой молодежи. Согласно результатам социологического исследования, больше половины молодых казахстанцев (54,9%) не планируют никуда переезжать, по их мнению, «им хорошо у себя в городе/селе». Остальная часть опрошенной молодежи (45,1%) задумывается переехать из своего города/села в другое место на постоянное место жительства. Из них почти в равных долях миграционные планы отличаются в зависимости от возможности и обстоятельств. Так, на момент опроса 15,9% молодых людей утверждают, что в ближайшее время переедут; 14,9% – не планируют переезжать, но при определенных обстоятельствах они переедут; 14,3% – хотят переехать, но пока у них нет такой возможности.

Куда стремится переехать молодежь? Результаты массового опроса позволяют разделить миграционные настроения молодежи на три группы: внутренняя миграция, внешняя миграция в ближнее и дальнее зарубежье.

Внутренняя миграция характеризуется тем, что молодые жители республики имеют намерения переехать в города республиканского значения, в другие города, области и села Республики Казахстан. Большинство потенциальных мигрантов (56,3% – интегральная оценка «в Астану», «в Алматы», «в другой город/село Казахстана», «в областной центр», «в пределах своего района/области») выбирают именно это направление миграции. Так, каждый пятый молодой человек (19,3%) желает переехать в столицу республики – город Астана. О переезде в город Алматы говорят 16,3% молодых казахстанцев. Кроме того, 8,7% молодых людей желают перебраться на постоянное место жительства в областной центр, 7,2% – в другой город или село, 4,8 % – в пределах своего района или области.

Внешняя миграция в ближнее зарубежье (23,7% – интегральная оценка «в Россию» и «в страны СНГ») – переезд на постоянное место жительства в одну из стран СНГ, в том числе в Российскую Федерацию. Из них большая часть молодых людей (17,1%) предпочитают переехать в Россию, в другие страны СНГ желают переехать 6,6% респондентов.

Внешняя миграция в дальнее зарубежье (13,8%) – миграция на постоянное место жительства в другие страны мира. 13,8% молодых людей утверждают, что предпочитают переехать за рубеж. Среди таких стран молодые люди называли Турцию, Канаду, Доминиканскую Республику, Германию, Китай и другие страны.

Анализ результатов исследования позволяет сформировать рейтинг причин переезда молодых жителей республики. В ТОП-5 причин переезда входят низкий уровень доходов (17,7%), невозможность устроиться на работу (15,8%), отсутствие перспектив и невозможность реализоваться (12,6%), личные мотивы и интересы (11,7%) и получение качественного образования (9,2%). Речь идет о том, что чаще всего молодое поколение страны обеспокоено трудоустройством, доходом и карьерным ростом. Именно эти причины подталкивают молодежь к смене жительства в поисках большего заработка, устройства на работу. На миграционное настроение молодежи также влияют жилищные проблемы (5,8%), низкий уровень инфраструктуры (5,3%), отсутствие будущего для некоторых этнических групп (5,6 %), дискриминация по языковому признаку (5,2%), плохая экологическая ситуация (4,1%), наличие большого количества проблем, которые не решаются (3,3 %), нарушение гражданских прав (1,7%). Кроме того, такие факторы, как коррупция, неуверенность в будущем, проведение свободного времени (туризм, отдых и т.д.), по мнению незначительной части опрошенной молодежи, влияют на миграционное настроение в целом.

Таким образом, анализ демографической ситуации в молодежной среде показал, что молодежь составляет примерно четверть населения республики (26%).

Численность сельской молодежи меньше городской (12% против 14%).

Основными тенденциями демографических процессов молодежи

страны являются:

– на селе проживает больше молодых людей в возрасте 14-18 лет, а большинство молодежи старше 19 лет живет в городах. В сельской местности молодых мужчин значительно больше, чем женщин;

– согласно демографическому анализу рождаемости за последние 2009-2012 годы, можно отметить стабильную тенденцию рождаемости детей у молодых: так, в Казахстане на одну женщину в возрасте 15-29 лет приходится 1,6 ребенка в 2009, 2010, 2011 годах и 1,7 ребенка в 2012 году;

– как свидетельствуют данные об уровне смертности среди молодежи, наивысший возрастной коэффициент смертности молодежи Республики Казахстан в 2012 году достиг 1,78 промилле среди мужчин. Вместе с тем в сельской местности умирают больше, чем в городах. Высоки показатели смертности в Северо-Казахстанской области, Акмолинской и Карагандинской областях;

– в республике в 2012 году в возрасте 14-18 лет самой распространенной причиной смерти явились новообразования, их доля составила 19%. В возрасте 19-23 года наибольшая часть причин смертей связана с несчастными случаями, отравлениями, ранениями и заболеваниями органов дыхания;

– в 2012 году в Казахстане более мобильными были девушки, чем юноши. В возрастной категории 14-18 лет юноши уезжают в другие страны чаще, чем девушки, что может быть связано с образовательной поездкой за рубеж. Наиболее привлекательными для переезда из регионов республики являются г. Астана и г. Алматы, Алматинская и Мангистауская области. В остальных регионах отмечается отрицательное сальдо внутренней мобильности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Национальный доклад «Молодёжь Казахстана – 2013». Ж.К. Буканова, Ж.К. Каримова, Г.Т. Ильясова, Б.Б. Масатова, К.М. Хамчиев, Е.В. Варкентин, Р.А. Кудайбергенов, Р.А. Абраева и др. – Астана: НИЦ «Молодежь», 2013. – 183 с.

Бургарт Л.А.

ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ПРОЦЕСС САМООРГАНИЗАЦИИ НЕМЦЕВ-КАТОЛИКОВ КАЗАХСТАНА В СЕРЕДИНЕ 60-х – НАЧАЛЕ 90-х ГГ. XX В.

Рассматривая различные проблемы истории и современного положения «российских немцев», историки, этнографы, социологи, политологи, представители общественных организации всё чаще обращаются к теме самоорганизации как «важнейшему условию сохранения их национальной идентичности» [1]. Само определение термина «самоорганизация» неоднозначно. Тем не менее, в современной историографии сформулированы наиболее важные значения понятия «самоорганизация». «Первое связано с организаций, т. е. объединением людей с какой-то целью. Второе – с указанием на «само»-организацию, т. е. на «само»-деятельный, добровольный характер этого типа объединения и этого типа действия. Такое понимание самоорганизации соотносится с системным анализом этнических культур как открытых систем, важнейшим признаком которых является наличие способности (интенции) самоорганизации». Таким образом, самоорганизацию определяют как «особый вид индивидуально-коллективной деятельности и действий (поступков) и способ самореализации коллективного «Я» российских немцев» [2, с. 7].

Очень важным и принципиальным является положение о невозможности сведения самоорганизации только к этнокультурной проблематике [2, с. 8]. Самоорганизация – это не только «создание сети добровольных организаций, дополняющих в своей деятельности государственные органы в принимающей стране и выполняющих, в частности, такие задачи, как поддержание духовной культуры, сохранение родного языка, этнического самосознания, обеспечение социальной защиты и прав членов диаспоры, лоббирование ее политических интересов и содействие развитию ее экономической базы» [3, с. 11].

Самоорганизация, на наш взгляд, есть внутренний (исходящий изнутри) процесс организации системы жизнедеятельности этнической или конфессиональной группы населения. Важно теоретическое положение о том, что «самоорганизация – не есть только самоуправление, как и не всякое самоуправление можно назвать самоорганизацией… Самоорганизация – более широкое понятие, которое демонстрирует умение исследуемой социальной группы принимать «вызов» реально существующих и изменяющихся исторических обстоятельств, и, исходя из установок экономической, политической и социальной целесообразности, эффективно реагировать на них в различных сферах» [4, с. 76].

Интересной является и постановка вопроса о так называемом «содействии самоорганизации» [2, с. 7].

Исследователи представляют процесс самоорганизации как «наложение» этнокультурных, конфессиональных, социальных, экономических, политических пространств», исходя из чего, конкретизируют проблему как этнокультурную, религиозную, социальную, экономическую, политическую и др. виды самоорганизации». Соответственно, в структуре факторов влияния на этнокультурную самоорганизацию выделяются «природно-клима-

тические, демографические, экономические, политические, религиозные и другие компоненты» [2, с. 8].

В нашей работе мы рассмотрим особенности влияния основных демографических факторов на процесс самоорганизации российских немцев-католиков Казахстана в период середины 60-х – начала 90-х гг. XX века.

Мы не ставим своей целью характеристику самих демографических процессов или анализ статистических данных. Цель данной работы иная – оценить влияние демографических факторов на процесс самоорганизации немцев-католиков, выявить особенности и определить, какие факторы имели первостепенное, определяющее влияние, а какие второстепенное.

Считаем необходимым изначально обозначить методологический подход к истории «российских немцев» в целом и немцев-католиков в частности, исходя из которого и исследуется в данной работе проблема самоорганизации.

Прежде всего, мы разделяем понятия «религиозная самоорганизация» и «духовная самоорганизация». Мы рассматриваем моноконфессиональную религиозную общину-колонию как основную системообразующую форму самоорганизации различных этноконфессиональных групп немецкого населения, в том числе и немцев-католиков [4]. В этом смысле мы принципиально расходимся с позициями, выделяющими «религиозную самоорганизацию» лишь как «одно из направлений самоорганизации российских немцев». Религиозная община-колония выступает в качестве фундаментальной формы самоорганизации, проникающей все остальные направления и формы самоорганизации. Именно религия лежала в основе всей системы жизнедеятельности немцев-католиков [5]. И можно говорить о наличии целостной многоуровневой системы этноконфессиональной самоорганизации российских немцев-католиков.

Мы чётко выделяем 2 основных этапа истории российских немцев-католиков: додепортационный и постдепортационный [6].

Применительно к постдепортационному периоду мы уже не можем говорить о «религиозной самоорганизации» в том смысле, как это было до депортации. «Религиозная самоорганизация» перестала носить системный характер и приобрела характер фрагментарный. Одним из «фрагментов» стала самоорганизация духовной жизни немцев-католиков.

Влияние демографических факторов на духовную самоорганизацию немцев-католиков и будет темой нашего исследования. При этом анализируемый ряд факторов включает в себя:

1) численность этноконфессиональной группы;

2) размещение немцев-католиков;

3) миграционные процессы.

Хронологические рамки данного исследования охватывают период

середины 60-х – начала 90-х гг. XX в., т.е. промежуток времени от выхода Указа Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1964 г. «О внесении изменений в Указ Президиума ВС СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» [7, с. 178-179] до начала процесса массовой эмиграции немецкого населения. Период в целом может быть охарактеризован как относительно «стабильный». «Стабильный» в смысле того, что мощные потрясения периода депортации и спецпоселения остались в прошлом, а массовый исход в результате эмиграции был ещё в будущем. Период характеризовался по-прежнему наличием достаточно жёсткого курса антирелигиозной политики государства и отсутствием церковных структур немцев-католиков. Самоорганизация духовной жизни немцев-католиков в этих условиях носила почти исключительно нелегальный характер [8].

Основными формами духовной самоорганизации немцев-католиков были [9]:

1. Объединение верующих в подпольные молитвенные группы.

2. Нелегальное служение ссыльных католических священников, их личные инициативы по организации духовной жизни верующих.

3. Деятельность «евхаристических женщин».

4. Организация духовного воспитания детей и молодёжи в семьях.

5. Инициативы верующих по строительству молитвенных домов и храмов.

6. Личная молитва.

Прежде всего рассмотрим влияние на процесс самоорганизации немцев-католиков такого фактора как численность. Обычно, чем больше какая-то этническая или конфессиональная группа и чем выше её удельный вес, тем выше уровень её самоорганизации. Но этот тезис не находит своего подтверждения в проекции на немцев-католиков.

В додепортационный период в условиях отсутствия сформировавшихся связей между немцами-католиками на общегосударственном уровне абсолютная численность группы не имела принципиального значения. Аналогичным образом выглядела картина и для городского и сельского населения в целом. Несколько большее значение фактор численности приобретал в рамках отдельных территорий, например, отдельных городов. Что касается сельского немецкого населения, фактор численности, разумеется, имел определённое значение в рамках отдельных колоний и регионов. Но основным всё же был фактор размещения населения, принцип моноконфессиональности.

Моноконфессиональная колония, независимо от того, была ли она крупной, средней или мелкой по численности, давала основу для самоорганизации и одновременно выступала главной определяющей формой само-

организации. История даёт нам примеры единичных католических немецких поселений, образованных выходцами из различных материнских колоний в новых регионах в результате миграции в Сибирь и Казахстан. Эти колонии порой были единственными католическими поселениями в радиусе нескольких сотен или даже тысяч км. Стремление немцев-католиков создавать отдельные моноконфессиональные поселения также является одним из основных проявлений религиозной самоорганизации.

Вплоть до депортации численность немцев-католиков в Казахстане составляла лишь несколько десятков тысяч человек, но все они преимущественно проживали в моноконфессиональных поселениях, демонстрировавших даже в новых регионах довольно активный процесс именно «религиозной самоорганизации». Вследствие депортации численность немецкого населения в Казахстане, в том числе и католического исповедания, увеличилась почти в 6 раз [10]. Для рассматриваемого нами периода отмечается неуклонное возрастание численности немецкого населения от переписи к переписи. Так, если по данным ВПН 1959 г. численность немцев в Казахстане составляла 659,7 тыс. человек [11], то к 1970 г. она составила уже 858,1 тыс. [12], к 1979 г. – 900,2 тыс. [13] и к 1989 г. – 957, 5 тыс. человек [14]. Исходя из примерно 30% доли католиков, можем ориентироваться на общую численность немцев-католиков соответственно в пределах 200-300 тыс. человек.

К середине 1960-х гг. немцы-католики Казахстана, хотя и составляли несколько сотен тысяч человек, всё же были, во-первых, рассеяны по всей территории страны и, во-вторых, лишились своих компактных моноконфессиональных поселений. Система этноконфессионального уклада жизни немцев-католиков была разрушена, церковные структуры отсутствовали. В этих условиях показатели абсолютной численности немцев-католиков не имели определяющего значения для процесса самоорганизации духовной жизни, фактор численности имел лишь ограниченное влияние.

На первый план вновь выходит такой демографический фактор, как размещение населения. Перечень немецких поселений в Казахстане, составленный нами на основании Энциклопедического словаря «Немцы России. Населённые пункты и места поселения» [15], содержит порядка 123 наименований. Из них 52 составили лютеранские посёлки, 19 – меннонитские, 18 – католические, при этом у 34 посёлков конфессиональная принадлежность не установлена.

В процессе депортации немецкого населения местные однородные в конфессиональном отношении немецкие католические, лютеранские, меннонитские посёлки, возникшие в Сибири, Казахстане, Средней Азии ещё в конце XIX – начале XX вв., номинально сохранились, но и они в годы войны понесли значительные потери в ходе мобилизации в Трудовую армию, но самое главное, отмечались факты «дозаселения» депортированных немцев

других исповеданий, вызвавшие изменение моноконфессионального характера поселений [5].

В последующие за депортацией десятилетия понятие «моноконфессиональный посёлок немецкий посёлок» в Казахстане практически исчезает. На смену моноконфессиональному посёлку приходит понятие «национального посёлка» – «немецкого села» – населённого пункта с преобладанием жителей немецкой национальности, с сохранением отдельных групповых этноконфессиональных особенностей [16].

Немцы-католики, проживавшие в бывших католических колониях, находились в несколько лучших условиях в плане духовной самоорганизации. У них, как минимум, отмечалась определённая компактность размещения, сохранились существовавшие до начала 1940-х гг. общинные связи и отдельные фрагменты этноконфессионального уклада жизни.

Депортированные немцы-католики оказались рассеянными по огромным просторам Казахстана. Их традиционные общинные связи оказались разорванными, а традиционный этноконфессиональный уклад жизни разрушен.

Несмотря на преимущественно дисперсный характер расселения немцев в Казахстане, определённая компактность их проживания в 1960-80-е гг. всё же имела место, причём не только на уровне областей, но и в границах отдельных районов и сёл [17]. В этот период существовало ещё порядка 650-700 сёл со значительной долей немецкого населения [18, с. 32-34]. К 1989 г. в этих сёлах проживало около 210-215 тысяч немцев, что составляло порядка 44% от всего сельского немецкого населения Казахстана [18, с. 32-34]. Более чем в 80 сёлах немцы составляли от 50 до 80% жителей [18, с. 32-34].

Но степень конфессиональной компактности была не столь велика. И всё же, проживая в отдельных населённых пунктах лишь по несколько семей, немцы-католики объединялись в тайные молитвенные группы. Там, где степень дисперсности размещения была ещё выше, большое значение приобретала индивидуальная самоорганизация духовной жизни. Её основными формами были личная и семейная молитва, поиск контактов со священнослужителями, выезд в регионы, где были священники, а позже в регионы, где были открыты католические храмы. Дисперсный характер размещения бросал особый вызов личной духовной самоорганизации верующих немцев-католиков.

О том, насколько важен был фактор размещения, свидетельствуют результаты самоорганизации, достигнутые немцами-католиками в регионах с их высокой концентрацией. Классический пример – г. Караганда и её окрестности [19]. Здесь, благодаря высокой степени концентрации населения католического исповедания, не только немцев, но и поляков, украинцев, белорусов, литовцев и др., имели место практически все перечисленные выше

формы самоорганизации духовной жизни. Довольно активной была самоорганизация духовной жизни католиков немцев и других национальностей также и в Северном Казахстане.

Таким образом, характер размещения немцев-католиков в Казахстане определял и степень и формы самоорганизации.

Следующий демографический фактор – миграции. Как уже отмечалось выше, рассматриваемый нами период характеризуется относительной «стабильностью» в проекции на миграционные процессы. В прошлом остались мощные потрясения, связанные с массовыми принудительными перемещениями немецкого населения периода 1940-х гг. Режим спецпоселения был отменён, но по-прежнему действовал запрет на возвращение немцев к местам их прежнего проживания, следовательно, и немцы-католики не могли возвратиться в свои поселения и должны были обустраивать свою жизнь в новых местах размещения. Даже Указ от 29 августа 1964 г. «О внесении изменений в Указ Президиума ВС СССР от 28 августа 1941 г.», номинально снимавший с немцев обвинения, не отменял запрета на возвращения в родные места. Указ гласил: «Учитывая, что немецкое население укоренилось по новому месту жительства на территории ряда республик, краёв и областей страны, а районы его прежнего места жительства заселены, в целях дальнейшего развития районов с немецким населением поручить Советам Министров союзных республик и впредь оказывать помощь и содействие немецкому населению, проживающему на территории республик, в хозяйственном и культурном строительстве с учётом его национальных особенностей и интересов» [7, с. 178-179]. Это произошло лишь в 1970-е гг., когда 3 ноября 1972 г. был принят Указ Президиума ВС СССР «О снятии ограничений в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан» [7, с. 179]. Но это был уже слишком запоздалый Указ. На практике шансы немцев на возвращение к прежним местам проживания были минимальными. Прежние места проживания были уже заняты другим населением. Кроме того, немцы с большим трудом и усилием обустроились в новых регионах и не имели достаточных средств и возможностей для миграции в прежние места проживания и обустройства там с «нуля». Также не следует забывать и о действовавшем тогда законодательстве о трудоустройстве и паспортном режиме. Эмиграция из страны за редким исключением также была практически невозможна. Таким образом, возможности немцев-католиков для осуществления духовной самоорганизации с помощью миграций были весьма ограниченными. Но немцы-католики использовали возможность для смены места жительства в разрешённом формате и мигрировали из регионов Сибири, Урала, Крайнего Севера, а также регионов внутри Казахстана в места наибольшей концентрации своих единоверцев. Яркий пример – Караганда и её окрестности. Религиозный мотив часто выступал основным в выборе

места жительства [20]. Это даёт нам право рассматривать отдельные процессы миграции немцев-католиков как способ самоорганизации духовной жизни. Кроме того, одним из способов и форм самоорганизации духовной жизни в этот период стали временные выезды немцев-католиков в места нелегального служения католических священников или регионы, где существовали нелегальные группы верующих, имевших более частые контакты со священниками. Одной из форм самоорганизации духовной жизни немцев-католиков были и нелегальные миграции самих священнослужителей, так называемые миссионерские поездки, предпринимаемые по личной инициативе самих священников в условиях отсутствия официальной Церкви [21]. После освобождения из ссылки католические священники, видя духовную нужду, в которой оказались тысячи верующих в Сибири, Казахстане, Средней Азии, старались изыскивать различные возможности для осуществления своего душепастырства. Одни возвращались в прежние места своего проживания и оттуда периодически совершали тайные поездки в Сибирь, Казахстан, Среднюю Азию, чтобы опекать проживающих там католиков – литовцев, немцев, поляков, украинцев. Другие оставались после освобождения в местах ссылок и тайно несли постоянное служение среди местных католиков. При этом вокруг них собирались постоянные приходы. Иногда они совершали миссионерские поездки в другие регионы, но большую часть времени всё же проводили в месте постоянного служения. Но была ещё одна группа священников – тех, что полностью посвятили себя миссионерским поездкам, постоянно перемещаясь по широким просторам Советского Союза. Их миссионерские «путешествия» длились не только месяцами, но и годами. Ради попечения о душах верующих священники превращались в «скитальцев Христовых». Миссионерские поездки священников-скитальцев приносили не только прямые плоды, как возможность участия в Святых Мессах и возможность принятия святых Таинств, но и имели своим следствием оживление религиозной жизни верующих, которая продолжалась и после отъезда священников. Миссионерские поездки священников создавали почву для активного служения «евхаристических женщин», «женщин со священнической душой». Так их называет в своей книге епископ Атаназиус Шнайдер [22]. Это духовное понятие, которое, вместе с тем, очень точно отражает историческую реальность – процесс сохранения веры в условиях отсутствия церковных структур и подпольного существования Церкви в Советском Союзе. Кроме того, за счёт миссионерских поездок удавалось географически приблизить священника к местам дисперсного проживания католиков, так что верующие из этих мест могли тайно выехать в населённые пункты, которые периодически навещали священники-скитальцы. Так, например, Анна Штанг из далёкого Восточного Казахстана, куда в этот период не удалось приехать не одному священнику, сама смогла поехать в Краснотуринск, зная от родственников,

что туда приезжает иногда священник [23].

Таким образом, ареал служения священников скитальцев становился ещё шире, в него включались не только пункты и регионы их миссионерских посещений, но и отдалённые регионы, куда в это время не ступала нога священника. Благодаря деятельности священников – «скитальцев Христовых», вера и Церковь были живы не только в крупных центрах сосредоточения католиков и в местах, где постоянно находились католические священники, но и на обширной территории всего Советского Союза. Священники несли Христа даже в самые далёкие, казалось бы, забытые Богом и людьми города и сёла Сибири, крайнего Севера, Казахстана и Средней Азии.

Эти священники становились своеобразной «передвижной Церковью», находившимися в постоянном движении подателями церковных Таинств. Миссионерские поездки священников придавали мощный импульс нелегальной духовной самоорганизации немцев-католиков в Казахстане.

Таким образом, мы видим, что рассмотренные демографические факторы имели разное по степени влияние на процесс самоорганизации духовной жизни немцев-католиков Казахстана. Фактор абсолютной численности имел в сложившихся условиях лишь ограниченное влияние и оказывал воздействие лишь в совокупности с принципом размещения населения. Кроме того, количественные показатели никогда не рассматривались и не могут рассматриваться как абсолютное мерило духовности, «… ибо, где двое или трое собраны во имя Моё, там Я посреди них», Мф 18,20.

Именно фактор размещения оказал решающее влияние на процесс самоорганизации духовной жизни немцев-католиков. Наличие регионов с высокой степенью концентрации немецкого населения и населения других этносов католического исповедания способствовало более высокому уровню духовной самоорганизации. В местах дисперсного проживания «самоорганизационные» возможности немцев-католиков были ограничены и подчас делали полностью невозможной коллективную самоорганизацию. В этих условиях на первый план выходила личная самоорганизация духовной жизни.

Несколько спектров влияния на духовную самоорганизацию немцев-католиков имели и миграционные процессы. Одной из основных целей миграционных движений немцев-католиков в этот период было достижение большей степени компактности проживания со своими единоверцами. В этом смысле миграции представляли собой один из способов решения проблемы духовной самоорганизации. Определённое значение имели и временные миграции немцев-католиков, и миссионерские поездки католических священнослужителей. Вместе с тем миграционные возможности немцев-католиков по-прежнему частично ограничивались законодательно, а эмиграция и вовсе была невозможна.

Сложившаяся демографическая ситуация не создавала полноценных

условий для возрождения системы «религиозной самоорганизации» немцев-католиков ни в Казахстане, ни в прежних местах их проживания. Но в тоже время наличие отдельных нелегальных форм духовной самоорганизации способствовало сохранению веры немцев-католиков [22] и в будущем явилось фундаментом для возрождения Католической Церкви в Казахстане.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Немцы России: исторический опыт и современные проблемы самоорганизации: Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 29-30 октября 2007 г. – М.: «МСНК-пресс», 2008.
2. Барбашина Э.Р. Самоорганизация российских немцев как многофакторная проблема // Немцы России: исторический опыт и современные проблемы самоорганизации: Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 29-30 октября 2007 г. – М.: «МСНК-пресс», 2008.
3. Лебедева Е.В. Самоорганизация немецкого населения российских городов в XVIII – начале XX в. (на примере Москвы и Санкт-Петербурга) // Немцы России: исторический опыт и современные проблемы самоорганизации: Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 29-30 октября 2007 г. – М.: «МСНК-пресс», 2008.
4. Бургарт Л.А. Немецкие поселения в России: моноконфессиональная модель (к вопросу исторической оценки) // Два с половиной века с Россией (к 250-летию переселения немцев в Россию): Материалы 4-й международной научно-практической конференции. Москва, 24-27 августа 2012 г. – М., 2013. – С. 89-108.
5. Бургарт Л.А. Разрушение религиозного уклада жизни немецкого населения вследствие депортации и принципиальные подходы современной отечественной историографии к определению места и роли религии в истории немцев в России и СССР // Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляды и оценки через 70 лет: Материалы 3-й Международной научно-практической конференции, Саратов, 26-29 августа 2011. – М., 2011. – С. 194-224.
6. Бургарт Л.А. Вторая мировая война и немцы-католики в СССР (к вопросу о последствиях) // Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков»: Материалы XIII Международной научной конференции МАИИКРН. – Москва, 2010. – С. 255-280.
7. История российских немцев в документах (1763-1992 гг.). Т. 1. (сост. Ауман В.А., Чеботарёва В.Г.). – М., 1993.
8. Бургарт Л.А. Религиозная жизнь католиков и положение Католической Церкви в Казахстане в середине 50-х – начале 70-х гг. по «Воспоминаниям о Казахстане» священника Владислава Буковинского // «Мировоззрение народов Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе» (Вып. 1). – Барнаул, 2007. – С. 231-251.
9. Бургарт Л.А. О значении молитвы и «евхаристических женщин» для сохранения католической веры в СССР в 40-е – 80-е гг. XX в. (на примере немцев-католиков Казахстана) // Немцы Сибири: история и культура: Материалы VI Международной

науч.-практ. конф. / отв. ред. Т.Б. Смирнова, Н.А. Томилов. – Омск: Издательский дом «Наука»; изд-во ОмГПУ, 2010. – С. 110-124.
10. Бургарт Л.А. Немецкое население Казахстана в конце XIX-XX вв. (по материалам всеобщих переписей населения 1897-1999 гг.). Сост. Бургарт Л.А. – Усть-Каменогорск, 2002.
11. Население Казахской ССР. Итоги Всесоюзной Переписи населения на 15 января 1959 г. – Алма-Ата, 1960. – С. 112-123.
12. Итоги Всесоюзной Переписи населения 1970 г. по Казахской ССР. – Алма-Ата, 1974. – С. 193-204.
13. Итоги Всесоюзной Переписи населения 1979 г. по Казахской ССР. – Алма-Ата, 1982. – С. 228-232.
14. Итоги Всесоюзной Переписи населения 1989 г. Т. II. – Алма-Ата, 1991. – С. 149-179.
15. Немцы России. Энциклопедия. Населённые пункты и места поселения. Энциклопедический словарь. Сост. В.Ф. Дизендорф. – М., 2006.
16. Бургарт Л.А. Немецкое моноконфессиональное село в Казахстане: возникновение, развитие, разрушение (историко-демографический аспект) // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. Сборник научных трудов XII Международной научной конференции, Усть-Каменогорск, 26-27 мая 2011 г. – С. 27-39.
17. Бургарт Л.А. Влияние особенностей размещения немецкого населения в Казахстане на «индекс» этнического окружения (1959-1999 гг.) // Российские немцы в инонациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности: Материалы международной научной конференции, Саратов, 14-19 сентября 2004 г. – М., 2005. – С. 192-202.
18. Национальный состав населения Казахской ССР. – Алматы, 1990.
19. Бургарт Л.А. Влияние массовых депортаций и трудовых мобилизаций на формирование Караганды как центра католической веры в СССР // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: сборник научных трудов VIII Международной научно-практической конференции, Усть-Каменогорск, 2-3 февраля 2007 г. – Усть-Каменогорск: «Медиа-Альянс», 2007. – С. 59-69.
20. Буковинский В. Воспоминания о Казахстане // Шченсный Анджей. Отцы Церкви. Отцы наших отцов. Мы дети нашего Отца. – Караганда, 2000.
21. Билотас В. Апостольская деятельность священников Общества Иисуса в Сибири во время религиозных преследований 1955-1964 годов. Matricola 158665. La tesi per la Licenza, 2010-2011.
22. Шнайдер А. Это Господь. – Караганда, 2008.
23. Anna Stang. Lebenserrinerung // Архив прихода «Пресвятой Девы Марии Святого Розария». Рукопись. – С. 23.

Водичев Е.Г.

РОССИЙСКО-КАЗАХСТАНСКИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЕВРОПЕЙСКОГО ОПЫТА ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

События последнего времени, связанные с возрастающим потенциалом стран Азиатско-Тихоокеанского региона и активизацией других стран Азии, а также кризисом в отношениях Российской Федерации с США и Европейским Союзом, привели к существенной корректировке геополитических приоритетов РФ, резко усилив их «восточный вектор». Это неизбежно приведёт (и уже приводит) к увеличению масштабов сотрудничества России со своими азиатскими соседями. В соответствии с законодательством РФ, значительный объём такого взаимодействия может и должен осуществляться на межрегиональном уровне, тем более что для этого во многих случаях имеется основа в виде единых, внутренне цельных природных комплексов и исторически сложившихся связей и отношений. В дополнение к этому фактору создание Таможенного союза и предполагаемое в ближайшей перспективе начало функционирования Евразийского экономического союза также актуализируют проблему трансграничного сотрудничества России и Казахстана.

Вопрос о взаимодействии приграничных территорий двух стран имеет важнейшее значение для перспектив их экономического и социокультурного развития и безотносительно от политической конъюнктуры. Российско-казахстанское приграничье уникально. Один из основных признаков, определяющих его особый характер, – географический. Российско-казахстанская граница является наиболее протяженной в мире – более 7 тыс. км. К ней примыкают 12 российских регионов и 7 из 14 областей Казахстана. Другой фактор, крайне значимый для понимания процессов трансграничных взаимодействий, – исторический. Территории современных России и Казахстана на протяжении столетий развивались в рамках одного государства – вначале Российской империи, а затем Советского Союза. Это определило близость не только культурных архетипов, но и экономического профиля ныне приграничных территорий. Наконец, важнейшим обстоятельством является этнодемографический фактор, поскольку для приграничных территорий двух стран характерен смешанный этнический состав населения и широкое распространение русского языка как средства межнационального общения.

Ключевой вопрос, относящийся к пониманию проблемы, поставленной в данной статье, имеет два аспекта. Первый из них – чем, собственно, являются сопредельные территории России и Казахстана – приграничными территориями, приграничными регионами или трансграничными региона-

ми? И второй – в какой мере для развития приграничного и трансграничного взаимодействия может быть использован опыт Европейского Союза, связанный с программами трансграничного сотрудничества и практикой еврорегионов?

Первый аспект имеет дискуссионный характер. Он во многом определяется методологическими позициями экспертов, по-разному понимающих содержание таких категорий, как «приграничные территории», «трансграничные территории», «трансграничное пространство», «трансграничные регионы» и т. п. Как отмечается в историографии, проблема приграничных территорий осложняется нерешенностью вопроса о выделении их границ. Определённым паллиативом стало введение понятия «приграничное пространство», которое с географической точки зрения характеризуется тремя величинами: протяжённостью, шириной и интенсивностью приграничных процессов и явлений. Однако остаётся проблема критериев выделения таких параметров, которую вряд ли можно признать решённой [1]. К тому же возникает явный конфликт между политико-административным, экономическим и физико-географическим подходами к районированию приграничных территорий.

Не вдаваясь в детали этих дискуссий, тем более что мы уже имели возможность высказать свою точку зрения на этот счет в других публикациях [2], отметим лишь, что, на наш взгляд, критериальная сетка должна включать в себя параметры, охватывающие представления не только о географическом единстве, но и об общности или комплементарности экономического профиля территорий, близости их исторических судеб и культурных архетипов. Это позволяет предположить, что в российско-казахстанском приграничье может идти речь не об одном, а о совокупности приграничных регионов. В пользу этого говорят, прежде всего, географический и экономический факторы: протяжённая граница определяет различие в экономических профилях сопредельных территорий при сохранении значительной степени взаимодополняемости региональных экономик на всем протяжении границы.

На наш взгляд, конфигурация приграничных регионов в российско-казахстанском приграничье в существенной мере вытекает не из ныне существующей административно-территориальной структуры двух стран. Большее значение имеет фактор ранее существовавшего деления когда-то единого государства, СССР, на экономические районы, в частности, на Западно-Сибирский, Уральский и Поволжский районы на территории бывшей РСФСР и Казахстанский экономический район, охватываемый ныне всей территорией современной Республики Казахстан. Ныне можно говорить о наличии совокупности приграничных регионов вдоль линии раздела бывших советских экономических районов с территорией Казахстана. Здесь работает не только экономический критерий, но и исторический фактор – специфика и время освоения соответствующих территорий – вначале, во времена Российской Империи, главным образом политическими методами и методами спонтанной колонизации, а в советский период – посредством соответствующей экономической политики и формирования народнохозяйственных профилей и пропорций. На наш взгляд, определённую роль играет и фактор региональной идентичности, которая формируется, например, ощущением исторической причастности к таким маркерам, как Алтай и фактор Китая в Западно-Сибирском приграничье, Урал и Оренбуржье как фронтирная территория в Уральском приграничье, а также Каспий в районе Поволжья. Впрочем, предлагаемая группировка, как и всякая схема, не может не быть условной и в некотором смысле искусственной, поскольку включает в себя территории, которые имеют немало внутренних различий. Например, в Западной Сибири приграничные территории России и Казахстана, примыкающие к Алтаю, с одной стороны, и российско-казахстанское приграничье вдоль границ Омской и Тюменской областей Российской Федерации, с другой, во многом отличаются друг от друга, прежде всего с точки зрения экономического профиля и маркеров региональной идентичности.

Очевидно, что имеются долговременные факторы стратегического характера, которые определяют целесообразность приграничных взаимодействий вдоль российско-казахстанской границы. К их числу обычно относят ресурсный потенциал приграничных территорий. С российской стороны он весьма значителен и включает в себя нефть (Астраханская, Оренбургская области), рудные ископаемые (Оренбургская и Челябинская области), уголь (Алтайский край), лес (республика Алтай), посевные площади и условия для производства сельскохозяйственной продукции (Алтайский край, Омская, Новосибирская, Тюменская области). Особую роль в рамках обеспечения приграничного взаимодействия и сотрудничества играет фактор приграничных рек, в частности, Иртыша и Урала. Ресурсный фактор способствует, с одной стороны, развитию сотрудничества и сохранению ранее сформировавшихся производственных связей, с другой – благоприятствует нелегальной трансграничной активности. В пользу развития взаимосвязей говорят и другие обстоятельства – смешанный этнический состав населения, культурные традиции, историческая память о совместном прошлом и т. д.

Если следовать одной из утвердившихся в историографии классификационных схем приграничных регионов [3], то можно предположить, что для российско-казахстанского приграничья характерны не изолированные, и даже не сосуществующие, а сотрудничающие и взаимозависимые регионы, т. е. регионы, осуществляющие широкое взаимодействие в экономической, общественной и культурной сферах. В первой половине 2000-х гг. приграничному сотрудничеству между двумя странами было придано большое политическое звучание. В 2003 г. в Омске состоялся 1-й Форум по вопросам

приграничного сотрудничества России и Казахстана, в котором приняли участие президенты двух стран. В дальнейшем такие форумы проходили поочередно в других региональных центрах. Приграничное сотрудничество стало рассматриваться как важный фактор экономической интеграции и инструмент формирования общего экономического пространства. Руководством обеих стран неоднократно подчёркивалось, что именно в приграничных регионах кристаллизуются нуждающиеся в своем решении социально-экономические, политические и социокультурные вопросы, имеющиеся в отношениях между двумя государствами, а само приграничное сотрудничество становится способом отработки их решения [4].

И всё же пока не следует преувеличивать масштабы и качество достигнутой интеграции и в особенности структуру сформировавшихся в приграничном пространстве России и Казахстана сетей трансграничного сотрудничества. Именно формирование сетевой структуры различных акторов в приграничных регионах и складывание опорных узлов трансграничной сетевой структуры рассматривается в экспертном сообществе как высшая форма трансграничных взаимодействий, соответствующая текущей стадии развития процессов глобализации [5]. Вместе с тем, авторитетным экспертным коллективом было сделано важное заключение: «Для анализа приграничных российско-казахстанских связей, которые позволяют охарактеризовать тот или иной приграничный регион как функциональный регион (макрорегион), проведена проверка гипотезы о наличии достаточных для этого сложившихся функциональных связей в российско-казахстанском приграничье (12 российских и 7 казахстанских регионов), исходя из проверки наличия или отсутствия феномена географической концентрации экономической деятельности. Исследование показало, что в настоящее время географическая близость этих регионов не сопровождается географической концентрацией (агломерацией) экономической активности вокруг ключевых регионов внутри макрорегиона, что особенно актуально для казахстанского приграничья» [6].

Вопрос, таким образом, заключается в том, может ли такое приграничное сотрудничество, несмотря на его бурное развитие, считаться трансграничным, а участвующие в нем регионы, соответственно, трансграничными регионами? Нам представляется, что процессы, характерные для развития взаимодействия приграничных территорий России и Казахстана в первые десятилетия 2000-х гг. и связанные, в частности, с концептуализацией фактора приграничного сотрудничества на местном, региональном и общегосударственном уровнях, как раз и обеспечивают постепенную трансформацию приграничных регионов в регионы трансграничные. Решающим обстоятельством для «точки перелома» стали действия политических, экономических и других акторов, в том числе и встречи президентов двух стран, выраженные

в совместном целеполагании в отношении приграничных территорий и приграничных взаимодействий. Возросшие масштабы таких контактов позволяют говорить о формировании в российско-казахстанском приграничье предпосылок для развития подлинно трансграничного сотрудничества.

Трансграничное сотрудничество как явление представляет собой «совокупность двусторонних и многосторонних связей между органами власти, хозяйствующими субъектами, общественными организациями и населением приграничных регионов двух или нескольких стран» [7]. Объединяя усилия государственных институтов и институтов гражданского общества, трансграничное сотрудничество становится важным фактором регионального развития, обеспечивая гармонизацию процессов глобализации и регионализации. Представляется, что логика происходящих на границе России и Казахстана событий ориентирует процесс именно в таком направлении. Он, однако, далеко не завершен. Российско-казахстанское приграничье все ещё остаётся потенциальной совокупностью трансграничных регионов.

Несомненно, формирование Таможенного союза усиливает и расширяет интеграционные процессы между Россией и Казахстаном, в том числе и на приграничных территориях. Однако Таможенный союз, предусматривающий общий таможенный тариф и переход к единой торговой политике в отношении третьих стран, – это лишь ступень на пути к более высоким уровням региональной интеграции. Например, в Европейском Союзе он уже сейчас дополнен ещё и общим внутренним рынком, обеспечивающим свободу движения товаров, услуг, капиталов и трудовых ресурсов, экономическим и валютным союзом, который формируется путем проведения общей экономической политики и единой валютой, и некоторыми элементами политического союза, базирующегося на согласованной внешней и внутренней политике, что максимально приближает региональное объединение к конфедерации. В какой мере движение двух стран в данном направлении является для них актуальным – особый вопрос, который не будет нами рассматриваться в рамках данной статьи. Обе страны заявили о своем намерении обеспечить старт проекта Евразийского экономического союза уже в 2015 г., хотя некоторые другие из потенциальных партнеров, как видится, всё ещё не приняли окончательного решения на этот счёт. Реализация таких планов должна привести к облегчению движения людей, товаров, услуг и финансовых потоков. В приграничном пространстве двух стран оно постепенно возрастает, но остаётся ограниченным множественными барьерами как технологического, так и институционального характера.

Представляется, что современная политика России в сфере трансграничных взаимодействий весьма противоречива. В ней причудливо сочетаются стремление России расширить своё экономическое пространство (и политическое влияние) при попытках ограничить зависимость от сопредельных

территорий. Как следует из официальных деклараций, её основным вектором является формирование общего экономического пространства с едины-ми нормами экономической деятельности и свободой трансграничного движения людей, товаров, услуг и капиталов через границы государств. «При таком понимании экономического пространства предполагается, что в нём главное место занимают гармонизированные или унифицированные институты предпринимательской деятельности» [8].

Очевидно, что подобная интерпретация роли институтов принципиально важна и для оценки эффективности трансграничных взаимодействий. Неслучайно, в соответствии с одним из устоявшихся определений, «трансграничные регионы – комплексный феномен. Они должны рассматриваться в единстве своих политических, нормативно-правовых, экономических, социокультурных и инфраструктурных институциональных параметров» [9]. Более того, в случае с российским приграничьем повышение эффективности институтов представляется решающим фактором. Эта проблема не может атрибутироваться исключительно в приложении к трансграничному пространству – она является общей для российской экономики в целом. Как известно, при предельном упрощении ныне популярная и широко распространенная теория пространственного развития экономики, разработанная Нобелевским лауреатом П. Кругманом, включает в себя совокупность факторов «первой природы» (т. е. естественных, природных параметров) и факторов «второй» природы (собственно институциональных факторов), между которыми должна быть обеспечена гармония [10].

Такой подход в полной мере может быть использован и в приложении к приграничному пространству. С формальной точки зрения трансграничный институт – это инструмент трансграничных взаимодействий, согласованный с нормами международного права. Сравнительные преимущества приграничных регионов Азиатской России в контексте экономической динамики – это наличие у них богатых запасов природных ресурсов и удобное географическое положение (по П. Кругману – факторы «первой природы»). Однако в силу сложившейся институциональной системы они остаются нереализованными. Более того, в ряде случаев возникшие в обществе неформальные институты, в частности, сращивание бизнеса и власти, заставляют институциональные факторы работать «в негативном аспекте» [11]. Таким образом, «институты в России – это в большей степени барьеры, чем стимулы для развития регионов» [12], а многие экономисты заявляют об «институционной ловушке», в которой находится вся российская экономика.

Неразвитость институтов трансграничного взаимодействия ныне является важнейшим препятствием, ограничивающим такое сотрудничество. Вместе с тем и Европейский Союз, и Российская Федерация в связи с ее сотрудничеством с ЕС располагают весьма интересным институциональным

опытом. В Европейском Союзе он имеет отношение к программам межрегионального и трансграничного сотрудничества INTERREG (первоначально) и ENPI CBC (в более поздний период), а также к такому феномену, как еврорегионы, которые зачастую тесно связаны с реализацией трансграничных программ. Этот опыт заслуживает более детального рассмотрения.

Исторически в рамках программы INTERREG акценты были сделаны на формировании трансграничной инфраструктуры, сотрудничестве местных органов власти, разработке общих региональных стратегий и планов развития и т. д., что соответствовало философии «Европы регионов» и принципам субсидиарности в региональном развитии в рамках ЕС. Успешная реализация этой программы позволила перенести ее базовые принципы на внешние границы Евросоюза, в частности, на зону Тасис (Tacis) [13]. Инициатива трансграничного сотрудничества Tacis CBC (Tacis Cross Border Cooperation) начала осуществляться в 1996 г. как пилотная программа, ориентированная на техническое содействие странам, имеющим общую границу с государствами-членами ЕС. Программа также базировалась и на опыте, ранее накопленном при осуществлении трансграничной программы PHARE CBC (1994), которая распространялась на страны Центральной и Восточной Европы, впоследствии вошедшие в Европейский Союз.

Российские регионы были вовлечены в программу INTERREG и Tacis CBC еще в 1990-х годах. Это касалось, прежде всего, нескольких участков российско-финской границы и Калининградской области. Опыт этих территорий стал модельным для России и широко использовался в последующие годы.

В середине первого десятилетия нового века Тасис сменила Европейская программа добрососедства (European Neighbourhood Partnership, ENP, 2004), которая создавалась в условиях расширения ЕС с 15 до 27 членов (2004 и 2007 годы). Программа ENP стала важным шагом в направлении разработки интегрированной политики трансграничных взаимодействий. Целями программы трансграничного сотрудничества (ENP CBC) стало обеспечение эффективного социально-экономического роста участвующих в ней регионов, борьба с общими вызовами, формирование эффективных и безопасных границ, а также широкое развитие гуманитарных контактов. Особенности программы заключались в том, что она имела явно выраженный региональный акцент, базирующийся, однако, на поддержке на общенациональном уровне, единый бюджет, общие структуры управления, общее правовое пространство и правила реализации проектов, позволяющие обеспечить сбалансированное партнерство стран-участников. Политической основой программы CBC стали, с одной стороны, Европейская политика добрососедства, с другой стороны – стратегическое партнерство с Россией.

Вместе с тем, с практической точки зрения программа базировалась

на опыте программы INTERREG. Большинство участников этой программы считает, что важнейшим фактором успеха является совместное управление проектами и инициативами. Базируясь на модальности INTEREG, в программе ENPI CBC были сформированы Органы совместного управления (Joint Management Authorities (JMA)). Также признано, что межрегиональные взаимодействия, в том числе и трансграничные, должны базироваться на принципах сотрудничества, а не оказания содействия или помощи (как это было в Тасис). Такой подход ставит всех участников в положение равной ответственности за реализацию целей сотрудничества и получаемые результаты.

Некоторые страны ЕС пришли к пониманию необходимости выделения дополнительного софинансирования к бюджету программы, формирующейся из фондов ЕС. Вместе с тем в большинстве программ ENPI CBC отсутствовало софинансирование со стороны стран-партнеров ЕС. Россия, однако, стала исключением, поскольку оказалась единственным государством, которое софинансировало проекты программ CBC. Наряду с этим Россия также являлась и единственной страной, которая не входила в число участников Европейской политики добрососедства, руководствуясь принципами стратегического партнёрства с ЕС.

Текущие программы CBC являются частью программы международного сотрудничества ЕС. В 2007-2013 годах впервые был сформирован единый финансовый инструмент (ENPI CBC), объединивший вместе ранее разделённые фонды сотрудничества, при помощи которого финансируются проекты как в рамках программы добрососедства, так и партнерства с Россией. Такой подход был признан успешным. В 2014 г. эта ситуация была несколько модифицирована. Однако будущее программы CBC в отношении России ныне представляется туманным из-за происшедших в текущем году драматических осложнений в отношениях между Российской Федерацией и ЕС.

Всего в 2007-2013 годах было реализовано 13 подпрограмм CBC (9 по сухопутной территории и 4 морских подпрограммы), которые охватывали пространства вдоль восточных и южных границ ЕС с общим бюджетом € 950.516 на период семи лет. Бюджет программ трансграничного сотрудничества составил почти 10% от 12-миллионного бюджета программы ENPI в целом.

Одним из следствий программ трансграничного сотрудничества стало создание еврорегионов. Под ними обычно понимаются образования, состоящие из приграничных территориальных сообществ двух или нескольких государств, обладающие консолидированным бюджетом, а также совместными программами развития в области экономики, транспорта, культуры, науки, образования, экологии и др. сфер жизнедеятельности общества. Сейчас этот

термин обычно обозначает различные формы взаимодействия сопредельных государств на субнациональном уровне. Еврорегион может определяться не только как часть приграничной территории, которая формируется из административно-хозяйственных единиц местного уровня различных государств, объединённых общими интересами, но и как некий «зонтичный проект», в рамках которого реализуются конкретные проекты по развитию приграничных территорий [14].

Наряду с продолжающими существование еврорегионами в Западной, Центральной и Восточной Европе, на рубеже 1990-2000-х гг. было создано несколько еврорегионов с участием России и стран-членов ЕС. Все они сконцентрированы в районе Прибалтики, на северо-западе страны. В их числе еврорегионы Neman (основан в 1997 г., Россия присоединилась в 2002 г.), Euroregion Baltic (1998), Saule (1999), Lyna – Lava (2003), Sheshupe (2004), Karelia (2000), Pskov – Livonia (2002).

Несколько позже были сформированы российские еврорегионы без участия ЕС, такие, например, как Днепр, (2003, Россия, Украина и Беларусь), Слобожанщина (2003, Россия и Украина), Ярославна (2007, Россия и Украина), Донбасс (2010, Россия и Украина). Текущий конфликт на Украине поставил большой знак вопроса над будущим российско-украинских еврорегионов, которые так и не успели достигнуть существенных практических результатов.

Еврорегионы стали одним из ярких проявлений европейской интеграции. Их философия изначально базировалась на представлении о необходимости обеспечить прозрачность государственных границ внутренне единого европейского пространства посредством формирования эффективных механизмов для решения проблем местного и регионального значения. Считается, что основными целями формирования еврорегионов являются следующие:

– «облегчение и упрощение сотрудничества территориальных сообществ и органов местного самоуправления, государственных органов;

– организация взаимного обмена опытом и информацией о планировании и результатах совместных проектов с учётом специфики приграничного сотрудничества;

– обмен информацией о планировании и результатах осуществления региональных проектов;

– исследование, формулирование и представление приграничных региональных проектов в соответствии с принципом субсидиарности;

– оказание своим членам консультационных услуг; содействие обмену сотрудниками административного управления и повышение их квалификации в сфере приграничного сотрудничества;

– организация работы, направленной на укрепление в сознании про-

живающего на приграничной территории населения убеждения о необходимости приграничного сотрудничества и формирования европейского самосознания, укрепление солидарности европейских народов;

– культурный обмен, а также забота и сохранение общего культурного наследия» [15].

Представляется, что опыт еврорегионов весьма значим для России и с содержательной, и с формальной точек зрения. Основа трансграничного взаимодействия и функционирования еврорегионов – «Европейская рамочная конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей», принятая 21 мая 1980 г. в Мадриде и подписанная Россией 4 ноября 1999 г., после её ратификации стала составной частью правовой системы Российской Федерации, укрепив нормативную базу приграничного сотрудничества страны с сопредельными государствами.

Развитие еврорегионов в Европе обычно оценивается положительно. Считается, что еврорегионы оптимизируют использование возможностей при решении проблем, значимых для всего региона, за счёт опоры на потенциал регионов из стран-партнеров, способствуют разработке инновационных моделей и структур управления, стимулирующих инновационный бизнес в регионе. Еврорегионы повышают инвестиционную привлекательность трансграничных территорий, т. ч. для зарубежных инвестиций и для транснациональных компаний, обеспечивают новые точки роста региональной экономики и общественного сектора, становятся инструментом урегулирования разногласий, полем для апробации совместимости правовых систем и законодательства сопредельных стран.

Некоторые из таких заключений справедливы и применительно к еврорегионам, созданным с участием России на северо-западе страны. Несомненно, что необходимо тщательно осмыслить успешные практики и уроки еврорегионов ЕС и с участием, и без участия России для оценки возможности их использования в регионах Евразии. Хотя до сих пор этого не сделано, данный опыт уже начал привлекать внимание экспертов. По одному из авторитетных экспертных заключений, «усиление внимания к проектам, направленным на интенсификацию транспортного сообщения на приграничных территориях и развитие локальных объектов дорожной и иной инфраструктуры, окажет стимулирующее воздействие на социально-экономическое развитие приграничных областей России и Казахстана. Особый интерес для российско-казахстанского приграничья представляет использование опыта отдельных еврорегионов в сфере охраны водных ресурсов» [16].

В тоже время простое копирование европейского опыта на трансграничных территориях Азиатской России, в том числе и на границе с Казахстаном, вряд ли возможно. Для этого существует целый ряд препятствий. К их числу, во-первых, следует отнести доктринальные барьеры. Как уже отмечалось, еврорегионы стали практическим выражением философии «Европы регионов». В то же время в рамках текущего дискурса в России акценты расставлены на приоритетах единого целостного государства (хотя с правовой точки зрения и являющегося федерацией) в качестве ключевого принципа обеспечения национальной идентичности, политического могущества и экономического благополучия. Представляется, что философия еврорегионов не соответствует текущей логике политических процессов в России. Дихотомия «Центр-Периферия» в стране явно решается ныне в пользу Центра.

Существенным препятствием представляется также и экономическая асимметрия, при некоторых исключениях существующая на приграничных территориях в Азиатской части России и ее соседей. Социокультурные факторы также скорее затрудняют возможности переноса опыта еврорегионов, чем стимулируют этот процесс. В приграничных регионах на востоке России отсутствуют какие-либо существенные признаки трансграничной идентичности. Евразийский фактор, о котором много говорят в настоящее время в России и Казахстане, пока вряд ли может рассматриваться как социокультурный императив, объединяющий трансграничные территории и существенно влияющий на экономические и политические процессы.

Наконец, не следует сбрасывать со счетов и вопрос ментальности. Администрации российских регионов и муниципалитетов, которые действуют в весьма туманном законодательном и регулятивном пространстве, когда правила игры не всегда понятны и транспарентны, обычно не продвигают и не поддерживают прорывные инициативы в области трансграничных взаимодействий, если они связаны с экономическими рисками.

Все вышеизложенное позволяет сделать заключение, что перенос опыта из стран ЕС на российско-казахстанское приграничье может осуществляться лишь с высокой степенью адаптации к местным условиям. К тому же и в ЕС нет единой модели еврорегионов. Возможно, что для России и Казахстана более актуален опыт не Западной, а Центральной и Восточной Европы, где большие шансы на успех получали трансрегиональные проекты, инициированные «сверху», а не «снизу».

Можно предположить, что количество трансграничных проектов в приграничье России и Казахстана постепенно будет возрастать. Вполне возможно их оформление и в виде программ развития трансграничных регионов. Но в силу особенностей формирования и функционирования по своему типу такие программы могут привести к складыванию не столько «еврорегионов», сколько «евразрегионов», в которых гораздо большее значение будут иметь факторы политической инициативы и поддержки «сверху».

Вместе с тем, анализ международных практик ясно демонстрирует, что трансграничное сотрудничество в формате еврорегионов способно принести ощутимые практические результаты во многих сферах. Основной

проблемой эффективного трансграничного сотрудничества были и остаются слабые институты. Важнейшим уроком, извлечённым из опыта ЕС, является понимание, что эффективным институтом трансграничного сотрудничества стали сами программы трансграничного сотрудничества, такие как INTERREG, PHARE CBC, Tacis CBC, ENPI CBC. Очевидно, что такое понимание необходимости программного подхода должно быть использовано для практического развития трансграничных инициатив. Однако в российском евроазиатском пространстве до сих пор ничего подобного не существует.

Создание таких программ для российско-казахстанского приграничья является крайне актуальным. Но для будущих конкретных проектов ключевой задачей является определение их базового вектора: способствуют ли они развитию трансграничных территорий по оптимальному сценарию, либо, напротив, консервируют исторически сложившуюся асимметрию и могут привести к возрастанию напряжения в точках соприкосновения в будущем, как это уже ранее случалось на евроазиатском пространстве.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ганзей С.С. Трансграничные геосистемы Юга Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая. – Владивосток: Дальнаука, 2004. – С. 10-11.
2. Водичев Е.Г. Еврорегионы и трансграничные регионы Азиатской России: о возможности переноса сложившихся подходов и практик // Приграничье Азиатской России: подходы к анализу современных проблем. Отв. ред. Н.Н. Аблажей и Е.Г. Водичев. – Новосибирск, 2011. – С. 9-16.
3. Давыдов Д., Чекалина Т. Калининград: плюсы и минусы эксклавности // Космополис. № 2 (21). Лето 2008. – С. 142.
4. Электронный ресурс. Режим доступа: www.kremlin.ru/text/2006/10/11
5. Шинковский М.Ю. Трансграничное сотрудничество как рычаг развития российского Дальнего Востока // Полис. № 5.; Шинковский М.Ю. Трансграничное сотрудничество как рычаг развития российского Дальнего Востока // [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.ifpc.ru/index.php?cat=159.
6. Таможенный союз и приграничное сотрудничество Казахстана и России. Евразийский банк развития. Центр интеграционных исследований. – СПб, 2012. – С. 11.
7. Давыдов Д., Чекалина Т. Калининград: плюсы и минусы эксклавности // Космополис. № 2 (21). Лето 2008. – С. 144.
8. Вардомский Л.Б. Российское экономическое пространство: вопросы единства в условиях глобализации. Научный доклад. – Москва: Институт экономики РАН, Весна 2006. [Электронный ресурс]. Режим доступа: imepi-eurasia.ru›baner/vard1.doc
9. Бакланов П.Я., Шинковский М.Ю. Трансграничный регион: понятие, сущность, форма. – Владивосток: Дальнаука, 2010. – С. 192-215.
10. Krugman P.R. Geography and Trade. Cambridge. – MA: MIT Press, 1991.
11. Водичев Е.Г., Глазырина И.П., Красноярова Б.А. Трансграничные территории: подходы к анализу процессов межрегионального взаимодействия // Природоохранное сотрудничество в трансграничных экологических регионах: Россия-Китай-Монголия. Вып. 3. Ч. 1. – Чита, 2012. – С. 83-87.
12. Зубаревич Н.В. Региональное развитие и институты: российская специфика // Региональные исследования. – 2010. №2 (28). – С. 3-14.
13. О Tacis (Тасис) см.: Водичев Е.Г. Европейский Союз и Сибирь. Опыт реализации программ технического содействия в Сибирском регионе. – Новосибирск, 2004.
14. Насыров И.Р. Международное сотрудничество регионов. Мировая практика и опыт Татарстана. – Казань, 2007. – С. 170.
15. Балтийский регион как полюс экономической интеграции Северо-Запада Российской Федерации и Европейского союза. – Калининград, 2006.
16. Таможенный союз и приграничное сотрудничество Казахстана и России. Евразийский банк развития. Центр интеграционных исследований. – СПб, 2012. – С. 11.

Гайкин В.А.

ТИХООКЕАНСКАЯ РОССИЯ – «СТЫКОВОЧНЫЙ УЗЕЛ» ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КООПЕРАЦИИ РОССИИ С ЯПОНИЕЙ И КОРЕЕЙ

В новой геополитической обстановке («уход» Украины в ЕЭС) вопрос о расширении Евразийского союза на Восток становится актуальным. Тихоокеанская Россия может стать «стыковочным узлом» экономической кооперации Евразийского союза с Японией и Кореей.

Ключевые слова: геополитика, Евразийский союз, Россия, Япония, Корея, Тихоокеанская Россия, глобализация, стыковочный узел.

Создание евразийского экономического союза не «каприз кремлёвской верхушки», а закономерный (промежуточный) итог мирового исторического процесса. В этой программе трансформации евразийского политического пространства, реинтеграции на пространстве бывшего СССР Тихоокеанской России будет отведена важная роль интегративной подсистемы, обеспечивающей экономическую кооперацию с Корейскими государствами и Японией. Договор о мире с Японией в ближайшие десятилетия подписан не будет. Ситуация, усилиями обеих сторон, превратилась в тупиковую (патовую). Правящие круги Японии, поощрённые предложением Н.С. Хрущёва о передаче ей двух островов, зашли в своих требованиях так далеко, что остановиться и отказаться от своих притязаний без «потери лица» уже не в состоянии. «Сохранить лицо» для японцев, воспитанных на самурайской этике поведения, не просто фигура речи, а один из главных постулатов в отношениях с окружающим миром.

Для России возврат полученных в результате победы над Японией «северных территорий» равнозначен, во-первых, признанию того, что в со-

ветско-японской войне осенью 1945 г. не было победителей; и, во-вторых, «потере лица» в глазах японцев, которые в своё время захватив у России пол-Сахалина посчитали бы неудачной русской шуткой требование вернуть эту часть острова назад. «Новые японские земли» на Сахалине активно заселялись и осваивались трудолюбивыми японскими колонистами вплоть до 1945 г., когда советский реванш заставил их с большой неохотой вернуться на родину предков.

Жизнь богаче шахматных ситуаций и всё вышесказанное не означает, что отсутствие мирного договора (как бы патовая ситуация) будет мешать двум государствам активно развивать отношения и экономическое сотрудничество. 90 лет назад закончила своё политическое существование Дальневосточная республика, образованная правительством РСФСР для предупреждения столкновения коммунистической России и капиталистической агрессивной Японии. Более двух лет Тихоокеанская Россия успешно выполняла роль буфера между двумя сопредельными государствами. История (по Марксу) повторяется, и сегодня эта территория (с точностью до наоборот) может сыграть роль стыковочного узла в процессе экономической кооперации с Японией и Корейскими государствами. Япония, инвестируя в дальневосточные территории России, создавая здесь промышленные производства, как бы сохранит лицо, развивая отношения не с далёкой Москвой, а с соседними территориями (Тихоокеанской Россией). Практическими «рычагами» интеграции двух экономик будут строительство моста мыс Погиби – остров Сахалин, сооружение подземного туннеля между Сахалином и Хоккайдо и соединение Транссиба с японскими железными дорогами. Аналогичная программа в отношении Корейских государств уже перешла в плоскость практической реализации, Транссиб и северокорейские ж. д. состыкованы, новая магистраль доведена до порта Раджин. В перспективе – транскорейская и трансевразийская магистрали.

«Флёр» известной автономии российского Дальнего Востока будет поддерживаться деятельностью автономной некоммерческой организацией с большим объемом капитала (АНО), проект создания которой на «далёкой окраине» страны уже обсуждается в правительстве. По словам министра экономического развития Андрея Белоусова: «Очень важно там создать единого оператора, который мог бы управлять большими объемами финансовых ресурсов. С нашей точки зрения, это должна быть крупная структура, скорее всего автономная некоммерческая организация, которая может такие проекты реализовывать. Но с большим собственным капиталом, но здесь важно все четко синхронизировать, чтобы не получилось так, что государство построит инфраструктуру, а бизнес не придет», – уточнил министр экономического развития и торговли [1].

Если попытаться «прочитать» матрицу исторического процесса с

помощью гегелевского закона «отрицание отрицания», то выделяются три исторических этапа (гегелевская триада): первобытное общество, классовое общество, постиндустриальное общество. Как известно, по Гегелю, третий член «триады» повторяет первый (спираль развития), но на качественно новом уровне. Тот же Гегель считал, что история человечества – это поэтапное развитие свободы индивидуума. Согласно непопулярному сегодня К. Марксу, «царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства» [2]. Таким образом, достижение царства свободы (по Гегелю), как лейтмотив развития человечества, реализуется только после выхода человека из сферы материального производства (по К. Марксу).

Первобытное общество, охота и собирательство (зависимость от природы) – тезис, переход к регулярному труду (зависимость от материального производства) – антитезис. Развитие материального производства эволюционно приводит к освобождению от всякой зависимости (постиндустриальное общество) – синтез. Однако «синтез» (постиндустриальное общество), как повторение на высшем уровне «тезиса» (первобытное общество), будет означать и перенесение в постиндустриальное общество доминантного конфликта первобытного общества, коим была межрасовая конфронтация. (Первобытное общество унаследовало от животного мира внутривидовую борьбу, коя у первобытных людей приняла форму межплеменных войн, и межвидовую борьбу, коей стала межрасовая конфронтация.) Расовая война станет самым страшным конфликтом в истории, главной и единственной её целью будет полное уничтожение всего населения расы-антагониста.

Дать точный футуропрогноз с указанием даты реализации того или иного события нереально. Правильнее определять направления, векторы развития, намечать ориентиры и вехи, оконтуривать цели. Аксиомой стал тезис о том, что научно-технический прогресс идёт по экспоненте (с возрастающей скоростью). Попробуем вывести «алгоритм» ускорения: от каменного топора до начала использования металлических орудий труда прошли десятки тысяч лет; путь от металлического топора до применения станков человечество прошло в десять раз быстрее – за несколько тысяч лет. На порядок меньший временной отрезок понадобился, чтобы изобрести компьютер – несколько сот лет. Экстраполируя эту тенденцию в будущее, можно предположить, что для завершения компьютерной революции, комплексной роботизации производства (и выхода из него человека) будет достаточно нескольких десятилетий (по максимуму столетие). Нужно сделать поправку на то, что, как отмечают эксперты, в последние десятилетия происходит замедление научно-технической революции. В окончательном варианте вы-

ход человечества из сферы производства, вступление человечества в новый (постиндустриальный) этап развития и, как следствие, возможность расовой войны можно ожидать в конце 21 столетия (2080-2100 гг.)

Наш прогноз-концепция о возможности возникновения в конце 21 века расовой войны получил неожиданное подтверждение. В 2003 г. была найдена ранее неизвестная 2-х томная рукопись И. Ньютона. (Это событие освещалось в прессе и по ТВ [3].) Её содержание составляют математические вычисления, которые базируются на астрологической информации, библейских сюжетах, Книге пророка Даниила. Согласно гипотезе великого учёного, между восстановлением Священной Римской Империи Карлом Великим – коронация которого состоялась в рождественскую ночь 800 года – и концом света должны пройти 1260 лет. Главный вывод рукописи состоит в том, что апокалипсис следует ожидать в 2060 г.

Между нашим прогнозом даты расовой войны (2080-2100 гг.) и футурпрогнозом «конца света» И. Ньютона (2060 г.) – 20 лет разницы. Учитывая, что прогноз великого ученого был сделан почти за 400 лет до события (!), то 20 лет можно считать допустимой погрешностью в вычислениях (5%). Расовая война не неизбежна. Альтернативный (самоуничтожению) путь состоит в том, что Россия, расколов монголоидное сообщество и создав «Евразийский союз» (Россия, Узбекистан, Казахстан, Киргизия, Монголия, Корея, Япония), станет третьим (разнорасовым) силовым центром Евразии, снижающим до минимума расовое напряжение между монголоидным (Китай) и европеоидным (Европейский союз) полюсами планеты.

Концепция Евразийского союза появилась почти одновременно (начало 90-х гг.) с проектом «Туманган» в качестве его антипода. Если «Туманган» (и Евразийский транспортный коридор в обход России) – это изоляция России, дезорганизация евразийского пространства, его геополитическая трансформация в угоду геостратегическим интересам Китая, то Евразийский союз – разнорасовое сообщество, символизирующее будущее единство Евразии, а в последствии и мира. Связанные общим экономическим интересом, государства-члены Евразийского союза формируют новый мощный полюс глобализирующегося мира, в качестве промежуточного этапа на пути к унипланетному сообществу.

По мнению вице-премьера Кыргызстана Джоомарта Оторбаева, большинство стран Центральной Азии, не имея выхода в мировой океан, больше других заинтересованы в развитии Евразийской инициативы. Выступая в качестве основного спикера на конференции высокого уровня «Глобальное сотрудничество в эру Евразии», прошедшей 18 октября 2013 г. в Сеуле, он предложил Японии и Корее вступить в Таможенный союз: «Грядет эра Евразии, перед континентом стоят важные цели. Этих целей можно достичь, только если страны Евразии смогут поэтапно избавиться от барьеров, которые по разным причинам нам мешают. Открыть границы, расширять рынки, развивать сотрудничество на национальном, региональном и глобальном уровнях – это тот путь, который должны избрать страны континента, чтобы добиться успехов» [4].

Аналогичный футуропрогноз предлагает Путин в своей программной статье, в газете Известия. Её квинтэссенция – в следующем абзаце: «Создание Евразийского союза, эффективная интеграция – это тот путь, который позволит его участникам занять достойное место в сложном мире XXI века. Мы предлагаем модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом» [5].

Рисунок 1

Карта строительства мостов и тоннелей для соединения Транссиба и железных дорог Японии (мыс Погиби – Сахалин – Хоккайдо)

Рисунок 2

План соединения Транссиба и железных дорог Японии
(мыс Погиби – Сахалин – Хоккайдо)

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вместо госкорпорации на дальнем Востоке может появиться АНО. – Владивосток, 4 марта, PrimaMedia.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 2. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1970. – С. 386, 387.
3. Комсомольская правда. 19.06.2007.
4. Южная Корея и Япония могут вступить в Таможенный союз - Nur.kzfinance.nur.kz/news/macroeconomics/286925.html
5. Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня. / В.В. Путин. – Известия, 2011. №184.

Глушкова Л.Н.

РОДИТЕЛЬСТВО НА РАННИХ ЭТАПАХ БРАКА В ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Семья – это общество в миниатюре, со всеми его достижениями, противоречиями. В настоящее время семья переживает сложный период развития: осуществляется переход от традиционной модели семьи к новой, меняются виды семейных отношений. Вопрос об укреплении брака и улучшении брачной структуры населения приобретает важнейшее государственное значение в связи с проблемой рождаемости и ростом числа разводов, проявлением внутрисемейного насилия и феномена социального сиротства [1].

На сегодняшний день в Республике Казахстан распадается каждый третий брак. Количество разводов за последние шесть лет достигло рекордных значений [2, с. 116]. Этому соответствует официальная статистика, где на сто заключенных браков приходится 34 развода. Большая часть браков распадается в течение от года до трех лет. Последствия зачастую плачевные, в 80% случаев из-за разводов родителей страдают дети [2, с. 119]. Стремительное старение населения и неблагоприятные демографические тенденции заставят общество уже в ближайшем будущем предъявить к сегодняшним супругам повышенные требования. Учитывая актуальность и значимость проблем, связанных с сохранением и укреплением репродуктивного здоровья, необходимость и важность этих задач, необходимо совместными усилиями, при активной поддержке государственных структур, способствовать повышению ценности брачного союза и культуры брачных отношений, увеличению рождаемости, и, как следствие, стабилизации и улучшению демографической ситуации в стране. Однако цифры статистики заставляют задуматься – в Казахстане ежегодно регистрируется около 140 тысяч браков, и почти каждый четвертый зарегистрированный брак распадается [2, с. 113].

В современных системах воспитания и образования большинства стран (в том числе и в Республике Казахстан) практически отсутствует специальная подготовка молодёжи к браку, формированию репродуктивных установок, функций родительства. Первые годы брака считаются ранним этапом в его развитии. Именно в этот период возникают сложности по адаптации друг к другу, совмещение ценностных ориентаций, выработка функционально-ролевой согласованности, выполнение родительских функций и прочее. Насколько удается реализовать перечисленное – сложный вопрос, поскольку часть разводов приходится на ранние этапы брака. Изначально проблемы на данном этапе могут формироваться ещё до заключения брака.

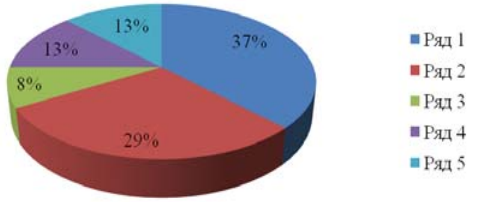
Таблица 1

Статистика браков и разводов

№	Год	Количество заключенных браков	Количество разводов
1	2010	11 469	4 478

2	2011	12 730	4 641
3	2012	12 988	4 814
4	2013	13 130	5 080

Выборку нашего исследования (в соавторстве с исследователем Будриной Е.В.) составили 44 пары в количестве 88 человек, средняя продолжительность брака 2,5 года. Из них 8,3% – татары, 29,2% – казахи, 37,5% – русские, 12,5% – украинцы, 12,5% – немцы. Базой исследования является: отдел РАГСа города Усть-Каменогорска Восточно-Казахстанской области. В исследовании приняли участие 44 мужчины (в возрасте от 21 до 30 лет) и 44 женщины (в возрасте от 20 до 28 лет).



Ряд 1 – русские; ряд 2 – казахи; ряд 3 – татары; ряд 4 – немцы; ряд 5 – украинцы.

Наше исследование направлено на изучение проблем, возникающих на ранних этапах брака, готовности к родительству в данный период. Данный этап считается трудным, и не все с успехом переходят на следующую стадию. Этому соответствует статистика разводимости в разные периоды жизненного цикла семьи [3]. Данная статистика представлена на рисунке 1.

Рисунок 1

Диаграмма процентного соотношения разводов в разные периоды жизненного цикла семьи

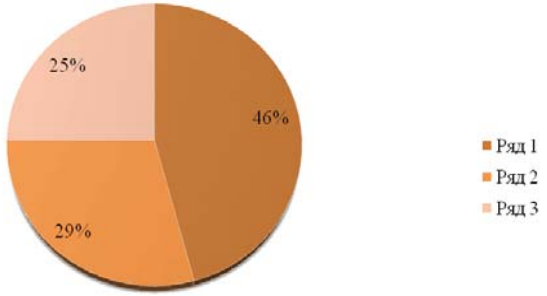
Ряд 1 – стаж супружеской жизни от 1 до 6 лет; ряд 2 – стаж супружеской жизни от 6 до 9 лет; ряд 3 – стаж супружеской жизни от 10 до 14 лет; ряд 4 – стаж супружеской жизни от 15 до 19 лет; ряд 5 – стаж супружеской жизни от 20 и более лет.

Из диаграммы, представленной на рисунке 1, видно, что чем меньше стаж брака, тем больше риск к его распаду. Как полагает исследователь Будрина Е.В., люди, прожившие друг с другом незначительное количество лет, наиболее склонны к разводу.

Какова степень удовлетворенности браком на ранних стадиях.

Рисунок 2

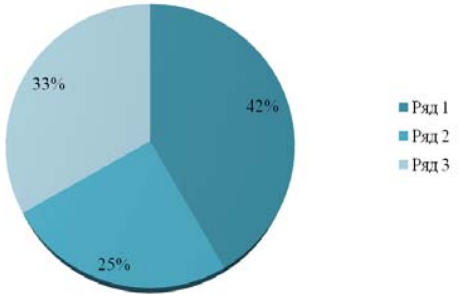
Диаграмма результатов исследования на удовлетворенность браком женский вариант



Ряд 1 – удовлетворенны; ряд 2 – не удовлетворенны; ряд 3 – частично удовлетворенны.

Рисунок 3

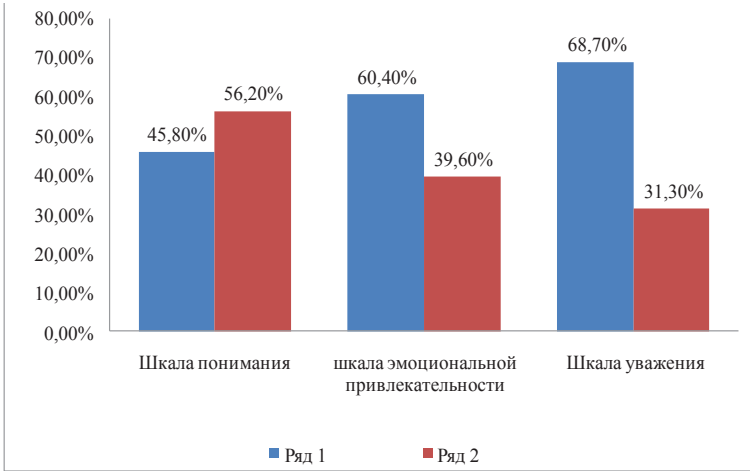
Диаграмма результатов исследования на удовлетворенность браком мужской вариант



Ряд 1 – удовлетворенны; ряд 2 – не удовлетворенны; ряд 3 – частично удовлетворенны.

Рисунок 4

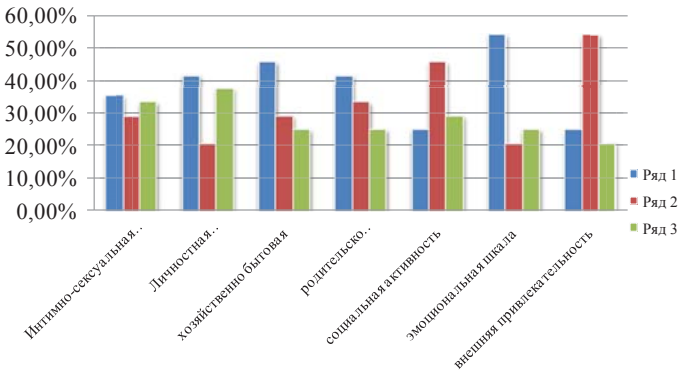
Диаграмма процентного соотношения данных понимания, эмоционального притяжения, авторитетности в браке



Ряд 1 – высокий показатель; ряд 2 – низкий показатель.

Рисунок 5

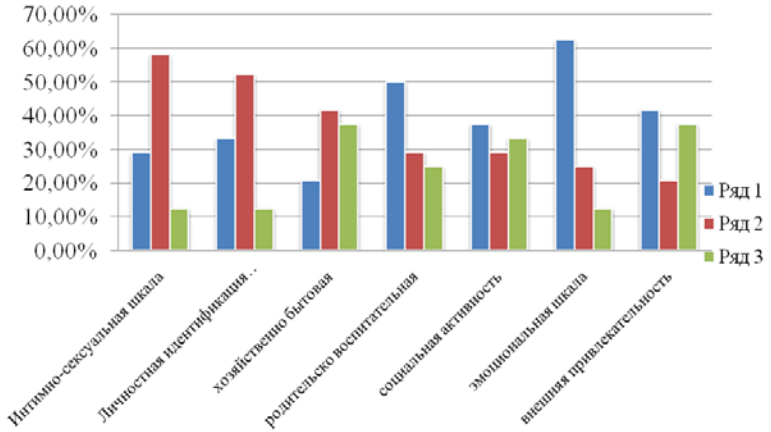
Диаграмма результатов исследования мужчин по методике «Ролевые ожидания и притязания в браке»



Ряд 1 – высокий показатель; ряд 2 – средний показатель; ряд 3 – низкий показатель.

Рисунок 6

Диаграмма результатов исследования женщин по методике «Ролевые ожидания и притязания в браке»



Ряд 1 – высокий показатель; ряд 2 – средний показатель; ряд 3 – низкий показатель.

Опираясь на диаграммы, изображенные на рисунке 5 и рисунке 6, перейдем к интерпретации результатов.

Интимно-сексуальная шкала означает шкалу значимости сексуальных отношений в супружестве и относится к функции сексуально-эротической близости. У мужчин данную сферу можно назвать как благоприятной, так и наоборот, этому свидетельствует почти равный высокий и низкий показатель. Высокий показатель означает то, что супруг считает сексуальную гармонию важным условием супружеского счастья, и к данному показателю относятся 35,5% испытуемых. Низкий показатель интерпретируется как недооценка сексуальных отношений в браке, и этому свидетельствует достаточно высокий показатель среди мужчин, а именно 33,3% испытуемых. У женщин напротив 12,5% по данной шкале показывают низкий уровень согласованности, а высокий 29,2%.

Шкала, отражающая установку мужа/жены на личностную идентификацию с женой/мужем. Высокий показатель характеризуется общностью интересов, потребностей, ценностных ориентаций, способов времяпрепровождения. Здесь мы видим достаточно высокий процент: 41,7% респондентов среди мужчин и 33,3% среди женщин. Это свидетельствует тому, что функция досуга в браке нарушена не была. Низкий показатель характеризует расположенность к личной автономии, замкнутости, к желанию проводить все

свободное время отдельно от супруги. По результатам исследования низкий показатель присутствует у 37,5% мужчин и у 12,5% женщин. Здесь видно существенное различие. У мужчин низкий показатель преобладает.

Хозяйственно-бытовая шкала интерпретируется как реализация хозяйственно-бытовых функций в браке. 45,8% испытуемых мужчин имеют высокий показатель, тем самым указывая на то, что эта сфера благоприятная, и отмечают высокий уровень согласованности ожиданий и исполнения ролей. У женщин так же высокий показатель преобладает и составляет 41,7%, и это означает, что в зависимости от ситуации и состояния установка жены на реализацию хозяйственно-бытовой функции семьи будет значимо различаться.

Шкала родительско-воспитательной ценности. По родительско-воспитательской шкале у 41,7% мужчин получен высокий показатель, свидетельствующий о выраженности, о готовности отношений к своим родительским обязанностям. Данное количество мужчин придает большое значение исполнению родительской функции и считает родительство основной функцией, концентрирующей вокруг себя жизнь брака. По родительско-воспитательской шкале у 50% женщин получен высокий показатель. Это говорит о высокой значимости для женщин роли матери. Женщины придают большее значение роли родителя, чем мужчины.

Шкала социальной активности. Характеризуется шкалой, отражающей установку супруга/супруги на значимость внешней социальной активности (профессиональной, общественной) для стабильности в браке. По шкале социальной активности у 45,8% мужчин получен высокий показатель, это говорит о большой значимости внесемейных интересов, являющихся основными ценностями в процессе межличностного взаимодействия супругов. По шкале социальной активности у 37,5% женщин получен высокий показатель. Женщины в большей степени ориентируется на то, чтобы их брачный партнер имел серьезные профессиональные интересы, играл активную общественную роль.

Эмоционально-психотерапевтическая шкала выражает установку на значимость эмоционально-психотерапевтической функции. Здесь результат у мужчин достаточно высок и составляет больше половины – 54,2%, низкий показатель составил всего 25%. У женщин так же достаточно большой процент по высокому показателю – 62,5%, а низкий составил всего 12,5%. Здесь характеризуется значимость психотерапевтической функции. Например, брать на себя обязанности эмоционального лидера и семейного психотерапевта в семье, оказывать моральную и эмоциональную поддержку, создавать «психотерапевтическую атмосферу в семье» или ожидать этого же от другого члена семьи.

Шкала внешней привлекательности отражает установку мужа/жены

на значимость внешнего облика, его соответствие стандартам современной моды. 25% респондентов среди мужчин ориентируется на современные образцы внешнего облика. 20,8% мужчин показали, что в зависимости от ситуации и состояния их установка на значимость внешнего облика, его соответствие стандартам современности будет разной. У женщин, наоборот, высокий показатель по данной шкале составил 41,7%, это означает выраженное желание женщин иметь внешне привлекательного партнера.

Связь удовлетворенности браком с функциональной системой (критерий ранговой корреляции Спирмена). Данные по подсчетам представлены в таблице 2.

Таблица 2

Удовлетворенность браком и выполнение семейно-брачных функций (критерий ранговой корреляции Спирмена)

Функции	Удовлетворённость браком
Функция сексуально-эротической близости	0,923
Психотерапевтическая функция	0,712
Хозяйственно-бытовая функция	-0,125
Досуговая функция	0,327

Опираясь на данные, представленные в таблице 2, мы выявили высокую зависимость удовлетворенности в браке, связанную с выполнением определенных функций.

Таким образом, если функции нарушены, то следствием является неудовлетворенность в браке. Большую роль на возникновение проблем играет функция сексуально-эротической близости и, в частности, оказывает существенное влияние на удовлетворенность браком. Так же значима роль психотерапевтической функции. Данная функция целиком и полностью связана с удовлетворением жизненно необходимых потребностей в браке. Функция досуга напрямую препятствует удовлетворению потребности в совместном отдыхе, эмоционального принятия партнера. Хозяйственно-бытовая функция связана с возникновением психологических проблем, но по сравнению с другими функциями уступает в значимости. Основным фактором возникновения психологических проблем на ранних этапах брака является дисфункция в таких сферах, как психотерапевтической, досуговой, сексуально-эротической близости. Реализация функциональной системы брака является основой для формирования у супругов чувства неудовлетворенности. Брак имеет главную репродуктивную функцию. От выполнения именно

этой функции в значительной мере зависит стабильность брака на ранних его этапах и, как следствие, демографическое положение в Восточно-Казахстанской области.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бабкин Н.И. Социальная педагогика. Методические рекомендации.
2. Нормативно-правовые акты по статистическим данным браков и разводов в Республике Казахстан. – Астана, по состоянию на 2014 год. – 249 с.
3. Указы президента о учреждении и праздновании официальных праздников. – Астана, 1 марта 2013 года. – 3 с.
4. Закон о молодёжной политике Республики Казахстан от 07.07.2004 г., с изм. и доп. на 2012 г. – 170 с.

Гончаров Ю.М.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.: К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)

Изучение истории русского города в последние десятилетия активизируется. Особенно это заметно в российской провинции, поскольку региональные (локальные) исторические исследования сейчас являются очень актуализированными.

История городов Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в., начинает активно изучаться с 1970-х гг., в последние же годы сибирская историческая урбанистика переживает расцвет. Расширяется проблематика исследований, все больший круг источников вовлекается в научный оборот, развивается методология, в силу того, что сибиреведы все в большей степени осваивают подходы мировой исторической науки. Среди множества аспектов, разрабатывавшихся в последнее время, можно назвать: население городов (состав, динамика численности, источники формирования, демографические процессы, городская семья и др.), управление (деятельность городских муниципалитетов в разных сферах и в разные периоды), благоустройство и застройка, архитектура, экономика (торговля, промышленность, предпринимательство, занятия горожан), городские сословия и состояния (купечество, чиновники, мещанство, духовенство, военные), культурная жизнь (история театра, кинематографа, библиотек, музеев, научных обществ, выставок и т.д.), гендерная история и др. [1].

Тем не менее, далеко не все аспекты истории дореволюционного сибирского города изучены. Перспективным, на наш взгляд, кажется рассмотрение города как целостного социокультурного объекта. Концепция изучения города как социокультурного объекта была разработана в начале XX в. отечественными историками-урбанистами И.М. Гревсом и Н.П. Анциферовым [2].

Анциферов, например, писал, что «город – наиболее конкретный устойчивый организм. Город дает нам наиболее выразительный образ культуры своего времени. Он впитал в себя всю историю связанной с ним страны и волею своих граждан превращен в ковчег, в котором содержатся народные реликвии. В городе мир прошлого не смыт беспощадным потоком времени. Былое просвечивается в нем всюду: в направлении его улиц, формах его площадей, в силуэтах его куполов и башен… Все накопленное веками слито здесь в едином целом облике, который доступен каждому из нас. Мы – дети городской культуры. Путь познания ее лежит через внимательное и разностороннее изучение города, который есть исторически сложившийся культурный организм» [3].

Данный подход предвосхитил современные методики изучения феномена города. В советское время это направление не получило дальнейшего развития, изучались прежде всего социально-экономические и общественно-политические процессы в городах. Только в последние годы в изучении истории города появился новый срез – социокультурный.

Объединение социальной и культурной сфер в современной научной литературе является широко распространенным. Так, например, М.С. Каган, рассматривая проблему соотношения понятий «культура» и «общество», пришел к выводу о том, что «общественные отношения являются содержательным наполнением всех социальных институтов, культура же – оформлением этого содержания в процессе созидательной и целенаправленной деятельности людей». По мнению исследователя, «обычно организационная сторона общественного бытия не расценивается как культурный феномен, ее относят к миру социальных, а не культурных форм. Между тем применительно ко всем организациям, институционализирующим совместную деятельность людей, неправомерна альтернативная постановка вопроса – являются ли они формами общества или культуры, ибо тут общество и культура объединяют свои усилия, образуя культурные способы опредмечивания общественных отношений… отсюда становится понятным получившее в последние годы широкое распространение понятие «социокультурное», обозначающее связь и различие этих двух сторон человеческого бытия» [4]. В наши дни на сибирском материале активно использует данный подход омский историк Д.А. Алисов [5].

Понятие «городская социокультурная среда» трактуется по-разному. Исследователи 1920-х гг. под социокультурным развитием городов понима-

ли совокупность всех сторон существования человека, в том числе и взаимоотношения человека и общества, общества и власти, характера культуры и типа социальности. В силу этого изучение города осуществлялось посредством выявления социальных, культурных, демографических, экономических, духовных факторов, влиявших на социокультурное развитие городского населения [6].

В процессе изучения социально-культурной структуры города на протяжении долгого периода накапливается масса информации, которая отражает различные аспекты развития сети социокультурных учреждений. По мнению Н.П. Анциферова, город стоит изучать согласно его функциям. К функциям города стоит отнести:

– Прежде всего, город есть место общежития, это его первичная и основная функция. Изучение состава населения с точки зрения профессиональной, сословной, национальной, религиозной, классовой принадлежности и т.д., а также его расселение определит характер города.

– Следует выделить торговую и промышленную функцию, определяющую экономическое назначение этого социального организма.

– Третья функция превращает город в центр сооружений транспортного характера.

– Четвертая функция определяет город как центр лечебного характера, обслуживающий в медицинском отношении не только свое население, но и весь край.

– Пятая не имеет самостоятельного значения. Она заключается в техническом оборудовании города в связи с требованиями гигиены и таким образом тесно связана с предыдущей.

– Шестая функция – административная, превращающая город в центр управления округой больших или меньших масштабов, а вместе с тем и формирующая управление внутри самого города. Эта функция превращает город в центр политической жизни.

– Седьмая – военная или стратегическая функция, определяющая значение города как укрепленного места, крепости и делающая его центром поселения воинских частей.

– Восьмая функция заключается в назначении города как средоточия духовной культуры во всех ее проявлениях (например, науки, искусства, религии)...

– Девятая и последняя функция характеризует город как центр развлечений.

Все эти функции выражают природу города как социального организма. Они тесно связаны между собою, и изучить одну из них изолировано от других невозможно. Вместе взятые, они поддаются нашему познанию только на основе изучения анатомии города, то есть изучения его пространственной организации [7].

В процессе изучения социально-культурной структуры города на протяжении долгого периода накапливается масса информации, которая отражает различные аспекты развития сети социокультурных учреждений. Американский социолог Смайлс говорит, что «город – это среда, включающая в себя систему социальных институтов, обеспечивающих жизнедеятельность городского населения» [8].

«Городская инфраструктура представляет собой сообщество сетей учреждений определенного назначения. Этот конгломерат имеет характерные черты, но в то же время каждая сеть данного союза уникальна по своим функциям: образовательной, развлекательной, религиозной, санитарной, коммуникационной и т.д.» [9].

Развитие городской социокультурной среды конца XIX – начала XX в. усложняется проходившими в это время модернизационными процессами. Городская социальная структура дореволюционной России являлась пестрой по составу, трансформируясь от сословной к классовой. Сословная составляющая наложила отпечаток на формирование социокультурных учреждений города, а классовая – на их функционирование.

Город – это особая социально-территориальная форма организации общественного производства, где «осуществляется не только производство вещей, но и «производство» самих людей, их образа жизни. Качество «производства» человека во многом, если не во всем, зависит от состояния социально-культурной среды, которое определяется, в том числе, и такими факторами, как наличие жилья и его качество, коммунальных услуг, внутригородского транспорта и связи, торговли и общественного питания, бытового обслуживания, а также от состояния здравоохранения и образования и т.п., процесс усложнения городской среды приводит к изменению «качеств» самого человека» [10].

Под инфраструктурой обычно понимается система вспомогательных отраслей какого-либо производства, обеспечивающих нормальную деятельность этого производства, а под социальной инфраструктурой – комплекс отраслей хозяйства, обеспечивающих условия жизнедеятельности общества.

Таким образом, можно назвать основные элементы социокультурной инфраструктуры города: образование, наука, здравоохранение, система социального обеспечения, общественные организации, библиотеки, театры, цирки, кинематограф, художественные галереи и выставочные залы, типографии и издательства.

Многие их этих элементов неоднократно привлекали внимание исследователей. Существует, например, значительная литература по истории образования, театра, развитию сети библиотек. По истории общественных неполитических организаций дореволюционной Сибири в прошлом году была

защищена докторская диссертация Дегальцевой [11] и т.д.

Однако до сих пор не было попыток рассмотрения социокультурной инфраструктуры городов в ее целостности, выявления взаимосвязей между ее отдельными элементами. В этом мы и видим свою исследовательскую задачу.

Можно привести некоторые данные о развитии отдельных элементов социокультурной инфраструктуры. Так, в середине XIX в. школьная сеть в Сибири характеризовалась «ничтожными количественно размерами и крайней пестротой в отношении ведомственной принадлежности школ» [12].

О состоянии образования в эти годы писалось: «...здесь для вопроса о народном образовании несравненно менее благоприятные условия, чем в Европейской России… сами учебные заведения в воспитательном и материальном отношениях были обставлены крайне неприглядно. Даже гимназии открывались при самых убогих средствах и довольствовались самым неудовлетворительным учительским персоналом» [13].

Среди учебных заведений действовали Тобольская и Томская гимназии, уездные училища, омский кадетский корпус, духовные семинарии и духовные училища, приходские и частные школы. В Алтайском округе действовали горнозаводские и горные школы.

Начальные школы способствовали распространению грамотности, но не могли в достаточной степени удовлетворить потребность в образовании. Газета «Восточное обозрение» писала в 1897 г.: «Многомиллионное сибирское население по-прежнему остается без школ и коснеет в невежестве или получает какие-то обрывки знаний, которые быстро забываются при выходе из школы» [14].

При недостатке официальных училищ в Сибири получили распространение домашние, или «вольные», школы (обучение на дому). Качество обучения в этих школах зависело только от самих учителей. Уровень его был низким, особенно когда учителями становились малограмотные отставные солдаты или ссыльнопоселенцы.

В начале 1860-х гг. под влиянием общественно-педагогического движения в Сибири появляются воскресные школы для взрослых культурно-просветительского характера. В частности, такие школы открылись в Тобольске, Омске, Томске. Они представляли собой общественное начинание по распространению грамотности и первоначальных знаний среди взрослого населения: рабочих, ремесленников. Однако в 1862 г. воскресные школы были закрыты из опасения, что они станут очагами демократической пропаганды. Воскресные школы для взрослых вновь открываются в 1880-х гг. (в Томске в 1881 г., Кургане – 1885 г. и других городах) [15].

В середине 1860-х гг. в Западной Сибири было всего 2 средние общеобразовательные школы: Тобольская и Томская мужские гимназии. В 1870

г. гимназия открылась в Омске. В Томске (1877 г.) и Тюмени (1879 г.) были открыты первые в Сибири реальные училища.

Александровское реальное училище в Тюмени было основано по инициативе И.Я. Словцова, который и руководил им четверть века. Училищу предоставили вновь построенные типовые здания. На средства городской думы и общественности были оборудованы классные аудитории, предметные кабинеты, лаборатории, залы, мастерские. Библиотека училища располагала солидным фондом учебной, научной и художественной литературы [16].

В эти годы поднимается вопрос о женском образовании. Женские школы стали открываться в городах региона с 1860-х гг., они делились на 2 разряда. Женские училища II разряда (с трехлетним обучением) появились в Томске, Тюмени, Ишиме, Ялуторовске, Каинске. Школы I разряда с шестилетним сроком обучения открываются в Томске и Омске. В дальнейшем за училищами I разряда закрепилось название гимназий, а за училищами II разряда – прогимназий. В 1895 г. в Западной Сибири насчитывалось 3 женские гимназии и 12 прогимназий. В 60-х гг. открывались также женские училища III разряда. Они соответствовали мужским начальным училищам. Иногда при мужских училищах открывались женские отделения. Существовали и смешанные начальные школы [17].

До 1870-х гг. в Сибири не существовало ни одного специального педагогического учебного заведения. Учителя назначались из лиц, окончивших уездные училища, духовные семинарии, гимназии или выдержавших при них испытание на звание учителя. Ощущался острый недостаток в учительских кадрах: «Половина учительского персонала оказывается не получившей даже среднего образования; такой неудовлетворительный состав стоит в зависимости от недостатка специальных педагогических заведений в Сибири и крайней скудости содержания учителей» [18].

С ростом количества школ выдвинулась задача специальной подготовки учителей, для чего создавались учительские семинарии. Так, в Омске учительская семинария была открыта в 1872 г. В учительские семинарии принимались юноши, имевшие образование не ниже двухклассного училища (с пятилетним сроком обучения). В семинарии обучались 3 года. Для обеспечения начальных школ учителями открывались также специальные педагогические классы при женских гимназиях и епархиальных училищах (представлявших собой женские средние учебные заведения церковного ведомства, в которых обучались дочери духовенства), создавались краткосрочные педагогические курсы. Кадры учителей пополнялись также воспитанниками духовных семинарий и мужских гимназий. Тем не менее, учителей постоянно не хватало [19].

Именно города являлись центрами образования. В 1886 г. в городах

Томской губ. один учащийся приходился на каждые 22 чел. населения, Тобольской губ. – 16 чел., в то время как в сельской местности в Западной Сибири – на 182 чел. Три четверти всех учащихся составляли мальчики [20]. Если в 1868 г. в Томске было 7 учебных заведений, то в 1884 г. – уже 29 [21]. Важной вехой в развитии образования в Сибири стало открытие Томского университета. Закладка зданий первого сибирского вуза состоялась в 1880 г., учебные занятия на медицинском факультете начались в 1888 г.

В середине XIX в. в ряде городов (Барнауле, Томске) создавались общественные библиотеки-читальни. Некоторые из них превращались в своего рода клубы местных литераторов и краеведов [22].

В 1877 г. в Омске создается Западно-Сибирский отдел Русского географического общества. Научно-краеведческую и культурно-просветительскую работу в контакте с отделом вели музеи: Барнаульский, Тобольский (открыт в 1870 г.), Тюменский (1892 г.). В 1891 г. в Барнауле возник новый очаг краеведения – Общество любителей исследования Алтая.

Периодическая печать Сибири развивалась в трудных условиях. Еще в 1857 г. в Тобольске и Томске начали выходить казенные периодические издания – «Губернские ведомости». Эти газеты имели 2 части – официальную и неофициальную. В первой публиковались правительственные постановления, циркуляры, объявления, во второй – статьи, очерки, фельетоны, заметки, местная и общероссийская хроника, корреспонденции. При отсутствии в Сибири других периодических изданий, «Губернские ведомости» в первые годы своего существования имели известное общественное значение.

В 70-80-е гг. XIX в. начинается новый период в развитии сибирской периодической печати. В эти годы в Сибири появляется целый ряд периодических изданий. Среди них важное место занимала выходившая в 1881-1888 гг. в Томске «Сибирская газета», издателем которой был П.И. Макушин. С 1890 г. в Тобольске выходила газета «Сибирский листок», из Омского «Степного листка», выходившего с 1893 г., выросла в 1895 г. газета «Степной край».

В 1870-х гг. оживляется театральная жизнь в регионе. В 70-х гг. было выстроено деревянное здание театра в Омске, просуществовавшее несколько лет, а затем сгоревшее. После пожара для театральных представлений приспособили войсковой манеж городского гарнизона.

В Томске уже в 1860-х гг. существовало довольно сносное театральное здание, в котором играли приезжие артисты. В 1885 г. на средства коммерции советника И. Королева был выстроен каменный театр.

В конце XIX – начале XX в. в Сибири заметно возрастали темпы развития начальной школы. Так, с 1894 г. по 1911 г. количество школ увеличилось на 167,2%, тогда как по всей империи – лишь на 66,2%. Сибирь догоняла Европейскую Россию [23].

В городах Европейской России в 1897 г. грамотность составляла 45,3% населения, в городах Сибири – 39,4% [24].

Развитию образования по-прежнему мешали многотипность начальных школ и многоведомственность их подчинения. Для широких масс горожан существовали одноклассные (с 3-4-летним курсом обучения) и двухклассные (с 5-6-летним курсом) начальные училища. По положению 1872 г. открывались также городские трехклассные училища с длительностью обучения до 6 лет.

Городские училища с конца XIX в. стали самой распространенной формой учебных заведений для простых горожан. Они были бессословными и открывали путь к образованию всем желающим. Плата за обучение была незначительной и посильной широким слоям горожан. Кроме того, училища давали не только начальное 5-6-летнее образование, но и основы ремесла: столярного и слесарного дела, садоводства, огородничества, бухгалтерии и т.д. После 1912 г. они были преобразованы в четырехклассные высшие начальные училища, в учебный план которых включались алгебра, геометрия, физика, рисование, пение, черчение и гимнастика.

В 1913 г. в Западно-Сибирском учебном округе насчитывалось 44 высших начальных и городских училища, в которых обучались 5200 мальчиков и 915 девочек, кроме того, в городах числилось начальных училищ разных типов – 241, 6 ремесленных учебных заведений (388) и 2 Мариинских женских училища (455) [25].

В этот период отмечался рост средних учебных заведений. В системе среднего образования центральное место занимали классические гимназии – мужские и женские. Выпускники первых (с 8-летним курсом обучения) пользовались преимущественным правом поступления в университеты. Курс обучения в женских гимназиях был несколько облегчен по сравнению с мужскими и составлял 7 лет. Прогимназии, как мужские, так и женские, имели 4-х или 6-летний курс обучения. Реальные училища были рассчитаны на подготовку к получению технического образования. Курс обучения был рассчитан на 7 лет. В пятом и шестом классах могли открываться коммерческие отделения. Средние технические училища МНП готовили техников для промышленных предприятий.

Новые средние школы открывались в Кургане, Барнауле, Томске и других городах, расположенных на линии железной дороги. Усиление темпов развития Сибири способствовало ускоренному росту средних учебных заведений. В 1896-1905 гг. во всей Сибири было открыто 15 средних учебных заведений Министерства народного просвещения, а в 1908-19014 гг. – 24. Усиленное вовлечение в общественное производство женщин с большой остротой выдвинуло вопрос о женском образовании. С 1895 по 1914 г. общее число женских средних учебных заведений Министерства народного про-

свещения в Сибири выросло с 24 до 50, т.е. в 2,8 раза, а число учащихся в них – с 3,8 тыс. чел. до 17,7 тыс., т.е. в 4,7 раза [26].

В начале XX в. характерной чертой среднего образования в Западной Сибири было значительное число женских прогимназий при сравнительно низком количестве средних мужских учебных заведений. Так, в Тобольской губ. на 6 женских прогимназий (в Тюмени, Туринске, Ялуторовске, Ишиме, Таре и Кургане) и 3 других женских средних учебных заведения (Мариинская женская школа и епархиальное женское училище в Тобольске и женская гимназия в Кургане) с 1870 учащимися в 1901 г. приходилось только 3 мужских (Тобольская мужская гимназия, Тобольская духовная семинария и Тюменское реальное училище) с 696 учащимися. В Томской губ. было 4 мужских средних учебных заведений: Томская гимназия, Томское и Барнаульское реальные училища и Томская духовная семинария (1201 ученик), и 5 женских: Томская и Барнаульская гимназии, Каинская и Бийская прогимназии и Томское епархиальное женское училище (2024 ученицы) [27].

К средним учебным заведениям можно было отнести и томские общеобразовательные вечерние курсы для взрослых, учрежденные в 1902 г. На курсах были мужское и женское отделения с трехгодичным сроком обучения. Курсы имели целью: «заменять для неокончивших по каким-нибудь причинам среднего учебного заведения старшие классы средней школы, почему курсистами принимаются лица с образовательным цензом не ниже городского училища…» [28].

В 1911 г. окончившие средние учебные заведения в городах Западной Сибири по сословному составу распределялись так: дети дворян и чиновников – 30,9%, городских сословий – 49,7%, крестьян и казаков – 19,4% [29].

В 1913 г. в Западно-Сибирском учебном округе насчитывалось средних учебных заведений МНП: 11 мужских гимназий (2763 учащихся), 6 реальных училищ (1452), 1 низшее техническое училище (102), 18 женских гимназий (7085), 6 женских прогимназий (970) [30].

Национально-религиозные учебные заведения в 1913 г. были в регионе представлены 3 еврейскими училищами со 179 учениками [31]. В Тобольске действовали также частные татарская и польская школы [32].

К концу 1914 г. в целом по России охват школой детей в возрасте 8-11 лет составлял 30,1% (в городах – 46,6%, в сельской местности – 28,3%) [33].

Рост школьной сети с большой остротой поставил вопрос о подготовке педагогических кадров. В начале XX в. был открыт ряд учительских семинарий: Семипалатинская (1903 г.), Павловская (1904 г.), переведенная позднее в Новониколаевск, Ялуторовская женская (1910 г.), Тобольская (1914 г.), Барнаульская (1915 г.), Акмолинская (1916 г.) [34].

Для подготовки учителей начальных школ стали открываться годичные и двухгодичные учительские курсы и продолжали развиваться педагогические классы при женских гимназиях. Для подготовки учителей церковно-приходских школ духовное ведомство в каждой епархии открывало церковно-учительские двухклассные школы и в епархиальных училищах был создан педагогический (седьмой) класс.

Для подготовки учителей для городских и высших начальных училищ открывались учительские институты. Это были учебные заведения типа средних, с трехгодичным курсом, на базе городского, а позднее высшего начального училища. Учительские институты открылись в Томске (1902 г.), Омске (1912 г.) и Тобольске (1916 г.) [35].

Педагогических учебных заведений в городах региона в 1913 г. числилось: учительских институтов – 2 (112 учащихся), учительских семинарий – 4 (387), педагогических курсов для учителей – 5 [36].

Тем не менее, учительских кадров как для начальных, так и для повышенных училищ в Сибири повсюду не хватало. Поэтому во многих школах преподавание велось лицами, не имеющими необходимого образования, что не могло не отражаться на качестве учебного процесса.

Развивалось высшее образование. В 1898 г. в Томском университете был открыт второй факультет – юридический. Число студентов к 1900 г. возросло до 549 чел., а к 1917 г. – до 1192. По социальному составу в 1916 г. выходцами из дворян и чиновников было 23,4% студентов, духовенства – 22,6%, мещан – 26%, купцов – 5,6%, крестьян – 17,8% [37]. Для сравнения можно отметить, что в целом по России среди студентов университетов в 1914 г. было детей дворян и чиновников – 36%, духовенства – 10,3%, прочих – 53,7% [38].

С осени 1900 г. открывается Технологический институт в Томске в составе механического и химического отделений. В 1901 г. в нем открылось горное отделение, в 1902 г. – инженерно-строительное. Пять больших учебных корпусов, механические мастерские, газовый завод появились по соседству с Томским университетом. Число студентов в 1913 г. составило 1167 чел.

Продолжалась борьба за высшее женское образование. В 1906-1908 гг. был разрешен прием женщин в Томский университет в качестве вольнослушательниц. В октябре 1910 г. в результате деятельности Общества содействия высшего женского образования в Сибири открываются Сибирские высшие женские курсы в составе отделения естественных наук, а в 1914 г. было создано математическое отделение. Число слушательниц к 1913 г. достигло 268.

Развивалось специальное образование. Промышленный подъем 1890-х гг. вызвал потребность в квалифицированных рабочих. Для их подготовки устраивались ремесленные отделения при городских и приходских училищах, создавались специальные ремесленные училища, которые содержались

главным образом на пожертвования частных лиц.

Для удовлетворения нужд железнодорожного транспорта (подготовки мастеров, техников, паровозных машинистов) начали создаваться низшие технические училища. Первое из них открылось в Томске в 1902 г., затем – в Омске, в 1914 г. низшее механико-техническое училище появилось в Барнауле [39].

На рубеже веков в Тобольской губ. действовали Тобольская мужская ветеринарно-фельдшерская школа, Тобольская женская повивально-фельдшерская школа и Курганская низшая лесная школа. В Томской губ. было 8 низших специальных учебных заведений, все они располагались в Томске (коммерческое училище, открытое в 1901 г., железнодорожное – в 1902 г., сельскохозяйственное низшее, два ремесленных училища, повивальный институт, повивальная школа, ветеринарно-фельдшерская школа) [40].

Для нужд сельского хозяйства в 1900-х гг. появился ряд низших учебных заведений – сельскохозяйственных, лесных, молочного хозяйства. В 1915 г. в результате развития переселенческого движения в Омске было открыто среднее землемерное училище.

Удовлетворение нужд развивающейся экономики шло по линии открытия специальных коммерческих училищ, первое из которых было создано в Томске в 1901 г. Позднее коммерческие училища были открыты в Тюмени и Омске. В результате крупных купеческих пожертвований и значительной платы за обучение эти учебные заведения были хорошо оборудованы, имели высококвалифицированный педагогический персонал. Помимо общеобразовательных предметов, в них преподавались бухгалтерия, счетоводство, экономическая география и политическая экономия. В 1912 г. Томское коммерческое училище было реорганизовано в среднее Политехническое училище с 3 специальными отделениями – коммерческим, землемерным и горным. Это было первое среднее учебное заведение подобного типа в России [41]. После 1910 г. стали возникать торговые школы и классы (в Омске, Томске, Тобольске).

В 1912 г. в Тобольской губернии школу посещали 96,7% городских детей школьного возраста (в сельской местности – 33,3%) [42].

Развивались и внешкольные формы просвещения – различные общества, библиотеки, воскресные школы и классы, народные чтения и пр.

Значительное распространение получили общества попечения о народном образовании, созданные почти во всех сибирских городах. Число членов некоторых из них превышало 500 чел. (Омское, Барнаульское), а в отдельных случаях было свыше тысячи, доходя в отдельные годы до 1400 (Томское). Общества располагали значительным годовым бюджетом, а их неприкосновенные капиталы и недвижимая собственность порой достигали десятков тысяч рублей.

Рамки деятельности обществ расширялись. Они занимались не только начальными школами, но и устройством воскресных школ для взрослых, проводили народные чтения, устраивали бесплатные библиотеки-читальни, открывали классы технического рисования, летние курсы труда для учителей, создавали музеи прикладных знаний с отделами – ремесленно-техническим, сельскохозяйственным, горным, золотопромышленным и т.д. В некоторых обществах появились рукодельные и кулинарные школы для девочек. Деятельность многих обществ выходила за рамки городов и охватывала сельскую местность [43].

Среди общественных неполитических организаций активно действовали общества содействия физическому воспитанию. Первое из них было создано в Томске в 1895 г. врачом В.С. Пирусским.

В 1902 г. Общество любителей исследования Алтая было преобразовано в Алтайский подотдел Западносибирского отдела Географического общества. Алтайский подотдел организовал несколько экспедиций по естественно-географическому исследованию Алтая, изучал сельское хозяйство, собирал материалы по статистико-экономическому описанию переселенческих поселков, издавал «Алтайские сборники» [44].

В 1915 г. в Западной Сибири возникают архивные ученые комиссии – Тобольская и Томская. В их задачу входили охрана, публикация и изучение документальных материалов по истории Сибири.

С середины 1890-х гг. оживляется газетное дело в Западной Сибири. В 1894 г. П.И. Макушину удалось получить разрешение на издание «Томского справочного листка», который постепенно превратился в политическую, литературную и экономическую газету «Сибирская жизнь».

По числу периодической печати в регионе лидировал Томск. В первые годы прошлого века здесь издавались две частные газеты («Сибирская жизнь» и «Сибирский вестник»), журнал «Сибирский наблюдатель», «Вестник золотопромышленности», «Вестник Сибирской железной дороги», «Известия Томской городской думы», «Томские губернские ведомости» и «Епархиальные ведомости», «Известия Томского университета», «Известия Томского технологического института». В Тобольске кроме губернских и епархиальных «Ведомостей» издавались: «Сибирский листок», «Ежегодник Тобольского губернского музея», «Сельскохозяйственный листок», в Тюмени выходила «Сибирская торговая газета». В других городах периодических изданий не было [45].

Кроме газет, в начале XX в. выходили периодические издания журнального характера: «Записки», «Известия» отделов Географического общества, «Труды Томского общества естествоиспытателей», «Журнал Общества сибирских инженеров», «Горные известия», журналы по вопросам сельского хозяйства, молочного дела, кооперации и т.п., издавалось несколько литера-

турно-публицистических журналов, например, «Молодая гвардия», который издавался в Томске в 1909 г., там же издавался журнал «Сибирский студент», в Омске – «Думы» (в 1915 г.).

В начале XX в. в Томской губ. насчитывалось 15 типографий и литографий (из них 8 – в Томске), в Тобольской – 12, книжных магазинов, соответственно, 9 (4 в Томске) и 8, периодических изданий 14 и 6, музеев – 3 и 1, библиотек – 13 и 14, ученых и просветительских обществ – 12 и 11 [46].

В 1913 г. Томск занимал 20 место среди городов империи по количеству наименований изданных книг – 177 (общим тиражом 96454 экз.) [47]. По количеству периодических изданий Томск занимал 23 место (8 газет и 10 журналов), среди городов Азиатской России уступая только Иркутску (21 издание) [48].

Проведение Сибирской ж. д., связавшей города отдаленной окраины с экономическими и культурными центрами Европейской России, не могло не сказаться и на социокультурном развитии Сибири, в том числе и на развитии театрального дела. Появляются новые, хорошо оборудованные театральные здания: в 1899 г. – в Тобольске, в 1905 г. – в Омске. Строительство этих зданий способствовало устойчивости театральных коллективов, притоку свежих артистических сил, приезду на гастроли выдающихся мастеров русской сцены.

Расходы городских бюджетов на социокультурную инфраструктуру в крупнейших городах Сибири в начале века были весьма значительны. Так, в Томске, занимавшем в 1909 г. 18 место в Российской империи по размерам городского бюджета (1 млн. 194 тыс. руб.), тратилось: на народное образование – 220 тыс., общественное призрение – 13 тыс., на медицинскую, ветеринарную и санитарную части – 138 тыс., всего на «культурные» расходы – 371 тыс., или 31,1% (в Иркутске, занимавшем 13-е место, на эти нужды тратилось 539 тыс., или 33,1%) [49].

Приведенные данные представляют собой только фрагментарный фактический материал, касающийся поставленной проблемы.

Можно назвать основные аспекты, которые необходимо рассмотреть при дальнейшем изучении темы исследования:

Во-первых, это роль государства в развитии социокультурной инфраструктуры городов. Этот аспект особенно важен при изучении русского города.

С другой стороны, необходимо рассмотреть и роль инициативной общественной деятельности в развитии социокультурной инфраструктуры.

Кроме того, важны и такие аспекты проблемы, как:

– взаимосвязь различных элементов социокультурной инфраструктуры;

– взаимосвязь развития социокультурной инфраструктуры и формирования городского образа жизни;

– развитие социокультурной инфраструктуры как проявление процесса модернизации российского общества, поскольку модернизационные процессы конца XIX – начала XX в. в России, опираясь на достижения научно-технического прогресса, вызвали серьезные изменения городской инфраструктуры и социально-культурного облика городов Западной Сибири;

– взаимосвязь степени развития инфраструктуры с типом и величиной города;

– влияние административной и экономической функций города на развитие социокультурной сферы.

Таким образом, можно сделать вывод, что изучение социокультурной инфраструктуры сибирского города второй половины XIX – начала XX в. является научно значимым и актуальным подходом, позволяющим внести вклад в дальнейшее развитие исторической урбанистики.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гончаров Ю.М. Города Сибири второй половины XIX – начала XX в. в новейшей историографии // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX вв. – Новосибирск, 2005. – С. 276-284.
2. Гревс И.М. Город как предмет краеведения // Краеведение. 1924. – №3. – С. 245-257; 3. Анциферов Н.П. Город, как выразитель сменяющихся культур: Картины и характеристики. – Л.: Наука, 1926.
4. Анциферов Н.П. Пути изучения города как социального организма. – Л., 1926. – С. 9.
5. Каган М.С. Философия культуры. – СПб., 1996. – С. 96.
6. Алисов Д.А. Культура городов среднего Прииртышья в XIX – начале XX в. – Омск, 2001.
7. Баранова Е.В. Реконструкция городской социокультурной инфраструктуры: опыт использования ГИС (электронный ресурс). Режим доступа: http://2.letops.peterhost.ru.
8. Анциферов Н.П. Пути изучения города… С. 20-21.
9. Цит. по: Вагин В.В. Городская социология. – М., 2000.
10. Баранова Е.В. Указ. соч.
11. Алисов Д.А. Административные центры Западной Сибири: городская среда и социокультурное развитие (1870-1914 гг.). – Омск, 2006. – С. 9.
12. Дегальцева Е.А. Общественные неполитические организации Западной Сибири (вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.): Дис. … д.и.н. – Новосибирск, 2006.
13. Юрцовский Н.С. Очерки по истории просвещения в Сибири. – Ново-Николаевск, 1923. – С. 139.
14. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. 16: Западная Сибирь. – СПб., 1907. – С. 207.
15. Восточное обозрение. 1897. – №116.
16. История Сибири. Т. 3. – Л., 1968. – С. 366-367.

17. Прибыльский Ю.П. Колыбель просвещения: к трехсотлетию сибирской школы. – Тобольск, 2001. – С. 54.
18. История Сибири. Т. 3. – С. 369.
19. Россия. Т. 16. – С. 208.
20. История Сибири. Т. 3. – С. 369.
21. Россия. Т. 16. – С. 207.
22. Войтеховская М.П., Кочурина С.А. Томский учительский институт: возвращенная история. 1902-1920 годы. – Томск, 2002. – С. 11.
23. История Сибири. Т. 3. – С. 367.
24. История Сибири. Т. 3. – С. 371.
25. Общий свод по империи разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 29 января 1897 г. – СПб., 1905. Т. 1. – С. 39-40.
26. Россия. 1913 год… – С. 328-329.
27. История Сибири. Т. 3. – С. 372.
28. Россия. Т. 16. – С. 209-211.
29. Россия. Т. 16. – С. 210.
30. История Сибири. Т. 3. – С. 372.
31. Всеподданнейший отчет Министра народного просвещения за 1913 г. – Пг., 1916. Приложение. – С. 38-121.
32. Россия. 1913 год… – С. 341.
33. Прибыльский Ю.П. Колыбель просвещения… – С. 57.
34. Россия. 1913 год: Статистико-документальный справочник. – СПб., 1995. – С. 326.
35. История Сибири. Т. 3. – С. 371.
36. История Сибири. Т. 3. – С. 371.
37. Россия. 1913 год… – С. 330.
38. История Сибири. Т. 3. – С. 376.
39. Россия. 1913 год… – С. 347.
40. История Сибири. Т. 3. – С. 373.
41. Россия. Т. 16. – С. 212.
42. История Сибири. Т. 3. – С. 372.
43. Скачкова Г.К. Статистические данные по народному просвещению края конца XIX – начала XX века // Народное образование Тюменского края: историография и источниковедение. – Тобольск, 1993. – С. 42.
44. История Сибири. Т. 3. – С. 373.
45. История Сибири. Т. 3. – С. 385.
46. Россия. Т. 16. – С. 213.
47. Россия. Т. 16. – С. 213.
48. Россия. 1913 год… – С. 361.
49. Россия. 1913 год… – С. 372.
50. Статистический ежегодник на 1913 год. – СПб., 1913. – С. 410-441.

Григоричев К.В., Савин С.П.

ПОВЫШЕНИЕ РОЖДАЕМОСТИ В СИБИРСКОМ РЕГИОНЕ: СУБРЕГИОНАЛЬНАЯ МОЗАИКА[1]

Ведущей тенденций демографического развития Иркутской области, как и России в целом, в последние 10-15 лет стал восходящий тренд уровня рождаемости. Число рождений с минимального уровня 1999 г. (26,7 тысяч) выросло более чем на 44% (38,5 тысяч в 2012 г.), а общий коэффициент рождаемости – с минимальных 9,5 промилле до 15,9. Однако уже с 2009-2010 гг. прирост числа рождений и значений ОКР сначала снизился, а затем и фактически прекратился. Сформировалось своеобразное плато, отражающее пиковые воздействие структурных факторов, заложенных подъемом рождаемости в 1980-е гг. В 2013 г. число рождений сократилось на 2%; несколько снизился и ОКР (с 15,9 до 15,7 промилле).

В исследовательской литературе и медийной среде сложилось несколько версий о ключевых причинах и факторах роста рождаемости в России (в том числе и в рассматриваемом нами регионе), произошедшего в 2000-е годы. Не останавливаясь здесь на анализе этих позиций и мнений, отметим только, что непродолжительность восходящего тренда рождаемости прогнозировалась уже несколько лет назад. Сейчас уже можно относительно уверенно констатировать завершение этого процесса, что определяется, прежде всего, структурными причинами. Перспективное снижение числа женщин в возрасте от 20 до 35 лет в Иркутской области (на 10% к 2018 г. и на 25% к 2023 г. по сравнению с 2013 г.) возможностей для сохранения текущего числа рождений практически не оставляет.

В этой ситуации нам представляется важным попытаться увидеть не столько количественные итоги обозначенного этапа (они более или менее очевидны), сколько возможные качественные изменения в структуре рождаемости. Проведенный ранее анализ показал, что на фоне роста рождаемости в регионе происходят довольно заметные сдвиги в возрастной модели рождаемости [2]. На протяжении второй половины 2000-х пик рождаемости в городском населении заметно смещался в стороны возрастной группы 25-29 лет, тогда как в сельском населении максимальный уровень возрастного коэффициента рождаемости сохранялся в группе 20-24 года. Однако здесь смешивается население самых разных местностей, которые лишь по формальным признакам отнесены к одной статистической группе: жители регионального центра и крупных городов (более 100 тысяч человек), малых

1. Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ, соглашение №14-46-04099.

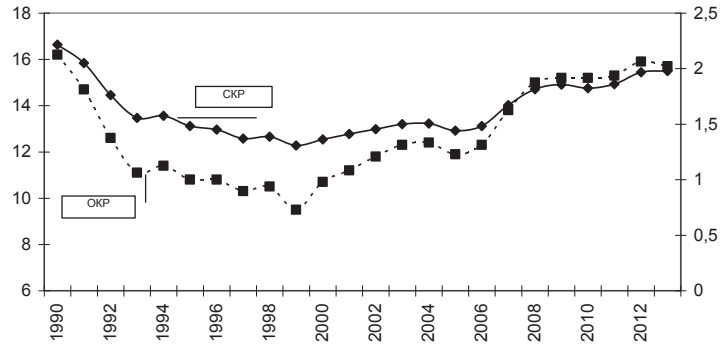
периферийных городов и небольших поселений, образ жизни в которых, не смотря на «городской» статус, тяготеет к сельским моделям. Подобная ситуация складывается и с сельским населением: при анализе на региональном уровне в одну группу попадают и местности, прилегающие к крупным городам и вовлеченные в их социокультурную орбиту, и сельская глубинка. В результате процессы, происходящие в структуре рождаемости (в том числе возрастной), размываются, а качественные изменения становятся малозаметными.

Задачу этого текста мы видим в попытке взглянуть на процессы эволюции рождаемости на субрегиональном уровне на примере Иркутской области. Последняя, являясь достаточно типичным сибирским регионом, внутренне чрезвычайно разнородна и включает различные типы населения. Вокруг регионального центра (г. Иркутск, около 613 тысяч жителей) на протяжении второй половины XX – начал XXI вв. сложилась и развивается городская агломерация, включающая два городских центра (Ангарск – около 227 тыс. чел. и Шелехов – около 50 тыс. жителей) и пригородные территории трех сельских районов, насчитывающие около 100 тыс. человек. Помимо агломерации, в области расположено несколько городов второго порядка, численностью населения от 90 до 280 тыс. чел., несколько малых городов и более двух десятков поселений городского типа. Среди сельских районов выделяется группа территорий, прилегающих к городским центрам и Транссибирской магистрали, социально-экономическое развитие которых имеет выраженную специфику. Особым случаем является включенная в состав области территория Усть-Ордынского бурятского округа, имеющая этнодемографическую специфику. Подобная пространственно-демографическая структура позволяет взглянуть на демографическую ситуацию в области не в формате усредненных цифр, а как на сложную динамическую систему.

Динамика общего и суммарного коэффициентов рождаемости по Иркутской области в целом, представленная на рис. 1, демонстрирует, что после этапа быстрого роста в первой половине – середине 2000-х годов, рождаемость в регионе стабилизировалась вблизи уровня простого воспроизводства (СКР в 2012 г. составил 1,97, в 2013 г. – 1,98). Уровень рождаемости вырос по сравнению с минимальными значениями конца 1990-х гг. (1,31 в 1999 г.) более чем в полтора раза. Традиционно значения СКР для городского населения несколько ниже (1,76 в 2012 г. и 1,78 в 2013 г.), для сельского – заметно выше: 2,98 в 2012 г и 2,97 в 2013 г. Подобные уровень рождаемости был характерен для рубежа 1980-1990-х годов и внешне соответствует признакам серьезного оздоровления демографической сферы в регионе, что вселяет некоторый оптимизм в региональные власти.

Рисунок 1

Динамика общего и суммарного коэффициентов рождаемости в Иркутской области, 1990-2013 гг.



Однако при рассмотрении динамики суммарного коэффициента рождаемости на субрегиональном (муниципальном) уровне картина значительно усложняется. На рис. 2 хорошо заметно, что на подавляющей части территории Иркутской области уровень рождаемости (СКР) за 2000-2011 гг. заметно вырос и лишь примерно в трети муниципальных образований не достиг уровня простого воспроизводства (2,15). Подобное соотношение позволяет предположить, что позитивная в целом картина динамики рождаемости в области задается основной массой муниципальных образований, демонстрирующих высокие значения СКР.

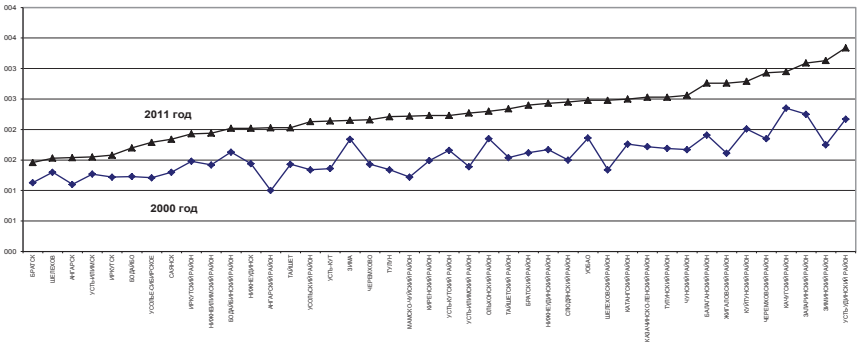
Вместе с тем максимальные значения суммарного коэффициента рождаемости показывают наиболее отдаленные и, что важнее, малочисленные районы и малые города региона. Высокий уровень рождаемости здесь сочетается с небольшим числом родившихся: в большинстве муниципальных образований данной группы число рождений в 2011 г. не превышало 400 человек. Исключение составили лишь Усть-Ордынский Бурятский округ и несколько сельских районов.

Небольшой в абсолютных цифрах рост рождаемости здесь приводит к очень заметному изменению значений суммарного коэффициента рождаемости. Например, в Усть-Удинском районе число рождений с 2000 по 2011 гг. выросло на 78 случаев (242 и 320 рождений соответственно), что привело к росту СКР за этот период в два раза: с 2,17 до 3,34. Нередко рост СКР происходил на фоне минимального роста числа рождений, и даже их сокращения (!): например в Катангском районе области (отдаленное муниципальное образование, приравненное к территориям Крайнего Севера) в 2011 г. число родившихся снизилось по сравнению с 2000 г. на 4 человека, а суммарный коэффициент рождаемости вырос с 1,00 до 1,57. Иными словами, террито-

рии, входящие в данную группу, имеют достаточно высокий уровень рождаемости, но не они в целом определяют число рождений в регионе.

Рисунок 2

Динамика суммарного коэффициента рождаемости по муниципальным образованиям Иркутской области, 2000-2011 гг.



Напротив, территории, где значение СКР ниже 2,15 – это наиболее крупные муниципальные районы и города области, составляющие не более одной трети всех муниципальных образований региона. Однако на них приходится около двух третей (63,9%) абсолютного числа рождений и 69% населения области. В этой группе находятся муниципальные образования, формирующие Иркутскую агломерацию, на которую приходится более 37% всех родившихся при относительно невысоких значениях СКР: 1,53-1,58 для городов и 1,93 для пригородного Иркутского сельского района. (Попутно отметим специфику пригородного района: при самом высоком числе рождений по сельским территориям, данный район имеет минимальное значение СКР в сельской местности. Последнее связано с быстрым ростом населения пригорода за счет переезда горожан и широким распространением городских практик, в том числе – репродуктивных, в пригороде.)

Анализ динамики изменения уровня СКР показывает сходную картину: прирост значений данного показателя максимален в муниципальных образованиях с невысоким абсолютным числом рождений. И, напротив, в районах и городах области, давших максимальный объем прироста числа рождений, рост СКР оказался весьма невысоким. В результате, вклад территорий, где рост общего коэффициента рождаемости был наиболее значительным, в увеличение числа родившихся оказался практически в 2 раза меньше, чем остальных территориях области.

Таким образом, можно достаточно уверенно говорить о том, что во

второй группе муниципальных образований (а это, напомним, крупнейшие города области и прилегающие к ним районы) рост рождаемости оказался в большей степени экстенсивным и определялся, с одной стороны, структурной волной, сложившейся на основе повышения рождаемости в 1980-е гг., а с другой – спецификой внутрирегиональной миграции. Так, высокая численность и удельный вес молодежи в областном центре определяется значительным числом ВУЗов, приток абитуриентов в которые приводит к значительному росту возрастных групп 15-19 лет и 20-24 года. Такая «молодая» структура населения, складывающаяся в этих местностях, обеспечивает довольно высокий потенциал роста рождаемости. Однако быстрое изменение возрастной модели рождаемости (смещение пика рождений в более старшие возрастные группы – 25-29 лет и старше) приводит к тому, что благоприятные структурные изменения здесь не реализуются через рост числа рождений, а откладываются на более поздние сроки. С учетом же возрастной структуры миграционного оттока из Иркутска [3] этот потенциал может и не быть реализован.

Таким образом, на наш взгляд, можно достаточно определенно говорить о том, что пронаталистские шаги, реализованные правительством России в последнее десятилетие, имели наибольший эффект в населении периферийных сельских районов и малых городов. Однако в силу малочисленности жителей таких территорий и постоянного ухудшения их возрастной структуры за счет вымывания молодого населения в рамках образовательной миграции эти территории уже не обладают достаточным потенциалом для формирования и закрепления долгосрочных демографических тенденций. Напротив, долговременные тенденции в регионе формируются в районах концентрации населения, где фактический уровень рождаемости (отражающийся в СКР) невысок, а относительно большое число рождений связано с особенностями возрастной структуры.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Григоричев К.В. Новые тренды рождаемости в Сибирском регионе (Иркутская область) // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. – Усть-Каменогорск: Либриус, 2010. – С. 115-127.
2. Григоричев К.В., Пинигина Ю.Н. Демографические перспективы Иркутска // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. – 2008. – №1. – С. 73-84.

Егоренкова Е.Н.

К ВОПРОСУ О САМОИДЕНТИФИКАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ: ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ

На современном этапе развития общества в условиях усиления глобализационных и интеграционных процессов в мире, формирования так называемых «новых границ» на постсоветском пространстве поиск идентичности определяется как одна из ведущих проблем рубежа XX-XXI вв. Феномен «новых границ» связан с распадом СССР и образованием на его территории новых государств – и более 20 лет в приграничных регионах новообразовавшихся государств идет процесс самоидентификации населения.

На всем протяжении человеческой истории приграничное население являлось несколько особой категорией – независимо от государственной принадлежности жители приграничья объединялись общими моментами: единая экосреда, схожесть хозяйственной среды, элементов жизненного уклада, психологии и менталитета и т.д. Исходя из этого, следует отметить, что исследование региональной самоидентификации и идентичности носит междисциплинарный характер, задействованы такие области научного знания, как социология, демография, экономика, география, психология и др.

Региональная идентичность определяется как переживаемые и осознаваемые смыслы и ценности той или иной системы локальной общности, формирующие «практическое чувство» (самосознание) территориальной принадлежности индивида и группы [1]. Кроме того, если учитывать психологический фактор, то понятие «идентичность» включает в себя также категории самосознание и самоосознание. В этом ракурсе региональная идентичность представляет собой определенные особенности регионального характера и самосознание, которые присущи региону и отличают его от других. В свою очередь, региональная самоидентификация является процессом, в ходе которого личность и социальная группа соотносит себя с определенной территорией, территориальной культурой, образует собой единство социума. На уровне развития индивид выделяет себя из окружающего мира не только как человека, но и как часть конкретной региональной общности, как её представителя. Исходя из этого, можно сказать, что региональная идентичность (местное самосознание) – самоидентификация населения в связи с территорией [2].

В основе региональной идентификации жителей лежит естественная потребность индивидов иметь своё пространство (определённый географический участок). Однако современное понимание региональной идентичности не является однозначным в отечественной науке. Одни авторы понимают под региональной идентичностью системную совокупность культурных

отношений, связанную с понятием «малая родина» и являющуюся формой выражения «культуры укоренённости» [3]. Региональная идентичность интегрирует в пределах определённых территорий как местные проявления общенациональной идентичности, так и различные локальные идентичности. При этом они не противоречат друг другу, мирно уживаясь в сознании населения.

Тем не менее, можно сказать, что региональная (территориальная) идентичность является полимасштабным, многоуровневым феноменом, представляющим собой замысловатую мозаику. «Местечковое – земляческое – районное – национальное самосознание очень часто образуют как бы разные «концентры» территориальной идентичности» [3]. Как отмечалось выше, регион является гомогенным пространством, выделенным самими людьми, имеющим физико-географическою, хозяйственную, этнокультурную, языковую, а также историческую общность. Таким образом, понятие региона получает, с одной стороны, внемасштабное, а с другой – разномасштабное содержание, задаваемое не классификационно, а типологически [3].

Существует точка зрения, согласно которой выделение региональной идентичности не вполне корректно в общей структуре идентичностей. В то же время другие авторы предпринимают попытки классифицировать и структурировать иерархию идентичностей и выделить в ней место региональной идентичности. В данном случае региональная идентичность рассматривается в качестве одного из уровней территориальной идентичности, при этом нижняя ступенька отдана локальной идентичности. Верхний «этаж» в иерархии территориальных идентичностей занимает национальная идентичность (определяемая по гражданству, а не по национальности, и поэтому равнозначная государственной идентичности). В другой плоскости находится этническая идентичность, которая также строится иерархично [3].

Результаты исследований показывают, что человек чаще всего идентифицирует себя со своим поселенческим социумом, т. е. в обычной ситуации он отдаёт приоритет локальной идентичности. Соответственно, он выстраивает иерархию территориальных идентичностей «снизу вверх»: от локальной к национально-государственной. Тем не менее, в условиях ослабления или кризиса национальной идентичности региональная идентичность даже может составить ей конкуренцию, и, получив политический оттенок, поставить под угрозу единство страны. В то же время в стабильном обществе с устойчивой национальной идентичностью региональная идентичность не выходит на первый план в иерархии территориальных идентичностей. В обычных условиях региональная идентичность проявляется в формировании определённой системы ценностей и норм поведения жителей региона [3].

Повторим, что региональная самоидентификация является процес-

сом, результатом которого, в свою очередь, выступает региональная идентичность. Кроме того, следует отметить, что в текущую эпоху глобализации и одновременной регионализации в мире региональная самоидентификация является непрерывным процессом, а идентичность региона находится в состоянии постоянного изменения.

Это является особо актуальным и для приграничных регионов постсоветского пространства, которые в связи с распадом СССР претерпели значительные изменения в региональной идентичности.

Приграничный регион – это особый тип региона, с присущей ему географией, историей, экологией, этическими группами, экономическими возможностями и т.д., расположенный на окраине страны и выполняющий федеральные пограничные барьерные, фильтрующие и контактные функции. Главный фактор, определяющий специфику приграничья, – географическое положение [4]. Кроме того, приграничный регион можно понимать как совокупность двух регионов, расположенных по разные стороны государственной границы, которые обладают исторической, культурной, этнической, экологической и экономической общностью, но разделенных суверенитетом двух или более государств. Можно сказать, что одним из наиболее влиятельных факторов, оказывающих воздействие на все сферы жизнедеятельности региона и менталитет его жителей, является именно его приграничное расположение.

Приграничные регионы обладают определенными особенностями, отличающими их от регионов, находящихся вдали от государственной границы. Эти особенности влияют, в том числе, и на процесс региональной самоидентификации. В зависимости от развитости приграничного сотрудничества можно представить следующую классификацию приграничных регионов [4]:

– отчужденные приграничные регионы: приграничные связи отсутствуют в силу военных действий, политических ситуаций, значительных националистских тенденций, идеологической или религиозной вражды, культурных различий или этнического соперничества;

– сосуществующие приграничные регионы: характеризуются некоторой степенью экономического и культурного взаимодействия;

– взаимозависимые приграничные регионы: полное взаимодействие в экономической, общественной и культурной сферах, насколько это возможно в условиях все еще действующей границы;

– интегрированные приграничные регионы: высшая степень интеграции, свободное движение людей, товаров, денежных потоков и идей.

Следует отметить, что большинство приграничных регионов, расположенных на постсоветском пространстве, относятся именно к третьей и четвертой категории.

Вместе с тем, влияние на самоидентификацию населения приграничных регионов постсоветских государств того, что эти регионы расположены именно на постсоветском пространстве, носит по большей части положительных характер. Наличие множественных родственных и дружеских связей между населением, а также тесное культурное, социальное и экономическое взаимодействие оказывает значительное воздействие на образ жизни и менталитет населения. Кроме того, существует большое число историко-территориальных предпосылок к приграничному сотрудничеству в различных сферах.

К таким особенностям приграничных регионов постсоветского пространства, влияющим на самоидентификацию населения, можно отнести [4]:

– высокую степень родства населения с жителями приграничных регионов, кроме того, многие являются коренными жителями приграничных регионов соседского государства, по ряду причин переехавшими на постоянное место жительства через границу;

– вторичность национальности в процессе самоидентификации жителей приграничных зон в пользу утверждения своего отождествления с населением соседского региона, а также, зачастую, игнорирование существующих административно-территориальных границ в ходе их пространственной самоидентификации;

– высокий уровень культурной идентичности;

– общность исторического развития, которая выражается в том, что длительное время приграничные регионы постсоветского пространства существовали в рамках одного государства;

– упрощенное пересечение границ в большинстве приграничных регионов постсоветского пространства.

Частота культурно-бытовых контактов с населением соседних стран становится одной из существенных характеристик геокультурных общностей, влияющих на их политическую культуру. Чем выше частота этих контактов, тем сложнее сформировать «оппозиционную» модель политической идентичности, которая характеризуется негативным отношением населения к соседним странам.

Следует помнить, что в условиях глобализации и современного постиндустриального общества все более возрастает роль приграничных регионов, как непосредственных участников международных отношений. При этом основной формой участия этих регионов является именно приграничное сотрудничество. Участие приграничных регионов соседствующих государств в международной деятельности способствует их интеграции, способствует социально-экономическому развитию. Существует множество моделей приграничного сотрудничества, однако на каждую из них оказывает значительное влияние региональная самоидентификация приграничных ре-

гионов. Кроме того, исходя из того, что в интересах плодотворного международного сотрудничества будут использованы многие, даже незначительные факторы, которые могут оказать на него положительное воздействие – государственное влияние на региональную самоидентификацию может стать важным инструментом реализации приграничного сотрудничества. Золотухин С.Н. в своих научных трудах отмечает, что региональная идентификация – это управляемый процесс [5]. Разработка этого перспективного направления по изучению и анализу региональной самоидентификации несомненно даст положительные результаты в области реализации потенциала участия приграничных регионов в международных отношениях. Важно отметить также то, что ввиду специфики стратегического управления в приграничных регионах анализ процесса их самоидентификации является важным фактором успешного социально-экономического развития.

Таким образом, проблема самоидентификации населения приграничных регионов носит как общетеоретический характер, связанный с проблемой идентичности в целом, так и находит свое практическое выражение в поиске компромиссов приграничными государствами форм и методов международного сотрудничества исходя из специфики регионов, обладающих рядом общих схожих характеристик, одним из источников которых и является та самая региональная (приграничная) идентичность.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вардомский Л.В. Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России. – М.: НОФМО, 2002. – 572 с.
2. Золотухин И.Н. Процесс российской региональной самоидентификации и проблема региональной идентичности российского Дальнего Востока в рамках участия России в азиатско-тихоокеанской экономической интеграции. // Ойкумена. – 2006. – №1.
3. Герасимов А. Подходы к исследованию региональной идентичности в отечественной науке [Электронный ресурс] // режим доступа: http://www.pskgu.ru/ projects/pgu/ storage/we6137/wepgu03/wepgu_03_08.pdf.
4. Корепанов Н.Г. Региональная идентичность как базовая категория социологии регионального развития. // Власть. – 2009. – №1.
5. Сорокина А.В. Самоидентификация жителей региона как составная часть региональной политики. // Сборник трудов аспирантов и магистрантов. – Социально-гуманитарные науки. – 2010. – №4.

Еремин А.А.

СРАВНИТЕЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РЕГИОНОВ БОЛЬШОГО АЛТАЯ

Введение

В Большой Алтай входят шесть административно-территориальных единиц регионального уровня четырех государств: Алтайский край и Республика Алтай *Российской Федерации*, Восточно-Казахстанская область *Республики Казахстан*, Синьцзян-Уйгурский автономный район *Китайской Народной Республики*, Баян-Ульгийский аймак и Ховдский аймак *Монголии.* Данные регионы отличаются большой неоднородностью как природно-географических, так и социально-экономических характеристик.

В своей работе, посвященной постановке проблемы исследования народонаселения Большого Алтая, Ж.С. Аубакирова описала *спектр научных направлений* для комплексного изучения населения данного макрорегиона [3]. Среди них:

– история формирования населения Большого Алтая;

– выявление сходств и особенностей демографического развития населения;

– изучение процессов воспроизводства населения;

– особенности демографического перехода в регионах Большого Алтая;

– анализ приграничной и трансграничной миграции;

– исследование этноконфессионального состава населения;

– доступность и сопоставимость источников по численности и составу (структуре) населения регионов Большого Алтая.

Настоящая работа охватывает целый ряд указанных направлений и имеет своей целью *проведение разностороннего сравнительно-демографического исследования шести регионов Большого Алтая на современном этапе.*

Для этого автором использовалась статистическая информация о численности, составе и процессах естественного воспроизводства населения рассматриваемых регионов, представленная *официальными статистическими службами* соответствующих государств. Это Федеральная служба государственной статистики России [18], Агентство Республики Казахстан по статистике [1], Национальный статистический офис Монголии [29] и Национальное бюро статистики Китая [28].

Стоит отметить, что *общедоступная статистическая информация регионального уровня*, представленная на сайтах данных организаций, *заметно разнится с точки зрения полноты и разносторонности*. Наиболее

подробные сведения о демографическом развитии регионов можно получить на сайтах российского и казахстанского ведомств, в то же время монгольский статистический офис и китайское бюро статистики предоставляют в открытом доступе региональную демографическую информацию по очень ограниченному кругу вопросов. В этой связи в представленном исследовании некоторые демографические индикаторы рассматриваются не для всех шести регионов, а лишь для тех, по которым необходимые сведения публикуются и размещаются в широком доступе.

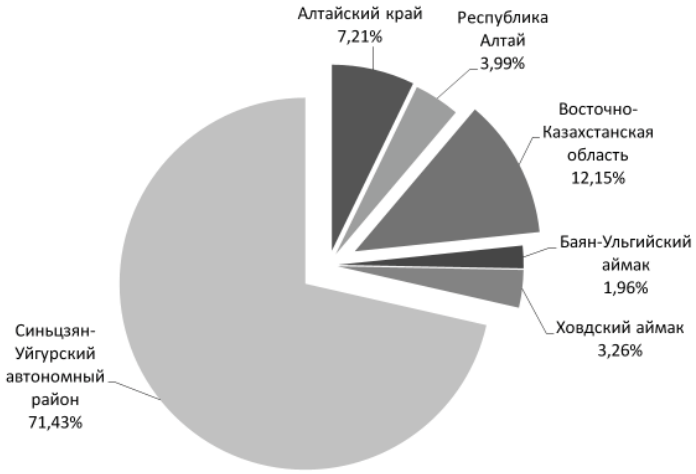
Кроме официальной демографической информации национальных статистических ведомств привлекались *сведения международных организаций, научных коллективов и отдельных ученых.*

Численность и размещение населения

Общая **площадь территории** всех регионов, входящих в Большой Алтай, превышает 2 млн 330 тыс. км2. Более 70% этой территории занимает Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР – около 1665 тыс. км2 (рис. 1). На втором месте находится Восточно-Казахстанская область, площадь которой составляет 283,2 тыс. км2, а на третьем – Алтайский край с площадью территории 168,0 тыс. км2. Далее следует Республика Алтай, занимающая около 92,9 тыс. км2. Наименьшей площадью характеризуются Ховдский аймак (76,1 тыс. км2) и Баян-Ульгийский аймак (45,8 тыс. км2).

Рисунок 1

Доля регионов Большого Алтая в общей площади

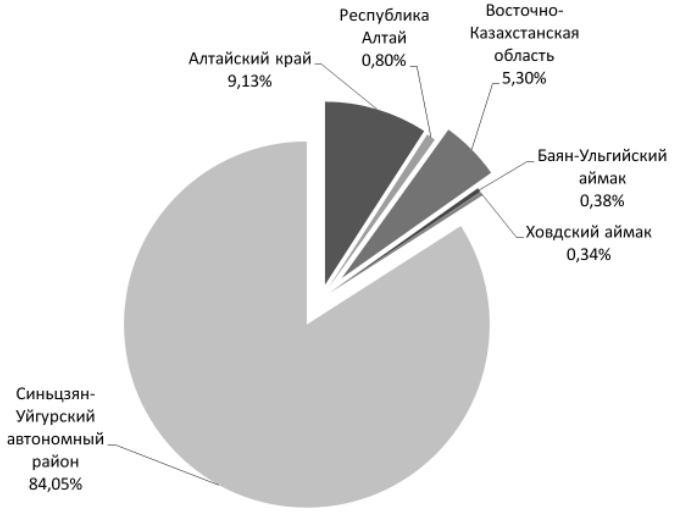


Источник: создано автором по данным [14; 15; 26; 27].

В настоящее время общая ***численность населения*** Большого Алтая оценивается в 26,3 млн чел., однако население распределено по регионам крайне неравномерно (рис. 2). Наибольшим демографическим потенциалом обладает Синьцзян-Уйгурский автономный район, концентрирующий более 22 млн чел. (около 84% всего населения Большого Алтая). За ним следуют Алтайский край с числом жителей 2,4 млн чел. (9%) и Восточно-Казахстанская область, где проживает около 1,4 млн чел. (5%). Остальные регионы составляют незначительную долю населения Большого Алтая: население Республики Алтай немногим превышает 210 тыс. чел., а самыми малонаселенными являются аймаки Монголии – Баян-Ульгийский с числом жителей около 101 тыс. и Ховдский с населением в 88 тыс. чел.

Рисунок 2

Доля регионов Большого Алтая в общей численности его населения



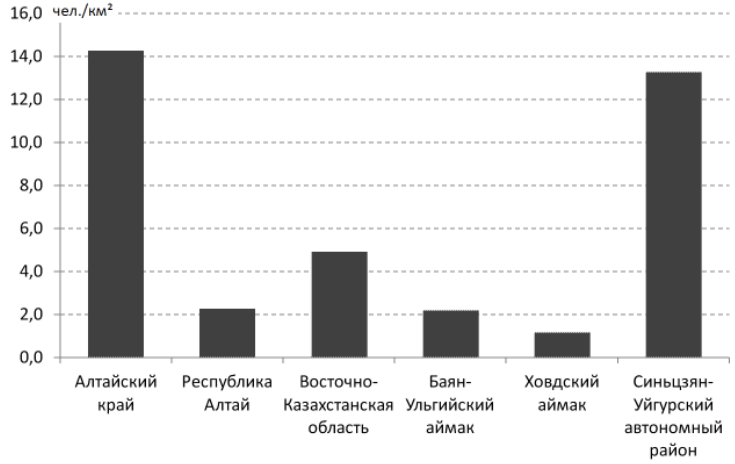
Источник: создано автором по данным [1; 17; 18; 23; 27].

Еще одним обобщенным показателем, тесно связанным с численностью населения, является средняя ***плотность населения*** территории. И здесь также можно видеть существенные региональные отличия, обусловленные не только демографическими, но и географическими факторами (рис. 3). Алтайский край и Синьцзян-Уйгурский автономный район являются лидерами по плотности населения, их показатели очень близки, причем Алтайский край характеризуется почти в десять раз меньшей площадью, но и число жителей в нем примерно на порядок меньше, чем в этом китайском

регионе. Восточно-Казахстанская область имеет заметно более низкие значения показателя – около 5 чел./км2, однако минимально заселена территория Республики Алтай и монгольских аймаков. Плотность населения Ховдского аймака лишь немногим превышает 1 чел./км2.

Рисунок 3

Плотность населения регионов Большого Алтая



Источник: рассчитано автором по данным [1; 14; 15; 17; 18; 23; 26; 27].

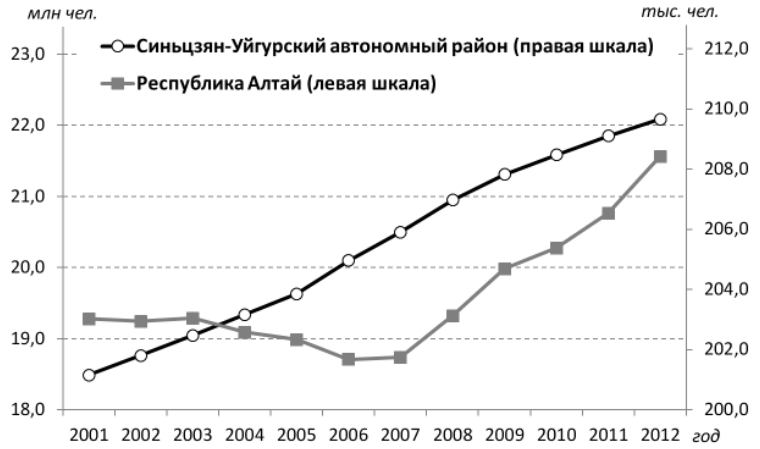
В целом средняя плотность населения регионов Большого Алтая составляет 6,3 чел./км2. Однако нельзя не отметить, что не только на фоне плотности населения всей Азии (135 чел./км2), но и даже на фоне среднемирового значения этого показателя (52 чел./км2) плотность населения Большого Алтая катастрофически мала [30]. Данный факт является серьезным барьером на пути комплексного освоения данной территории, ее поступательного и устойчивого развития. Считается, что если значение плотности населения менее 10 чел./км2, то это говорит об очень слабой заселенности и освоенности территории, если же показатель приближается к 1 чел./км2, то такую территорию можно назвать фактически незаселенной.

Говоря о ***динамике численности населения*** исследуемой территории, отметим, что общее число жителей Большого Алтая неуклонно растет, в первую очередь, естественно, за счет увеличения численности населения Синьцзян-Уйгурского автономного района. В то же время уверенный рост населения этой китайской территории и Республики Алтай происходит на фоне неустойчивой демографической динамики монгольских аймаков, население которых в отдельные годы несколько увеличивается, в другие же

– уменьшается, а также на фоне неизменного снижения числа жителей Алтайского края и Восточно-Казахстанской области (рис. 4-6).

Рисунок 4

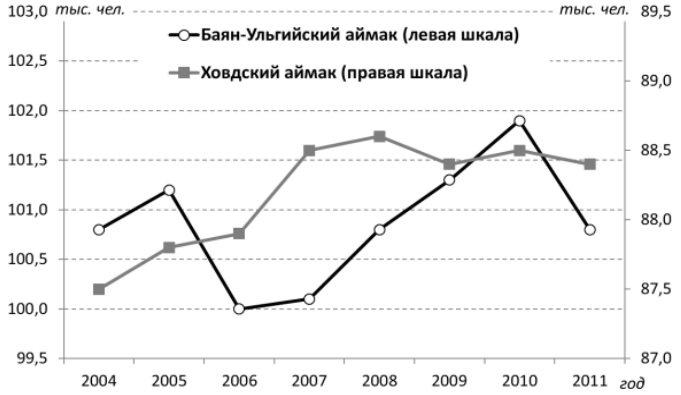
Динамика численности населения Синьцзян-Уйгурского автономного района и Республики Алтай (на начало года)



Источник: создано автором по данным [9; 18; 23].

Рисунок 5

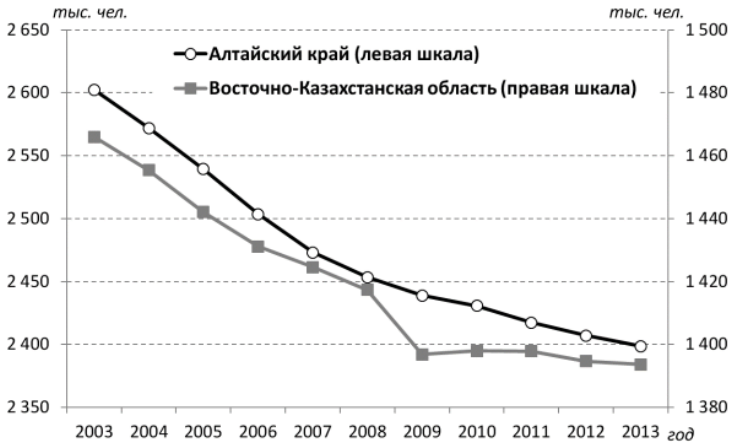
Динамика численности населения Баян-Ульгийского и Ховдского аймаков (на начало года)



Источник: создано автором по данным [27].

Рисунок 6

Динамика численности населения Алтайского края и Восточно-Казахстанской области (на начало года)



Источник: создано автором по данным [1; 9; 17].

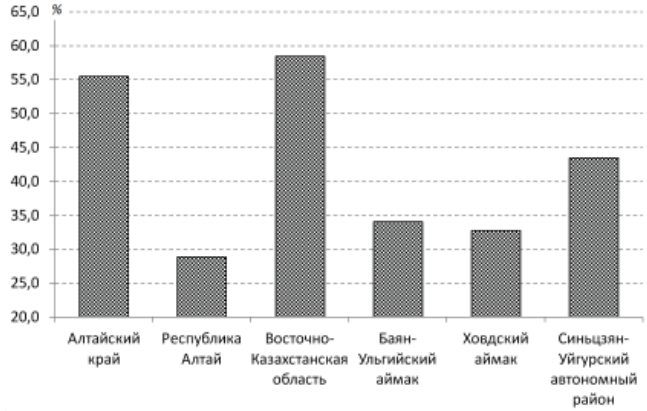
Административно-территориальное деление исследуемых регионов выглядит следующим образом. На территории Алтайского края расположены 12 городов, 59 районов и 1598 сельских населенных пунктов, в Республике Алтай имеется лишь 1 город, 10 районов и 245 сельских населенных пунктов [9], а Восточно-Казахстанская область включает 10 городов, 15 районов и 786 аулов (сел) [14]. Баян-Ульгийский аймак состоит из 13 сомонов и 86 багов, а Ховдский аймак – из 17 сомонов и 91 бага [21; 25; 27]. Синьцзян-Уйгурский автономный район делится на 2 городских округа, 7 округов и 5 автономных округов для национальных меньшинств, один из которых субпровинциального значения [31].

Базовой характеристикой населения региона выступает ***распределение населения по двум основным типам поселений*** – городским и сельским. С точки зрения степени урбанизированности регионы Большого Алтая значительно дифференцированы, однако стоит отметить, что ни один из них не может быть отнесен к высокоурбанизированным территориям (рис. 7). Наибольшая доля городского населения фиксируется в Восточно-Казахстанской области (58,5%) и Алтайском крае (55,5%), во всех остальных регионах более половины населения проживает в сельской местности. Республика Алтай занимает первое место по доле сельского населения не только в Российской Федерации, но и среди регионов Большого Алтая. В монгольских аймаках селяне составляют около 2/3 населения. Среднее значение степени

урбанизированности для рассматриваемой территории несколько превышает 42%, в то время как средний показатель для Азии в целом немного выше – 46% [30].

Рисунок 7

Удельный вес городского населения в регионах Большого Алтая



Источник: создано автором по данным [1; 15; 23; 27].

Стоит отметить, что соотношение городского и сельского населения имеет большое значение для демографического развития любой территории, поскольку демографическое поведение горожан и селян заметно различается, и это сказывается на многих показателях естественного и механического движения населения. Сельское население, как правило, имеет более высокие уровни как рождаемости, так и смертности, а также пониженный уровень миграционной мобильности.

Столица Алтайского края город Барнаул в настоящее время насчитывает около 650 тыс. жителей и, таким образом, концентрирует около 27% населения региона. Город Горно-Алтайск является столицей Республики Алтай и имеет численность населения около 60 тыс. человек (29% населения республики). Административный центр Восточно-Казахстанской области – город Усть-Каменогорск, людностью 310 тыс. человек (22% населения области). Столицей Баян-Ульгийского аймака является город Ульгий с числом жителей около 29 тыс. человек (28% населения аймака), а столицей Ховдского аймака – город Ховд, в котором проживают так же около 29 тыс. человек (32% жителей аймака). Город Урумчи представляет собой административный центр Синьцзян-Уйгурского автономного района. Его население превышает 3 млн чел., а это около 14% всего населения данной китайской территории.

Таким образом, несмотря на хоть и варьирующую, но в целом невысокую степень урбанизированности регионов Большого Алтая, их главным городам принадлежит не только существенная административно-управленческая, но и демографическая роль. Столицы (за исключением Урумчи) концентрируют от 1/5 до 1/3 общей численности населения соответствующего региона.

Половозрастная и этническая структуры населения

Важнейшей социально-экономической характеристикой населения любой территории выступают структуры этого населения: половая, возрастная, семейная, образовательная, этническая, структура занятости населения и другие. Для анализа демографического развития особенный интерес представляют первые две, поскольку они в наибольшей степени оказывают влияние на демографическое воспроизводство населения.

К сожалению, Национальный статистический офис Монголии не публикует на своем официальном сайте сведения о возрастных и половых особенностях населения в региональном разрезе, что крайне затрудняет сравнительный анализ демографической структуры населения по всем регионам Большого Алтая.

С точки зрения ***полового состава населения*** могут быть выделены территории с количественным преобладанием женщин и территории с численным преобладанием мужчин. Из регионов Большого Алтая к первой группе относятся:

- Алтайский край, в котором наблюдается наибольшая диспропорция полов среди всех рассматриваемых территорий (на 1000 мужчин приходится 1165 женщин);
- Республика Алтай (на 1000 мужчин приходится 1114 женщин);
- Восточно-Казахстанская область (на 1000 мужчин приходится 1103 женщины).

Синьцзян-Уйгурский автономный район относится ко второй группе: показатель соотношения полов здесь составляет 950 женщин на 1000 мужчин. Таким образом, если в российских и казахстанском регионах женщин больше, чем мужчин, на 10-17%, то в китайской провинции уже количество мужчин превышает число женщин на 5%.

Половой состав населения оказывает заметное влияние на демографическое развитие любой территории, поскольку процессы брачности, миграции, рождаемости и смертности имеют тесные причинно-следственные взаимосвязи с половыми характеристиками населения:

- удачная ситуация на брачном рынке во многом зависит от сбалансированности полового состава населения в соответствующих возрастных группах;
- мужское население более активно участвует как во внутренних, так

и во внешних территориальных перемещениях;

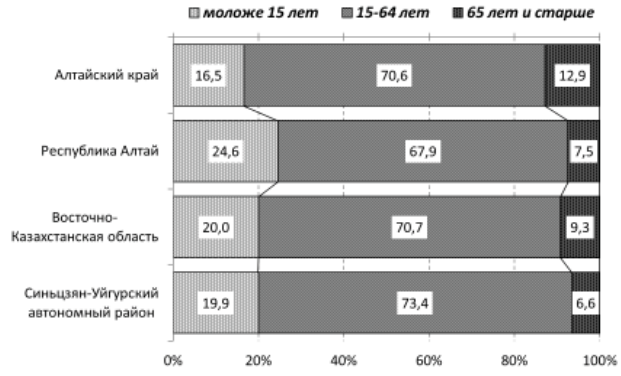
- рождение детей осуществляется представителями лишь одного пола, поэтому текущие числа новорожденных в существенной степени определяются численностью женского контингента;
- широко известна половая дифференциация в масштабах смертности, когда практически повсеместно лица мужского пола имеют заметно меньшие показатели средней продолжительности жизни, чем лица женского пола.

Исключительно важным с точки зрения демографического воспроизводства оказывается и влияние ***возрастного состава населения***. Динамика абсолютной численности и удельного веса отдельных возрастных групп в населении имеет не только демографические, но и в целом социально-экономические последствия. Соотношение основных возрастных групп в населении непосредственным образом сказывается на состоянии трудового потенциала общества, возможностях пенсионного обеспечения, потребностях услуг системы здравоохранения и образования, а также на формировании военного контингента и, следовательно, на уровне безопасности государства. Но все же основной общественной сферой, испытывающей влияние изменений возрастной структуры населения, выступает рынок труда.

Итак, анализ возрастного состава населения в первом приближении строится на изучении соотношения в населении *трех основных возрастных групп* – это лица дотрудоспособного, трудоспособного и послетрудоспособного возраста. В международной практике приняты следующие возрастные границы данных категорий: дети и молодежь в возрасте до 15 лет, взрослое население в возрасте от 15 до 64 лет и пожилые люди 65 лет и старше. Современное возрастное распределение населения исследуемых регионов выглядит следующим образом (рис. 8).

Рисунок 8

Возрастной состав населения регионов Большого Алтая



Источник: создано автором по данным [6; 17; 18; 23].

Представленный график говорит о том, что самое молодое население проживает в Республике Алтай, где практически каждый четвертый житель не достиг еще 15 лет. В Восточно-Казахстанской области и Синьцзян-Уйгурском автономном районе дети и молодежь составляют около 20%, а в Алтайском крае это лишь 1/6 часть населения. При этом средний показатель для названных регионов Большого Алтая равен 20,3%, в то время как для Азии в целом он составляет 25%.

Наибольшая доля *лиц трудоспособных возрастов* отмечена в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, где немногим менее 3/4 населения попадает в эту категорию. Удельный вес населения в возрасте 15-64 лет в Алтайском крае очень близок показателю в Восточно-Казахстанской области и составляет около 71%. Наименьшая доля взрослого населения фиксируется в Республике Алтай, где она равна 2/3 всего населения.

В изданиях ООН и другой международной статистике началом *старости* считается 65 лет. При этом удельный вес лиц данного возраста и старше рассматривается в качестве измерителя процесса старения населения и именуется иногда коэффициентом демографического старения. Он позволяет судить о том, насколько далеко в той или иной стране (регионе) зашел процесс старения населения. В соответствии со шкалой Ж. Боже-Гарнье-Э. Россета граница в 8% людей пожилого возраста считается переходом от молодости к старости. 8-10% представляет собой «первое преддверие старости», 10-12% – «собственно преддверие старости», а 12% и выше – «демографическая старость». Итак, можно заметить следующее:

- население Синьцзян-Уйгурского автономного района и Республики Алтай находится на стадии демографической молодости;
- население Восточно-Казахстанской области уже вступило в первое преддверие старости;
- население Алтайского края может быть признано демографически старым.

Стоит сказать, что среднее значение коэффициента демографического старения для рассмотренных регионов Большого Алтая составляет 9,1%, при этом средний показатель для Азии в целом – 7%.

Соотношение основных возрастных групп в населении региона обусловливает наблюдающиеся показатели ***демографической нагрузки***, которая демонстрирует пропорцию производительных и непроизводительных (иждивенческих) групп населения. Различают общий коэффициент демографической нагрузки, коэффициент нагрузки детьми и коэффициент нагрузки пожилыми.

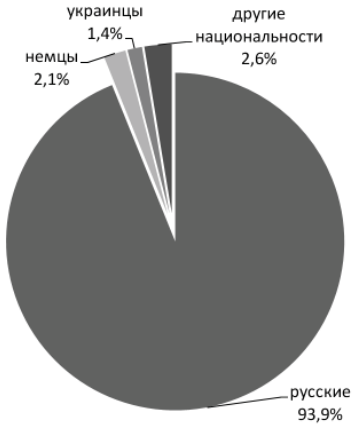
В регионах Большого Алтая минимальный коэффициент общей нагрузки регистрируется в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (362 человека в нетрудоспособных возрастах на 1000 человек трудоспособного возраста), а максимальный – в Республике Алтай (472 на 1000). Наибольший коэффициент нагрузки детьми так же наблюдается в Республике Алтай (362 на 1000), а наименьший – в Алтайском крае (234 на 1000), который, кроме того, характеризуется максимальным значением нагрузки пожилыми (183 на 1000), а в Синьцзян-Уйгурском автономном районе нагрузка пожилыми минимальна (90 на 1000).

Важную информацию дает *коэффициент прогрессивности возрастной структуры*, отражающий соотношение числа детей и пожилых. В отличие от коэффициента общей нагрузки, он указывает на ее структуру, т.е. долю в ней молодых и старых людей. Итак, коэффициент прогрессивности возрастной структуры больше 3 наблюдается в Республике Алтай и Синьцзян-Уйгурском автономном районе, в Восточно-Казахстанской области он около 2, а в Алтайском крае – чуть более 1. Когда этот показатель становится меньше единицы, это означает, что лица пожилых возрастов стали количественно преобладать над детьми и молодежью, а это тревожный сигнал о достижении регионом высокого уровня демографического старения.

Отдельно остановимся на рассмотрении ***этнического состава населения***, поскольку в этом отношении исследуемые регионы имеют существенную специфику, сказывающуюся на их демографическом развитии. Представленные ниже диаграммы (рис. 9-14) характеризуют национальный состав регионов Большого Алтая.

Рисунок 9

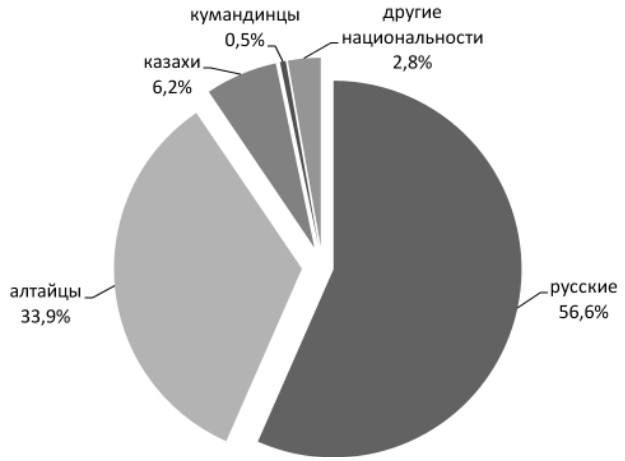
Национальный состав населения Алтайского края
по данным переписи населения 2010 года



Источник: создано автором по данным [17].

Рисунок 10

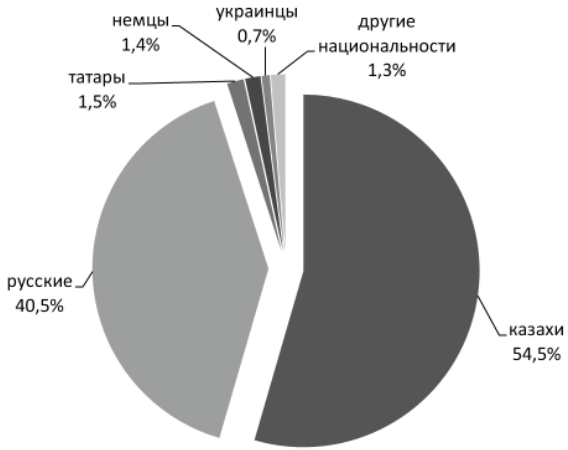
Национальный состав населения Республики Алтай по данным переписи населения 2010 года



Источник: создано автором по данным [18].

Рисунок 11

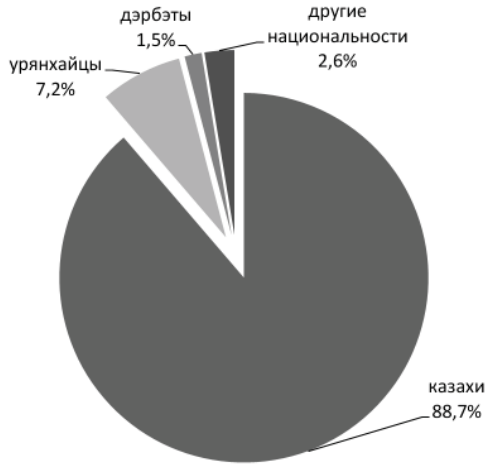
Национальный состав населения Восточно-Казахстанской области на начало 2010 года



Источник: создано автором по данным [1].

Рисунок 12

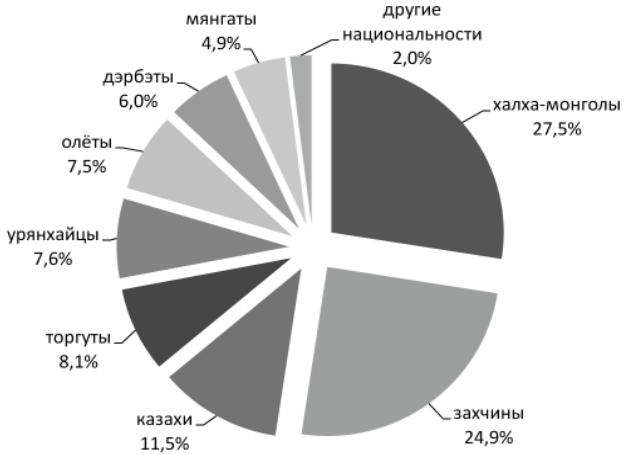
Национальный состав населения Баян-Ульгийского аймака по данным переписи населения 2000 года



Источник: создано автором по данным [21].

Рисунок 13

Национальный состав населения Ховдского аймака по данным переписи населения 2000 года



Источник: создано автором по данным [25].

Рисунок 14

Национальный состав населения Синьцзян-Уйгурского автономного района по данным переписи населения 2000 года

Источник: создано автором по данным [31].

Среди регионов Большого Алтая наибольшей гомогенностью этнического состава характеризуется, бесспорно, Алтайский край (рис. 9). На его территории проживают представители довольно большого числа различных национальностей, однако их удельный вес в населении очень невелик, а почти 94% жителей составляют русские. Заметную долю в населении региона имеют немцы и украинцы, все остальные этнические группы малочисленны и совокупно не набирают даже 3%.

Близким к мононациональному является население Баян-Ульгийского аймака (рис. 12), где казахи составляют чуть менее 9/10 населения. Значимый удельный вес здесь, кроме того, формируют урянхайцы, около 1,5% населения – дэрбэты, а остальные национальности не имеют сколь-нибудь существенной распространенности.

Три из шести регионов Большого Алтая имеют достаточно схожую преимущественно двунациональную структуру населения: в них более 85% жителей – представители двух основных этнических групп (рис. 10, 11, 14). Так, в Республике Алтай русские и алтайцы составляют около 90% населения региона, в Восточно-Казахстанской области 95% населения – казахи и русские, а в Синьцзян-Уйгурском автономном районе более 85% населения формируется уйгурами и ханьцами.

Уникальная этническая картина сложилась в Ховдском аймаке, который может быть назван единственным полинациональным регионом Большого Алтая (рис. 13). Его население сформировано чуть более чем на половину халха-монголами и захчинами (примерно в равных долях), но существенный удельный вес имеют также казахи, торгуты, урянхайцы, олеты,

дэрбэты и мянгаты.

Стоит подчеркнуть, что влияние этнического состава на воспроизводство населения осуществляется преимущественно через более молодую возрастную структуру представителей отдельных этнических групп, а также через особенности их репродуктивного, самосохранительного, матримониального и миграционного поведения, являющиеся следствием сохранения во многом традиционного (аграрного, патриархального и т.д.) образа жизни и системы ценностей.

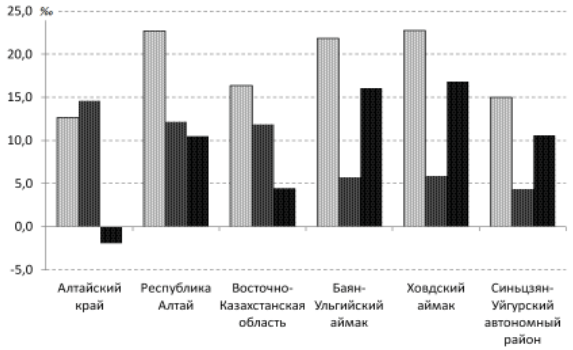
Демографические процессы и естественное воспроизводство населения

Ведущими демографическими процессами являются рождаемость и смертность, а также их взаимодействие – естественный прирост населения. В первом приближении данные процессы могут быть рассмотрены с помощью общих демографических коэффициентов, которые соотносят число демографических событий с общей численностью населения территории с тем, чтобы нивелировать ее значение. Особенно важно использовать относительные показатели в том случае, когда демографические масштабы исследуемых регионов заметно различаются.

Итак, на графике (рис. 15) представлены общие коэффициенты рождаемости, смертности и естественного прироста населения регионов Большого Алтая.

Рисунок 15

Общие коэффициенты рождаемости, смертности и естественного прироста населения регионов Большого Алтая



Источник: создано автором по данным [6; 7; 23; 27].

Нетрудно заметить, что лишь один регион из шести характеризуется превышением смертности над рождаемостью и имеет естественную убыль

населения – это Алтайский край. Всем остальным свойственен положительный естественный прирост большего или меньшего масштаба. При этом общий коэффициент рождаемости свыше 20‰ имеют Республика Алтай и оба монгольских аймака, однако ситуация с общим коэффициентом смертности в них различна: показатели республики более чем в два раза превышают значения для монгольских регионов. В результате в Ховдском и Баян-Ульгийском аймаках фиксируется наибольший уровень естественного прироста среди всех исследуемых регионов. Высокий уровень рождаемости в сочетании с низким уровнем смертности приводит к росту численности населения этих территорий за счет естественного движения более чем на 1,5% в год. Здесь наблюдается практически четырехкратное превышение числа рождений над числом смертей.

Чуть более чем на 1% в год естественным образом увеличивается население Республики Алтай и Синьцзян-Уйгурского автономного района, однако в последнем это происходит более «экономичным» образом: уровни рождаемости и смертности здесь заметно ниже республиканских. Коэффициент жизненности (отношение числа рождений к числу смертей) в китайском регионе превышает 3,4, а в республике составляет немногим менее 2.

Особенная ситуация сложилась в Восточно-Казахстанской области, где общий коэффициент рождаемости даже несколько выше, чем в китайском регионе, однако же и общий коэффициент смертности выше в 2,7 раза, что в результате приводит к небольшому естественному приросту в области на полпроцента в годовом выражении, а коэффициент жизненности составляет 1,4.

Средние значения общего коэффициента рождаемости, смертности и естественного прироста для всех регионов Большого Алтая составляют: 18,6‰, 9,1‰ и 9,5‰, а средние показатели для Азии в целом равны, соответственно, 18‰, 7‰ и 11‰. Таким образом, рождаемость на территории Алтая близка к среднему показателю Азии, а смертность здесь несколько выше, в связи с чем и естественный прирост немного ниже.

Как уже было отмечено, *Алтайский край – единственный депопулирующий регион Большого Алтая*. Число смертей здесь превышает число рождений почти на 10%, а коэффициент жизненности, соответственно, меньше единицы. Общий коэффициент смертности здесь самый высокий среди рассматриваемых регионов, а общий коэффициент рождаемости – самый низкий. Однако связано это в значительной степени с тем, что *население края имеет существенно более постаревшую возрастную структуру населения,* а, следовательно, общие коэффициенты не характеризуют реальную интенсивность двух основных демографических процессов.

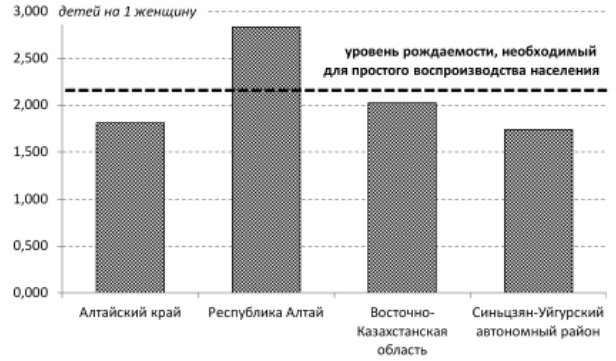
Для более точной оценки процессов рождаемости и смертности населения используют, соответственно, *суммарный коэффициент рождаемости и ожидаемую продолжительность жизни при рождении*, поскольку они не зависят от особенностей половозрастного состава населения территории. Первый показатель представляет собой среднее число детей, рожденных женщиной гипотетического поколения за всю жизнь. Стоит отметить, что он нередко интерпретируется не только как показатель рождаемости, но и как показатель воспроизводства населения в целом, поскольку говорит о том, достигает ли текущая интенсивность рождаемости уровня, необходимого для воспроизводства населения. Значение коэффициента около 2,15 считается границей простого воспроизводства населения. Второй показатель интегрально характеризует смертность населения во всех возрастах и демонстрирует число лет, которое предстоит прожить новорожденному в случае сохранения текущих уровней смертности в перспективе.

К сожалению, не все официальные статистические службы открыто публикуют информацию по указанным демографическим индикаторам, и поэтому последующий анализ проведен лишь для тех регионов, по которым необходимые сведения присутствовали на официальных сайтах соответствующих ведомств.

Итак, значения ***суммарного коэффициента рождаемости*** для регионов Большого Алтая представлены на следующем графике (рис. 16). Наибольший коэффициент наблюдается в Республике Алтай, где в настоящее время он составляет более 2,8 детей на одну женщину, а наименьший показатель – в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (1,7 ребенка на женщину). Отметим, что в трех регионах из четырех текущий уровень рождаемости не обеспечивает даже простого воспроизводства населения. Среднее значение данного показателя для указанных регионов Большого Алтая составляет 2,1 ребенка на женщину, а в целом для Азии 2,2 ребенка, т.е. показатели очень близки.

Рисунок 16

Суммарный коэффициент рождаемости в регионах Большого Алтая



Источник: создано автором по данным [1; 7; 17; 24].

Помимо общего уровня рождаемости большое значение имеет ее возрастной профиль, т.е. характеристика интенсивности рождения детей матерями разного возраста. Если суммарный коэффициент рождаемости говорит, в первую очередь, о ее количественных параметрах, то распределение ***возрастных коэффициентов рождаемости*** характеризует также и качественные особенности данного демографического процесса. На графике (рис. 17) отражены возрастные коэффициенты рождаемости четырех регионов Большого Алтая.

Рисунок 17

Возрастные коэффициенты рождаемости в регионах Большого Алтая

Источник: создано автором по данным [1; 7; 17; 24].

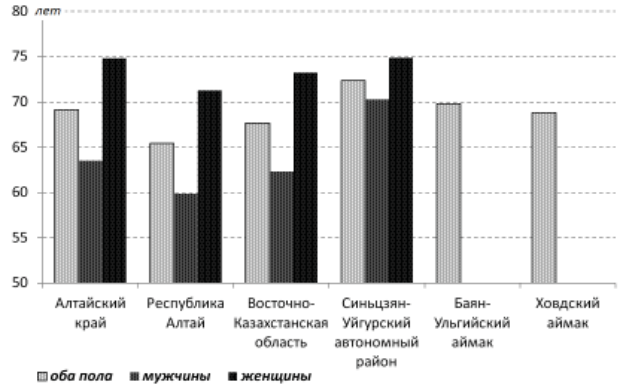
Уникальными параметрами характеризуется рождаемость в Республике Алтай. Частота рождения детей в каждой возрастной группе матерей здесь выше, чем в любом другом исследуемом регионе. При этом само возрастное распределение демонстрирует традиционную картину: в первой возрастной группе 15-19 лет рождаемость не очень высока, так же как и в возрастах 30 лет и старше, основная масса новорожденных появляется у матерей 20-29 лет с заметным пиком в возрасте 20-24 лет. Однако известно, что по мере продвижения населения любой территории по пути демографического перехода помимо снижения общего уровня рождаемости (кривая опускается вниз) изменяется и ее возрастная модель (кривая смещается вправо): женщины рожают детей во все более позднем возрасте. В результате пик рождения детей уже перемещается в возрастную группу 25-29 лет и наблюдается устойчивый рост среднего возраста матери при рождении детей.

В контексте таких изменений репродуктивного поведения можно заметить, что в Синьцзян-Уйгурском автономном районе снижение уровня рождаемости уже произошло, но при этом тенденция старения материнства еще не зафиксирована. Более того, рождаемость у матерей 30-39 лет упала особенно значительно. В то же время возрастные профили рождаемости населения Восточно-Казахстанской области и Алтайского края уже заметно модернизировались: наибольшая интенсивность рождения детей здесь наблюдается у матерей 25-29 лет. Возрастное распределение здесь очень схожее, но край характеризуется несколько меньшим общим уровнем рождаемости, чем область.

Говоря о смертности населения, выраженной с помощью показателя ***средней продолжительности жизни при рождении***, отметим, что самый высокий уровень смертности среди регионов Большого Алтая наблюдается в Республике Алтай, а самый низкий – в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (рис. 18). Если в республике этот показатель для обоих полов составляет 65,4 года, то в китайском регионе он на 7 лет выше. Остальные регионы имеют довольно близкие значения продолжительности жизни, все они попадают в диапазон 67-70 лет.

Рисунок 18

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении
в регионах Большого Алтая



Источник: создано автором по данным [7; 17; 23; 27].

Другой важной особенностью, позитивно выделяющей Синьцзян-Уйгурский автономный район на фоне остальных регионов Большого Алтая, является наименьшая величина разрыва в продолжительности жизни женщин и мужчин. Здесь она не превышает 5 лет, что соответствует уровню развитых стран мира. В отличие от этого в российских регионах и в казахстанской области этот разрыв составляет не менее 11 лет, что говорит о наличии серьезных проблем в половой дифференциации смертности населения. Так,

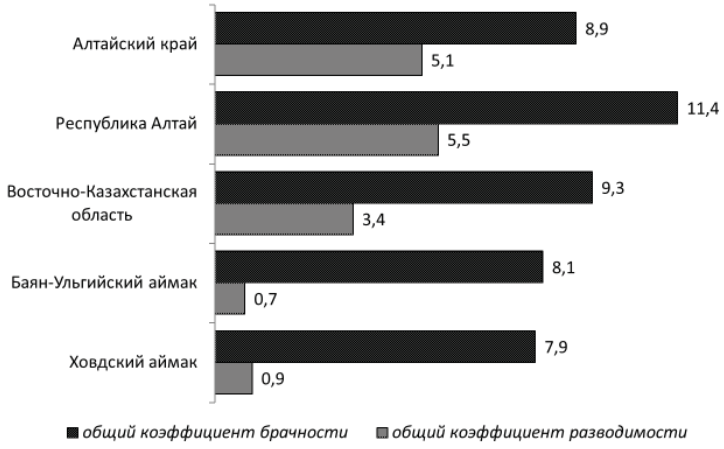
к примеру, в Алтайском крае женщины имеют такой же показатель продолжительности жизни, как и женщины в китайском регионе, но при этом мужская продолжительность жизни там почти на 7 лет короче.

Среднее значение показателя ожидаемой продолжительности жизни при рождении для обоих полов в регионах Большого Алтая составляет 68,9 лет (64 года для мужчин и 73,5 года для женщин), в то время как в целом для Азии это 71 год (69 лет для мужчин и 73 года для женщин). Таким образом, повышенные показатели смертности на территории Большого Алтая являются следствием высокой мужской смертности.

Помимо влияния рождаемости и смертности демографическая ситуация испытывает на себе воздействие ***процессов брачности и разводимости***. Общие коэффициенты данных демографических процессов (рассчитываемые так же, как и уже рассмотренные общие коэффициенты) представлены на следующем графике (рис. 19).

Рисунок 19

Общие коэффициенты брачности и разводимости
в регионах Большого Алтая



Источник: создано автором по данным [1; 15; 17; 27].

Можно заметить, что монгольские аймаки заметно выделяются на фоне остальных территорий очень низким уровнем разводимости, в то время как показатель брачности в них находится примерно на том же уровне, что и в других регионах Большого Алтая. Максимальные значения общих коэффициентов брачности и разводимости зарегистрированы в Республике

Алтай. В то же время наибольший индекс разводимости (показатель числа разводов на 1000 браков) наблюдается в Алтайском крае – 576 разводов на 1000 браков, далее следуют Республика Алтай (488 на 1000), Восточно-Казахстанская область (363 на 1000). Гораздо более низкие значения индекса разводимости характерны для Ховдского (114 на 1000) и Баян-Ульгийского (86 на 1000) аймаков.

Стоит учитывать, что уровень брачности имеет тесные связи с уровнем рождаемости, а разводимость является значимым фактором снижения числа новорожденных. В целом брачность и разводимость формируют ту или иную брачную структуру населения, взаимодействующую с семейной структурой, и вместе они в значительной степени определяют благополучие системы воспроизводства региона.

Человеческое развитие

В заключение вкратце остановимся на рассмотрении такого важнейшего показателя уровня и качества жизни населения территории, как индекс человеческого развития.

Созданный экспертами ООН специально для того, чтобы интегрально характеризовать не только экономическую, но и социально-демографическую составляющую уровня развития стран и регионов, он в настоящее время считается одним из лучших индикаторов благополучия населения той или иной территории. Индекс человеческого развития, представляющий собой комбинацию индексов долголетия, образованности и скорректированного дохода, позволяет учитывать развитие более адекватно и комплексно, чем большинство других социально-экономических показателей и индикаторов [20].

Итак, *индекс человеческого развития учитывает важнейшие параметры благополучия человека*. Прямо или косвенно через него учитываются такие характеристики развития, как здоровье и долголетие, состояние окружающей среды, уровень культуры и образования, уровень доходов населения. Все эти составляющие формализованы и удобны для межтерриториальных сравнений. Индекс развития человеческого потенциала – это попытка измерить уровень человеческих возможностей. В состав индекса непосредственно входят *три количественно измеряемых параметра развития человека*:

- долголетие/долгая и здоровая жизнь (измеряется показателем ожидаемой продолжительности жизни при рождении для обоих полов);
- получение знаний/образования (измеряется показателем уровня грамотности взрослого населения и совокупным валовым коэффициентом поступивших в начальные, средние и высшие учебные заведения);
- поддержание достойного уровня жизни (измеряется показателем преобразованного ВВП по паритету покупательной способности на душу населения).

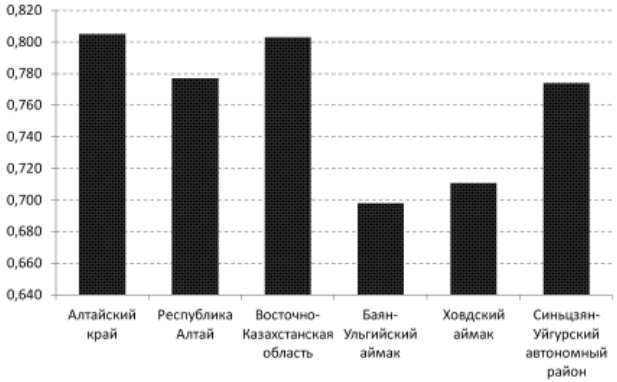
Индекс человеческого развития измеряется в условных единицах от 0 до 1. Выделяют следующие количественные границы для различных групп стран и территорий:

- 0,800 и более – страны с очень высоким уровнем человеческого развития;
- 0,712-0,799 – страны с высоким уровнем человеческого развития;
- 0,535-0,711 – страны со средним уровнем человеческого развития;
- менее 0,535 – страны с низким уровнем человеческого развития.

С точки зрения индекса развития человека регионы Большого Алтая заметно различаются (рис. 20).

Рисунок 20

Индекс человеческого развития в регионах Большого Алтая



Источник: создано автором по данным [8; 13; 22; 27].

Алтайский край и Восточно-Казахстанская область имеют наилучшие показатели человеческого развития и попадают в первую группу с очень высоким показателем. Республика Алтай и Синьцзян-Уйгурский автономный район немного отстают и входят во вторую группу с высокими значениями показателя человеческого развития. Наименьшими показателями индекса развития человека среди рассматриваемых регионов характеризуются Ховдский и Баян-Ульгийский аймаки, входящие по международной классификации в третью группу территорий со средним уровнем человеческого развития. Интересно отметить, что при этом Российская Федерация (с показателем 0,788) и Казахстан (0,754) относятся к странам с высоким уровнем человеческого развития, а Китай (0,699) и Монголия (0,675) – к странам со средним уровнем человеческого развития.

Заключение

Подводя итог проведенному сравнительно-демографическому обзору регионов Большого Алтая по ключевым демографическим индикаторам, отметим, что исследуемые территории имеют как существенные количественные и качественные отличия, так и схожие черты и характеристики.

1. Демографический масштаб и географический охват регионов различаются в десятки и даже сотни раз. В то же время плотность населения всей территории и большинства ее частей может быть названа крайне недостаточной.

2. Общая динамика числа жителей Большого Алтая восходящая, однако при этом одни регионы устойчиво теряют свое население, другие – уверенно растут.

3. Степень урбанизированности рассматриваемых территорий в целом характеризуется, как невысокая. Большая часть населения Алтая попрежнему проживает в сельской местности, а это накладывает заметный отпечаток на демографическое развитие территории. В то же время города (в особенности административные центры) играют важную роль в развитии и организации жизнедеятельности населения регионов.

4. Среди регионов Большого Алтая наблюдаются важные различия в половозрастной структуре населения: территории в различной степени подверглись процессам демографического старения и деформации полового состава населения.

5. Большое этническое разнообразие территории проявляется в существовании на Алтае множества народов и других этнических групп, объединенных как в ярко выраженные мононациональные, так и в двунациональные и в полинациональные регионы.

6. Специфика протекания демографических процессов на территории Большого Алтая в целом выражается в сохранении традиционных образцов репродуктивного, самосохранительного и матримониального поведения, однако по мере движения населения регионов по пути демографического перехода наблюдается постепенное снижение рождаемости и смертности вследствие модернизации демографических установок и ориентаций.

7. Результатом взаимодействия экономических, социальных и демографических факторов трансформации населения является общий уровень человеческого развития территории. С этой точки зрения регионы Большого Алтая заметно дифференцированы, но в то же время ни один из них не вошел в группу территорий с низким уровнем развития человеческого потенциала, что в совокупности с положительной динамикой этого индекса во времени позволяет с оптимизмом смотреть в будущее этого трансграничного макрорегиона.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Агентство Республики Казахстан по статистике: Официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: http://www.stat.kz
2. Алтай Трансграничный: Официальный сайт Международного координационного совета «Наш общий дом – Алтай» [Электронный ресурс]. – URL: http://altaiinter.info/
3. Аубакирова Ж.С. К постановке проблемы исследования населения Большого Алтая // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территорий: Сб. науч. трудов. – Усть-Каменогорск, 2010. – С. 41-46.
4. Аубакирова Ж.С. Некоторые аспекты развития Северо-Восточной этнодемографической зоны в конце XX – начале XXI века // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территорий: Сб. науч. трудов. – Усть-Каменогорск, 2006. – С. 37-48.
5. Демографическая ситуация в Казахстане: состояние и перспективы. – Уральск, 2011. – 320 с.
6. Демографический ежегодник Казахстана: Стат. сб. / Гл. ред. А.А. Смаилов. – Астана, 2012. – 608 с.
7. Демографический ежегодник России 2012: Стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – 535 с.
8. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации 2013. Устойчивое развитие: вызовы Рио / Под общ. ред. С.Н. Бобылева. – М., 2013. – 202 с.
9. Еремин А.А. Современное демографическое развитие Алтая // Охрана окружающей среды и природных ресурсов стран Большого Алтая: материалы конференции / отв. ред. Г.Я. Барышников. – Барнаул, 2013. – С. 90-94.
10. Еремин А.А., Быков Н.И. Демографическая ситуация в Алтайском крае на современном этапе: Монография. – Барнаул, 2011. – 272 с.
11. Игибаев С.К. Население Восточного Казахстана в начале XXI века // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территорий: Сб. науч. трудов. – Усть-Каменогорск, 2010. – С. 187-200.
12. Манохина О.В. Современная демографическая ситуация в Восточно-Казахстанской области // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территорий: Сб. науч. трудов. – Усть-Каменогорск, 2007. – С. 205-213.
13. Национальный отчет о человеческом развитии 2009. От изолированности к равенству: реализация прав инвалидов в Казахстане. – Астана, 2010. – 173 с.
14. Регионы Казахстана: брошюра / Гл. ред. А.А. Смаилов. – Астана, 2013. – 28 с.
15. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012: Стат. сб. / Росстат. – М., 2012. – 990 с.
16. Сарсембаева Г.А. Демографическое развитие казахского этноса в Республике Казахстан в конце XX – начале XXI вв. – Барнаул, 2013. – 123 с.
17. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики России по Алтайскому краю: Официальный сайт. – URL: http://akstat.gks.ru
18. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики России по Республике Алтай: Официальный сайт. – URL: http://statra.gks.ru
19. Федеральная служба государственной статистики России: Официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru

20. Человеческое развитие: новое измерение социально-экономического прогресса / Под общ. ред. В.П. Колесова. – 2-е изд., доп. и перераб. – М., 2008. – 636 с.
21. Bayan-Ölgii Province on Wikipedia [Электронный ресурс]. – URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Bayan-Ölgii_Province
22. China Human Development Report 2009/10. China and a Sustainable Future: Towards a Low Carbon Economy and Society [Электронный ресурс]. – URL: http://hdr.undp.org/en/reports/national/asiathepacific/china/Chine_2010.pdf
23. China Statistical Yearbook 2012 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2012/indexee.htm
24. Fertility Estimates for Provinces of China 1975-2000. National Bureau of Statistics of China [Электронный ресурс]. – URL: http://www.eastwestcenter.org/fileadmin/stored/pdfs/popfertilityestimateschina.pdf
25. Khovd Province on Wikipedia [Электронный ресурс]. – URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Khovd_Province
26. Ministry of Commerce of People's Republic of China [Электронный ресурс]. – URL: http://english.mofcom.gov.cn
27. Mongolian Statistical Yearbook 2010 [Электронный ресурс]. – URL: http://web.nso.mn/download_data.php?type=yearbook&year=2010&file=Yearbook2010.pdf
28. National Bureau of Statistics of China [Электронный ресурс]. – URL: http://www.stats.gov.cn/english
29. National Statistical Office of Mongolia [Электронный ресурс]. – URL: http://www.nso.mn/v3/index2.php
30. World Population Data Sheet 2013 [Электронный ресурс] / Population Reference Bureau. – URL: http://www.prb.org/pdf13/2013-population-data-sheet_eng.pdf
31. Xinjiang on New World Encyclopedia [Электронный ресурс]. – URL: http://www.newworldencyclopedia.org/entry/Xinjiang

Жанбосинова А.С.

МОЛОДЕЖНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ И РЕЛИГИОЗНЫЕ НАСТРОЕНИЯ

Мировоззрение общества постсоветского пространства за последнее десятилетие XX и первое десятилетие XXI веков претерпело кардинальные изменения, что связано с эволюцией человеческого сознания, в некоторых случаях приоритетным критерием в оценке духовности человека стала религия.

В бывших советских республиках появилось множество религиозных течений, на основе принципов свободы совести и светского государства в Казахстане были приняты Законы от 15 января 1992 года «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях», а затем от 11 октября 2011 года «О религиозной деятельности и религиозных объединениях», последний за-

конодательно ограничил религию, в связи с последними событиями, произошедшими на территории государства.

Многонациональный характер казахстанской государственности предполагает множественную конфессиональную вариативность, приоритетным направлением последней является ислам, ввиду того, что это религия большинства населения Казахстана. На наш взгляд, в Казахстане развитие мусульманского вероучения идет двумя путями, первый легальный, второй нелегальный. Легально-правовой путь наблюдается в строительстве мечетей, росте религиозных организаций, формировании религиозного образования, распространении разрешенных государством вероучений различного толка. Второй путь – нелегальный, проявился в использовании в политическом лексиконе Казахстана новых нетрадиционных для него явлений и понятий, как «терроризм», «исламский радикализм».

Столь оживленное движение ислама в Казахстане объясняется, с одной стороны, попыткой идентификации тюрко-мусульманского населения, а с другой – стать опорой нравственности и духовности. Следствием осознания национальной идентичности в призме государственной политики в области языка стало отторжение не титульной нации, а понимание принадлежности к мусульманско-тюркскому миру, и в большей степени к мусульманскому, что усилило не только внешнюю атрибутику исламской религии, но и закрепило необходимость их внутреннего исполнения, а также распространение указанных трендов среди социально уязвимых слоев населения. Религиозная активность населения растет детерминированная, с одной стороны, духовным вакуумом, а с другой – появлением молодого поколения, воспитанного в условиях государственной независимости.

На протяжении всего независимого пути Республики Казахстан раскрученным брендом государства стала «казахстанская толерантность», действительно, это особый сплав, созданный всем историческим ходом развития нашей страны, психологическая совместимость и полное отсутствие негатива, при этом проявляющиеся проблески бытового шовинизма прямо пропорциональные уровню интеллигентности и образованности.

Если вначале XX века мы говорили о «безбожной пятилетке», об атеистическом воспитании, о деятельности союза безбожников, о появлении первого поколения советских детей, далеких от религиозности, то теперь мы вправе отметить исчезновение атеистического восприятия мира среди молодежи, распространение религиозности среди молодежи и подверженность последней влиянию различных религиозных структур. Зеленое знамя ислама в XXI веке имеет блики красной крови от нескончаемого джихада и борьбы с неверными. Почему именно сейчас и сегодня одна из трех мировых религий – ислам, ассоциируется с террором, экстремизмом, хиджабом и многими другими негативными критериями?

Во многом такое восприятие обществом мусульманства – результат деятельности средств массовой информации, атмосфера нагнетания обстановки, противопоставление мусульман европейским народам, демонстрация терактов порождает в первую очередь страх, а затем ненависть. Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев подчеркнул, что корни терроризма и экстремизма нужно искать, прежде всего, в нищете и социальной безысходности. Как правило, тот, у кого стабильно есть «в казане варево», никогда не будет проповедовать насилие. Для многих среднеазиатских республик характерна бедность, высокий уровень безработицы, недоступность образования и услуг здравоохранения.

К сожалению, именно молодежь восприимчива к новым религиозным веяниям, ввиду своего социально нестабильного положения и юношеского максимализма, финансовой зависимости и незащищенности, невостребованности на рынке труда, отсутствия реально действующей государственной программы поддержки молодых.

Сегодня процессы самоидентификации студенческой молодежи по религиозному признаку становятся предметом активных научно-социологических исследований, автор решил внести свой вклад в изучение данной проблематики.

Вместе с тем, несмотря на то, что на протяжении всего независимого периода развития Казахстан остается территорией стабильности, данные социологического исследования, проведенного агентством «Ksilon», показывают такие негативные тенденции, как: за создание исламского государства высказались 30,7% респондентов, положительно отнеслись к возможному участию молодых людей из Казахстана в военных действиях за границей против врагов ислама 10,8% респондентов, считая таких людей истинными защитниками ислама, в поддержку взрывов и других форм насилия для защиты своей веры от врагов выступили 8,7% респондентов [1].

Результаты опроса впечатляют, в Казахстане, как и во всех бывших республиках СССР, выросло новое поколение молодых людей, имеющих свой взгляд и свое мнение, порой прямо противоположное правительственному курсу. Социальные условия, отсутствие возможностей получить высшее образование, безработица в аулах и при том, что новая система образования, т. н. Болонский процесс – это инструмент социальной сегрегации, а школа упростила мировосприятие до уровня примитивности, то в результате мы получаем на выходе инфантильную молодежь, которая активно пополняет ряды «казахского джихада». Можно проследить географию выхода на «казахский джихад». В основном это сельские жители. По-своему правы те исследователи, которые говорят о необходимости переселения многочисленного самозанятого населения из казахской глубинки в промышленные города с последующим их трудоустройством. Молодых людей, имеющих возмож-

ность получить высшее образование, кто финансово независим, кто строит карьеру, учит языки, не забивает свои головы религией, не так уж и много.

Современное состояние большинства мусульманских государств, за исключением единичных фактов, находится в удручающем состоянии: низкий уровень жизни, отраженный многими показателями экономики, социальных услуг, образования, медицины, общественно-политического устройства и многих других «средневековых» явлений в мусульманском социуме. Казахстан, несмотря на сравнительно неплохие общие показатели экономического развития, имеет множество социально уязвимых групп населения, к которым можно отнести и молодежь. Последняя в поисках романтики и попыток решить социально-финансовые проблемы по причинам религиозной неграмотности вливается в джихад.

Возможности различного толкования канонов ислама позволяют представителям деструктивных течений использовать понятие «джихад» в той вариации, которая наиболее воинственна и призывает к совершению насильственных действий. Как говорят истинные мусульмане, Иман – это фундамент ислама, его вершиной является Джихад, который «купол, вершина праведных деяний» [2], человек своим джихадом должен добиваться милосердия, добра, бороться против насилия, ведь ни одна религия не призывает к насилию, страшным грехом является убийство. Ныне реальный джихад являет собой пропаганду насилия.

Идентификация молодого поколения через призму мусульманства и различное восприятие ими канонов ислама является ярко выраженным противоречием современного состояния ислама. Студенческая аудитория и неучащаяся молодежь показывают высокую степень религиозной ориентированности, но с различной степенью ее самовыражения.

В 2011-2013 годах автором были проведены совместные с Алтайским государственным университетом, кафедрой религиоведения, социологические исследования по разработанной ими анкете. В качестве генеральной совокупности выступили студенты ВКГУ им. С. Аманжолова в возрасте 16-21 года. В представленном докладе показываются результаты опроса 90 студентов. Среди респондентов 46% – студенты мужского пола, 54% – женского пола.

Следует отметить, что это совершенно новое молодое поколение, чье мировоззрение формировалось в годы становления независимости Республики Казахстан.

Опросный лист содержал 57 вопросов, охватывающих различные спектры и направления исследуемой проблемы. В представленном исследовании мы проанализируем отдельный блок вопросов и рассмотрим, как распределились ответы на следующие вопросы:

Вопрос «Как Вы считаете, нужно ли быть человеку верующим?» вызвал затруднения у 8% опрашиваемых, положительный ответ «да» прозвучал у 87%, отрицательный «нет» – у 5%, вместе с тем, как колеблющиеся, так и однозначно ответившие, относят себя либо к мусульманам – 63%, либо к православным – 37%, т.е. конфессиональная самоидентификация опирается на национальную основу, представители казахской национальности автоматически соотносят себя к исламу, представители русского этноса – к христианству.

Отношение студенчества к религии показывает высокую степень религиозной ориентированности, но в тоже время можно отметить, что как верующие, так и не верующие соотносят свое поведение с этно-религиозными традициями и обрядами. Как известно, вера в Бога предусматривает соблюдение религиозных обрядов и праздников, посещение религиозного храма. Ответы на следующие вопросы: «Важно ли для Вас соблюдение религиозных обрядов?», «Посещаете ли Вы религиозный храм?», «Как часто вы посещаете храм (мечеть, церковь, и др.)?» – свидетельствуют о том, что молодые люди в основном стремятся соблюдать религиозные обряды и стараются принимать участие в религиозных праздниках, однако редко посещают религиозный мечеть или церковь.

Например, вопрос «Как часто вы исполняете религиозные обряды и праздники?» показал, что 67% студентов придерживаются традиций только в праздничные дни, например, у мусульман праздники: Курбан айт предполагает обязательное посещение мечети в эти дни, жертвоприношение; рамазан предполагает соблюдение поста; у христиан: крещенье, вознесение, сретение предполагают соблюдение определенных ритуалов и т.д.

Большинство студентов придерживается традиционных обрядов и праздников, порой не понимая их религиозной сути и смысла, что, на наш взгляд, связано с возрождением роли ислама в современном Казахстане. Традиционно-историческая преемственность и генетическая память не позволяют отторгнуть этническую культуру.

Рисунок 1

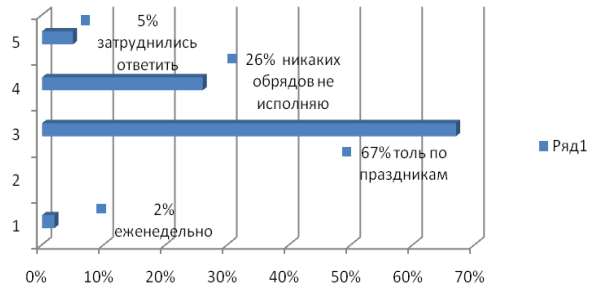
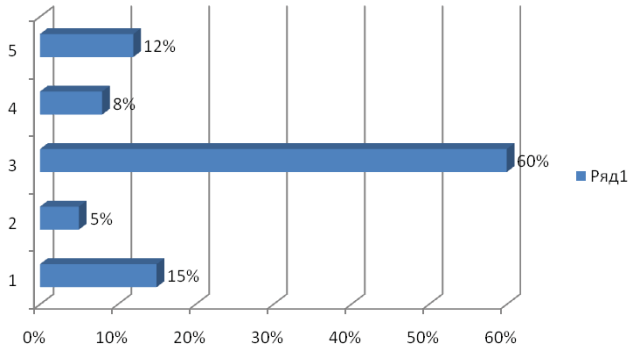


Рисунок 2

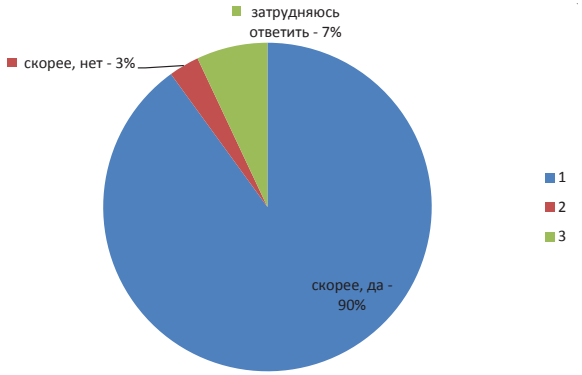


Вопрос «Как часто вы посещаете храм (мечеть, церковь, и др.)?» демонстрирует, что 60% студентов идут в мечеть, церковь и др. лишь по большим праздникам, 15% студентов лишь раз в неделю, 5% заходят в храм лишь раз в месяц, 8% студентов очень редко бывают в культовых зданиях, 12% вообще не заходят.

Среди опрошенных студентов присутствует атрибутика внешней религиозности, т.н. традиционная религиозная обрядность, когда в праздник принято обязательное посещение религиозного храма.

В рамках выполнения научного проекта нас заинтересовало «состояние», уровень толерантности молодежи, возможность заключения брачного союза с представителем другой веры, т.к. конфессиональная самоидентификация опиралась у молодежи на национальную основу, представители казахской национальности автоматически соотносили себя с исламом, представители русского этноса – с христианством.

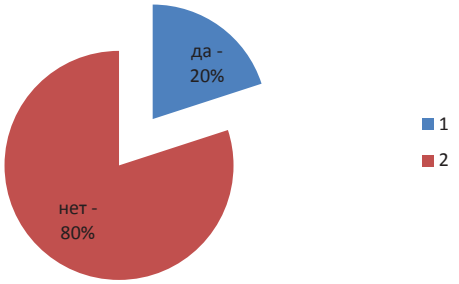
Рисунок 3



Как показывают материалы социологического опроса, для большинства студентов не имеет значение национальность при знакомстве, на вопрос «Может ли Вашим другом стать человек другой национальности?» (рис. 3) «скорее да» ответили 90%, «затрудняюсь ответить» – 7%, «скорее нет» – 3%.

Соответственно, религиозная принадлежность предполагаемых и имеющихся друзей не является препятствием и не вызывает затруднений для общения и знакомства. Студентам также были предложены вопросы: «Есть ли в Вашей семье представители иной национальности и веры» и «Вы согласились бы на брак с представителем другой национальности, другой веры?».

Рисунок 4



Также в процессе блиц-опроса: «Вы согласились бы на брак с представителем другой национальности, другой веры?» (рис. 4), среди 20% студентов, ответивших утвердительно на вопрос о браке с представителем другой национальности, 9% – лица казахской национальности, 11% – русской. 80% студентов, ответивших отрицательно, представляют 68% лиц казахской национальности, 9% – русской и 3% – прочие национальности. Вместе с ушедшей советской эпохой канули в небытие интернациональное воспитание и межнациональные браки. Однако даже те 20%, ответивших утвердительно, позволяют сказать о том, что не все так плохо и есть перспективы на толерантное дружелюбие.

На наличие в семье представителей другой национальности и веры дали положительный ответ 19% респондентов. В некоторой степени мы наблюдаем этническую избирательность в выборе семейного партнера, в тоже время допускаются национально-смешанные браки, что свидетельствует о наличии элементов толерантного отношения к представителям иной этно-религиозной группы. Неудивительно, что сейчас среди тех, кто носит хиджаб, есть не только исконные мусульманки, т.е. по рождению, но и те, кто принял ислам, выйдя замуж, или по порыву души.

Как правило, студенческая молодежь с уважением и интересом отно-

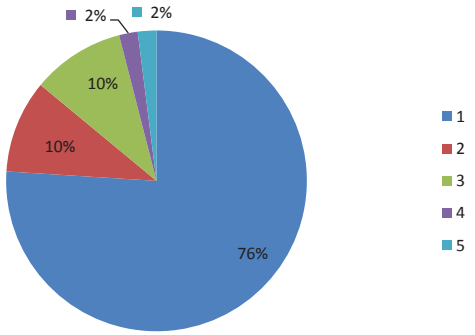
сится к лицам иной национальности и религии, терпимость и толерантность присущи всем этносам, проживающим на территории Казахстана, тому способствует генетическая память, когда в историческом прошлом наша родина стала местом, где нашли приют тысячи депортированных народов, безвинно репрессированных и осужденных людей.

Следствием осознания национальной идентичности в призме государственной политики в области языка стало отторжение не титульной нации, а понимание принадлежности к мусульманско-тюркскому миру, и в большей степени к мусульманскому, усилило не только внешнюю атрибутику исламской религии, но и закрепило необходимость их внутреннего исполнения, распространение указанных трендов среди социально уязвимых слоев, среди подверженной влиянию, психологически неустойчивой молодежи не могло не поколебать фундамент казахской толерантности и создать благоприятную почву для ростков радикального ислама.

Вместе с тем результаты ответов на вопрос «Возникали ли у Вас противоречия с представителями других вероисповеданий?» показывают, что не все так гладко и спокойно, в студенческом обществе есть зерна конфликтности и несовместимости. Положительный ответ прозвучал у 7% респондентов, отрицательный – у 83%, затруднились ответить на этот вопрос 10% студентов.

Вопрос «Что вы испытываете, сталкиваясь с иной религиозной культурой?» (рис. 5) у студентов не вызвал особых затруднений, ответы «доверяю, симпатизирую» – 76% опрошенных, «готов принять» – 10%, «интерес» – 10%, «безразличие» – 2%, «недоверие» – 2%.

Рисунок 5



Межрелигиозные и межнациональные отношения в студенческом социуме с незрелым мировоззренческим восприятием, с радикально-максималистским характером мышления, различающим мир лишь в черно-белых

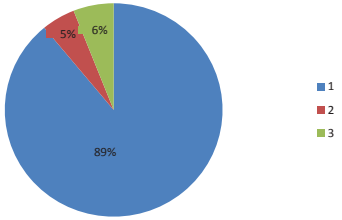
тонах, должны находиться под постоянной опекой и присмотром. Те 10% затруднившихся ответить не смогли решить, что отнести к противоречиям с представителями другой веры, и объяснить их природу и суть, 7% имевших противоречия – результат не дискуссионных вопросов и дебатов на религиозную проблематику, а реальный прецедент межконфессионального конфликта, т.е. в случае каких-либо эксцессов есть вероятность возникновения столкновений на религиозной почве. А на вопрос «Что вызывает, на Ваш взгляд, противоречия с представителями другого вероисповедания?» респондентами были выделены следующие ответы: «мне не нравится их отношение к моей религии» – 7%, к «другому» – 10%.

Интерес представляют ответы на вопрос «Как отнесетесь к тому, если у Вас в поселке (городе) появятся представители незнакомых Вам религиозных организаций?» положительно выбрали – 25%, отрицательно – 56%, затруднились с выбором ответа 29% респондентов. В большинстве своем студенческая масса привыкла к размеренному развитию событий, не желает принимать какие-либо религиозные инновации, отрицательно относится к новым религиозным течениям.

Следует отметить, что последние события в общественно-политической жизни Казахстана, появление видеороликов о казахстанских джихадистах, лишь подтверждает нашу версию, о том, что путь в радикальный ислам начинается за пределами студенческой жизни, когда, будучи выпускником, бывший студент сталкивается с жизненными проблемами, финансовыми и жилищными вопросами, отсутствие социальной поддержки при наличии несовершенной государственной программы поддержки молодых специалистов, и не только, толкает их в объятия вербовщиков, очень быстро решающих все накопившиеся проблемы и обещающих рай как в этой, так и в последующей жизни.

Представляет интерес вопрос «Как Вы оцениваете религиозную ситуацию в Казахстане?» (рис. 6), с учетом произошедших в Казахстане в прошлые годы террористических акций, мы ожидали отрицательную оценку, однако ответ «стабильной» поддержало 89% респондентов, «нестабильной» – 8%, «конфликтной» – 6%.

Рисунок 6



Таким образом, в Казахстане, как и во всех бывших республиках СССР, выросло новое поколение молодых людей религиозно ориентированных, но вместе с тем религиозно неграмотных, что может стать толчком пополнения ими отрядов деструктивных сил. Тревогу вызывает факт существования в Казахстане радикальных салафитских групп (джамаат), где отличительной чертой является негласная деятельность организации «Такфир». Приверженцы данного течения ислама, около 40 человек, на конспиративной основе проводят религиозные сборы и обряды в частных домах и арендованных квартирах. Также для увеличения числа своих сторонников «такфиры» ведут активную работу по привлечению в жамагат близких родственников, друзей и знакомых. От адептов требуется точное и неукоснительное соблюдение требований канонов Ислама.

Основной упор в своей деятельности жамагаты делают на молодежь, для чего широко распространена практика создания семей из числа единоверцев (причем браки официально не регистрируются), в том числе и не достигших совершеннолетия. Выявлены факты создания членами данного жамагата семей по мусульманским традициям, без государственной регистрации, с лицами, не достигшими 16-ти лет.

Немаловажной проблемой является отказ членов общин от светского образа жизни. Так, ими игнорируется посещение лечебных учреждений (используются методы нетрадиционной медицины), дошкольных и учебных заведений, отрицаются органы власти и управления. Некоторые проповедуемые идеи являются чуждыми для местного менталитета (отказ от обряда поминок, пропаганда многоженства, неприязнь к т.н. «кафирам», в т.ч. близким родственникам).

Одним из общих факторов, способствующих распространению нетрадиционных религиозных идей, является религиозная неграмотность населения, легко поддающегося влиянию религиозных течений. Особая опасность заключается в активном вовлечении молодого поколения, выросшего вне системы воспитания СССР, в негативном воздействии экстремистской пропаганды на несформировавшуюся психику молодежи. Подобные обстоятельства могут использоваться представителями экстремистских организаций для исполнения своих замыслов, в т.ч. склонения верующих к неповиновению официальным властям, а далее совершение террористических и иных противоправных акций, несущих опасность национальной безопасности. Ряды жамагатов и других религиозных течений пополняются в основном за счет малообеспеченных и неустроенных в семейном отношении лиц молодого возраста, большинство из которых необразованны в теологическом плане. Некоторые из них, состоящие в родственных связях между собой, проводят работу по насаждению нетрадиционных идей и религиозно-психологической обработке других членов своих семей.

Одной из причин пополнения членов жамагатов, исповедующих нетрадиционные вероучения, является слабая воспитательная и идейно-пропагандистская работа среди молодежи администрацией системы образования. Отсутствие надлежащего контроля за поведением учащихся в учебных заведениях и вне учебного процесса, в совокупности с их равнодушным отношением к данной проблеме, недопонимание всей степени опасности в конечном итоге приводит к увеличению сторонников из числа молодежи, привлечению их к противоправной деятельности радикально настроенными религиозными группами.

Немаловажным обстоятельством является факт отсутствия у представителей местного духовенства должного авторитета среди верующих. Нет профессиональных специалистов-теологов, способных разъяснить сущность и опасность распространения идей нетрадиционных вероучений. Официальное духовенство, не имея глубинных теологических познаний, как правило, не может оказать необходимое воздействие на лиц, придерживающихся нетрадиционных религиозных взглядов.

Наряду с этим одним из факторов, способствующих распространению нетрадиционных религиозных идей, является бесконтрольный выезд граждан за рубеж, отсутствие системно-правовых норм со стороны государства в отношении обучения в иностранных теологических заведениях, где велика вероятность их попадания под влияние религиозно-экстремистских и террористических организаций. Как показывает практика, идеологическая обработка граждан за рубежом происходит в подпольных заведениях т. н. «худжрах», «марказах», дислоцирующих, как правило, в окружении мечетей и центров по изучению арабского языка.

Несомненное влияние на распространение радикальных идей в Казахстане оказывают представители международного исламского экстремизма, оказывающие помощь в выезде наших граждан в места боевых действий. Одним из последних ярких примеров является массовый выезд 150-ти казахов в Сирию, а одиночные выезды продолжаются до сих пор, что означает, что негласная деятельность религиозных эмиссаров на территории Казахстана продолжается, идет борьба за сознание молодого поколения, чтобы не проиграть, нам нужная комплексная программа, масштабная, способная предотвратить отток молодежи на джихад.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Избаиров А. Парадигмы веры. К вопросу разработки концепции традиционного ислама в Казахстане. [Электронный ресурс] http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1308905040 (дата обращения: 17.02.13).
2. Мурат Кай. 250 хадисов с комментариями о нормах жизни мусульманина. 2-е изд. – Москва. – 2010 г. – 616 с.

Игнатьева Л.Н.

СПЕЦПОСЕЛЕНЦЫ В КАЗАХСТАНЕ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

30-40-е годы XX века в СССР стали временем массовых депортаций и выселений целых народов и отдельных социальных групп. Значительная часть этих людей оказалась в Казахстане. В послевоенное время массовых депортаций практически не проводилось. Наоборот, шел процесс смягчения режима содержания для отдельных категорий депортированных и высланных. Но все же даже в 50-е годы насильственные миграции имели место.

Так, 29 ноября 1951 г. было принято постановление Совета Министров СССР о выселении враждебных элементов из Грузинской ССР. Под «враждебными элементами» подразумевались близкие родственники эмигрантов, изменников Родины и невозвращенцев, проживавших за границей и ведущих подрывную работу против СССР, реэмигранты, прибывшие в 1946-1949 гг. в Грузию из Франции, Ирана и Китая, бывшие закордонные ходоки, подозрительные по связям с турецкой разведкой, и др. На спецпоселение поступило 11 643 человека. В это число входили ассирийцы (айсоры) и некоторые другие [1].

Депортированные во время войны народы относились к категории спецпоселенцев, выселенных навечно, а бывшие кулаки – к категории выселенных без указания сроков. С некоторых раскулаченных крестьян, оставленных на спецпоселении по национальному признаку и влившихся в состав депортированных народов, были взяты расписки об ознакомлении с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. о выселении навечно, однако большинство их под действие этого указа не подпадало [2].

В ходе массового снятия с учета спецпоселений раскулаченных крестьян лица немецкой, калмыцкой, чеченской и некоторых других национальностей, как представители депортированных во время войны народов, из контингента «бывшие кулаки» были переведены в другие контингенты. Это делалось по указаниям руководства МВД/МГБ СССР. На 1 июля 1952 г. контингент «бывшие кулаки» насчитывал 28009 человек, но в это число уже не входили 16167 раскулаченных в 1929-1933 гг. и позднее крестьян с семьями (13898 немцев, 87 калмыков, 1716 человек из Грузии, 450 – с Северного Кавказа и 16 – из Крыма), которые по национальному признаку были отнесены к другим контингентам спецпоселенцев – к немцам, калмыкам и др. В Казахской ССР по данным на август 1952 г. проживали 10 041 спецпоселенец из контингента «бывшие кулаки» [3].

В 1952 г. Министерством госбезопасности была составлена справка о расселении, трудоустройстве, правовом положении спецпоселенцев, недостатках, имеющихся в работе со спецпоселенцами, и мерах, необходимых по устранению этих недостатков. В ней перечислялся состав партийно-комсомольских кадров спецпоселенцев, и было отмечено, что наибольшее количество этих кадров имеется среди спецпоселенцев немецкой национальности. Так же говорилось о грамотности среди спецпоселенцев. Речь шла о количестве людей с высшим и средним образованием и о выявлении неграмотных, причем наибольшее число неграмотных у выходцев из Закавказья, с Северного Кавказа и калмыков. Перечислялось размещение трудоспособных спецпоселенцев по отраслям народного хозяйства СССР.

В числе спецпоселенцев учтено также около 57 000 бывших военнослужащих Советской Армии (в том числе около 6000 офицеров и свыше 20 000 сержантов). Более половины этого контингента падает на служащих в период войны в частях так называемой «РОА» («власовцы») [4].

… В местах поселения, по состоянию на 1 июля 1950 г., находятся 9281 одиноких стариков и инвалидов спецпоселенцев, которые по причине нетрудоспособности не могут обеспечить себе самостоятельное существование, из них по Казахстану – 749 чел., по Средней Азии – 635 чел., по Западной Сибири – 2703, по Восточной Сибири – 1629, по Дальнему Востоку и Крайнему Северу – 2234, по центральным областям – 486 человек (40-50 годы: последствия депортации народов) [5].

В справке было уделено внимание положению детей-сирот, а так же речь шла о детях школьного возраста, не охваченных обязательным обучением. Из справки следовало, что 20% из числа всех детей школьного возраста не посещают учебные заведения, это объясняется отсутствием зимней одежды и обуви, в связи с тяжелым материальным положением родителей, отсутствием школ в ряде мест расселения или отдаленностью школ от мест проживания.

Общую цифру спецпоселенцев в Казахстане назвать очень сложно, она почти ежегодно менялась. Так, на 1 января 1949 г. в республике насчитывалось 820 165 спецпоселенцев. На 1 июля 1952 г. на учете состояло уже 974 469 человек. Из них в Акмолинской области было размещено 117 183 человека, в Актюбинской – 31 618, в Алма-Атинской – 55 587, в Восточно-Казахстанской – 45 055, в Гурьевской – 8128, в Джамбульской – 68581, в Западно-Казахстанской – 1335, в Карагандинской – 133 017, в Кзыл-Ординской – 25 225, в Кокчетавской – 98 128, в Кустанайской – 81 091, в Павлодарской – 66 680, в Северо-Казахстанской – 47 343, в Семипалатинской – 52 517, в Талды-Курганской – 38 115, в Южно-Казахстанской – 104 866 человек [6].

Важные статистические сведения о количестве заключенных, спецпоселенцев, ссыльных и высланных содержатся в справке, подготовленной для Н.С. Хрущева в феврале 1954 г. В итоговом варианте справки содержалась информация о национальном составе спецпоселенцев.

По состоянию на 1 января 1953 г., национальный состав 1 810 140 взрослых спецпоселенцев (от 17 лет и старше) был следующий: немцы – 788 975, чеченцы – 183 445, украинцы – 163 653, татары – 111 037, литовцы – 75 024, русские – 56 589, калмыки – 53 019, ингуши – 46 303, греки – 40 590, карачаевцы – 37 225, латыши – 33 102, поляки – 31 654, турки – 29 848, молдаване – 25 873, азербайджанцы – 20 860, армяне – 20 238, балкарцы – 19 762, эстонцы – 16 070, болгары – 11 432, грузины – 7169, белорусы – 6621, евреи – 5168, курды – 4993, узбеки – 3459, казахи – 2074, кабардинцы – 1572, гагаузы – 1352, ассирийцы – 1257, таджики – 1237, цыгане – 1063, румыны – 977, хемшилы – 720, осетины – 616, башкиры – 529, чуваши – 520, мордва – 480, туркмены – 430, киргизы – 399, иранцы – 380, финны и карелы – 375, кумыки – 375, аджарцы – 338, аварцы – 313, лазы – 265, каракалпаки – 212, удмурты – 193, чехи – 183, черкесы – 174, езиды – 174, абазины – 160, абхазцы – 153, лезгины – 127, марийцы – 123, буряты – 122, адыгейцы – 90, коми – 83, венгры – 74, австрийцы – 61, ногайцы – 59, даргинцы – 50. Остальные, 721 взрослый спецпереселенец, принадлежали к другим национальностям, из них 499 человек – представители коренных народов СССР (караимы, якуты, хакасы, эвенки, лакцы и др.) и 222 – некоренных (арабы, сербы, хорваты, словаки, албанцы, афганцы, китайцы и др.) [8].

В Казахской ССР на 1 января 1953 г. проживали 988 373 (974 900, 13 143 и 330) спецпоселенца, что составило 35,9 % общего числа спецпоселенцев. 1-ая цифра – общее число состоявших к 1 января 1953 г. на учете спецпоселенцев; 2-ая – число спецпоселенцев, находившихся на 1 января 1953 г. в наличии; 3-я – число спецпоселенцев, находившихся на 1 января 1953 г. в лагерях, колониях и тюрьмах; 4-ая – число спецпоселенцев, числившихся в розыске [9].

Национальный состав спецпоселенцев, проживающих в Казахской ССР, был следующим: немцы – 448 626 (выселенцы – 337 209, местные – 62 631, репатриированные – 42 850, мобилизованные – 5936); с Северного Кавказа – 379 104 (чеченцы – 244 674, ингуши – 80 844, карачаевцы – 35 735, балкарцы – 16 819, «другие» – 1032); с «Черноморского побережья» – 37 218 (греки – 37 114, турки – 18, «дашнаки» – 17, «другие» – 69); поляки – 35 960; из Грузии в 1944 г. – 32 619 (турки – 13 260, курды – 5530, хемшилы – 422, другие – 13 407); из Грузии в 1951-1952 гг. – 11 685; «оуновцы» – 8011; из Крыма – 6560 (татары – 2511, болгары – 1868, греки – 1240, армяне – 575, «другие» – 366); из Краснодарского края и Ростовской обл. в 1942 г. – 6057; иранцы – 4707; кулаки из БССР в 1952 г. – 4431; из Молдавии в 1940-1941 гг. – 3681; басмачи – 2747; калмыки –2472; кабардинцы – 1717; «власовцы» – 1327; из западных областей УССР и БССР в 1940-1941 гг. – 657; с иранской и афганской границ – 634; из Прибалтики 1945-1949 гг. – 9 (литовцы – 4, латыши – 4, эстонцы – 1); из Молдавии в 1949 г. – 5 [10].

Следует иметь в виду, что не все депортированные народы и группы людей, подвергавшиеся выселению, являлись спецпоселенцами. На рубеже 1952/53 г. была проведена перепись только тех, кто состоял на учете 9-го управления МГБ СССР, и на кого распространялось действие постановления СНК СССР от 8 января 1945 г. «О правовом положении спецпереселенцев». Это постановление не распространялось на значительные массы людей, в разное время подвергавшихся депортациям и к моменту проведения переписи лишенных возможности вернуться на свою родину (корейцы, ингерманландцы, большинство выселенных в 1937 г. из Закавказья и некоторые другие) [11].

14 мая 1954 г. вышло указание МВД СССР № 44/4-19636 о снятии с учета спецпоселений лиц немецкой национальности – бывших кулаков, выселенных в период сплошной коллективизации сельского хозяйства. Во исполнение этого указания только в Казахской ССР было освобождено из спецпоселения 6077 немцев – бывших кулаков [12].

По постановлению Совета Министров СССР от 5 июля 1954 г. «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенев» с учета спецпоселений снимались дети до 16 лет. Едва местные органы МВД завершили снятие с учета детей, как наступила очередь взрослых спецпоселенцев контингента «бывшие кулаки». Согласно Постановлению Совета Министров СССР от 13 августа 1954 г. они снимались с учета спецпоселений [13].

В августе-октябре 1954 г. с персонального учета было снято 10634 спецпоселенца контингента «бывшие кулаки». По состоянию на 1 ноября 1954 г. проводилась проверка и оформление материалов на снятие с учета 1874 бывших кулаков. В общей сложности по Постановлению Совмина СССР от 13 августа 1954 г. было снято с учета 11 864 спецпоселенца этого контингента. Начиная с 1 января 1955 г., в перечне контингентов, состоявших на учете в 4-м спецотделе МВД СССР, контингент «бывшие кулаки» больше уже никогда не упоминался [14].

В составе спецпоселенцев немецкого контингента, освобожденных по Постановлению Совмина СССР от 13 августа 1954 г., тоже имелись крестьяне, раскулаченные и выселенные в период сплошной коллективизации. Как относительные «старожилы», т.е. поступившие на спецпоселение не в 1941 и позднее, а в 1930-1933 гг., они подпадали под категорию «местных» немцев [15]. Среди немцев-спецпоселенцев подконтингента «выселенные» имелись люди, дважды подвергавшиеся выселению: в 1930-1933 гг. – за принадлежность к «кулацкому классу» и в 1941 г. – за принадлежность к данной национальности. В МВД СССР возобладало мнение о целесообразности распространения Приказа №00713 на этих лиц. 29 октября 1954 г. Отдел «II» МВД СССР дал на места соответствующее разъяснение. Необходимым условием их освобождения стало то, чтобы они не являлись уроженцами и не были до

начала 30-х гг. постоянными жителями тех регионов, откуда в 1941 г. и позднее осуществлялось выселение немцев. Это обстоятельство сильно суживало круг претендентов на освобождение из числа выселенных немцев [16].

Осенью 1954 г. в МВД СССР был положительно решен вопрос о снятии с учета спецпоселений части бывших кулаков, оставленных на спецпоселении за принадлежность к чеченскому, ингушскому и другим депортированным народам. В ноябре 1954 г. 4-й спецотдел МВД Казахской ССР получил распоряжение 4-го спецотдела МВД СССР о снятии с учета бывших кулаков, оставленных в 1947 г. на спецпоселении по национальному признаку. До 1 декабря 1954 г. в Казахской ССР было освобождено из спецпоселения 725 таких лиц (чеченцев, карачаевцев, балкарцев и др.) [17].

В 1954-1958 гг. происходил интенсивный процесс освобождения из спецпоселения. Только за период с 1 июля 1954 г. по 1 июля 1957 г. было освобождено 2 554 639 спецпоселенцев и ссыльнопоселенцев. С середины 1957 г. и до конца 1958 г. был снят с учета ещё целый ряд категорий спецпоселенцев («андерсонцы», «басмачи», «дашнаки» и др.). В результате 1 января 1959 г. на учете оставалось 49 416 спецпоселенцев. В Казахстане их насчитывалось 3454 человека [18]. Кроме того, 1 января 1959 г. насчитывалось 9363 ссыльных (категории «ссыльнопоселенцы» и «высланные» к этому времени перестали существовать). В Казахстане их насчитывалось 1232 человека (в Кустанайской области – 925, в Карагандинской – 296, в Северо-Казахстанской – 5, в Акмолинской – 4, в Джамбульской – 2 человека) [19].

За три десятилетия (начиная с массового выселения раскулаченных крестьян в 1930 г.) через спецпоселения и все формы ссылки и высылки прошли не менее 6 млн. человек. Демографический эффект от массовых депортаций и спецпереселенчества был весьма значительным только при применении насилия, т. е. в период до 1953 г. Массовое же снятие людей с учета спецпоселений в 1954-1959 гг. показало, что подавляющее большинство склонно покинуть места бывшей ссылки [20]. Смертность среди данной категории населения в период с 1940 по 1952 г. составила почти 0,5 млн. человек, подвергавшихся в этот период насильственным выселениям и находившихся на спецпоселении и в ссылке [21]. Части бывших спецпоселенцев было запрещено возвращаться в те места, откуда они были выселены. Это касалось немцев, крымских татар, турок-месхетинцев и некоторых других.

Насильственные миграции оставили значительный след в истории Казахстана. Они повлияли на численность и национальный состав населения Казахской ССР. Современная этническая ситуация в Казахстане в определенной мере является следствием и тех процессов, которые происходили в рассматриваемый период.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Население России в XX веке. Исторические очерки. Том 2. 1940-1959 гг. – М., 2001. – С. 173.
2. Земсков В.Н. Судьба «кулацкой ссылки» (1930-1954 гг.) // Отечественная история – 1994. – №1. – С. 132-133.
3. Там же. – С. 132.
4. 40-50 годы: последствия депортации народов (Свидетельствуют архивы НКВД-МВД СССР) / Сост. Бугай Н.Ф. // История СССР. – 1992. – №1. – С. 141.
5. История Казахстана: народы и культуры. – Алматы, 2001. – С. 390.
6. Население России в XX веке. Исторические очерки. Том 2. 1940-1959 гг. – М., 2001. – С. 174.
7. Земсков В.Н. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект) // История СССР. – 1991. – №5. – С. 154.
8. Население России в XX веке. Исторические очерки. Том 2. 1940-1959 гг. – М., 2001. – С. 174.
9. Там же. – С. 174.
10. Земсков В.Н. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект) // История СССР. – 1991. – №5. – С. 162.
11. Земсков В.Н. Судьба «кулацкой ссылки» (1930-1954 гг.) // Отечественная история. – 1994. – №1. – С. 133.
12. Там же. – С. 134.
13. Там же. – С. 134.
14. Там же. – С. 134.
15. Там же. – С. 134-135.
16. Там же. – С. 137.
17. Население России в XX веке. Исторические очерки. Том 2. 1940-1959 гг. – М., 2001. – С. 178.
18. Там же. – С. 178.
19. Там же. – С. 179.
20. Там же. – С. 182.

Каланчина И.Б.

РОЛЬ ЖЕНЩИНЫ-КАЗАЧКИ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СИБИРСКОГО КАЗАЧЕСТВА

По тому, как общество относится к женщине, какое положение она занимает в нем, можно судить и о самом обществе. Это отвечает и характеру общественно-политических образований различных групп казаков.

Женщина-казачка – своего рода культурно-исторический феномен, тип, который выработался в силу особенностей военного быта и уклада жизни казаков.

Сибирское линейное казачье войско, начало которому было положено при Петре I, возникло «исключительно по усмотрению правительства», что не могло не наложить определенного своеобразия на само существование этого войска. И таким своеобразием, отличительной чертой Сибирского казачества была непомерная тяжесть службы. Казаки, по мере передвижения границы, принудительно переселялись на новые места. Не было никакого возрастного ценза срока служба. Казак должен был служить, как сказано в документах того времени, «доколе в силах». В казаки зачисляли силой. То есть сибирские казаки были, по сути, крепостными казаками, в отличие от вольных казаков Дона или Терека [1].

А. Невесов [2] в своей статье «Иртышский казак», опубликованной в 1912 году в журнале «Сибирские вопросы», пишет: «Правительство нашло необходимым прорезать степь живой стеной, и вот в самом сердце враждебной страны, как этапы будущей колонизации, возводятся одиночные крепостцы. Посаженный в них гарнизон живет тревожной бивуачной жизнью. На такую жизнь были способны люди, не знавшие семьи; а если кто был вырван из семьи, тот скоро забывал о ней: все замыкалось узким кругом – казарма и набег. Такая жизнь ни в чем не походила на жизнь в Запорожской Сечи. В Сечь шли люди своей волей, на Иртыш гнало начальство. Там [3] непременное условие для вступления, отречение от женщины, было столько же признаком «лыцарства», сколько и вызывалось необходимостью: здесь одиночество было вынуждено. Там женщину из опасения соблазна гнали; здесь искали ее, искали усиленно: делали набеги в степь за киргизками, в лучшем случае выменивали девочек и, вырастивши, обращали их в жены. Русская женщина была редкостью, но если она и попадала в крепость, то опять-таки не по своей воле: на Иртыш вели ссыльных» [4].

В Сибири среди русского населения всегда ощущалась нехватка женщин. Одним из способов решения этой проблемы стал насильственный захват в степи карательными казачьими отрядами женщин из непокорных казахских аулов, выступавших против политики колониальной российской администрации. Другим способом создания семьи была женитьба на преступницах, сосланных в Сибирь. Так, в 1759 г. на Иртышскую линию была выслана партия из 90 колодниц, из которых 77 признали годными для супружеской жизни [5].

В «Материалах по истории Сибири» Г.Н. Потанин приводит следующий документ:

Промемория (памятная записка) из Сибирской Губернской Канцелярии Фрауендорфу, 1759 г.

«Оказавшихся с осмотру Губернской Канцелярии годных на поселение женского пола колодниц всего 43, для препровождения к Вашему Высокородию отданы плывущему в Иртышския крепости с провиантом Квартирмейстеру Боголепову. И Ваше Благородие соблаговолили б тех жонок и девок в назначенные вами места определить на поселение с дозволением, ежели тех девок и жонок кто пожелает взять в замужество, то дозволять только оседлым крестьянам и разночинцам, а не военнослужащим, дабы они не могли с мужьями из тех мест выбывать». А Тарской Воеводской Канцелярии приказано: «Прислынных напред сего в оную канцелярию для распределения на поселение присыльных жонок собрав, и самим Воеводе и Управителю персонально учинить осмотр, и кто из тех жонок явится ниже 40 лет, оных отправить в Омскую крепость, для распределения по выбранными Вами местам».

Из Ишимской Воеводской Канцелярии, Фрауендорфу, октября 11

Девки и жонки в оной Канцелярии были пересмотрены и явившиеся к тому способных 33 при сем посланы (от 22 до 39 л.)
За зажигательство помещичьих имений 4
Отцеубийство 1
Убийство 8
Мужеубийство 8
Кражу 2
Бегство 3
В порче травою и волшебными словами 2
Детоубийство 3
Блуд с отцом 1
Укрывательство 1

Из рапорта Ямышевской Канцелярии видно, что на девках женились преимущественно Казаки, а Офицеры брали их в услужение» [6].

Во второй половине XVIII в. линейные казаки женились на дочерях крестьян, преступников, солдат, драгун и других поселенцев. В 1754 г., например, на линиях находилось 692 дочери этих поселенцев, а в 1793 г. за казаками замужем было 1820 женщин, из которых 841 (46,2%) были дочерьми казаков, остальные дочерьми драгун, крестьян, солдат и т. д.

Не только в XVIII в., но и в 50 и даже 60-х годах XIX в. статистика отмечает недостаток женщин в казачьем сословии. Поэтому царское правительство наряду с указами 1808, 1822 и 1836 гг. о вымене и покупке детей у кочующих народов 11 февраля 1825 г. издало специальный указ «о покупке или вымене от сопредельных кочующих народов женщин по недостатку их в

Западной Сибири». Покупка девочек сочеталась с прямым захватом казаками девушек и женщин у своих соседей-казахов [7].

По указу 1825 г. было «воспрещено покупать киргизов, калмыков и других азиатов, но, для пополнения недостатка женщин в Западной Сибири, разрешено выменивать у кочевников детей женского пола». 40-летняя «инородческая баба» стоила 12 рублей, а девочка-казашка обменивалась на 2-х быков, 2 кирпича чаю, красную кожу и четверик крупы [8].

«Встречаются между казаками потомки киргиз, калмыков, башкир и мордвы. Вообще, уклонения от русского типа к монгольскому нередки… Влияние киргизского населения выразилось ещё другим образом: почти все казаки Горькой и Иртышской линий употребляют в разговоре весьма часто киргизский язык и приняли от киргиз некоторые обычаи» [9].

У казаков никогда не было духовного геноцида по отношению к соседям. Наоборот, они охотно перенимали иные обычаи, одежду, оружие, тактику и приемы борьбы, язык. Казачество с этой точки зрения наиболее совершенная форма межэтнических контактов. Григорий Николаевич Потанин в работе «Сибирские казаки» писал: «Почти все население (казачье) говорит на казахском языке. Для многих это колыбельный язык, потому что няньками и стряпками здесь бывают казашки. Казахский язык слышишь повсюду: в тихой беседе, которую ведут между собой сидящие на завалинке казаки, в разговоре ямщиков, хлопочущих на станции около экипажа проезжавшего чиновника...»[10].

Иногда женитьба людей из других сословий на казачьих вдовах влекла за собой, как это ни странно, зачисление мужа в сословие казаков. Так, после выхода замуж за солдата линейного батальона Андрея Фомина казачьей вдовы Пелагеи Волковой, у которой был малолетний сын Григорий, от имени последнего было написано прошение командиру 1-го полка, в котором, основываясь на предположении, что рядовой Фомин в случае перевода роты на другое место заберет с собой мать Григория, просилось перевести Фомина из солдат в казаки. Командир полка вошел с ходатайством в войсковую канцелярию, и та добилась удовлетворения просьбы [11].

Замужество осознавалось как признание обществом достоинств женщины и выполнения ею своего главного назначения в жизни. Очень высоко оценивалась ее репродуктивная роль.

Социально-правовое положение женщины, ее статус во многом определялись ее положением в семье, в которую она попадала, выйдя замуж. По сложившейся традиции, и не только у казаков, статус молодой невестки в семейной иерархии был самым низким. С годами статус ее с каждым разом возрастал. Статус женщины зависел от многих факторов, среди которых такие важные социальные и психологические характеристики, как ее социальное происхождение, возраст, хозяйственные способности, черты характера,

особенности семейного уклада и т.д.

Мир казачки в значительной степени был сосредоточен на семейных делах. Вне семьи она не могла реализовать себя как личность. Не случайно среди казаков говорили: «Женщине дорога от печи до порога». Но именно это и позволяло казачке чувствовать себя полноправной хозяйкой в своем доме.

На покос

При живом муже женщина не могла приобрести статус главы семьи. Но мужчины-казаки значительную часть времени проводили на службе (в том числе в дальних командировках, иногда затягивавшихся не на один год), на промыслах, пастбищах, в торговых поездках. Так что в реальной жизни домом и семьей, как правило, командовала женщина.

Потанин, служивший в 1850-е годы в 9-м полку Сибирского казачьего войска, станицы которого располагались в долинах Алтая по линии от Усть-Каменогорска до Бийска, имел возможность наблюдать семейную жизнь алтайских казаков. «Алтай – закоулок, или, как говорят сами жители, «украйна». Поэтому домашняя жизнь отличается большею простотою и гостеприимством, чем на равнине; Алтай во всем... идет позади окрестного мира; в нем дольше сохраняются прежние черты, как, например, великорусский быт, не допускающий делимости семейства... дети мужеского пола живут вместе с отцами, хотя уже женаты и имеют детей». В станице Бобровской офицер познакомился с семьей, состоявшей из 23 человек – все они жили в одном доме. Получив командование сотней, дислоцированной в станице Чарышской, Потанин остановился в доме местного казака Петра Марковича Иванова, вместе с которым жили его жена Пелагея Ивановна и сын Петр с женой и детьми. Хотя домочадцы в повседневной жизни и подчинялись

авторитету Петра Марковича, на деле его власть в семействе была скорее номинальной. В доме фактически верховодила Пелагея Ивановна, при этом только пашня у семейства оказывалась общей и обрабатывали ее сообща; остальные «статьи хозяйства» велись стариками и семьей их сына раздельно…

Неудивительно, что во второй половине XIX – начале XX столетия у казаков на Алтае активизировался процесс дробления семей. В начале XX века здесь, по сведениям стариков-информаторов, проживание молодых супружеских пар совместно с родителями почти никогда не длилось более 8-10 лет [12].

Считалось, однако, что настоящий казак должен был держать жену в повиновении, прибегая при необходимости и к нагайке. Старый алтайский казак Иванов признавался Потанину, имея в виду свою «половину» Пелагею Ивановну, которую «любил за ее верность, обиходливость и безоружность»: «Доставалось от меня этой цыпушке». Сама «цыпушка» при случае говорила: «Не такая бы я еще была, если б не была столько бита». «Эти слова, - замечал Потанин, - я очень часто слышал от старушек в Алтае». Вместе с тем общественное мнение осуждало мужей, которые без всякого повода то и дело «колотили» жен или постоянно бранили их, не прислушивались к их советам.

К женитьбе казак относился со всей серьезностью, так как он проводил большую часть времени в военных походах, а за всем его хозяйством следила жена. Казачка, оставаясь дома, несла на своих плечах все тяготы по хозяйству. Женщина у казаков выполняла значительную часть сельскохозяйственных работ и почти все домашние работы. В этой связи роль женщины в традиционном казацком обществе была чрезвычайно велика. Она пользовалась значительной свободой и отличалась независимым поведением. В отсутствии мужчин женщине часто приходилось брать ответственность в свои руки.

Если мужчины были дома, казачки укрывали детей и скот, выступали «вспомогательной силой», заряжая ружья, помогая ремонтировать укрепления, тушить огонь, перевязывая раненых. А коли главный защитник семьи отсутствует или уже пал, сама казачка становилась защитницей. Казачки в плен не сдавались, сражались до конца. И мужей ждать умели как никто другой. В походы казаки уходили на годы, часто с одной войны на другую, вернутся ли – неизвестно. А казачки ждали. В Сибири бывало и того круче. Семен Дежнев отсутствовал дома 19 лет! Пока странствовал, сын вырос. Кто его на ноги поднял? Жена. Сама так и не дождалась мужа, умерла, а ребенка вырастила, воспитала, и он казаком стал, как отец [13].

При нападении врагов она (казачка) снимала со стены мужнину саблю и ружье и дралась насмерть, защищая детей или давая им возможность

убежать.

В тоже время казачка не теряла своей женственности, красоты, сердечности.

«На костюм казак не так разборчив, но казачка вырядиться любит, - писал А. Невесов. - Не довольствуясь местной лавкой, она терпеливо откладывает по пятакам и гривенникам от продажи молока и калачей «пароходским» и не пропустит ни одного коробейника, не купив у него чего-нибудь втридорога».

Неотъемлемой частью семейного производства являлись домашние промыслы и ремесла. Среди женщин-казачек было распространено рукоделие и портняжное ремесло. Женские промыслы являлись существенным подспорьем в бюджете многих казачьих семей.

В силу той исключительной роли, которую женщина играла в хозяйстве, она, безусловно, занимала свое определенное место в общественной жизни и быте, который в целом ряде проявлений отличался от общественного быта мужчин. Общественный статус мужчины в традиционном обществе был намного выше статуса женщины. Это не могло не отразиться на общественно-политической и правовой активности женщин, которая у них была значительно ниже, чем у мужчин.

Женщина-казачка активно влияла на формирование духовной культуры, все составляющие которой, будь то обряды, празднества, народное творчество, были немыслимы без участия женщины. Сфера духовной культуры была неотделима от досуга, а досуг и развлечения у казачек во многих своих проявлениях не были отделены от трудовой деятельности.

Девицы казачьего поселка Кокчетавского уезда

Несмотря на то, что участие женщин в различных формах досуга ре-

гулировалось общественными институтами: семьей, церковью, станичным обществом, а поведенческие стереотипы девочки и девушки отличались от стереотипов поведения замужней женщины или вдовы, все группы женщин принимали участие в различных формах досуга. Досуг был необходим для восстановления сил, затраченных в процессе производственной деятельности. Широко были распространены совместные вечеринки-посиделки, где обычно собирались девушки и юноши вместе. Общение на посиделках имело для женщин-казачек огромное значение, так как там происходил постоянный обмен информацией, которая, безусловно, расширяла их кругозор. Широкое распространение имели вечеринки перед свадьбой в доме невесты, на которых собиралась станичная молодежь.

Наметившиеся в последующем изменения, вызванные проникновением капиталистических отношений в казачью станицу, не могли не вызвать изменений в положении казачек, однако коренные изменения в их судьбе произошли после Октябрьской революции 1917 г.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Зюзь В. Прииртышское казачество: история, обряды, традиции / Деловой Усть-Каменогорск, 2005. – №8. – С. 30.
2. Под псевдонимом Невесов А. писал Новоселов Александр Ефремович – сибирский писатель.
3. В Сечи.
4. Невесов А. Иртышский казак // Сибирские вопросы. – 1912. – №18.
5. Соловцов П.А. Историческое обозрение Сибири // Сибирские огни. – №3. – 1991. – 50 с.
6. Потанин Г.Н. Материалы по истории Сибири. – М.: Катков и Ко, 1867. – С. 267-268.
7. Петров В.И. К вопросу о социальном происхождении сибирского казачества // Экономика, управление и культура Сибири XVI-XIX вв. – Новосибирск: Наука, 1965. – С. 217.
8. Статистическое обозрение Сибири. – СПб., 1810 // Семипалатинск. История городов Казахстана / Алма-Ата, 1984. – С. 39.
9. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей / под ред. В.П. Семенова. Том XVIII. Киргизский край. – СПб.: Изд. А.Ф. Девриена, 1903.
10. Зюзь В. Прииртышское казачество: история, обряды, традиции / Деловой Усть-Каменогорск. – 2005. – № 8. – С. 31.
11. Петров В.И. К вопросу о социальном происхождении сибирского казачества: Экономика, управление и культура Сибири XVI-XIX вв. – Новосибирск: Наука, 1965. – С. 212.
12. Миненко Н. Семейные традиции в уральских и сибирских станицах // Режим доступа: http://www.kazaks.net/semeynye-traditsii-v-uralskih-i-sibirskih-stanitsah
13. http://nacsk.ru/2011.

Кашин А.А., Кибардин М.М., Кудрявцев А.Ф., Лекомцев А.Л., Литвинов А.А., Сидоров В.П., Ситников П.Ю.

ЭТНОГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭВОЛЮЦИИ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ПРИГРАНИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ УДМУРТСКОГО, РУССКОГО И ТАТАРСКОГО ЭТНОСОВ

Феномен границ создается и осознается в процессе освоения территории. Это происходит неизбежно, ибо для того, чтобы нечто сделать своим (освоить), необходимо его ограничить, провести границы, четко обозначив их на местности знаками. При освоении, особенно экстенсивном, граница постоянно изменяется в сторону расширения. Впрочем, возможен и обратный процесс.

Границы бывают природные и культурные. Границы, возникающие при освоении человеком территории, уместно наделить определением «культурные», понимая культуру весьма широко, а именно как всё, принадлежащее человеку (хотя, как известно, всё культурное есть природное, прошедшее через труд). Памятуя о том, что существует не только человечество (общенаучная категория), общество, человек (социологическая и психологическая категории), а также этносы, упомянутые культурные границы можно трактовать и более узко – как межэтнические (несомненно, каждый этнос обладает своей культурой, и, прежде всего, духовной; отсюда отождествление этноса и культуры).

Очевидно, что «процесс освоения территории» – весьма многогранное понятие. Кроме всего прочего, надо отдавать себе отчет в том, что «ничейных земель», удобных и пригодных для проживания вида Homosapiens, на Земле практически не осталось. И это произошло уже достаточно давно. Осваивая вширь, т. е. делая своей некую территорию, вы, скорее всего, претендуете на чью-то уже освоенную территорию. Это чревато серьезными последствиями. В таком экстенсивном ключе освоение территории ныне невозможно.

В интересующем нас аспекте освоение можно понимать как встречу минимум двух различных культур (этносов), как их контакт («столкновение» (?), по Хантингтону). Эта встреча есть своего рода точка бифуркации, после прохождения которой нельзя точно сказать, по какому сценарию пойдет дальнейшее развитие событий. Это будет либо установление границ и разделение культур (примеры: римская limes по Дунаю, Рейну и Адрианову валу, Великая китайская стена, русские засечные полосы и казачьи линии, американский frontier и т.п.), либо взаимопроникновение, взаимовлияние и

постепенное, «эволюционное» формирование новой культурной реальности, «переваривающей» контактирующие этносы. Формируется некое пограничье – переходная полоса различной ширины, новый культурный феномен непохожий, где происходят уникальные культурные (межкультурные) процессы, создающие особую территориальную (региональную) общность людей. В пограничье происходят взаимообмены элементами материальной и духовной культуры, от орудий труда до устного народного творчества. Формируется своеобразная двуязычная (как минимум) среда, активно происходят языковые заимствования, введение в оборот слов, обозначающих невиданное до сих пор. Конечно, чистота исходных языков будет неизбежно замутнена, но в пограничье, как мы сказали, и идет формирование новых языков. Вспомним, что современные романские языки Европы родились из вульгарной, искаженной латыни, на которой общались варвары в римском пограничье. Сложнее, безусловно, с заимствованием идей, верований, представлений о мире и т.п. Механической суммы элементов произойти не может: невозможно оставаться одновременно мусульманином и православным, к примеру. Хотя варианты синкретизма не исключены, и мировая культура знает такие случаи.

Необходимо сказать, что идиллической картины равноправного слияния культур, добровольной плавки в этническом котле никогда не бывает. Всегда есть кто-то, который делает первый шаг, и этот первый, как правило, имеет определенные преимущества. И его доля, его вес, его влияние в создающемся культурном пограничье будет решающим. Тогда будет ассимиляция языков, а не взаимообогащение их, насаждение религии, а не синкретизм существующих.

Все это происходит при прочих равных условиях, например, физико-географических. Схожие природные условия, особенно в историческом прошлом, например, на стадии аграрного (доиндустриального) развития общества, детерминируют и схожие предметы и орудия труда, навыки и способы труда. Вмещающий ландшафт (по Л.Н. Гумилеву), месторазвитие (по П.Н. Савицкому) выступает как уравнитель шансов «и эллина, и иудея». Именно в аграрную эпоху формирование региональных вариантов пограничья, основанных на различиях в природных условиях, и происходит максимально ровно. Определенный географический ландшафт «не делает» различия между людьми разных культур (язык и вера). Он «различает» людей трудолюбивых и нерадивых. Чтобы не только выжить, но и развиваться в определенных природных условиях, «первый», кто придет, вынужден будет адаптироваться к этим условиям, заимствовать у этноса-аборигена орудия труда, навыки работы, элементы бытовой, повседневной культуры, слова, обозначающие всё это. Другими словами, географический детерминизм является мощным фактором в формировании культурного пограничья, его общим знаменателем.

В данном сообщении нам хотелось заострить внимание на одном

«месторазвитии» европейской части России – Вятско-Камском бассейне. В пределах этой физико-географической провинции Русской равнины расположена Удмуртия (Удмуртская Республика), являющая, на наш взгляд, интересный пример культурного пограничья. Удмуртия – это российский регион, титульным этносом которого являются удмурты (финно-угорская группа уральской языковой семьи; в контекстах гуманитарных наук удмуртов иногда относят к восточным финнам).

Прежде всего, отметим, что территория Удмуртии находится в двух природных зонах. Северная Удмуртия расположена в таежной зоне, а южная – в подтаежной. Разделяющая части Удмуртии природная граница оказывает (и оказывала) определенное влияние на территориальную организацию общества, его состав и численность населения. Кроме того, территория региона относится к двум речным бассейнам – вятскому и камскому (в историческом прошлом этот географический факт играл заметную роль).

В XIII-XV вв. здесь, в южном Прикамье, наблюдался довольно тесный культурный контакт между тюрками-булгарами, а позднее татарами и удмуртами. Именно здесь в течение столетий формировалось культурное пограничье, активные заимствования элементов материальной и бытовой культуры (в среду южных (арских) удмуртов попадали элементы степного и лесостепного культурного мира, в частности удмуртский язык активно пополняется тюркскими и иранскими словами). Нередки случаи ассимиляции (отатаривание) арских удмуртов и переход их из язычества в ислам.

В это же время на севере, на Вятке и Чепце (левый приток Вятки) идут свои межкультурные контакты и формируется свое пограничье и своеобразный этнографический ареал северных (чепецких) удмуртов. На них мощное влияние оказывают русские Новгородской, а позднее Вятской земли. Идут аналогичные процессы заимствования элементов материальной и духовной культуры, а также ассимиляционные процессы (обрусение) и переход из язычества в православие. Как итог, формируются две крупные, относительно изолированные этнографические группы удмуртского населения – северная (ватка) и южная (калмез). Если посмотреть на ситуацию в контексте русской истории и географии, то к XVI веку в Среднем Поволжье, в Вятско-Камском бассейне образовался своего рода «фронтир», разделяющий Русское государство Ивана III (Ивана IV Грозного) и Казанское ханство – осколок Золотой Орды. После падения Казани (1552 г.) и включения территории современной Удмуртии в состав Русского царства по реке Каме устанавливается новая граница (Камская линия) с «немирными» кочующими башкирами.

Хочется отметить, что если контакт русских и татар, русских и башкир был достаточно жесткий и во многом бескомпромиссный, то контакты «русские-удмурты» и «татары-удмурты» были в целом относительно мягче. Хотя идеализировать ситуацию не стоит. Волею исторической судьбы уд-

муртский народ оказался на стыке противостояния «имперских» устремлений двух государств, двух культур. Хотя на самом низком (локальном) территориальном уровне, на уровне людей, семей, сельских поселений так драма истории не осознавалась. И удмурты, и русские, и татары, а также марийцы и башкиры работали на земле, торговли на базарах и торжках, обмениваясь плодами своего труда, заимствовали друг у друга «слова и вещи», вступали в межэтнические браки и т.п. Были и уходы в «татары» и в «русские», в том числе и в вопросах веры (у удмуртов XVI-XIX вв. стать русским означало не просто выучить русский язык, а перейти в православие, в «русскую веру»). Хотя большинство удмуртского населения придерживалось компромиссов («и нашим, и вашим»), некоего пограничного состояния. Очень хорошо это демонстрирует удмуртский именник. В частности, существование у людей прошлых веков дохристианской (часто булгарской – татарской) фамилии и русского имени, данного при крещении. Или, например, имя, состоящее из двух слов-частей: тюркского и удмуртского. Очень долго держалось (а отдельные элементы остаются), сосуществовало православие и традиционное язычество, образуя порой синкретические формы, не поощряемые, разумеется, русской православной церковью. Все это в недрах народной культуры, культуры повседневности. Справедливости ради отметим, что и русское население, появившееся в глухом лесном Прикамье после реформы Никона, было оппозиционным официальному православию. Эти раскольники несли свою версию христианства в языческий край и усложняли общую картину.

Удмуртия, таким образом, являет пример, иллюстрирующий собой регион-пограничье, где в историческое время (с XIV века) в различных ландшафтах двух природных зон, в бассейнах двух «исторических» рек происходили процессы культурного взаимодействия и взаимовлияния, ассимиляции и отторжения, «переформатирования» и исчезновения элементов материальной и духовной культуры. Своеобразное маневрирование между русским (славянским) и татарским (тюркским) культурными мирами со средневековых времен позволило удмуртскому народу, с одной стороны, сохраниться самобытным этносом, с другой – не остаться на «обочине» развития. Именно существующее географическое положение месторазвития этого этноса сыграло, на наш взгляд, ключевую роль в том, кем он является в настоящее время.

Особенности Удмуртии как «внутреннего пограничья», природные условия предопределили своеобразие этнокультурных ландшафтов республики, которые, в свою очередь, повлияли на расселение населения.

В современной литературе можно встретить множество вариантов толкования и подходов к изучению этнокультурных ландшафтов. Это вполне логично, поскольку этнокультурные ландшафты изучаются сразу несколькими науками, и каждая из них смотрит на предмет изучения со своей точки

зрения. Однако каких-либо существенных различий в определении термина «этнокультурный ландшафт» практически не наблюдается, что говорит о вполне сложившемся понимании сущности данного вопроса. К примеру, доктор исторических наук Ю.Ф. Лукин рассматривает этнокультурный ландшафт как геопространственную структуру множества культур, являющуюся частью глобального социума, и противопоставляет культурный ландшафт естественному природному как рациональную организацию многомерного пространства и результат всей деятельности на ней человеческого общества [1].

Анализируя это и другие определения, можно прийти к выводу, что культурный ландшафт воспринимается как природный ландшафт, измененный человеком в процессе своей хозяйственной деятельности. То есть культура как бы «нанизывается» на естественную природную среду. Соответственно, природный ландшафт является основой культурного, и полное, всестороннее изучение последнего не представляется возможным без исследования тех природных условий и факторов, которые определи в дальнейшем развитие культур на данной территории.

Если мы говорим об этнокультурных ландшафтах, то наиболее важной характеристикой населения выступает его национальный состав. Несмотря на то, что в силу глобализации разница между культурами народов постепенно исчезает, каждая народность оставляет в ландшафте свои, характерные только ей, определенные черты. Но и ландшафт, наряду с другими географическими факторами, непосредственно влияет на быт, хозяйство, расселение, культуру, менталитет всех без исключения народов и собственно на облик сложившихся на его базе этнокультурных ландшафтов.

В предлагаемой статье оценивается влияние тех или иных природных географических факторов, к коим можно отнести и разнообразие ландшафтов, на расселение народов, в частности Удмуртии. Поскольку именно расселение населения во многом является проекцией на территорию всех явлений и процессов, происходящих в «географическом пространстве-времени» [3]. То есть все процессы, происходящие или когда-либо происходившие в обществе, будут проецироваться на территорию в виде разной формы сетей и систем расселения населения. Их структура и организация напрямую будут зависеть от типа природопользования, хозяйства и в целом культуры населения, проживающего на данной территории. Соответственно, если мы говорим о разности культур при выделении этносов, то можно говорить и о разности в расселении этих этносов, и, вероятно, о разности ландшафтов, в которых они проживают. Кроме того, изучение расселения населения позволяет увидеть не только нынешнее состояние объекта, но и заглянуть далеко в прошлое, поскольку структура расселения достаточно инертное явление.

Считается, что чем сложнее становится общество, тем в меньшей сте-

пени оказывают прямое влияние природные факторы. Однако природные условия являются естественной основой развития и размещения производства и населения по территории. Наиболее тесную связь с размещением природно-ресурсного потенциала обнаруживает сельское население, хотя и оно размещается неравномерно по отношению к природным ресурсам. Кроме того, размещение населенного пункта напрямую зависит от ландшафта, близости источника питьевой воды, доступности местности и других естественных факторов [2].

В Удмуртии в условиях умеренно-континентального климата с избыточным увлажнением и равнинного рельефа природные условия будут, прежде всего, влиять на сельское расселение и развитие лесного хозяйства. К числу факторов расселения можно отнести плодородие почв и их механический состав, характер и условия дренажа и залесенность территории. Немаловажное влияние на расселение населения и его организацию также оказывает наличие месторождений полезных ископаемых. В Удмуртии в промышленных объёмах добывается только нефть, песчано-гравийная смесь, песок, известняк и глина. Поскольку размещение месторождений не повсеместно, то влияние данного фактора будет прослеживаться только на отдельных территориях.

Проанализировав всю совокупность природных факторов, оказывающих воздействие на расселение народов Удмуртии, в пространственном аспекте можно выделить, в наиболее упрощенном виде, три типа территорий (рис. 1).

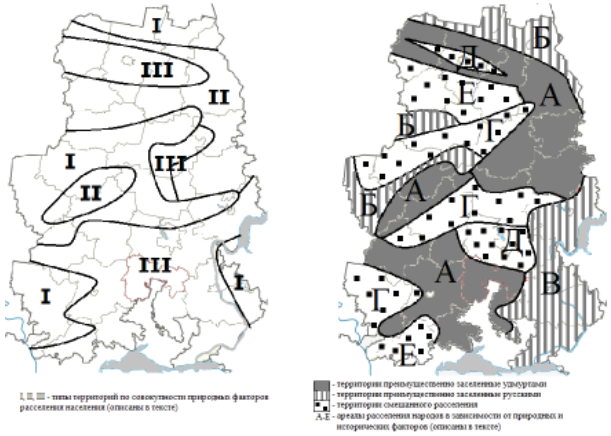


Рис. 1. Типы территорий по совокупности природных факторов расселения населения и основные ареалы расселения крупнейших народов Удмуртии

Первый характеризуется низким плодородием почв (в основном дерново-средне- и сильноподзолистые), неблагоприятным для растениеводства

механическим составом грунтов (песчаные и тяжелые суглинки), высокой степенью заболоченности и залесенности. Соответственно, данные территории неблагоприятны для ведения сельского хозяйства, но вполне могут использоваться в лесной и деревообрабатывающей промышленности, добыче торфа, песка или глины.

Ко второму относятся территории более благоприятные для ведения сельского хозяйства, нежели предыдущие, но также с низкоплодородными почвами (дерново-средне- и сильноподзолистые на средних и тяжелых суглинках). В основном это староосвоенные территории северной Удмуртии, сельскохозяйственное использование которых требует больших материальных затрат.

Третий тип характеризуется наиболее благоприятными в республике условиями для ведения сельского хозяйства (дерново-подзолистые с включениями дерново-карбонатных и серых лесных почв на легких и средних суглинках с хорошими условиями дренажа) и наименьшей залесенностью.

Рассмотрим влияние природных факторов на расселение народов Удмуртии. При сопоставлении (рис. 1) и анализе данных физико-географических исследований и размещения этносов можно проследить следующие закономерности:

На территориях, наиболее благоприятных для ведения сельского хозяйства, обозначенных на рисунке цифрами II и III, преимущественно проживают удмурты (на рисунке этот ареал расселения обозначен буквой А). Данная территория, вероятно, при переселении из других мест заселялась титульным народом в первую очередь, поскольку полностью удовлетворяла потребности, вызванные типом хозяйствования этноса. Населенные пункты здесь в основном представлены сельскохозяйственными поселениями средней людности (100-200 человек в северных районах и 300-400 – в южных). Территория при этом будет иметь типичный для Удмуртии сельскохозяйственный ландшафт.

На окраинах основного ареала расселения удмуртов, как на севере, так и на юге Удмуртии в пределах второго и третьего типа территорий, выделяются ареалы смешанного расселения народов (обозначены буквой Е). Здесь, при аналогичных природных характеристиках и показателях в расселении, наблюдается неоднородный этнический состав населения. На севере республики, в пределах ареала «Е», встречаются удмуртские, русские, татарские и бесермянские поселения, а на юге – удмуртские, русские, татарские, марийские и чувашские.

Также благоприятные для ведения сельского хозяйства территории вдоль р. Камы были заселены русскими (В). Заселение этих территорий имело к тому же стратегический характер, поскольку Кама являлась важным для России транспортным путем. Эта территория характеризуется наименьшей

в Удмуртии залесенностью, наибольшей людностью поселений (300-500 человек) и специфическим прикамским ландшафтом.

И, наконец, в пределах территорий третьего типа интенсивно происходит процесс формирования пригородных зон, в частности Ижевска и Глазова, что приводит к смешению национального состава этих территорий (Д). Здесь формируется особый, пригородный тип культурного ландшафта, с большой плотностью и людностью населенных пунктов (более 1000 человек) и специфической застройкой.

На границе территорий с благоприятными и малоблагоприятными условиями для ведения сельского хозяйства (II и I) в пределах северной и центральной части Удмуртии выделяются ареалы расселения русских старообрядцев (Б). К особенностям территории можно отнести высокую степень залесенности, малую людность (50-100 человек) и высокую плотность населенных пунктов, расположенных на небольших участках распаханной территории, что напрямую диктуется качеством почв.

Непосредственно территории I типа, как уже отмечалось, имеют высокую степень залесенности (до 90%) и благоприятны преимущественно для ведения лесного хозяйства. Соответственно, в пределах этих территорий населенные пункты, как правило, выполняют промышленные функции, а значит, имеют большую людность и смешанный национальный состав. Однако встречаются и мононациональные сельскохозяйственные поселения, расположенные обычно на водораздельных пространствах, условия дренажа и механический состав почв которых более благоприятен для растениеводства, нежели окружающие территории. Как правило, людность таких населенных пунктов не велика (50-100 человек).

Таким образом, физико-географические факторы, или ландшафт, в первую очередь, определяют тип сельского расселения, размеры поселений и преобладающий на территории тип природопользования. Все это, наряду с историческими факторами, накладывает свой отпечаток и на расселение народов в Удмуртии. Причем не только на размещение тех или иных этнических групп, но и на рисунок сети расселения, густоту и людность населенных пунктов, а также на динамику численности населения в них в различные периоды.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Лукин Ю.Ф. Перфоманс этнокультурного ландшафта Арктики в глобальном и региональном измерениях // Арктика и Север. №1 (февраль). – Архангельск, 2011. – 56-87 с.

2. Проблемы расселения в СССР: (Социально-демографический анализ сети поселений и задачи управления). – М.: Статистика, 1980. – 255 с.

3. Шарыгин М.Д. Пространственно-временная парадигма в современной географии // Пространственная организация Пермского края и сопредельных территорий. Кн. 1: материалы Всерос. науч.-практ. конф., 10-13 ноября 2008, г. Пермь / Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2008. – 446 с.

Колесникова О.Н.

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРИГРАНИЧНОГО АГРОПРОМЫШЛЕННОГО РЕГИОНА РОССИИ)[1]

На современном этапе развития разнообразные общественные процессы, протекающие в регионах постсоветского пространства, стали предметом изучения различных дисциплин. В рамках общей социологии сформировалась специальная частная отрасль, занимающаяся анализом природы региона как социально-территориальной общности, а также закономерностей его социального воспроизводства, получившего название социологии регионов. В отечественной социологической науке существует определение региона как социально-территориальной системы, внутренне дифференцированной социально-территориальной общности [2].

Особую роль в выяснении проблем регионов должны играть социологические исследования, поскольку одной из важнейших задач социологии является познание законов функционирования и развития общества с целью дальнейшего их использования для совершенствования социальной жизни. В связи с чем на факультете социологии Алтайского государственного университета проведен ряд социологических исследований по изучению проблем региона. Отдельные результаты и будут освещены в данной статье.

Надо отметить, что в России начиная с 2000 г. стали проводиться комплексные исследования динамики социокультурного развития регионов России. При поддержке РГНФ и руководства ряда регионов осуществляются проекты по созданию социокультурных портретов регионов с целью составления в дальнейшем «Социокультурной карты России». Центр изучения социокультурных изменений Института философии РАН совместно с Центром социологических исследований МГУ подготовили теоретическую базу и типовую методику исследования. В дальнейшем в ряде регионов России были проведены социологические исследования и составлены их социокультур-

1. Исследования выполнены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Мониторинг социального самочувствия и безопасность населения Алтайского края» «№13-13-22005

ные портреты. В Алтайском крае эта работа проделана в 2010 г. на факультете социологии АлтГУ по гранту РГНФ «Социокультурный портрет Алтайского края: специфика приграничного агропромышленного региона России». Результатом работы нашего коллектива стало проведение социологического исследования на основе типовой методики и составление социокультурного портрета Алтайского края. Целью исследования являлось изучение комплекса социально-экономических и культурных характеристик, объективных и субъективных, важнейших сторон социокультурной жизни для выделения совокупности параметров региона, составляющих социокультурный портрет Алтайского края. Показатели социокультурного развития региона рассмотрены с учетом его специфики как агропромышленного, приграничного постсоветского пространства. Для этого использован антропосоциетальный подход, разработанный Н.И. Лапиным. Описание характеристик портрета региона сделано на основе различных источников информации: статистических данных федерального и регионального уровней; данных различных ведомств региона; документов органов управления регионом; материалов СМИ и архивов; данных социологических исследований, полученных методами анкетирования и экспертным опросом.

Под социологическим портретом региона, как предмета исследования, нами понимается комплексная социально-экономическая и социокультурная характеристика, основанная на данных статистики и междисциплинарных исследований при ведущей роли социологии. Социологический портрет региона предполагает концентрированную характеристику различных сторон общественной жизни населения. Обладая свойством системности, регион при составлении социологического портрета не может быть описан иначе как через совокупность связанных между собой подсистем, взаимовлияющих, взаимоопределяющих друг друга. Регион, рассматриваемый как социально-территориальная структура или общность, которая выступает в качестве объекта исследования, в данном случае совпадает с понятием субъекта Российской Федерации.

В разведывательном плане социокультурный портрет дает представление о соотношении личности и государства, об эволюции этого соотношения, о содержании основных социальных функций региона и эволюции их структуры, совокупной их эффективности для населения региона. В описательном плане портрет содержит описание главных аспектов социальной и культурной жизни региона – его населения, социальных групп и организаций: объективное их состояние и субъективное восприятие, социальные преимущества и актуальные проблемы, тенденции развития. Результатом работы стало представление основных разделов социокультурного портрета Алтайского края: общая характеристика региона; население, его этнокультурные и социальные особенности; уровень жизни и социальное самочувствие населения; культурный капитал населения и его использование в регионе; мотивация трудовой деятельности и экономическая активность; мобильность и социальная стратификация; государственное регулирование и самоуправление в сфере социальной жизни региона. Рассматривая элементы социокультурного портрета региона, были выделены явления, оказавшие воздействие на достижение обществом социокультурного равновесия – характеристики развития важнейших сфер коллективной и индивидуальной жизнедеятельности человека на определенной территории, определяющих его социальное, экономическое, культурное совершенствование, и роль органов власти в закреплении данных приоритетов в регионе. В итоге полученный социокультурный портрет Алтайского края может стать началом социальной биографии региона.

Одним из наиболее важных аспектов социологического анализа современных тенденций общественного развития является изучение социального самочувствия населения как обобщенной эмоционально-оценочной реакции на социальные изменения и свое положение в трансформирующемся обществе. В настоящее время ощущается определенный дефицит конкретных мониторинговых социологических эмпирических исследований, показывающих изменения социального самочувствия, роста протестных настроений населения регионов в условиях трансформации социальной жизни. Главная цель таких исследований состоит в предоставлении полной, своевременной и достоверной информации о процессах, протекающих в экономике и социальной сфере, а также о складывающейся социальной ситуации в регионе, проблемах и перспективах развития. В связи с чем интерес представляют результаты работы по проекту, поддержанному РГНФ и Администрацией Алтайского края, «Мониторинг социального самочувствия и безопасность населения Алтайского края» (2013-14 гг.). Научная проблема, на решение которой направлено данное исследование – оценка динамики базовых показателей социального самочувствия основных стратификационных групп на уровне конкретного региона. Практическая составляющая проблемы состоит в определении и анализе показателей, влияющих на социальное самочувствие и безопасность населения, которые отражают степень адаптации населения к современной социально-экономической ситуации. Актуальность заключается в том, что одним из наиболее важных аспектов социологического анализа современных тенденций общественного развития является изучение социального самочувствия населения как обобщенной эмоционально-оценочной реакции на социальные изменения и свое положение в трансформирующемся обществе. Задача в рамках поставленной проблемы состоит в возможности получить эмпирическими социологическими методами данные о социальной ситуации в регионе, о результатах проводимых социальных реформ, об изменениях основных показателей социального

самочувствия населения, причинах протестного поведения.

Методики и техники мониторингового эмпирического исследования включали в себя: 1) экспертный опрос в форме стандартизированного интервью, в ходе которого были опрошены представители федеральных и региональных органов государственной власти и органов местного самоуправления, региональной бизнес-элиты, различных государственных и бюджетных организаций, ведущие журналисты, лидеры общественных организаций и отделений политических партий и др.; 2) массовый опрос населения (1200 чел.); 3) контент-анализ СМИ.

В ходе исследования 2013 г. проведено сравнение ключевых показателей социального самочувствия и безопасности населения Алтайского края с результатами, полученными в ходе исследований по аналогичной методике, проведенных нашим коллективом в 2009-2010 гг. Мы выявили изменения социального самочувствия, характеристики социального настроения, удовлетворенности условиями жизни, личной защищенности от существующих угроз и опасностей, уровень протестной активности населения в современных социально-экономических условиях.

В связи с отсутствием единого методологического подхода к изучению социального самочувствия мы основывались в своем исследовании на определении Н.И. Лапина, согласно которому социальное самочувствие населения основывается на защищённости от опасностей, удовлетворённости жизнью и социальном оптимизме [2].

Итак, общую картину социального настроения, самочувствия населения показывают оценки степени личной защищенности от существующих угроз и опасностей. Выявлено, что в рейтинге опасностей, волнующих разные группы населения, социально-экономические проблемы занимают лидирующие позиции: на первое место эксперты поставили проблемы бедности, от которых население чувствует себя наиболее незащищенным, и которые осознаются ими как проблемы особой важности, порождающие клубок новых проблем. Во-вторых, это преступность. На третьей позиции – экологические угрозы. Высоко, на четвертую позицию, в оценках населения поставлена проблема произвола чиновников и правоохранительных органов. Далее идут проблемы одиночества и заброшенности; притеснения из-за возраста или пола; преследования за политические убеждения; религиозные; ущемления по национальному признаку. Надо отметить, что ранжирование мест основных опасностей экспертами 2010 г. и 2013 г., совпало, разнятся процентные показатели.

Результирующим показателем социального самочувствия стал уровень социального оптимизма, который включал оценку респондентами дальнейшей жизни. В 2010 г. респонденты предполагали, что в ближайший год их семьи будут жить, лучше чем сегодня – таких было (26,1%); ухудшения

ожидали менее 10%. В целом, преобладающий среди респондентов способ оценки будущего уровня жизни в общем виде был описан следующей формулой: «в ближайшем будущем в моем положении и положении моей семьи ничего не изменится, а если и изменится, то незначительно». В 2013 г. оптимистов, считающих, что будем жить лучше – 39,5 %, но и ухудшения ожидает также большее количество респондентов – 15,8%. И только третья часть опрошенных (34%) не ждут ни каких изменений в ближайшем году.

Социальный оптимизм свидетельствует о потенциальной протестной активности населения. Так, исследование 2010 года показало, что протестный потенциал был заложен практически у половины опрошенных (43,5%). Почти столько же (42,6%) были не готовы принять участие в акциях протеста. По-иному распределились ответы респондентов в 2013 г. – население в большей степени (68,4%) не намерено участвовать в акциях протеста т.к. считают, что условия жизни не ухудшились (36,8%); протест не улучшит их жизни (31,6%). О намеренности протестовать высказалось 8% респондентов и не знают ответа для себя на данный вопрос 23,6%.

Большинство респондентов как в 2010, так и в 2013 г. считают, что помочь решить проблему улучшения жизни могут они сами; поможет общероссийская власть; близкие родственники. В тоже время для улучшения жизни населения дают такие рекомендации: создавать новые рабочие места; улучшить медицинское обслуживание; навести порядок, бороться с криминалом, коррупцией; быстрее строить новые дороги; усилить государственный контроль за экономикой; развивать малый и средний бизнес; решительно отстаивать интересы региона в центре; увеличить господдержку АПК, сельхозпроизводителей т.е. задачи в основном для государства. В 2013 г. в ответах респондентов изменилась расстановка рекомендаций по их значимости: на первую позицию поставлена – улучшить медицинское обслуживание; на вторую навести порядок, бороться с криминалом, коррупцией; на третью поставлены 2 критерия – развивать малый и средний бизнес; увеличить господдержку АПК, сельхозпроизводителей.

Важным аспектом социологического изучения вопросов социального самочувствия и безопасности населения является рассмотрение материалов средств массовой информации по названной тематике. В рамках данного исследования был осуществлен контент-анализ региональных средств массовой информации. Вызывают интерес основные результаты исследования материалов алтайской прессы. Объектом контент-анализа выступило содержание публикаций алтайских краевых газет по проблемам социального самочувствия и безопасности населения края. Предметную сторону исследования составили публикации, посвященные проблемам социальной напряженности в крае. Целью контент-анализа явился анализ основных источников социальной напряженности, отраженных в содержании публикаций

алтайских краевых газет.

В ходе исследования были проанализированы: материалы краевых газет «Алтайская правда», «Свободный курс»; публикации региональных приложений к федеральной прессе «Аргументы и факты Алтай», «Комсомольская правда на Алтае». Контент-анализу подверглись выпуски указанных изданий за январь-октябрь 2013 года, всего было изучено 480 выпусков. В центре внимания исследователей оказались материалы, посвященные тем или иным источникам напряженности в обществе. Проблемы, освященные в прессе, были классифицированы по сферам общественной жизни: социальной, экономической, политической, экологической, духовно-нравственной. Из общего числа проанализированных статей (n=988) большая часть была посвящена проблемам в социальной сфере (43%); проблемам в политической сфере было уделено внимание в 20% газетных публикаций; экономическая сфера общества стала предметом рассмотрения 17% статей; духовно-нравственные аспекты жизни общества явились центром внимания 13% публикаций; лишь 7% статей были посвящены экологическим проблемам. Так, в социальной сфере важным представляется анализ степени внимания разным проблемам в периодических изданиях. Были выделены конкретные источники социальной напряженности, проистекающие из особенностей функционирования социальной сферы региона. Наиболее волнующей проблемой с точки зрения региональных средств массовой информации является вопрос качества здравоохранения и образования (39,4% от проанализированных статей по социальной проблематике). Источники социальной напряженности в области нелегальной миграции и преступности описаны в 22,7% публикаций по социальной тематике. Жилищные проблемы населения и трудности в функционировании сферы ЖКХ стали предметом рассмотрения 24,7% газетных статей, посвященных социальной сфере общественной жизни. Публикации, освящающие социально обусловленные заболевания (алкоголизм, наркомания) и низкий уровень жизни населения региона, составили 9,8% и 3,7% соответственно.

В экономической сфере статьи по различным агропромышленным вопросам составили большинство проанализированных экономических публикаций (37,1%). Проблемы в сфере развития малого бизнеса стали предметом рассмотрения 22% рассмотренных статей по экономической тематике. Далее по степени представленности следуют статьи, посвященные проблемам роста цен, это 21,2% от общего числа экономических материалов в региональных газетах. Упадок экономики как источник социальной напряженности рассматривается в 16,5% проанализированных газетных публикаций по экономической проблематике. Безработице посвящено всего 3,2% статей.

В политической сфере неэффективная работа органов государственной власти была обозначена как основной источник социальной напряженности в 38,9% рассмотренных статей по политической тематике. Проблема коррупции и неэффективности законодательной базы составили 30,5% и 28,1% соответственно от общего числа статей, посвященных функционированию политической сферы общества. Бюрократизм как источник социальной напряженности описан лишь в 2,4% газетных публикаций.

Подавляющие большинство статей по экологической тематике посвящено проблеме загрязнения окружающей среды (67,2%). Проблема незаконной вырубки лесов освящена в 25,2% экологических публикаций в региональных газетах. Проблемы расхищения природных богатств и лесных пожаров не так актуальны для региональных журналистов. Статьи, отражающие указанные проблемы составили всего 7% и 0,7% соответственно от общего числа статей по экологической проблематике.

Проблемы искусства и культуры занимают лидирующую позицию среди публикаций, посвященных духовно-нравственным проблемам современного общества (67,4%). Далее следуют проблемы падения нравственности (10,6%), трудности патриотического воспитания (11,4%) и религиозные проблемы (10,5%). Из представленных результатов проведенного контент-анализа явственно следует приоритет внимания региональных журналистов к социальной проблематике, выделенной и в экспертном опросе. Это экономические проблемы, коррупция и преступность, качество здравоохранения и образования, сфера ЖКХ и другие важнейшие сферы общественной жизни [4].

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о том, что позитивная динамика материального положения населения является важным индикатором улучшения его социального самочувствия, настроения, оптимизма, которые в свою очередь объективно выступают показателями изменения уровня благополучия, социальной стабильности, степени удовлетворенности граждан общественным и экономическим положением не только в регионе, но и в стране в целом. Рассматривая элементы социокультурного портрета региона, были выделены явления, оказавшие воздействие на достижение обществом социокультурного равновесия – это характеристика развития важнейших сфер коллективной и индивидуальной жизнедеятельности человека на определенной территории, определяющих его социальное, экономическое, культурное совершенствование и роль органов власти в закреплении данных приоритетов в регионе.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Дулина Н.В. Социальное самочувствие населения как один из критериев оценки деятельности региональной власти / Н.В. Дулина, В.В. Токарев // Социокультурные основания стратегии развития России. Смоленск: «Универсум», 2009.

2. Лапин Н.И. Антропосоциетальный подход: методологические основания, социологические измерения // Вопросы философии. 2005. – №2. – С.17-29.
3. Лапин Н.И. Регион как поле социального самочувствия россиян и их отношение к институтам власти // Опыт апробации типовой методики «Социологический портрет региона». Ч.II. – Тюмень: ТюмГУ, 2006.
4. Колесникова О.Н., Артюхина В.А., Чуканова Т.В. Социальное самочувствие как интегральная характеристика жизнедеятельности населения региона: результаты мониторингового исследования. // Вестник Алтайской науки 2013. – №3. – С. 312-315.
5. Колесникова О.Н Социокультурный портрет Алтайского края: специфика приграничного агропромышленного региона России // Наука – Алтайскому краю. Сб. научных статей. – вып.4. Барнаул: Алтайский дом печати, 2010. – С. 158-167.
6. Социальное благополучие и защищенность населения: Сб. научных статей / под общ. ред. Колесниковой О.Н. – Барнаул: АЗБУКА, 2011.

Колупаев Д.В.

СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СИБИРСКОГО КАЗАЧЕСТВА В XIX ВЕКЕ

Казачество является самобытным социальным явлением в рамках исторического развития российского этноса. Казаки были своеобразным социально-этническим образованием в составе русского народа, очень динамично развивающимся. Правовой статус казачества, его положение относительно других социальных слоёв российского общества, в частности на территории Сибири, отношения с государственными структурами – представляют собой сложный процесс. Для сибирских казаков, часть поселений которых располагалось на Алтае, в пределах так называемой Бийской линии, вопросы социального развития отличались особыми условиями.

Во второй половине XIX века территория Сибирского казачьего войска представляла достаточно узкую линию поселений, растянувшуюся от земель Оренбургского казачьего войска до в то время существовавшей границы Китая с российской империей. Её общая протяжённость составляла около 2000 километров [2, с. 161]. Земли Сибирского казачьего войска не представляли собой какой-либо сплошной или сомкнутой территории, а тянулись узкой линией по северным районам лесостепной полосы казахстанских степей, отделяя южные районы Тобольской и Томской губернии и земли Алтайского Горного Округа, от мест кочевого скотоводства казахов. В административном подчинении казачьи земли входили в состав так называемого Степного генерал-губернаторства. Вся полоса казачьих поселений от границ Оренбургского казачьего войска до города называлась Горькой линией, иногда Пресногорьковской. От Омска линия казачьих поселений сибирского

казачьего войска поворачивала на юго-восток и проходила по правому берегу реки Иртыш до Усть-Каменогорска. Эта часть поселений Сибирского казачьего войска называлась Иртышской линией. Далее, до китайской границы шла уже Бухтарминская линия казачьих поселений. Кроме того, станицы Сибирского казачьего войска тянулись цепью на расстоянии 400 км. По территории Алтайского Горного округа и составляли так называемую Бийскую казачью линию. Общая территория сибирского казачьего войска к концу XIX века составляла 4 995 233 десятины или около 50 000 квадратных километров [3, с. 20]. Здесь следует отметить, что часть земель Сибирского казачьего войска находились у него во временном владении. Это была так называемая 10-вёрстная полоса, простиравшаяся на протяжении всей линии казачьих поселений от границы Оренбургского казачьего войска до государственной границы России с Китаем. Эта полоса земель шла параллельно казачьим владениям, насчитывала свыше 13,5 тысяч квадратных километров, и находилась формально во временном владении сибирского казачьего войска с 1839 года [3, с. 20]. Казачьи поселения располагались на территории Акмолинской и Семипалатинской областей, а также томской губернии (Бийская казачья линия) и насчитывали 169 станиц и посёлков [3, с. 21].

Главной обязанностью и юридическим оправданием существования казаков являлась государственная служба, за которую им полагалось определённое материальное вознаграждение в сочетании с некоторыми льготами экономического характера. Сибирские казаки были по своему происхождению служилыми людьми, поэтому желанием государственной политики было стремление как можно подробнее регламентировать жизнь казаков, ввести их в законодательное поле Российской империи. Итогом этой деятельности являлось появление 19 августа 1808 года Высочайше утверждённого «Положения о Сибирском линейном казачьем войске». Численность войска определялась в 5990 казаков, разделённых на 10 пятисотенных полков, которые обязаны были выступать на службу в военное время. В каждом полку насчитывалось по три офицера, 47 унтер-офицеров (урядников) и один фельдшер. Помимо полков имелись и четыре резервные сотни. Войску придавались 2 конно-артиллерийских роты. В мирное время казаки жили по своим станицам без разделения на полки и сотни. Линия делилась на 10 отделений, а отделение на 5 дистанций во главе с начальником отделений и командирами дистанций из казачьего сословия [1, с. 38].

Казачьим войском управлял войсковой атаман. В своей деятельности он опирался на войсковую канцелярию, состоящую из двух «непременных» членов и двух асессоров, избираемых на три года. По военным делам войсковая канцелярия подчинялась военному ведомству, в гражданском отношении – губернскому начальству. Её содержание шло за счёт государственного казначейства.

Казачья служба начиналась фактически с 17 лет и продолжалась до полного истощения сил, но и после отставки казаки оставались в войске и при необходимости могли быть поставлены под ружьё. За службу казаку полагалось годовое денежное жалованье (6 руб. 16,5 коп.) провиант – три четверти муки в год и фураж (крупа) – содержание одной лошади 7 месяцев. В военных походах жалованье увеличивалось до 11 руб. 88 коп. в год, и выдавались дополнительные порции крупы. Казачьи офицеры получали: хорунжий (лейтенант) – 238,29 руб. в год, сотник (капитан) – 286, 37 руб. в год, есаул (майор) – 406, 1 руб. в год. Казаки также имели право на шестидесятинный надел земли на каждого казака мужского пола, на пограничную меновую торговлю, на рыбную ловлю в степных озёрах и в верховьях рек, на сбор хмеля [2, с. 83].

В начале XIX века при численности военнообязанных казаков в 6000 чел. всё мужское население войска достигало до 15 000 чел. К 1826 году это число возросло до 19 000 чел., а в 1846 году – до 25 000 чел. [1, с. 39]. Пополнение войскового населения в эти годы шло почти исключительно за счёт естественного прироста – 1% в год, поскольку добровольные вступления в тот период были редки, а массовых приписок к войску не производилось. В последующие два десятилетия ситуация изменилась. В 1866 году численность сибирского казачьего войска составила 57 000 душ мужского пола, при общей численности населения 113 138 чел. Такой рост общей численности казаков был обусловлен массовым приёмом в казаки крестьян с целью максимально усилить военно-казачью колонизацию в степных районах западной Сибири. За 1846 – 1856 гг. к казакам было приписано 27 000 душ обоего пола, а в 1857 году – 14,6 тыс. душ обоего пола. Таким образом, с 1808 года численность сибирских казаков выросла 3,8 раза [3, с. 68-71].

«Положение» 1808 года и сопутствующие ему юридические акты рассматривали казаков сибирских пограничных линий «как отдельное сословие, с особенными привилегиями, правами и со своими сословными учреждениями». Термин «сословие» здесь следует понимать как определение группы лиц, объединённых профессиональными интересами, а не как замкнутую наследственную корпорацию, обладающую особыми правами, официально признаваемую государством.

Казаки никогда не были полностью замкнутой группой. Хотя выход из неё до 1869 года был категорически запрещён, но поступать в «казачье звание» волен был всякий человек. Отличительной особенностью сибирских казаков было наличие не столько прав, сколько обязанностей. Они были свободны от подушной подати и рекрутчины, что весьма существенно было в социально-юридическом плане, но непрерывная служба, ограниченная только физическими возможностями человека и постоянные работы в войсковой экономии, ложились на казачьи плечи не менее тяжёлым грузом, чем

крестьянские повинности. Право на 6 десятин земли и разрешение вести меновую торговлю с «азиатцами», право на ловлю рыбы в степных озёрах и на сбор хмеля вряд ли можно рассматривать всерьёз как особые привилегии. Казаки если и являлись сословием, то только в том смысле, который вкладывал в это понятие В.О. Ключевский, подчёркивая, что в средневековой России «сословия различались не правами, а повинностями, между ними распределёнными» [4, с. 397].

«Великие Реформы» 1860-1870 гг. также коснулись и сибирских казаков. Специфика проведения реформ в казачьих областях состояла в том, чтобы, сохраняя традиционную войсковую структуру, одновременно приспособить её к изменившимся экономическим и социальным условиям. Александр II изложил эту программу следующим образом: «Я желаю, чтобы казачьи войска, оказавшие столько незабвенных услуг Отечеству, сохранили и на будущее своё воинское назначение… Но я вместе с тем желаю, чтобы в устройстве казачьих войск военное их назначение было сколь возможно согласовано с выгодами гражданского быта и хозяйственного благоустройства» [1, с. 47].

Первым шагом на этом пути было издание «Положения о Сибирском казачьем войске» от 13 марта 1861 года. Это «Положение…» отменяло обязательный труд казаков на войсковых фабриках и заводах, освобождая тем самым время для ведения собственного хозяйства. Одновременно ликвидировались также дотации на вооружение, обмундирование, содержание лошадей и проч. Теперь казак должен был полагаться только на собственные силы.

Территория войска теперь делилась на полковые округа; каждый полк формировался из населения своего округа. Непосредственное руководство войском возлагалась на наказного атамана (назначаемого царской властью), в руках которого было сосредоточено военное и гражданское управление. По военной части он действовал через войсковое дежурство, комиссии военного суда и окружные дежурства, а по гражданской части – через войсковое, полковое и станичные правления. Считалось, что станицы действуют по принципу самоуправления. «Положение о Сибирском казачьем войске» 1861 г. предоставляло станицам «право заведования своим общественным хозяйством и своими интересами на началах самоуправления» [1, с. 70].

Однако станичники далеко не сразу смогли в полной мере ощутить преимущества, предоставленные реформой. По свидетельству современников «большинство казаков, неграмотных и не понимающих общественных интересов, не пришло ещё к убеждению, что в станичные и поселковые атаманы, а также и в другие должности, для заведования общественным хозяйством, надо выбирать людей способных и серьёзных; напротив, во многих местах выборы склоняются на людей сомнительной нравственности, кото-

рые злоупотребляют общественными суммами и обращают в свою собственность немалую часть станичных доходов, будучи уверены в бесконтрольности со стороны неграмотных станичников. Кроме того, случается, что сами станичные сходы постановляют приговоры об употреблении общественных средств на покупку вина в праздники и тому подобные расходы, не имеющие никакого отношения к станичным нуждам» [3, с. 127-128].

Подобные утверждения, конечно, нельзя отвергать как полностью недостоверные. Десятилетия непрерывной муштры по солдатскому образцу, отработка воинских повинностей, привычка довольствоваться казённым обмундированием и обеспечением делали своё дело. Однако общественное самоуправления в казачьих поселениях не исчезало полностью, а в пореформенный период получило импульс для дальнейшего развития и совершенствования. Станичные сходы принимали решения по сохранению юртовых земель (то есть тех земельных участков, которые находились в собственности всего казачьего войска), давали согласие на проживание в посёлках переселенцев (или отказывали им в этом), ходатайствовали об открытии ярмарок в станицах (или наоборот, противодействовали их открытию в соседних крестьянских селениях). Ежегодно на станичных сходах происходили пределы сенокосных угодий, и решение принималось нередко после продолжительных и горячих споров, но к всеобщему согласию. В общем и целом можно сказать, что традиционные казачьи круги имели тенденцию к сближению с органами земского самоуправления, при сохранении собственно «казачьей» специфики. Сибирские казаки, как составная часть российского казачества, постепенно включались в эволюционный общероссийский процесс формирования гражданского общества на территории всего Сибирского региона.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ивонин А.Р., Колупаев Д.В. Казаки на Алтае в XVIII-XIX столетиях. – Барнаул, 2003.
2. История казачества Азиатской России. Т.1. – Екатеринбург, 1995.
3. Усов Ф. Статистическое описание Сибирского казачьего войска. – СПб., 1879.
4. Ключевский В.О. Сочинения. В восьми томах. Т.2. – М., 1957.

Краснобаева Н.Л.

К ВОПРОСУ О МИГРАЦИОННЫХ СВЯЗЯХ КАЗАХСТАНА И РОССИИ В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА: СПОРНЫЕ СЮЖЕТЫ, ОСОБЕННОСТИ ТРАКТОВОК

Тема миграций в различные исторические эпохи остается популярной среди исследователей. Не является исключением в этом отношении и территория России (Алтайского края) и Казахстана. В известном смысле вся история данного региона – это история заселения и освоения его территорий, которую можно представить в виде ряда миграционных волн.

При этом характеризуя миграционную составляющую, многие вопросы сохраняют свою актуальность по сей день, в частности проблема «спорных» территорий, исторические конфликты, вопросы национальной политики и др.

На продуцирование данных тем большое влияние оказывает:

1. Оценка ситуации и характер подачи материалов: здесь необходимо отметить особенности масс-медийного, политического и академического представления о миграции.

2. Взаимонепонимание: в одни и те же термины вкладывается различное толкование.

Существование различных точек зрения по тем или иным научным проблемам довольно часто может быть объяснено просто: они возникают из-за того, что для одних и тех же понятий используются разные, а для различных понятий применяются одинаковые термины [1]. Неоднозначность толкования влечет преувеличение – недооценку остроты проблемы и возможных путей ее решения.

3. Отношение к этническому фактору, его выпячивание, преувеличение его значения.

Указанные особенности приводят к различным трактовкам у российских и казахстанских исследователей одних и тех же сюжетов в истории, в частности при объяснении вопросов связанных с колонизационной политикой, миграционными волнами и людскими потерями.

Например, характеризуя политическую ситуацию XIX – начала XX века, российские ученые основные причины миграций указывают с точки зрения социально-экономических причин:

- большое количество свободных плодородных земель,
- низкая плотность населения,
- правительственный протекционизм в области колонизационной политики.
- переселенцам проживание в данных регионах представлялось едва ли не единственным способом выжить вследствие товарного и продовольственного голода, обрушившегося на центральные и западные губернии России.

Характеризуя вопросы миграции казахстанские авторы, выступают с «критикой» политики российских властей, выдвигают не имеющий подтверждения тезис, что именно в начале XVIII в. политика России в отношении Казахстана меняется, определяется устойчивая тенденция, направ-

ленная на поглощение казахских земель российским государством, которое происходит в течение конца XVIII и первой половины XIX века вплоть до начала 60-х годов XIX века и миграция здесь выполняет основную роль [2].

В результате была нарушена среда обитания казахов, тотальный захват земли, предназначенной для кочевий, унижение, русификация и др.

По утверждению Э.Ж. Валиханова, Россия не только полностью поглотила все казахские земли, но разрушила основы «казахской государственности». Так, уже с последней четверти XVIII в. «царизм широким фронтом осуществляет колонизацию Казахстана». Это в первую очередь захват земель на всей территории Казахстана, сопровождающийся военной колонизацией, наряду с которой осуществлялись административные меры, которые в совокупности укрепляли власть царизма в Казахстане [3]. В течение всего XIX в. продолжалось вытеснение кочевников с их земель, изъятие этих земель в пользу колониальной администрации, что приводит к ломке старых общественных отношений в казахском обществе [4].

Особенности и влияние миграционных процессов советского периода рассматриваются авторами преимущественно через призму принудительных перемещений населения в рамках репрессионных мероприятий власти.

Вероятными причинами использования такого подхода стал массовый характер принудительных миграций, проблемы доступа к необходимой информации и современная государственная политика, направленная на реабилитацию жертв репрессий.

Нами сделана попытка отойти от стереотипного видения миграционных процессов, как исключительно репрессионных, показать более сложный и разноплановый характер миграций, во всяком случае, до начала массовых репрессий, перекрывших другие формы механического движения населения.

Для качественной оценки вопроса были использованы различные группы источников, в частности, статистические документы – материалы переписей населения, 1897, 1926 гг., которые позволяют проанализировать основные направления и размеры внешней миграции населения Казахстана и России.

В силу геополитического положения Казахстан испытал мощное воздействие миграционных потоков, прежде всего из России, которые в значительной степени повлияли на ход этнодемографических процессов и обусловили своеобразие демографической ситуации.

Наиболее ярко это представлено на приграничных территориях (Северные территории Казахстана и Алтайский край), которые в с конца XVII до начала XX веков были административно объединены и входили в состав Сибирской губернии Западно-Сибирского генерал-губернаторства, затем Томской губернии.

На этих слабозаселенных землях первоначально сооружались крепо-

сти, редуты, пикеты и возникали военно-казачьи поселения. С развитием производств, здесь появились и первые городские поселения. После отмены крепостного права на земли, пригодные для сельскохозяйственного освоения, устремился массовый поток крестьян из Центральной России, Украины. Сюда же принудительно ссылали граждан, неугодных царскому правительству в силу различных причин. Значимую группу среди переселенцев составляли старообрядцы, отличавшиеся особой стойкостью и упорством в вопросах сохранения веры, традиций, обычаев и оказавшие определенное ассимилирующее воздействие на других мигрантов.

Так, по данным Переписи 1897 года в пяти губерниях Казахстана на 4931996 наличного населения приходилось 411343 неместных уроженцев (8,3%) [5]. При этом около 52 тысяч человек родились за пределами Казахстана [6].

Перепись свидетельствует об 12,6% родившихся за пределами Казахстана (от числа неместных уроженцев или 0,1% от всего населения Казахстана). Проводя и в этих цифрах корреляцию, следует указать на то, что материалы Переписи 1897 года уникальны, так как она проводилась по очень широкой программе. Её значение для науки несомненно, но огромный пласт статистических материалов до настоящего времени ещё недостаточно введен в научный оборот и или трактуется некорректно.

Так, сложно определить количество неместных уроженцев, в связи с тем, что Переписью фиксировалось только стационарное население, кочевники, меняя в течение года место пребывания, переписываться, могли несколько раз, тем более, что по данным источника этническую принадлежность неместного уроженца определить сложно.

При работе с представленными данными нужно учитывать особенности административного деления областей, так население Омского уезда вошло в состав Акмолинской области, население Пишпекского и Пржевальского уездов в Семиреченскую область, население Ташкентского уезда и Аму-Дарьинского отдела в Сыр-Дарьинскую область [7].

Использование материалов переписи, с учетом степени достоверности полученных фактов позволяет оценить процессы, повлиявшие на формирования населения Казахстана более объективно.

Таблица 1

Основные направления миграции пришлого населения по переписи 1897 года [8]

В какую губернию	Откуда (губернии)	Абс. число неместных уроженцев			Мигр. баланс
		муж	жен	всего	
Акмолинская	Полтавская	11562	10201	21763	21746

	Самарская	10049	9135	19184	19072
	Черниговская	5606	5060	10666	10655
	Тобольская	9243	9172	18415	8233
	Пермская	4733	4011	8744	7973
	Саратовская	3425	3090	6515	6488
	Пензенская	2789	2537	5326	5310
	Воронежская	2639	2388	5027	5007
Тургайская	Самарская	4179	4060	8239	8199
Уральская	Астраханская	7437	6509	13946	13065
	Самарская	8207	7082	15289	12111
	Казанская	3360	2325	5685	5593
Семиреченская	Воронежская	5746	5437	11183	11158

В числе пришлого населения преобладали уроженцы следующих губерний: Самарской (27423), Вятской (5027), Казанской (2431), Курской (2153) Саратовской (6515), Харьковской (3529), Черниговской (10666) Из Сибири – Тобольская (18415). В целом родившихся в губерниях Европейской России – 80,2% от всего числа неместных уроженцев, уроженцы Привислинских губерний – 0,4%, Кавказа – 0,8%, Сибири – 14,1%, Средней Азии – 3,6% [9].

На основании данных о неместных уроженцах можно наметить главные направления внутренней и внешней миграции в Казахстане. Их можно подразделить на крупные (с числом неместных уроженцев свыше 25 тысяч человек), средние (от 10 тысяч до 25 тысяч человек) и мелкие (от 5 тысяч до 10 тысяч человек) [10].

Для территории Казахстана основным является среднее направление миграции, которое включает перераспределение пришлого населения (миграция из Сибирских губерний) внутри Казахстана и отлив его в губернии Западной Сибири.

Ярким примером является Север Казахстана, большую часть населения которого составляли местные уроженцы – 83,2%, при чем значительно меньше их в городах – 4,3%. На долю переехавших в регион из других уездов приходилось 1,3%, уроженцев других губерний – 15,5%.

В составе неместного населения особенно высок процент уроженцев других губерний – 32,2% от общего числа городского населения, в Тургайской области он достигал – 65,5%. В числе пришлого населения преобладали уроженцы следующих губерний: Самарской (27423), Вятской (5027), Казанской (2431), Курской (2153) Саратовской (6515), Харьковской (3529), Черниговской (10666) Из Сибири – Тобольская (18415). В целом родившихся

в губерниях Европейской России – 80,2% от всего числа не местных уроженцев, уроженцы Привислинских губерний – 0,4%, Кавказа – 0,8%, Сибири – 14,1%, Средней Азии – 3,6% [11].

Особое место в Казахстане занимает Акмолинская область, принявшая наибольшее количество пришлого населения, в числе которого преобладали уроженцы следующих губерний: Полтавской (21763), Самарской (19184), Черниговской (10666), Пермской (8744), Воронежской (5027), Вятской (1240), Казанской (1271), Пензенской (1126), Таврической (1454). Из Сибирской только две – Тобольская (18415) и Томская, лежащая на границе (7538). Родившихся в губерниях Европейской России – 52% всего числа не местных уроженцев, уроженцы Привислинских губерний – 0,5%, Кавказа – 0,4%, Сибири – 36,3%, Средней Азии – 9,3%, Великого Княжества Финляндского – 0,02%, иностранных государств – 0,8% и не указавших места рождения – 0,7% [12].

Следует подчеркнуть, что распределение неместных уроженцев по уездам губерний Казахстана так же имело ряд особенностей. В Акмолинской губернии Омский, Кокчетавский и Петропавловский уезды включали наибольшее число уроженцев других губерний и государств в числе наличного населения. Наименьшее количество Акмолинский уезд (8,2%).

На Востоке Казахстана местные уроженцы составляют 93,7% населения региона, для городов данный процент ниже – 49,4%. Переехало в область из других уездов – 1,79%, из других губерний – 4,49%, в городах их число было 33,6%, в уездах – 1,97%.

В Семипалатинскую область в период с 1870-1897 года приток жителей был незначителен, большинство пришлого населения были уроженцами таких губерний: Воронежской (1949), Вятской (1240), Казанской (1271), Пензенской (1126), Таврической (1454). Из Сибирский только две – Тобольская (3483), Томская (7538). В губерниях Европейской России родилось 52,03% всего числа не местных уроженцев, уроженцы Привислинских губерний – 0,45%, Кавказа – 0,40%, Сибири – 36,25%, Средней Азии – 9,32%, Великого Княжества Финляндского – 0,02%, иностранных государств – 0,79% и не указавших места рождения – 0,74%.

В Западном Казахстане местные уроженцы составляли 86,3%, в городах – 57,3%. Уроженцев других уездов той же губернии на западе Казахстана насчитывалось 4,16%, уроженцев других губерний – 9,54%, уроженцев других государств – 0,01%.

Значительный процент переселенцев в Уральской губернии был из Европейской России (93,4%), особенно из Астраханской, Казанской и Самарской губерний [13].

Для Юга Казахстана население по месту рождения распределялось следующим образом: местные уроженцы (93,6%), при этом в городах – 72,2%

(данный показатель является самым высоким по Казахстану). На долю переехавших в область из других уездов приходилось 0,7%, тогда как уроженцев других губерний было 3,8%. Они в городах губернии составляли 18,5%, в уездах – 2,1%.

В числе пришлого населения наибольшее число составляли уроженцы следующих губерний: Воронежской (15099), Оренбургской (4424), Ферганской (3972), Пермской (3631), Саратовской (3095), Самарской (2240), Пензенской (1150) и Казанской (786). Из Сибирской только две – Приморской (5544), Тобольской (4139), 2633 человек из Бухары, 421 человек из Хивы. В целом, родившиеся в губерниях Европейской России составляют 28,4% всего числа не местных уроженцев, уроженцы Привислинских губерний – 0,2%, Кавказа – 0,3%, Сибири – 10,7%, Средней Азии – 13,0%. Особенностью юга Казахстана стало наличие на его территории значительного числа уроженцев Китая, которые в общей численности пришлого населения областей, составили 45,7%. Данная часть населения проживала в сельской местности (71,7%), в городе (28,3%) [14].

Таким образом, подавляющее большинство неместных уроженцев переселилось в Северный регион Казахстана. Основной контингент переселенцев составляли выходцы из Полтавской, Самарской, Черниговской, Тобольской, Пермской, Саратовской, Пензенской, Воронежской, Астраханской и Казанской губерний Европейской России.

Во второй половине XIX века наблюдается довольно интенсивное миграционное движение не только в Казахстан, но и обратные потоки в Российские регионы.

Так, из Акмолинской губернии в Тобольскую переселились 10182 человека, из Семипалатинской в Томскую губернию – 18841 человек [15].

Данные о соотношении мужчин и женщин среди переселенцев показывают, что в тех случаях, когда миграции населения соединяли соседние губернии (% был их невысок), число женщин могло превышать число мужчин. Возможно, переходя на постоянное место жительство в новую семью, женщина становилась неместной уроженкой. Однако, как правило, ввиду большей подвижности мужского населения число мужчин среди переселенцев несколько превышало число женщин. Это характерно для направлений, которые связывают отдаленные территории и различные губернии.

Анализ данных переписи позволяет сделать вывод о том, что особенностью Казахстана стало размещение пришлого населения в сельских регионах. Формируется новое земледельческое население в полуосвоенных или неосвоенных областях.

В начале XX века демографическая ситуация в Казахстане была нестабильной, что в значительной степени обуславливалось низким уровнем жизни населения (особенно земледельческого и скотоводческого), периодически повторяющимися неурожаями, джутами и слабо развитой системой здравоохранения. Важную роль сыграло и начавшееся в конце XIX в. переселение крестьян из центральных губерний России на восток страны, которое усилилось в годы столыпинских реформ.

На рубеже XIX-XX вв., земельные отношения в европейской части России обострились и царское правительство, стремясь сохранить в центре помещичье землевладение, попыталось разрешить аграрные противоречия за счет государственного стимулирования переселений крестьян из заселенных юго-западных и центральных губерний на юго-восточные окраины империи.

В отличие от предыдущего этапа переселений, когда государственная власть посредством различных мероприятий способствовала переселению тех семей, которые способны были вести собственное хозяйство и имели средний достаток, с начала XX века право на переселение получили все желающие независимо от имущественного положения.

Данный курс переселенческой политики получил правовое оформление в законах «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли» (от 12 марта 1903 года, 6 июня 1904 г., 10 марта 1906 г.). Они расширяли право переселения, освобождали потенциальных мигрантов от круговой поруки, уменьшили, а затем и полностью отменили выкупные платежи, гарантировали определенные социально-экономические льготы и материальные пособия для переселенцев [16].

Изданный П.А. Столыпиным указ «О праве выхода крестьян из общины на хутора» (от 9 ноября 1906) и «Правила о переселении на казенные земли», стали основой новой аграрно-переселенческой политики. Теперь крестьяне могли выйти из общины и, продав свои наделы, переселиться на свободные казенные земли Азиатской России. Первоначально крестьяне на новом месте получали по 30 десятин земли на каждого члена семьи, с начала XX века – по 10 десятин. Казаки по 25 десятин земли на душу, а в начале XX века – по 20 десятин [17].

Дестабилизирующим фактором стало землеустройство переселенцев. Перераспределение угодий, как и в других регионах, приводило к ломке не только традиционных форм землепользования и порядка кочевания, но и устоявшихся взаимоотношений общин между собой. В результате столыпинской реформы процесс изъятия земли (считавшейся государственной собственностью) у казахов-кочевников приобрел массовый характер и к 1914 году составил 40 млн. десятин, то есть 20% общей земельной площади региона [18].

Если за 36 лет (1870-1906) в Казахстане осело 521 тысяч человек, то за 7 последующих лет (1906-1914) – 714,4 тысяч. Общая численность переселенцев, осевших в Казахстане с 1870 по 1914 год, составила 1434,4 тысячи

человек [19].

По далеко не полным статистическим данным, на территории 4 областей – Акмолинской (47% мигрантов), Семипалатинской (11,4%), Тургайской (17,5%) и Уральской (7,2%) в 1906-1915 гг. переселились более 883 тысяч человек. В результате в 1914 году удельный вес казахов в них снизился до 58,5%, русских земледельцев возрос до 29,6% [20].

Использование дополнительных источников (данные Обзоров областей) подтверждает эту информацию, в частности, о масштабах и ритме переселенческого движения на Рудный Алтай можно судить по следующим данным. В Бухтарминском крае к 1915 году возникло 54 переселенческих поселка, из них в 90-е годы XIX века – 4; 1902 – 2; 1907 – 1; 1908 – 11; 1909 – 9; 1910 – 8; 1911 – 1; 1912 – 4; 1913 – 7; 1914 – 1; 1915 – 1 [21].

С 1897 по 1915 г. на территорию Южного Казахстана переселилось 225,6 тыс. человек, из них 118,5 тыс. – в Семиреченскую и 107,1 тыс. – в Сырдарьинскую области. К 1915 г. в областях было основано 190 переселенческих поселков, в которых насчитывалось 11 тыс. дворов [22].

Характер переселенческого движения и численный состав мигрантов различался по годам. Большинство переселенцев было зарегистрировано в 1908 году. Затем переселения пошли на убыль. В 1912 году в связи с неурожаем и голодом в отдельных регионах России наплыв переселенцев увеличился, а с началом первой мировой войны резко сократился.

В результате переселенческой политики Российской империи на территории Казахстана сложился пестрый национальный состав. Если до начала 70-х гг. XIX века основной контингент переселенцев были казаки, то со второй половины 90-х гг. XX века – крестьянская колонизация. В крае проживали представители около 60 национальностей, среди которых, кроме тюркоязычного населения (узбеки, уйгуры, киргизы, каракалпаки, башкиры и т.д.), были немцы, поляки, мордва, дунгане, таджики, евреи и др. Перед первой мировой войной общая численность населения Казахстана составила 5909,9 тысяч человек (5471,8 – сельского, 438,1 – городского) [23].

Миграционные процессы, отмеченные в материалах переписи 1926 года, оказали существенное влияние на формирование численности населения Казахстана, особенно в первой четверти XX века. В данном контексте миграции могут быть интерпретированы как процесс массовой реакции населения на изменяющуюся ситуацию. Эти качества миграций позволяют исследовать эволюцию общественного развития, дают возможность отследить все его повороты, очертить фазовые состояния и переходные периоды [24].

Материалы переписи 1926 года включали вопросы о миграции, но в полном объеме можно судить только о численности осевших. Ответы на вопросы переписного листа о продолжительности проживания и миграции населения при переписи были получены путем выборочного опроса.

По итогам переписи 1926 года, общая численность населения составила 6 503 тыс., в их числе 1 601 тыс. человек в момент переписи отмечено не в том населенном пункте, где они родились. Причем половину из них составляли крестьяне-переселенцы и коренное население, сменившее место жительства до 1916 года.

Таким образом, в декабре 1926 года было зарегистрировано свыше 800 тыс. неместных граждан, переехавших с 1916-го по 1926 год. Вновь прибывших оказалось на 638,8 тыс. больше, чем выехавших за пределы республики, то есть сложилось положительное сальдо миграции.

Большая часть из них переселилась из Центра, Поволжья, Украины; меньшая – из Сибири, Урала, Белоруссии, Средней Азии. Иммигранты из европейской части расселялись в районах богарного земледелия, степной и лесостепной зонах, которые по агроклиматическим условиям были близки к районам выхода мигрантов. К тому же, приехавшие из Европейской части России, поселялись среди русских и украинцев, попадая таким образом в близкую этническую среду.

Наибольшей миграционной подвижностью отличались Север, Восток и Запад Казахстана, где в Кустанайском округе (37,9%), Акмолинской (33,8%), Актюбинской (31,1%) и Семипалатинской (25,9%) губерниях отмечался наивысший процент мигрантов. Губернии Юга Казахстана оказались менее благоприятными для переселенцев. Здесь положительное сальдо было отмечено только в Сырдарьинской (14,3%) и Джетысуйской областях (22,2%).

По сравнению с данными переписи 1897 года, на территории Казахстана увеличилось количество переселенцев на Востоке и Западе, при этом наблюдается уменьшение доли переселенцев в составе населения на Севере Казахстана.

С 1921 по 1925 годы численность «неместных уроженцев» в Казахстане распределялась относительно равномерно, в 1926 году наметилось снижение: 1921-1923 годы – 53,8%; 1924 – 17,6%; 1925 – 16,3%; 1926 – 12,8%. Есть основание утверждать, что большинство «неместных уроженцев» - это люди, возвратившиеся на родину после периода голода 1921-1922 годов.

Подтверждением данного положения может служить то обстоятельство, что часть «неместных уроженцев» составляли казахи (31,4%) возвращающиеся на территорию Казахстана. Находясь в Казахстане свыше 3-х лет, они составляют самодеятельное население (42,2%), в основном занимающиеся сельскохозяйственной деятельностью.

Переписью было учтено 17,1% жителей, проживающих на месте прохождения переписи менее 2-х лет, что свидетельствует об устойчивости миграционных процессов.

Данная категория неместного населения, переехавшая в 1924-1926

гг. включала самодеятельное население: 37,3% рабочих, 24,7% хозяева одиночки и члены их семей, в основном занимающиеся сельскохозяйственной деятельностью (22,8%). В большинстве своем по национальному составу – русские (23,8%).

Неверно представлять миграционные связи Казахстана в 20-е годы как процесс односторонний. Казахстан не только получал переселенцев, но и жители Республики мигрировали в другие регионы страны.

Причины миграций были различными, в частности, возврат на обжитые места после войн и голода; переезд в другие регионы Казахстана, как часть внутренней миграции населения; переселение из сел в города, но для Казахстана этот процесс еще не приобрел того масштаба какой был в Центральных районах России. В значительной мере переселенческий поток в Казахстан перекрывался и обратным потоком. По мнению Галиева А.Б. обратный поток из Казахстана в 1926 году составлял 162,7 тысяч человек [25].

Данные переписи показали, что 24,6% населения республики проживает в месте постоянного места жительства не с рождения. Этот показатель в 2 раза выше среди горожан, чем среди сельских жителей. Имеются различия и по экономическим районам. Значения ниже среднереспубликанского показателя имеет Южный Казахстан, в населении которого только 16% неместных уроженцев. В то же время, в Северном Казахстане этот показатель выше – 34,8%.

Удельный вес мигрантов из СССР по республике составлял 56,6%, при этом переселившихся в сельскую местность – 82,4%. Из других стран за исследуемый период прибыло 2111 человек, подавляющее большинство из: Китая, Германии, Польши, Венгрии, Австрии. При этом более половины мигрантов составили выходцы из Китая, на втором месте, значительно уступая им, стоит поток из Австрии и Польши. Более половины мигрантов из этих стран расселились в Южном Казахстане (67,8%).

Национальный состав мигрантов представлен в основном двумя этническими группами: тюркской и славянской.

Анализ миграционных процессов по регионам страны выявил существенные региональные различия и показал тот факт, что в миграционном движении преобладал отток крестьян-переселенцев из Казахстана, а не приток в республику. Из распределения мигрантов по длительности проживания в 1926 году, видно, что мобильность всех поколений населения была невысока.

В этой связи можно отметить, что, миграционные процессы в первой половине 1920-х годов не могли существенным образом повлиять на увеличение численности населения Казахстана и носили спонтанный характер.

В 1926 году восстановительный период в Казахстане подошел к концу, в целом приблизив республику к уровню 1914 года. Численный рост основных национальностей основывался: на положительном сальдо миграции в результате превышения притока населения над оттоком с середины 20-х годов; расширение административных границ после образования автономной республики, а затем национально-территориальное размежевание в 1924 году; естественном приросте, превышение рождаемости над смертностью.

В результате численности этносов в республике изменилась, так, казахи в составе населения Казахстана в 1926 году составили 57,1% (в 1897 г – 81,8%), русские – 20% (в 1897 г. – 13,0%), прочее население – 22,9% (в 1897 г. – 5,2%).

В целом, анализируя результаты переписи 1926 года и проводя сравнительную характеристику ее материалов с переписями 1897, 1920, годов можно сделать следующие выводы:

Демографические и экономические процессы, происходившие на исследуемых территориях с 1897 по 1926 г., несли на себе отпечаток целого комплекса проблем, как явившихся следствием революции, Гражданской войны, голода, так и доставшихся последующим правительством в наследство от императорской России. Экономические проблемы и различные системы хозяйствования неизбежно создавали условия и побудительные причины для движения населения.

Мотивы таких миграций были различны, начиная от желания людей найти элементарное пропитание в более благополучном регионе (на их взгляд) и заканчивая принудительно-вынужденными миграциями, продиктованными условиями политики и поствоенного времени.

За исследуемый период сформировалось единое правовое, социально-экономическое и этнокультурное пространство, включающее сопредельные регионы России и Казахстана.

Изучение миграционного движения в данных регионах, выяснение причин возникновения этнической напряженности, этнической конфликтности, исторического анализа методов и форм их разрешения в настоящее время приобрело общественно-политическую актуальность и практическую значимость. Для более качественной оценки данных вопросов необходима исследовательская работа с источниками и умение анализировать представленный материал без политических пристрастий.

В этой связи, справедливо замечание Н. Мкртчяна: «Пока мы не научимся грамотно и корректно, с фактами в руках обсуждать серьезные проблемы в сферах политики, экономики, экологии, демографии, миграции, в обществе будут рождаться мифы и фобии, плодиться химеры массового сознания».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения. Три стадии миграционного процесса. – М., 2001. – С. 3
2. Нурпеисов К. Восстановление территориальной целостности Казахстана в XX в. // Казахстан и мировое сообщество. – 1996. – № 4. – С. 68-75; Несипбаева К. Современная англо-американская историография русской экспансии Центральной Азии и Казахстана // Евразийское сообщество: экономика, политика, безопасность. – 1997. – №.1. – С. 89-94; Шалгынбаева Ж. Миссионерская политика царизма в Казахстане // Абай. – 1998. – №.1.
3. Валиханов Э.Ж. Вопросы казахской государственности в XIX в. // Отан тарихы. – 2001. – №3. – С. 53.
4. Валиханов Э.Ж. О размещении кочевого населения на территории Казахстана в XIX веке // Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции «Демографические процессы на Урале, в Сибири, Средней Азии и Казахстане XIX-XX вв.». – Целиноград, 1991. – С. 82-84.
5. Неместный уроженец – человек сменивший место жительство.
6. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 81. Акмолинская область, Санкт-Петербург, 1904. – С. 2-3; Т. 87. Тургайская область, Санкт-Петербург, 1904. – С. 2-3; Т. 84. Семипалатинская область, Санкт-Петербург, 1905. – С. 2-3; Т. 85. Семиреченская область, Санкт-Петербург, 1905. – С. 2-3; Т. 86. Сыр-Дарьинская область, Санкт-Петербург, 1905. – С. 2-3; Т. 88. Уральская область. Санкт-Петербург, 1905. – С. 2-3.
7. Жумасултанов Т.Ж., Ибраев А.Т. Население Казахстана с древнейших времен до наших дней. – Алматы, 2000. – С. 13.
8. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 81. Акмолинская область, Санкт-Петербург, 1904. – С. 24-27; Т. 87. Тургайская область, Санкт-Петербург, 1904. – С. 18-21; Т. 88. Уральская область. Санкт-Петербург, 1905. – С. 22-25; Т. 85. Семиреченская область, Санкт-Петербург, 1905. – С. 24-27.
9. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 81. Акмолинская область, Санкт-Петербург, 1904. – С. 24-27; Т. 87. Тургайская область, Санкт-Петербург, 1904. – С. 18-21.
10. Тихонов Б.В. Переселения в России во второй половине XIX в. По материалам переписи 1897 года и паспортной статистики. – Москва, 1978. – С. 28.
11. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 81. Акмолинская область, СПб., 1904. – С. 24-27; Т. 87. Тургайская область, СПб., 1904. – С. 18-21.
12. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 81. Акмолинская область, СПб., 1904. – С. 24-27.
13. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 88. Уральская область. СПб., 1905. – С. 22-25.
14. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 85. Семиреченская область, СПб., 1905. – С. 24-27; Т. 86. Сыр-Дарьинская область, СПб., 1905. – С. 24-27.

15. Алексеенко Н.В. Население дореволюционного Казахстана (Численность, размещение, состав, 1870-1914 гг.). – Алма-Ата: Наука, 1981. – С. 68.
16. Скляров А.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. – Л., 1962. – С. 134-136.
17. История Казахстана: народы и культуры / Масанов Н.Э., и др. – Алматы, 2001. – С. 245.
18. Турсунбаев А.Б. Переход к оседлости кочевников и полукочевников Средней Азии и Казахстана // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. – Л., 1973. – С. 224.
19. Алексеенко Н.В., Алексеенко А.Н. Население Казахстана за 100 лет (1897-1997 гг.). – г. Усть-Каменогорск, 1999 г. – С. 27.
20. Жумасултанов Т.Ж., Ибраев А.Т. Население Казахстана с древнейших времен до наших дней. – Алматы, 2000 г. – С. 19.
21. Очерки истории Рудного Алтая. – Усть-Каменогорск, 1970. – С. 71.
22. Бекмаханова Н.Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIXв-1917 г.). – М.: Наука, 1986. – С. 161.
23. Алексеенко А.Н. Население Казахстана в 1920-1990 гг. – Алматы: «Гылым», 1993. –С. 5.
24. Зайончковская Ж.В. Россия: миграция в разном масштабе времени. // Научные доклады. Выпуск 1. – Москва, 1999. – С. 7.
25. Галиев А.Б. К истории миграции населения Казахстана // Вестник АН Казахской ССР. – 1979. – № 5. – С. 55.

Кумарова Б.М.

ТАТАРЫ-МИШАРИ В КАЗАХСТАНЕ – ПРОСТО ТАТАРЫ

Причиной обращения к этой теме послужила встреча с информаторами, которые были – «*татарами-мишарами*».

Когда я встретила первого информатора в 1999 году, я не придавала значения к этой терминологии, а когда второй раз встретила человека с интересной фамилией «Канцерова» и стала интересоваться историей происхождения фамилии, изучая материалы, я пришла к выводу, что на территорию нашей области тоже когда-то вместе с татарами переселились и татары-мишары.

Первый информатор, уроженка города Уфа Искандерова Сания Инаятовна (1941 г.р.) у себя на родине в Пензенской области по национальности числилась татарам-мишарам. *«Я по национальности татарка, но если точно сказать, то я и наши предки татары-мишари Пензенской области Кузнецкого района. Я в 1966 году приехала в Усть-Каменогорск, во-первых, как молодой специалист, во-вторых, в связи с замужеством. В Казахстане я*

по национальности стала – татаркой, потому что «татар-мишар» никто знает, а «татар» знают все. Поэтому я и моя мама, а также остальные родственники тоже стали просто «татарами» [1].

Информатор с 1975 года начала собирать сведения о родственниках, для составления генеалогического древа своего рода [2].

Древо Искандеровой составлено в виде цветной иллюстрации дерева, т.е. ствол, от ствола ветки с листьями. На стволах, ветках и на листьях написаны имена людей. По краям рамка, под деревом изображение животных: марала и медведя. В древо включены как мужские, так и женские имена. Древо висит у Искандеровой дома на стене и оформлено в раму под стеклом. Ниже на другой рамке о своей родословной С. Искандерова пишет так:

«В начале XVII в. три односельчанина, один из них мой прадед Яхья, другой – Шидла, третий – Исмай из Тюменской области переехали в Пензенскую область в Кузнецкий район в село Канадей на берегу речки Канада. И назвали это село Тат-Канадей, потому что чуть выше была еще одна река Мордовский Канадей.

У Яхьии, нашего предка, из многочисленных детей остался один сын – Шамсутдин. Он был высокого роста, плечист, мускулист – богатырского телосложения и физически силен. Обладал веселым характером, был общителен, сочиняли и рассказывал бягеты – так тогда называли стихи. Вот за все эти качества ему дали прозвище «Билан». С тех пор наш род носит прозвище «Билан-халкы» (выдержка из историй нашего рода написанной Зухрой Булатовой в 1977 г.).

Шамсутдин Булатов родился в 1787 г. в деревне Тат-Канадей Пензенской области Кузнецкого района. Прожил 113 лет, умер в 1901 году. На третьей жене – Рахиле женился в 75 лет, ей было 17 лет. У них было шестеро детей.

Записан со слов Алии Юсуповны Булатовой и Якуба Юсуповича Булатова в августе 1992 г. г. Уфа.

Собрала сведения и составила генеалогическое древо Сания Искандерова (дочь Алии Юсуповой) в г. Усть-Каменогорске Республики Казахстан (3-я ветвь с 1975 по 2014 гг.), которая видела и знала большинство родственников[1] [3].

Из записи родственницы Зухры Булатовой о семье Шамсутдина:

«…землю выделяли крестьянам по количеству людей мужского пола. А если в семье нет мужчин – они не могли получить долю земли и им приходилось зарабатывать на хлеб, нанимаясь на какие-либо работы.

У нашего деда Шамсутдина от трех жен было 11 сыновей и 5-ро дочерей. Итак, в семье, включая его самого, было 12 мужчин, и землю получили на 12 человек.

1. Стилистика автора сохранена

Изба его состояла из двух больших комнат. В передней жил он сам с двумя женами (первая жена умерла до женитьбы на второй) и малолетними детьми, а остальные члены семьи – сыновья, снохи и их дети жили в дальней комнате. Спали взрослые на деревянных кроватях, загороженных самотканными холстяными занавесками. Дети спали на полу летом, а зимой – на большой русской печке. Зимой в этой же комнате находились новорожденные телята, козлята и овечки.

Моя мать говорила, что когда она вышла замуж за нашего отца, семья деда состояла из 23-х человек, считая снох и их детей.

Мужской пол – взрослые – ухаживали за скотом, а женщины выполняли домашнюю работу. В магазинах тогда хлеб не продавали, так что ежедневно им приходилось печь хлеб, доить многочисленных коров, готовить завтрак, обед и ужин. Снохи выполняли по очереди – то сегодня, то завтра – другую работу.

Летом почти все работали в поле, а зимою женщины на самодельных станках ткали холст для одежды членов семьи.

Керосина и ламп тогда еще не было. В богатых домах освещали свечками, а в бедных – лучинками. На особых подставках над лоханкой прикрепляли лучинку и зажигали. За лучинками наблюдали 8-10-15-летние дети. Брат мой – Хасан – говорил, что – зима – длинные ночи – копоть от лучинок – хочется спать. Но нельзя спать – надо помогать матери наблюдать за горением лучинок. Мать, согнувшись над станком, ткала им рубашки, штанишки.

Крестьяне тогда летом работали в поле, а зимой, чтобы подработать, уезжали куда-либо искать работу, или ходили (или ездили) по сёлам и продавали чего-либо (дёготь или мелочи – иголки, нитки и т. п.). Дед заставлял моего отца заниматься торговлей – ездить по деревням с бочкой дёгтя и продавать крестьянам в розницу для смазки колёс телег» [1] [4].

В 2014 году в фонд музея-заповедника от жительницы г. Усть-Каменогорск Шевченко Каримы Равильевны поступили татарские женские костюмы: бархатный камзол, два платья, одно из саржи на хлопчатобумажной основе и второе платье шерстяное и два бархатных калфака. Один калфак-наколка украшена вышивкой речным жемчугом, а другой канителью. Кроме этого сдатчица дала несколько фотографии. Среди них большой интерес представляет подлинная фотография дореволюционного времени мечети города Зайсана.

К сожалению, данный информант мало знает о своем родословной и ни кто из родственников не занимался составлением генеалогического древа своего рода. Лишь совсем недавно внуку в школе дали задание по истории «составить генеалогическое древо своего рода» – вот тогда то и скудную информацию написали, говорит Карима Равильевна.

1. Стилистика автора сохранена

Отец сдатчицы уроженец города Зайсана – Канцеров Равиль Ахмеджанович, а его отец – Канцеров Ахмеджан Хусаинович в свое время служил в царской армии, семь лет был в плену во Франции, по возвращении домой работал развозчиком хлеба по магазинам. Канцерова Каттаюн – бабушка сдатчицы (1902-1942 гг.) не работала, была домохозяйкой. Мать сдатчицы – Канцерова Таскиря Вагизовна 1934 года рождения [5]. Из родословной Канцеровых:

Канцеров Ахмеджан Хусаинович (1892-1960 гг.).

Канцерова Каттаюн (1902-1942 гг.).

Канцеров Равиль Ахмеджанович (1928-1997 гг.) – трое детей.

Канцерова Рамзия Ахмеджановна (1922-2006 гг.) – работала в областной типографии линотипистом.

Канцеров Рафик Ахмеджанович (1924-1942 гг.) – участник Великой Отечественной войны, похоронен в селе Завидное на Украине.

Канцеров Рафхат Ахмеджанович (1933-1984 гг.) – работал на Усть-Каменогорском молочном заводе – двое детей.

Канцеров Габдулбар Ахмеджанович (1936-1976 гг.) – работал литейщиком на СЦК – двое детей [6].

Итак, как видим, в семье дедушки нашей сдатчицы было пятеро детей и, соответственно, у них свои дети были, за исключением Канцерова Рафика Ахмеджановича, который погиб в годы Великой Отечественной войны.

На мой вопрос, почему фамилия Канцеров, может какой-то другой национальности, сдатчица не смогла ответить, «*но что мы татары я в этом уверена*», сказала она. При оформлении материалов в фонды я стала изучать историю фамилии Канцеров. Оказалась эта одна из основных фамилий жителей татарских деревень мещеры-мищар. Поскольку их предки были служивыми татарами или тарханами, то фамилия возникла от производной – Хан Царя. Но в языке мищар буква х произносится крайне редко (порою в некоторых сёлах, вообще нет такой буквы), а вместо неё произносится буква К [7].

Кто они – татары-мишари? Это – субэтнос татар Среднего Поволжья и Приуралья (устар. мещеряки, тат. мишәр, mişər). Разговаривают татары – мишары на мишарском диалекте татарского языка, который относится к тюркской группе языков и отличается от казанско-татарского лишь некоторыми особенностями.

Единого мнения по происхождению этноса мишарей нет и существует несколько гипотез. Наиболее распространенной в конце XIXв. гипотеза была В.В. Вельяминова-Зернова о *мордовско-финском* происхождении мишарей, который считал, о том, что в бассейне Оки жило родственное мордве, тоже финского происхождения, племя *«мещера» (мочар, можар)*, отатарившейся частью которого и являются татары-мишари.

«Слово мочарин (и можар), - писал он, - сохранилось до сих пор в татарском имени «мишяр», которым называет себя часть татарского по языку населения (мещеряки) губерний: Нижегородской, Пензенской, Саратовской, Симбирской и Тамбовской, составляющие отатарившиеся остатки прежней мещеры (мочаров и можаров)» [8, 11].

А.Ф. Можаровский подкреплял гипотезу В.В. Вельяминова-Зернова топонимическими данными. Он находил, что топонимические названия с именем маджар в пределах бывшей Казанской губернии бытуют на правом горном берегу Волги, а именно в Тетюшском уезде [8, 12].

В 20-х годах XX века ученый С.П. Толстов выдвинул *мадьяро-венгерскую гипотезу* происхождения мишарей. Это гипотеза близка к гипотезе В.В. Вельяминова-Зернова в том, что С.П. Тостов тоже считает мишарей отатарившейся частью древней мещеры или мажар. Но, при этом он полагает, что *мажары* – не финская, а угорская народность, ответвлением которой являются мадьяры Венгрии [8, 12].

Буртасскую гипотезу происхождения татар-мишар выдвинул Ф.Ф. Чекалин. Автор гипотезы связывает «мещеру», упоминаемую в русских летописях XVI в. с буртасами IX-X вв. Эту же гипотезу поддерживает ученый Б.А. Васильев, утверждая, что этноним буртас вплоть до XVI века употреблялся как параллель этнонима *мещера*, переселившиеся сюда под давлением половцев, вторгшихся в южнорусские степи [8, 12].

Золотоордынскую теорию выдвинул дореволюционный исследователь Г.Н. Ахмаров (основываясь преимущественно на материалах нижегородских и симбирских татар), который считал, что мишари – это потомки населения Золотой Орды. При распаде Золотой Орды часть их под предводительством царевича Касыма в середине XV в. утвердилась на Оке. Оставшиеся в степи татары стали называть себя ногаями, и часть их в начале XVII в. (1612 год) пришла в места современного расселения нижегородских татар, в Алатырский уезд, вытеснила мордву и заняла их поселения. При этом он категорично утверждал, что в этих местах татар до этого не было. Ахмаров считал, что название «мишар» навязано татарам Поволжья мещерского формирования казанцами [9 интернет].

Все приведенные взгляды происхождения мишарей главным образом сводятся к тому, что основой, на которой сложилось татары мишари, являлось древнее племя. Одни считали его мещерой, якобы издревле проживавшей в бассейне верхней Оки, другие – угро-мадьярами (мажар), третьи называют его буртасами, которые представляются рано отюреченными уграми, называвшимися в позднейших летописях «мещерой» [8, 13].

В документах XIV-XV веков, мишари называются «мещеряками», а в более поздних XVI-XVII веков – под общим названием «татары». Расселение мишарей после включения этой территории в состав Московского государ-

ства связано с обустройством засечных линий:

В 1578 г. правительство основало засечную линию, которая шла вдоль реки Алатырь через Темников до Кадомской засеки. Тогда же была организована сторожевая служба по линии Алатырь-Арзамас-Темников. В связи с переводом сюда служилых татар правительство стало раздавать им по линии укреплений и вблизи нее поместья и переводило их туда на постоянное жительство.

Волна переселений служилых татар мишарей шла с запада на восток: Кадом – Арзамас – Алатырь – Курмыш – Симбирск. Одновременно с этим происходили переселения татар-мишарей в южном направлении в целях защиты от набегов кочевников. Заселение началось в 1636 году и продолжалось до окончания постройки линии, т. е. до 1648 г. Эти линии проходили так: Керенская, Ломовская, Инсарская, Потижская, Саранская и Атемарская. Сюда переселялись в основном татары-мишары из Темникова.

Расселение мишарей так же связано с вольной колонизацией земель. В XVI-XVII веках Дикое Поле было населено татарами-мишарями и засечные линии строились исходя из уже существующих селений и местное население вводилось в состав служилого сословия. Например, селения Лаки, Лауш, Чиуш и другие. В конце XVI века правительство переселяет часть мишарей на территорию Башкирии. Миграция на Урал с волжского правобережья активно продолжалась до середины XVIII века [9].

Спустя десять лет после образования линий военных поселений правительство решило провести засечную черту от Пензы через Мокшан к старой Инсарской черте, и создана была линия от Сызрани на запад, сначала по Симбирской, а потом по Саратовской губернии к Пензе. Это – второй путь расселения служилых татар-мишарей из районов Темниково на юг в пределы Пензенской и Саратовской губерний.

Большой процент татар-мишарей Ульяновской области приходится на Старо-Кулаткинский район, так как по дореволюционному административному делению этот район входил в Хвалынский уезд, поэтому татар-мишар здесь называют *хвалынскими*.

Татары-мишары правобережных районов Ульяновской области составляют *карсунскую* группу.

Другим центром значительного заселения мишарей в Пензенской области является Каменский район (бывший Чембарский уезд Пензенской губернии). Эту группу называют «алты авыл халкы», буквально «люди шести деревень». По преданиям местного населения, земли, принадлежавшие «алты авыл халкы», были пожалованы служилому татарину Арслану Палкаеву, который пересилил сюда из д. Мочалы Керенского уезда несколько семей. Так, эта группа Керенского уезда впредь называлась *керенской.*

На территории Мордовской АССР наиболее компактным районам расселения татар-мишарей является Лямбирский (*лямбирская* группа мишарей). Другая группа на территории Мордовии – *темниковская*.

Татаро-мишарские населенные пункты Инсарского и Рузаевского районов на территории Мордовии составляют *инсарскую* группу мишарей [8, 26].

В Чувашской АССР татарами-мишарями компактно заселена территория Батыревского и Комсомольского районов и составляют буинскую группу.

В *кузнецкую* группу входят татары-мишары Пензенской области Неверкинского и Кузнецкого районов. В поисках свободных земель мишарское население Пензенской губернии уходило и дальше на юг. Так, в смежных с Казахстаном южных районах Саратовской области (Новоузенского уезда Самарской губернии) недалеко друг от друга расположены четыре довольно крупных населенных пункта, основанных, по историческим сведениям и по преданиям, находящим свое подтверждение в названиях сел или, чаще, отдельных их частей, выходцами из Пензенской и Саратовской губерний. Прародину свою они до сих называют «Иске як» – «Старая, или прежняя, сторона». Село Сафаровка основано в 1842 году выходцами из села Пенделка (ныне Кузнецкого района Пензенской области).

С.В. Бахрушин в работе «Сибирские служилые татары в XVII веке» пишет о том, что служилые татары были втянуты в торговлю, «расположенных на торговых путях из Средней Азии в Европу. Они участвовали в караванах, ходивших из Тобольска в Китай, и Московское правительство иногда давало им ответственные торговые поручения в эту страну. К их содействию прибегали и калмыцкие государи» [10, 63].

«…правительство пользовалось служилыми татарами для различных поручений, требовавших знания местных условии и связей с туземным обществом. Их прикомандировывали к Посольствам, ходившим к азиатским государям, посылали с ними для продажи в Китай государевы товар, при их содействии вели переговоры. Особенно часто администрация прибегала к их содействию, когда в той или иной ясачной волости начиналась, «шатость» или «измена», в таких случаях они посылались уговаривать «непослушников отдать свои вины государю».

За свою службу служилые татары получали определенное денежное, а «некоторые из них сверх того и хлебное, жалованье». [10, 69].

Кроме постоянного жалованья « …получали время от времени экстраординарные награды за участие в боях (обычно один рубль за каждого убитого или взятого в плен неприятеля), а также подарки для их «иноземчества» в виде кусков матери [10, 69].

В результате неоднократных переселений на территории правобережных районов Среднего Поволжья образовалось несколько групп мишарей (сергачская, карсунская, лямбирская, инсарская, темниковская, керенская,

кузнецкая и буинская) отличающихся некоторыми особенностями в культуре и быту.

Предками цокающей группы татар-мишарей (кадомско-сергачской) были маджары (можары, мочары), обитавшие рядом с булгарами, рассеянные по многим районам Поволжья, Предкавказья. В период монголо-татарского господства они оказываются в верховьях Суры (Золотаревский могильник в Пензенской области, города Увек, Наровчат). Часть из них оказывается в Мещере (Кадом). Предками же чокающей группы (темниковской) были западные кипчаки-куманы с низовьев Волги [9].

В языке северных групп, например, буинской, преобладают элементы сергачской («цоканье»), а южных (кузнецкой, кулаткинской и др.) – элементы темниковской группы («чоканье»). Довольно самобытную культуру представляют лямбирские мишари. По языку они являются «чокающими», но по элементам быта нередко сближаются с сергачской группой [8, 27].

В период формирования татарской нации мишари потеряли ряд признаков субэтноса, в первую очередь – особое самосознание. Но даже во время переписи 1926 года около 200 тысяч человек ещё отнесли себя к самостоятельной «народности» – к «мишарям». Устойчивость этнонима «мишари» была связана с незавершенностью консолидации волго-уральских татар, в том числе и из-за полусословного характера группы мишарей в Приуралье. Кроме того, мишари имели и ряд языковых (особый диалект) и культурных особенностей (в частности, чокающие мишари не праздновали сабантуя и джиена, характерного для казанских татар). Однако в XX веке многие из этих различий исчезли или оказались сильно нивелированными. Сейчас этноним «мишэр» в основном сохраняется лишь как самоназвание второго уровня [9].

Итак, делая выводы по нашим информаторам выясняется вот, что: предки первого информатора Искандеровой Сании Инаятовны относятся к *кузнецкой группе* татар-мишар Пензенского района из села Тат-Канадей, которые в своем языке применяют «чоканье» характерные для темниковской группе.

Из записи Зухры Булатовой об истории названия реки Канадей пишет так:

«…я задала этот вопрос учительнице Зубайде Шакировне. Она ответила, что этот ручей, выходя из под горы, течет прямо, а часть воды на каких-то местах проливается на ту и другую стороны оврага, образуя вид крыльев – канаты. По-видимому, в течение веков букву «т» заменили более мягкой буквой «д» и получилось – Канады [4].

Предки второго информатора – Шевченко Каримы Равильевны, тоже татары мишары по происхождению фамилии (Канцеров по предположениям автора). Здесь не можем, какой группе татар мишар они относятся, потому что нет данных. На вопрос, как они попали в Зайсан, опять же можно

лишь предположить, что они попали в XVIII или в начале XIX века во время пути следования торговли с Китаем. По сведениям С.В. Бахрушина, как уже выше было изложено, «служилые татары были втянуты в торговлю». Многие русские купцы служилых татар брали с собой в качестве толмачей-переводчиков. Следовательно, предки Канцеровых, когда-то работали на торговых путях между Россией и Китаем через Казахстан, а именно через Зайсан и в одном из поездок в Китай, Канцеров решает обосноваться в городе Зайсане. Так пошли корни Канцеровых по Казахстану. Так, как на казахстанской земле татар-мишар не знали, а знали только – «татар», вот поэтому Канцеревы по национальности тоже числились как *«татары»*.

Таким образом, анализирую выше сказанное татары-мишари, как и все другие народности в поисках лучших земель и лучшей жизни переселялись еще в XVI-XVII веках, сначала на восток в Сибирь, затем в Казахстан XVIII и XX – веках. Так как местное население Восточного Казахстана не знали о татарах мишарах, они у нас стали просто «татарами».

Татары-мишари – это сложный этнокомплекс, сформировавшийся в основном до конца XVI века в пределах Мещеры, Мордовии, Нижегородского Поволжья. В нём выделяется древний кипчакский слой, участвуют булгарский, маджаро-буртасский, ногайский компоненты.

Язык мишарей относится к тюркской группе и отличается от казанско-татарского лишь некоторыми особенностями, позволяющими признать его диалектом татарского языка.

Если говорить об этнографических материалах мишар, то в них тоже видим общность культуры и быта этих двух групп Среднего Поволжья, с наличием некоторых определенных особенностей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Запись со слов информатора Иноятовой С.И. в 1999 г.
2. Иллюстрация родословной Булатовых составленная Иноятовой С.И. с 1975 по 2014 г.
3. Приложение к родословной Булатовых написанный С. Искандеровой в 2014 г.
4. Записи родственницы Зухры Булатовой. 1977 г.
5. Запись со слов информатора Шевченко К.Р. в апреле 2014 г.
6. Родословная Канцеровых составленная 2011 г.
7. Электронный ресурс: http://www.ufolog.ru/names/order
8. Мухамедова Р.Г. Татары-мишари. Историко-этнографическое исследование. – Москва: Издательство «Наука», 1972 г. – 246 с.
9. Электронный ресурс: http://www.wikipedia.org
10. Бахрушин С.В. «Сибирские служилые татары в XVII веке». Исторические записки. Том 1. – Москва, 1937 г.

Логинова Н.Н.

РАССЕЛЕНИЕ И ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ. В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

В настоящее время 13 финно-угорских народов России проживают на территории современной Республики Казахстан [1, 37]. Возможно, финно-угры, как и многие другие этносы, участвовали в становлении и функционировании не только современного Российского государства, но сыграли определенную роль и в развитии Республики Казахстан. Финно-угры до настоящего времени сохранили свой этнический облик, язык и культуру, но, к сожалению, на рубеже XX-XXI вв. у многих этносов усилились негативные процессы, в частности девальвация этнического своеобразия и национального самосознания. Значительную роль в этом сыграли изменения в расселении и численности финно-угорских народов.

Казахстан на протяжении своего исторического пути был транзитным районом для многих окружавших его народов. Его большие пространства были слабо заселены и экономически мало освоены. До начала XX в. географическое положение Казахстана было неудобным и невыгодным, а его территория находилась довольно далеко от плотно заселенных территорий и экономически развитых регионов России. Однако страна оказалась на стыке многих цивилизаций, а по её территории прошли основные «цивилизационные разломы».

В середине XIX в. территория современного Казахстана полностью вошла в состав Российской Империи. На юге страны были построены крепости-поселения. Начался процесс вовлечения региона в экономику российского государства. Малозаселенные земли привлекали население не только из регионов Урало-Поволжья, но и из Центральной России. К 1917 г. наиболее заселенными и освоенными районами Казахстана оказались его северные и южные территории, т. е. те, которые были заселены мигрантами из России. Северные и южные окраины Казахстана активно заселялись славянами, финно-уграми, татарами, чувашами, башкирами и т. д. В XX в. промышленное производство стало причиной развития городов и роста численности городского населения Казахстана. Республика все больше становилась полиэтничной.

В 1999 г. в Казахстане была проведена первая национальная перепись населения. Она показала, что численность населения уменьшилась на 1 246 тыс. и составила 14 953,1 тыс. чел. [4, 4]. Особенно сильно уменьшилась численность населения в северных и центральных областях страны. Главная причина уменьшения числа жителей – миграционный отток. Средняя плотность населения в стране составила 5 чел на 1 км². Более 10 чел на 1 км² отмечается в промышленных регионах севера и востока страны, а также в земледельческих районах юга. Полупустынные и пустынные области в центре и на западе почти не заселены из-за суровой специфики местных природных условий.

В 2009 г. в Казахстане была проведена вторая перепись населения. Она зафиксировала увеличение численности всего населения до 16 009,6 тыс. чел., но в то же время значительное абсолютное и относительное сокращение финно-угорских народов (табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности населения Республики Казахстан [1, 4-23]

Показатель	1970 г.	1979 г.	1989 г.	1999 г.	2009 г.
Численность населения, млн чел.	13,0	14,7	16,2	14,9	16,0
Численность финно-угорских народов, чел.	69225	66524	65259	36351	21526
Доля финно-угорских народов, %	0,53	0,45	0,40	0,24	0,13

По переписи населения 1979 г. доля казахов достигала 36,0%, в 1989 г. – 39,7%, в 1999 г. – 53,7%, 2009 г. – 61,1% от общей численности, постоянно проживающего в Республике Казахстан населения. С 1990 по 2013 гг. из страны выехало около 2 млн русских и 600 тыс. немцев.

К многочисленным финно-угорским народам на территории Казахстана, численность которых превышает 1 000 чел., по переписи 2009 г., относятся мордва, удмурты и марийцы. Эстонцы, коми-пермяки и карелы насчитывают от 500 до 1 000, ханты, финны и венгры от 100 до 500, манси, коми, вепсы и ижорцы имеют численность до 50 чел.

В настоящее время финно-угорский мир Республики Казахстан представляют народы, которые широко расселены по территории республики и имеют заметные различия в показателях демографической динамики. Важнейшим из них является динамика численности населения. Согласно табл. 2, в течение с 1970-2009 гг. численность финно-угорских народов Казахстана изменялась неодинаково. Для большинства из них была характерна тенденция сокращения, исключение составили два народа – манси (их число возросло в 2,5 раза) и ханты (рост в 12 раз). В целом за период с 1970 по 2009 г. численность финно-угорских народов Республики Казахстан сократилась на 47 699 чел., или на 68,9%, а доля – с 0,53% до 0,13%.

Таблица 2

Демографическая динамика финно-угорских народов Республики Казахстан, чел. [1, 4-23]

Народ	1970 г.	1979 г.	1989 г.	1999 г.	2009 г.
Прибалтийско-финские народы					
Вепсы *(вепсь, вепся, людики, «чудь»)*	27	33	44	30	1
Ижора *(ижорцы, изури, ингры)*	3	19	5	15	1
Карелы *(карьялайзет, карьялани)*	688	639	742	411	518
Финны *(суомалайсет)*	1259	1074	987	547	373
Эстонцы *(эсты, зэстласед)*	4083	3505	3329	1819	986
Поволжские финно-угорские народы					
Марийцы *(маар, мари, марий, черемисы»)*	9089	10589	11912	6495	4416
Мордва *(мокшэрзят)*	34315	31403	29157	16145	8013
Пермские финно-угорские народы					
Коми *(коми морт, коми войтыр, «зыряне»)*	1538	1345	1237	387	15
Коми-пермяки *(коми отир, коми йоз)*	1556	1777	1562	935	561
Удмурты *(одморт, одмурт, удморт, «вотяки»)*	15786	15460	15520	9095	5824
Угорские народы					
Манси *(маньси, мень-дси, моансь, «вогулы»)*	14	36	37	8	32
Ханты *(хантэ, ханти, хандэ, «остяки»)*	35	49	53	24	429
Венгры *(мадьяры)*	832	595	674	440	357
Финно-угорские народы (всего)	69225	66524	65259	36351	21526
Прирост (+), Убыль (-)	—	-2701	-1265	-28908	-14825

Расселение финно-угорских народов на территории Республики Казахстан на рубеже XX-XXI вв. отражает табл. 3. Процесс расселения этносов оказался под влиянием многих факторов, важнейшими из которых были процессы ассимиляции, миграции и депопуляции. Это стало результатом национальной политики в стране, а также влияния определенных социальных, экономических и миграционных условий [3, 3-4].

Таблица 3

Расселение финно-угорских народов Республики Казахстан в 1999 г. [4, 4-23; 3, 8-10].

Народ	Ареал расселения (чел.)	
	в Казахстане	за рубежом
Вепсы *(вепсь, вепся, людики, «чудь»)*	Акмолинская обл. (1), Актюбинская (3), Алматинская (2), Карагандинская (10), Костанайская (2), Кызылординская (1), Северо-Казахстанская (1), Южно-Казахстанская (1), г. Астана (7), г. Алматы (2)	Россия
Ижора *(ижорцы, изури, ингры)*	Атырауская обл. (1), Костанайская (1), Карагандинская (2), Павлодарская (2), Южно-Казахстанская (2), г. Астана (6), г. Алматы (1)	Эстония, Россия
Карелы *(карьялайзет, карьялани)*	Акмолинская обл. (42), Актюбинская (19), Алматинская (9), Атырауская (1),Восточно- Казахстанская (20), Жамбылская (6), Западно-Казахстанская (9), Карагандинская	Украина, Белоруссия, Эстония, Финляндия, Россия.
	(75,) Костанайская (84), Мангистауская (1), Павлодарская (30), Северо-Казахстанская (23), Южно-Казахстанская (32), г. Астана (23), г. Алматы (36)	

Финны *(суомалайсет)*	Акмолинская обл. (42), Актюбинская (10), Алматинская (33), Атырауская (2), Восточно-Казахстанская (49), Жамбылская (24), Западно-Казахстанская (8), Карагандинская (146), Костанайская (60), Кызылординская (3), Мангистауская (2), Павлодарская (74), Северо-Казахстанская (28), Южно-Казахстанская (15), г. Астана (15), г. Алматы (36)	Республика Финляндия, Канада, Норвегия, США, Швеция, Россия.
Эстонцы *(эсты, зэстласед)*	Акмолинская обл. (179), Актюбинская (50), Алматинская (125), Атырауская (7), Восточно-Казахстанская (319), Жамбылская (55), Западно-Казахстанская (26), Карагандинская (427), Костанайская (93),	
	Кызылординская (2), Мангистауская (12), Павлодарская (98), Северо-Казахстанская (112), Южно-Казахстанская (54), г. Астана (116), г. Алматы (144)	Эстонская Республика, Латвия, Украина, Австралия, Канада, США, Швеция, Россия.
Марийцы *(маар, мари, марий, «черемисы»)*	Акмолинская обл. (1377), Актюбинская (437), Алматинская (112), Атырауская (32), Восточно-Казахстанская (206), Жамбылская (91), Западно-Казахстанская (182), Карагандинская (1165), Костанайская (1236), Кызылординская (124), Мангистауская (50), Павлодарская (554), Северо-Казахстанская (420), Южно-Казахстанская (192), г. Астана (195), г. Алматы (114)	Россия, Украина.

Мордва *(мокшэрзят)*	Акмолинская обл. (1662), Актюбинская (581), Алматинская (587), Атырауская (42), Восточно-Казахстанская (658), Жамбылская (347),	Россия, Украина, Узбекистан, Киргизия, Белоруссия, США, Канада, Австралия
	Западно-Казахстанская (1090), Карагандинская (4097), Костанайская (2852), Кызылординская (101), Мангистауская (112), Павлодарская (1304), Северо-Казахстанская (1025), Южно-Казахстанская (672), г. Астана (260), г. Алматы (756)	
Коми *(коми морт, коми войтыр, «зыряне»)*	Акмолинская обл. (42), Актюбинская (9), Алматинская (30), Атырауская (3), Восточно-Казахстанская (38), Жамбылская (13), Западно-Казахстанская (20), Карагандинская (61), Костанайская (59), Мангистауская (3), Павлодарская (38), Северо-Казахстанская (15), Южно-Казахстанская (10), г. Астана (7), г. Алматы (39)	Украина, Финляндия, Россия.
Коми-пермяки *(коми отир, коми йоз)*	Акмолинская обл. (150), Актюбинская (6), Алматинская (32), Атырауская (1), Восточно-Казахстанская (28),	Россия, Украина
	Жамбылская (15), Западно-Казахстанская (24), Карагандинская (74), Костанайская (248), Кызылординская (1), Мангистауская (1), Павлодарская (134), Северо-Казахстанская (140), Южно-Казахстанская (16), г. Астана (23), г. Алматы (45).	

Удмурты *(одморт, одмурт, удморт, «вотяки»)*	Акмолинская обл. (1748), Актюбинская (188), Алматинская (233), Атырауская (35), Восточно-Казахстанская (222), Жамбылская (137), Западно-Казахстанская (392), Карагандинская (1252), Костанайская (2309), Кызылординская (35), Мангистауская (103), Павлодарская (975), Северо-Казахстанская (886), Южно-Казахстанская (107), г. Астана (256), г. Алматы (212)	_
Манси *(маньси, мень-дси, моансь, «вогулы»)*	Карагандинская обл. (2), Костанайская (3), Павлодарская (1), Северо-Казахстанская (2)	—
Ханты *(хантэ, ханти, хандэ, «остяки»)*	Алматинская обл. (2), Восточно-Казахстанская (2), Жамбылская (1), Карагандинская (4), Костанайская (5), Кызылординская (1), Павлодарская (1), Северо-Казахстанская (3), Южно-Казахстанская (1), г. Астана (1), г. Алматы (3)	_
Венгры *(мадьяры)*	Акмолинская обл. (66), Актюбинская (23), Алматинская (2), Атырауская (7), Восточно-Казахстанская (26), Жамбылская (27), Западно-Казахстанская (2), Карагандинская (56), Костанайская (78), Кызылординская (5), Мангистауская (1), Павлодарская (21), Северо-Казахстанская (46), Южно-Казахстанская (13), г. Астана (16), г. Алматы (51)	Венгрия, Австрия, Германия, Канада, Румыния, Сербия, Словакия, США, Украина, Россия.

Финно-угорские народы Республики Казахстан в основном представлены поволжскими (марийцы и мордва) и пермскими (удмурты) народами.

В 2009 г. их общая численность составила 18 253 чел., или 84,8 % от общего числа финно-угров (см. табл. 2).

Современная численность и особенности расселения финно-угорских народов Республики Казахстан приведены ниже:

1. Прибалтийско-финские народы

Вепсы. Это коренной малочисленный народ Российской Федерации. Ареал традиционного расселения вепсов – юго-западное побережье Онежского озера (Республика Карелия), северо-восточные районы Ленинградской и северо-западные районы Вологодской областей России. В Республике Казахстан в 1970 г. их насчитывалось 27 чел., в 1989 г. – 44 чел., а в 2009 г. – 1 чел. (табл. 2), при этом он был городским жителем.

Ижорцы. Местом традиционного расселения ижорцев служит Ингерманландия, которая простирается к западу от Санкт-Петербурга до границы с Эстонией и к северу – до Карельского перешейка между Ладожским озером и Финским заливом. Большая часть ижорцев живет в Эстонии. В России они проживают преимущественно в Ломоносовском и Кингисеппском районах Ленинградской области., в деревнях Сойкинского полуострова и нижнего течения р. Луги. Ижорцы являются коренным малочисленным народом Российской Федерации. В Республике Казахстан в 1970 г. их численность составляла 3 чел., в 1989 г. – 5 чел., в 2009 г. – 1 чел. (см. табл. 2). В городах проживал 1 чел. (100%).

Карелы – коренное население Республики Карелия. Свой язык называют «карьяла», а себя – «*карьялайнен*». Проживают в Тверской (тверские, или верхневолжские карелы), в Ленинградской, Мурманской, Московской, Архангельской, Новгородской, Вологодской, Кемеровской, Свердловской и других областях России, а также в г. Санкт-Петербурге и Москве. За пределами России карелы живут на Украине, в Беларуси, Эстонии. Много их в Финляндии. Карелы владеют русским, карельским и финским языками. В Республике Казахстан в 1970 г. их было зафиксировано 688 чел., в 1989 г. – 742 чел., в 2009 г. – 518 чел. (см. табл. 2). В городах проживало 247 чел. (47,7%), в сельской местности – 271 чел. (52,3%).

Финны. Помимо Республики Финляндия, славящейся красотами своей природы, они проживают в Канаде, Норвегии, США, Швеции. В России самая многочисленная и компактная группа финнов представлена в Республике Карелия, в Ленинградской области и г. Санкт-Петербурге. В Республике Казахстан в 1970 г. их насчитывалось 1 259 чел., в 1989 г. – 987 чел., в 2009 г. – 373 чел. (см. табл. 2), причем в городах проживало 293 чел. (78,5%), в сельской местности – 80 чел. (21,5%).

Эстонцы. Большинство эстонцев проживают в Эстонской Республике. Много их в Латвии и на Украине. В результате эмиграции, происходившей главным образом в первой половине XX в., они расселились в Австра-

лии, Канаде, США и Швеции. На территории России эстонцы проживают в Красноярском крае, Омской, Ленинградской, Новосибирской, Псковской областях, а также в г. Санкт-Петербурге и Москве. В Республике Казахстан в 1970 г. их было 4 083 чел., в 1989 г. – 3 329 чел., а в 2009 г. – 986 чел. (см. табл. 2), среди них горожан – 674 чел. (68,4%), селян – 312 чел. (31,6%).

2. Поволжские финно-угорские народы

Марийцы. Традиционно проживали в устье Оки и верховьях Ветлуги. Большинство марийцев живет в Республике Марий Эл. Компактно они расселены также в Республиках Башкортостан, Татарстан, Удмуртия, в Кировской и Свердловской областях Российской Федерации. В Республике Казахстан в 1970 г. их численность составляла 9 089 чел., в 1989 г. – 11 912 чел., а в 2009 г. – 4 416 чел. (см. табл. 2), среди них горожан – 2 135 чел. (68,4%), селян – 2281 чел. (31,6%).

Мордва – самый многочисленный народ финно-угорской языковой группы в Российской Федерации и Республике Казахстан. Мордовский этнос отличается сложной этнической структурой и состоит из двух субэтносов – эрзя и мокша (самоназвания), каждый из которых имеет свой язык, особенности в расселении, культуре и антропологическом облике. Мордва компактно расселена в республиках Мордовия, Башкортостан, Татарстан и Чувашия, в Самарской, Пензенской, Ульяновской, Рязанской, Оренбургской, Нижегородской, Московской, Челябинской, Саратовской, Свердловской, Тюменской областях, в Красноярском крае Российской Федерации. Много мордвы живет на территории Сибири и Дальнего Востока. Представители мордовского этноса проживают на Украине, в Узбекистане, Киргизии, Белоруссии, а также в США, Канаде и Австралии. На территории Республики Казахстан ещё в 1926 г. было зафиксировано 27 230 чел. мордовской национальности. В большинстве своем мордва размещалась в северных регионах республики. Принцип расселения не изменился и в последующие годы, в тоже время значительные группы мордвы освоили области Южного и Центрального Казахстана (табл. 4). 1970 г. их проживало 34 315 чел., в 1989 г. – 29 157 чел., в 2009 г. – 8 013 чел. (см. табл. 2), причем в городах – 4 835 чел. (60,3%), в сельской местности – 3 178 чел. (39,7%).

Таблица 4

Расселение мордвы по областям Республики Казахстан, %

Регион	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	1999 г.
Актюбинская	3,2	-	3,2	3,5	3,7	3,6
Алматинская	7,6	-	3,3	3,6	3,6	3,7
Акмолинская	-	-	-	-	-	10,3
Атырауская	-	-	-	-	-	0,3
Восточно-Казахстанская	8,6	3,9	2,5	2,3	2,3	4,1
Жамбылская	3,3	-	3,4	3,6	3,3	2,1
Западно-Казахстанская	-	-	-	-	-	6,7
Карагандинская	13,2	19,6	18,1	19,0	19,2	25,4
Костанайская	4,6	11,1	11,8	12,2	13,3	17,7
Кызылординская	3,8	-	2,3	1,8	1,9	0,6
Мангистауская	-	-	0,9	1,2	1,4	0,7
Павлодарская	4,5	-	6,0	6,4	6,5	8,1
Северо-Казахстанская	9,3	3,7	3,7	3,4	3,2	6,3
Южно-Казахстанская	-	-	-	-	-	4,2
г. Астана	-	-	-	-	-	1,6
г. Алматы	5,9	-	5,1	5,2	5,6	4,6

3. Пермские финно-угорские народы

Коми – коренное население Республики Коми (коми йоз). В России они проживают также в Архангельской, Мурманской и Тюменской обл., Ненецком АО, Ханты-Мансийском АО – Югре и г. Санкт-Петербурге. В Республике Казахстан в 1970 г. их насчитывалось 1 538 чел., в 1989 г. – 1 237 чел., в 1999 г. – 387 чел., в 2009 г. – 15 чел. (см. табл. 2), из них в городах проживало 9 чел. (60,0%), в сельской местности – 6 чел. (40,0%). Коми родственны коми-пермякам и удмуртам. Некоторые исследователи считают коми и коми-пермяков единым народом.

Коми-пермяки проживают в основном в Пермском крае, Республике Коми, Тюменской, Свердловской, Ростовской обл., в Ханты-Мансийском АО, Краснодарском крае Российской Федерации. Коми-пермяков много на Украине. В Республике Казахстан в 1970 г. их проживало 1 556 чел., в 1989 г. – 1 562 чел., в 1999 г. – 935 чел., а в 2009 г. – 561 чел. (см. табл. 2). В городах – 251 чел. (44,7%), в сельской местности – 310 чел. (55,3%).

Удмурты. Большинство удмуртов проживает в Удмуртской Республике, республиках Башкортостан и Татарстан, в Кировской, Пермской и Свердловской обл. Российской Федерации. В Республике Казахстан в 1970 г. было отмечено 15 786 чел., в 1989 г. – 15 520 чел., в 1999 г. – 9 095 чел., в 2009 г. – 5 824 чел. (см. табл. 2). В городах их проживало 2 454 чел. (42,1%), в сельской

местности – 3 370 чел. (57,9%). Удмурты заселили северные регионы Казахстана – Костанайскую (25,4%), Акмолинскую (19,2%), Карагандинскую (13,8%) и Павлодарскую обл. (10,8%).

4. Угорские народы

Манси – коренной малочисленный народ Российской Федерации. Манси являются западными соседями хантов и вместе с ними составляют коренное население Ханты-Мансийского АО – Югры. Незначительное число манси живет на северо-востоке Свердловской обл. и в Ямало-Ненецком АО. В Республике Казахстан в 1970 г. их насчитывалось 14 чел., в 1989 г. – 37 чел., в 2009 г. – 32 чел. (см. табл. 2). В городах проживало 14 чел. (43,8%), в сельской местности – 18 чел. (56,2%).

Ханты являются коренным населением Западной Сибири, сосредоточенным в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком АО, Томской и Свердловской обл. Российской Федерации. В Республике Казахстан в 1970 г. их численность составляла 35 чел., в 1989 г. – 53 чел., в 2009 г. – 429 чел. (см. табл. 2). В городах их проживало 218 чел. (50,8%), в сельской местности – 211 чел. (49,2%).

Венгры – самый многочисленный среди финно-угорских народов мира. Помимо Венгерской Республики они широко представлены во многих европейских странах, а также в Канаде и США. В России венгры проживают в Краснодарском и Ставропольском краях, Тюменской области, Республике Коми, в г. Москве. В Республике Казахстан в 1970 г. их насчитывалось 832 чел., в 1989 г. – 674 чел., в 2009 г. – 357 чел. (см. табл. 2), причем в городах – 203 чел. (56,9%), в сельской местности – 154 чел. (43,1%).

При существующих темпах снижения численности все финно-угорские народы и языки Казахстана попадают в состав тех, над которыми нависла угроза исчезновения. Причины сокращения численности финно-угорских народов Казахстана не являются уникальными. Одно из приоритетных направлений по недопущению этого – работа в области увеличения показателей рождаемости и снижения смертности. Важную роль имеет социальная работа – борьба с алкоголизмом, наркоманией, суицидом и др. Большое значение имеют социально-экономическое обустройство мест компактного проживания казахстанских финно-угров и развитие их этнокультурного потенциала.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Итоги Национальной переписи населения 2009 года в Республике Казахстан. – Астана, 2010 г. – 292 с.
2. Логинова Н.Н. Демографическая динамика финно-угорских народов России // Н. Н. Логинова, Н.А. Кильдишова, И.А. Семина, В.Н. Куманев // Вестник НИИ Гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия 2013, – №3 (27), С. 7-20.
3. Логинова Н.Н. Финно-угорские народы: социокультурные особенности развития / Н.Н. Логинова, Т.П. Реброва, В.С. Афанасьев. Учебное пособие. – Саранск, 2013. – 84 с.
4. Логинова Н.Н. Финно-угорские народы мира и России: геодемографический аспект // Н.Н. Логинова, М.А. Жулина // Финно-угорский мир. – 2011. – 2/3 (8/9). – С. 75-81.

Лысенко Ю.А., Анисимова И.В.

ИРТЫШСКАЯ ДЕСЯТИВЕРСТНАЯ ПОЛОСА КАК ОСОБАЯ ЗОНА РУССКО-КАЗАХСКИХ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ

В первой четверти XVIII в. Российская империя начала активное продвижение в южно-сибирском направлении, сопровождавшееся военно-экономическим закреплением в регионе. Результатом стало создание на правобережье Иртышской укрепленной линии, гарнизоны крепостей которой комплектовались казаками, солдатами драгунских полков, пехотных и стрелковых команд и их семьи, высланными на линию для крепостных работ так называемыми «колодниками», а также крестьянством [1]. Падение Джунгарского ханства активизировало передвижение казахов Среднего жуза из Семиречья и района Сыр-Дарьи в прииртышские степи.

Взаимная заинтересованность кочевого и русско-казачьего населения в прииртышских территориях, достаточно богатых ресурсами, пригодными как для занятия земледелием, так и для пастьбы скота делала их конкурентами в вопросе землепользования. Отсутствие правового механизма, регламентировавшего этот процесс, выступало фактором межэтнической напряженности в регионе. Поэтому командующий Сибирской пограничной линией генерал-порутчик И.И. Шпрингер в 1765 г. издал указ, предполагавший формирование своего рода буферной зоны между казахскими кочевьями и землями, занятыми русским казачьим и крестьянским населением по руслу Иртыша. В рамках этого указа русскому населению запрещалось занимать территории по правобережью реки в «40 верстах внутрь линии укреплений», а коменданту Омской крепости рекомендовалось не подпускать казахов к Иртышу ближе десяти верст. Позднее, эта инструкция была распространена на всю Иртышскую линию и, таким образом, были заложены основы «десятиверстной полосы» [2].

Большинство дореволюционных исследователей истории Сибирского казачьего войска считали создание иртышской десятиверстной полосы вынужденной и адекватной мерой региональной власти, предпринятой в ответ на враждебные действия казахов [3]. И.И. Шпрингер исходил из того, что

создание десятиверстной полосы позволит поставить под контроль миграционное движение кочевников и регулировать его. Это в свою очередь должно было способствовать стабилизации межэтнической обстановки в регионе и росту производительности крестьянских хозяйств, призванных обеспечить продовольственным снабжением сибирское казачество. Создание десятиверстного пространства, безусловно, стало возможным благодаря усилению военного присутствия Российской империи в Прииртышье и Южном Алтае. Проведение иртышской линии, а затем и полосы, означало также расширение и установление новых границ Российской империи в Южной Сибири.

В районе десятиверстной полосы, протянувшейся от Звериноголовской на западе до Бухтарминской крепостей на востоке, был создан военный режим пограничного контроля. Переходить Иртыш можно было только с разрешения командующего Сибирской военной линией. Русское население на правом берегу реки получало возможность временно пользоваться казенными пастбищами и сенокосными угодьями только в той местности, которую ему определяло руководство линии. И только в 1773 г. по указу Екатерины II было позволено проживавшим на линии казакам, драгунским солдатам и вышедшим в отставку военнослужащим, независимо от казенных пашен и сенокосов, получать земельные наделы «в собственное их пользование всего по шести десятин на мужскую душу» [4].

В 60-80 гг. XVIII в., несмотря на запрет, наблюдался приток казахского населения в районы Прииртышья, увеличивалось число просьб со стороны родоправителей и султанов о пропуске их на линию. В 1788 г. правительство официально разрешило казахам переходить через Иртышскую полосу на правобережье для постоянной кочевки. Через десять лет данное разрешение было подтверждено вновь специальным указом «О даче убежища переходящим из Средней киргиз-кайсацкой орды вступающим в российское подданство султанам и старшинам с их кибитками» [5]. В 1823 г. на правобережье перешло около 25400 казахов. На наш взгляд, разрешение перехода казахов на внутреннюю сторону было продиктовано не только стремлением правящих кругов России пойти навстречу кочевникам, но и сугубо государственными интересами. Начавшийся в 30-е гг. XVIII в. процесс присоединения казахов Младшего и Среднего жузов к империи, сопровождавшийся принятием присяги на верность короне, носил исключительно номинальный характер. Переход на правобережье Иртыша, безусловно, рассматривался как дополнительный механизм юридического закрепления статуса «правобережных казахов» в качестве «верноподданных».

Перекочевавшие на правую сторону Иртыша казахи первоначально освобождались от налоговых выплат. С начала XIX в. было принято решение об их пропуске в район Иртышской линии на условиях выплаты так называемой ремонтной пошлины. Она собиралась в натуральном эквиваленте:

за сто голов переходящих в пределы десятиверстной полосы кочевник был обязан заплатить одну голову. В 1808 г. выплата ремонтной пошлины была передана в фонд Сибирского казачьего войска. Императорский указ 1808 г. об его образовании дал основание новому этапу развития казахско-казачьих отношений в южно-алтайском регионе.

Отметим, что, не имея оснований целиком полагаться на «государево хлебное жалованье», руководство Сибирского казачьего войска в вопросе создания экономической базы, отдавало приоритет переводу казаков на собственное самообеспечение. Для этого ставка делалась на развитие индивидуальных казачьих хозяйств с ориентацией их на земледелие. Казакам предоставлялось право временного пользования «казенными» землями, в том числе и десятиверстной полосы. Однако для многих казаков этот вид экономической деятельности даже к середине XIX в. носил вспомогательный характер, поскольку в условиях необходимости несения воинской службы и связанных с нею длительных отлучек, они были просто физически не в состоянии активно осуществлять большие запашки земли. Выход был найден в предоставлении возможности сдавать войсковые земли казахам при условии выплаты ими ремонтной пошлины в фонд войска.

Процесс освоения сибирским казачеством левобережья Иртыша служил поводом к конфликтам с кочующими в этом регионе казахами. В 1839 г. вследствие частых пререканий между ними из-за определения внешней границы десятиверстной линии, по распоряжению генерал-губернатора Западной Сибири князя П.Д. Горчакова было проведено ее первое межевание и ограничение деревянными столбами на всем протяжении. Включение десятиверстной полосы в сферу экономических интересов казаков, безусловно, способствовало усилению присутствия Сибирского казачьего войска в регионе и сопровождалось усилением контактов с казахским населением в вопросах землепользования [6].

Последующие законодательные акты закрепляли за казачеством право на эти территории. Новое Положение о Сибирском казачьем войске, принятое в 1846 г., запрещало пользоваться войсковыми землями «лицам не войскового сословия» и определило новый душевой размер казачьих наделов. Одновременно с принятием Положения 1846 г. в состав Сибирского казачьего войска было зачислено около 6000 сибирских крестьян. В результате впервые началось наделение казаков из земельного фонда десятиверстной полосы. Также на основании Положения в 50-60 гг. XIX в. эта территория была включена в составленные планы полковых округов войска.

По мере передачи земель правобережья и десятиверстного пространства левобережья Иртыша в юртовые наделы сибирскому казачеству, ремонтная пошлина стала выплачиваться казахами только за кочевку на землях войскового запаса. Предоставленное казачеству право сдачи собственных

земель в аренду, отмежеванных им из десятиверстной полосы, значительно активизировали их контакты с казахами. Более дешевые тарифы и продолжительный срок аренды юртовых участков, по сравнению с арендой войсковой территорией, способствовали прочному оседанию казахов на юртовых казачьих наделах. Увеличивавшийся с каждым годом приток кочевников на правобережье Иртыша и на земли десятиверстного пространства вызвал необходимость их административного устройства. По инициативе генерал-губернатора Западной Сибири Г.Х. Гасфорда в начале 50-х гг. XIX в. была проведена разработка серии законопроектов, регламентирующих социальный статус и условия проживания казахов в этом регионе [7]. В итоге в 1854 г. из Области сибирских казахов была выделена Семипалатинская область. По Положению об управлении новой административно-территориальной единицей в ее состав наряду с Кокпектинским и Аягузским внешними округами вошли территории Иртышской линии с гг. Семипалатинском, Усть-Каменогорском, Бухтарминским укреплением, а также землями от Железинской до Малонарымской крепостей [8]. Казахи, кочевавшие на правобережье Иртыша, вместо ремонтной пошлины, обязывались теперь платить ясак (налог) в пользу казны, как и внешние казахи. Положение 1854 г. (ст. 2) подтверждало особый статус десятиверстной полосы как сферы экономических интересов Сибирского казачьего войска, и позволяло казахам кочевать на ее землях с выплатой ремонтной пошлины [9]. По сведениям Ф. Усова данный налог, собираемый с казахов, приносил в казну войска до 30 тыс. руб. в год [10].

Тем не менее, Войсковое хозяйственное правление Сибирского казачьего войска постоянно жаловалось на «неопределенность доходов», поступающих в пользу войска с казахов за пастьбу скота на его территориях. Поэтому в 1865 г. были разработаны специальные правила, регламентировавшие данный процесс. Согласно правилам ремонтный сбор отменялся. Взамен вводилась арендная форма поземельных казахско-казачьих отношений. Вся войсковая территория была поделена на участки и стала сдаваться арендаторам с торгов на особых условиях на 2-3 года. Принятие правил сопровождалось выделением в районе десятиверстной полосы юртовых земель, в результате чего изменилась первоначальная внешняя граница данной территории: она врезалась далеко в степь, лишив значительную часть казахских кочевых коллективов их пастбищных угодий. Сразу же после этого войсковая канцелярия стала настаивать на проведении внешней границы полосы не от линии казачьих поселений, а от линии юртовых земель, стремясь тем самым узаконить захват казахских земель.

В 1877 г. Положение о земельном устройстве казаков Сибирского казачьего войска позволило провести перераспределение юртовых участков десятиверстной полосы и перевести в наследственное владение участки

офицеров, чиновников войска, вдов и др. социальных категорий войска. Не имея возможности «по бедности, неумению, отдаленности от основного места жительства и занятия и по многим другим причинам» самостоятельно эксплуатировать земельные владения, большинство получивших эти участки стали сдавать их в аренду по крайне низким ценам «единственным в то время эксплуататорам Иртышских лугов – киргизам».

Во второй половине XIX в. в Сибирском казачьем войске актуализировался вопрос о материальном обеспечении уходящих на пенсию офицеров, рядовых казаков и лиц невойскового звания (вдов, чиновников-управленцев и т.д.). Простые математические расчеты Военного министерства определили ту сумму, которую необходимо будет ежегодно вносить в отдельную статью государственного бюджета. Однако в условиях перманентного дефицита бюджета, не могло быть и речи об определении пенсионных выплат в денежном эквиваленте. Поэтому на государственном уровне были принято решение о необходимости поиска альтернативных ресурсов для обеспечения материального благополучия казачества, как еще находящегося на воинской службе, так и вышедшего на пенсию [11].

В результате 9 июля 1877 г. было принято очередное Положение о Сибирском казачьем войске, которое официально санкционировало отвод юртовых наделов казакам в частное пользование. Указ от 7 мая 1877 г. «О наделении генералов, штаб-офицеров и классных чиновников Сибирского казачьего войска наследственными земельными участками» предоставлял юридические основания для передачи данной категории наделов в «потомственную собственность». Таким образом, все земельные ресурсы Сибирского казачьего войска делились теперь на три категории: офицерские, юртовые и войсковые. Процесс их межевания происходили с включением в сферу землепользования сибирского казачества территории десятиверстного пространства и прилегающих кочевий казахов степных областей.

Положение 1877 г. предоставляло право индивидуальным и коллективным владельцам земельных участков сдавать их в аренду, как русским крестьянам-переселенцам, так и казахам-кочевникам. Офицерские участки по количеству сдаваемых земель Сибирского казачьего войска находились на первом месте. Это, с одной стороны, объяснялось тем, что офицеры получали самые плодородные и богатые травостоем участки, в том числе в районе десятиверстной полосы. С другой стороны, территориальная отдаленность участков от постоянного места жительства их владельцев, отсутствие сети транспортного сообщения и какой-либо инфраструктуры вынуждали последних сдавать свои участки за крайне низкую арендную плату.

В Акмолинской области офицерские участки, как на правобережье Иртыша, так и в районе десятиверстного пространства сдавались казахам и русским крестьянам. (число крестьянских хозяйств достигало 2 тыс., но

запахивали в этом регионе меньше: от 20 до 100 дес. Земли). В Семипалатинской области. в роли арендаторов выступало, главным образом, казахское население. 144 офицерских участка этого района (абсолютное большинство) сдавалось казахам, около 60 участков являлось объектом хозяйственной деятельности самих владельцев-офицеров, 15 участков арендовали «русские мещане», которые их субарендовали казахам, несколько офицерских участков было заброшено и «травилось киргизами безданно-беспошлинно». Всего офицерские участки этой административной единицы в конце XIX в. арендовало 27640 казахов, в том числе на землях десятиверстной полосы 22707. Наиболее компактно они концентрировались в Павлодарском и Семипалатинском уездах. Плата за аренду была крайне низкой, что объяснялось отсутствием конкуренции за право аренды со стороны русских-крестьян переселенцев. Ее размер не был фиксированным, но на протяжении 80-90-х гг. XIX в. она неизменно росла и увеличилась за этот период от трех до пяти раз. В среднем сумма арендных выплат составляла 13,25 руб. с кибитки, иногда доходила до 14,9 руб., значительно превышая размер кибиточной подати, уплачиваемой казахами в казну и составлявшей 1,5 руб. [12].

Юртовые участки предоставлялись в пользование казачьему поселку или станице. Они ежегодно распределялись по жребию в виде паев каждому станичному казаку. В свою очередь казаки свои паи передавали в аренду казахам. Цена пайка была различной в зависимости от качества травы, удобства доставки сена на зимовку и т.д. По свидетельству Г.Е. Катанаева в конце XIX в. плата за аренду юртовых участков составляла в среднем с сентября по март 2,5 руб. за кибитку. Все казахи имели договоры на аренду, подписанные атаманами отделов Сибирского казачьего войска. По условиям этих договоров казахи имели право строительства на арендованных участках зимних стационарных жилищ и построек хозяйственного назначения для содержания скота, а также право водопоя скота, пользования лесным и кустарным валежником, пользования услугами станичной и поселковой администрации «по полицейскому и хозяйственному заведованию». Плата за сенокосные наделы зависела исключительно от договоренности казахов и казаками. В большинстве случаев она заключалась в бесплатном скосе казахами травы для казака в размере, необходимом последнему для его хозяйства. Оставшийся покос юртового надела казака поступал в полное распоряжение казаха-арендатора [13].

Третья категория земель Сибирского казачьего войска – войсковые земельные ресурсы – занимали как правобережье, так и левобережье Иртыша – район десятиверстной полосы. Введение арендных отношений в системе землепользования привели к постепенному сокращению размеров ремонтной пошлины, выплачиваемой казахами за пользование собственно войсковой территорией. Поэтому в 1880 г., по ходатайству генерал-губернатора

Западной Сибири Н.Г. Казнакова, ремонтная пошлина была официально заменена арендной платой за пользование войсковым землями. Казахскому населению данная категория земель сдавалась на основании действующего законодательства с торгов. Как правило, в торгах участвовали зажиточные казахи-купцы, «претенденты на волостную должность», или казаки, которые затем пересдавали в аренду рядовым кочевникам войсковые участки.

Всего к началу XX в. арендаторами трех категорий земельных участков Сибирского казачьего войска являлось около 70 тыс. казахов. Из них около 27,5 тыс. проживало на юртовых казачьих наделах, 5,5 тыс. работало в качестве батраков в поселках. Еще 30 тыс. кочевников занимали офицерские участки, причем до 24 тыс. – в районе десятиверстной полосы. Остальные 7-9 тыс. кочевали на войсковой территории, в том числе 5 тыс. – на левобережье Иртыша в районе десятиверстной полосы [14].

Активно развивавшиеся в последние десятилетия XIX – начале XX в. на Иртышской линии новые формы экономической деятельности, прежде всего, арендные отношения, требовали проведения межевых работ по определению границ земельных ресурсов Сибирского казачьего войска. Наиболее же очевидной была необходимость определения юридического статуса десятиверстного пространства и его демаркации, поскольку выделение юртовых и офицерских участков порождало массу казахско-казачьих конфликтов в данном регионе. Увеличение количества жалоб со стороны казахского населения на земельные захваты казачеством пространств вне десятиверстной полосы, актуализировали вопрос о демаркации ее границы [15]. Начавшееся на рубеже XIX-XX вв. массовое крестьянское движение в Азиатскую часть Российской империи значительно обострило данный вопрос.

Борьба за статус десятиверстного пространства развернулась между региональными органами власти, МВД и Министерством земледелия и государственных имуществ с одной стороны и Военным министерством с другой. В 1885 г. генерал-губернатор Степного края Г.А. Колпаковкий вынес на обсуждение вопрос о незаконности захвата сибирскими казаками территорий за пределами десятиверстной полосы [16]. В представленной в 1895 г. в Министерство земледелия и государственных имуществ записке «О необходимости изъятия из пользования казаков Сибирского казачьего войска так называемой десятиверстной полосы для целей колонизации Степного края» он писал: «Ввиду особой ценности земель названной полосы, … в особенности по левому берегу Иртыша, которые дают самый верный, весьма значительный и неизменно постоянный доход от сдачи их в аренду киргизам, казаки, занимаясь хлебопашеством в очень ограниченных размерах, распространили свое пользование далеко за пределы десятиверстной полосы, отодвинув ее границы вглубь степи местами на 20 и 30 верст». По мнению Г.А. Колпаковского, никакой необходимости, оправдывающей такие земельные

захваты «в действительности никогда не существовало, т.к. даже в настоящее время войско имеет значительные излишки запасных земель далеко превышающее душевую норму станичных и поселковых наделов» [17].

Позиция Г.А. Колпаковского и затем сменившего его на этом посту М.А. Таубе объяснялась знанием реальной социально-экономической ситуации, которая сложилась на территории Акмолинской и Семипалатинской областей к концу 80-х гг. XIX в. Принятие в 1889 г. закона «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли» способствовало резкому увеличению миграционного движения русских крестьян в Степной край. Начавшееся строительство Сибирской железной дороги в 1896 г. еще более увеличило поток переселенцев, обострив земельный вопрос в регионе. Массовым порядком осуществлялась экспроприация пастбищных угодий у казахского населения в Переселенческий фонд для землеустройства русских крестьян.

Поэтому в 1896 г. М.А. Таубе выступил с инициативой об отмежевании части территории десятиверстной полосы из пользования Сибирского казачьего войска с последующей ее передачей Министерству земледелия и государственных имуществ. Степной генерал-губернатор предлагал провести кадастровую перепись земель десятиверстной полосы, определить реальные размеры ее юртовых и офицерских участков и изъять излишки с последующей их передачей в фонд Министерства земледелия и государственных имуществ для создания переселенческих участков.

Военное министерство встало на защиту интересов Сибирского казачества. Апеллируя к Положению о Сибирском казачьем войске 1869 г., определяющему размеры запаса войсковых земель и реальные земельные наделы юртовых и офицерских участков, войсковое хозяйственное правление пришло к выводу о том, что «в войске не хватает 158286 дес.» [18]. Идею о передачи десятиверстного пространства Сибирскому казачеству поддержал и император Николай II. Данное обстоятельство должно было решить противостояние министерств в данном вопросе. Однако, окончательному принятию соответствующего закона препятствовало одно обстоятельство: дальнейшая судьба и интересы казахского населения, кочующего в пределах десятиверстной полосы [19].

Передавая проект закона об окончательном закреплении за Сибирским казачьим войском левобережной части Иртыша на рассмотрение Госсовета военный министр А.Н. Куропаткин в апреле 1900 г. подчеркивал, что «действительно вопрос … решался абсолютно без учета интересов киргизского населения». Данное обстоятельство вызывало определенные опасения, связанные с возможностью организации протестных акций со стороны казахов-кочевников. В связи с этим он предложил отложить решение вопроса о закреплении десятиверстного пространства за Сибирским казачьим войском

до «подробного выяснения всех данных, обусловливающих необходимость принятии тех или других мер к землеустройству киргизского населения, кочующего в пределах означенной полосы».

Собственно решение проблемы землеустройства казахов левобережья Иртыша военный министр видел в возможности их причисления к казачьему сословию. Однако было очевидно, что далеко не все казахское население захочет перейти в казачье сословие. Объяснялась эта ситуации экономическим фактором: государственные, земские, общественные повинности казахов за проживание в волостях Семипалатинской области и аренда десятиверстной полосы составляли в среднем 9,65 руб. с кибитки в год, тогда как повинности казачьей семьи – 62 руб.

Так появилась идея о выселении кочевников в административном порядке из района десятиверстного пространств, которую предложило Военное министерство. Позиция министерства земледелия и государственных имуществ оставалась неизменной: передача в собственность войска этой территории будет способствовать ухудшению положение казахов-арендаторов, т.к. «эксплуатация этих земель владельцами (казаками – *авт.*) будет устроена на более доходных началах» [20]. Данной точки зрения придерживалось МВД. Для согласования позиций противоборствующих министерств в марте 1903 г. была организована работа Особого совещания. В его состав вошли военные губернаторы Акмолинской и Семипалатинской областей Степного края, генерал-губернатор Степного края, представители министерств и ведомств. В ходе работы детальному анализу подверглись аргументы Военного Министерства и руководства казачьими войсками с одной стороны, Министерства земледелия и государственных имуществ и МВД с другой.

В целом совещание признавало историческое право Сибирского казачьего войска за земли десятиверстной полосы. Однако при этом оно настаивало на наличии значительных земельных излишков у казаков и возможности, таким образом, землеустройства казахов-арендаторов в пределах десятиверстного пространства. На основании поступивших данных о численности проживающих в пределах десятиверстного пространства казахов – 30850 чел. (6170 кибиток) – были разработаны принципы их устройства в районе десятиверстного пространства. При определении норм землепользования для казахов члены Особого совещания принимали во внимание тот факт, что у большей их части имелись земельные участки в волостях Семипалатинской области, к которым они были приписаны.

Поэтому совещание посчитало рациональным не отводить казахам в пределах десятиверстного «такого количества земель, какое необходимо для полного обеспечения скотоводческого хозяйства». Достаточно, по его мнению, было предоставить казахам в пользование земельные наделы, на которых последние смогут обеспечить «прочное устройство в виде отвода

земель собственно под зимовые стойбища (зимние жилища, сенокос и пашни). Размер земельного участка для зимовок, по мнению Особого совещания, должен быть определен в 30 дес. на кибитку или около 10 дес. на м.д. По такому расчету потребовалось бы отнести из земель десятиверстной полосы казахам 185100 дес. или 13% всего ее пространства [21].

Предложения Особого совещания вызвали очередную волну критики и межведомственного противостояния. Министр внутренних дел В.К. Плеве в январе 1904 г. присоединился к выводам большинства членов Особого совещания и поручил Военному министерству и Министерству земледелия и государственных имуществ разработать подробную инструкцию о порядке отвода казахам земель в районе десятиверстной полосы и внести ее на законодательное рассмотрение в Госсовет [22].

Главный представитель Управления казачьих войск генерал-лейтенант Королев и Военное министерство признали высказанные замечания и пожелания Особенного совещания «не реальными» и продолжали настаивать на закреплении десятиверстного пространства за Сибирским казачеством [23]. Военный министр генерал-адъютант В.В. Сахаров считал абсолютно невозможным землеустройство казахов и районе десятиверстного пространства и считал целесообразным их выселение за пределы этой территории. Важным аргументом в его рассуждениях было и то, что перераспределение офицерских участков в пользу кочевников приведет к чересполосице. Это в свою очередь значительно осложнит межэтнические отношения, т.к. казахи постоянно буду нарушать границы участков, выпасая свой скот и осуществляя потраву посевов и покосов на офицерских участках. И наконец, прочное устройство казахов на землях десятиверстной полосы, по мнению министра, противоречило государственным интересам. Стратегией национальной политики в отношении кочевых инородцев Российской империи признавалось поэтапное приведение их к состоянию оседлости. Предоставление же казахам возможности землеустройства в районе десятиверстного пространства для ведения традиционного скотоводческого хозяйства и не создавало условий для массового оседания [24].

Завершающим аккордом в дискуссии региональных и центральных органов власти о судьбе десятиверстного пространства и землеустройстве казахов-арендаторов стало расширенное заседание Департаментов законов, гражданских и духовных дел, государственной экономии и промышленности, науки и торговли МВД. Важно отметить, что на окончательное решение данной проблемы оказал влияние император Николай II, которые считал необходимым «воздать сибирскому казачеству за особые заслуги перед государством» [25].

Поэтому в ходе работы расширенного заседания Департаментов, в составе 48 человек, единогласно было высказано пожелание закрепить за казаками Сибирского казачьего войска земельные пространства десятиверстной полосы. По их мнению, государство, несомненно, должно сделать «полное воздаяние за военную службу земельным обеспечением казаков, в том числе и сибирских», «сословие это неся в значительно большей мере, чем прочее население, тягости военной службы, дает государству образцовое и, при том, недорого стоящее казне войско» [26].

Предлагаемый рядом министерств вариант землеустройства казахов посредством зачисления их в казачье сословие был категорически отвергнут на основании того, что «вряд ли можно ожидать, что магометане-кочевники могут при настоящем уровне их развития перейти к условиям быта христианского оседлого населения». В тоже время неприемлемым для членов расширенного заседания Департаментов представлялось и предлагаемое Военным министерством выселение казахов из десятиверстной полосы в пределы Степного генерал-губернаторства. Невозможность отвода казахам зимовок в десятиверстной полосе, по мнению участников заседания, не была подтверждена весомыми данными, т.к. «имеющиеся по сему предмету сведения крайне противоречивы». Равным образом оставалась не выясненной «наличность в Степных областях достаточного количества свободных земель, пригодных для казахских зимовых стойбищ». Учитывая позиции противоборствующих министерств по вопросу о наличии свободных земель в десятиверстной полосе, члены расширенного заседания признавали, что принудительное выселение казахов может быть допущено лишь в случае «безусловной невозможности устроить их в пределах этой полосы, а также в доказанной наличности в распоряжении правительства таких свободных земель в Степных областях, где киргизы могли бы быть устроены без ущерба в их хозяйстве» [27].

До выяснения ситуации и окончательного решения вопроса о возможных способах землеустройства казахов десятиверстной полосы, было предложено сохранить за ними арендуемые участки «на прежних основаниях». Иными словами, не смотря на юридическое закрепление за Сибирским казачьим войском земель десятиверстного пространства, Департаменты предлагали запретить казакам сгонять казахов с арендуемых участков и не увеличивать размеры арендной платы [28].

Государственный совет 18 мая 1904 г. утвердил постановление объединенного собрания Департаментов. Земли левобережья Иртыша были переданы Сибирскому казачьему войску. Дополнительный пункт постановления запрещал казакам самовольно увеличивать размер арендной платы и не подвергать ее изменению «вплоть до окончательного решения вопроса о землеустройстве кочевников». Таким образом, Госсовет оказался неспособным принять на себя ответственность в вопросе окончательного решения судьбы казахов, арендующих земли десятиверстного пространства. Он лишь заклю-

чил, что «этот вопрос еще требует тщательной и всесторонней разработки, которая должна быть поручена МВД по соглашению с Военным Министерством и Министерством земледелия и государственных имуществ» [29].

Для реализации постановлений Госсовета в конце 1904 г. Степной генерал-губернатор Н.Н. Сухотин на базе Семипалатинского областного правления создал Особое совещание для разработки проекта землеустройства казахов десятиверстной полосы. Совещанию в очередной раз пришлось собирать достоверную информацию об общем количестве земель Сибирского казачьего войска в десятиверстной полосе и о количестве земли, необходимой для обеспечения казаков полным наделом и запасами, о числе казахов десятиверстного пространства, нуждающихся в землеустройстве. Параллельно начались работы по организации работы межевых партий, призванных установить границу между владениями сибирского казачества с казахской степью на левобережье Иртыша [30].

Протоколы заседаний Семипалатинского областного правления позволяют утверждать, что оно работало в этом направлении в достаточно напряженном режиме. Уже на мартовском заседании 1905 г. Г.Е. Катанаев сообщал о размерах земельных излишков Сибирского казачьего войска и, таким образом, делал акцент на возможности землеустройства казахов в этом регионе [31]. В начале апреля этого же года на заседании обсуждалась программа регистрации казахов десятиверстной полосы и обследования их экономического положения. Специально разработанная для этого анкета-вопросник была достаточно объемной и состояла из 15 позиций [32]. На этом же заседании началась разработка проекта земельного устройства казахов левобережья Иртыша [33].

Работа правления Семипалатинской области по решению вопроса о землеустройстве казахов левобережья Иртыша проходила в атмосфере мощного давления со стороны чиновников Военного министерства и руководства Сибирского казачьего войска. Предложенный им проект землеустройства кочевников вызвал новую волну критики, основанную на том, что «размеры арендуемых киргизами земель далеко не соответствуют потребности их в земле, а значительно превышают таковые и обуславливаются большим или меньшим достатком той или иной группы кибитковладельцев, их промышленным целям, а иногда и просто случайным причинам».

Военное министерство и Главное управление казачьими войсками предложили свой альтернативный проект, исключавший возможность землеустройства казахов, арендующих казачьи земли, на левобережье Иртыша. Кочевникам предлагалось добровольно выселиться за пределы десятиверстного пространства и занять земли, которые им были отведены волостными обществами Семипалатинской области и к которым они были причислены. Проект определял сроки выселения: казахи должны были освободить территорию в течение трех лет с выплатой денежной компенсации за снос построенных на арендованных участках стационарных жилых строений [34]. Межведомственное противостояние в конечном итоге закончилось победой «военных»: члены областного правления приняли решение о выселении казахов с территории десятиверстного пространства. Окончательный проект землеустройства казахов был утвержден Семипалатинским областным правлением с учетом корректив генерал-губернатора Степного края Е.О. Шмидта. Последний предложил под землеустройством казахов десятиверстного пространства понимать процесс наделения земельным наделом только тех из них, которые пожелают перейти на оседлый образ жизни. При этом, размер земельного надела он предлагал определять по переселенческим нормам Кокчетавского уезда (15 десятин на одну мужскую душу).

Казахам, отказавшимся получить постоянные наделы по указанному проекту, предоставлялся 3-х летний срок на перенос своих зимовок на земли волостей, к которым они были причислены или туда, где они самостоятельно причислятся по приемным договорам [35]. По истечении трех лет заканчивался льготный период аренды «по пользованию казачьими землями десятиверстной полосы и по производству наемной платы за эти земли», установленный законом 1904 г. Владелец прииртышских земель – сибирское казачество вступало в свои законные права и имело право поступать с земельными ресурсами этого района по своему усмотрению [36].

С учетом поправок Степного генерал-губернатора Е.О. Шмидта в феврале 1910 г. Семипалатинское областное правление возбудило ходатайство перед Госсоветом об издании закона о землеустройстве казахов десятиверстного пространства. Однако вплоть до 1917 г. Госсоветом так и не был утвержден предложенный проект. Региональные власти ограничивались в этом вопросе лишь локальными актами и постановлениями.

Архивные документы свидетельствуют о том, что межведомственная борьба за статус десятиверстного пространства и судьбу казахов-арендаторов земель Сибирского казачьего войска, развернувшаяся в конце XIX – начале XX в. фактически не затронула последних. По данным регистрации казахов в 1906 г. в данном районе кочевало 6420 кибиток или около 38 тыс. чел. В 1909 г. число кибиток возросло до 8150, а количество человек до 50365. Зимовки на десятиверстном пространстве имели около 48000 кибиток из общей их численности, т.е. абсолютное большинство.

Таким образом, очевидно, что казахи достаточно активно переселялись на протяжении первого десятилетия XX в. на прииртышские территории, даже в условиях подготовки проекта об их выселении [37]. Из архивных материалов следует, что, несмотря на принятые Степным генерал-губернатором или Войсковым хозяйственным правлением Сибирского казачьего войска локальные акты о выдворении казахов с территории десятиверстной по-

лосы, последние продолжали проживать на них или без арендных договоров, самовольно занимали отдельные участки. Численность казахов, продолжавших проживать в районе десятиверстной полосы накануне Первой мировой войны установить не удалось. Всего же к 1915-1916 гг. в станицах и поселках Сибирского казачьего войска, а также на войсковых и офицерских участках проживало 72882 казахов.

Таким образом, в 70-е гг. XIX в. эволюция модели экономического развития Сибирского казачьего войска привела к дифференциации земельных наделов и необходимости развития арендных отношений при эксплуатации земельных ресурсов. Фактор взаимной заинтересованности в их освоении левобережья Иртыша объективно способствовал расширению казахско-казачьего диалога. Рубеж XIX-XX в. стал периодом развития достаточно вариативной системы арендных отношений между ними, характеризующейся различными формами аренды, оплаты и эксплуатации природных ресурсов.

Рост межэтнической напряженности в регионе вынуждал российские власти принимать решительные меры, направленные на определение юридического статуса земель, занимаемых сибирским казачеством на левобережье Иртыша. Судьба десятиверстной полосы и казахского населения, арендующего ее земли, решалась на протяжении двух десятилетий в условиях жесткого противостояния Военного министерства и Министерства земледелия и государственных имуществ. Центральной проблемой являлась проблема, связанная с решением землеустройства казахов-кочевников. В процессе ее обсуждения предлагались различные варианты решения, начиная от землеустройства кочевников в районе десятиверстной полосы, завершая выселением из региона в административном порядке. И даже не смотря на победу «военных» и передачу региона во владение Сибирского казачьего войска данная проблема землеустройства казахов так и не была решена вплоть до падения дома Романовых. Инертность властей в данном вопросе по всей вероятности была связана с опасениями вызвать широкое протестное движение казахского населения в случае реализации проекта, предполагавшего их выселение с территории левобережья Иртыша.

Тем не менее, не смотря на все проблемы и противоречия в решении вопроса статуса десятиверстного пространства и землеустройства казахов, в данном регионе происходил процесс дальнейшего углубления казахско-казачьего диалога. Проекты по выдворению кочевников с данной территории объективно создавали угрозу естественному процессу развития межэтнических отношений. Однако их экономическая основа была настолько устойчивой и взаимовыгодной, что, не смотря на все внешние обстоятельства, они продолжали развиваться, порождая различные практики межэтнической коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Катанаев Г.Е. «Киргизский вопрос» в Сибирском казачьем войске. Омск, 1904. С. 2.
2. Государственный архив Омской области (далее ГАОО). Ф. 67. Оп. 2. Д. 2363. Л. 7.
3. Усов Ф. Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб., 1876.
4. Катанаев Г.Е. «Киргизский вопрос» в Сибирском казачьем войске. Омск, 1904. С. 3.
5. Алексеенко Н.В. Взаимосвязи казахского и русского населения в Восточном Казахстане (XVIII – первой половине XIX в.). Усть-Каменогорск, 2003. С.54.
6. ГАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2363. Л. 7об.
7. Коншин Н. Очерки экономического быта киргиз Семипалатинской области // Памятная книжка Семипалатинской области за 1901 г. Семипалатинск. С. 11.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собр. второе. Т. 29. № 28255.
9. ГАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2363. Л. 7 об.
10. Усов Ф. Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб., 1879. с. 112.
11. Катанаев Г.Е. Киргизский вопрос в Сибирском казачьем войске. Омск, 1904. С. 17.
12. Катанаев Е.Г. Киргизский вопрос в Сибирском казачьем войске. Омск, 1904. С. 91.
13. Катанаев Г.Е. Киргизский вопрос в Сибирском казачьем войске. Омск, 1904. С. 57.
14. Катанаев Г.Е. Киргизский вопрос в Сибирском казачьем войске. Омск, 1904. С. 152.
15. ГАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 1247. Л. 243-244 об.
16. ГАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 1247. Л. 240-240 об.
17. ГАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 1247. Л. 243.
18. ГАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2363. Л. 25 об.
19. ГАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2363. Л. 29 об.
20. ГАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2363. Л. 41-41 об.
21. ГАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2363. Л. 43-43 об.
22. ГАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2363. Л. 46.
23. ГАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2363. Л. 45.
24. ГАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2363. Л. 60-60 об.
25. ГАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2363. Л. 9 об.
26. ГАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2363. Л. 9.
27. ГАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2363. Л. 11.
28. ГАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2363. Л. 12-14 об.
29. ГАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2363. Л. 62 об.
30. ГАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 1247. Л. 349-350 об.
31. ГАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 1247. Л. 406-408 об.
32. ГАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2291. Л. 41 об. В анкете были представлены вопросы о составе их семей, сроках проживания на территории десятиверстной полосы, размерах арендуемых земель, количестве пахотной, сенокосной и земли, количестве скота, готовности перехода в состав сибирского казачества и т.д. Всего 15 вопросов.
33. ГАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 1247. Л. 409-410.
34. ГАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2263. Л. 333.
35. Опрос казахов десятиверстной полосы, проведенный в 1909 г., показал, что 22 %

из них высказали желание перейти в оседлое состояние и получить по крестьянским нормам по 15 дес. на муж. душу; 13% казахов были не против получения земельного надела в постоянное пользование, но «сомневались и просили дать возможность посоветоваться с родственниками» И, наконец, 50% отказались осесть и получить земельный надел, но выразили готовность вернуться в пределы своих волостей Семипалатинской области. Остальные 15% казахов отсутствовали во время проведения опроса.

36. ГАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2263. Л. 428-437 об.

37. ГАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2263. Л. 500.

Мармонтова Т.В.

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ НА БОЛЬШОМ АЛТАЕ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Региональные процессы на четко определенных территориях представляют один из основных объектов, исследуемых в современном регионоведении. Это обусловлено тем, что от специфики позиционирования региона и особенностей его взаимодействий с окружающими территориями зависит решение множества проблем, от исправления недостатков социально-экономического развития до разработки новых и результативных стратегий регионального развития. Регион «Большого Алтая» сегодня являет собой один из самых интересных объектов для теоретического и практического исследования региональной науки по целому ряду причин:

- выгодное географическое и геополитическое положение. Географическое положение региона ключевая характеристика в анализе региональных процессов. Исходя, из географического положения региона определяются все остальные регионообразующие факторы внешнего и внутреннего порядка;

- запасы стратегических биосферных ресурсов; биоразнообразие; рекреационный потенциал; эти факторы определяют то, как следует строить хозяйственную деятельность, и на развитии каких именно отраслей экономики следует сосредоточиться;

- богатое культурно-историческое наследие; традиции мирного сосуществования и сотрудничества народов и культур; интересны не только для историка или культуролога. Опыт исторического анализа культурного наследия региона позволяет найти эффективные решения этнических или конфессиональных вопросов не только в регионе, но и в странах в него входящих;

- имеющие место эффективные стратегии развития региона; в условиях глобализации важно постоянно наблюдать ситуацию в окружающих странах, так как любая эффективно работающая региональная программа, может стать толчком, полезным опытом, способствующим, к примеру, решению сложных проблем развития соседних регионов.

Если применить указанные критерии к региону «Большого Алтая», то становится очевидным, что данная территория имеет мало конкурентов не только на евразийском пространстве, но и во всем мире [2].

С точки зрения географии Большой Алтай, или же просто Алтайский регион расположен в «сердце» евроазиатского континента на пересечении границ четырех крупнейших государств: КНР (Синьцзян-Уйгурский автономный район), Республики Казахстан (Восточный Казахстан), Монголии (прежде всего, Баян-Ульгийский и Ховдский аймаки) и Российской Федерации (Алтайский край и Республика Алтай). С древнейших времен Алтай был одним из важнейших центров культурного и хозяйственного взаимодействия народов, центром пересечения важнейших торговых путей и культурных влияний.

Алтайские горы отличаются богатейшими запасами минеральных ресурсов. Велики и исключительно перспективны с экономической точки зрения биосферные ресурсы региона. Ландшафтное разнообразие во многом определяет исключительное геологическое и биологическое разнообразие Алтайского региона, имеющее всемирную ценность. Велика роль Алтая в поддержании геобиосферного баланса на огромных пространствах Евразии. Здесь сосредоточены крупнейшие запасы экологически чистой питьевой воды. На территории Алтая имеется более 7 тыс. озер с высококачественной питьевой водой, из которых самое крупное Телецкое озеро, площадью 230,8 км2. Священная гора Азии Белуха (4506 м) с целым созвездием ледников общей площадью 283,1 км2, которые питают многие реки Евразийского континента.

На Алтае сохранились свыше 200 видов эндемичных растений, многие из которых обладают выдающимися целебными свойствами − золотой и маралий корень, кандык сибирский, горный пион. Животный мир этих мест не менее богат и удивителен. В высокогорных степях, пограничных с Монголией, встречаются дикий котманул, маленькая степная лисичка корсак, антилопа дзерен. Наиболее крупные из животных, живущих в регионе это лось, косуля, лесной северный олень, кабарга. В лесах распространены хищники: бурые медведи, рыси, росомахи, выдры. А горах встречаются сибирский горный козел, горный баран – архар, барс [3].

На Алтае существует большое количество целебных источников и озер, глин и минеральных веществ, обладающих биостимулирующими свойствами. Доказано особое лечебное воздействие, которое оказывают мед, кедровый орех, жимолость, смородина, облепиха. Из молодых рогов марала

вырабатывается медицинский препарат пантокрин; из мускусной железы кабарги − ценнейшее сырье для парфюмерной промышленности. Современный Алтай может и должен рассматриваться как биосферный донор всей Евразии. Его природные богатства следует не просто бережно хранить, но можно и нужно умело использовать, закладывая фундамент новой экономики, ориентированной на глубокую переработку возобновляемых природных ресурсов и эколого-экономические индикаторы эффективного хозяйствования. В будущем эта новая − ноосферная − экономика может стать эталонной для всех территорий Евразии [3, с. 9-10].

Помимо уникальных природно-географических условий Большой Алтай отличается удивительными археологическими и культурными сокровищами, поразительным этнокультурным разнообразием. Здесь спокойно уживаются и вступают в интенсивное межкультурное взаимодействие представители славянского, тюркского, монгольского и китайского этносов. Корейцы, турки и венгры считают Алтай своей исторической прародиной. Здесь соседствуют десятки национальных культур, сохраняя при этом, свою культурную идентичность в течение столетий.

На Алтае открыты и активно исследуются учеными многих стран археологические памятники мирового значения, принадлежащие афанасьевской, андроновской, скифо-сарматской, гуннской и древнетюркской культурам. Многие находки позволяют считать Алтай одной из древнейших прародин человечества. Сегодня на Алтае сосуществуют и ведут диалог все мировые религии (различные направления ислама, буддизма, христианство всех ветвей) и древние шаманские культы. Сохранились и даже обретают новое развитие важнейшие элементы национальных культур и традиций – прежде всего, сакрализация природы, экоориентированные принципы природопользования. Они имеют не только практическое и воспитательное значение, но и по-новому осмысливаются в свете современных знаний [4]. В настоящее время в перечень всемирного природного наследия ЮНЕСКО в номинации «Алтай – Золотые горы» включены Алтайский и Катунский государственные биосферные природные заповедники, природный парк «Зона покоя Укок», природный парк Белуха и Телецкое озеро. Уже несколько лет идет работа направленная на расширение данной номинации и включении в нее памятников археологии. Речь идет о памятниках, которые имеют всемирное значение. Это и пазырыкская культура, и древнетюркские письмена, руника [5]. Интересно, что сегодня в данном регионе не наблюдается даже попыток мести за прошлые исторические обиды, ни желания использовать сложные моменты в истории для решения политических задач сегодняшнего дня, хотя в прошлом их было в изобилии.

Большой Алтай крайне важен для геополитики Евразии. Он является сердцем, Хартлендом, всего континента. Ситуация в регионе определяет развитие геополитических процессов на всем континенте. Геополитическая стабильность и прозрачность международных отношений на Алтае отвечает интересам национальной безопасности не только стран, входящих в него, но и мира в целом.

С точки зрения региональной науки, заслуживает подробного анализа и рассмотрения опыт региональной интеграции на Алтае, особенно впечатляют результаты в таких отраслях и сферах как, экономика и развития транспортных сетей, в координации работы пограничных и таможенных органов, в природоохранной деятельности, в области научных и культурных обменов.

Вопросы приграничного сотрудничества постоянно находились и в поле зрения государственных органов сопредельных территорий. Большое значение в деле активизации регионального взаимодействия имела, проходившая в 2002 г. г. Белокуриха международная конференция. В работе конференции участвовали руководители законодательных собраний Алтайского края, Республики Алтай (Россия), Ховдского и Баян-Ульгийского аймаков Монголии, ряд ответственных работников правительства Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР и Восточно-Казахстанской области Казахстана, а также ученые и представители общественных организаций четырех сопредельных территорий. Главным решением конференции стало создание Международного координационного Совета «Наш общий дом – Алтай», объединяющего государственных деятелей, ученых и представителей общественных организаций сопредельных регионов Большого Алтая, наделенного информационно-консультативными и экспертными функциями. Международный координационный Совет «Наш общий дом − Алтай» (МКС) был образован в 2003 году законодательными органами власти шести территорий Алтайского региона − Алтайским краем и Республикой Алтай (Россия), Восточно-Казахстанской областью (Казахстан), Синьцзян-Уйгурским автономным районом (Китай), Баян-Ульгийским и Ховдским аймаками (Монголия). Для МКС характерно активное и плодотворное участие в его деятельности ученых и представителей общественных организаций, по инициативе которых он и был создан. В настоящее время под эгидой МКС Фондом «Алтай – 21 век» на регулярной основе проводится Международные летние Школы студентов Алтайского региона [6].

Создан и активно насыщается сайт в Интернете «Алтай трансграничный», который призван заполнить информационный вакуум в отношениях субъектов регионального сотрудничества на всех уровнях. Его значение в плане налаживания продуктивного взаимодействия между политическими структурами, бизнес-элитой региона, а также учеными и общественностью четырех стран трудно переоценить. Интернет сайт «Алтай трансграничный» является официальным сайтом Международного координационного совета

«Наш общий дом – Алтай». Целью сайта «Алтай трансграничный» является создание общего информационного пространства для регионов Большого Алтая. На сайте представлены публикации, on-line репортажи, материалы конференций и проектов, касающихся различных аспектов межрегионального и межгосударственного сотрудничества на Алтае и в Центральной Азии в целом [1].

В последние десятилетия на Большом Алтае активно развиваются разноуровневые интеграционные процессы. Сущность этих процессов составляют взаимодействия Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан, Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая, Баян-Ульгийского и Ховдского аймаков Монголии, Республики Алтай и Алтайского края, как в двустороннем, так и в многостороннем формате. Двусторонние связи активно развиваются на фоне многостороннего сотрудничества регионов Алтая в рамках совместно реализуемых трансграничных проектов в сфере экономики, культуры, экологии, образования и туризма, таких как: трансграничный туристический кольцевой маршрут «Алтай – золотые горы», первый Международный туристско-спортивный фестиваль «Большой Алтай», детские общественные экологические экспедиции «Начни с дома своего», международная конференция по научно-техническому и экономическому сотрудничеству, Совет ректоров вузов Большого Алтая.

Существенный прогресс достигнут в деле развития научного сотрудничества между крупнейшими вузами региона: университетами Алтайского края, вузами Синьцзян-Уйгурского автономного района и Восточно-Казахстанской области, а также Горно-Алтайским и Ховдским государственным университетами. Ведется обмен между студентами и преподавателями вузов; ведутся совместные научные исследования и проводятся научные экспедиции. Издается региональный научно-общественный журнала «Алтайский вестник» на четырех языках – русском, английском, монгольском и китайском, периодичностью раз в квартал. Журнал распространяется среди политических и научных кругов региона [7].

В 2012 г. на алтайской земле Молодежный форум Шанхайской организации сотрудничества по вопросам предпринимательства и приграничного сотрудничества. Мероприятие, собравшее более 500 делегатов из одиннадцати стран мира, стало первым форумом молодежного движения ШОС такого масштаба, что является ярким примером успешного применения описанного выше опыта и знаний [8].

Образование такой структуры, как МКС, положительно повлияло на развитие внешнеэкономических отношений в регионе. Внешнеторговая деятельность занимает значимое место в структуре экономики Алтайского края. Казахстан, Китай и Монголия выступают одними из основных партнеров региона. Так, например, с 2003 года товарооборот между Алтайским краем и

КНР вырос в 13 раз и составил 199,4 млн долл. США в 2012 году. За 2013 год товарооборот Алтайского края с Китайской Народной Республикой составил 171 988,3 тыс. долл. США [9]. Казахстаном – более чем в 3 раза в 2012 году – 571,9 млн долл. США. Республика Казахстан стабильно является основным внешнеторговым партнером Алтайского края. По оценочным данным, объем товарооборота в 2013 году составил 435,8 млн. долл. США (из них на экспорт пришлось 261,0 млн. долл. США, на импорт – 174,7 млн. долл. США) [10]; Монголией увеличился в 1,8 раза, составив по итогам 2012 года 28,1 млн долл. США [3, с. 4]. В 2013 г. товарооборот Алтайского края с Монголией составил более 35 млн. долл. США.

Особенность экономического взаимодействия на Алтае является явный приоритет двустороннего формата отношений над многосторонними схемами взаимодействия. И подтверждение данный тезис находит, даже в анализе взаимоотношений Алтайского края РФ, с другими регионами, входящими в «Большой Алтай».

Среди основных категорий товаров, экспортируемых в Монголию, можно выделить мукомольно-крупяную продукцию, шины, дизельные двигатели и запчасти к ним, лекарственные средства [11].

Алтайский край имеет общую границу с Восточно-Казахстанской и Павлодарской областями Республики Казахстан, общая протяженность которой составляет более 840 километров. Республика Казахстан стабильно является основным внешнеторговым партнером Алтайского края. К основным статьям экспорта Алтайского края в Казахстан относятся железнодорожные вагоны, пищевые продукты (главным образом, подсолнечное масло), лесоматериалы, шины и покрышки, котельное оборудование. Основными статьями импорта из Казахстана в край являются уголь (64,7% от общего объема ввозимой продукции) и металлопрокат (17,4%). Тесно связаны между собой агропромышленные комплексы регионов. Хозяйства Казахстана массово возделывают мягкие и твердые сорта пшеницы, гороха, сои, выведенные в Алтайском крае. Кроме того, осуществляются поставки в республику племенного скота. Казахстанскими специалистами широко используется опыт алтайских коллег в области мараловодства и пчеловодства [10].

Основу экспорта в КНР составляют древесина и изделия из нее, руды, оборудование и механические устройства. Также Алтайский край поставляет в Китайскую Народную Республику овощи, муку, зерно. Из Китая поставляется оборудование и запчасти, с/х машины, изделия из пластмассы, черные металлы, химические удобрения, хлопковое волокно. В крае создан ряд совместных предприятий и предприятий со 100% китайским капиталом по заготовке и переработке березы, полипропиленовых мешков, изделий из пластмассы, выращиванию сельскохозяйственной продукции.

Перспективным проектом в сотрудничестве с Китаем может стать

строительство конденсационной электрической станции «Алтай» мощностью 600-1200 МВт. В Солтонском районе Алтайского края разведано Мунайское месторождение бурого угля. Интерес к проекту проявляет ряд китайских компаний [9].

К сожалению, экономическое сотрудничество в рамках МКС существенно отстает от взаимодействия в гуманитарной области. Бизнес пока не торопится внести свой вклад в укрепление дружеских связей между народами. Однако, этот аспект взаимодействия имеет хороший потенциал для развития. В современных условиях, именно стратегии многостороннего взаимодействия зарекомендовали себя как наиболее эффективные. Поэтому, можно говорить о том, что в рамках многосторонних интеграционных взаимодействий в Евразии, экономические контакты на Большом Алтае могут стать мощным средством усиления позиций как региона вообще, так и стран, в него входящих. Активизация алтайского бизнес-сообщества – существеннейший ресурс стимулирования интеграционных процессов в регионе и важнейший фактор формирования названного сегмента евразийского континентального рынка. Однако, к делу развития экономического взаимодействия следует подходить обдуманно. В первую очередь необходимо соблюдать жесткие эколого-экономические требования и не увлекаться сомнительными техногенными и коммерческими проектами, типа строительства ГЭС на реке Катунь или прямого газопровода в Китай через плоскогорье Укок, так как это может привести к экологической и социальной дестабилизации не только на Алтае, но и в странах, части которых составляют регион [3, с. 36].

Приграничные регионы Большого Алтая поддерживают тесное взаимодействие не только в экономике, но и в общественно-политической сфере. Идет постоянный обмен делегациями разного уровня.

Таким образом, характеризуя основные направления развития региональных процессов на Большом Алтае, хочется отметить, что ключевые из них сосредоточены вокруг:

- сохранения главных природных и культурно-исторических памятников как гарантов биосферной и социальной стабильности региона. Тысячелетняя истории региона, ясно показала, что решающими, для Алтая, регионообразующими факторами стали именно природный и исторический. Уникальная природа Алтая, способствовала формированию здесь очень специфичных историко-культурных феноменов, сохранившихся до наших дней;

- применение новых, эколого-экономических подходов и методов при формировании стратегий развития региона. Представляется актуальным говорить о том, что многие проекты, которые активно продвигает МКС «Наш общий дом Алтай», могут стать основной для формирования новых, так, сказать ноосферных стратегий регионального развития. С учетом того, что Большой Алтай является регионом трансграничным, данные стратегии могут быть использованы не только в региональном, но и международном контексте;

- развитие нетрадиционной энергетики и других альтернативных технологий сегодня являются перспективным и активно лоббируемым направлением экономического развития. С учетом больших ресурсов и достаточно хрупкой экосистемы региона «зеленая энергетика», должна способствовать тому, чтобы уникальные экосистемы Алтая, продолжали существовать и развиваться;

- ориентация на производство экологически чистой продукции и ее продвижение на мировые рынки; развитие туризма и рекреации будет возможна только в случае сохранения благоприятной экологической обстановки в регионе, что проблематично делать усилиями одного государства, работать в направлении сохранения экосистем Алтая, развития туризма и пр. – эффективно можно только совместными усилиями всех стран, в этот регион входящих;

- развитие международного сотрудничества в рамках движения «Наш общий дом – Алтай», через активизацию научных, культурных и личных связей между молодежью региона. Подобные шаги уже сделаны, например в рамках ежегодной Международной летней Школы студентов Алтайского региона. Усилению гуманитарной составляющей интеграционного процесса на Большом Алтае будет содействовать также формирование единого образовательного и культурного пространства региона, которое можно осуществлять через обмен телевизионными программами, фильмами, изданиями. Последней цели, в частности, уже не первый год служит издаваемый Фондом международный альманах «Алтайский вестник» [4].

ЛИТЕРАТУРА:

1. http://www.altaiinter.info/about/
2. Алтай – настоящий горный рай// http://putevoditel-altai.ru/load/unikalnyj_altaj/zhivotnyj_mir/13-1-0-67
3. Алтай трансграничный: пути международной интеграции и устойчивого развития. / Под общей редакцией М.Ю. Шишина. – М.: Институт устойчивого развития Общественной палаты Российской Федерации/Центр экологической политики России, 2013. – 86 с.
4. Алтай – ноосферный регион//http://www.fondaltai21.ru/projects/bigAltay/noosfer
5. Археологические памятники и горловое пение могут дополнить наследие ЮНЕСКО. Лента региональных новостей// http://lentaregion.ru/29525
6. Международный координационный Совет «Алтай наш общий дом»// http://www.fondaltai21.ru/projects/international/mks

7. Сайт Алтайского краевого общественного фонда «Алтай – 21 век». http://www.fondaltai21.ru/publish/almanac?start=10
8. Управление Алтайского края по обеспечению международных и межрегиональных связей, официальный сайт// http://ved22.ru/presscenter/news/1339/
9. Управление Алтайского края по обеспечению международных и межрегиональных связей, официальный сайт// http://ved22.ru/cooperation/dalnoezarubej/China.php
10. Управление Алтайского края по обеспечению международных и межрегиональных связей, официальный сайт// http://ved22.ru/cooperation/blijneezarubej/KZ.php
11. Управление Алтайского края по обеспечению международных и межрегиональных связей, официальный сайт// http://ved22.ru/cooperation/dalnoezarubej/MONGOLIA.php.

Москвичёва А.А.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЕМЬИ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ

В современном обществе неустойчивое материальное положение, безработица, сопровождается материальными и психологическими проблемами, влияет на степень удовлетворенности браком. Неблагоприятный социально-психологический климат влияет на отношения между мужчиной и женщиной, между родителями и детьми, что отражает процесс их социализации. Из-за искаженного представления о социальной работе, социальных службах и социальной поддержке со стороны данных субъектов многие современные и даже хорошо образованные люди не обращаются за помощью, т.к. не хотят признать свои проблемы, свою несостоятельность в их решении, боятся общественного осуждения или не желают «выносить сор из избы». В таких ситуациях есть несколько выходов: найти в себе силы и обратиться в соответствующие органы, продолжать терпеть или найти альтернативный выход. Например, обратиться за помощью через Интернет-ресурсы и вынести анонимно свою проблемную ситуацию на общественное обсуждение на веб-форумах (класс веб-приложений для организации общения посетителей сайта).

В рамках исследования выявления проблем семьи, с которыми люди обращаются за помощью на форум, был использован метод контент-анализа следующих веб-сайтов: Сибирский семейный сайт «Сибмама» (www.sibmama.ru), Всероссийский женский портал «Woman.ru» (www.woman.ru) и Психологический форум (www.psyche.biznet.ru).

В данном исследовании смысловые единицы анализа были расширены и метод приобрел качественный характер, т.к. определенная единица

анализа не всегда отражала ту смысловую нагрузку, которая соответствовал категории и была необходима для количественного анализа. Например, если взять единицу анализа *«живём с родителями, конфликты»* относящуюся к категории *«неблагоприятные социально-экономические условия»*, то смысловая нагрузка в контексте всего сообщения может иметь следующие значения: 1) совместное проживание с родителями ведёт к конфликтам между поколениями; 2) живём с родителями, конфликты с соседями. В данном случае к вышеуказанной категории относится первое значение именно этой единицы анализа. Таким образом, не каждое сообщение, где встречаются определенные словосочетания, относится к проблемам семьи.

В ходе исследования рассматривались проблемы семьи, с которыми люди обращаются за советом или поддержкой на форуме. Они были сгруппированы в соответствии с ключевыми составляющими. Всего получилось 10 категорий анализа.

1. Неблагоприятные социально-экономические условия (жилищные, финансовые). Единицы анализа: *«живём за чертой бедности», «нет жилья, хотим ребёнка», «живём с родственниками (родители, невестка и сын, брат и жена супруга и т.д.), конфликты», «нет денег», «финансовые трудности», «при каком бюджете рожать ребенка», «льготы, пособия малообеспеченным семьям»*.

2. Проблемы с трудоустройством. Безработица – это одна из главных проблем в современном обществе и исходя из единиц анализа, относящих к данной категории: *«живём вместе, не хватает денег… куда пойти работать», «работа во время декрета», «работа для беременных (на дому)», «семья, молодой специалист, не могу найти работу»*.

3. Социально-педагогические проблемы с детьми. Достаточно часто встречаются словосочетания, касающиеся отклоняющегося поведения ребёнка: *«ребёнок боится сверстников», «ребёнок хамит, оскорбляет», «ребенок неадекватно себя ведёт», «ребёнок агрессивен», «у ребёнка суицидные наклонности»*. Также обращаются с проблемой непонимания: *«не могу объяснить ребёнку…», «нет доверительных отношений с ребёнком», «ребёнок скрывает»*. В данную категорию относим и проблему компетентности родителей в воспитании ребенка: *«ребёнок не слушается», «как воспитать», «ударила ребёнка, переживаю»*. Также задают вопросы о том, как другие воспитывают детей: *«бьете ли Вы своих детей», «разрешаете ли Вы ребёнку играть в компьютер»*. Таким образом, отношения детей и родителей ещё одна из проблем, которую люди выносят на общественное обсуждение с целью получения рекомендаций по улучшению сложившейся ситуации.

4. Насилие в семье. Данная категория имеет три подгруппы: физическое насилие, психологическое насилие и сексуальное насилие. В рамках подгруппы физическое насилие ключевые составляющие следующие: *«рас-*

пускает руки», «ударил муж», «жена наносит физические увечья», «бьют родители», «бью/бьёт детей», «ударил(а) ребёнка». При этом нужно отметить, что не всегда пишет жертва, но и обидчик, т.к. переживает за содеянное и просит совета как исправить ситуацию. Обращаются и дети с вопросом о том, что им делать и как себя вести, чтобы меньше били, или как помочь одному из родителей, который регулярно подвергается физическому воздействию со стороны другого. Подгруппа психологическое насилие включает в себя следующие смысловые единицы: *«боюсь мужа/жены/родителей», «кричать, орать, оскорблять», «угрозы расправы», «ограничение в общении с друзьями/родственниками и т.д.», «ограничение свободы»*. Как правило, данная проблематика является результатом физического насилия. Индикаторы «изнасилование кем-либо из родных», «сексуальные домогательства» относятся к третей подгруппе сексуальное насилие. С данной проблематикой обращаются не только тогда, когда внутри семьи происходит сексуальное насилие, но и когда один из её членов подвергался изнасилованию со стороны посторонних людей (сосед, маньяк, друг семьи и т.п.). Некоторые пишут о своих психологических травмах детства, которые оставили отпечаток на всю жизнь (сложность построить отношения, доверять партнёру), вызванные наблюдением со стороны, когда сексуальное насилие происходило между родителями, или когда человек был жертвой насильника.

5. Зависимость одного из членов семьи. Единицами анализа выступают следующие словосочетания: *«зависимость от», «алкоголизм», «наркомания», «игромания», «табакокурение»*. С таким родом проблем обращаются не только члены семьи, созависимые, но и сами зависимые, которые желают избавится от данной проблемы.

6. Психологические проблемы. Психологические проблемы возникающие между супругами характеризуют следующие индикаторы: *«измена», «трудности при взаимоотношениях», «отдаляется супруг(а)», «любовница»*. Одна из стадий жизненного цикла семьи это «умирающая семья» (смерть одного из супругов), но для семьи важен каждый и потеря одного из членов семьи ведёт к психологической травме и в результате люди не всегда знают, как с этим жить и обращаются с такой проблемой (единица анализа: *«как пережить утрату супруга(и)/ребенка/родителя»*). С психологическими проблемами обращаются и несовершеннолетние: *«конфликты с родителями», «хочу уйти из дома»*. Важно выделить еще одну проблему нелюбовь к ребенку: *«хочу бросить мужа и ребёнка», «жалеем, что завели ребёнка», «не люблю своего ребёнка», «раздражает ребёнок, хочу бросить ребёнка»*. Встречается и словосочетание, где люди открыто говорят о том, что очень сильно испытывают негатив к своему ребенку («*ненавижу своего ребёнка*»).

7. Репродуктивные стратегии. Часто встречаются смысловые единицы вопросов аборта: *«делать или нет аборт», «меня заставляют сделать аборт», «как жить после аборта»*. Некоторые люди не знают *«когда рожать ребёнка», «рожать ли третьего ребенка при…»* (указывают ситуацию). Спрашивают об отношении к таким категориям как *«матери-одиночки», «несовершеннолетние мамы»*.

8. Социально обусловленные болезни. Никто не застрахован от болезней, но не все могут справиться с психологической проблематикой, которую вызывают социально обусловленные болезни. *«Риск заражения», «ВИЧ-инфицированный партнёр», «Гепатит С», «заболевание перейдет к ребенку»* – все данные вопросы тревожат членов семьи. Кто-то боится самого заражения, другие, что заболевание передастся их будущему ребенку.

9. Семьи инвалидов или семьи, воспитывающие детей инвалидов. Единицы анализа: *«ребенок-инвалид», «супруг(а) инвалид»*. Семьи, в которых один из членов семьи является инвалидом, вынуждены решать все проблемы, связанные с инвалидностью и зачатую выражают добровольное согласие заниматься этими проблемами, отказываясь поместить инвалида в специализированный центр. Вопросы касаются ухода за инвалидом, развода (т.к. отцы, чаще всего, не выдерживают такой нагрузки и уходят из семьи) или отказа от ребенка, или супруга.

10. Неосведомленность. Одна из важнейших проблем не только семьи, но и всех других сфер жизнедеятельности человека. Не каждый член современного общества владеет информацией о том, где, на что и при каких обстоятельствах или условиях он может рассчитывать. Индикаторами выступают следующие словосочетания: *«социальные программы для…», «какие документы нужны на оформление пособий/льгот», «куда обратиться с проблемой…»*.

Исходя из результатов исследования, можно сделать вывод, что люди, у которых есть проблемы внутри семьи, не всегда готовы попросить помощи у компетентных, квалифицированных специалистов, а может просто не осведомлены об услугах или условиях получения данной услуги. Они находят поддержку через советы «простых» людей в надежде справиться со сложившейся ситуацией.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Всероссийский женский портал – [Электронный ресурс] – режим доступа: http://woman.ru
2. Психологический форум – [Электронный ресурс] – режим доступа: http://psyche.biznet.ru/
3. Семья – [Электронный ресурс] – Википедия – режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%E5%EC%FC%FF
4. Сибирский семейный сайт – [Электронный ресурс] – режим доступа: http://sibmama.ru/?menu

Ниязханқызы Г.

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДАҒЫ КӨШІ-ҚОННЫҢ ҚАЛА-СЕЛО ТҰРҒЫНДАРЫНЫҢ ДИНАМИКАСЫНА ӘСЕРІ

Халықтын көші – қоны демографиялық процестерге әсер етеді. Тәуелсіз Қазақстанда жүрген көші-қон өзінің ауқымдылығымен, елдің дамуына әсер етудегі мәнділігімен және көшіп-қону векторларының маңыздылығымен ерекшеленеді. Көші-қонның бірнеше түрі бар. Соның ішінде ерекше қомақты деп есептелінетіні елдің сыртқы мемлекеттермен көші-қоны болса, одан кейінгі ірісі республика ішілік көші-қон. Қазақстан Республикасындағы республика ішіндегі көші-қон елдің өз ішіндегі тұрғындардың механикалық қозғалыс есебінен туындайды. Облыс аралық, облыс ішілік, ауыл-қала, қала-ауыл және т.б. елді пункттер арасындағы орын ауыстырулар түріндегі көші-қон қалыпты процесс.

1991-2010 жж. Қазақстан тұрғындарының ішкі көші-қоны аймақтардың, облыстардың, аудандар мен басқа да әкімшілік-территориялық бірліктердегі халықтың саны мен құрамындағы өзгерістерге елеулі әсерін тигізді. 1990-жж. ішкі көші-қон векторлары XX ғ. 70-80 жж. салыстырғанда, ерекшеліктерімен көрінді. Ең алдымен, ол өзінің көп векторлылығымен, сонымен бірге ауылды жерлерден қалаларға, Алматы, Астана секілді ірі мегаполистерге қоныс аудару ауқымының көлемділігімен өзгешеленді. Сонымен бірге, Қазақстандағы 1991-2009 жж. шағын ауылдардан, кеңшар орталықтарынан келгендердің аудан орталықтарына, өнеркәсіп орындары бар қоныстар мен қалаларға қоныс аударуы жалғасты. Бұл кезеңдегі ішкі көші-қонға түрткі болған жағдайлар XX ғ. 80-жж. аяғынан басталатын Кеңес Одағының барша аймақтарын қамтыған саяси-әлеуметтік, экономикалық қайшылықтардан пайда болды. Ауыл шаруашылығының дағдарысқа ұшырауы, кеңшарлар мен ұжымшарлардың таратылуы оның басты себебі еді. XX ғ. 90-жж. басындағы республикадағы оңтайландыру саясатына орай ауылдардағы клуб, кітапханалар, емдеу орындары, мектептер негізсіз жаппай жабыла бастады. Осылардың нәтижесінде ауылда тұратын халықтың басым көпшілігі жұмыссыз қалды. Ауылдағы күрделі жағдайды жол қатынастарының нашарлығы мен жолаушылар көліктерінің тоқтап қалуы да одан ары қолайсыз ете түсті. Сонымен бірге, 1990-жж. ортасынан басталған аудандарды қысқарту немесе қосу шаралары да ауылдан қалаларға көшу құбылысын жеделдете түсті. Мысалы, 1994-1998 жж. аралығында ауылдық округтер саны 2522-ден 2042-ге дейін қысқарды. Алдымен ауылдардан үлкен елді мекендерге, қалаларға, жаңа жерде жұмыс істеуге мүмкіндігі барлар көше бастады.

Ішкі көші-қон процесі кез-келген мемлекеттің аумағында тұрақты түрде жүреді. Ішкі көші-қонды тұрақтандыру, бір жерден екінші жерге көшуді азайту күрделі де күрмеуі қиын мәселе. Дегенмен жергілікті жерлерде тұрғындардың әлеуметтік-тұрмыс және экологиялық, экономикалық түйіткілдерін шешу бұл мәселенің шешімін жеңілдетеді. Сондықтан да неғұрлым аймақтардың әлеуметтік-экономикалық, мәдени, экологиялық проблемалары өз түйіндерін шешсе, соғұрлым ішкі көші-қонның қарқыны да азаяды. XX ғ. 80-жж. Қазақстандағы қоныс аудару бағыты Солтүстіктен, Шығыстан, Батыстан оңтүстікке қарай бағытталған болатын, себебі көбі тіршілік көзін тек сол кездегі астана Алматы мен Алматының төңірегінде көрді. Ғасырдың соңғы онжылдығында көшбасы керісінше, қарсы бағытта, алғашқы аталған аймақтарға бағытталды. Өйткені 1990-жж. екінші жартысында мемлекеттегі саяси, экономикалық, қоныстану бағытындағы жүргізілген жаңашылдарға байланысты өзгерістер басталды.

Ішкі көші-қонның ауқымында қала маңына қоныстану процесі де тұрақты түрде жүреді. Мұның басты себебі, ауыл тұрғындарының қалаларда, ірі қала маңында өмір сүруге ұмтылыстары, тұрмыс пен еңбек жағдайларын қалалық деңгейге жақындатуға ниет білдірулері.

Ішкі көші-қонның жоғары қарқыны 1991-1992 жж. аралығында басталды. Алматы мегаполисі мен ірі қалаларға ұмтылған көші-қоншылар қала төңірегіндегі бос қалған жерлерді иемденіп алды. Мүмкіндіктеріне қарай, қолда бар құрылыс материалдарынан соғып алған лашықтарын тұрғын үйге айналдырды, олардың заңдастырылмаған, құжаттарсыз бой көтерген саман үйлері келешекте үлкен бір әлеуметтік дағдарысқа жеткізетіні ешкімді де ойландырмады. Ауылдан қалаға қоныс аударуы, яғни ішкі миграция – үнемі шешімін қажет ететін өзекті мәселенің бірі. Бірақ өркениетті елдерде кенттену үрдістері ұзақ уақыт жүргізіліп, тіпті жылдар емес, ғасырларға созылған. Осы уақытта ауыл тұрғындары ешқандай қиындықсыз, күнделікті күйбең тіршіліктерін атқарып, қиындықсыз қала өміріне біртіндеп үйренісіп, сіңісті. Ал жедел қарқынмен жүргізілген, кенеттен қанат жайып, бүкіл тұрғын халықты мигранттарға айналдыру үрдісі, әрине қиындықсыз, шығынсыз жүргізілмейді. Сондықтан ішкі қақтығыстарды болдырмау үшін, ішкі мигранттардың қалаға бағыт алғанын тоқтату үшін, ауылды жерлердің әлеуметтік-экономикалық жағдайларын жедел жақсарту қажет. Сонда ғана ауыл тұрғындары жылы орындарын суытып, қалаға ұмтылу легін тоқтатуы ықтимал. Әрине бұл өзекті мәселелерді жергілікті билік, атқарушы органдар өз құзырында шеше алмайды, ол үшін мемлекет тарапынан арнайы бағдарлама қабылданып, заң күшіне енгізілуі керек. Осылай болса, тек заң жүзімен шектелмей, халықтың ұлттық жобалар мен мемлекеттік бағдарламалар арқылы тұрмыс деңгейін көтеруіне, жұмыспен қамтамасыз етілуіне, өзге де әлеуметтік-мәдени талаптарының орындалуына қол жеткізуге мүмкіндік туар еді [1, 68].

XX ғ. 90-жж. ортасына қарай ішкі көші-қонда ауылдан қалаға ағылған қозғалыс басым болды. Мұның себебі – нарықтық қатынастардың қалада басталуына байланысты. 1995 ж. ішкі көші-қонда, екі бағытта да қозғалыс стихиялы түрде болғанымен, белсенді түрде жүрді. Ол кезде ауылдағы жұмыссыздар қалаға жұмысқа орналасу үшін қоныс аударған еді. Өндіріс орындарындағы дағдарыс, зауыттар мен фабрикалардың жабыла бастауы, жекешелендірудің алғашқы жылдары көптеген қала тұрғындарының да жұмыссыз қалуларына әкеліп соқты. Нарық қыспағына шыдамай жабылған зауыттар мен фабрикалар жұмысшылары енді ауылға келе бастады. Қазақстанның нарыққа ену ерекшеліктерінің бірі – қалада нарық элементтері тезірек дамыса да, ауылда сол тұста әлі де ұжымшарлар мен кеңшарлар істеп тұрған еді. Тек, 1993 ж. аяғы мен 1994 ж. басында ғана ұжымшарлар мен кеңшарларды тарату қарқынды түрде жүзеге асырылып, ауыл толық дәрежеде нарыққа ене бастады. 1995 ж. қала тұрғындарының саны көші-қон есебінен кемуді тоқтатты. Ал, бұл біршама тұрғындардың қаладан қоныс аударуына, немесе ауыл-селоларда туыстары барлардың ауылдарына қайта бастауларына әсер еткен.

Аталған құбылыс жалпы республиканың экономикалық жағдайының әлсіреп, нашарлауынан болды. Бұл кездегі көші-қондағы векторлар қарама-қарсы бағыттарда жүргенімен, XX ғ. 90-жж. ортасынан, әсіресе, жергілікті халықтың қалаға қоныс аударуы, қала халқының ауылға көші-қонына қарағанда, басым болды. Мысалы, 1993-1999 жж. облысаралық миграция барысында Алматыға көшіп келушілер 21 мыңнан 27 мыңға дейін өсті, Алматыдан басқа облыстарға көшушілер саны да 17 мыңнан13 мыңға дейін кеміді.

Ішкі көші-қон белсендігі баяуламады. Қалалардың әлеуметтік жағдайының реттелуі мен депрессивті қалалардың дамуына үкімет тарапынан көңіл бөлу қала халқының санының өсуіне, ауыл-қала көші-қондық вектордың жануына әкелді. Егер, 1989-1999 жж. қала халқы 805,3 мың адамға кеміген болса, 1999-2009 жж. 46,3 мыңдық өсім байқалды. 2004-2009 жж. республика ішінде 1567,7 мың адам көшіп-қонды [2].

Қалалардың аймақтық даму өзгешеліктері де ішкі көші-қонға әсер етті. Көптеген аймақтарда қала халқы санының кемуі, ауыл халқының өсуі байқалды (бұл, урбанизацияның әлемдік үрдісіне сай емес құбылыс). Әсіресе, республиканың өнеркәсіпті қалалары, барлық кіші және орта қалалар халқының саны 2003 ж. дейін көші-қон есебінен кеміді.1991-2002 жж. Қазақстандағы орта және кіші қалалардың халқының динамикасын талдасақ, онда барлығында дерлік халық санының төмендегені көрінді. Қазақстандағы экономикалық дамудағы дағдарыстар кіші және орта қалалардың депрессиялық жайға түсуіне жеткізді.

Аймақтық ерекшеліктер мен қалалардың даму өзгешеліктері де ішкі

көші-қонға әсер етті. Көптеген ұсақ қалалардың дамуы экономиканың белгілі бір саласының даму деңгейіне байланысты. Қалалардың әлеуметтік, экономикалық даму қарқыны, халықтың өмір сүру деңгейі сапасы қалалардың табиғи ресурсы мен өндірістік мүмкіндіктеріне байланысты. Осының бәрі халық көші-қонының қарқынына әсер етеді. Қазақстанда халқының саны 50 мың адамнан аспайтын 60-тан астам кіші қалалар бар. Кіші қалалардың ішінде дағдарысқа ұшыраған әлеуметтік-экономикалық көрсеткіштері төмен қалалар кездеседі. Осы қалалардағы 1991-2008 жж. ішінде халықтың санының динамикасы сол қалалардың әлеуметтік-экономикалық көрсеткіштерімен тығыз байланысты.

Бұл қалалардың өнеркәсіптік өнімі, жалпы республикалық орташа деңгеймен салыстырғанда, әр адамға 20%-дан төмен болды, ресурстық негіз жоқтың қасы, қаланың ірі экономикалық орталық пен өнім өндіру нарығынан алыс орналасуы жұмысшылар санының да орташа ресурстық көрсеткіштен 50% немесе одан да жоғары болуын туғызды. Орташа айлық мөлшері республикалық орташа көрсеткіштен 1,5 есе төмен болды, өнеркәсіптік инфрастуктуралық жағдай мен қолайсыз экологиялық жағдай халықтың бұл қалалардан көшіп кетуіне әкелді. ҚР Үкіметі 2001 ж. 7 желтоқсанында «Қазақстан Республикасының 2002-2006 жж. арналған аймақтық саясат тұжырымдамасы туралы» қаулысына сәйкес, қалалардың деңгейі-дәрежесін анықтау арқылы, қалалардың дамуына жағдай жасау мақсатын көздеді.

Сондай қалалардағы қала халқының сандық өзгерістеріне тоқталсақ, онда мынандай көріністерді байқаймыз: мысалы, 1989-1999 жж. Курчатов қаласының халқының саны 7,0 мың адамға, Кентау қаласының халқы 8,3 мың адамға, Текелі қаласының халқы 7,8 мың адамға, Зыряновск қала халқы 18,4 мың адамға, Лениногорск қаласының халқы 13,7 мың адамға, Арқалық қаласының халқы 20,3 мың адамға, Абай қаласының халқы 10,1 мың адамға, Сарань қаласының халқы 29,3 мың адамға, Шахтинск қаласының халқы 41,8 мың адамға т.б. кеміді. Бұл үрдіс республикадағы барлық кіші және орта қалаларға тән болды. 1997 ж. облыстарды қосу нәтижесінде, Жезқазған, Торғай және Семей облыстарының таратылуы, осы облыстардың орталығы болған қалалардағы халық санының күрт төмендеуіне әкелді. Мысалы, Жезқазған қаласында 1991 ж. 111,1 мың адам есептелсе, 1998 ж. 103,4 мың, ал 1999 ж. 95 мың, 2000 ж. 89,6 мыңға түсіп кемісе, 2000 жж. қайтадан өсе бастады – 2007 ж. 97 мыңнан асты [3, 392]. Арыс, Жаңаөзен және Түркістан қалаларында 1991-1995 жж. халқы азайғанымен, 1996 ж. бастап өсу үрдісінде келеді. Алматы мегаполисіндегі Қаскелең, Есік қалалары мен Оңтүстік Қазақстан облысындағы Жетісай, Шардара, Сарыағаш қалалары осы жылдардың бәрінде халық санын жоғалтпаған қалалар болып табылады [4, 532]. Көптеген Қазақстанның өнеркәсіпті қалалары 2000 ж. дейін депрессиялық мәртебе атағын иеленді. Қазақстанның облыстары, ауданда-

ры мен қалалары арасындағы көші-қон қарқыны 1990 жж. 1-жартысында кему үрдісінде болды: олар бүкіл көші-қоншылардың 45%-ын құрады. Жол мен пәтер ақысының, отынның т.б. қымбаттауы нәтижесінде маятникті, рекреациялық, туристік көші-қон ағымдары саябырсыды.

Республика ішіндегі көші-қон Алматы және Астана мегаполистері, Көкшетау, Қарағанды және Павлодар, Қостанай, Ақтөбе және Маңғыстау облыстары бағытында белсенді түрде жүрді. Бұл көші-қондағы қазақтардың үлесі 65%, орыстардыкі 22% болды. Республика ішіндегі көші-қон қала мен ауыл халқы арасалмағын өзгертті: 1990 ж. қалада 57,4%, ауылда 42,6% болса, 1999 ж., тиісінше, 56,0% және 44,0%, ал 2008 ж. 53,2% және 46,8% болып, қала халқының үлесі 1990-2008 жж. 4,4 пунктке төмендеді.

1995 ж. дейін қалалар арасындағы ішкі көші-қон теріс айырым мен ауыл халқы санының өсімі байқалды. Бұған себеп – қалаларға ауылды жерлерге қарағанда, нарықтық қатынастар ерте енді. Мұнда нарықтық құрылымдар: еңбек, шикізат, бағалы қағаздар биржалары пайда болды, тұрғын үйлер жекешелендірілді. Жұмыссыздар пайда болып, саны өсті, көптеген мекемелер жабылды. Өмір сүру дәрежесі қымбаттады. Колхоздар мен совхоздар және т.б. ауылдық жерлердегі мекемелер де шаруашылықтың нарықтық түрлеріне сәйкес өзгертілді. Ауылды жерлерде мемлекеттік секторларында жұмыс орындары сақталынды. Бұл 1990-жж. ортасына дейін қалалықтардың бір бөлігінің ауылдық жерлерге көші-қонын белсендірді.

1995 ж. бастап ауыл-қала көші-қон жүйесінде өзгеше үрдіс байқалды. Ауылдан қалаға жұмыс пен еңбекақы іздегендер легі өсті. Еңбек ету мақсатындағы көші-қоншылардың негізі – қазақтар, әсіресе, жастар болды.

XX ғ. 90-жж. ауыл тұрғындарының табиғи өсімі қала халқының табиғи өсіміне қарағанда, айтарлықтай жоғары болды. 1990-1992 жж. 20-30%-ға, 1993-1997 жж. 100-400%-ға өсті. Соған қарамастан, 10 жыл ішіндегі қала мен ауыл тұрғындарының үлестік арақатынасы өзгермеді – 1990 ж. қалада 57,4 %, ауылда 42,6% болса, 1999 ж., тиісінше, 56,0% және 44,0% болды.

1991-1999 жж. республика ішіндегі ішкі көші-қон айналымына 2616 мың адам түскен. 1991 ж. облысаралық көші-қонда да, облыс ішіндегі көші-қонда да, адамдардың, басқа жылдармен салыстырғанда, ең көп қозғалысқа түскен жылы болды (431,2 мың адам). Одан кейінгі жылдары республика ішіндегі көші-қон көлемі кему үрдісінде болды. 1999 ж. 173,1 мың адам республика ішінде мекенін ауыстырды, яғни, 1991-1999 жылмен салыстырғанда 2,5 есеге кеміді [5: 56]. Сараптамалық бағалаулар ішкі көші-қонның 70%-ның «ауыл-қала» ағынына байланысты болғандығын байқатты. 1991-1999 жж. қалаға ауыл халқының 1,8 миллионға жуығы қоныстанды.

Жалпы алғанда, 1989-1999 жж. санақтар арасында қала халқының саны 805,3 мың адамға (8,9%-ға) кеміп, 8377,3 мың адам болды, ал қалалықтардың республика халқының жалпы санындағы үлесі 56% болған. Осы кезеңде

барлық облыстарда қала халқының саны кемігенде, тек Қызылорда мен Атырау облыстарында ғана өскені байқалды (облыстарға сәйкес, 15203 және 110 адамға өсті). Кему үрдісі, әсіресе, Қарағанды (267438 адам немесе 18,6%), Шығыс Қазақстан (131853 адам немесе 12,8%) және Ақмола (1228135 адам немесе 21,5%), Қостанай (206115 адам, немес 16,7%), Солтүстік Қазақстан (121955 адам, немес 12,8%) облыстарында анағұрлым қатты қарқынмен жүрді.

Қазақстан Республикасындағы ауыл тұрғындарының санының, 1989-1999 жж. санақтарының материалдары бойынша, динамикасына келсек, 7016,5 мың адамнан 6575,8 мың адамға түсіп, 440,7 мың адамға немесе 6,1%-ға кемігенімен, бүкіл ел халқындағы үлесі 43,3 %-дан 44,0%-ға (0,7%-ға) өсті. Ол қалалардан кеткендердің саны мен үлесінің көптігіне байланысты. Атырау, Батыс Қазақстан, Қызылорда, Маңғыстау және Оңтүстік Қазақстан облыстарында ауыл халқының саны да, үлесі де өскен. Ауыл халқының санының кемуі Қостанай (140281 адам); Солтүстік Қазақстан (133266 адам); Ақмола (106180 адам); Шығыс Қазақстан (104348 адам) облыстарында ерекше байқалды.

Қазақстандықтардың санының кемуі – орыс тілді этностар өкілдерінің республикадан сыртқа көші-қонының жоғарғы үлесіне байланысты, ал бұл нақтылы аймақтардың ұлттық құрамындағы ерекшеліктерге байланысты. Қазақтар басым болған облыстарда халық саны кемімеді. Мысалы, тұрғылықты халық өкілдерінің жоғарғы үлестік мөлшері басым Қызылорда (94,2%), Атырау (89%), Маңғыстау (78,7%), Ақтөбе (70,7%) облыстарында халық саны сақталынса, қазақтар аз Солтүстік Қазақстан (29,6%), Қостанай (30,9%), Ақмола (37,5%) және Қарағанды (37,6%) халық анағұрлым кеміді.

1989-2009 жж. көші-қондық қозғалысқа түскен адамдардың 62%-ы республика ішінде орын ауыстырған. 1989 ж. мәліметтерді тәуелсіздік жылдарымен салыстырудың ерекшелігі – КСРО-ның ыдырауы алдындағы халықтың көші-қон процесіне тартылу ауқымының кеңдігінде. 1989 ж. ішкі көші-қондық қозғалысқа түскен 501357 адам сол жылғы жалпы қозғалыстың 66,2 пайызы болған. Осы жылғы жалпы көші-қоншылар саны 757283 адам, келесі жылы 729579 адам көшіп қонған. Соның ішінде, 1989 ж. сыртқа 255926 адам кетсе, 1990 ж. 272442 адам кеткен.

Халық шетелге ең көп кеткен деп есептелетін 1994 ж. 804391 адам кетіп, 397712 адам келіп, көші-қон қозғалысына 1202103 адам түскен (сыртқы және ішкі көші-қонды қоса есептегенде). Солардың ішінде ішкі көші-қонға түскендер үлесі 54,4% болды. Осындай жағдай 1997 ж. байқалды. Теріс айырым 1994 ж. 477068 адамды, 1997 ж. 299455 адамды құрады. Сыртқы көші-қоншылардың үлесі бұл жылы 45,2% болды. Бұл жалпы көші-қон қозғалысындағы арақатынас. Өз мекенінен кеткендер бойынша есептесек, сыртқа кеткендер үлесі 1994 ж. 59,3%, 1997 ж. 59,4%-ды құрады.

Кесте 1

1989-2008 жж. ішкі көші-қон [2]

Жж.	Ішкі көші-қон			Жалпы көшіп-қонушылар ішіндегі ішкі көші-қонның үлесі
	айырым	келгендер	Кеткендер	
1989-2008	0	6310611	6310611	69,6
1991-2008	0	5352117	5352117	69,8
1991-2003	0	3784392	3784392	65,0
2004-2008	0	1567725	1567725	85,1

Кестеден көрететініміз, 1989-2008 жж. 6310,6 мың адам республика ішінде орнын ауыстырған. Соның ішінде 1989-1991 жж. 958,5 мың адам (жылына орта есеппен 479,2 мың және 20 жылда көшіп қонғандардың 15,2%-ы), тәуелсіздік жылдарында: 1991-2008 жж. 5352,1 мыңнан аса, тиісінше, 84,8% (жылына орта есеппен 315,5 мыңнан аса), соның ішінде 1991-2003 жж. арасында 3784,4 мыңдай адам, тиісінше, 60% (жылына орта есеппен 411,7 мыңнан,), 2004-2008 жж. – 1567,7 мың, тиісінше, 24,8% (жылына орта есеппен 313,5 мың) адам орын ауыстырған. Ішкі көші-қон деңгейі 1992 ж. бастап төмен құлдырап, төменгі шегі 1997 ж. келеді де, 1998 ж. бастап жоғары көтеріледі.

Кесте 2

Қазақстандағы ішкі көші-қон айырымы (1992-2009 жж.) [2]

Ақмола	Ақтөбе	Алматы	Атырау	Батыс Қаз.	Жамбыл	Қарағанды	Қостанай
-55407	-8003	-40317	-13408	-10775	-77619	-42152	-40485
Қызылорда	Маңғыстау	Оңт. Қаз.	Павлодар	Солт.-Қаз.	Шығыс Қаз.	Астана қ.	Алматы қ
-64468	+7337	-78143	+4882	-27758	-81698	+331288	+196706

Ішкі аймақ аралық көші-қон негізінде халқын көп жоғалтқан Шығыс Қазақстан облысы (-81698 адамдық теріс айырым) болды. Сондай-ақ, Оңтүстік Қазақстан облысы -78143 адамға, Жамбыл облысы халқы -77619 адамға, Қызылорда облысы -64468 адамға теріс айырым көрсетті.

Төмендегі диаграмма 1989-2008 жж. аралығында Қазақстанның облыстары мен екі республикалық маңызы бар Алматы мен Астана қалаларының ішкі көші-қондық процестегі айырымының деңгейін көрсетеді.

1992-1996 жж. алыс шетелге Алматы қаласынан 12 мыңнан аса адам көшті. Қазақстандағы ішкі миграциялық құбылыстарға 1997 ж. астананың Алматыдан Ақмолаға көшірілуі зор әсерін тигізді. 1997 ж. дейін Алматы қаласы астана болып тұрған кезде, Қазақстан халқының оңтүстікке қарай миграциясы басым болған-ды. 1997 ж. соң халық негізінен оңтүстіктен солтүстікке қарай көшіп-қонуды жиілетті. Оның негізгі себебі ел астанасының ауыстырылуы. Бұл республика ішіндегі көші-қонда халық тығыз орналасқан оңтүстіктен кең байтақ солтүстікке тұрғындардың жаңа легін туғызды. Қазақстан Республикасының Парламенті мен Үкіметі Ақмола қаласына көшкенге дейін, республиканың астанасы Алматы қаласы болды. 1995 ж. 15 қыркүйекте астананы Алматыдан Ақмолаға көшіру туралы Елбасының жарлығы шықты [6: 82]. Осы кезден бастап астананы көшірудің дайындығы басталып кетті. Сонымен байланысты халықтың оңтүстікке қарай көшуі азайды. Астана халқы жыл сайын өсті: 1996 ж. қалада 278,7 мың, 2001 ж. 7 қазанда 490,8 мың, 2009 ж. санақ бойынша 613,0 мың адам есептелінді.

1989 ж. Алматыға 15,3 мыңнан аса адам тұрақтап, 1990-1991 жж. Алматының көші-қондық өсімі 5 мыңнан асты. 1991-1998 ж. ауыл қазақтарының қалаларға, соның ішінде Алматыға көшуі кеміді. Соған қарамастан, 1998 ж. дейінгі көші-қондық тартылымның негізгі орталығы оңтүстік астана – Алматы қаласы болды. Қаланың облысаралық көші-қондағы оң айырымы 1995 ж. 14,2 мың адамға жетті. 1996-1998 жж. да Алматыға келушілер саны аз болмады.

1998 ж. бастап Астана қаласына көшушілер саны күрт өсті: 1999 ж. Астанаға көші-қоншылардың оң айырымы 57,9 мыңнан аса адамды көрсетті. Осы жылы Алматыда көші-қоншылар 5,7 мың адамға оң айырым көрсетті. Астана қаласында 1999-2001 жж. жылына 55-64 мың аралығында көші-қоншы тұрақтап қалды. Осылайша, ауыл тұрғындарының қалаға келуі бұқаралық сипат алды.

Жалпы алғанда, XX ғ. 90-жж. мен XXI ғ. бас кезіндегі ішкі көші-қон құбылыстары Қазақстандағы қала мен ауыл халқының ара салмағына өзгеріс енгізіп, қазақтардың солтүстік өлкедегі үлесін өсірді.

Тәуелсіз Қазақстандағы өткен 1999 жж. тұңғыш ұлттық санақ қорытындысы бойынша, республикада тіркелген 14953,1 мың адамның 3429,3 мыңдайы өздерінің тұрғылықты жерлердегі қонысын өзгерткен.

Кесте 3

Тұрғылықты жерде үздіксіз тұрғандар (1999 жж.) [7, 23-24]

	Барлық халық	Оның ішінде тұрғылықты жерінде үздіксіз тұрғандар					
		туғаннынан	туғанынан емес	1989-1999 жж. Келгендер			
				Қазақстан Аймақтарынан	ТМД, Балтикадан	ТМД дан тыс	Барлығы
Барлық халық	14953126	11523850	3429276	443013	253720	54594	752254
Қала	8377303	5843281	2534022	331763	157592	18744	508567
Ауыл	6575823	5680569	895254	111250	961128	36050	243687

Қонысын өзгерткендердің жиынтық үлесі 22,9%, ал 1989-1999 жж. аралығындағы көші-қон барысындағы қонысын өзгерткендер 5%. XX ғ. 90 жылдарынан басынан 2004 ж. 1 шілдеге дейінгі есеп бойынша, Қазақстанға 557,4 мың адам, оның ішінде 62016 этникалық отбасы, яғни, 259,8 мың оралман қайтып келген. Соның нәтижесінде республикадағы қазақ халқының үлес салмағы былайша өзгерді: 1989 ж. - 39,7%, 1999 ж. - 53,4%, 2002 ж. - 55,8%, 2004 ж. - 57%, 2005 ж. -58%.

Жекелеген аймақтардағы өзгешеліктерге келсек, 1995 ж. бастап күні бүгінге дейін Маңғыстау облысы халқының саны өсуде. 1995-2000 жж. халық саны 305,1 мыңнан 317,1 мың адамға көтеріліп, 12 мың адамға немесе 104%-ға өсті. 1999 және 2000 жылдары Қазақстан бойынша Алматы мен Астана қалаларымен бірге, тек Маңғыстау облысы ғана көші-қондық оң айырым берді. Оның себебі батыс аймақтағы мұнай-газ өндірісінің дамуы еңбек ресурсына деген сұранысты туғызып, республиканың өзге өңірлеріне көші-қон бәсеңдесе, батыс облыстарға сырттан көші-қон күшейді.

1991-2009 жж. көші-қонның нәтижесінде Қазақстан халқының демографиялық мінездемелерін шешуші эндогендік фактор екендігі және оның тікелей қазақ халқының дамуына байланыстылығы нақтыланды.

Тұрғылықты халық – қазақтардың урбанизациялануы күшейіп, ірі елді-мекендердегі саны мен үлесі және өндіріс салаларына тартылу көлемі артты. Қаладағы сауда, мәдениет, білім беру, денсаулық сақтау орындарындағы қызметкерлер құрамындағы қазақтардың үлесі, кәсіпкерлер арасындағы саны молайды. Қала мектептеріндегі оқушылардың санының негізін құрайтын негізгі ұлт өкілдері мен қалалардағы қазақ тілінде оқытатын мектептердің де саны көбейді

ӘДЕБИЕТТЕР:

1. Асылбеков М.Х., Козина В.В. Народонаселение Казахстана в условиях суверенитета. – Алматы: Тарих тағылымы, 2009. – 152 с.
2. Демографический ежегодник Казахстана. – Алматы: Информцентр, 1994. – С. 220, 221; Миграция населения. Итоги переписи населения 1999 г. – Алматы: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2000. – 130 с.; 2007 жылғы Қазақстан Республикасы халқының көші-қоны. – Серия 15. Демография. – Алматы: Қазақстан Республикасы Статистика агенттігі, 2008. – 389 б.; 2008 жылғы Қазақстан Республикасы халқының көші-қоны. – Серия 15. Демография. – Астана: Қазақстан Республикасы Статистика Агенттігі, 2009. – 38 б.
3. Численность населения средних и малых городов Республики Казахстан на начало 1991-2002 гг. – Алматы: ҚР Статистика агенттігі, 2003; Қазақстанның демографиялық жыл намасы. 2006. Статистикалық жинақ. – Астана: ҚР Статистика агенттігі, 2007. – 392 б. (Автордың есептеуі.)
4. Численность населения средних и малых городов Республики Казахстан на начало 1991-2002 гг. Материалы для служебного пользования. – Астана: Агентство по статистике, 2009. – 532 с.
5. Сборник материалов по вопросам народонаселения. – Астана: ПРООН в РК, 2000. – С. 56.
6. Ведомости Парламента РК. – 1995. – № 17-18. – С. 82.
7. Статистический ежегодник. 1999. – Алматы: Агентство РК по статистике, 1999. – С. 24; Статистический ежегодник Казахстана 2000. – Алматы: Агентство РК по статистике, 2000. – С. 23-24.

Панковская Г.И.

ИЗДАНИЯ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

К историческим источникам по вопросам переселенческой политики царского правительства относятся материалы сборников «Вопросы колонизации», которые издавались Переселенческим Управлением с 1906 по 1916 годы. Несмотря на идеологическую направленность, сборники содержали богатый фактический материал, аргументированный статистическими данными. Опубликованные до-кументы условно классифицируются по следующим разделам:

1. Документы, раскрывающие финансовую сторону деятельности Переселенческого Управления. Представлены в форме официальной отчетно-

сти (сметы Переселенческого Управления в Государственную Думу, доклады бюджетных комиссий по смете расходов управления) и сопутствующих материалов (сметные предположения комиссий, объяснительные записки к смете расходов Переселенческого Управления, протоколы заседаний бюджетных комиссий Го-сударственной Думы по смете расходов Управления).

В документах рассматривались общие и конкретные вопросы переселенческой политики царизма в начале XX века: общая характеристика переселенческого дела и перспективы его развития; сравнительный анализ по годам прямого и обратного движения крестьян и места их водворения, обустройство переселенцев.

Дополнительные сведения содержались в материалах, сопутствовавших документам официальной отчетности. Так, анализ прений депутатов Государственной Думы показал, что часть делегатов обеспокоена непродуманностью аграрных переустройств на обживаемых землях, порождавших острую проблему малоземелья как местного, так и пришлого населения. Подобные последствия переселенческой политики в документах официальной статистики не фиксировались и не предавались гласности.

2. Документы, рассматривающие деятельность Переселенческого Управления по созданию нового земельного фонда.

На основе обширного статистического материала, представленного в таблицах, аргументировалась деятельность Переселенческого Управления по землеотводным работам (по годам, регионам, количеству наделов). В связи с тем, что емкость колонизационного фонда в уже освоенных районах была ограниченной, география землеотводных работ расширялась за счет пустынных и таежных участков, дающих большой процент неудобных земель.

В ряде документов рассматривалась возможность расширения земельного фонда за счет покупки казной у казачества земельных наделов или же сдачи ее в аренду сроком от 50 до 99 лет переселенцам. В материалах специально оговаривалось, что арендаторами могли быть только коренные русские, православные, невраждебно относящиеся к выполнению государственного долга. Таким образом, аренда части удобной земли становилась невозможной как для местного, так и для пришлого нерусского населения [1].

В документах: «Программа статистического обследования землепользования и хозяйства инородческого кочевого населения Азиатской России», «Строительство, население, размеры киргизского землевладения в Туркестанском крае. Официальная справка переселенческого управления» [2] предложена замена существующих скотоводческих земледельческих норм на земледельческие как способ увеличения емкости земельного фонда. Сведений о насильственном изъятии земель у местного населения источники

официальной статистики не содержали.

Достаточно объективную картину общего состояния дел переселения составили донесения заведующих переселенческих отделов на местах. Давая подробную характеристику местности, они были заинтересованы не только в расширении землеотводных работ, но и в оседании крестьян на этих землях. Экстенсивное увеличение колонизационного фонда за счет присоединения неудобных земель обрекало крестьян на заселение в неприспособленных районах и способствовало переводворению населения.

3. Документы, освещающие вопросы развития инфраструктуры заселяемых районов и материальной помощи переселенцам – представлены незначительной частью материалов. Некоторые из них: «Меры агрономической помощи в заселяемых районах» [3], «Почвенно-биологические экспедиции, организуемые Переселенческим Управлением» [4] – посвящены проблемам быстрейшего освоения новых земель. Другие («Совещание представителей Министерства народного просвещения...» [5] – рассматривали вопросы народного образования среди переселенцев. В документе «Размеры ссуд и безвозвратных пособий по хозяйственному обустройству переселенцев...» [6] определены 7 разрядов, по которым, в зависимости от экономических условий, степени населенности района и других факторов, определялся размер ссуд, представляемых населению.

Но даже официальная статистика признавала, что государственная материальная поддержка переселенцев была неэффективной. Правительство, заинтересованное в экстенсивной колонизации новых районов, не заботилась о создании надлежащих жизненных условий для местного и переселенческого населения.

4. Отчеты и справки чиновников Переселенческого Управления, в которых содержались сведения о ходаческом движении, землеустройстве новоселов, местах выходов, расселении и численности переселенцев, о масштабах переселенческой политики и маршрутах передвижений вновь прибывшего населения. Официальные источники слабо освещали вопросы реального водворения крестьян на отведенных участках, не показывали истинные размеры обратного движения переселенцев, вызванного неудовлетворительными условиями проживания.

Таким образом, значительная часть документов Переселенческого Управления посвящалась освещению проблем, рассматривающих причины переселения, состав, места выхода и оседания русских крестьян-переселенцев. Проблемы местного населения, не являясь объектом серьезного внимания со стороны правительства, рассматривались лишь в контексте проведения общей колонизации отдаленных районов. Материалы сборников не содержали специальных исследований вопросов, связанных с формированием казачьего сословия, его численностью и половозрастной структурой.

Несмотря на это, анализ материалов «Вопросы колонизации» наряду с изучением широкого круга других источников, может послужить основой для объективного освещения переселенческой политики царизма и связанных с нею демографических процессов, проходивших на территории Восточного Казахстана.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Казачьи земли как возможный колонизационный фонд // Вопросы колонизации. – 1906. – №1. – С. 276.
2. Программа статистического обследования землепользования и хозяйства инородческого кочевого населения Азиатской России; Строительство, население, размеры киргизского землевладения в Туркестанском крае // Вопросы колонизации. – 1906. – №7. – С. 35, 69.
3. Меры агрономической помощи в заселяемых районах // Вопросы колонизации. – 1909. – №9. – С. 15.
4. Почвенно-биологические экспедиции, организуемые Переселенческим Управлением // Вопросы колонизации. – 1909. – №5. – С.40.
5. Совещание представителей Министерства народного просвещения и Переселенческого Управления по вопросу об открытии начальных училищ во вновь заселяемых местностях Сибири и Дальнего Востока // Вопросы колонизации. – 1909. – №7. – С. 53.
6. Размеры ссуд и безвозвратных пособий по хозяйственному обустройству переселенцев на отдельных местностях Азиатской России на трехлетие (1913-1915 гг.) // Вопросы колонизации. – 1910. – №7. – С. 53.

Ротанова И.Н.

МНОГОГРАННОСТЬ РАЗВИТИЯ ГУМАНИТАРНОГО ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КАЗАХСТАНА В РЕГИОНЕ БОЛЬШОГО АЛТАЯ

Актуальность темы развития гуманитарного приграничного сотрудничества обусловлена как повышением политической значимости гуманитарного фактора в развитии взаимоотношений Российской Федерации и Республики Казахстан в целом, так и в аспекте отдельных регионов, одним из которых является Алтайский регион, или Большой Алтай. Большой Алтай объединяет приграничные территории четырех стран, географически расположенных на пространствах Алтайской горной системы (России, Казахстана, Монголии и Китая) [1]. Учитывая факт четырехсторонней межгосударственной интеграции в регионе Большого Алтая, возможно рассмотрение

гуманитарных связей российско-казахстанского пограничья, исторически сложившегося в советский период и являющегося наиболее выраженным после распада единого государственного образования. Среди всего многообразия направлений международного сотрудничества постсоветских стран именно гуманитарная сфера, включающая вопросы культуры, науки, образования, информации, миграции и социально-трудовых отношений, занимает одно из приоритетных мест. Это во многом обусловлено разделением ранее единого гуманитарного (как и политического, экономического, правового) пространства и, как следствие, нарастанием дезинтеграционных процессов в гуманитарной сфере [2].

В условиях современной трансформации мировой системы все более возрастает роль регионов в качестве участников международных отношений и связей. Особую значимость при этом приобретает приграничное сотрудничество. Международная деятельность приграничных субъектов способствует их включению в процессы международной интеграции, становится важным фактором экономического и социокультурного развития, позитивным образом влияет на состояние социально-политической стабильности в регионах. Дифференцированность пограничного пространства обусловливает формирование разнообразных моделей и форм приграничного сотрудничества. Вследствие этого формирование эффективной политики гуманитарного сотрудничества в регионе Большого Алтая, поиск новых форм и механизмов взаимодействия в гуманитарной сфере становятся все более востребованными и перспективными в ряду наблюдающихся интеграционных процессов. Развитие гуманитарного сотрудничества приграничных территорий России и Казахстана в регионе Большого Алтая, с одной стороны, содействует улучшению жизнеобеспечения населения приграничных территорий и поддержанию исторически сложившихся связей и контактов в социальной, культурной, информационной и иных сферах, с другой стороны, влияет на формирование столь необходимого «пояса добрососедства» по периметру российско-казахстанской границы [3].

Российско-казахстанское пограничье в регионе Большого Алтая в силу исторических и социокультурных условий имеет богатый гуманитарный потенциал, эффективное использование которого способно дать серьезный импульс развитию как двусторонних отношений между РФ и РК, так и многосторонних (трансграничных) связей. Для приграничных регионов и примыкающих к границе районов пригранично-трансграничное сотрудничество объективно является одной из немногих возможностей преодоления периферийного положения внутри своей страны, повышения уровня жизни и удовлетворения культурных потребностей населения [4].

Договорно-правовой базой межгосударственного взаимодействия России и Казахстана в гуманитарной области являются многочисленные со-

глашения между приграничными регионами двух стран [5]. В них зафиксированы основные приоритеты гуманитарного сотрудничества, однако фактически основной акцент делается на содействие организации культурно-массовых мероприятий: праздников национальных культур, фестивалей, выставок, обменов поездками творческих коллективов, спортивных состязаний и т.п. Оказывается поддержка распространению печатных изданий, организации вещания телепрограмм на сопредельную территорию, академическому обмену, совместным образовательным программам, трансграничным контактам национально-культурных объединений.

В начале 2000-х гг. импульс развитию сотрудничества в гуманитарной сфере придали международные активности различного характера, в их числе Год Казахстана в России (2003) и Год России в Казахстане (2004). В рамках мероприятий прошли Дни сопредельных областей и районов на территории соседнего государства, включавшие разнообразные культурные программы. Среди важных событий международной интеграции недавнего времени можно отметить проведение в 2013 г. и весной 2014 г, объявленного в России Годом культуры, Дней Алтайского края в Восточном Казахстане и Дней Восточного Казахстана в Алтайском крае. В программе Дней, помимо официальных переговоров между руководителями регионов и других протокольных мероприятий, состоялись встречи с диаспорами, выступления творческих коллективов в национальных костюмах, выставки творчества, народные гуляния.

В информационной сфере важным моментом является распространении печатных и электронных СМИ Казахстана в приграничных районах РФ, так как российские СМИ даже без поддержки сохраняют в Казахстане весьма прочные позиции.

В качестве приоритетов сотрудничества в сферах образования и науки определяется взаимная поддержка начального и среднего образования на национальных языках, подготовка казахстанских специалистов в высших и средних специальных учебных заведениях сопредельных российских регионов. Почти во всех приграничных субъектах РФ существуют казахские школы или классы с углубленным изучением казахского языка. Важным приоритетом является поддержка начального образования и этнической культуры в выражено периферийных районах и населенных пунктах. Например, казахскому центру «Мирас» Кош-Агачского района Республики Алтай периодически поставляются книги и пресса на казахском языке, происходит обмен делегациями, включающими представителей органов власти, образования, культуры, общественных организаций.

В рамках межрегионального сотрудничества используется наработанная правовая база (многочисленные соглашения, механизмы, выработанные в рамках Международной ассоциации университетов Казахстана и России

«КазРос»и т.п.), закрепившая возможность бесплатного или льготного обучения в вузах, аспирантурах и докторантурах сопредельной страны, проведения совместных научно-исследовательских работ, конференций, академического обмена сотрудниками и преподавателями. Конкретными формами взаимодействия являются целевая подготовка казахстанских и российских студентов в вузах соседнего государства с выдачей выпускникам взаимно признаваемых дипломов об образовании; продолжение обучения в РФ студентов, начавших его в казахстанских вузах; аспирантура и стажировки в России преподавательского состава казахстанских высших учебных заведений; участие российских специалистов в аттестации и аккредитации вузов РК и работа в диссертационных советах последних; защита казахстанскими соискателями своих диссертаций в РФ. В ряде случаев студентам из сопредельной страны предоставляются целевые места. Однако взаимодействие в области образования далеко не всегда получает достаточную поддержку на официальном уровне [6].

Практически во всех приграничных регионах России действуют казахские национально-культурные общества, активно взаимодействующие с Казахстаном напрямую и получающие оттуда (также как и со стороны администраций соответствующих субъектов РФ) поддержку в образовательной, культурной, информационной сферах.

Однако, можно, констатировать, что в гуманитарной сфере приоритет все же отдается разовым мероприятиям, способным вызвать общественный резонанс, тогда как планы, требующие для своего выполнения долгосрочных усилий и финансовых затрат, на практике часто оказываются лишь декларативными.

Отмечая положительную динамику развития международных гуманитарных отношений в приграничье Большого Алтая во втором десятилетии XXI века, необходимо уделить внимание интегрирующей деятельности Международного координационного совета «Наш общий дом – Алтай» (МКС«Алтай») и мероприятиям, проводимым под его эгидой, а также ряду нерешенных в настоящее время вопросов, нередко переходящих в категорию проблем, над которыми предстоит, как правило, среднесрочная и долгосрочная работа.

Региональное объединение по приграничному сотрудничеству Международный координационный совет «Наш общий дом – Алтай» является добровольным неформальным объединением органов государственной власти, ученых и представителей общественных организаций приграничных административно-территориальных образований Казахстана, Китая, Монголии и России в Алтайском регионе. Основой его сотрудничества являются как торгово-экономические, так и гуманитарные связи, основанные на общности природного и культурно-исторического наследия Алтая, желании

участников Совета улучшить качество жизни населения региона [7].

Значительным и важным положительным результатом деятельности МКС «Алтай» являются заинтересованность и личные деловые контакты руководителей приграничных регионов России и Казахстана, возможность неформального непосредственного общения, что в ряде многих случаев ускоряет решение возникающих вопросов межгосударственного взаимодействия в приграничных территориях. Причем, не редко это могут быть вопросы, решение которых не находится в компетенции регионов, а возможно только на государственном уровне, однако особое внимание приграничных регионов обеспечивает контроль и продвижение их решения.

Деятельность МКС «Алтай» не подменяет межгосударственные соглашения. Однако, в рамках его деятельности могут обсуждаться и решаться актуальные вопросы торгово-экономического сотрудничества, эффективности развития транспортной, рекреационной, социальной инфраструктуры и т.д. МКС «Алтай»создавался изначально как площадка для общения, как международное региональное объединение по приграничному сотрудничеству для повышения эффективности и согласованности действий в общих межтерриториальных интересах, для укрепления доверия и добрососедства в регионе. В большей степени вопросы, рассматриваемые в рамках деятельности МКС «Алтай», – это не конкретные бизнес-проекты и планы социально-экономического развития, а содействие в установлении связей, в налаживании контактов, в преодолении барьеров, в обсуждении общих для Алтайского региона проблем: охраны природы, экологической безопасности, сохранения исторического наследия, культурных традиций и т.д. Участники МКС «Алтай» информируют друг друга о мероприятиях в своих государствах, которые могут получить заинтересованный отклик в приграничных территориях и иметь трансграничное значение. Решения МКС «Алтай» носят в основном рекомендательный характер, направлены на определение перспективных направлений, на содействие в развитии или решении каких-либо вопросов, задач, конкретных мероприятий.

Кроме того, сформировались многолетние постоянные проекты, реализуемые под эгидой МКС «Алтай»: Международная летняя школа студентов «Наш общий дом – Алтай», Детская общественная экологическая экспедиция «Начни с дома своего», Международная конференция по научно-техническому сотрудничеству, а также более новые, находящиеся на этапе становления: Международная летняя школа аспирантов и молодых ученых «Наш общий дом – Алтай», Совет ректоров вузов Большого Алтая, Трансграничный туристический маршрут «Алтай – Золотые Горы», Туристско-спортивный фестиваль «Большой Алтай» [8].

Список постоянных проектов МКС «Алтай» сформировался из востребованности развития гуманитарной сферы международной деятельности

и свидетельствует о том, что большое значение в работе уделяется воспитанию молодого поколения, укреплению молодежного сотрудничества, вопросам образования, сохранению историко-культурного наследия и природных ценностей, поддержанию международной научно-исследовательской практики, формированию благоприятного образа соседа и добрососедских отношений («пояса добрососедства»).

Международная многосторонняя совместная деятельность, мероприятия по укреплению добрососедства и взаимопонимания выявляют проблемы и противоречия, имеющие геополитический, государственный и локальный характер (например, на уровне непосредственного должностного исполнения). Отчасти, деятельность МКС «Алтай», с одной стороны, обостряет эти проблемы и противоречия, активизируя международную приграничную деятельность в Алтайском регионе, а с другой стороны, способствует их разрешению, реализуя активные действия и инициативы.

Более 10 лет назад, в период формирования МКС «Алтай», было получено одобрение его организации и деятельности на уровне соответствующих министерств и ведомств, была положительно отмечена инициатива его создания и реализация на его примере новой интеграционной модели международного регионального партнерства по типу еврорегионов. В дальнейшем интерес к деятельности МКС «Алтай» в государственных структурах, координирующих сферу приграничного сотрудничества, носил эпизодический характер, в основном, как к одному из успешных примеров, приводимому в процессе проведения мероприятий международного уровня, в том числе заседаний Совета глав государств-членов ШОС, а также АТР (Азиатско-Тихоокеанского региона) и пр. Однако, в 2012 и 2014 гг. Алтайский край стал местом проведения Молодежных форумов ШОС, в подготовке и проведении которых активное участие принял МКС «Алтай», представив в рамках форумов опыт приграничного сотрудничества в регионе Большого Алтая [9].

Анализ опыта приграничного гуманитарного сотрудничества в регионе Большого Алтая свидетельствуют о том, что процесс международного взаимодействия сопредельных территорий характеризуется наличием определенных проблем и сложностей. Несмотря на формальный прогресс, степень эффективности гуманитарного сотрудничества все еще остается невысокой, что требует как совершенствования самой политики гуманитарного сотрудничества, так и механизмов ее реализации. Так, сложившуюся международную региональную структуру МКС «Алтай» и реализуемые инициативы с его участием, и благоприятную добрососедскую обстановку возможно и необходимо использовать для укрепления приграничного сотрудничества не только Российской Федерации и Республики Казахстан, но и Западной Монголии, и СУАР КНР.

Ряд проблем гуманитарного и образовательного плана может быть

решен при активизации работы Совета ректоров вузов Большого Алтая. Целесообразно создание международных экспертных советов и комиссий для согласования и рекомендации реализации в образовательных программах вузов унифицированных учебных курсов, отвечающих интересам приграничных территорий, в том числе, на русском языке. Возможно формирование международных высокопрофессиональных профессорско-преподавательских коллективов (групп) для ведения отдельных учебных дисциплин или избранных учебных курсов, в том числе, на русском языке с взаимозачетом учебных единиц в приграничных вузах. В целях развития международной научно-исследовательской практико-ориентированной деятельности – организация междисциплинарных образовательных комплексов с выделением соответствующего целевого финансирования такого рода проработки и образовательные новации.

Не совсем успешно продвигаются запланированные международные проекты, например, трансграничный туристический маршрут «Алтай – Золотые горы», «Великий шелковый путь». Несмотря на подписание Таможенного союза, не уменьшаются очереди автотранспорта на пограничных переходах Россия – Казахстан. Трансграничный туризм является одной из потенциально перспективных сфер сотрудничества, хотя планы по развитию кооперации в этой области пока остаются, по большей части, в теории.

В числе вопросов приграничного сотрудничества одно из значимых мест занимают экологические. Такие проблемы, как чрезвычайные ситуации, экологические риски, загрязнение трансграничных рек, проведение природоохранных мероприятий в приграничной зоне, регулирование затрагивающей интересы сопредельной стороны промышленной деятельности и тому подобные, требуют совместного решения. Эти вопросы находят отражение в документах, принимаемых на двух- и многостороннем уровнях, однако часто лишь декларируется намерение сторон содействовать совместному использованию природных ресурсов, охране окружающей среды, оказанию помощи в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера и т.п.

Важное направление взаимодействия в природоохранной области – регулирование водопользования и предотвращение загрязнения трансграничных рек. Одной из форм является проведение совместного мониторинга, осуществляемого на реке Иртыш. Осуществляются совместные экологические проекты, такие как «Трансграничное управление водными ресурсами бассейна реки Иртыш».

К сожалению, остаточное финансирование экологических программ и их подчиненное положение в соотнесении с крупными экономическими проектами ведут к тому, что многие из задекларированных приоритетов остаются на бумаге, либо реализуются на практике крайне медленно. Это

касается экологической реставрации степных ландшафтов (нарушенных неумеренной распашкой) и борьбы с опустыниванием, охраны растительного и животного мира (в том числе создания заповедников и других аналогичных объектов) и других вопросов. Несмотря на повышенное внимание экологов и общественности к деятельности экологически опасных приграничных объектов Восточно-Казахстанской (горнодобывающие и перерабатывающие промышленные предприятия) областей, значительного улучшения ситуации в зоне их деятельности пока не происходит.

В этих условиях трансграничная природоохранная активность поддерживается во многом благодаря усилиям ученых и экологов-практиков РФ и РК [10]. В результате их совместной деятельности достоянием широкой общественности становятся факты загрязнения окружающей среды, проводится мониторинг таких загрязнений, организуются научные исследования, в том числе и полевые.

Многообразие гуманитарных связей приграничных территорий и сложности, возникающие в ходе их реализации, обусловливают необходимость совершенствования политики гуманитарного сотрудничества и способов ее реализации на различных уровнях: межгосударственном и внутригосударственном, межведомственном, региональном, на уровне муниципальных образований. Процессы регионализации, протекающие в современном мировом сообществе, инициируют повышение роли приграничных регионов в системе международных связей. Правомерно говорить, что международные и внешнеэкономические связи приграничных субъектов Российской Федерации и Республики Казахстан являются важным условием социально-экономического развития регионов, выступают консолидирующим фактором на постсоветском пространстве и играют значимую роль в интеграции соседних государств в систему мирового хозяйства.

Очевидно, что на современном этапе политического развития гуманитарный фактор в международных отношениях России и Казахстана, включающий вопросы образования, науки, культуры, информации, туризма, здравоохранения, миграции и социально-трудовых отношений, становится одним из наиболее эффективных средств, оказывающих непосредственное влияние на создание атмосферы доверия между родственными народами. Это тем более важно в связи с тем, что в соответствии с положениями Декларации о гуманитарном сотрудничестве стран-участников Содружества Независимых Государств (2005 г.) формирование общего гуманитарного пространства является одной из стратегических целей развития взаимоотношений на постсоветском пространстве.

Внедрение в практику российских регионов опыта европейского межрегионального сотрудничества в контексте использования новых интеграционных моделей вызывает необходимость принятия законодательных ак-

тов, регламентирующих их создание, в частности, по типу еврорегионов, и принципов их функционирования на российско-казахстанском приграничье, а также программ их развития на краткосрочную и долгосрочную перспективу.

Поскольку гуманитарные связи приграничных территорий России и Казахстана носят многоуровневый характер и развиваются по различным направлениям, в процессе выстраивания гуманитарного сотрудничества следует учитывать не только сходные условия для развития отношений, но и особенности, сложившиеся в национальных законодательствах, а также региональную практику решения гуманитарных проблем приграничных территорий.

Совместные усилия России и Казахстана по решению возникающих проблем в области гуманитарного сотрудничества будут содействовать укреплению взаимопонимания и добрососедских отношений между народами Большого Алтая, углублению региональной и межгосударственной интеграции.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Иванов А.В., Ротанова И.Н. Международный координационный совет «Наш общий дом – Алтай»: сотрудничество сопредельных территорий России, Казахстана, Монголии и Китая // Ползуновский альманах, 2011. – № 3. – С. 61-65.
2. Савченко П., Федоров М., Шелкова Е. Уровень и качество жизни: понятия, индикаторы, современное состояние в России//Российский экономический журнал. – 2000. – №7. – С. 66-73.
3. Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Президентом Рос. Федерации, 28 июня 2000 г. // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: mid.ru/Bl.nsf/arh/19DCF61BEFED61134325699C003B5FA3?OpenDocument. – Дата доступа: 06.09.2014.
4. Алферова М.Н. О возможном подходе к разработке региональной концепции и программы улучшения качества жизни населения / М.Н. Алферова, А.А. Белов, В.П. Бабинцев и др. // Технологии качества жизни. – Т. 2. – №2. – 2002. – С. 1-10.
5.http://www.akimvko.gov.kz/kz/forum/memorandumyi-i-soglasheniya-o-sotrudnichestve.html. Электронный ресурс. – Дата доступа: 02.09.2014.
6. Царегородцева С.С. Образовательные связи Восточно-Казахстанского государственного университета с вузами Сибири // Сибирь в структуре трансазиатских связей: проблемы приграничной торговли и межрегионального взаимодействия / Под ред. В.С. Бойко. – Барнаул, 2000. – С. 186.
7. www.altaiinter.info/council/prezentation. Электронный ресурс. – Дата доступа: 02.05.2014.
8. Ротанова И.Н., Иванов А.В. Международная летняя студенческая школа «Наш общий дом – Алтай» – центр межнационального молодежного общения в Алтайском регионе // Наш общий дом – Алтай. Международное партнерство: наука, экономика, образование, культура, туризм. // Материалы Междунар. науч.- практ. конф., 3 июня 2008 г. – Усть-Каменогорск: ВКРУ, 2008. – С. 161-163.
9. Ротанова И.Н., Иванов А.В. Международный координационный совет «Наш общий дом Алтай» в действии: региональная интеграция глобального масштаба // Трансформация социально-экономического пространства Евразии в постсоветское время: сборник статей / отв. ред. Н.И. Быков, Д.А. Дирин, Ц.М. Мадры. – Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2014. – Том 2. – С. 286-291.
10. Баденков Ю.П., Ротанова И.Н. Природоохранные проекты на территории Алтая: вчера, сегодня, завтра // Ползуновский альманах, 2011. – № 3. – С. 55-59.

Сапегина Н.В.

МОЛОДЕЖЬ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ АЛТАЙСКОГО КРАЯ: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Молодёжь является наиболее динамичной частью общества и наряду с демографическими функциями выполняет значимые социальные и экономические функции. Эти функции в различных возрастных группах молодежи реализуются в разной мере, но отделить их в чистом виде одну от другой очень сложно в связи с тем, что они тесно взаимосвязаны. Таким образом, исследование проблем молодежи имеет особое значение для развития региона.

К определению возрастных границ категории «молодежь» не выработано единого подхода. В зависимости от поставленных задач в разных ведомствах задаются разные возрастные границы. В настоящей работе мы будем использовать в качестве границ молодежного возраста 15 и 29 лет включительно.

По состоянию на 1 января 2013 года молодежь составляет пятую часть населения Алтайского края[1]. Муниципальные образования Алтайского края имеют значительную дифференциацию доли молодежи в составе населения (см. приложение). Относительно высокая доля молодежи характерна для городских округов Алтайского края – краевого центра Барнаула, Алейска, Бийска, Камня-на-Оби, Рубцовска, Славгорода. Средняя доля молодежи (от 15 до 20%) присуща городам Белокуриха, Заринск, Новоалтайск, Яровое и 27 сельским территориям края.

Одними из основных факторов, влияющих на интенсивность миграции населения Алтайского края, являются учеба и работа.

1. На момент подготовки статьи статистический бюллетень «Состав населения по возрасту и полу по городским округам и муниципальным районам Алтайского края по состоянию на 01.01.2014» территориальным органом Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краюне опубликован.

Учащаяся молодежь.

Большое значение при распределении молодежи в муниципальных образованиях края имеет наличие в территориях высших учебных заведений. Они расположены в административном центре края – Барнауле, городах Бийске, Рубцовске, Славгороде [1].

Главным управлением образования и молодежной политики Алтайского края ведется ежегодный мониторинг учебной миграции. Согласно расчетным данным, полученным на основе результатов мониторинга, доля выпускников средних общеобразовательных школ муниципального района, поступивших в 2013 году в вузы, составила в среднем 55%, из них в вузы Алтайского края – 83%. В средних общеобразовательных школах, расположенных в городских округах, данные показатели составили 81% и 74% соответственно. В 6 приграничных муниципальных районах и городских округах края, имеющих транспортное сообщение с соседними регионами, более 45% выпускников из общего числа выпускников, поступивших в вузы, направились для получения высшего образования в соседние регионы.

Работающая молодежь.

Большую роль в дифференциации территорий по доле молодежи играет возможность трудоустройства. Городские округа и муниципальные районы Алтайского края, имеющие низкий уровень безработицы имеют высокую и среднюю долю молодежи в структуре населения.

Сокращение возможности трудоустройства молодежи является одной из серьёзных угроз развитию региональной экономики и трудовых ресурсов. В результате проведенного Н.П. Гончаровой исследования социальных эксклюзий на региональном рынке труда выяснилось, что выпускники без опыта работы являются одной из наиболее уязвимых групп населения. По мнению экспертов, основными причинами, по которым работодатель не желает принимать на работу выпускников, являются отсутствие у них опыта работы и необходимость первоначальной подготовки выпускников с целью формирования у них определенных навыков и умений. При этом качество подготовки выпускников и полученного ими образования (среднее специальное или высшее) не оказывают большого значения на выбор работодателя [2].

Молодежь интенсивно участвует не только во внутрикраевой миграции, но и во внешней для края миграции. Миграционная убыль молодежи в 2013 году составила более 52% от общей миграционной убыли населения Алтайского края. Одним из наибольших рисков для региона является миграция высококвалифицированной рабочей силы в другие регионы Российской Федерации.

Репродуктивное поведение молодежи.

Именно на молодые возрастные группы ложится основная нагрузка, связанная с репродуктивным поведением – созданием семьи, рождением детей. В последнее время в Алтайском крае, как и в большинстве субъектов Российской Федерации, происходит трансформация репродуктивного поведения молодежи: повышается средний возраст вступления в брак для мужчин и женщин, увеличивается количество разводов.

Отрицательное влияние на репродуктивное поведение молодежи в значительной степени оказывают проблемы с трудоустройством, низкая заработная плата, неразвитость социальной инфраструктуры. Данные факторы ограничивают возможность создания семьи, провоцируют откладывание рождений детей на более поздний срок.

Дифференцированное распределение молодежи на территории края является, с одной стороны, индикатором неравномерного социально-экономического развития муниципальных образований, с другой – отражает потенциальные возможности их развития.

Необходимость дополнительных мер, направленных на решение проблем занятости, повышения уровня рождаемости, создание благоприятных условий для проживания молодежи нашла отражение в региональных программах Алтайского края.

Например, ведомственной целевой программой «Молодежь Алтая» на 2014-2016 годы, предусмотрены меры, направленные на создание условий для успешной социализации и самореализации молодежи, предусматривающие, в том числе, развитие социальной активности молодежи, формирование социально-значимых установок [3].

В рамках «Губернаторской программы подготовки профессиональных кадров для сферы малого и среднего предпринимательства Алтайского края в 2013 2016 годах» успешно осуществляется подготовка соответствующих кадров.

Особое внимание уделяется молодежи, проживающей в сельской местности. Государственная программа Алтайского края «Льготная ипотека для молодых учителей» на 2012-2015 годы предусматривает предоставление молодым учителям – участникам программы льготных условий ипотечного кредитования, субсидий на уплату первоначального взноса при получении ипотечного кредита (займа) на приобретение (строительство) жилья. Также в целях привлечения молодых педагогов для работы в сельские малокомплектные школы им оказывается единовременная материальная поддержка в размере 200 тыс. рублей [4].

Федеральная целевая программа «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014-2017 годы и на период до 2020 года», реализуемая те территорий Алтайского края, нацелена на создание комфортных условий жизнедеятельности в сельской местности, содействие созданию высокотехнологичных рабочих мест на селе. В рамках данной программы предусмо-

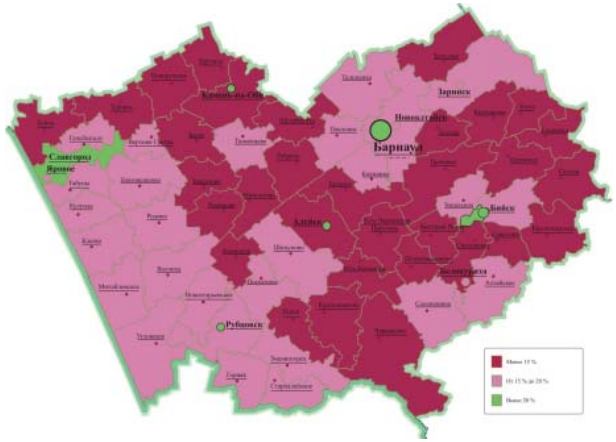
трено, в том числе, предоставляются социальные выплаты на строительство (приобретение жилья) молодым семьям, специалистам [5].

В целях компенсации миграционных потерь молодежи принята долгосрочная целевая программа «Оказание содействия добровольному переселению в Алтайский край соотечественников, проживающих за рубежом» на 2013-2015 годы. Она предусматривает следующие меры поддержки: выплата единовременного денежного пособия молодым педагогам-переселенцам, трудоустроенным в сельские малокомплектные школы, компенсации расходов на оплату жилого помещения, отопления и освещения; ежемесячная денежная выплата специалистам, работающим и проживающим в сельской местности; профессиональные доплаты наиболее востребованным категориям специалистов в сфере здравоохранения.

Кроме того, предусмотрено поощрение одаренных (талантливых) студентов-участников Государственной программы, а также полная (частичная) компенсация студентам-участникам Государственной программы расходов по договорам на оказание платных образовательных услуг [6].

Действующие на территории края меры поддержки позволяют лишь частично оптимизировать расселение молодежи на территории края. Согласно среднему варианту демографического прогноза до 2024 года, основанному на данных 2012 года, предполагается ежегодное снижение доли молодежи в составе населения Алтайского края [7]. Снижение доли молодежи приводит к ухудшению условий для естественного воспроизводства населения, сокращению трудовых ресурсов, и как следствие, оказывает негативное влияет на социально-экономического развития территорий.

Группировка муниципальных образований Алтайского края по доле молодежи 15-29 лет в составе населения на 1 января 2013 г., %



ЛИТЕРАТУРА:

1. Каталог учебных заведений [Электронный ресурс] // Алтайский образовательный портал [сайт]. URL: http://www.altobr.ru/educational-catalog.html (дата обращения 10.09.2014)
2. Гончарова Н.П. Социальные эксклюзии на региональном рынке труда: к проблеме социальной ответственности работодателей [Электронный ресурс] // Управление Алтайского края по труду и занятости населения [сайт]. URL: trud22.ru/files/texts/Biznes_soz_izm/Goncharova.doc (дата обращения: 20.05.2014)
3. Постановление Администрации Алтайского края от 28.12.2013 № 703 «Об утверждении ведомственной целевой программы «Молодежь Алтая» на 2014-2016 годы» // Информационно-правовая система «ГАРАНТ».
4. Постановление Администрации Алтайского края от 25 апреля 2013 г. N 226 «О единовременном пособии педагогическим работникам из числа выпускников образовательных организаций высшего образования, профессиональных образовательных организаций, приступившим к работе по специальности в муниципальных малокомплектных общеобразовательных организациях, филиалах общеобразовательных организаций и общеобразовательных организациях с численностью обучающихся не более 200 человек, расположенных в сельской местности, рабочих поселках Алтайского краям» // Информационно-правовая система «ГАРАНТ».
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 15.07.2013 № 598 «О федеральной целевой программе «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014-2017 годы и на период до 2020 года» // Информационно-правовая система «ГАРАНТ».
6. Постановление Администрации Алтайского края от 24.07.2013 №401 «Об утверждении долгосрочной целевой программы «Оказание содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом»на 2013-2015 годы» // Информационно-правовая система «ГАРАНТ».
7. Демографический прогноз до 2030 года. [Электронный ресурс] // Официальный сайт территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю [сайт]. URL: http://akstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/akstat/ru/statistics/population/.

Сарсембаева Г.А.

ВОЗРАСТНАЯ СТРУКТУРА КАЗАХСКОГО ЭТНОСА В 1999-2009 ГГ.

Одним из факторов эволюции демографических составляющих населения, в том числе процессов воспроизводства, является его возрастная структура. Сложившиеся в современное время тенденции ее изменения так или иначе влияют на динамику численности, показатели рождаемости, смертности, естественного прироста, определяют миграционные тренды.

Период 1999-2009 гг. ознаменовался увеличением численности казах-

ского населения на 2085,3 тыс. человек или на 26,0%. Подробнее рассмотрим вклад в данную динамику различных возрастных групп. С этой целью классифицируем все казахское население на три условных возрастных группы.

Первая группа – 40 лет и старше – поколение демографического взрыва, имевшего место в 60-е годы XX века (родившиеся до 1970 г.). В 1999-2009 гг. удельный вес данной группы в росте численности составил 48,3%.

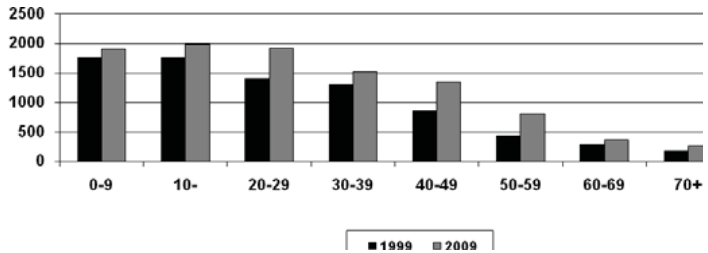
Вторая группа – 20-39 лет – поколение «детей» демографического взрыва (появившиеся на свет с 1970 г. по 1990 г.). Их доля в увеличении численности равнялась 34,4%.

Третья группа – 0-19 лет – поколение «внуков» или дети суверенитета (родившиеся с 1990 г. по 2009 г.), удельный вес которой в росте численности составил 17,3%.

Неоднозначной была также динамика роста каждой из отмеченных выше возрастных групп в 1999-2009 гг. В когортах населения до 40 лет численность выросла на 17,3%, 40 лет и старше – на 56,9%. При этом самая низкая динамика наблюдается в группе 0-9 лет – на 7,7%. Для сравнения численность категории 50-59 летних увеличилась на 86,1%, 60 лет и старше – на 29,9% (рисунок 1).

Рисунок 1

Распределение казахского этноса по возрастным группам по данным текущей статистики 1999 и переписи 2009 гг., тысяч человек



Источник: Национальный состав, вероисповедание и владение языками в Республике Казахстан. Итоги переписи населения 2009 г. в Республике Казахстан. Статистический сборник. Под ред. Смаилова А.А. Астана, 2010. С. 36.

Таким образом, характерным для возрастной структуры казахов является увеличение численности и удельного веса представителей старших групп. Налицо так называемое постарение населения. В перспективе следует

ожидать интенсификацию процесса старения казахов вследствие движения внутри возрастной пирамиды. В ближайшем будущем в старшие когорты вступит многочисленное поколение 60-х годов, обуславливая дальнейшую положительную динамику численности и удельного веса этой возрастной группы. Указанные процессы совпадут со временем вхождения в репродуктивный возраст малочисленного поколения 90-х годов, и, как следствие, с сокращением численности и доли детских возрастов.

Статистические данные показывают, что у титульного этноса доля возрастной группы 0-14 лет в 2006 г. составила 28,3%, 15-64 лет – 67,2% и 65 лет и старше – 4,5% [Этнодемографический ежегодник Казахстана. Статистический сборник. Под редакцией Шокаманова Ю.К. Алматы, 2006. С. 29]. Согласно классификации ООН (если в составе населения возрастная группа 65 лет и старше составляет более 7%, то такое население считается старым), возрастную структуру казахов можно классифицировать как молодую. Несмотря на это, как указывалось выше, титульный этнос затронули процессы старения.

У русского и некоторых других европейских этносов наметились общие тенденции в динамике численности по основным возрастным группам. Так, сокращение численности отмечается в младших и средних возрастных группах, рост численности в старшей возрастной категории. Как отмечалось ранее, миграционный отток европейских этносов, в котором были задействованы в целом представители молодых и средних возрастных групп, обусловил постарение возрастной структуры этих этносов и, как следствие, уменьшение численности в указанных когортах и увеличение ее в старших категориях населения.

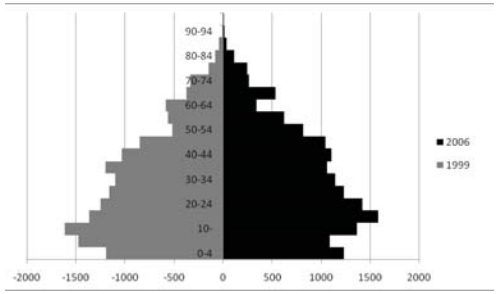
Однако, несмотря на схожие тенденции в динамике численности основных возрастных групп у всего населения Казахстана, внутри каждой группы существует этническая дифференциация, которая неравнозначна в количественном и процентом соотношении. Сказанное характерно также и для процессов старения населения. Так, у титульного этноса движение, обуславливающее указанное явление, направлено «сверху», то есть старение казахского населения происходит в целом за счет увеличения численности и доли старших возрастов. У европейских этносов данный процесс идет как «сверху», так и «снизу», то есть увеличивается численность и удельный вес возрастной группы от 65 лет и старше при сокращении их у молодых когорт населения. Этническую дифференциацию анализируемого явления можно проследить по индексу постарения у двух наиболее многочисленных национальностей республики: казахов и русских. Так, у титульного этноса индекс постарения А. Сови (если отношение числа лиц в возрасте 60 лет и старше к числу лиц до 20 лет составляет менее 20%, то степень постарения считается низкой, от 20% до 30% – средней, более 30% – высокой) равен 15,8%,

у русских – 67,2%. То есть, наиболее активный процесс старения населения наблюдается в европейской группе, что в совокупности с ее регрессивной возрастной пирамидой наталкивает на неутешительные выводы относительно дальнейшей динамики демографических составляющих.

Ниже представлены данные по отдельным возрастным группам населения за 1999 и 2006 годы, классифицированные по 5-летним возрастным отрезкам. Диаграммы содержат статистический материал за 2006 г. вследствие того, что возрастная структура по данным переписи 2009 г. представлена по 10-летним когортам. Распределение по 5-летним группам предоставляет больше возможностей для тщательного анализа возрастной структуры населения, особенно для этнического сопоставления детских и средних возрастов.

Рисунок 2

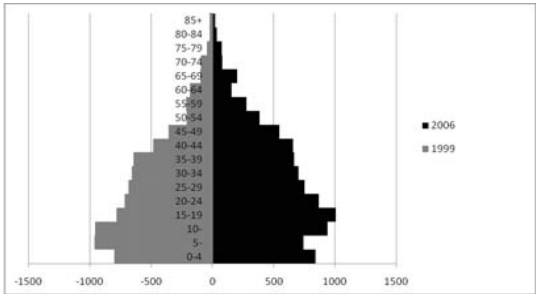
Распределение населения Казахстана по возрастным группам в 1999 и 2006 годах, тысяч человек



Источник: Этнодемографический ежегодник Казахстана. Статистический сборник. Под редакцией Шокаманова Ю.К. Алматы, 2006. С. 14.

Рисунок 3

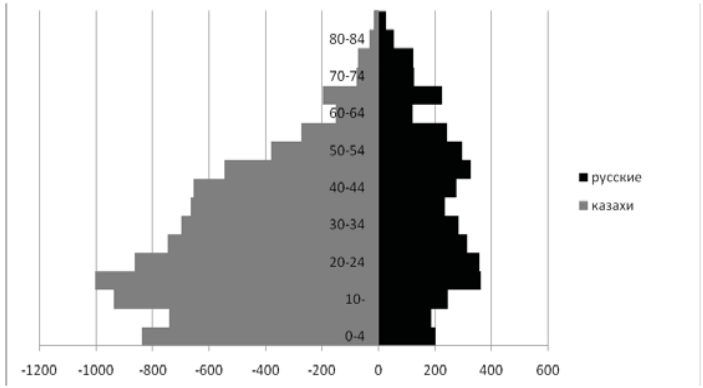
Распределение казахского этноса по возрастным группам в 1999 и 2006 годах, тысяч человек



Источник: Там же. С. 29.

Рисунок 4

Распределение казахского и русского этносов по возрастным группам в 2006 г., тысяч человек



Источник: Там же. С. 29, 42.

Как отмечалось, возрастная структура является одним из факторов эволюции процессов воспроизводства населения республики. Сложившиеся в исследуемое время тенденции в возрастной структуре, так или иначе обуславливают динамику рождаемости, смертности и естественного прироста. Так, отмеченные выше благоприятные изменения в коэффициентах рождаемости в 1999-2009 гг. в большей степени обусловлены вступлением в репродуктивный возраст многочисленного поколения, появившегося на свет в 80-е годы XX века, так называемые «дети» демографического взрыва. Период роста общего коэффициента рождаемости – 10-15 лет, пока названная возрастная когорта не выйдет из наиболее благоприятного для рождений возраста (до 30 лет). Как известно, следующее поколение было малочисленным. В 90-е годы XX века происходит сокращение коэффициентов рождаемости, а у казахского этноса демографическая ситуация была охарактеризована нами как кризисная. Вступление в детородный возраст поколения 90-х годов совпадет по времени с изменениями в верхней части возрастной пирамиды. Многочисленная возрастная когорта, представители которой родились до 1970 г., или поколение демографического взрыва, через 10-15 лет существенно повысит общий коэффициент смертности в Казахстане. Таким образом, положительное воздействие возрастно-половой структуры на эволюции рождаемости, как и естественного прироста, будет иметь временный эффект. Более того, смена многочисленной репродуктивной когорты на малочисленную, увеличение старшей возрастной группы в ближайшем будущем может негативно сказаться на демографической ситуации в Казахстане.

Статистические данные по возрастной структуре представляют возможность рассмотреть интенсивность вклада в рождаемость двух наиболее многочисленных этносов республики – казахов и русских. Как видно из выше представленных диаграмм, казахи составляют больше половины численности в возрастных группах 0-14 и 15-64 лет. Для анализа особенностей рождаемости наибольший интерес представляет категория 19-34 лет, то есть лица репродуктивного возраста. Титульное население составляет 61,0% всей численности этой возрастной когорты. Сказанное говорит о том, что казахи, имея молодую возрастную структуру и существенный удельный вес в репродуктивных группах населения, на сегодняшний день определяют особенности процессов рождаемости. Большое представительство в когорте 0-14 лет у казахов является свидетельством того, что и в перспективе эволюции рождаемости в республике буду обусловлены титульным этносом. Русские же, напротив, наибольший удельный вес имеют в группе 65 лет и старше, по остальным возрастным категориям доля данного этноса сравнительно низкая. Те же тенденции характерны для европейских этносов. Большой удельный вес в старших возрастных группах содействует ухудшению показателей смертности как у этих этносов так и, в целом, по республике.

Наряду с эволюциями воспроизводства, возрастная структура отражает миграционные процессы. Для выявления данной тенденции автором была применена методика передвижки возрастных групп в 1999 и 2009 гг. Было выявлено, какое число людей из каждой возрастной когорты доживает с 1999 г. до 2009 г. То есть, если в 1999 г. это была возрастная группа 0-9 лет, то в 2009 г. – 10-19 лет или 10-19 лет в 1999 г. и 20-29 лет в 2009 г. и т.д.

Данные переписей населения показывают, что численность возрастной группы 0-39 лет в 1999 г. составило 6236,9 тыс. человек. За 10 лет численность этой когорты населения, представителям которой в 2009 г. уже 10-49 лет, увеличилась на 529,5 тыс. человек или на 18,4%. Несмотря на смертность, которая в той или иной степени влияет на показатели численности всех категорий населения, мы наблюдаем положительную динамику в группах 0-49 лет. Сказанное объясняется пополнением численности данных групп иммигрантами – оралманами.

Таблица 1

Сравнительный анализ динамики численности основных возрастных групп казахского населения в период 1999-2009 гг., тыс. человек

возрастные группы	1999 г.	возрастные группы	2009 г.	В 2009 г. к 1999 г.
0-9	1763,6	10-19	1977,9	+214,3
10-19	1753,6	20-29	1917,9	+164,3
20-29	1407,5	30-39	1518,5	+111,0
30-39	1312,2	40-49	1352,1	+39,9
40-49	859,4	50-59	804,0	-55,4
50-59	432,1	60-69	369,2	-62,9
60-69	291,9	70+	258,4	-33,5
70+	191,1			

Источник: Национальный состав, вероисповедание и владение языками в Республике Казахстан. Итоги переписи населения 2009 г. в Республике Казахстан. Статистический сборник. Под ред. Смаилова А.А. Астана, 2010. С. 36.

Таким образом, возрастная структура, являясь своеобразным катализатором воспроизводства, миграционных явлений, в значительной степени обуславливает ход и перспективы демографических процессов Казахстана. Суть и основные эволюции возрастной структуры населения республики определяют казахи. Положительные тенденции в процессах воспроизводства и динамике численности населения отчасти являются следствием удачной конъюнктуры возрастной структуры. В силу того, что казахское население было классифицировано нами как молодое, можно предположить определяющее влияние его на дальнейшее демографическое развитие Казахстана.

Когортный анализ возрастной структуры казахского населения показывает неоднозначность динамики численности различных возрастных групп. Наиболее быстрые темпы роста старшей группы – поколения демографического взрыва. В младших и средних возрастных категориях рост численности значительно ниже. Сказанное означает, что в ближайшее время именно старшая возрастная группа будет иметь определяющее значение в социально-демографическом развитии Казахстана в целом.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Национальный состав, вероисповедание и владение языками в Республике Казахстан. Итоги переписи населения 2009 г. в Республике Казахстан. Статистический сборник. Под ред. Смаилова А.А. – Астана, 2010. – 350 с.
2. Этнодемографический ежегодник Казахстана. Статистический сборник. Под редакцией Шокаманова Ю.К. – Алматы, 2006. – 440 с.

Свахина Т.Е.

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ БРАКИ В ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНЕ: ЕВРЕЙСКИЙ АСПЕКТ

Межнациональные браки в современном Казахстане – весьма распространенное явление, которое позволяет рассматривать межэтническое взаимодействие на примере многонациональных семей.

Еврейская община современного Казахстана за последний век претерпела радикальные изменения во всех областях: демографической, социально-экономической, профессиональной, культурной и т.д.

В данной работе мы попытаемся дать представить периодизацию социально-демографической структуры еврейского населения Восточного Казахстана в XX-XXI веках.

Действующий издревле запрет жениться на представителях другого народа, или смешанный брак, – одно из самых проблемных понятий в еврейском образе жизни. Тора однозначно запрещает вступление в браки с представителями других наций (этот запрет – одна из 613 заповедей). Другими словами, запрет жениться на неевреях – это не дискриминационный акт, а исполнение Божественного повеления, цель которого уберечь евреев от отхода от традиций своих предков. Следовательно, еврейский закон не просто запрещает вступать в брак с неевреями, он даже не предусматривает такой практики и, хотя проблема смешанного брака обычно рассматривается в контексте национальности, в еврейском законе речь идет, прежде всего, об аспекте религиозном.

Вопреки общепринятому мнению, феномен ассимиляции и смешанных браков абсолютно не нов в еврейском мире. В современный исторический период иудаизм вошел руководствуясь существовавшей много тысячелетий традицией несмешения между евреями и неевреями, однако, в христианских странах. Именно с этого времени мы начинаем отмечать ослабление веры и религиозных традиций, произошедшее у многих евреев при знакомстве с новыми для них идеями и в столкновении с реалиями внешнего (по отношению к замкнутой еврейской общине) мира. Соблазн сменить религию усилился, и в 19 веке сотни тысяч евреев сменили свою религиозную принадлежность и заключили смешанные браки.

Смешанный брак является одним из важнейших демографических процессов, влияющих на структуру и будущность еврейского народа. К наиболее важным демографическим факторам, влияющим на частоту смешанных браков можно отнести: численность и плотность еврейского населения на определенной территории, а также возрастную и половую структуру еврейского населения.

Уровень смешанных браков в каждой стране обусловлен скорее специфическими факторами, действующими внутри еврейского населения этой страны или оказывающими влияние на взаимоотношения еврейского населения с окружающим его обществом, чем какими-либо другими причинами.

В предыдущих поколениях количество евреев, которые сочетались браком с супругом-неевреем, оставаясь при этом евреями, было очень небольшим. Но евреи всё больше и больше интегрировались в нееврейском обществе. В частности, были отменены государственные законы, ограничивавшие возможности для такой интеграции, поэтому необходимость менять религию с целью брака постепенно отпала. Одновременно, в середине 19 века были заново пересмотрены некоторые положения иудаизма реформистского толка, касающиеся традиционного запрета смешанных браков. Было принято решение признавать подобные браки с неевреями при условии, что дети в этих семьях будут расти и воспитываться как евреи.

Нынешнее поколение находится в такой социальной ситуации, когда смешанных браков становится всё больше. Несложно указать основные причины этого явления. Вера в силу романтических чувств, незнание заповедей иудаизма, игнорирование еврейской традиции и истории; ослабление запретов и налагаемых общиной санкций, – каждая из этих причин вносит свою лепту в процесс существенного увеличения количества смешанных браков.

В современном иудаизме не существует течения, которое бы поощряло заключение смешанных браков, но поскольку существует проблема, все течения иудаизма сегодня делают попытки противостоять этому явлению и решают, как реагировать на создавшуюся ситуацию.

Смешанные браки и ассимиляция, несомненно, являются важным демографическим фактором. Даже оставив без внимания религиозный и общественный аспекты проблемы, в ситуации, когда смешанные браки и ассимиляция всё более распространены, чисто демографический аспект – критерии подсчёта евреев в общине, - сам по себе становится проблемой, требующей решения.

Можно с уверенностью предположить, что в прошлом число евреев абсолютно совпадало (может быть с очень незначительными отклонениями) с количеством членов еврейских общин. Сегодня всё совсем иначе. В настоящее время отмечается такое разнообразие различных объединений, именующих себя еврейскими общинами, что трудно понять, какая часть из их членов – собственно евреи.

Результаты нескольких статистических исследований показали, что евреи скрывали своё происхождение и не особенно спешили с обнародованием своего еврейства посредством связей с общинными институциями и учреждениями. Но значительная часть разницы в количественных результатах статистических обследований обусловлена сложностью ответа на во-

прос: «Кого можно считать евреем?». Этот вопрос стоит сегодня почти перед каждой еврейской общиной в мире [1].

После Октябрьской революции продолжилось активное сближение евреев с русскими и другими народами края, чему способствовало промышленное и культурное развитие республики. Аккультурные и ассимиляционные процессы значительно усилились, менялось и еврейское самосознание. Межнациональные браки стали повсеместным явлением [2].

Первые статистические сведения о смешанных браках среди евреев относятся к 1920 годам. Их доля тогда была относительно низкой.

До Октябрьской революции вообще браки между представителями разных рас и наций были допустимы лишь в переделах одного социального круга или одной религии и представляли собой исключительное явление. В «Своде законов Российской империи» прямо указывалось, что лицам православного и римско-католического исповеданий запрещается вступать в брак с нехристианами [3].

В Казахстане, где значительная часть евреев состояла из заключенных и ссыльных, в 1939 века 60% евреев называли родным языком русский язык [4].

В 50 годы в бывшем СССР межнациональным браком был каждый десятый брак, в 80-е годы – уже каждый седьмой, а в некоторых республиках – каждый пятый. Подобный рост вызван, прежде всего освобождением молодых людей от моральной зависимости от воли родителей при вступлении в брак: не было необходимости получать родительское благословление. Таким образом, брачующиеся молодые люди из религиозных и светских семьи оказались в равных условиях, что в свою очередь спровоцировало свободу самостоятельного выбора брачного партнера.

Кроме того, весомую роль в расширении национально-смешанной брачности, сыграло ослабление института религии, утрата его регламентирующего влияния в сфере межличностных отношений людей разной этнической принадлежности. Изменилась и позиция государства. Так при царизме, смешанные браки были запрещены, а при советской власти межнациональные браки должны были способствовать укреплению дружбы и взаимопонимания между людьми различных национальностей. Межнациональная семья должна была стать и стала своеобразным символом дружбы народов многонационального союза.

Результатом такой советской идеологии по отношению к представителям национальных меньшинств стало их «обезличивание и уравнивание»: отход от языка и традиций, закрытие синагог и переход религиозной общины на полулегальное положение, преследование верующих, интенсивная ассимиляция, стремление скрыть из-за страха перед репрессиями свое происхождение и как следствие - население теряло свои национальные черты,

становясь просто советским гражданином, а в частности для представителей еврейской нации, межнациональный брак был необходимостью для изменения этничности в документах дабы избежать клеймения «пятым пунктом[1]».

Большинство родителей выбирали единственно правильный выход в ситуации сложившейся во второй половине XX века в советском союзе: они делали все, чтобы их дети забыли, кто они есть. Малым народам для того чтобы выжить нужно было приспосабливаться [5].

Так, например, в Казахстане советского периода (в 1970-1989 годах) межэтнические браки составляли от 20,6% [6] до 23,9% [7]. Так, в советские годы наблюдалась тенденция увеличения доли таких браков, иными словами, в последние годы существования советской системы в Казахстане каждый четвертый-пятый брак был межнациональным.

Однако в 90-е годы, после распада СССР удельный вес межэтнических браков изменился, как изменилось и отношение к ним, что было связано с процессами пробуждения национального и религиозного самосознания [8].

Как показали исследования, в советское время имел место выбор доминирующей идентичности: процент детей, выбиравших титульную национальность родителя был выше, чем выбор в пользу родителя с «проблемной» этнической принадлежностью. В настоящее время этот показатель в корне изменился и при получении документа удостоверяющего личность молодые люди желают указать на принадлежность к некогда «неблагонадежным», а сейчас «элитным» народам.

По данным Агентства Республики Казахстан по статистике, за период с 1999 по 2005 годы удельный вес межэтнических браков снизился с 21,4% до 18,8% [9].

В условиях XXI века огромное количество смешанных браков в такой стране, как Казахстан, который населяют самые разные этнические группы и

1. Пятый пункт или пятая графа – выражение, употребляемое в переносном смысле, означающее указание в документах национальности как факта принадлежности к определенной этнической общности. В СССР графа № 5 была типовой для указания национальности в типовых анкетах и была обязательной для документов удостоверяющих личность. Национальность гражданин определял для себя в 16 лет, при получении паспорта, путем выбора из национальностей отца или матери. Чаще выбирали по отцу (что нетипично для еврейской нации), также определялась национальность детей до 16 лет. Зачастую, если национальность одного из родителей была «проблемной» (еврей, немец, крымский татарин и т.д.), человек выбирал себе национальность второго родителя, более приемлемую (русский, украинец, белорус и т.д.). При этом человек мог иметь национальность только из числа официально признанных народов, проживавших на территории СССР. Существует много свидетельств того, что наличие в документах информации о национальности позволяло чиновникам дискриминировать те или иные национальные меньшинства в частности при поступлении в ВУЗы, при приеме на работу, для карьерного продвижения, при награждении, при поездках за границу, вплоть до депортации по национальному признаку. Отсюда пошло ироническое выражение «инвалид пятой группы», обозначающее человека, имеющего неподходящую национальность.

который находится на стыке разных цивилизаций и культурно-расовых ареалов должно, видимо, рассматриваться как нормальное явление.

Несмотря на появление всё более изощрённых методик опросов, работа демографов становится всё сложнее из-за серьёзных трудностей, возникающих при попытке дать «правильные» определения, применимые для решения комплексных проблем.

Основными методами исследования автором были выбраны: метод изучения генеалогического дерева семьи, анкета. А также – метод устной истории (собраны жизненные истории людей состоящих в межэтническом еврейском браке, родившихся в таких браках), которые позволили по-новому, разносторонне взглянуть на исследуемый вопрос: выявить отношение к межэтническим бракам и детям, рожденным в таких браках со стороны доминирующего и коренного населения. Для более объективного отражения проблемы исследование проводилось в несколько этапов, в разнообразных по возрасту и социальному статусу группах населения. Исследуемые группы – студенты республиканских ВУЗов, представители молодежных организаций и непосредственно представители еврейской диаспоры г. Усть-Каменогорска. Возрастной состав респондентов – от 17 до 65 лет и старше. Согласно «теории развития личности Эрика Эриксона»: все респонденты были поделены на 5 возрастных групп: 17-19, 20-25, 26-40, 41-64, 65 лет и старше. Опросы проводились анонимно, с учетом уровня образования респондентов. Репрезентативная выборка, отражающая социально-экономический, демографический и национальный состав населения, составила 380 респондентов.

Таблица 1

Распределение респондентов по уровню образования
(% к числу опрошенных)

Уровень образования респондентов	Возраст респондентов, лет				
	17-19	20-25	26-40	41-64	65 и старше
Начальное	23,4	-	-	6,2	12,1
Среднее	76,7	42,5	11,2	18,4	44,3
Неполное высшее (бакалавриат)	-	30,7	46,6	11,2	22,9
Высшее (магистратура)	-	26,8	42,2	64,2	20,7

Как показали данные исследования именно респонденты первой и последней возрастных категорий в своем большинстве высказываются против межнациональных браков.

Распределение ответов на вопрос: «Отношение к межнациональным бракам?»:

- положительное: 61%
- отрицательное: 33%
- затрудняюсь ответить: 6%

Многонациональный состав населения области с различными культурными традициями предполагает различный подход граждан разных национальностей к вопросам семьи и брака. Этническая принадлежность респондентов вносит определенные коррективы в рейтинг вариантов ответов, которые они выбирали. Ответы, выявляющие установки респондентов, относительно межнационального брака высказывают два совершенно противоположных мнения, как то:

- против: не зря все люди разные на свете; скоро все будут одной национальности; здоровые дети рождаются только у «чистых наций»; живя в межнациональном браке невозможно сохранить свою веру; против на биологическом уровне; смешанные, интернациональные браки не могут долго длиться, так как культура и воспитание у каждого свои и одному из пары нужно полностью перестаивать себя, чтобы угодить другому; к таким семьям неоднозначное отношение в обществе; специфика «смешанного» происхождения влияет на сложность этнического самоопределения, на процесс становления личности в целом;

- за: при смешении крови дети рождаются здоровее, с более сильным иммунитетом, более развитые физически и умственно; лишь бы веру не теряли; если нации близки по укладу жизни, взгляду на семейные ценности и быт; от смешанных браков дети красивые; национальность понятие условное: «если в человеке намешана кровь татарина, перса, кипчака и русского, он вполне может считать себя казахом, киргизом или евреем»; главное, чтобы родители оставляли детям право выбора религии; борьба за «чистоту крови» постепенно ведет к вырождению, генетическим уродствам, потому что с каждым поколением все больше вероятность родственных браков. Смешанные браки – это прилив свежей крови; за, но только для мужчин; любой союз будет крепким, если супруги подходят друг другу по характеру и социальному статусу.

Важным моментом является выбор детьми из смешанных браков партнеров из соответствующих браков. Причем этот выбор не всегда совпадает с этнической принадлежностью родителей. Однако данный фактор очень важен, поскольку родители с обеих сторон в этом случае более лояльны к выбору детей, и чаще одобряют его [10].

Интересен был ответ одного из респондентов: «Для меня любой брак будет межнациональным, так как я сам – дитя такого союза. Мой отец – уз-

бек, мама – украинка. Кстати, женат на девушке, у которой мама немка, отец – русский».

Кроме того, в процессе исследования выяснилась еще одна особенность межнациональных отношений регионального характера: так как основное население это представители казахского и русского этноса. А именно соотношение основных национальностей оказывает влияние на характеристику и динамику числа регистрируемых межэтнических браков. Так, например, при восприятии вопроса о межнациональном браке практически все респонденты в первую очередь воспринимают межнациональный брак как брак между вышеуказанными этническими представителями, совершенно забывая о малых народностях.

Кроме того, в ходе исследования выяснилось, что наиболее отрицательное отношение у местного населения вызывают браки с представителями кавказских наций, а наиболее желаемые – с немцами и евреями. (Подлинность и искренность намерений и желаний вступления в такие браки, как предполагают исследователи, связана с возможностью эмиграции и требует дополнительного исследования).

В целом следует отметить, что основное население восточно-казахстанской области благоприятно относится к межнациональным бракам, в том числе и к бракам с представителями еврейского этноса, но при этом, само еврейское население современного Усть-Каменогорска, хоть не является противником межнационального брака, но, тем не менее, стремиться заключать брачный союз с представителями своего этноса.

Результаты проведенных исследований позволяют сделать следующие выводы:

- межнациональные браки стали распространенным явлением в нашей стране лишь с 20 годов 20 века;

- в настоящее время идет интенсивный процесс взаимовлияния и взаимопроникновения культур;

- жизнь в многонациональном регионе невозможно без взаимопроникновения культур, в том числе и без межнациональных браков;

- «чистые» межнациональные браки в современном обществе – редкое явление;

- межнациональный брак – способ восстановить утерянную предыдущими поколениями этническую принадлежность.

- население толерантно как в отношении представителей других национальностей, так и по отношению к межнациональным бракам, и детям, родившимся в результате таковых.

Одной из особенностью современного общества является то, что межнациональные семьи создаются в настоящее время людьми, имеющими родителей разных национальностей и сам уровень смешанных браков по-

прежнему высок, причем в них вступают не только еврейские юноши но и девушки, дети которых, по религиозному закону, остаются евреями.

В целом, динамика межэтнических браков в современном Казахстане отражает увеличение удельного веса таких браков, это – в первую очередь – связано с изменением этнической структуры населения.

В настоящее время в Казахстане прослеживаются две четких тенденции: с одной стороны – это идея сохранения «чистоты» генофонда, что приводит к сокращению числа смешанных браков, а с другой – в условиях современного общества, современное поколение при заключении брака не придает особого значения национальности [10]. Тем не менее, межнациональная семья явление распространенное и число таких семей неуклонно увеличивается, особенно в крупных городах.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Стив Исраэль «Еврейская демография» /Электронный ресурс.
2. Шкурко Э.А. «Евреи в Башкортостане: полтора века истории. Формирование еврейской этнической общности». Материалы VI научно-практической конференции «История. Память. Люди.», Алматы, 2013 г., С. 328.
3. Население России в XX веке в 3-х томах Т. 1. 1900-1939 гг. – М.: «Российская политическая энциклопедия», 2000, С. 37-38.
4. Максудов С. «Миграции в СССР в 1926-1939 годах», М., 1999.
5. Юдина А.А. «Нас называли ватты…», 1998.
6. Абдрахманов Д.М., Сизоненко З.Л., Юлдашева О.Н. Социальные технологии укрепления межнационального согласия», Уфа, 2011, 244.
7. Сусоколов А.А. Межнациональные браки в СССР. – М., 1987. – 142 с.
8. Топилин А.В. Межнациональные семьи и миграция: вопросы взаимовлияния. / Социология национальных отношений/ «Социс», 1995, 448 с.
9. Этнодемографический ежегодник Казахстана. Статистический сборник. / Под ред. Шокаманова Ю.К. / Алматы, 2006. – 440 с.
10. Уалиева С.К. «Межэтнические браки в Казахстане и дети» / Сборник научных трудов «Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях», У-Ка, 2005.
11. Шериязданова А.Е., Ражепаева Ф.З. «Межнациональные семьи в Казахстане на современном этапе» Материалы XVII студенческой научной конференции, У-Ка, ВКГУ им. С. Аманжолова, 2008, С. 339 -342.

Сиротина Т.В., Полосина Е.В.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ СИСТЕМОЙ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

Вопросы социальной защиты населения являются предметом совместного ведения Российской Федерации и субъектов Федерации. Однако при разграничении полномочий между Федерацией и ее субъектами центр тяжести практической работы по осуществлению социальной политики перемещен на региональный уровень. Региональная социальная политика строится на основе потребностей жителей данной территории в соответствии с законодательством субъекта федерации, которое должно соответствовать нормам и принципам федерального законодательства [1].

Социальное обслуживание, являясь подсистемой социальной сферы общества, оказывает существенное влияние на развитие личности, социальных групп и общества в целом [2]. Поэтому модернизация социального обслуживания – одно из наиболее важных направлений деятельности по развитию системы социальной защиты населения в Российской Федерации и Алтайском крае.

В данной статье нами более подробно исследуются ключевые направления развития системы социального обслуживания населения в Алтайском крае: переход на новые стандарты социального обслуживания, реализация «дорожной карты», независимая оценка качества услуг учреждений социального обслуживания населения, оптимизация сети учреждений социального обслуживания.

В настоящее время в состав краевых государственных учреждений социального обслуживания Алтайского края входят 82 учреждения, из них: 41 дом-интернат; 8 специализированных учреждений для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации; 4 реабилитационных центра для детей и подростков с ограниченными возможностями; 2 центра социальной адаптации для лиц без определенного места жительства; центр реабилитации инвалидов и ветеранов боевых действий; 2 кризисных центра для мужчин и для женщин; 24 комплексных центра социального обслуживания населения.

Услугами учреждений социального обслуживания (комплексных центров социальной помощи, кризисных и реабилитационных центров, социальных приютов) пользуется значительная часть жителей края (около 300 тысяч человек или более 10% населения края), более 5,5 тысяч человек проживают в стационарных социальных учреждениях.

Развитие сектора социальных услуг потребовало совершенствования

законодательства в сфере социального обслуживания населения и будет осуществляться в рамках Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (далее – Закон), который вступает в силу с 1 января 2015 года и заменяет собой федеральные законы от 2 августа 1995 г. № 122-ФЗ «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов» и от 10 декабря 1995 г. № 195-ФЗ «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации».

Закон направлен на развитие системы социального обслуживания граждан в Российской Федерации, повышение ее уровня, качества и эффективности. Он устанавливает правовые, организационные и экономические основы социального обслуживания граждан в Российской Федерации, полномочия федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере социального обслуживания граждан, права и обязанности получателей и поставщиков социальных услуг.

Система социального обслуживания, согласно новому закону, включает в себя:

- федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере социального обслуживания;
- региональный орган государственной власти, уполномоченный на осуществление полномочий в сфере социального обслуживания;
- организации социального обслуживания, находящиеся в ведении федеральных и региональных органов исполнительной власти;
- негосударственные (коммерческие и некоммерческие) организации социального обслуживания;
- индивидуальных предпринимателей, осуществляющих социальное обслуживание.

Законом определяются основные принципы социального обслуживания, уточняется содержание ряда основных понятий, применяемых в сфере социального обслуживания, определяются формы социального обслуживания, виды социальных услуг и условия их предоставления, принципы финансового обеспечения деятельности организаций социального обслуживания.

Законом определен перечень полномочий федеральных органов государственной власти, которые в том числе включают: установление основ государственной политики и основ правового регулирования в сфере социального обслуживания, утверждение методических рекомендаций по расчету подушевых нормативов финансирования социальных услуг, утверждение примерного перечня социальных услуг по видам социальных услуг.

Минтрудом России осуществляются такие полномочия, как: выработ-

ка и реализация государственной политики в сфере социального обслуживания, а также выработка мер по совершенствованию социального обслуживания, методическое обеспечение социального обслуживания, в том числе в части, касающейся профилактики обстоятельств, обусловливающих нуждаемость в социальном обслуживании, утверждение примерной номенклатуры организаций социального обслуживания, методических рекомендаций по расчету потребностей субъектов Российской Федерации в развитии сети организаций социального обслуживания, примерного порядка предоставления социальных услуг, правил организации деятельности организаций социального обслуживания, их структурных подразделений, которые включают в себя рекомендуемые нормативы штатной численности, перечень необходимого оборудования для оснащения организаций социального обслуживания, их структурных подразделений и др.

С учетом правоприменительной практики уточнен перечень полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации, в число которых входят: правовое регулирование и организация социального обслуживания в субъектах Российской Федерации в пределах полномочий, установленных Законом; определение уполномоченного органа субъекта Российской Федерации, в том числе на признание граждан нуждающимися в социальном обслуживании, составление индивидуальной программы, осуществление регионального государственного контроля (надзора) в сфере социального обслуживания.

В качестве инструмента правового регулирования и организации социального обслуживания органы государственной власти субъектов Российской Федерации обеспечивают, в частности, утверждение законом субъекта Российской Федерации перечня социальных услуг, предоставляемых поставщиками социальных услуг, с учетом примерного перечня социальных услуг по видам социальных услуг, утверждаемого Правительством Российской Федерации, утверждение порядка организации осуществления регионального государственного контроля (надзора) в сфере социального обслуживания, размера платы за предоставление социальных услуг и порядка ее взимания, номенклатуры организаций социального обслуживания в субъекте Российской Федерации, норм питания в организациях социального обслуживания субъекта Российской Федерации и др.

Социальное обслуживание основывается на заявительном принципе. Предоставление социальных услуг и отказ от них возможны только с учетом волеизъявления получателя. Гражданин (его законный представитель) может обращаться непосредственно сам или по его просьбе иные граждане, государственные органы, органы местного самоуправления, общественные объединения, как в уполномоченный орган государственной власти субъекта Российской Федерации, либо непосредственно к поставщику социальных

услуг с письменным либо электронным заявлением о предоставлении социального обслуживания (ст. 14 Закона).

Законом вводятся новые понятия «получатель социальных услуг», «поставщик социальных услуг», «профилактика обстоятельств, обусловливающих нуждаемость в социальном обслуживании». Понятие «стандарт социальной услуги» излагается в новой редакции (основные требования к объему, периодичности и качеству предоставления социальной услуги), при этом стандарт социальной услуги является составной частью порядка предоставления социальных услуг.

В Законе не содержится понятие «трудная жизненная ситуация», ранее предусмотренного Федеральным законом от 10 декабря 1995 г. № 195-ФЗ. Вместо этого, четко установлены обстоятельства, при наличии которых граждане признаются нуждающимися в социальном обслуживании (ст. 15 Закона). К числу таких обстоятельств относятся, в частности, полная или частичная утрата способности либо возможности осуществлять самообслуживание, самостоятельно передвигаться, обеспечивать основные жизненные потребности в силу заболевания, травмы, возраста или наличия инвалидности; наличие в семье инвалида или инвалидов, в том числе ребенка-инвалида или детей-инвалидов, нуждающихся в постоянном постороннем уходе; наличие ребенка или детей (в том числе находящихся под опекой, попечительством), испытывающих трудности в социальной адаптации; отсутствие возможности обеспечения ухода (в том числе временного) за инвалидом, ребенком, детьми, а также отсутствие попечения над ними; наличие внутрисемейного конфликта, в том числе с лицами с наркотической или алкогольной зависимостью, лицами, имеющими пристрастие к азартным играм, лицами, страдающими психическими расстройствами, наличие насилия в семье; отсутствие определенного места жительства, в том числе у лица, не достигшего возраста двадцати трех лет и завершившего пребывание в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; отсутствие работы и средств к существованию. Иные обстоятельства, наличие которых может быть признано ухудшающим или способным ухудшить условия жизнедеятельности граждан, устанавливаются нормативными правовыми актами субъекта Российской Федерации.

Закон предполагает индивидуальный подход к установлению получателям необходимых им социальных услуг исходя из потребности гражданина в социальных услугах. С учетом оснований, по которым гражданин был признан нуждающимся в социальном обслуживании, орган государственной власти, уполномоченный на осуществление функций в области социального обслуживания субъекта Российской Федерации, определяет индивидуальную потребность в социальных услугах и составляет индивидуальную программу предоставления социальных услуг (ст. 16 Закона). Рекомендации по

определению индивидуальной потребности в социальных услугах, а также форма индивидуальной программы предоставления социальных услуг утверждаются Минтрудом России (ст. 7 Закона).

Составленная индивидуальная программа предоставления социальных услуг пересматривается в зависимости от изменения потребности гражданина в социальных услугах не реже, чем раз в три года.

Социальные услуги предоставляются на основании договора, заключаемого между поставщиком социальных услуг и гражданином либо его законным представителем, на основании индивидуальной программы предоставления социальных услуг в суточный срок с даты представления индивидуальной программы предоставления социальных услуг поставщику социальных услуг (ст. 17 Закона). В договоре определяются предоставляемые социальные услуги, перечисленные в индивидуальной программе предоставления социальных услуг, их стоимость в случае, если они предоставляются за плату (частичную плату). Форма договора также утверждается Минтрудом России (ст. 7 Закона).

Поставщики обязаны предоставлять социальные услуги в соответствии с индивидуальной программой и условиями договора, а также порядком предоставления социальной услуги (ст. 12 Закона).

В субъектах Российской Федерации формируются и ведутся реестр поставщиков социальных услуг и регистр получателей социальных услуг (ст. 24-26 Закона). Реестр поставщиков социальных услуг размещается в открытом доступе на официальном сайте уполномоченного органа государственной власти субъекта Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации. Рекомендации по формированию и ведению реестра поставщиков социальных услуг и регистра получателей социальных услуг утверждаются Минтрудом России (ст. Закона).

Также Законом определяются условия предоставления социальных услуг на бесплатной и платной основе, а также категории граждан, которым социальные услуги предоставляются бесплатно и за плату на дому, в полустационарных и стационарных условиях.

Социальные услуги предоставляются бесплатно, если на дату обращения среднедушевой доход получателя социальных услуг, рассчитанный в соответствии нормативными правовыми актами Российской Федерации, ниже, либо равен предельной величине среднедушевого дохода для предоставления социальных услуг бесплатно, установленной законом субъекта Российской Федерации. Размер предельной величины среднедушевого дохода для предоставления социальных услуг бесплатно устанавливается законами субъекта Российской Федерации и не может быть ниже полуторной величины прожиточного минимума, установленного в субъекте Российской

Федерации для основных социально-демографических групп населения.

Порядок определения среднедушевого дохода для предоставления социальных услуг бесплатно для целей Закона устанавливается Правительством Российской Федерации (ст. 7 Закона).

В субъекте Российской Федерации утверждается перечень предоставляемых в различных формах социального обслуживания социальных услуг (ст. 8 Закона) на основании утвержденного Правительством Российской Федерации примерного перечня видов социальных услуг, а также порядки предоставления социальных услуг, обязательные для исполнения поставщиками социальных услуг на территории субъекта Российской Федерации (ст. 7 Закона). Минтруд России разрабатывает примерные порядки предоставления социальных услуг по формам социального обслуживания.

В качестве самостоятельного вида социальных услуг определены срочные социальные услуги (ст. 21 Закона), предоставляемые без составления индивидуальной программы и без заключения договора о предоставлении социальных услуг в целях оказания неотложной помощи в сроки, обусловленные нуждаемостью получателя социальных услуг.

Кроме того, Законом введено социальное сопровождение граждан при предоставлении социальных услуг, предполагающее содействие в предоставлении медицинской, психологической, педагогической, юридической, социальной помощи, не относящейся к социальным услугам, основывающееся на межведомственном взаимодействии организаций, оказывающих такую помощь. Мероприятия по социальному сопровождению отражаются в индивидуальной программе предоставления социальных услуг.

Финансовое обеспечение деятельности организаций социального обслуживания, находящихся в ведении федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, осуществляется за счет средств соответствующего бюджета, а также за счет средств получателей социальных услуг при предоставлении социальных услуг за плату (частичную плату).

Финансовое обеспечение предоставления социальных услуг негосударственными организациями, индивидуальными предпринимателями, осуществляющими деятельность по социальному обслуживанию, и предоставляющими социальные услуги социально ориентированными некоммерческими организациями осуществляется путем предоставления субсидий из соответствующего бюджета бюджетной системы Российской Федерации в соответствии с бюджетным законодательством Российской Федерации, проведения закупок социальных услуг в соответствии с законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, а также за счет средств получателей социальных услуг при предоставлении социаль-

ных услуг за плату или частичную плату.

Гражданин вправе обратиться к иному поставщику, который не включен в индивидуальную программу, но состоит в реестре поставщиков в субъекте Российской Федерации. При этом поставщику компенсируются затраты на предоставление социальных услуг в соответствии со стоимостью индивидуальной программы, рассчитанной по подушевым нормативам финансирования социальной услуги. Методические указания по расчету подушевых нормативов финансирования социальных услуг утверждаются Правительством Российской Федерации. Порядок расчета стоимости социальных услуг по видам социальных услуг и формам социального обслуживания на основании подушевых нормативов финансирования социальных услуг утверждается уполномоченным органом субъекта Российской Федерации.

Закон предполагает осуществление межведомственного взаимодействия при предоставлении социальных услуг на основе регламентов, утверждаемых органами государственной власти субъектов Российской Федерации. Минтруд России утверждает рекомендации по организации межведомственного взаимодействия органов государственной власти субъектов Российской Федерации при предоставлении социальных услуг (ст. 7 Закона). В субъекте Российской Федерации утверждается регламент межведомственного взаимодействия органов государственной власти субъекта Российской Федерации в связи с реализацией полномочий субъекта Российской Федерации в области социального обслуживания.

Закон содержит нормы, предусматривающие осуществление контроля (надзора) в сфере социального обслуживания, в том числе общественного контроля.

Предусмотрены переходные положения, в соответствии с которыми утверждаемый органами государственной власти субъектов Российской Федерации в связи с принятием Закона перечень социальных услуг не может быть сокращен по сравнению с перечнем таких услуг, установленным в субъекте Российской Федерации по состоянию на 31 декабря 2014 года.

Для получателей социальных услуг, у которых право на получение социальных услуг возникло в соответствии с действовавшим до вступления в силу Закона порядком предоставления социальных услуг, вновь устанавливаемые размеры платы за предоставление социальных услуг и условия ее предоставления не могут быть выше размеров платы за предоставление этим лицам соответствующих услуг, установленных по состоянию на 31 декабря 2014 года, а условия предоставления соответствующих социальных услуг не могут быть ухудшены по сравнению с условиями, установленными по состоянию на 31 декабря 2014 года.

Реализация Закона потребует подготовки ряда подзаконных нормативно-правовых актов на федеральном и региональном уровне. Поэтому в

2014 году системе социальной защиты населения в Алтайском крае предстоит решить важную задачу – подготовиться к переходу на новые стандарты в социальном обслуживании населения, новые механизмы работы, заданные в 442-м Федеральном законе.

Существенным нововведением в систему социального обслуживания согласно Закону является расширение круга поставщиков социальных услуг. Помимо государственного сектора, в сфере социального обслуживания смогут работать коммерческие и некоммерческие организации. По сути начинается формирование рынка социальных услуг.

Первые шаги в этом направлении уже был сделан – был начат эксперимент по передаче социального обслуживания на аутсорсинг. В Алтайском крае в проекте участвуют четыре территории.

Закон вступает в силу с 1 января 2015 года, до этого времени должна быть сформирована нормативно-правовая база, которая в полной мере обеспечит его реализацию. На уровне Алтайского края как субъекта Федерации будут утверждены перечень социальных услуг по государственному заданию, порядок их предоставления, оплаты, контроля за качеством социальных услуг – в общей сложности 12 нормативных документов.

В целях реализации в Алтайском крае Федерального закона №442 Главным управлением утвержден план мероприятий.

План состоит из перечня мероприятий, осуществляемых Главным управлением Алтайского края по социальной защите населения и преодолению последствий ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне; ожидаемых результатов от реализации мероприятий; сроков реализации мероприятий; мероприятий по плану Министерства труда и социального развития Российской Федерации; исполнителей мероприятий в Главном управлении.

План предполагает:

- разработку проектов законов, постановлений, приказов;
- проведение мониторинга и актуализация правовой базы Алтайского края в сфере социального обслуживания;
- формирование и ведение реестра поставщиков социальных услуг;
- формирование и ведение регистра получателей социальных услуг;
- реализация с учетом вновь принятого Закона подпрограммы «Социальное обслуживание» государственной программы Алтайского края, утвержденной постановлением Администрации Алтайского края;
- обеспечение размещения и обновления информации о поставщике социальных услуг на официальном сайте поставщика социальных услуг в сети «Интернет»;
- повышение квалификации сотрудников органов социальной защиты населения, курирующих вопросы социального обслуживания;
- предоставление установленных форм отчетности в сфере социаль-

ного обслуживания, предложения об изменении нормативных правовых актов Алтайского края;

- внесение предложений об организации поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций, благотворителей и добровольцев;

- план мероприятий по формированию и развитию рынка социальных услуг;

- план мероприятий по разработке и апробации методик и технологий в сфере социального обслуживания;

- план по развитию сети организаций социального обслуживания;

- проведение мониторинга социального обслуживания в Алтайском крае с целью недопущение нарушений и повышения качества социального обслуживания;

- расчет подушевых нормативов финансирования социальных услуг;

- определение оператора информационных систем;

- подготовка (адаптация) необходимого для реализации Закона программного обеспечения, компьютерной техники.

Еще одним важным направлением в организации деятельности Главного управления и его подведомственных учреждений являются вопросы повышения оплаты труда работников отрасли.

В соответствии с Программой поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012-2018 годы, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 26.11.2012 №2190-р, Главным управлением подготовлен план мероприятий («дорожная карта») «Повышение эффективности и качества услуг в сфере социального обслуживания населения Алтайского края (2013-2018 годы)».

Основной целью реализации «дорожной карты» является обеспечение доступности, существенное повышение эффективности и качества предоставления населению услуг в сфере социального обслуживания.

Достижению данной цели будут способствовать: модернизация системы социального обслуживания, основанная на совершенствовании законодательной и нормативной правовой базы, предусматривающей дифференцированное оказание социальных услуг населению с учетом оценки индивидуальной нуждаемости; возможность участия при оказании социальных услуг населению негосударственных организаций, индивидуальных поставщиков, благотворителей и добровольцев; внедрение независимой оценки качества предоставления социальных услуг; осуществление эффективного контроля за их предоставлением; реализация мероприятий по укреплению материально-технической базы учреждений социального обслуживания населения, сокращению очередности на получение услуг социального обслуживания населения, в том числе путем развития стационарозамещающих

технологий социального обслуживания с преимущественной ориентацией на предоставление социальных услуг на дому, при необходимости, в формате социального сопровождения.

План мероприятий «дорожная карта» содержит мероприятия по совершенствованию трудовых отношений и условий оплаты труда работников учреждений социального обслуживания населения Алтайского края, доведение уровня оплаты труда к 2018 году средней заработной платы социальных работников, младшего медицинского персонала, среднего медицинского (фармацевтического) персонала, педагогических работников, оказывающих услуги детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей до 100 % от средней заработной платы в крае, повышение средней заработной платы врачей – до 200% от средней заработной платы в крае.

Низкий уровень заработной платы приводит к дефициту квалифицированных кадров. Это проблема, общая для всех учреждений социального обслуживания. «Дорожная карта» ориентирована на решение этой проблемы. Постепенное, пошаговое повышение зарплаты ключевых категорий работников направлено на повышение престижа социальной службы и закрепление высокого уровня требований к специалистам. Рост оплаты труда уже сегодня связан с качеством и объемом работы, а в будущем, с переходом на эффективные контракты, эта связь станет еще прочнее.

Однако при реализации плана мероприятий «дорожной карты» возникают проблемы в связи с отсутствием методических рекомендаций на федеральном уровне, например, нормативов штатной численности краевых государственных учреждений социального обслуживания, что затрудняет процесс оптимизации.

Необходимо отметить, что региональная «дорожная карта» является документом, отражающим план стратегического развития сферы социального обслуживания населения Алтайского края на период с 2013 по 2018 гг.

Важным и проблемным направлением в сфере государственного управления системой социальной защиты населения является формирование системы (методики) оценки качества социальных услуг, предоставляемых учреждениями социального обслуживания населения Алтайского края (далее – социальные услуги).

В соответствии с Федеральным законом от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» социальная услуга – действие или действия в сфере социального обслуживания по оказанию постоянной, периодической, разовой помощи, в том числе срочной помощи, гражданину в целях улучшения условий его жизнедеятельности и (или) расширения его возможностей самостоятельно обеспечивать свои основные жизненные потребности.

Социальные услуги должны соответствовать установленному госу-

дарственному стандарту, под которым подразумеваются основные требования к объему, периодичности и качеству предоставления социальной услуги получателю социальной услуги, установленные по видам социальных услуг.

Общая цель внедрения стандартов качества услуг – создание системы управления качеством предоставляемых услуг, в том числе социальных.

Проблема контроля качества социальных услуг достаточно актуальна в настоящее время. Социальное обслуживание представляет собой деятельность социальных служб по социальной поддержке, оказанию социально-бытовых, социально-медицинских, социально-педагогических, социально-трудовых и других услуг.

Оценка качества работы учреждений проводится в целях повышения качества услуг по социальному обслуживанию населения. Проведение оценки качества работы учреждений направлено на решение следующих задач:

- обеспечение получателей социальных услуг дополнительной информацией о качестве работы организаций социального обслуживания, в том числе путем формирования рейтингов, в целях реализации принадлежащего получателям социальных услуг права выбора конкретной организации социального обслуживания для получения социальных услуг;

- определение результативности деятельности организации социального обслуживания и принятие своевременных мер по повышению эффективности или по оптимизации ее деятельности;

- своевременное выявление негативных факторов, влияющих на качество предоставления социальных услуг в сфере социального обслуживания, и устранение их причин путем реализации планов мероприятий, а также осуществление стимулирования руководителей и работников организаций социального обслуживания.

В настоящее время создан Общественный совет при Главном управлении (далее – Общественный совет), который совместно с действующими при учреждениях попечительскими советами будет осуществлять оценку качества работы организаций, оказывающих социальные услуги (далее – оценка качества работы) в системе социальной защиты Алтайского края

В настоящее время разрабатывается Порядок проведения независимой оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги в сфере социального обслуживания Алтайского края.

Так в рамках выездного заседания Общественного совета была проведена оценка качества работы учреждений социального обслуживания по критерию комфортности условий и доступности получения услуг, в том числе для граждан с ограниченными возможностями здоровья.

Независимая оценка была проведена в отношении следующих учреждений: КГБУСО «Краевой социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Солнышко», КГБУСО «Краевой кризисный центр

для женщин», КГБУСО «Краевой кризисный центр для мужчин», КГБУСО «Комплексный центр социального обслуживания населения города Барнаула».

Членами общественного совета были заполнены оценочные листы, а также оценена значимость приведенных в них показателей. По результатам оценки составлены рейтинги учреждений: «Комфортность условий»; «Доступность получения услуг».

Рейтинг «Комфортность условий» выглядит следующим образом:

1. КГБУСО «Краевой социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Солнышко» - 10,32 балла.

2. КГБУСО «Комплексный центр социального обслуживания города Барнаула» - 10,3 балла.

3. КГБУСО «Краевой кризисный центр для женщин» - 10,19 балла.

4. КГБУСО «Краевой кризисный центр для мужчин» - 9 баллов.

Существенно более низкие оценки КГБУСО «Краевой кризисный центр для мужчин» по данному критерию связаны с отсутствием в учреждении условий беспрепятственного входа в учреждение и перемещения внутри здания для людей с инвалидностью.

В рейтинге «Доступность получения услуг» равное количество баллов (2,97 балла) набрали следующие учреждения: КГБУСО «Краевой социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Солнышко», КГБУСО «Краевой кризисный центр для мужчин», КГБУСО «Комплексный центр социального обслуживания города Барнаула». КГБУСО «Краевой кризисный центр для женщин» по итогам рейтинга получило – 2,81 балла.

Существенно более низкие оценки КГБУСО «Краевой кризисный центр для женщин» по данному критерию связаны с низкой доступностью услуг в выходные дни.

Сводный (по итогам двух рейтингов) рейтинг «Оценка качества работы учреждений социального обслуживания по критериям комфортность условий и доступность получения услуг» выглядит следующим образом:

1. КГБУСО «Краевой социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Солнышко» -13,29 балла.

2. КГБУСО «Комплексный центр социального обслуживания города Барнаула» - 13,27 балла.

3. КГБУСО «Краевой кризисный центр для женщин» - 13,0 балла.

4. КГБУСО «Краевой кризисный центр для мужчин» - 11,97 баллов (сайт Главалтайсоцзащиты).

Применение порядка проведения независимой оценки качества в рамках реализации пилотного проекта показало, что критерии оценки качества работы учреждений – участников проекта, на основе которых формируется рейтинг деятельности, не могут в полной мере распространяться на другие

учреждения социального обслуживания, принимая во внимание специфику их работы, в частности, на дома-интернаты. Более того, для каждого из видов учреждений отрасли социальной защиты населения Алтайского края критерии и параметры оценки необходимо разрабатывать индивидуально. А это, в свою очередь, приведет к затруднению дальнейшего сопоставления результатов работы всех учреждений отрасли и формирования единого рейтинга их деятельности.

К примеру, в основе деятельности комплексных центров социального обслуживания населения положен территориальный признак. Независимо от результатов рейтинга, гражданин, проживающий в одном районе, не может обратиться в центр социальной поддержки другого района, даже если качество обслуживания второго лучше, то есть рейтинг деятельности учреждений не даст гражданину право выбора между ними. В то время как результаты рейтинга могут быть определяющими при выборе дома-интерната для граждан пожилого возраста и инвалидов, направление в которые осуществляется по желанию гражданина, независимо от его места проживания.

В целях информационного сопровождения независимой оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги в сфере социального обслуживания населения Алтайского края, на официальном сайте Главного управления создан соответствующий раздел.

Данный раздел содержит информацию о целях и задачах независимой системы оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги, направлениях деятельности по внедрению независимой системы оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги, существующей нормативной правовой базе по данной теме (с возможностью ознакомления с текстами документов).

В указанном разделе будут размещены сведения по информационной открытости учреждений социального обслуживания в соответствии с положениями ст.13 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации». Планируется предусмотреть возможность гражданам оставлять свои мнения и отзывы о работе учреждений, а также возможность реализовать в перспективе онлайн-голосование.

Принимая во внимание вышеупомянутые проблемы при проведении оценки деятельности учреждений социального обслуживания Алтайского края, считаем целесообразным формировать рейтинг деятельности учреждений по видам деятельности, а не единый по всем учреждениям отрасли. Значительная часть измерителей качества – это инструменты, которые будут совершенствоваться и уточняться в процессе применения. Длительное использование и критическая оценка используемого инструментария и проверка результатов дадут возможность получить информацию. На основе,

которой можно вести планирование и реализацию процессов управления в системе социальной защиты населения

Перспективным видится направление по оптимизации системы социальной защиты населения Алтайского края.

Анализируя этап управления, который обеспечивает реализацию намеченных действий, особо следует остановиться на создании оптимальной структуры организации, соответствующей современным задачам. Проведены мероприятия по оптимизации сети учреждений, в том числе укрупнение и перепрофилирование учреждений с учетом действующей потребности. Начиная с 2006 года, в рамках оптимизации сети стационарных социальных учреждений края, осуществляется ликвидация учреждений и стационарных отделений, находящихся в зданиях, не соответствующих санитарным и противопожарным нормам и правилам. С 2006 по 2013 год ликвидировано 19 стационарных учреждений и отделений стационарного обслуживания при территориальных центрах социальной помощи семье и детям.

Главная задача этой работы – сокращение очередности, в крае уже пять лет отсутствует очередность в детские дома-интернаты, три года – в дома для престарелых и инвалидов.

В 2013 году ликвидирована очередность в психоневрологические интернаты. Для решения этого вопроса Мамонтовский и Тальменский интернаты были перепрофилированы, а в Первомайском интернате достроено и открыто отделение милосердия на 45 мест.

Также оптимизация сети учреждений осуществляется за счет укрупнения и перепрофилирования учреждений с учетом действующей потребности: реорганизованы 58 территориальных центров социальной помощи семье и детям в 24 комплексных центра социального обслуживания населения.

Сегодня один такой центр обслуживает два-три, а в Барнауле – сразу пять районов. В учреждениях создан единый административный аппарат, бухгалтерия, кадровая и юридическая службы. За счет этого численность административно-управленческого персонала сократилась втрое. Высвобожденные средства направлены на повышение оплаты труда в соответствии с «дорожной картой».

Суть оптимизации не сводится к сокращению. Наоборот, оптимизация дала возможность расширить систему социального обслуживания. Была проведена стандартизация направлений работы, созданы новые службы. Сегодня сеть филиалов охватывает всю территорию Алтайского края. В 10 районах, где раньше предоставлялось только социальное обслуживание на дому, после реорганизации жители имеют возможность получить более широкий набор социальных услуг.

В процессе оптимизации деятельности учреждений социального обслуживания произошло их укрупнение, объединение и ликвидация учрежде-

ний, не соответствующих требованиям санитарно-гигиенических и противопожарных нормативов.

Утверждена единая государственная программа Алтайского края «Социальная поддержка граждан» до 2020 года. Она объединяет все наши направления деятельности: социальные выплаты, работу подведомственных учреждений, взаимодействие с некоммерческими организациями. По каждому направлению обозначены цели работы и сроки их достижения, есть возможность отследить результат, увидеть динамику. Программный подход на порядок повышает эффективность выполнения любой задачи.

Таким образом, модернизация предусматривает переход на новые стандарты социального обслуживания, дифференцированное оказание социальных услуг населению с учетом оценки индивидуальной нуждаемости, возможность участия при оказании социальных услуг населению негосударственных организаций, индивидуальных поставщиков, благотворителей и добровольцев, внедрение независимой оценки качества предоставления социальных услуг.

В регионе принимаются меры, направленные на оптимизацию системы социального обслуживания населения, повышение престижа профессии работников учреждений сферы социального обслуживания населения, в том числе повышение оплаты труда, обеспечение доступности, существенное повышение эффективности и качества предоставленных населению услуг в сфере социального обслуживания. Развитие отраслей социальной сферы выстраивается в рамках программно-целевого подхода.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гонтмахер Е.Ш. Принципы и основные элементы социальной стратегии / Е.Ш. Гонтмахер // Территориальные проблемы социальной политики. – М., 2009. – С. 16-18.
2. Романенко А.В. Совершенствование системы управления качеством социальных услуг / А.В. Романенко // Отечественный журнал социальной работы. – 2007. – № 3.
3. Федеральный Закон от 2 августа 1995 г. № 122-ФЗ «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов». [Электронный ресурс] // СПС «Консультант–плюс».
4. Федеральный закона от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «Консультант–плюс».

Смагулова А.М.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ КАЗАХОВ В МУЗЕЙНОЙ ПРАКТИКЕ (Россия – Монголия – Китай)

Наиболее масштабным участком территориального размещения казахской диаспоры в Евразии является Большой Алтай. В зоне горной системы сошлись границы четырех государств, в связи с чем, крупные этнические анклавы казахов издавна входят в состав населения России, Казахстана, Монголии и Китая.

В поле зрения казахстанских и зарубежных исследователей казахские диаспоры Алтая находятся уже давно. В целом, проблематика исследований имеет несколько сегментов, поскольку аспекты изучения казахов имеют существенные отличия в постановке вопросов, методологических подходах, методиках исследований.

Обзор направлений в изучении казахских диаспор

Зарубежные исследователи [1] занимаются изучением национализма казахских диаспор, межэтнических отношений, культуры повседневности, миграционных процессов. В поле зрения исследователей ближнего зарубежья стоят вопросы идентичности приграничных зон, социальной адаптации казахов-репатриантов из Монголии и Китая. В частности, на территории Восточного Казахстана в 2013 году было проведено полевое исследование «Идентичность и конфликт на границах: адаптация оралманов в Восточном Казахстане» сотрудниками исторического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (НИ ТГУ), в рамках научно-исследовательского проекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности».

Многолетняя комплексная работа по изучению тюркоязычных народов Сибири [2] проводится в стенах Омского государственного университета имени Достоевского, на базе кафедры Этнологии, антропологии, археологии и музеологии под руководством профессора Н.А. Томилова. Исследования ведутся в отрасли этноархеологии – изучающей свойства социокультурных явлений отражать историческую действительность и исторические процессы, а также свойства сопряжения этих явлений в одну систему, которые позволяют конструировать или реконструировать социокультурные системы прошлого, их внутренние функциональные связи и взаимоотношения с другими системами.

Казахстанские ученые также расширяют проблематику исследований истории и культуры казахской диаспоры в нескольких плоскостях: демографии, этнологии, истории, филологии. Наиболее острые вопросы социальной

адаптации выходцев из казахских диаспор Китая и Монголии поднимает в своих работах казахстанский демограф Александр Алексеенко [3]. На основе демографических данных и опросов исследователь изучает проблемы экстраполяции культурных практик в процессе воспроизводства репатриантов, формировании стратегий адаптации, традиций брачности.

Исторические аспекты возникновения казахских диаспор, вопросы диаспоры и ирриденты рассмотрены в трудах директора Центра диаспорологии при всемирной Ассоциации казахов, Гульнары Мендикуловой [4].

Этнографические разработки культуры казахских диаспор активно ведутся под руководством Отдела этнологии и антропологии Института истории и этнологии имени Ч.Валиханова. Под эгидой Государственной программы Культурное наследие были проведены полевые экспедиции в Китае и Монголии. С 2003 года изучались аспекты взаимодействия традиций и инноваций в области культуры и быта, степени сохранности традиционной материальной и духовной культуры, соционормативных отношений в современном мире, тенденций этнокультурных и этносоциальных процессов. Молодые исследователи Казахстана в рамках международной научной программы CARTI от Института Открытое общество (г.Будапешт) проводили исследования под руководством зарубежных ученых, в частности этнолога Питера Финке по теме «Everyday Ethnicity of Kazakhsin Mongolia through a prism of the cultural practices» (Назгуль Байбагатова, к.и.н., г. Талды-Корган).

Современные филологические изыскания исследователей Восточного Казахстана раскрывают традиционные связи между казахами Китая и Среднего жуза, эти работы имеют большую ценность в контексте микроистории, новой социальной истории. Выявление и анализ казахского фольклора в контексте сопоставления с дневниками путешественников, восточными рукописями формируют репрезентативную источниковую базу для междисциплинарного подхода. Хотелось бы отметить одну очень важную и интересную коллективную работу «Шығыс Қазақстанның мәдени мұралары (тарих, мәдениет, білім)», изданную в рамках государственной программы Культурное наследие [5].Легенды, шежире, сочинения акынов несут в себе много информации по этнотопонимике, межкультурным контактам, легитимации и традиций передачи власти и контроля над территорией.

Постановка проблемы

Выше представленные научные инициативы являются лишь верхушкой айсберга в изучении казахских диаспор, поскольку в глобальной гуманитаристике на первый план выдвинут антропоцентризм, изучение человека. Как правило, в аналитическом арсенале ученый обладает результатами человеческой, коллективной деятельности, то можно выявлять знаковые исключения, противоречащие обобщению, латентное противоборства социума общим тенденциям.

В этой статье мы попытаемся осуществить анализ музейной политики как мемориальной практики, репрезентирующей историю и культуры казахских диаспор Китая, Монголии и России (Республика Алтай).

Музей в контексте мемориальной практики, выступает как культурная сила, визуализирующая прошлое на языке современности, легитимизирующая «власть знания». Любая попытка реконструировать картины истории сталкивается с тем, что отдельные случаи могут быть мифологизированы и оторваны от реальной истории. Поэтому сравнительный подход может индивидуализировать и контрастировать музейные репрезентации истории и культуры казахов в разных государствах.

Сравнительный подход был предложен Питером Аронсоном и Габриэллой Ильгениус, для того чтобы «пролить свет на то, что часто нормализуется в рамках национальной парадигмы» [6]. Ввиду того, что субъектом является диаспора, то индивидуальные случаи могут иметь разные размеры в музейных коллекциях, они несут в себе разные смыслы и способы выражения в контексте национализма.

В основе анализа музеев представлены несколько критериев: инаугурация музея и его инициаторы, архитектура музея и его место в городском пространстве, характеристика коллекций музея, позиция государства в мемориальной практике, казахи в образе Другого.

Алтайский округ, Синьцзянь, КНР

С момента вхождения территории Синьцзяня в состав КНР, зоны компактного расселения казахов стали важным вопросом в национальной политике региона. В 1954 году Государственным Советом КНР была создана Иле-Казахская автономная область, в состав которой вошел Алтайский округ, где проживала многочисленная казахская диаспора, сформировавшаяся с конца XVIII века.

Самый крупный музей казахской культуры находится в административном центре округа, в городе Алтай. Инициатором открытия музея являются местные органы власти, в составе которого в основном представлено казахское население. Музей называется Центром казахской культуры, название делает акцент на этнографическом содержании его коллекций. Слово «история» не входит в его название, таким

Центр казахской культуры, г. Алтай

образом, государство не ставит задачи реконструировать историческое прошлое казахов Алтайского округа.

Центр казахской культуры находится в центральной части города Алтай и занимает одно здание вместе с Домом Культуры, где проходят важные региональные мероприятия, встречи и концерты. Таким образом, музей является приложением в месте проведения культурных мероприятий. Само здание и техническое оснащение Центра казахской культуры содержится на высоком уровне, что говорит о внушительной финансовой поддержке музея государственным бюджетом округа.

Галереи музея в г. Алтай состоят из этнографических и археологических экспозиций, за исключением исторической. Археологические экспонаты представлены материалами раскопок, найденных на территории Алтайского округа. Особое место в ней занимают лыжи, как изобретение человека эпохи бронзы на Алтае. Гиды говорили о том, что лыжи впервые появились в горах Алтая, и что они являются местным историческим брендом, не имеющего аналогов в других регионах.

Многие археологические артефакты, относятся к кочевой материальной культуре – в основном это предметы быта и военного снаряжения кочевников. Если учесть что с XIII века территория была занята монгольскими племенами, то эти экспонаты относятся именно к этому периоду. Привлекла внимание реконструкция погребального сооружения с каменными балбалами эпохи Таян-хана, хана найманских племен. Возникает вопрос об отделении казахской археологии от археологии монголов и джунгар, которые на протяжении нескольких столетий занимали территорию китайского Алтая. Содержательная обособленность археологических дисплеев музея, говорит о выражении казахского национализма, даже в контексте кочевой цивизации. В данном случае мы видим этноархеологию казахов, которая не может преодолеть этнические рамки, выталкивая за ее пределы наследников империи Чингис-хана.В этих условиях, невозможно даже подумать о каких-либо транснациональных идеологемах, подобных туранизму, пантюркизму, панисламизму и т.п.

Настенное панно в музее г. Буыршын.

Этнографическая экспозиция Центра казахской культуры насыщена большим объемом предметов материальной культуры: хозяйства, музыкальные инструменты, оружие, жилище казахов, одежда и предметы повседневного использования.

Аналогичный музей мы исследовали в другом городе Алтайского округа – г. Буыршын. Этот музей обладает тремя галереями: археологической, этнографической и исторической.

Мы не ставим перед собой цели произвести полный обзор этнографической коллекции, поэтому мы продолжим излагать свои выводы в рамках позиции государства в мемориальной практике.

Государство в музеях Алтайского округа, прежде всего, проявляется в двуязычии наименований экспонатов, с использованием китайского и казахского (арабская графика) языков. Историческая экспозиция (музей г. Буыршын) демонстрирует этапы коммунистического строительства государства, успехи интеграции казахов в структуру многонационального Китая. В целом, на лицо победоносное шествие коммунистической национальной политики, отмеченная трудовыми подвигами казахов в сфере животноводства. При тщательном изучении событийной ленты, представленной в музее г. Буыршын, мы обнаружили ряд вырванных из истории страниц – это история войн казахов с Цинской империей, исторические этапы миграций казахов на территорию Алтайского аймака, участие казахов в освободительном движении под руководством Оспан-батыра, тяжелые годы культурной революции в годы «большого скачка» при Мао Цзедуне.

Наблюдения в процессе посещения музеев сформировали образ казахов в контексте Другого. Все экспозиции говорят о кочевой культуре казахской диаспоры, как явном цивилизационном отличии от титульной нации. Кочевой образ жизни казахов пронизывает все галереи, очень четко представлены традиции животноводства. Однако этот образ носит усеченный вариант, рука государства удалила такие живые нити из истории и культуры казахов-кочевников – как международную торговлю, внешние связи с другими обществами и культурные контакты, духовность в форме тенгрианства, ислама, обычного права, социальную иерархию как основу для саморегуляции казахского общества, духовных лидеров диаспоры.

Формат кочевого образа жизни казахов приземлен до уровня удовлетворения естественных потребностей человека, он достигает невероятных размеров и далеко не индивидуален, скорее охватывает и характеризует музейную политику в Китае как мемориальную практику, действующую с момента создания музеев.

Баян-Улгий, Монголия

На протяжении XIX – первой трети XX веков казахское население Монголии оседало в западной части страны. Этому предшествовали различные политические и экономические процессы, ставшие причиной для миграции казахов. Основу казахской диаспоры в Монголии составляют племена найманов и кереев. Административным центром в западной части Монголии является город Баян-Улгий, где нам удалось познакомиться с местными до-

стопримечательностями, в том числе и с музеем. Музей был основан в советский период, по инициативе государства. Он расположен в центральной части города, недалеко от местного театра и администрации Баян-Улгийского аймака.

Музей в Баян-Улги

Музей располагает двумя галереями: исторической и этнографической. Подход в формировании коллекций демократичен, так как здесь представлены разные этносы, проживающие в Баян-Улгийском аймаке: казахи, дербет-урянхайцы, тувинцы.

В холле музея висят большие стенды о научном сотрудничестве с отделом Этнологии и антропологии казахстанского Института истории и этнологии им. Ч. Валиханова. На них представлены результаты полевых работ археологов, этнолингвистов и этнологов Казахстана на территории Монголии.

Этот случай указывает на академические связи и научную направленность музея и его сотрудников, место и роль в выработке знания.

Таким образом, музей оставляет за собой важную социальную задачу не только в накоплении экспозиций, но и актуализации научной значимости коллекций, мобильности знания, научно-образовательных ресурсов. Это говорит об определенной свободе и активной научной жизни музея.

Характеризуя состав исторической экспозиции, важно отметить, что политику коллекционирования нельзя назвать динамичной, она очень тесно привязана к истории региона и не выходит за его пределы, как это есть в музеях Казахстана. Для примера можно привести отсутствие информации об орхоно-енисейских и хошоцайдамских памятниках тюркского периода. Можно сказать, что тюркский период никаким образом не представлен, а значит, не актуализирован в контексте национализма, как символ кочевой цивилизации (в отличие от Казахстана). Многие стеллажи советского периода остались в неприкосновенности, и в идеологическом аспекте продолжают свидетельствовать о тесных связях в основном с Россией, в частности. Социалистическая риторика и большевистская героическая новелла является частью музея.

Таким образом, исторической переоценки социализма не происходит, нет стремления порвать с советским прошлым. Это очень сильно индивидуализирует Монголию в ряду постсоветских государств, постколониальность в ней представлена как ностальгия по прошлому. Неординарный случай.

Относительно пребывания казахской диаспоры на территории Монголии в исторической экспозиции представлены документы XIX века о разрешении казахам со стороны монгольских князей занимать отдельные земли. Также присутствуют артефакты, ранее принадлежащие казахской родовой элите кереев. Есть некоторые отдельные исторические моменты, отражающие культурный обмен между казахами и монголами в виде принятия некоторых традиций монголов. К примеру, известные казахские борцы (палуаны) получали название сильного животного или птицы, как это было принято у монголов.

Исторического содержание музея выделяется своей цельностью, здесь присутствуют не только взлеты, но и падения. Оспан-батыр, национальный герой 40-х годов XX века представлен в музее на фотографиях, копиях письменных документов. Его имя стоит в ряду героев, в истории освободительного движения.

Оспан-батыр

Пытаясь увидеть роль государства в мемориальной практике музея Баян-Улги, мы увидели новые языки передачи знания. Место русского языка в наименованиях экспонатов занял английский язык, который используется наравне с монгольским. Это связано с активным развитием внешнего туризма и притоком зарубежных ученых, проводящих свои полевые исследования в Монголию.

Несостоявшаяся историческая переоценка советского прошлого, это ситуация современной Монголии и ее внешних связей с Россией, которые не утратили своей актуальности. Образ «старшего брата» по-прежнему положительный и носит комплиментарный характер, в образе исторических фотографий приезда первого советского космонавта в Монголию, в 60-х годов XX века. Эти фотографии напоминают о военно-техническом превосходстве ближнего соседа, о его военной мощи.

Этническая полифония в экспозициях музея это решающая сила в национальной политике государства, постулирующая равноправное положение этносов в составе страны. Среди этого многоголосья, казахская история и культура выделяется особняком, так как она представлена более полно и научно подкреплена академическими связями с Казахстаном. Однако на этом образ казахов как Другого не заканчивается.

Здесь мы видим цельность истории, без разрывов и трагические собы-

тия тоже имеют место быть (Оспан-батыр). Эта история живая, в конкретных лицах, героях. Особенно важно здесь указать на то, что история казахов края неразрывно связана с исторической родиной в советский период. Это приезд Турара Рыскулова, казахов-учителей в советские военные школы Баян-Улги. Свобода в самовыражении дала возможность казахам показать себя другими, отделить от других этносов края. Охота с беркутом (впоследствии, вышедшая на уровень национального турнира), успехи в развитии животноводства, и самое важное – казахское краеведение, которое сформировало научные направления в местной ученой среде: этнография, история, филология.

Жана аул, Республика Алтай, Россия

Музей казахов Алтая находится в Кош-Агачском районе Республики Алтай, в составе Российской федерации. Музей был открыт в 1999 году по инициативе главы района А.Д. Джаткамбаева. Этот музей расположен в селе Жана аул, в районе компактного расселения казахской диаспоры Республики Алтай.

Музей казахов Алтая

Музей располагает в своей коллекции около 1000 экспонатов. В нем содержатся две экспозиции: историческая и этнографическая, знакомящие с историей и бытом казахов Чуйской степи.

Музей размещен в отдельно стоящем одноэтажном здании, окружен деревянным забором. Перед зданием музея установлена колонна, украшенная деревянной головой лошади.

Пожалуй, это единственный музей на территории Большого Алтая, который в своем названии указывает локальность размещения репрезентируемой диаспоры. Прямое указание на соборность, попытка присвоения всего Алтая, или уникальность алтайских казахов – вот такие вопросы возникают при попытке понять смысл названия музея.

Музей казахов Алтая начинается с этнографического зала, в нем представлена одежда, музыкальные инструменты, домашняя утварь, украшения, убранство юрты. Если вернуться к обобщению представленной материальной культуры, то с ним можно поспорить. Есть важные отличия в убранстве юрты, которое мы видели в Китае и Монголии, оно выражается в том, что в юрте музея казахов Алтая присутствуют портреты Абая, хана Абылая, Жамбыла Жабаева. Наличие портретов сильно отличает от музеев Монголии и Китая, поскольку мусульманская традиция не позволяет вывешивать портреты людей, конечно, мы не можем тоже указать на следование исламу в музейной политике этих стран, но, тем не менее, факт остается фактом.

Историческая экспозиция тоже оказалась полна интересными моментами. Впервые здесь мы встретили документы и информацию о религиозном деятеле Шакырт-кажы Абдулла улы (годы жизни 1880-1925 гг.), газетные статьи об открытии местной мечети. Копии прошений казахов Томскому губернскому правлению о разрешении на переселении в Чуйскую степь, списки переселенцев по фамилиям, с указанием рода. Большой стенд посвящен казахам-участникам Великой Отечественной войны, однако информации об участниках Советско-Афганской войны не имеется. Данная военная риторика весьма показывает нам, что казахи Чуйской степи являются неотъемлемой частью советского народа-победителя. Учителя, рядовые труженики села на музейных стендах отражают роль в построении социалистического государства, в развитии его экономики и культуры. В целом, история казахов Алтая развивается по сценарию истории России, СССР и Российской Федерации, этот аспект нивелирует историю казахов, снимает отличия, делает гомогенной.

Доля участия государства в мемориальной практике музея особенно ярко проявлена в реконструкции истории казахов. Название музея противоречит названиям стендов, где казахи указываются в принадлежности к Чуйской степи, российской части Алтая. Размах, который мы видим в названии Музея казахов Алтая, оказывается неподъемным на деле и не решает поставленной цели. История начинается с конца XIX века, с момента переселения, факт статуса казаха как переселенца, как пришельца убедителен в имперских документах.

Попытки национализировать историю и культуру мы увидели в картинах, написанных художником из Монголии Айтмуханом Нурлыхан Риянулы. На этих картинах можно увидеть славное, свободное историческое прошлое казахов. Хан Абылай – как символ независимости казахов, Кабанбай-батыр – как символ военно-потестарного общества, казахский аул – как самобытная кочевая культура.

Эти картины были принесены художником в дар музею, они воспол-

няют ту часть истории казахов, которая была до принятия российского подданства. Эти картины есть мифологизация и героизация прошлого, попытка напомнить о независимом прошлом казахского народа.

В общей панораме музея, история и культура казахов неоднозначна, в некоторых случаях имеет ряд переговоров между государством и диаспорой. Одним из национализирующих экспозиций является уголок беркутчи (охотник с беркутом), можно бы назвать мир беркутчи. Беркутчи – как символ уникальности казахской культуры, как традиция, образ жизни, связь с природой.

Особенности мемориальных практик в Китае, Монголии и России

Китай.

История казахов Алтайского аймака в музейной репрезентации выделяется большими пробелами. Эти пробелы указывают на обособленность, замкнутость казахской диаспоры, ее оторванность от исторической родины. Эта черта отражает политику позиционирования Китая в Центральной Азии, в создании искусственных ментальных границ, которая держит своих граждан в пределах идеологии.

Сдерживание исторической роли казахов-кочевников подчеркивает политику культурного подавления перед вызовом сепаратизма. Секулярность репрезентируемой истории и культуры похожа на попытку духовной маргинализации казахов.

Отсутствие научно-исследовательских центров и высших учебных заведений в Алтайском округе затрудняет изучение истории казахов, к тому же история как дисциплина преподается в школах как история Синьцзяня.

Таким образом, в этих условиях мемориальная практика музеев является внушительной культурной силой, когда перевес находится на стороне государства.

Монголия

Казахи Монголии намного свободнее и открыто участвуют в мемориальной практике музея, здесь мы видим сильные связи с исторической родиной. Музей по своему уникален в контексте постсоветской постколониальности. Музей в Баян-Улгий принимает участие в развитии знаний о тюркской эпохе и империи Чингисхана, которые являются связующими временными пространствами между Казахстаном и Монголией. Активные академические связи снимают напряжение в национализме казахов Монголии посредством производства знаний. Целостность в репрезентации истории казахов не наносит ущерба этнической идентичности, способствует дальнейшей интеграции в многонациональном государстве. Этому диалогу также способствует исторический факт роли империи Чингисхана в этнополитических процессах и этногенетических процессах, которые происходили на территории средневекового Казахстана.

Республика Алтай, Россия

Музей казахов Алтая является результатом постсоветского развития российского государства, его национальной политики. Присутствие государства, его музейная политика сформировала интересный проект национализации истории казахов, в этом контексте мы видим, как казахи вплетаются в российский метанарратив, они становятся частью истории России. Здесь же происходит сопротивление этому процессу, со стороны общества, в лице художника, подарившего свои картины, в лице акима района, инициировавшего создание музея. Музей уникален тем, что в его стенах мы видим диалог между государством и диаспорой, который дает результаты, характеризующие внутренний процесс или голос казахского национализма.

Анализируя мемориальные практики в разных странах, нужно учитывать, что речь идет о диаспорах, о локальных культурах в полиэтничном пространстве. Музеи выполняют важную роль, как в поддержке, так и в сдерживании национализма. Обзор музеев казахской истории и культуры подтверждает то, что музейная политика очень тесно связана с национальной политикой, идеологией государства.

Многие выявленные случаи имеют совершенно разные мотивы в своем развитии, совершенно разные условия. Таким образом, попытки определить внешние характеристики мемориальных практик, которые могут привести к пониманию внутренних процессов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Peter Finke From «Common Property» to «Open Access». Changing pastoral land tenure systems in western Mongolia.; Peter Finke Changing Property Rights Systems in Western Mongolia: Private Herd Ownership and Communal Land Tenure in Bargaining Perspective. – Halle/Saale. – 2000; Казахи Китая. Очерки по этническому меньшинству (сборник статей). Часть I. /История Казахстана в западных источниках. XII-XX вв. – Алматы: Санат, 2005. – 465 с.

2. Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. – Томск: Изд-во ТГУ, 1980. – 276 с.; Томилов Н.А. Проблемы этнической истории (По материалам Западной Сибири). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. – 222 с.; Томилов Н.А. Этноархеологическое направление в Омском научном центре России // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сб. науч. тр. – Омск; Одесса, 2007. – С. 40-48.

3. Алексеенко А. Иммиграция в Казахстане (1999-2005 гг.) CAMMIC Working Papers No.3 Center for Far Eastern Studies. University of Toyama. June, 2008.; Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества / Науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. – Иркутск: «Оттиск», 2013. – 624 с., Этномиграционные и этнодемографические процессы на Востоке России в конце XIX – начале XXI веков.

Иркутск: «Оттиск», 2012. – 116 с., Этнодемографические процессы и переселенческое общество на Востоке России: история и современность / Под ред. В.И. Дятлова и К.В. Григоричева. – Иркутск: «Оттиск». 2012. – 150 с.
4. Мендикулова Г. Исторические судьбы казахской диаспоры: происхождение и развитие. Алматы: Гылым. – 1997. – С. 261.; Г.Ж. Мендикулова, Б.Ж. Атантаева История миграций между Казахстаном и Китаем. 1860-1960 гг. – Алматы, 2008. – С. 232.
5. «Шығыс Қазақстанның мәдени мұралары (тарих, мәдениет, білім)». Под ред. С.К. Игибаева. – Издательство ВКГУ им. С. Аманжолова, 2006. – 432 с.
6. Peter Aronsson & Gabriella Elgenius. Making National Museums in Europe – A Comparative Approach. // Building National Museums in Europe 1750-2010. Conference proceedings from EuNaMus, European National Museums: Identity Politics, the Uses of the Past and the European Citizen, Bologna 28-30 April 2011. / http://www.ep.liu.se/ecp_home/index.en.aspx?issue=064

Столярова Л.В.

ПРИГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ И ПРОБЛЕМЫ

В своей работе «Стратегия становления постиндустриального общества и партнерство цивилизаций» Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев подчеркнул, что наступает время перехода «от парадигмы глобальной конкуренции к парадигме глобальной ответственности» [1, с. 252]. Действительно, время разбегания, эйфории от парада суверенитетов прошло. Движение вперед, эффективное решение возникающих проблем в условиях все большей глобализации возможно лишь на принципах партнерства через объединение и взаимную ответственность. Вполне естественно, что данная тенденция мирового развития начинает формироваться и проявляться прежде всего на уровне приграничного.

Для Республики Казахстан в рамках приграничного сотрудничества можно выделить три основных вектора прежде всего это сотрудничество с Россией, как стратегическим партнером. 76 из 89 регионов Российской федерации имеют торгово-экономические связи с Казахстаном, а 7 областей Республики Казахстан непосредственно граничат с 12 регионами России. На них приходится 70% объема казахстано-российской торговли, а в самой приграничной зоне созданы и эффективно действуют 340 совместных предприятий. Первое соглашение о приграничном сотрудничестве было подписано 26 января 1995 г. Затем были разработаны и приняты Программы приграничного сотрудничества на 1999-2007 годы и далее на 2008-2011 годы. Логическим завершением развития и укрепления этих связей было подписание документов о создании Таможенного союза 27 ноября 2009 года.

Второй вектор – сотрудничество с государствами Центральной Азии, особенно в рамках Центрально-Азиатского регионального экономического сотрудничества (ЦАРЭС), в которое вошли 8 государств, в том числе Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан и др. Роль секретаря этой организации выполняет Азиатский банк развития. Здесь интеграция особенно необходима в области энергетики, водных запасов, экологии, совместной разработки при родных ресурсов.

Третий вектор – сотрудничество с Китаем и Монголией. Мировой опыт подтвердил, что наиболее эффективно торгово-экономическое сотрудничество осуществляется через созданные специальные экономические зоны. Так в 2006 году была разработана и принята Концепция о создании Международного центра сотрудничества «ХарГос» на территории Панфиловского района Алматинской области.

Это были практические шаги в реализации договоренностей в сфере экономики в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Еще одним шагом стало создание Координационного Совета «Наш общий дом Алтай». Он позволяет координировать решения проблем на большой территории, объединяющей 4 государства: Алтайский край и Республика Алтай (Россия), Восточно-Казахстанская область (Казахстан), Синьцзян-Уйгурский автономный район (Китай), Баян-Ульчийский и Ховдский аймаки (Монголия). Торгово-экономические, культурные, этнические, политические, миграционные связи на этой территории имеют глубокие исторические корни. Современный этап приграничного сотрудничества потребовал перехода к системным совместным действиям, которые координируются созданными специальными органами, на основе совместно определенных целей и задач развития. Причем развитие связей идет и через законодательные и исполнительные органы и широкое взаимодействие общественных объединений, прежде всего научного сообщества. С 1998 года проводятся международные конференции по проблемам региона. В том числе на базе Восточно-Казахстанского государственного технического университета им. Д. Серикбаева ежегодно проводятся международные научно-практические конференции «Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях». Конференция в декабре 2009 года в г. Усть-Каменогорске неслучайно проводится под названием «Межкультурный диалог в условиях приграничного сотрудничества: опыт Ассамблеи народов Казахстана и перспективы развития». Всего проведено 11 таких конференций, материалы которых находятся в библиотеке Конгресса США и используются в ряде государств Европы. С 2003 года проведено 8 форумов приграничного областей, где решались конкретные практические задачи.

Наиболее глубокое, организационное и юридическое оформление имеет партнерство в рамках Евроазиатского экономического сотрудничества

(ЕврАзЭС). Еще в 1994 году Н.А. Назарбаев высказал идею о создании Евразийского Союза. Но потребовалось почти 6 лет, чтобы эта идея была осознана и получила практическую реализацию. В 2000 году в г. Алматы главы 5 государств подписали необходимые документы (Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия и Таджикистан). Армения имеет в Евразийском Союзе статус наблюдателя.

Рассмотрим динамику процесса развития сотрудничества на примере данного Союза. Прежде всего, были определены основные направления развития многосторонних связей и цели. Основными направлениями стали:

- образование необходимых совместных органов;
- разработка общей законодательной базы;
- формирование единого экономического пространства;
- активизация участия всех секторов социума в интеграционных процессах;
- роль и вклад Республики Казахстан в реализацию стратегии интеграционного диалога.

Главными целями Евразийского Союза были определены:

- формирование общих внешних таможенных границ стран-участниц;
- выработка единой внешнеэкономической политики;
- унификация тарифов, цен и других составляющих общего рынка.

Совместные органы формировались по мере подготовки необходимых условий. Так были созданы:

- Межгосударственный Совет ЕврАзЭС;
- Межпарламентская ассамблея;
- Евразийский банк развития;
- Центр высоких технологий;
- Антикризисный фонд и др.

И, наконец, в ноябре 2009 года Белоруссия, Казахстан и Россия подписали пакет документов о Таможенном Союзе. В июне 2013 года в качестве наблюдателя к ним присоединились Украина и Кыргызстан.

В рамках второго направления были подготовлены и приняты ряд модельных законов и других нормативных актов:

- Экологический Кодекс;
- Концепция основ таможенного законодательства;
- Концепция Основ бюджетного законодательства;
- Соглашение об основополагающих принципах валютной политики;
- о государственных социальных стандартах;
- о миграции;
- о прожиточном минимуме и др.

Настоящим прорывом в интеграционном процессе стали документы, подписанные в рамках Таможенного Союза. Что они дают странам участницам, и какие открывают перспективы?

Таможенный Союз становится «локомотивом дальнейшей интеграции» по образному выражению Премьер-министра Республики Казахстан, так как часть функций национальных государств передаются наднациональному органу [2]. Согласно подписанным документам создается объединенный рынок, что дает огромные преимущества:

- человеческий потенциал данного объединения составляет более 170 млн. человек;
- промышленный капитал – 600 млрд. американских долларов;
- совокупные запасы нефти 90 млрд. бареллей;
- общий объем сельскохозяйственного производства – 112 млрд. долларов (это 12% мирового производства и 17% мирового экспорта пшеницы);
- совокупный товарооборот – 900 млрд. долларов;
- общий объем ВВП составляет 2 триллиона американских долларов [3].

Следует отметить, что именно таким путем начиналась экономическая интеграция Европейского Союза.

По мнению экспертов, Таможенный Союз дает трем странам в перспективе ускоренное формирование Единого экономического пространства, что позволяет создавать новые совместные производства, защитить страны Союза от внешней товарной экспансии, сделает более привлекательными для внешних инвестиций. По прогнозу к 2015 году страны получат прирост ВВП свыше 15% [4].

Особая роль Республики Казахстан в развитии этих многосторонних связей определяется рядом факторов: первое, геополитическое положение Республики требует многовекторной внешней политики вообще и в приграничном сотрудничестве в том числе. Второе, огромные природные ресурсы, которыми располагает Республика, делает ее привлекательной для внешних инвестиций. Третье, глубокие исторические традиции, связавшие нашу страну, прежде всего, с приграничными государствами. И, наконец, разработка и четкая реализация Стратегии развития Казахстана как миролюбивого, демократического, стабильного государства, позволившая создать уникальную казахстанскую модель межэтнического и межконфессионального согласия. Характерные черты ее Президент Н.А. Назарбаев определил в своем выступлении на XIV сессии Ассамблеи народа Казахстана в октябре 2008 года [5].

Все это определило не только лидирующую роль Казахстана в регионе, но и большой интерес мирового сообщества в нашему опыту. Именно это стало основой выполнения Республикой Казахстан обязанностей Председателя ОБСЕ в 2010 году и позволило Казахстану выиграть право на проведение «ЭКСПО-2017».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Назарбаев Н.А. Стратегия становления постиндустриального общества и партнерство цивилизаций. – М.: Экономика. – 2008.
2. Казахстанская правда. 12 декабря 2009 г.
3. Казахстанская правда. 1 декабря 2009 г.
4. Там же.
5. Назарбаев Н.А. Сила страны – в единстве народа. Выступление на XIV сессии Ассамблеи народа Казахстана.

Столярова Э.О.

СОЦИАЛЬНЫЙ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПРАКТИКИ ГИБКИХ РАБОЧИХ ГРАФИКОВ ДЛЯ ЖЕНЩИН (НА ПРИМЕРЕ ВКО)

В современном индустриально развитом обществе активное участие женщин в экономической жизни является свершившимся фактом. В тоже время, даже в развитых странах мира, вовлеченность женщин в экономические процессы еще нельзя считать оптимальной. Еще более остро этот вопрос стоит в странах, которые находятся на пути достижения высокого уровня социально-экономического развития.

По данным, представленным председателем национальной комиссии по делам женщин и семейно-демографической политике при Президенте РК Гульшарой Абдыкаликовой, доля казахстанских женщин в создании ВВП составляет около 40% [1]. При условии, что число женщин трудоспособного возраста превышает этот показатель у мужчин, налицо нереализованный потенциал участия женщин в экономических процессах и неполная реализация экономических прав значительной части населения страны.

Одной из главных причин сложившейся ситуации является необходимость соединять активную экономическую роль с традиционной ролью жены, домохозяйки и, прежде всего, матери. Одновременно с этим женщина должна иметь возможности для раскрытия личностного потенциала и профессионального (карьерного) роста – в этом случае речь идет о получении дальнейшего образования и самообразования, повышении квалификации за счет приобретения различного трудового опыта. Международный опыт показывает, что широкое внедрение гибких рабочих графиков для женщин может быть эффективным способом решения этой дилеммы.

Существуют различные формы, определения и толкования понятий «гибкий рабочий график», «гибкий график использования рабочего времени», «гибкие формы занятости» и т.д. В контексте данного исследования было взято за основу следующее определение:

ГИБКИЙ ГРАФИК ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ – способ использования рабочего времени, при котором фиксируется только продолжительность работы, тогда как часы работы могут видоизменяться в зависимости от складывающейся на работе ситуации, желания и возможностей самого работника [2].

В сентябре-октябре 2013 г. в Восточно-Казахстанской области по заказу ПРООН был реализован исследовательский проект «Использование гибкого графика времени женщин, разработка механизма поощрения работодателей, создающих условия для работающих матерей, и выработка предложений по внесению изменений в нормативные правовые акты Республики Казахстан».

В ходе проведения исследования были применены различные методы сбора и анализа социологической информации – анализ трудового законодательства РК на предмет регулирования практики гибких трудовых графиков, сравнительный контент-анализ материалов казнета и рунета по заявленной тематике, а также фокус-группы и анкетные опросы как работодателей, так и работников. Ниже представлены некоторые результаты исследования и краткие выводы по проекту.

В первую очередь, были проанализированы законодательные возможности расширения практики гибких рабочих графиков (далее ГРГ) [3]:

1. В Трудовом Кодексе РК предусмотрены следующие формы гибкой рабочей занятости: сменная работа (статья 84), работа в ночное время (статья 87), гибкое определение второго выходного дня при 5-дневной рабочей неделе (статья 96), переход на режим неполного рабочего времени (статья 189), надомная (дистанционная) работа (статьи 219-221), суммированный учет рабочего времени и разделение на части рабочего дня в условиях малого предпринимательства (статья 224).

2. В ТК РК отсутствуют прямые запреты или препятствия для расширения практики гибкой трудовой занятости женщин.

3. Отсутствуют прямые рекомендации по приоритетности предоставления гибких рабочих графиков определенным социальным категориям, за исключением главы 17 (Особенности регулирования труда женщин и других лиц с семейными обязанностями).

4. Отсутствуют правовые механизмы, способные стимулировать работодателей на более широкое применение практики гибкой трудовой занятости для женщин.

5. Отсутствует правовая процедура определения «интересов производства», что может служить поводом для отказа в предоставлении гибкого рабочего графика.

Таким образом, трудовое законодательство РК, на момент проведения исследования, уже содержало минимально необходимые разрешительные положения, которые позволяют использовать гибкие трудовые графики для женщин. Однако, отсутствуют какие-либо стимулирующие работодателей механизмы, позволившие бы распространить эти практики более широко.

Тем не менее, использование гибких рабочих графиков является вполне легальным. Насколько широко представлены такие возможности при поиске работы через казнет:

Общее количество найденных ссылок по запросу «гибкие рабочие графики для женщин» – 65 (поисковая система google) за период с 1 июля 2012 г. по 31 июля 2013 г. Из них только 48 имеют непосредственное отношение к вопросу, являются рабочими.

В топовой десятке ссылок два указания на вакансии с гибким рабочим графиком – разнообразные предложения работы в г. Караганда и вакансии от компании AVON (сетевой маркетинг). Если в первом случае нет никакой привязки к полу (предлагаются места, как в сервисной сфере, так и в производственных сферах), то косметический сетевой маркетинг традиционно является пространством женской занятости.

В целом, предложения вакансий с возможностью работы по гибкому графику, составляют наибольшую часть ссылок – 24 (работающих, ведущих прямо на страницу объявлений). В основном, это вакансии, прямо или косвенно, ориентированные именно на женщин – упоминавшийся ранее сетевой маркетинг, сиделки, гардеробщицы, уборщицы, продавщицы (именно такая редакция) и т.д. То есть, не предполагающие значительной профессиональной квалификации.

Удивил тот факт, что из 65 ссылок по запросу «гибкий рабочий график для женщин» (а именно столько было обнаружено в казнете за годичный период), лишь однажды (1) встречается упоминание Стратегии «Казахстан – 2050». Хотя в этом Послании Президент РК прямо говорит о необходимости создания таких условий для женщин. Также, лишь один раз появляется ссылка на трудовое законодательство РК.

Дважды (2) встречаются ссылки на международные документы, регламентирующие работу по гибким графикам – упоминание Согласованной стратегии ЕС по модернизации системы социальной защиты и рассмотрение норм международного трудового права как источника для национального трудового законодательства.

Значительное место в пространстве казнета (относительно общего числа ссылок) занимают юридические справки и консультационные материалы. Задают вопросы юристам о возможности работы по гибкому рабочему графику девять (9) раз но, лишь четыре (4) раза из них – женщины.

Дважды (2) встретились блог-обзоры рабочих мест для молодежи. Имелись в ввиду сезонные рабочие места (лето) с гибким рабочим графиком и не требующие профессиональной квалификации.

Рассказ о зарубежном опыте использования гибких рабочих графиков (Германия) встретился один раз (1).

Кроме того, обнаружено по одной (1+1+1+1+1+1) ссылке с упоминанием гибких рабочих графиков (не только для женщин):

- публикация коллективного трудового договора (Казахстан Темир Жолы);
- переписка профсоюзной организации (Арселор Миттал Темиртау);
- указание на необходимость распространения практики гибких форм занятости для женщин в контексте пенсионной реформы;
- рассказ о личной драме женщины – матери больных детей, которая не может найти работу по гибкому графику;
- объявление о поиске работы на соответствующих условиях;
- публикация ученого-экономиста, рассматривающего плюсы внедрения гибких форм занятости в Казахстане.

Кроме анализа казнета, для сопоставления данных, был проведен и анализ неказахстанских русскоязычных интернет-ресурсов:

	Параметры сравнения	Казахстанский контент	Неказахстанский контент
1	Количество ссылок по запросу	65 ссылок, из них работающих и имеющих прямое отношение к запросу - 45	100 ссылок (10 первых страниц по релевантности), из них работающих и имеющих прямое отношение к запросу – 78
2	Вакансии с возможностью гибкого графика работы	24 (53,3% от общего числа)	28 (35,9% от общего числа)
3	Вопросы о практике использования гибких рабочих графиков	9 (20,0%)	17 (21,8%)
4	Научные, аналитические, публицистические материалы	3 (6,7%)	14 (17,9%)
5	Международный опыт использования ГРГ	1 (2,2%)	13 (16,7%)

6	Отсылки к национальному законодательству и государственным документам	1 (2,2%)	2 (2,6%)
7	Отсылки к международным документам	2 (4,4%)	-

Основные различия, выявленные в ходе сравнительного анализа:

- в казахстанском контенте преобладают предложения вакансий с возможностью гибкого рабочего графика: чуть больше половины всех ссылок;
- значимо меньше научных, аналитических и публицистических материалов (6,7% и 17,7% соответственно);
- значимо меньше информации о зарубежном опыте использования ГРГ (2,2% и 16,7% соответственно).

Как оценивают ситуацию с ГРГ сами работающие женщины, был призван выявить анкетный опрос, в котором приняли участие 120 респондентов. Выборка учитывала этно-возрастной состав женщин ВКО с учетом постоянного места проживания (город, село).

В первую очередь респондентам был задан вопрос: *Есть ли у Вас или Ваших близких (женщин) опыт работы по гибкому графику занятости? Если да, то, в каких сферах деятельности?*

Более половины (57,5%) ответили, что у них или их близких нет такого опыта. Такой результат может косвенно свидетельствовать, что подобная практика не получила в регионе значительного распространения. Однако, на основании полученных данных можно судить, что в некоторых сферах деятельности гибкие рабочие графики используются чаще, чем в других:

1. Торговля – 15,0%
2. Сфера услуг – 10,0%
3. Здравоохранение, образование, культура – 7,5%
4. Промышленное производство – 5,8%
5. Государственные структуры – 3,3%
6. Информационные технологии и услуги – 3,3%
7. НПО – 0,8%
8. Проектные работы – 0,8%

Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что основными сферами распространения гибких рабочих графиков для женщин в регионе являются сферы торговли и оказания услуг – суммарно 25,0% (более половины давших утвердительный ответ.

Какие плюсы видят респонденты в использовании гибких рабочих графиков для женщин?

Безусловно лидирующим вариантом ответа стал «Возможность уделять больше внимания детям, семье, близким» – его выбрали 103 женщины из 120 опрошенных (85,8%). Можно предположить, что основным критерием при оценке условий профессиональной деятельности для респондентов выступают возможности реализации традиционной женской роли.

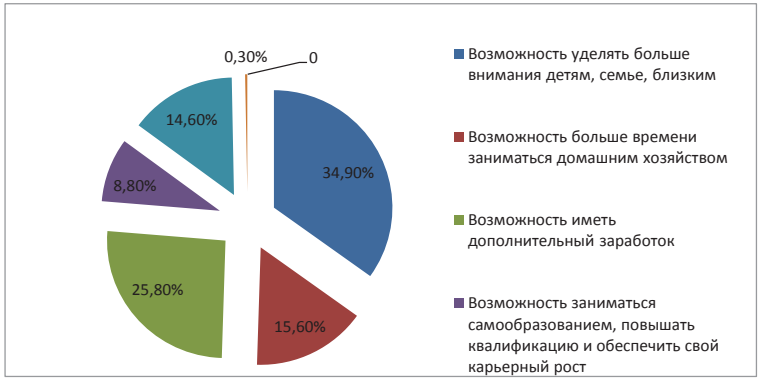
Но, современные условия рыночной экономики вносят свои коррективы, и вторым, по частоте выбираемости, стал вариант «Возможность дополнительного заработка». Его указали 76 из 120 участниц опроса (63,3%).

Только одна из участниц опроса указала, что не видит никаких плюсов в работе по гибкому графику для женщин – 0, 83%.

Еще более четко определяется картина, если рассматривать результаты, приняв за 100% число полученных ответов. В этом случае получится следующая диаграмма:

Рисунок 1

Какие плюсы Вы видите в работе по гибкому графику для современной женщины?



Такой подход позволяет применить метод логической группировки (суммирование близких по смыслу вариантов ответа). В итоге мы увидим, как распределились ответы, с точки зрения приоритетов:

- традиционная гендерная роль женщины (варианты: возможность уделять больше внимания детям, семье, близким; возможность больше времени заниматься домашним хозяйством) – суммарно 50,5%
- индустриальная гендерная роль женщины (вариант: возможность иметь дополнительный заработок) – 25,8%
- постиндустриальная гендерная роль женщины (варианты: возможность заниматься самообразованием, повышать квалификацию и обеспечить свой карьерный рост; возможность более тщательно следить за своим здоровьем, обеспечить более благоприятный режим дня) – суммарно 23,4%.

Какие минусы видят респонденты в использовании гибких рабочих

графиков для женщин?

Некоторые женщины – участницы опроса видят также и определенные минусы в использовании гибких рабочих графиков.

Их голоса распределились следующим образом:

- труднее сосредоточиться на карьере, меньше шансов карьерного роста – 20,0%;

- трудно самостоятельно придерживаться постоянного режима дня – 15,8%;

- близкие считают, что работа по гибкому графику, позволит возлагать на меня больше бытовых обязанностей – 19,2%.

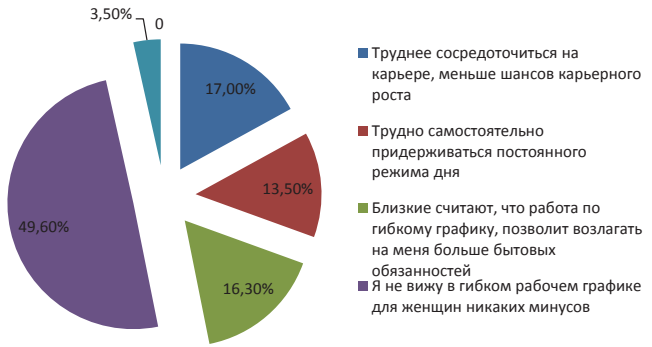
Несколько больше тех, кто не усматривает в использовании гибких рабочих графиков для женщин никаких минусов – 58,3%.

Пять человек затруднились ответить на этот вопрос – 4,2%.

На диаграмме ниже представлены эти же данные с учетом, что за 100% принято число полученных ответов.

Рисунок 2

Какие минусы, с Вашей точки зрения, есть у этой формы организации труда для женщин?



Фактически, ответы разделились следующим образом: 49,6% ответов дали те, кто не видит никаких минусов в использовании гибких рабочих графиков для женщин, и 46,8% – те, кто такие минусы усматривает.

Несмотря на это, абсолютное большинство опрошенных убежденны, что гибкие рабочие графики необходимы именно женщинам – 88,1%.

Однако, «женщины» – это значительно стратифицированная социальная категория, и представляется важным определить, какие именно женщины нуждаются в гибких рабочих графиках в первую очередь. Поэтому, респондентам был задан уточняющий вопрос – *Как Вы считаете, для кого больше подходит гибкий график занятости?*

Полученный рейтинг приоритетности выглядит следующим образом:

1. Женщины с несовершеннолетними детьми – 30,6%.
2. Женщины, имеющие детей с ограниченными возможностями (инвалидов) – 25,4%.
3. Женщины с ограниченными возможностями (инвалиды) – 19,4%.
4. Незамужние женщины с детьми – 14,8%.
5. Бабушки с несовершеннолетними внуками – 7,7%.
6. Женщины, состоящие в браке, но не имеющие детей – 2,1%.

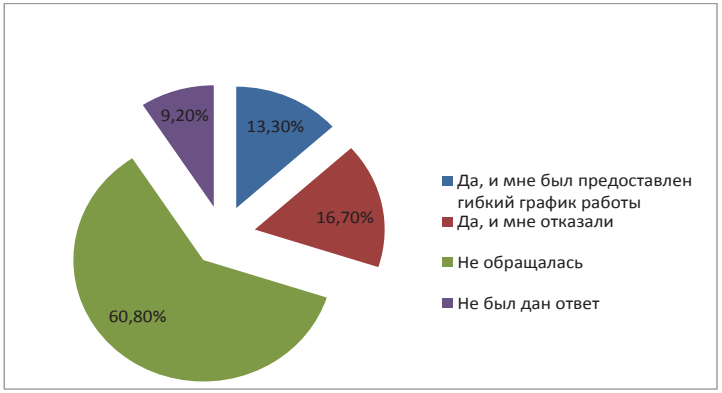
Легко заметить, что приоритетность распространения практики гибких рабочих графиков, с точки зрения респондентов, неразрывно связана с репродуктивной (материнской) функцией женщины. Исключением выглядят лишь женщины-инвалиды, за которыми приоритетное право на гибкий график работы признается независимо от материнства.

Как показывают результаты исследования, многие женщины видят в ГРГ значительные плюсы для реализации биологической и социальной роли матери, но проявляют ли работающие женщины инициативу, обращаясь к работодателю за предоставлением таких возможностей?

Полученный результат представлен на диаграмме ниже. Данные логически сгруппированы и носят суммарный характер:

Рисунок 3

Обращались ли Вы за предоставлением гибкого графика работы?



Опрошенные также указали причины отказа:

1. Требования производственного процесса – 6,7%.
2. Требования трудовой дисциплины – 2,5%.
3. Отсутствие/сложность подобной практики (организация труда, ведение учетной и финансовой организации и т.д.) – 6,7%.
4. Без объяснения причины – 0,8%.

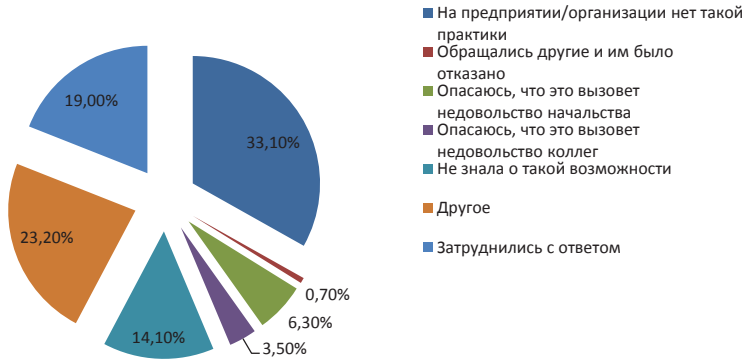
Таким образом (на основе данных опроса), чаще всего женщинам

отказывают в предоставлении гибкого рабочего графика двум совершенно разным причинам. Если особенности производственного процесса могут носить объективный характер (и этот пункт оговорен в законодательстве), то ссылка на отсутствие практики или сложность ведения учетной и финансовой документации могут быть лишь проявлением нежелания социальной модернизации.

С другой стороны, нельзя не обратить внимание на значительный процент тех, кто даже не пытался обратиться к работодателю (администрации) с просьбой о предоставлении гибкого рабочего графика. Важно понять, в чем причина такой пассивности.

Рисунок 4

Если не обращались, что мешает обратиться
за предоставлением гибкого графика работы?



В «Другом» были указаны непредусмотренные опросом варианты: «не работаю», «все устраивает», «нет необходимости» и т.д.

Самый выбираемый вариант: На предприятии/организации нет практики использования гибких графиков работы (каждый третий ответ). Этот результат дополнительно подтверждает невысокий уровень распространенности такого метода организации трудовой деятельности. Дополнением к нему служит вариант: «Не знала о такой возможности» (14,1%). Можно предположить, что существует, своего рода, замкнутый круг – гибкие рабочие графики не распространены потому, что нет такой практики.

Можно ли предположить, что причина этой ситуации – недостаточный уровень знаний трудового законодательства. Да, можно. И это подтверждается ответами на следующий вопрос.

Рисунок 5

Существуют ли в казахстанском трудовом законодательстве правовые
нормы, регулирующие работу по гибкому графику занятости?

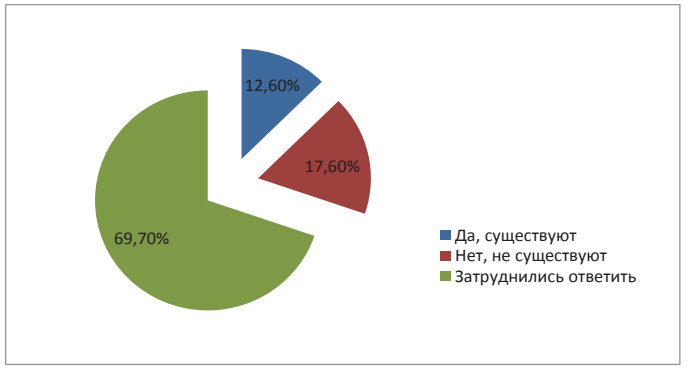


Диаграмма наглядно показывает, что уровень осведомленности респондентов о наличие в казахстанском законодательстве норм, регулирующих организацию трудовой деятельности на основе принципа гибких графиков, очень низкий.

Проблему можно сформулировать следующим образом:

- во-первых, широкое и доступное информирование женщин о возможностях работы по гибким графикам, предоставляемым действующим законодательством РК;

- во-вторых, расширение практики организации трудовой деятельности на принципе гибкой занятости и пропаганда этого опыта;

- в-третьих, совершенствование законодательных механизмов, стимулирующих экстенсивное и интенсивное развитие гибкой трудовой занятости: расширение сфер применения и внедрение разнообразных форм.

Мы уже выяснили, что с точки зрения участников опроса, для работающей женщины в гибкой занятости гораздо больше плюсов, чем минусов. А есть ли такая заинтересованность у работодателей и государства? И, если да, то в чем она может заключаться?

Судя по полученным данным, большая часть респондентов считает, что работодатель также может быть заинтересован во внедрении гибких форм занятости. Число утвердительных ответов на этот вопрос составило 75,0% (суммарно). Количество отрицательных ответов – 16,8%, 15 человек (8,2% ответов) не смогли определить свою позицию.

В чем конкретно видят респонденты **плюсы** распространения практики гибкой занятости **для работодателей**:

- более благоприятный социально-психологический климат в коллективе – 17,9%,

- больше возможностей для проявления инициативы, творческой активности, инноваций со стороны работника – 16,3%,

- более высокий уровень ответственности и самоконтроля со стороны работника – 15,2%,

- более высокая производительность труда – 15,2%,

- больше уважения, поддержки со стороны работников – 10,3%.

Какие **плюсы** гибкой трудовой занятости **для государства** отмечают участники опроса:

- больше внимания воспитанию детей – 28,0%,

- снижение показателей безработицы среди женщин – 26,4%,

- более активное привлечение женщин к экономической деятельности – 14,6%,

- повышение уровня социальной удовлетворенности населения – 13,8%,

- рост показателей рождаемости – 10,2%,

- государству нет никакой пользы от гибких рабочих графиков – 4,1%.

Как мы видим, наиболее значимую пользу для государства, по мнению респондентов, распространение практики гибкой рабочей занятости может принести в социально-демографическом аспекте (больше внимания воспитанию детей + рост показателей рождаемости – суммарно 38,2%), а также в экономической сфере (снижение показателей безработицы + привлечение женщин к экономической деятельности – суммарно 41,0%).

Менее 5% респондентов настроены скептически и не видят для государства никаких плюсов от подобного развития трудовых отношений. Семь участников опроса (около 3% от полученных ответов) затруднились определить свою позицию.

Общие выводы по анкетному опросу:

1. Хотя менее половины участников опроса указали на наличие у них или их знакомых опыта работы по гибким графикам, в некоторых сферах деятельности таких примеров больше, чем в других: торговля, сфера услуг, образование, здравоохранение, культура.

2. Основные плюсы гибких рабочих графиков, с точки зрения респондентов, – возможность уделять больше времени детям, семье, домашнему хозяйству, а также возможность иметь дополнительный заработок.

3. Минусы работы по гибкому графику для женщины (мнение опрошенных): труднее сосредоточиться на карьере, меньше шансов карьерного роста, больше домашней нагрузки, так как близкие будут считать у женщины на это больше времени, трудно самостоятельно придерживаться постоянного режима дня. Несмотря на это, подавляющие большинство респондентов считают, что гибкие рабочие графики подходят именно женщинам.

4. Категории женщин, которые больше других нуждаются в гибкой

организации рабочего времени: женщины, имеющие несовершеннолетних детей (особенно, детей с ограниченными возможностями), женщины с ограниченными возможностями.

5. Очень незначительное число опрошенных обращались к администрации с просьбой предоставить им гибкий рабочий график и получили его (менее 14%). Более половины никогда не обращалась с такой просьбой, а почти 17% ответили, что обращались, но им было отказано. Основные причины отказа: требования производственного процесса и отсутствие/сложность подобной практики (организация труда, ведение учетной и финансовой организации и т.д.). Основные причины, по которым женщины не обращаются с просьбой о предоставлении гибкого графика работы: отсутствие подобной практики, не знание о такой возможности.

6. Большинство опрошенных затруднились ответить на вопрос, есть ли в Казахстанском законодательстве нормы, регулирующие работу по гибкому графику.

7. Около трети респондентов считают, что распространением практики гибких рабочих графиков для женщин должны заниматься профсоюзные организации.

8. Среди плюсов гибкой организации труда для работодателей, респонденты чаще всего называли: более благоприятный социально-психологический климат в коллективе; больше возможностей для проявления инициативы, творческой активности, инноваций со стороны работника; более высокий уровень ответственности и самоконтроля со стороны работника; более высокая производительность труда.

9. Для государства участниками опроса также видится ряд преимуществ, в случае более широкого использования гибкой рабочей занятости: больше внимания воспитанию детей, снижение показателей безработицы среди женщин, более активное привлечение женщин к экономической деятельности.

10. Основные изменение или дополнения, которые нужно внести в законодательство, по мнению, участников опроса: предоставление женщинам (определенным категориям женщин) права работы по гибкому графику; положительное экономическое стимулирование работодателей. При этом, результативность в практическом внедрении гибких рабочих графиков респонденты связывают с местной исполнительной властью.

В ходе исследования был также проведен опрос работодателей.

Опрос проводился в период с 7 по 12 октября 2013 года в г. Усть-Каменогорске и других населенных пунктах Восточно-Казахстанской области, в нем приняли участие 20 работодателей, практически все они – женщины (19 человек).

Форма собственности предприятий: государственная – 8 (40,0%),

частная – 12 (60,0%).

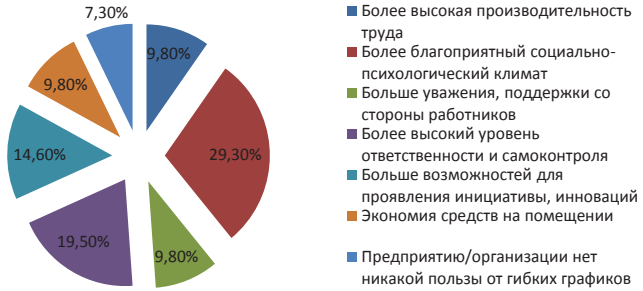
Сфера деятельности предприятий:

- здравоохранение, образование, культура – 8 (40,0%), форма собственности: 6 – государственная, 2 – частная;
- государственные структуры – 2 (10,0%), форма собственности: 2 – государственная;
- торговля – 3 (15,0%), форма собственности: 3 – частная;
- сфера обслуживания – 4 (20,0%), форма собственности: 4 – частная;
- промышленное производство 2 (10,0%), форма собственности: 2 – частная;
- информационные технологии и услуги – 2 (10,0%), форма собственности: 2 – частная;
- страхование – 1 (5,0%), форма собственности: 1 – частная.

Особый интерес представляет тот факт, что работодатели так же, как и работники, видят в ГРГ значительные плюсы, хотя, конечно, их представления о преимуществах несколько различаются.

Рисунок 6

Какие, с Вашей точки зрения, могут быть преимущества для организации (предприятия) в использовании гибких рабочих графиков (особенно, для женщин)?



Почти каждый третий опрошенный отметил, что гибкие рабочие графики благотворно влияют на социально-психологический климат в коллективе. Но, особенно важным видится, то, что работодатели отметили чисто экономические преимущества такой организации труда: повышение производительности и экономия на организации рабочих мест – 19,6% суммарно. Отдельно хотелось бы отметить позицию «Более высокий уровень самоконтроля и ответственности» – 19,5%.

Были выявлены интересные расхождения в позиции респондентов с точки зрения формы собственности предприятия/организации. С учетом того, что представителей государственных предприятий было меньше, чем

частных в соотношении 40% к 60%, необходимо обратить внимание на следующее:

Параметры оценки	Государственные предприятия	Частные предприятия
Более высокая производительность труда	3	1
Более высокий уровень ответственности и самоконтроля со стороны работника	2	6
Больше возможностей для проявления инициативы, творческой активности, инноваций со стороны работника	1	5
Экономия средств (на помещении, обустройстве рабочих мест и т.д.)	1	3
Предприятию/организации нет никакой пользы от гибких рабочих графиков	2	1

В целом, можно предположить, что работодатели видят преимущества внедрения гибких рабочих графиков как с психологической, так и с экономической точки зрения. Однако, в то время, как представители государственных предприятий больше ценят производительность труда, представители частного бизнеса отдают предпочтение инициативе и ответственности работников.

Общие итоги исследования (с учетом мнения работников и работодателей):

1. Плюсы гибкой занятости с точки зрения

- работающих женщин: больше возможностей для реализации традиционной женской роли матери, жены, хозяйки дома, большие возможности для реализации современной женской роли – экономически и социально активная личность;
- работодателей: более эффективное использование фонда заработной платы в зависимости от объемов производства, экономия средств на организации рабочих мест, более высокий уровень ответственности работников;
- государства: повышение показателей трудовой занятости, рост пенсионных отчислений, более благоприятные условия для биологической и социальной репродукции населения, рост социальной удовлетворенности

населения.

2. Препятствия для более широкого внедрения практики гибкой рабочей занятости с точки зрения

- работающих женщин: незаинтересованность работодателей и государства, снижение заработной платы в случае неполной занятости, сложности с самодисциплиной;

- работодателей: сложности с учетом рабочего времени, начислением заработной платы, отсутствие эффективных стимулов со стороны государства.

3. Необходимо не только внедрение в законодательство дополнительных механизмов, стимулирующих широкое распространение практики гибкой занятости для женщин, но и активизации действующих законодательных норм.

Подводя итоги вышесказанного, необходимо отметить, что и работающие женщины, и значительное число работодателей видят преимущества распространения практики ГРГ как в социально-демографическом, так и в экономическом аспектах. Польза для государства тоже не вызывает больших сомнений. В чем же причина того, что потенциал ГРГ используется так незначительно? По-видимому, отсутствует координация и консолидация усилий и ресурсов разных сторон, которые могли бы помочь выработать единую программу развития ГРГ в качестве значимого инструмента социального развития и социальной модернизации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. http://www.zakon.kz/4525785-dolja-truda-kazakhstanskikh-zhenshhin-v.html

2. Экономика и право (энциклопедический словарь). Интернет-версия http://bookz.ru/authors/avtor-neizvesten-3/economic_pravo_diction/page-34-economic_pravo_diction.html

3. http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30103567

Стрелец К.Е.

ТОРГОВЛЯ КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ТЕРРИТОРИИ ГОРНОГО АЛТАЯ ГЛАЗАМИ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Включение территории Горного Алтая в состав Российской империи в середине XVIII в. стало началом длительного процесса инкорпорации региона в общеимперское пространство. Одним из направлений данного процесса

явилось вовлечение Алтая во всероссийский рынок, активным проводников которого стала частная торговая инициатива.

Интерес купечества к Алтаю во второй половине XVIII – начале XX в. проявился в двух аспектах: как к самостоятельному региональному рынку, где был возможен сбыт привезенных товаров и приобретение местных, инородческих, и как к транзитной территории для внешнеторговых операций. Последнее направление, выразившееся в русско-монгольской и русско-китайской торговле, привлекали внимание исследователей, начиная с XIX в., и на сегодняшний день в его изучении достигнуты значительные успехи. Изучение же первого аспекта, а именно процесса формирования и развития русско-алтайских торговых отношений, их влияние на модернизационные процессы сибирских территорий, значительно реже становились предметом отдельного исследования. Однако, проблемы проникновения торгового капитала в комплексное, традиционное хозяйство местного населения, а также изучение последствий этого явления актуальны в связи с современными процессами переосмысления роли и значения вмешательства русского капитала в экономику окраинных регионов и возможностях развития комплексного хозяйства коренного населения на основе рационального использования природных ресурсов.

В этой связи научный интерес представляет анализ исследовательских оценок и трактовок русско-алтайской торговли, ее влияния на регион, представленных в трудах ученых на разных исторических этапах, в частности, в дореволюционный период.

Дореволюционный этап историографии русско-алтайской торговли представляет для исследователей особый интерес. Характеризуясь как первоначальный период накопления и систематизации материалов об Алтае в целом, он представлен трудами современников обозначенных процессов. Иными словами, в работах дореволюционных авторов мы находим не только богатейший фактологический материал, зафиксированный исследователями лично, но и оценки событий, представленные очевидцами. Примечателен тот факт, что проблема влияния русского элемента на модернизационные процессы окраинных территорий, и в том числе, Алтая, рассматривали в своих трудах представители почти всех направлений исторической мысли дореволюционной России, и, безусловно, они имели различные интерпретации. Все это повышает интерес к изучению дореволюционного наследия исследователей Сибири.

XVIII век дал начало целенаправленному «академическому освоению» территории Сибири, ознаменовавшемуся рядом масштабных научных экспедиций, которыми был собран богатейший материал по истории, этнографии, географии края. Труды С.У. Ремезова, Дж. Белла, Д.Г. Миссершмидта, Ф.И. Страленберга, Г.Ф. Миллери, И.Г. Гмелина, С. Палласа, И.П. Фалька, пред-

ставляющие огромную историческую ценность, дают подробное описания Алтая XVIII в., однако, не содержать никакой информации о русско-алтайской торговли, что дает нам основание предположить, что, либо торговые операции не совершались, либо торговый оборот был крайне незначителен.

Важным этапом в развитии сибиреведения являлось творчество ученого-краеведа Петра Андреевича Словцова. «Историческое обозрение Сибири» [20] стало первым фундаментальным трудом, в котором отразились все стороны сибирской жизни. Автор, приняв за основу схему правительственной колонизации Сибири, совершил попытку создать внутреннюю историю колонизации, определив ее ключевые факторы, одним из которых явилась торговля. П.А. Словцов признавал роль как частной купеческой инициативы, так и крестьянских масс в освоении земель за Уралом, и эти суждения представляются важными для изучения обозначенной нами темы.

Значительный интерес для современных исследователей Сибири, и Алтая, в частности, вызывает фундаментальное статистическое обозрение Сибири, составленное в 1854 г. членом-корреспондентом Императорской Академии наук, известным финансистом Ю.А. Гагенмейстером [7]. Во второй части своего труда автор описывает историю заселения Горного Алтая, приводит статистические данные, характеризующие численность и состав населения региона во второй половине XIX в. Так же Ю.А. Гагенмейстер одним из первых выделяет русско-алтайскую торговлю как особый предмет изучения. В своем исследовании автор отмечает узость торговли на Алтае, указывает причины ее незначительного развития, определяет основные товары на русско-алтайском рынке, а также делает попытку реконструировать процесс закабаления алтайцев по мере роста их задолженности русским купцам.

Большой вклад в изучение истории Алтая внес выдающийся востоковед-тюрколог В.В. Радлов, круг научных интересов которого был необычайно широк: диалектография, лексикология, этнография, археология и многое другое. С целью изучения природы Алтая, его населения, быта и культуры ученый совершает десять ежегодных научно-исследовательских экспедиций по Горному Алтаю в период 1860-1870-х гг. Их результатом становится публикация ряда статей [19], а также обобщающего труда «Aus Sibirien» («Из Сибири») [18], в которых содержатся сведения о жизни коренного населения Алтая, их занятиях, в том числе, о торговых отношениях с русскими торговцами. Именно В.В. Радловым впервые в научной литературе была обозначена проблема соприкосновения «двух миров»: инородцев Алтая и пришлого русского населения. В целом, ученый отмечал переход к цивилизованным формам хозяйствования, повышение уровня культуры местного населения, но эти достижения, как отмечал В.В. Радлов, принадлежали деятельности Алтайской Духовной миссии. Влияние же русских торговцев на жителей Ал-

тая носило негативный характер, выразившиеся, в первую очередь, в обеднении инородческого населения региона.

Одним из основателей алтаистики как самостоятельного научного направления стал протоиерей В.И. Вербицкий. Богатейший материал по этнографии алтайцев, собранный миссионером в ходе служения на Алтае, составил основу его книги «Алтайские инородцы: сборник этнографических статей и исследований» [5]. Его описания отличаются точностью и глубиной наблюдений, которые позволяют отнести их к ценным материалам по этнографии алтайцев и в настоящее время. Такому качеству их способствовали долголетняя непрерывная жизнь исследователя среди алтайцев, глубокое знание их языка, постоянный интерес к быту и культуре этих племен, трудолюбие и связь его с научными обществами и отдельными учеными. В.И. Вербицкий первый ввел в науку совершенно правильное и необходимое разделение племен Алтая на северных и южных по признакам их языка, культуры и быта. Он также первый дал сжатое, обобщенное, но меткое описание особенностей языка, культуры и быта тех и других. В. Помимо описания быта и культуры коренного населения Алтая, В.И. Вербицкий касается торговых отношений алтайцев с соседними народами: монголами и русскими. Интерес представляет описание торговой «цепи», сформировавшейся на Алтае в середине XIX в.: бедный инородец – богатый инородец – таныш (приятель из купцов), а также обычая совершения торговой сделки.

В 1870-1880 гг. в процессе изучения Горного Алтая происходят изменения, выразившиеся в снижении внимания к чисто этнографическому описанию особенностей региона и в привнесении в свои исследования оценок и мнений, отражающих идейные позиции автора. Анализируя работы данного периода, мы можем говорить о появлении нескольких направлений изучении Сибири в целом, и Алтая, в частности: государственного (официального), демократического (либерального) и областнического.

Официальное направление сибирской историографии представлено трудами чиновников и общественных деятелей, часть которых была написана на «заказ» того или иного государственного ведомства, но, стоит заметить, что этот факт не лишал сочинение объективности и глубины исследования. Вопросы развития локальной торговли в официальном направлении не становились отдельными предметами исследований, им также уделялось серьезное внимание. Приоритетной темой является проблема законодательного регулирования отношений на территории Алтая. Исторически сложившаяся в данном регионе законодательная система характеризовалась, в первую очередь, несогласованностью основных законодательных документов. Характеристика законодательного регулирования экономической жизни Сибири, и Алтая, в частности, присутствует в историко-юридических очерках В. Вагина [4]. Подчеркивая важность торговли, он отмечал, что до ре-

форм Сперанского она «находилась в жалком положении; частью вследствие прежнего законодательства, часто по произволу местных властей… Особенно подвергалась стеснению торговля с инородцами» [4]. Затем автор реконструирует процесс законодательного оформления торговли: он локальных законодательных запрещений до издания Свода Законов.

В историко-юридических очерках С.М. Прутченко [17] дана подробнейшая характеристика комплекса нормативно-правовых актов, составивших основу проведения реформы. В частности, в главе «Предварительные сведения к образованию управления в Сибири» приводится характеристика управления Колыванским округом.

Сведения о законодательном регулировании алтайской территории, а также об истории освоения и заселения Горного Алтая русскими людьми содержится в «Кратком очерке Алтайского округа ведомства Кабинета Его императорского Величества» [14] интересного, прежде всего, тем, что он отражает официальную позицию властей на данные процессы. Схожим является «Краткий исторический очерк Алтайского округа (1741-1897)» [13], осветивший историю Горного Алтая в рамках кабинетского землевладения.

Либеральное направление в изучении истории Алтая представлено, прежде всего, трудами выдающихся ученых, сотрудничавших с Императорским Российским географическим обществом. Работы А.В. Андрианова, П. Головачева, Д.А. Клеменца и ряда других представителей данного направления характеризуются научной обоснованностью, взвешенностью оценок, объективностью. Так, серьезный вклад в разработку обозначенной нами проблемы внес А.В. Андрианов, совершивший экспедицию на Алтай в 1881 г. Ее результатом стала публикация путевых заметок «Путешествия на Алтай и за Саяны, совершенных в 1881 г.» [2]. Путешественник описывает повседневную жизнь алтайцев, их традиции, быт, основные занятия. В том числе он выделяет в отдельную главу описание русской торговли с местными племенами, что представляет для нас особый интерес.

Сочинением, пользующимся у современных исследователей Алтая особым вниманием, является монография П. Головачева [8]. Это связано, в первую очередь, с богатейшим этнографическим описанием региона, а также с одной из первых попыток оценить влияние русских на алтайцев, оказанное, в том числе, и через торговые взаимоотношения двух народов. П. Головачев определяет его как «неблагоприятное: инородцы заметно беднеют и запутываются в долгах» [8].

Д.А. Клеменц – публицист, географ, этнограф, археолог, чья «продолжительная жизнь в Сибири, участие в местной жизни, знакомство с сибирскими общественными вопросами…дали ему право на звание учителя сибирских поколений» [15], не уделял большого внимания анализу экономической жизни региона. Но именно в его работах оформляется идея слияния русской и сибирской народностей, формирования сибирского субэтноса. Именно как средство образования новой этнической общности Д.А. Клеменц рассматривает торговлю русских и алтайцев [12].

Характеризуя либеральное направление дореволюционной историографии русско-алтайской торговли, необходимо отметить значительную роль местных, алтайских, краеведческих организаций. Немалое значение в изучении истории региона сыграло образованное в 1891 г. в Барнауле «Общество любителей исследования Алтая», преобразованное в 1899 г. в Алтайский подотдел Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Целью его деятельности были сбор, обработка и распространение материалов по переселенческому делу, «сельскохозяйственному быту и занятиям местного инородческого населения». Начиная с 1894 г. общество систематически издавало «Алтайские сборники», проводило разного рода статистические исследования, переписи и т. д. По своему значению материалы Общества с полным основанием могут быть приравнены к данным земской статистики Европейской России.

В 1897 г. Обществом была организована статистико-экономическая экспедиция по изучению Горного Алтая, которую возглавил С.П. Швецов. Ее задачей являлось сбор данных о численности алтайского населения южной части Бийского уезда, их основных занятиях, быте и условиях проживания. Экспедиция С.П. Швецова впервые в истории изучения Алтая собрала обширный статистический материал, в котором нашли отражение основные характеристики жизни алтайских инородцев. Все собранные данные были представлены в многотомном издании «Горный Алтай и его население». В этом фундаментальном труде были освещены, в том числе, и вопросы развития торговли. Исследователи приводят данные о способах осуществления торговли между русскими купцами и инородцами, описание основных групп товаров, указывают цены [9]. Также на страницах сборника неоднократно поднимается вопрос о справедливости сложившихся торговых отношений и о степени влияния русского капитала на традиционное хозяйство.

Комплексная характеристика Бийского уезда, в том числе, его административного деления, населенных пунктов, состояния дорог, а также описание основных занятий и промыслов местного населения содержится в исследованиях В. Штейнфельда [21, 22]. Большой интерес для нас представляет раздел посвященный развитию торговли в Горном Алтае, в котором приведены подробные сведения о становлении и состоянии ярмарочной сети в данном регионе.

Интересные сведения об алтайцах как покупателях можно найти в путевых заметках В. И. Верещагина, преподавателя естествознания Барнаульского реального училища, создателя ботанического отдела Барнаульского естественно-исторического музея. Путешествуя по Алтаю в начале XX в., он

также отмечает, что «… и духи, и помаду покупают инородцы, нередко из-за красивой склянки или коробки. Зайдя в лавку, инородец берет, как дитя, что ему бросается в глаза, будь то блестящая металлическая пуговица или красивый флакон с духами» [6] Значительный вклад в изучение истории освоения, заселения Горного Алтая русскими переселенцами внес известный исследователь, краевед Н.С. Гуляев [10] А.П. Голубев [1] и другие.

Развитие областнических идей во второй половине XIX в. во многом было связано с анализом экономического состояния сибирского региона, в том числе, торговых отношений. Представители данного направления внесли большой вклад в изучение Алтая.

Так, грабительский характер русской торговли для алтайских инородцев доказывает в ряде работ [25] известный исследователь Сибири и путешественник Н.М. Ядринцев. В 1879 г. Н.М. Ядринцев предпринимает научную поездку в Горный Алтай, цель которой научной «заключалась в изучении посещаемых им территорий в географическом, этнографической и экономическом плане и, главным образом, проследить совершающееся колонизационное движение из Европейской России на юг Томской губернии» [24]. В Отчете он подчеркивает «весьма грубый характер эксплуатации» русско-алтайской торговли, подтверждая его многочисленными данными из повседневной жизни Горного Алтая. Исследователем приводится подробнейшее описание распространенной на Алтае схемы закабаления инородца путем кредитования. Также Н.М. Ядринцев отмечает, что «при столкновении с инородцем в торговца превращается даже самый простодушный крестьянин. Таким образом, мы заметили, что во всех слоях русских одинаковое стремление к наживе за счет инородца, что не могло не угрожать его быту и материальному благосостоянию» [24].

В своем обобщающем труде «Сибирь как колония» [26] Н.М. Ядринцев акцентирует внимание на инородческих проблемах коренных жителей Сибири, в том числе и Алтая, подчеркивая их неравенство в отношениях с русскими. Однако, негативной оценке подвергается не собственно торговля, а характер ее ведения русскими.

Схожий подход к проблемам истории Сибири содержался в работах Г.Н Потанина, который выступал за законодательную защиту коренного населения, путем создания правовой базы, направленной на ограничение влияния процессов капиталистического развития России на социальные отношения, существовавшие у аборигенных народов Сибири. Для исследования развития торговли коренного населения Алтая, изучение наследия Г.Н. Потанина позволяет сделать ряд выводов относительно тенденций вовлечения аборигенов в общероссийские экономические процессы. Потанин обосновал зависимость формирования торгово-ростовщического капитала от деятельности русского купечества и функционирования центральных рынков [16].

М.И. Боголепов, юрист, экономист, преподаватель Томского университета, оценивает экономическую жизнь Сибири с областнических позиций: «Сибирь – колония, вот основной мотив всей экономической и общественной истории русской окраины» [3]. Он отмечает, что рост торговли в Сибири и с самой Сибирью «отнюдь не был радостным явлением для самой Сибири». Описывая торговые операции, исследователь указывает, что «торговля с инородцами была построена на несложных началах: на спаивании их спиртом и на закабалении их ростовщической системой кредита... Одновременное развитие экспортной торговли и импортной, то есть ввоз товаров, не производимых в Сибири. «На протяжении столетий товарообмен складывался таким образом, что Сибирь, получая дорогие товары, которые не могла достать в своих пределах, взамен этого вынуждалась расплачиваться своим дешевым сырьем» [3].

Таким образом, подводя итог историографическому обзору дореволюционных исследований, постараемся выделить характерные черты данного этапа. Во-первых, дореволюционный период изучения Алтая – это начальный этап накопления научных знаний по проблемам географии, ботаники, зоологии, этнологии, археологии, истории и экономики данного региона. Что касается экономического развития региона, то внимание исследователей было сконцентрировано на своеобразии хозяйственной жизни алтайских племен, и характеристики их основных занятиях. Торговля как сфера хозяйственной деятельности алтайцев не становилась предметом отдельного изучения в дореволюционный период. Однако ее существование исследователи подтверждают краткими упоминаниями и оценками влияния торговых отношений на жизнь местного населения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алтай: историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа / Под ред. П.А. Голубева. Томск, 1890. – 436 с.
2. Андрианов А.В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 году по поручению Императорского Русского Географического Общества членом-сотрудником А.В. Андриановым. СПб., 1886. – 276 с.
3. Боголепов М. Торговля в Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды. СПб., 1908. – С. 169-200.
4. Вагин В. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири в 1819 по 1822 г.: в 2-ух томах. – СПб., 1872. – 752 с.
5. Вербицкий В.И. Алтайские инородцы: сборник этнографических статей и исследований алтайского миссионера, протоиерея В. Вербицкого. – М., 1898. – 249 с.
6. Верещагин В.И. От Барнаула до Монголии // Святогорье: история Республики Алтай в документах Центра хранения Архивного фонда Алтайского края, XVII – начало

XX веков. Горно-Алтайск, 2000. – С. 81-84.
7. Гагенмейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири, составленное по Высочайшему Его Императорскому Величества повелению. Ч. 2. – СПб., 1854. – 792 с.
8. Головачев П. Сибирь: природа, люди, жизнь. – М., 1905. – 474 с.
9. Горный Алтай и его население. Том 1. Кочевники Горного Алтая. Выпуск 2. Неземледельческие промыслы кочевников Бийского уезда. / составил Ю.П. Юхнев. – Барнаул: Типо-Литография Главного управления Алтайского округа, 1903.
10. Гуляев С.И. Этнографические очерки Южной Сибири // Библиотека для чтения. – 1848. Т.90. №8. – С. 4-38.
11. Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Книжка 1., Омск: Типография окружного штаба, 1879. – С. 8-45.
12. Клеменц Д.А. Население Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды. – СПб, 1908. – С. 36-78.
13. Краткий исторический очерк Алтайского округа (1741 - 1897). – СПб., 1897. – 137 с.
14. Краткий очерк Алтайского округа ведомства Кабинета Его императорского Величества. – СПб., 1896. – 76 с.
15. Потанин Г.Н. Д.А. Клеменц // Сибирская жизнь. – 1914. №10.
16. Потанин Г.Н. Нужды Сибири//Сибирь, ее современное состояние и нужды. – СПб., 1908. – С. 234-259.
17. Прутченко С. Сибирские окраины: историко-юридические очерки. – СПб.,1899. – 532 с.
18. Радлов В.В. Из Сибири: страницы дневника. – М.: Наука, 1989. – 749 с.
19. Радлов В.В. Торговые сношения с Монголией и их будущность // Записки Императорского Российского географического общества (далее ИРГО) по отделению статистики. Т. 2. / под ред. А. Артемьева. – СПб., 1871. – С. 339-383; Очерки Сибири // Новое время,1874. № 2. – С. 7-9.
20. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири: в 2-ух кн. М., 1838. Кн. 1. – 374 с.; Он же. Историческое обозрение Сибири. Стихотворения. Проповеди. Новосибирск, 2008. – 421 с.
21. Штейнфельд В. Бийский уезд Томской губернии: топографический, экономический, этнографический очерк уезда. – Бийск, 1910. – 151 с.
22. Штейнфельд В. Справочник по г. Бийску и Бийскому уезду на 1911 г. – Бийск, 1911. – 163 с.
23. Ядринцев Н.М. Из путевых писем о Сибири // Восточное обозрение. – 1882. №2. – С. 47-50.
24. Ядринцев Н.М. Отчет о поездке по поручению Западно-Сибирского отдела Императорского Географического общества в Горный Алтай, к Телецкому озеру и вершине Катуни в 1880 году. // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Книжка 4., Омск: Типография окружного штаба, 1882. – С. 1-46.
25. Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение: этнографические и статистические исследования с приложением статистических таблиц. – СПб., 1891. – 308 с.

26. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. – СПб., 1892. – 720 с.

Сулайманов Ж.М.

НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАЗМЕЖЕВАНИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В период колонизации царской Россией вся Средняя Азия была разделана на несколько крупных территориальных образований. Это Туркестанский край, куда входили пять областей, Хивинское ханство и Бухарский эмират, которые формально были независимыми, однако, находились под протекторатам России. Кроме того, большая часть нынешнего Казахстана, которая еще раньше была присоединена к России, подчинялась Оренбургскому и Омскому губернаторству. Таким образом, все территории, официально подчиненные структурно и формально входили в состав официальных административных образований. Их размежевание подчинялось положениям и принципам, принятым в российской империи. В состав царской империи входили различные народности, все подчинялись единому принципе территориального деления, согласно которому главным принципом была экономическая и политическая целесообразность. Национальный признак, как способ территориального деления нигде не применялся, исключением считались, только Польша и Финляндия. Это касалось и Центральной Азии. Весь Туркестанский край или генерал-губернаторство были разделены на пять областей, без учета каких-либо национальных особенностей. Хотя, справедливости ради, необходимо отметить, что для национального размежевания, в Центральной Азии, в конце и начале XX века, не было еще предпосылок. Национальная идентичность не была характерна для жителей данного региона. Люди подразделялись по религиозному, региональному, социальному и другим признакам. Условия и основания для национального самоопределения начинают складываться только к началу XX столетия.

Одним из условий и предпосылок для формирования национального самосознания становится движение джидидистов. Они создали новые школы, основанных на новых методах, что стало основанием для выделения себя из прежней общей мусульманской среды, как самостоятельного социальной общности. (Тут историю их, основные задачи и достижения).

Другим фактором, который повлиял на рост самосознания, является восстание 1916 года, когда все жители Туркестана поднялись на вооруженное восстание против царской власти. Существуют разные интерпретации восстания, разные его оценки, однако, можно твердо утверждать, что данное

выступление, является примером, когда местное сообщество противопоставило себя власти. Стихийное, неорганизованное восстание было неосознанной попыткой защитить свои права, интересы.

Кроме того, в либеральной и прогрессивной среде русской общественности были достаточно популярны и распространены идеи автономии, демократии, которые получали распространение и среди национальной интеллигенции. После революции 1905 года, когда император Николай II ввел либеральные нововведения в политическую жизнь общества. Была организована Государственная Дума, куда избирались представители всех регионов и сообществ. Поэтому Туркестан тоже был представлен в высшем законодательном органе местными депутатами, которые получили широкие связи и отношения с лидерами разных политических сил. Это и конституционные демократы (кадеты), и социал-революционеры (эсеры), монархисты, анархисты и т. д. Многие прогрессивные идеи и учения, которые были популярны в центральной России, стали доступны и для окраин.

Таким образом, к периоду крушения царской власти в Туркестане сложилось общество, которое было пронизано самыми разными идеями и настроениями, часто враждебных и противоречивых друг другу. Политическая активность и душевный подъем был характерен для всего общества, для всех слоев настроения. Падение самодержавия раскрепостило все общество, надежды на будущее приобрели реальные очертания, что не могло не способствовать росту повсеместной активности всех политических сил и движений.

Захват Петропавловской крепости и Зимнего дворца, арест министров царского правительства 28 февраля 1917 года привел к завершению многовековому правлению династии Романовых. Режим самодержавия пал, в Российской империи побеждает демократическая революция. В результате соглашения между Петропавловским советом рабочих и солдатских депутатов и Временным комитетом Государственной Думы было образовано Временное правительство. В опубликованных Декларации (3 марта) и Обращении к гражданам России (6 марта) Временное правительство изложило свою программу. В ней, оно заявило о введении политических свобод – свобода слова, печати, союзов, собраний, стачек; отмене всех сословных, религиозных и национальных ограничений; подготовке с созыву Учредительного собрания, полной политической амнистии и т.д. События в Петрограде, новые законодательные акты были с воодушевлением приняты большинством населения страны, ее многочисленными народами, различными классами, социальными группами, политическими партиями и общественными движениями. Эйфория победы, идеи свободы, равенства и независимости подняли общественное настроение, возродили надежды народов, раскрепостили их самосознание, активизировали их социальное творчество по демократическому

переустройству своей жизни, участию в управлению государством.

Волна политической и общественной активности прокатилась по всей стране, охватила всех ее окраины. Уже 3 марта в центре Туркестанского края, образован Ташкентский совет рабочих депутатов, на следующий день – совет солдатских депутатов. По их призыву начинаются создаваться советы в городах и рабочих поселках Туркестана. К концу марта на территории края насчитывается 75 советов рабочих и солдатских депутатов. Классовый принцип формирования советов сразу сказался на их национальном составе. Избранные депутаты были представителями европейских национальностей.

Одновременно с избранием советом начались выборы исполнительных комитетов общественных организаций и комитетов общественной безопасности. Эти комитеты выступили как объединители всех демократических организаций. Это обеспечило им более широкую социальную и национальную основу. Правомочность этих органов была признана национальной общественностью края, которая активно включилась в кампанию по выборам исполнительных комитетов на местах.

Джадидисты выступили инициаторами объединения интересов коренных народов, которые уже 6, 9 марта проводят первые собрания жителей «старого» Ташкента, где выдвигаются депутаты от представителей местного населения. К 14 марта проводится расширенное собрание где создается представительский орган от всех частей старого города Ташкента. Этот орган выступил ядром новой организации, который получил название «Шурои Исламия» («Совет ислама» или «мусульманского совета»). Во временном положении, принятом на одном из первых заседаний правления, основными целями организации провозглашались распространение реформаторских идей и укрепление единства мусульманского населения Туркестана. Были разработаны структура, членство, функции, финансы организации. Положение признавало необходимым создание «Шурои Исламия» во всех городах и селах Туркестана. Эта инициатива получила широкое распространение во всем крае, уже 8 апреля были созданы подотделы в Оше, Андижане, Скобелеве, Туркестане, Мары, чуть позже в Самарканде, Коканде и других городах.

Образование «Шурои Исламия» стало знаменательным событием в политической жизни Туркестана. Оно внесло серьезные коррективы в расстановку политических сил, в строительство властных структур края. В политической сфере края появилась сила, которая существенно отличалась от существующих организаций по своему составу, целям, задачам. Главная особенность «Шурои Исламия» заключается в том, благодаря ее созданию коренные народы выступили самостоятельным субъектом политической жизни края, отдельным игроком на общественной арене. Никогда, до этого момента, интересы коренных народов не были представлены в таком виде в общественной жизни. Бесправное и беззащитное существование было ха-

рактерно для многих слоев населения самодержавной России, но особенно остро это проявлялось по отношению к коренным народам края. «Шурои Исламия» стала первым органом, который провозгласил своей задачей защиту интересов коренных жителей края. В самом названии данного органа можно наблюдать связующую общность местного населения. В существующих экономических, культурных и социальных условиях, местное население рассматривало себя как единую социальную общность, где различия не имели принципиального значения. Региональные, сословные, экономические различия не были антагонистичными. Существующую общность и единство народов, отмечали в своих трудах, известные ученые Н. Димо, Ю. Пославский, Г. Черданцев. Они утверждали, что «не смотря на пестроту географического состава культура Средней Азии является по сущности, культурой единой. Хотя, кочевой быт резко отличается от оседлого, но между ними не существует непроходимой грани, вследствие происходящего оседания кочевников и перехода, в отдельных случаях, оседлого населения к скотоводству».

К весне 1917 года на дальней окраине России сложилось определенное троевластие. Это – туркестанские советы солдатских и рабочих депутатов, выражающие волю революционной демократии. Исполнительные комитеты общественных организаций, выражающие интересы различных социальных и национальных групп населения, в нее входили различные партии (меньшевики, эсеры). И зарождающий, формирующий представительный орган мусульманского населения «Шурои Исламия», который выражал интересы и волю местных народов.

Сложившаяся политическая ситуация отражала не только расстановку различных сил в регионе, она также показывает, как демонстрирует разные аспекты и отношения к вопросам, связанных с национальной проблемой. Именно в борьбе и столкновении между этими центрами политической власти формируются принципы национальной политики. В программах существующих политических сил проявляется будущие контуры территориального деления края. Анализ борьбы и противостояния различных политических сил показывает, что сложившийся политический контур региона не является волевым решением Кремля, а сложной и противоречивой комбинацией, сочетающей интересы и большевиков и местной элиты.

Разные политические цели и задачи диктовали разные методы и формы их достижения. Это особенно четко проявилось в политической борьбе в Туркестане. Программные и тактические установки этих трех политических сил с наибольшей полнотой проявились в краевых съездах, которые они провели в апреле. В центре внимания всех съездов оказались вопросы, связанные с отношением к войне, к Временному правительству, будущей формы правления, вопросы управления краем, продовольственный и другие.

Первым начал свою работу 1 Туркестанский краевой съезд советов

рабочих и солдатских депутатов. На нем присутствовали 263 депутата, которые кроме 4 человек были европейской национальности. На съезде прозвучало предупреждение, что при назначении высшей краевой власти, необходимо учесть стремление мусульман к созданию единой, выражающей интересы местного и пришлого населения власти. Были высказаны мнения о создании единой власти под контролем русских и мусульман. В то же время, выступив за учреждение в России демократической республики с сильным центральным органом, съезд не стал обсуждать вопросы о автономии края, ликвидации национального неравенства, оставив их на решение Учредительного собрания.

Съезд исполнительных комитетов общественных организаций Туркестанского края был представлен 171 делегатом, из которых 99 человек были представителями европейского населения и 72 – коренного. Наибольшее обсуждение вызвала идея о федеративном устройстве как форме, дающей «всем народам России возможность самоопределения», разделив делегатов на два лагеря. Одна часть сторонников федеративного устройства связывала вопрос о предоставлении автономии с развитием культурного и политического развития народов Туркестана, в связи с чем признавала, что народам Туркестана должна быть представлена возможность воспользоваться автономией в последствии. Другая часть считала, что автономия должна быть территориальной, а не национальной.

1 Всетуркестанский съезд мусульман созванный по инициативе «Шурои Исламия» прошел с 16 по 21 апреля. В нем присутствовало 150 делегатов, представлявших все коренные народы края. Повестка дня включала многие вопросы: отношение к Временному правительству, о школах медресе и вакфах, об отношении к войне, земельно-водный вопрос и т.д. В центре внимания оказались вопросы о будущей форме управления в России и организационной консолидации коренного населения Туркестана. Признав Временное правительство и его программу, съезд единодушно поддержал идею утверждения в России федеративной демократической республики с предоставлением широкой автономии всем областям, в том числе и Туркестану.

Различные съезды, проведенные весной 1917 года, их программы и решения, показали, что, не смотря на отличия в политических вопросах, население региона делится на два лагеря по своему умонастроению. Большинство европейского населения связывало свое будущее с сохранением державных позиций Центра, то местное население консолидировалось на платформе идей национальной свободы, желании сами определять свою судьбу. В то же время, среди лидеров коренного населения не было открытых сепаратистских настроений. Основной их целью было получение определенной автономии в решении собственных местных проблем. Однако, даже эти минимальные требования не были одобрены противоположными силами.

В это же время, 7 апреля 1917 года, происходит назначение Временным правительством Туркестанского совета «в целях установления прочного порядка и устроения Туркестанского края на основах, всенародно объявленных Временным правительством 6 марта 1917 г., и для разрешения на месте возникающих вопросов управления краем».

К тому времени, в Туркестанском крае произошли существенные общественно-политические и социально-психологические сдвиги, которые серьезно повлияли на происходящие консолидирующие процессы в обществе. За короткий срок (май-август 1917 г.) во многих городах и поселках Туркестана – в Ташкенте, Коканде, Андижане и др. – были образованы советы мусульманских рабочих депутатов, Союзы трудящихся мусульман, среди коренного населения начали создавать профсоюзные организации. Инициаторами их создания выступили около 100 тысяч возвратившихся туркестанцев, мобилизованных в 1916 году на тыловые работы. Огромные массы людей в период своей работы на заводах и фабриках России, вплотную столкнувшись с практикой классовой борьбы, восприняли лозунги и идеи леворадикальных сил революции и привнесли их в слабо дифференцированное туркестанское общество. Один из лидеров этого движения признавался: «На плечах Совета мусульманских рабочих депутатов лежит чрезвычайно тяжелая работа организации темной массы туземного пролетариата, находящегося в рабской зависимости от всемогущих баев. Верным союзником последних является духовенство, имеющее огромное влияние и играющее на самой темной стороне несознательной массы – на фанатизме и невежестве, что усугубляет тяжесть нашей задачи». Повсеместно начинается сближение советов мусульманских рабочих с ранее созданными советами рабочих и солдатских депутатов, классовая солидарность и близость интересов подталкивала их к объединению. Новые советы получают помощь и защиту от своих коллег. На политическую арену начинает выходить новое движение, состоящее из коренного населения, но основанное на новых, классовых принципах организации. Их приоритеты приходят в конфронтацию с целями уже организованных движений, которые пытались создать объединение, консолидирующее все население края, вне зависимости от социальной и региональной принадлежности.

Революционная активность и напряженность выдвигала на политическую арену все новые и новые силы. Все общество приходит в движение, все социальные слои, общественные группы начинают продвигать свои интересы, которые во многих случаях начинают противоречить друг другу. Туркестанское общество, казавшееся единым и монолитным, начинает демонстрировать свою политическую и социальную пестроту и разнообразие. Местный пролетариат, не смотря на свою малочисленность и слабую консолидацию, заявляет о своих приоритетах, которые резко контрастируют от

стремящейся к объединению «Шурои Исламия». Последняя, тоже начинает раскалываться в результате разногласий. В июне 1917 года из ее рядов выходят духовенство и ее сторонники и образуют организацию под названием «Шурои Уламо» (Совет духовенства). На сепаратистские настроения духовенства оказали влияние новые тенденции в движении «Шурои Исламия». Лидеры данного организации в своих устремлениях руководствовались идеями общероссийского движения мусульман. Первый Всероссийский съезд мусульман, состоявшийся в Москве, в мае 1917 года, был представлен всеми политическими течениями – от правых консерваторов до левых радикал-социалистов, в том числе делегатами от Туркестана, Бухары и Хивы. В принятых постановлениях и резолюциях были выдвинуты требования о заключении мира без аннексии и контрибуции, введении 8-часового рабочего дня, прекращении выселения коренного населения с земель в степных областях и Семиречье, расширение сети национальных школ, создание Временного Духовного управления и т.д.

Серьезные разногласия вызвали вопрос о формировании национально-государственного устройства России. При его обсуждении форум разделился на две большие группы: одна из них стояла на принципах централизма и выступила за экстерриториальную культурную автономию мусульман в составе демократической России, другая – за территориальную автономию в составе Российской Федерации. В результате бурных и продолжительных споров была принята резолюция, которая признавала, что «а)…формой государственного устройства России, наиболее обеспечивающей интересы мусульманских народностей, является демократическая республика на национально-территориальных федеративных началах; причем национальности, не имеющие определенной территории, пользуются национально-культурной автономией; б) для регулирования общих духовно-культурных вопросов мусульманских народностей России и солидарных их выступлений учреждается центральный общемусульманский орган для всей России с законодательными функциями в этой области».

В результате, уже в июне проводятся обособленно три съезда: II Всероссийский мусульманский съезд, съезд мусульманского духовенства и мусульманский военный съезд. Революционный настрой, жажда перемен, новизна идей не могла не вызвать настороженности и опасения у консервативно настроенной части мусульман, к особенности духовенство. Любые перемены должны привести к слому старого уклада и изменению прежних ценностей, что конечно не входило в интересы духовенства. Поэтому оно отреагировало созданием новой организации «Шурои Уламо».

Разность интересов диктовало различные подходы в решении политических вопросов, стоящих перед туркестанским обществом. Лидеры национальной демократии, возглавляемые джадидистами, видели своей главной

задачей консолидацию коренного населения, путем расширения их прав через активное участие в управлении региона. Духовенство было заинтересовано в максимальном сохранении своих привилегий и положения, поэтому поддерживали те силы, которые могли бы им гарантировать неизменность их статуса. Советы мусульманских депутатов подходили к решению всех вопросов с классовых позиций. Такое расхождение во взглядах затрудняло возможность объединения, хотя попытки для этого предпринимались. На июньском съезде мусульманских организаций Ферганской долины участвовало 137 делегатов от разных организаций долины, представлявших интересы всех слоев населения. Представители союза трудящихся мусульман, убедившись в преобладании представителей имущих слоев, в знак протеста покинули съезд. На съезде была предпринята попытка объединить на политической платформе всех представителей местных национальностей края. Съезд, избрав Организационное бюро, положил начало образованию первой мусульманской партии – партии мусульманских федералистов. Основным пунктом утвержденной съездом платформы было провозглашение Туркестанского края в составе Ферганской, Сырдарьинской, Закаспийской и Семиреченской областей «автономной единицей», федеративно связанной с Российской республикой. Ряд положений – незыблемость права на собственность на землю и права водопользования, упразднения нотариата и утверждение суда казиев – свидетельствовало об утверждении общества на началах шариата и адата. Однако, были включены и демократические требования – о признании мирового суда наряду с судами казиев, бесплатного начального образования, создании высших учебных заведений, установление 8-часового рабочего дня, введение единого подоходного налога.

За короткий срок, с февраля по октябрь, местные общественные организации сумели пройти путь от просветительских организаций до политической партии. Национальное демократическое движение продемонстрировало свою общественно-политическую зрелость, готовность выступить самостоятельной силой, способной к управлению в огромном крае. Оно показало, что способно мобилизоваться на принципах демократии и стать консолидирующей силой региона.

Именно активность местного сообщества позволило формированию тех политических и территориальных образований, которые положили начало созданию первых национальных советских республик. Советская власть сумела учесть существующие в обществе настроения и максимально использовать для достижения своей цели. Зарождающие национальные умонастроения среди местного населения были использованы большевиками при установлении собственной власти. Это и послужило залогом их успеха. Советская власть предложила деление края по национальному признаку, чем смогла получить активную поддержку своей политики. Образование республик на территории Туркестанского края является результатом ожесточенной борьбы, компромиссов между различными политическими силами.

На примере данного движения можно увидеть, что даже один год, в условиях динамического развития, это очень большой срок, достаточный для формирования партии, его устава, программы, перспективного видения и разработки путей его решения. Надо учитывать, что организаторы партии не имели опыта политической работы, не имели достаточного уровня образования. Однако, взвешенный подход, ответственность за страну, искреннее чувство любви к своему народу помогли им за короткий срок поставить и решить проблемы, которые до этого не приходилось решать. Тем более, по свое сложности и масштабности, проблемы, стоявшие перед лидерами национальной демократии, были грандиозные. Это были задачи регионального, государственного масштаба.

Решение национального устройства четко укладывается в систему жесткой вертикали власти, в которой происходит подмена законодательных и исполнительных органов управлением политической партии большевиков. Вопросы национальной автономии, национального обустройства страны рассматриваются и понимаются в контексте политической власти большевиков, государственные и национальные структуры получают определенные полномочия только как исполнители воли и целей руководящего органа. В национальных окраинах местных народам не могла быть предоставлена полная политическая автономия, потому что это могло ограничить политическую власть. В тоже время, при условии, что национальные лидеры признают гегемонию партии, то им предоставляется определенные возможности для развития национальной культуры. Военный террор, диктат власти, идеологическая обработка, популистские лозунги способствовали достижению своих целей большевиками. Национально-территориальное деление выступает результатом соглашения и консенсуса между большевиками и местной элитой, которые на определенных условиях смогли договориться о формах и способах устройства региона.

В Туркестане в начале XX века национальное самосознание только начиналось формироваться. Большинство жителей идентифицировали свою региональную, религиозную и сословную принадлежность, а принадлежность к национальной группе была не особо выражена. В целом они могли еще воспринимать свою региональную принадлежность – туркестанец. Поэтому в регионе не существовало политической или социальной группы, которая бы ставила вопросы о политической автономии или государственном самоопределении. Со стороны национальных лидеров вопрос о политической независимости не поднимался. Для этого просто не было социальной базы. Вопросы об автономии, будь то культурной или политической, стали обсуждаться после Февральской революции. Временное правительство,

учитывая рост национального движения в западной части России, не могла игнорировать эту проблему. Политическая свобода и культурная автономия стали обязательным условием существования нового демократического правительства. Оно было вынуждено декларировать в своей программе автономию для всех национальных районов страны. Под влиянием демократической пропаганды Временного правительства она распространяется по всей стране и доходит до Туркестана. Таким образом, идеи автономии и самоопределения приходят в регион из более развитого центра метрополии, а не являются закономерным результатом внутренней борьбы за свободу. Даже просветители, джидиды, в своей деятельности делали акцент на просвещение и образование, и видели свое будущее в составе России.

Революция в центре метрополии открыла новые политические возможности для местного населения и ее элиты. Демократические свободы, провозглашенные в Москве, различными революционными движениями, докатились до Туркестана и овладели умами людей. Для местного населения и его элиты получение национальных свобод напрямую связывается с деятельностью властей, в начале Временного правительства, затем и советской власти. Ведь именно центральная власть привнесла в туркестанское национальное общество идеи автономии, самоопределения, предложила их реализовать в регионе. В отличие от других стран и регионов, где национальные движения вели длительную борьбу за осуществления этих идей, центральная власть добровольно вручила их в руки местного, туркестанского населения. Поэтому и вся политика по формированию национальных образований шла под диктовку центральной власти, которая регулировала этот процесс своими постановлениями и декретами. Участие местной элиты проявлялось в активном сотрудничестве с большевиками, где она могла высказать свои интересы и пожелания. Многие пожелания и предложения местного населения, если не противоречили классовыми интересами партии, находили поддержку со стороны советской власти.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Среднеазиатский экономический район. Очерки по экономике Средней Азии. – Т., 1922. – С. 23.
2. ЦГА РУз, ф.17, оп.1, д.399, л. 187; ГА Ташкента, ф.10, оп.1, д. 28, лл. 2-3.
3. Туркестанские ведомости. 1917, 12 апреля.
4. Протоколы съезда делегатов исполнительных комитетов Туркестанского края. – Т., 1917.
5. Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Сб.док. Т.1. – Т. 1963, С. 57-58.
6. Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Сб.док. Т.1. – С. 281.
7. Программные документы мусульманских политических партий (1917-1920 гг.). – Оксфорд, 1985. – С. 33 (рус. яз.).
8. Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Т.1. – С. 174.

Сулайманов Ж.М.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В период прихода царской власти в Туркестан, он потерял статус передовых стран мусульманского мира. Знаменитые города Бухара и Самарканд перестают восприниматься как центры науки, богословия и культуры. Тем не менее, знания, ученость, образованность по-прежнему в почете в туркестанском обществе. После прихода царской власти деятельность прежних образовательных центров не прекращает свою деятельность. Российская администрация не препятствует работе мусульманских учебных заведений.

Традиционная система образования в регионе включала в себя две ступени. Первая – мектеб, или начальное религиозное образование, которая обычно открывалась при мечети. Оплата учителя и содержание за помещение возлагалась на жителей селения или квартала. Среди кочевников мектебы функционировали весной и вначале лета. Численность учеников обычно составляло два-три десятка человек, учились только мальчики. Программу обучения составляло обучение арабского алфавита, затем основное время происходило механическое заучивание и чтение Хафтияка, небольшой книги содержащей отрывки из Корана с основными молитвами, необходимыми для выполнения насущных обрядов.

Для девочек существовал отдельные школы, в которых проходили примерно ту же программу, что в мектебах. Женские школы открывались в основном в городах, где обучались дочери богатых купцов и духовной элиты.

Вторая ступень образования – медресе, или средние и высшие школы, которые имелись, как правило, лишь в городах и крупных селениях. Содержание зданий медресе и оплата преподавателей осуществлялась из доходов пожертвованного имущества – вакуфов. В учебную программу медресе входило изучение арабской грамматики, богословско-юридической литературы, а также книги по метафизике, космографии, астрологии, географии, истории, медицине и математике. Весь курс обучения длился не менее 10 лет. Выпускники медресе могли становиться имамами в мечетях и учителями в начальных школах. Желающие получить полное богословское обучение отправлялись в Турцию, Индию и Египет.

В контексте нашего исследования, можно констатировать, что в регионе существовала определенная система образования, которая воспроизво-

дила определенный слой образованных людей. Однако, вся система образования имела религиозную направленность, проводилась на арабском языке, имела достаточно ограниченный характер. Главной особенностью такого образования был сакральный характер. Основные навыки образования формировались на основе священного писания и арабской грамматике, которые всегда воспринималась не просто как знания, а как освоение сакральной сферы.

Система образование, существовавшая в Туркестане, формировала класс образованных людей, объединенных арабским языком и священным писанием. В результате все грамотные люди были соединены между собой знанием, которое отличало их от основной массы населения. Это образование формировало общность мусульманской идентичности, которая отвергала национальную или какую-либо другую общность. Эта грамота, способствовала тому, что люди воображали себя как единое, культурное и религиозное целое. Не смотря на существующие социальные, региональные и сословные различия, границы которых всегда были подвижными, мусульманская принадлежность была всеобщей и главенствующей.

Такое положение стало постепенно изменяться с приходом новой власти, которая стала внедрять свою систему образования. Как любая империя, Россия имела свою цивилизаторскую миссию, в соответствии с которой она начала среди покоренных народов внедрять просветительскую идею. Уже в первой половине XIX века, она открывает первые школы в Букеевском ханстве, в 1850 г. при Оренбургской приграничной комиссии открылась светская школа с семилетним сроком обучения. Ее задачей была подготовка из числа казахов писарей и переводчиков в низовом звене российской администрации. За 19 лет существования она выпустила 48 учеников. Позже такая школа открылась в Омске. В этих школах изучали русский язык, арифметику, казахский язык, основы шариата, порядок составления деловых бумаг, а несколько позже географию и гимнастику.

Открытие начальных народных школ в степных районах Центральной Азии относится к 60-м годам XIX века. Так в Уральской области работали 24 русско-казахских школ, в Акмолинской области одна русско-казахская и 4 русско-татарских школ. Позже открывают школы почти во всех областях Степного края, к концу XIX века функционировало 162 школы, в которых проходили обучения 3560 мальчиков и 962 девочки. Выходцам из Центральной Азии был открыт доступ в высшие учебные заведения, несколько десятков человек проходили обучение в Российских университетах.

После присоединения Туркестана к России начинает просветительская деятельность в данном регионе. Тем более культурное освоение края всегда рассматривалось властями как одна из важнейших задач по вовлечению окраины во внутреннюю жизнь империи. В 1970-1973 годы в Ташкенте

работала особая комиссия, которая разработала проект «Плана устройства учебной части и образования в Туркестанском крае», который главной задачей просвещения коренного населения определил «его слияние с основами государственной жизни». Этим проектом предусматривалось учреждение мужской гимназии в Ташкенте, куда на общих основаниях могли поступать дети мусульман, учительской семинарии с трехгодичным сроком обучения и с преподаванием языков местных народов, а также образцовой школы при семинарии с вакансиями для мусульман. Кроме того, предусматривалось создание системы уездных народных школ с четырехлетним общеобразовательным курсом и ремесленным классом. В них предусматривалось обучение русских и сартов (представителей оседлого населения), с вакансиями для представителей кочевого населения. В уездных и начальных школах преподавание местных языков предполагалось преподавать с употреблением русской транскрипции (по методике Н.И. Ильминского).

В 1884 году была открыта первая русско-туземная школа, которая в отличии от русской школы, где имелись вакансии для местного населения, была предназначена исключительного для коренного населения. Учебная программа состояла из двух частей: первая включала изучение чтения, письма и арифметики на русском языке, вторая обучала мусульманским вероучениям. Однако, такие школы не имели успеха, так как не смогла выполнить главную свою миссию – распространение российской культуры и подготовки новой, лояльной к России, элиту. Как писал один из русских деятелей М.М. Вирский, «ни одна из русско-туземных … школ… не выпустила из своих стен ни одного туземца, умеющего правильно читать, не говоря – писать по-русски».

Российская власть предпринимала различные меры для культурного преобразования местного населения, внедряла разные системы обучения, однако, все попытки оказалась малоэффективными. Создать новую, современную систему образования вместо традиционной не имели успеха. Местные жители отдавали предпочтение начальным школам мектебам. Количество традиционных школ постоянно увеличивалось, так в Ташкенте в 1876 году существовало 11 медресе, то к 1910 г. – уже 22, в Фергане в 1892 году насчитывалось 120 медресе, то к 1911 г. – 240.

Подходы к образованию местного населения царским правительством постоянно менялись. Если в начале своей деятельности администрации представлялось, что «русскому влиянию на Востоке представляется задача важная и возвышенная разбить умственные оковы магометанства и приобщить туземцев к жизни человечества», то к 1907 году мусульманская школа сравнивалась с древнерусской христианской. Представители власти начинают признавать курс медресе «очень серьезным, соображенным с действительными потребностями народной жизни» и подлежащей не коренной лом-

ке, а постепенной и осторожной эволюции в смысле «упорядочения системы обучения и обновления самих знаний в таких науках, которые не касаются религиозных верований».

Туркестанское общество оказалось действительно единой целостью, которое, оказалось, трудно расшатать новой системой образования. Местное население воспринимало российскую систему не просто как чужое, а противоположное мусульманскому, разрушающего исламское единство. В противовес русским школам, под влиянием крымско-татарского просветителя И. Гаспринского получают распространение так называемые новометодные школы. Привлекательность этих школ заключалось в том, что они совмещали в себе традиционные ценности, используя новую методику, при котором освоение навыков письма и чтения происходит в короткие сроки. Так в Ташкенте, например, в 1910 году насчитывалось 8 русско-туземных школ, а новометодных – 16. В Коканде в 1911 году действовали 2 русско-туземных школы со 162 учениками, тогда как в 8 новометодных школах училось 530 учеников.

Образовательная миссия России не имеет однозначной оценки. До сих пор, при осмыслении просветительскую деятельности российской империи, преобладают подходы, где эта функцию оцениваться как насильственное насаждение иной культуры. Часто звучат утверждения, что русская администрация вела ожесточенную борьбу с многовековой и налаженной традицией образования, существовавшей в регионе. Анализ ситуации показывают, что российская администрация не вводила тотальную систему запретов, она предоставляла возможность обучения в традиционных учебных заведениях. В то же время старалась контролировать содержание и программу обучения. Новая власть вводила собственную, более современную систему обучения, как для собственных прагматичных целей, так и исходя из своих представлениях о цивилизаторской миссии.

Образовательная политика России стимулировала развитие системы образования в Туркестане. Именно эта деятельность российской администрации послужила толчком для появления нововведений в образовательной сфере. С приходом царской власти, становится возможным появления в регионе широкой прослойки образованных людей из мусульманского Поволжья, которая привнесла не только новые стандарты образования, но и инновационные методы обучения, в виде новометодной школы. Политика России в сфере образования способствовала укреплению и осознанию региональной общности и единства. В последние годы царской администрации наблюдается рост численности традиционных школ. Местное население, воспринявшее российские школы, как угрозу общей мусульманской идентичности, ответило стремлением к образованию в традиционном стиле. К началу XX века численность медресе увеличивается в два раза. Всего медресе в трех

областях Туркестанского края было 328 в 1911 году против 313 в 1900 г. по неполным данным, только в Чимкенском уезде Сырдарьинской области насчитывалось более 1000 мектебов, тогда как казахско-русских школ по всему Степному краю было 157.

Политика в области управления и языка, внедряемая Россией на национальных окраинах, получила в работе Андерсона Б. «Воображаемые сообщества» названия русификация. В чем особенности этой политики и как она внедрялась в Туркестане? Основными признаками русификации по мнению большинства специалистов являются ограничения культурной самобытности на какой-либо территории Российской империи, активное распространение там русского языка и литературы, замену местных органов власти и управления на общеимперские, интенсивное распространение православия и русской культуры. Надо заметить, что в России политику центральной власти по отношению к окраинам именовали «обрусением», под которым понималось ненасильственное, естественное сближение с русским народом, превращение в русского по языку и традициям.

Понимаемая в этом смысле политика русификации достаточно серьезно применялась в других окраинах России, в частности, западная часть, Сибирь, то в Центральной Азии такая задача не стояла. Хотя отдельные моменты и попытки предпринимались. В Туркестане православное миссионерство было официально запрещено, однако, в Степном крае, были попытки обращения казахов в православие. Например, можно отметить миссию Ефима Елисеева. Происходящий из крещенных татар, получивший специальную подготовку при Казанской духовной академии, он начал активную пропаганду православия среди казахского населения. Он прекрасно знал татарский, казахский и арабские языки, мог переводить цитаты из Корана на тюркские языки и знал арабский текст Библии. По словам самого миссионера, он читал новокрещенным Евангелие от Луки на казахском языке, вероятно сам являясь автором перевода христианского текста. Еще при предшественниках Елисеева в ауле Букони Семипалатинской области некоторые песнопения и молитвы читались и пелись по-казахски. Таким образом, к началу деятельности Елисеева имелись традиции применения казахского языка для приобщения к христианству. В 1893 году стараниями Елисеева была открыта школа для новокрещенных мальчиков-казахов. Обучение велось с помощью букваря и священной истории на казахском языке, все молитвы заучивались и читались на языке местного населения. Фактически Елисеев стал основателем одной из первых школ с преподаванием предметов на казахском языке.

Открытие русских школ имеет большое значение для формирование национального ряда с регионе. Эта деятельность получила название у Андерсона «национальный национализм», так как способствовал формированию у местного населения осознания своей этнической принадлежности.

Развитие российского образования в регионе преследовало основную идею, сформулированная Министерством народного просвещения: «Конечной целью образования всех инородцев, живущих в пределах нашего отечества, бесспорно, должно быть обрусение их и слияние с русским народом». Однако, именно эта политика привела к осознанию местных жителей самого себя в национальных категориях.

Открытие и распространение русских школ, миссионерская деятельность православных священников часто оценивают только как попытка ассимиляции и русификации коренных жителей. В то же время, необходимо отметить, что любая деятельность имеет разные, иногда прямо противоположные результаты. В данном случае, влияние данной политики проявляется не только в попытках обрусения и слияния с русским народом, она создала инструмент, с помощью которого создается предпосылка для конструирования местных национальностей. Миссионер Елисеев, не просто крестил местных жителей, обращая их в другую веру, он и его единомышленники создавали школы, где впервые занятия велись на родном языке. Для русско-туземных школ, была разработана Ильминским система обучения, которая предполагала обучение русскому языку при помощи родного языка детей с применением русской транскрипции. Тексты переводились сначала с родного языка на русский, а затем – в обратном направлении.

Вместо традиционной школы, которая была построена на арабской графике и языке, основана на священных писаниях, создание новых школ приводит к необходимости письменного национального языка. Именно школа, где человек начинает обучаться грамоте на своем языке, приобщает его к осознанию собственной принадлежности. Российская система образования разрушила вековую монополию традиционного образования, которая вела обучение на арабском языке, формируя общемусульманскую идентичность. В традиционной школе знания имели сакральный характер, доступ к которому имел ограниченный круг людей. В системе русского образования стал формировать тот национальный ряд, который привел к образованию современных наций.

Кроме того, даже в том виде, в котором получила распространение российская система образования, она создала своих «пилигримов», которые обучившись в русской школе, стали проводниками национальных идей. Андерсон убедительно показал, как колониальные власти, создавая школы по собственному образцу, обучая в них местных школьников, создают сообщество, воображающих свое национальное единство. В Туркестане, зачинателями национальных движений, первыми основателями республик были люди, которые получили образование в российских школах, университетах. Лидеры Кокандской автономии, а затем Туркестанской республики, позже возглавившие свои национальные республики выпускники российских школ

и университетов. М. Чокаев, А. Букейханов, Т. Рыскулов и другие стояли у истоков национальной туркестанской автономии, позже национальных республик. А. Сыдыков, Ю. Абдрахманов, И. Арабаев лидеры кыргызской государственности также обучались в школах, открытых российской властью. Обучение в этих школах способствовало формированию их национальной принадлежности.

Российскую систему образования нельзя рассматривать только как инструмент направленный на обрусение и ассимиляцию, она, как и любое образование несет в себе знания, которые могут служить не только колонизаторам, но и тем, «против» которых она направлена.

Российская власть привнесла с собой и развитую современную типографию и книгопечатание. Первая типография была открыта в Ташкенте в 1868 году, которая принадлежала штабу военного округа. Позже количество типографий росло быстрыми темпами. Уже через два года, после первой типографии, русские власти начали выпускать «Туркестанскую туземную газету» на языках местных народов. Долгие годы ее редактором был известный ученый Н.П. Остроумов. После 1905 года в Туркестане стали выходить газеты и журналы, издаваемые местными интеллектуалами. В них обсуждались самые разные стороны жизни региона, публиковались материалы о других странах, велась активная просветительская деятельность. Такие газеты и журналы, как «Таракки», «Хуршед», «Ойна», «Аль-Ислах» получили широкое распространение среди местного населения. Многие издания не могли обеспечить свою экономическую независимость, поэтому быстро закрывались. Татарские газеты издавались несколько лет, пока не были закрыты властями. В Бухаре первая литопечатня была открыта в 1901 году, до своего закрытия в 1913 году, она издала около 45 книг и других изданий, в основном на фарси, реже на тюркском языках.

В Степном крае первая газета появилась в 1870 году. Целый ряд газет и журналов издавался в Оренбурге, из них несколько на казахском языке. Многие газеты по политическим соображениям закрывались после нескольких номеров. Лишь газета «Казахстан» выходила в течении двух лет, а газета «Казах» издавалась с 1913 по 1918 гг. Первый казахский журнал «Айкап» издавался с 1911 по 1915 годы, где публиковались большинство известных казахских литераторов и писателей.

В годы царского правления в туркестанском крае стал формироваться печатный язык местных национальностей. Темпы и объемы его развития не впечатляют, однако, он заложил основы, стал предпосылкой для зарождения национального самосознания.

Б. Андерсон следующим образом оценивал влияние печатных языков на становления национального сознания в Европе: «Эти печатные языки закладывали основы национального сознания тремя разными способами. Во-

первых и в первую очередь, они создавали унифицированные поля обмена и коммуникации, располагавшиеся ниже латыни, но выше местных разговорных языков. Люди, говорившие на колоссальном множестве французских, английских или испанских языков, которым могло оказываться трудно или даже невозможно понять друг друга в разговоре, обрели способность понимать друг друга через печать и газету. В этом процессе они постепенно стали сознавать присутствие сотен тысяч или даже миллионов людей в их особом языковом поле, но одновременно и то, что только эти сотни тысяч или миллионы к нему принадлежали. И именно эти сочитатели, с которыми они были связаны печатью, образовали в своей секулярной, партикулярной, зримой незримости зародыш национально воображаемого сообщества.

Во-вторых, печатный капитализм придал языку новую устойчивость, которая в долгосрочной перспективе помогла выстроить образ древности, занимающий столь важное место в субъективном представлении о нации. Как напоминают нам Февр и Мартен, печатная книга сохраняла постоянную форму, способную к фактически бесконечному воспроизведению во времени и пространстве. Теперь она уже не была подчинена индивидуализирующим и «неосознанно модернизирующим» привычкам монастырских переписчиков. Так, если французский язык XII века заметно отличался от того, на котором писал в XV в. Вийон, то в XVI в. темп его изменения решительно замедлился. «К XVII столетию языки в Европе, как правило, уже приняли свои современные формы». Иначе говоря, вот уже на протяжении трех столетий эти стабилизированные печатные языки приобретают цветовое насыщение, но не более того; слова наших предков, живших в XVII в., доступны нам так, как не были доступны Вийону слова его предков из XII в. В-третьих, печатный капитализм создал такие языки-власти, которые были отличны по типу от прежних административных местных наречий. К каждому из печатных языков некоторые диалекты неизбежно были «ближе»; они и определили их конечные формы. Их обделенные удачей собратья, все еще поддающиеся ассимиляции складывающимся печатным языком, утратили привилегированное положение, и в первую очередь потому, что оказались безуспешными (или лишь относительного успешными) их попытки настоять на собственной печатной форме. «Северо-западный немецкий» превратился в Platt Deutsch*, преимущественно разговорный, а следовательно, просторечный немецкий язык, потому что поддавался ассимиляции печатно-немецким языком так, как не поддавался ей богемский разговорный чешский. Верхненемецкий, королевский английский, а позднее центральный тайский языки были соответственно подняты на уровень новой политико-культурной значимости. (Отсюда борьба, поднятая во второй половине XX в. в Европе некоторыми «суб»-национальностями за преодоление своего подчиненного статуса посредством настойчивого вторжения в печать и на радио).

Таким образом, еще в царский период, под влиянием новой власти и веянием времени, в Туркестане начинается формироваться основы для возникновения национального сознания. Начальные школы, открытие типографий, где печатались периодические и художественные издания, положили начало для осознания местного населения самого себя в национальных категориях уже в дореволюционный период. Советская власть углубила начавшийся процесс становления национального самосознания.

После революции в Туркестане были открыты школы для всех народностей на их родном языке. Были созданы национальные алфавиты, изданы первые буквари, которые положили основу для литературного национального языка всех народов, проживающих в регионе.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана.// Бартольд В.В. Сочинения. – М., 1963. Т. 2, ч. 1. – С. 308.
2. Керенский Ф. Медресе Туркестанского края// Журнал Министерства народного просвещения. – 1892. № 11. – С. 36. (Керенский цитирует некоего Г. в «Туркестанских ведомостях» за 1876 г. № 48).
3. Остроумов Н.П. Мадрасы в Туркестанском крае// Журнал Министерства народного просвещения. – 1907. Ч. 7, январь. Отд.3. – С. 20, 28, 31.
4. Цит. по: Бендриков К.Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане. – М., 1960. – С. 62-63.

Тарасова Н.В.

ФОРМЫ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ УЧЕНЫХ-ДЕМОГРАФОВ В СССР В 1960-1991 ГГ.

Отечественные и международные демографические конференции

Развитие демографии было бы невозможным без научной коммуникации специалистов в данной сфере. Научная коммуникация представляет собой «процесс взаимодействия ученых по созданию и приращению нового научного знания, включая поиск информации для новых идей, производство нового знания и его обмен с другими учеными» [1]. В этой связи научные конференции и совещания играли роль площадок, на которых обсуждались наиболее актуальные вопросы, волнующие научное сообщество на определенном этапе, и выполняли функцию обмена информацией.

Важную роль в привлечении внимания к острым демографическим

проблемам сыграла состоявшаяся в Киеве в октябре 1966 г. первая республиканская конференция, посвященная состоянию и задачам демографической науки на Украине. На конференции обсуждались предмет демографии и ее место в системе наук, вопросы методологии демографических исследований, проблемы и особенности развития отдельных территорий СССР, в том числе миграция, структуры населения, характер и меры демографической политики. В рамках работы данной конференции отечественные демографы сконцентрировали внимание на наиболее актуальных проблемах народонаселения в СССР, которые требовали незамедлительного изучения и решения (например, снижение рождаемости и его причины, высокая смертность мужчин в возрастах 15-50 лет).

Несмотря на статус республиканской, данная конференция, по сути, явилась всесоюзной, так как объединила более 170 участников из различных научно-исследовательских институтов, высших учебных заведений, статистических и плановых органов не только УССР, но и других союзных республик [2]. Как отмечается в итоговых решениях конференции, особый вес данной конференции придало участие в ней «не только демографов и экономистов, но и социологов, градостроителей, медиков, географов» в связи с насущной необходимостью «проведения комплексных демографических исследований» [3].

Следует отметить, что инициатива организации и проведения первой республиканской конференции, посвященной состоянию и задачам демографической науки на Украине, принадлежала Институту экономики АН УССР, в рамках которого существовал отдел демографических исследований. Главой отдела являлась В.С. Стешенко, начало научной деятельности которой проходило под руководством М.В. Птухи [4].

В последующие десятилетия научные конференции по демографии, всесоюзные и республиканские, приобрели регулярный характер.

Всесоюзные конференции и совещания были посвящены насущным вопросам демографической науки. Состоявшееся в апреле 1968 г. Всесоюзное совещание статистиков в Москве имело большое значение для развития теоретических и методических основ статистики населения. В рамках данного совещания состоялось обсуждение основных программно-методологических и технических вопросов предстоящей переписи населения с участием большого числа крупных ученых, представителей разных отраслей общественных наук [5].

Как видно из таблицы 1, в рассматриваемый период отечественные конференции имели тенденцию к численному росту, что свидетельствует о росте внимания к проблемам демографии в СССР.

Таблица 1

Количество международных и отечественных демографических конференций в 1960-1993 гг. [6]

Период	Конференции	
	международные	отечественные
1960-1971	26	52
1972-1975	15	43
1975-1978	16	32
1979-1983	11	63
1983-1993	20	52

В СССР проводились конференции и совещания как по широкому кругу вопросов социально-демографического развития, так и узкоспециализированные (например, Междуведомственные совещания по географии населения). Много внимания уделялось распределению трудовых ресурсов, так как их диспропорция по отдельным регионам СССР рассматривалась в качестве серьезной научной и управленческой проблемы. Доказательством актуальности анализа этого направления стало проведение научной конференции по проблемам размещения производительных сил Поволжья в Куйбышеве в 1964 г., Всесоюзного научного совещания по проблемам формирования населения и использования трудовых ресурсов в районах Крайнего Севера в 1965 г. в Магадане.

Вопросы размещения населения, урбанизации и миграции вызывали большой интерес среди исследователей, этой теме посвящено много отечественных публикаций и докладов на научных конференциях, например, межведомственная научная конференция по проблемам развития городов и сельских поселений западных областей УССР, прошедшая во Львове в 1966 г., Всесоюзное совещание по проблемам миграции населения «Планомерное размещение и передвижение трудовых ресурсов в СССР», состоявшееся в Ростове-на-Дону в 1967 г. и многие другие.

Проводились конференции, связанные с вопросом семьи и брака, в частности, в Вильнюсе в январе 1967 г. состоялся симпозиум социологов по исследованию проблемам брака, семьи и быта. В Ереване в 1975 г. прошел Всесоюзный симпозиум по демографическим проблемам семьи, на котором был представлен доклады Сифман Р.И. «Влияние материального благосостояния на развитие семьи», Хомра А.У. «Влияние миграции населения на формирование, функционирование и структуру семей», Шахотько Л.П. «О размере и структуре семей», Дарского Л.Е. «Детерминанты и факторы ре-

продуктивного поведения семей» и др. [7]. В 1983 г. в Цахкадзоре прошла конференция «Доходы и потребление семей», где были представлены доклады по региональным особенностям воспроизводства населения и демографической политике, социальному и демографическому аспектам исследования брака, семьи и репродуктивных установок [8].

В период подъема демографической науки формировались основные теоретические и концептуальные подходы, которые обсуждались на таких конференциях, как межвузовский теоретический семинар по проблемам демографии, прошедшем в Москве в марте 1968 г., конференции «Демография и демографическая статистика», также состоявшейся в Москве в марте 1969 г.

СССР являлся самой большой по территории страной, и естественно, демографическое развитие отдельных его территориальных единиц было различным, что не осталось без внимания отечественного научного сообщества. Данным демографическим особенностям посвящены такие конференции, как Межвузовская научная конференция по проблемам народонаселения Средней Азии, состоявшаяся в Ташкенте в 1965 г., и первая республиканская научная конференция по демографии, посвященная проблемам народонаселения УССР, прошедшая в Киеве в 1966 г. [9], Всесоюзный научный симпозиум «Порайонные особенности воспроизводства населения», состоявшийся в Чебоксарах в 1968 г., Всесоюзная научная конференция по проблемам народонаселения Закавказья, прошедшая в Ереване в 1968 г.

В 1960-х гг. начинает проявляться интерес к проблеме старения населения. В 1962 г. проходит симпозиум, посвященный разработке классификации и номенклатуры периодов старения и старости и методам установления возрастных рубежей. В следующем году в Ереване состоялся научный семинар по вопросам перспективного исчисления населения, распределения и использования трудовых ресурсов в союзных республиках. В 1964 г. в Киеве прошел симпозиум «Образ жизни и старение человека», а в 1965 г. состоялась первая Закавказская научная конференция, посвященная современным вопросам геронтологии и гериатрии. В СССР долгое время изучение старения и смертности находилось на периферии научных исследований в демографии, но, тем не менее, определенный интерес к данной теме проявлялся уже в 1960-х гг.

Продолжаются междисциплинарные исследования на стыке медицины, социальной гигиены и демографии. В 1968 г. в Москве состоялся 2-й Всесоюзный симпозиум по методическим основам изучения здоровья населения. Как отмечалось ранее, одним из демографических центров занимавшихся данными вопросами, был ВНИИ социальной гигиены и организации здравоохранения им. Н.А. Семашко в рамках Министерства здравоохранения СССР.

В прибалтийских республиках проходили первый и второй Всесоюзные семинары по исторической демографии, которые состоялись в 1974 г. в Таллине и в 1977 г. в Риге соответственно. На втором Всесоюзном семинаре, например, были представлены доклады Звидриньша П.П. «Особенности демографического перехода к современному типу воспроизводства населения в Латвии», Лапиньша А.Н. «Брачность населения на территории Латвии в XVIII-XX веках», Палли Х.Э. «Комплексное использование источников по исторической демографии XVIII века (по эстонским источникам)» и др. [10].

Постепенно развивались исследования на стыке демографии и социологии. На прошедшем в апреле 1967 г. в Сухуми совещании «Количественные методы в социальных исследованиях» обсуждались вопросы влияния состава населения на социальные и демографические процессы, применение модели стационарного населения в социологических исследованиях, проблема оптимального типа воспроизводства населения СССР [11].

Таким образом, в 1960-х гг. на стадии подъема новой науки уже активно проводились исследования, развивалась научная коммуникация ученых-демографов по основным тематическим направлениям.

Советские специалисты в области демографии стали постоянными участниками международных конференций, особое место среди которых занимают Всемирные конференции ООН по вопросам народонаселения. В 1965 г. в Белграде состоялась Всемирная конференция по вопросам народонаселения, на которой были представлены доклады таких отечественных демографов как Урланис Б.Ц., Овчаров В.К., Переведенцев В.И., Рябушкин Т.В., Боярский А.Я., Смулевич Б.Я., Гузеватый Я.Н., Дарский Л.Е., Валентей Д.И. и многие другие. Представленные на конференции доклады освещали широкий круг вопросов, а именно, методы обследования и показатели рождаемости, ее динамика и факторы, снижение смертности в отдельных республиках СССР, статистика заболеваемости и оценка здоровья населения, связь миграции населения и экономического развития территорий, урбанизация в СССР, рост населения Земли и ресурсообеспеченность, закономерности процесса воспроизводства населения [12]. На данной конференции Л.Е. Дарский представил доклад по изучению плодовитости женщин с учетом числа рожденных ранее детей.

С именем этого ученого, наравне с Беловой В.А., Бондарской Г.А., Стешенко В.С., связано развитие изучения рождаемости в СССР.

Годом ранее в 1964 г. в Москве проходил Международный конгресс антропологических и этнографических наук, на котором обсуждалась взаимосвязь этнических и демографических процессов, урбанизации, миграции расселения в различных странах.

В 1970 г. отечественные демографы участвовали в Международном социологическом конгрессе в Варне. Тематика докладов объединяла прогноз

и закономерности урбанизации в СССР, связь демографии и социальной психологии, демографическую политику и ее влияние на демографическое поведение. Достаточно широко были освещены вопросы урбанизации и миграции. Например, Ж.А. Зайончковская выступила с докладом «Образование и квалификация как факторы мобильности и адаптации новоселов», В.И. Переведенцев – «Концентрация городского населения СССР и критерии оптимального размера города», Т.И. Заславская – «О целях и методах планирования миграции сельского населения в города» [13].

Помимо вышеуказанных международных конференций с участием отечественных демографов, состоялись международные совещания по перинатальной смертности в 1959 и 1960 гг., международный географический конгресс в Нью-Дели в 1968 г., Межрегиональный семинар ВОЗ по планированию национального здравоохранения, 5-й Международный конгресс экономической истории в Ленинграде (1970 г.) [14].

Особо следует отметить широкую деятельность ООН в организации и проведении научных демографических мероприятий. Например, в Киеве в 1969 г. был проведен межрегиональный семинар ООН по применению демографических данных и исследований в планировании развития, в том же году состоялся очередной 16-й Международный демографический конгресс в Лондоне, Международный семинар ООН «Демографические аспекты рабочей силы» был проведен в Москве в 1970 г. [15]. Следует подчеркнуть роль Комиссии ООН по народонаселению, на сессиях которой обсуждались наиболее значимые проблемы мирового демографического развития.

К разряду международных относятся конференции в странах социалистического лагеря, где на регулярной основе проходили международные симпозиумы демографов социалистических стран. Первый из них состоялся в 1964 г. в Закопане (Польша), затем в 1965 г. в Либлице (Чехословакия), в 1966 г. в Лейпциге (ГДР), в 1967 г. в Ольштыне (Польша), в 1968 г. в Варне (Болгария). В 1968 г. в Будапеште состоялась международная научная конференция по вопросам использования трудовых ресурсов и структурных изменений занятости в социалистических странах [16].

Исходя из изменения тематики конференций и числа публикаций, изданных по их итогам, можно косвенно судить об интересе к той или иной научной проблеме в определенный период.

В 1960-1971 гг. отчетливо прослеживается интерес к проблемам миграции населения, урбанизации, расселению и географии населения. В определенной степени эти темы связанны между собой, так как в рассматриваемый период усилившийся рост городов происходил за счет миграции сельского населения в крупные города. В связи с закрытостью страны в СССР рассматривались только внутренние миграции. Лидерство данных тематических направлений сохраняется до конца 1970-х гг. Появляются работы, связанные с вопросом рационального распределения рабочей силы, а также возможных мерах по закреплению молодежи в селе. Начинаются исследования маятниковых миграций и занятости, проблем расселения.

В конце 1970-х гг. повышается интерес к проблемам рождаемости и брачности, семьи, плодовитости, проводятся исследования на стыке социологии и демографии. Но при этом интерес к процессам урбанизации и миграции остается на достаточно высоком уровне. В 1980-х гг. и вплоть до распада СССР сохраняется высокий интерес к проблеме миграции населения по сравнению с другими тематическими направлениями, хотя в целом число публикаций по итогам научных конференций в 1983-1993 гг. снижается.

Таким образом, одним из проявлений подъема демографической науки в рассматриваемый период были многочисленные научные конференции. Состоявшиеся научные мероприятия свидетельствовали об активном интересе со стороны научного сообщества ко всем направлениям демографических исследований, развитие которых было бы невозможным без коммуникационных процессов, обеспечивающих обмен информацией и идеями. Происходила интенсификация научного взаимодействия как внутри стран социалистического лагеря, так и с мировым научным демографическим сообществом.

Научные публикации как форма коммуникации исследователей-демографов

Научная публикация – это механизм обмена идеями, результатами исследований, который обеспечивает их универсальную доступность в независимости от времени и места. Иными словами научная публикация представляет собой формальную, опосредованную научную коммуникацию в исследовательском сообществе. В то же время научная публикация является информационным ресурсом науки, а именно ресурсом ее развития, т.к. для проведения новых исследований необходимы сведения об уже достигнутых результатах в той или иной сфере. Долгое время реализация формальной коммуникации происходила с помощью печатной продукции. С середины XIX века формальная коммуникация основывалась на научных статьях в специализированных журналах, являвшихся главной единицей научной информации, к которым позднее добавились анонсы, рецензии, рефераты, обзоры, краткие сообщения [17].

Работы по демографии публиковались следующими изданиями: «Госстатиздат» (впоследствии «Статистика», а затем «Финансы и статистика»), «Наука», издательство «Экономика» (Экономиздат), издательство «Знание». Работы, связанные с вопросами здравоохранения и заболеваемости печатались издательством «Медгиз» («Медицина»). В отдельную группу можно

выделить издательства отдельных университетов, например издательство МГУ и издательство Томского университета. Издательство Томского университета было открыто в 1955 г. по приказу Министерства высшего и среднего специального образования СССР.

Значительная часть исследований публиковались в периодических изданиях, к которым относятся «Социальные исследования», «Научные доклады высшей школы», «Экономические науки», «Общественные науки в Узбекистане», «Вестник статистики», «Вопросы философии», «Вопросы охраны материнства и детства», «Доклады Института географии Сибири и Дальнего Востока», «Мировая экономика и международные отношения», «Социологические исследования в Советской Прибалтике».

Ввиду того, что демографические исследования проводились в рамках различных институтов Академии Наук СССР, то демографические работы публиковались в таких изданиях как «Известия Академии наук СССР», «Известия Сибирского отделения АН СССР».

Работы по географии населения издавались в «Известиях Всесоюзного географического общества» и его республиканских и региональных отделений [18].

Работы по исторической демографии можно встретить в таких изданиях как «Советская археология», «Советская этнография», «История СССР» [19].

В союзных республиках демографические труды публиковались такими издательствами как «Казахстан», «Узбекистан», «Фан» в УзССР, «Илим» в Киргизии, «Минтис» в Литве. В Казахской ССР работы, связанные с географией населения, печатались в периодическом издании «Вопросы географии Казахстана». Следует отметить, что работы по демографии публиковались в периодических изданиях высших учебных заведений, например, «Ученые записки Пермского университета», «Труды Хабаровского медицинского института», «Труды Ташкентского университета» и т.п.

В таких периодических изданиях, как «Здравоохранение Российской федерации», «Советское здравоохранение», «Советская медицина», «Научные труды Омского медицинского института», «Гигиена и санитария», «Врачебное дело», «Педиатрия» преимущественно публиковались исследования по изучению брачной плодовитости, детской смертности и динамики рождаемости, старению, социальной гигиене, смертности и ожидаемой продолжительности жизни. Следует отметить, что долгое время членом редакционной коллегии и ответственным секретарем журнала «Здравоохранение Российской Федерации» был известный специалист по медицинской демографии М.С. Бедный. По его инициативе в данном периодическом издании развернулась дискуссия об актуальности предмета медицинской демографии, ее проблеме и задачах.

Таким образом, работы по демографической тематике можно было найти в довольно многочисленных периодических изданиях из различных отраслей – медицина, история, география, экономика. Это, в свою очередь, говорит о том, что в демографию шли люди из различных научных сфер в виду отсутствия на начальном периоде профессиональной подготовки специалистов в сфере демографии.

Помимо регулярных периодических изданий (журналов) надо отметить серийные издания, в которых также публиковались материалы по демографии. К ним можно отнести «Ученые записки по статистике АН СССР», ответственным редактором которых в 1965 г. был Т.В. Рябушкин. Он сумел объединить усилия лучших специалистов в стране и собирать наиболее значительные и актуальные исследования в отечественной статистике [20].

Помимо этого, Отдел проблем демографического развития УССР в Киеве издавал серию публикаций по демографической тематике «Демографические тетради».

Отдел Демографии НИИ ЦСУ СССР, руководимый Волковым А.Г., издавал две серии изданий. Первая называлась «Новое в зарубежной демографии» и составила семнадцать книг, выпущенных в 1968-1983 гг. В данных изданиях печатались переводные статьи зарубежных демографов, таким образом, отечественные ученые были в курсе основных направлений исследований за рубежом. Вторая серия периодических изданий называлась «Демографические исследования», в которую вошли одиннадцать изданий, вышедших в 1971-79 гг. [21].

Особую роль в популяризации демографии сыграло общество «Знание» и, конечно, отечественные демографы, которые охотно выступали на его публичных лекциях с докладами. Одним из таких людей была Шнейдерман Н.А., которая являлась специалистом медико-демографических исследованиях и часто выступала с лекциями, организованными обществом «Знание» в Москве и других регионах страны [22]. М.С. Бедный, как и Шнейдерман Н.А., внес значительный вклад в популяризацию медико-демографических знаний, его выступления можно было встретить в еженедельнике «Неделя», «Литературной газете», он также активно участвовал в деятельности общества «Знание» [23].

Обработка сборников «Библиография по проблемам народонаселения. (Советская и переводная литература, 1960-1971 гг.)», «Библиография по проблемам народонаселения. 1972-1975 гг.», «Литература о населении: Библиографический указатель (1975-1978 гг.)», «Литература о населении: Библиографический указатель (1979-первая половина 1983 гг.)», «Литература о народонаселении. Библиографический указатель (1983-1993 гг.)» методом контент-анализа позволяет выявить направления исследований в СССР, которые представляли наибольший интерес для отечественных демографов.

Как показано в таблице 2, по итоговому числу публикаций по отдельным темам за период 1960-1991 гг. лидируют исследования, посвященные вопросам численности, размещения и состава населения, урбанизации и миграции.

Меньше всего работ посвящено предмету науки о народонаселении, которые в сборнике «Библиография по проблемам народонаселения. (Советская и переводная литература, 1960-1971 гг.)» были выделены в отдельную группу. Скорее всего, низкое число публикаций можно объяснить тем, что в дальнейших библиографических сборниках похожие публикации были встроены в другие тематические разделы.

Таблица 2

Распределение публикаций по тематике, 1960-1993 гг.[24]

Тематика	Итоговое число публикаций
Численность, размещение и состав населения	1113
Рождаемость	274
Смертность	421
Брачность	682
Миграция	925
Демографическая политика	222
Урбанизация (расселение)	1700
Предмет науки о народонаселении	9
Историческая демография	514

Вышеперечисленные библиографические указатели позволяют проследить изменение числа публикаций по отдельным темам за 1960-1993 гг.

На рисунках 1-3 представлено изменение числа публикаций по наиболее актуальным темам. На рисунках видно, что среднее число публикаций по теме, которое для «численности, размещения и состава населения» составляет 33, для «урбанизации (расселения)» и «миграции» 50 и 27 соответственно, превышает среднее число публикаций по всему массиву, равное 23.

Пик числа публикаций, связанных с численностью, размещением и составом населения, приходящийся на 1972-1973 гг., может быть связан с прошедшей в 1970 г. всесоюзной переписью населения, и, следовательно, с появлением новых статистических данных.

Рисунок 1

Изменение числа публикаций, посвященных численности, размещению и составу населения

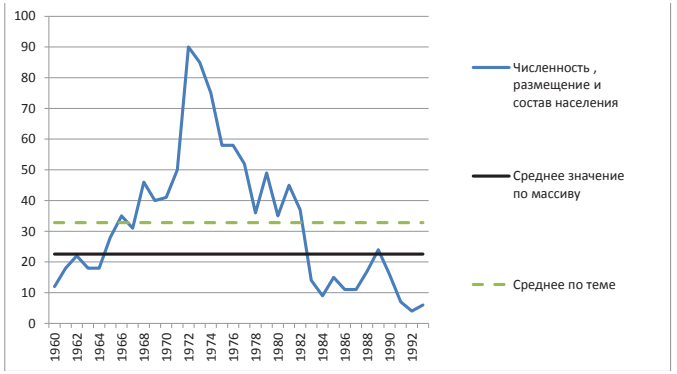


Рисунок 2

Изменение числа публикаций, посвященных урбанизации (расселению)

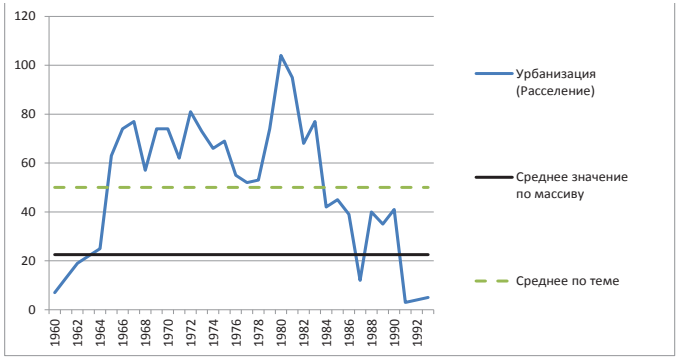
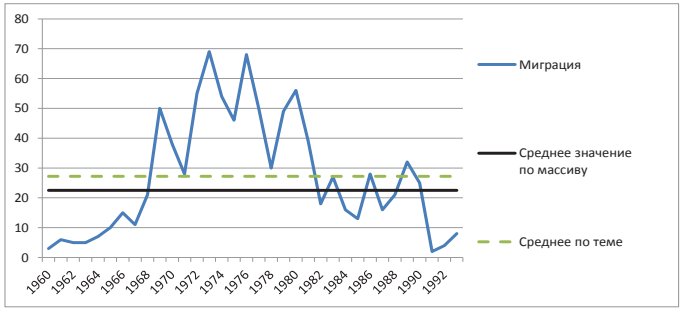


Рисунок 3

Изменение числа публикаций, посвященных миграции



Работы, посвященные рождаемости, смертности, брачности, демографической политике, исторической демографии и предмету науки о народонаселении (рис. 4-9) публиковались в изучаемый период реже. Среднее число публикаций по рождаемости составляет 8, смертности – 12, брачности – 20, демографической политике – 7, исторической демографии – 15. Среднее число публикаций по теме «предмету науки о народонаселении» близко к нулю в виду малочисленности данных работ, издаваемых в период с 1968 по 1971 гг. Данное обстоятельство, вероятнее всего, связано с тем, что работы по данной теме не выделялись в отдельную группу в последующих библиографических сборниках.

Низкое число публикаций, посвященных вопросам смертности, объясняется закрытостью статистических данных в этой сфере, что осложняло проведение научных исследований [25].

Рисунок 4

Изменение числа публикаций, посвященных рождаемости

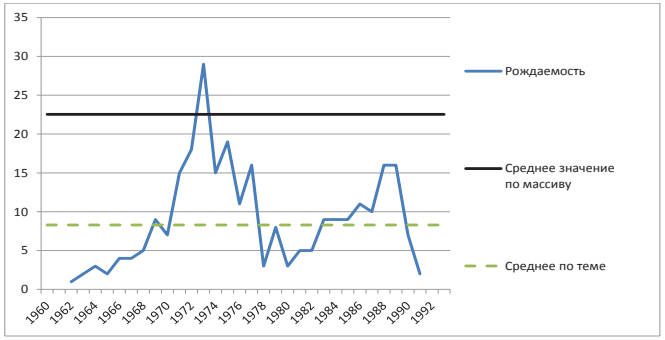


Рисунок 5

Изменение числа публикаций, посвященных смертности

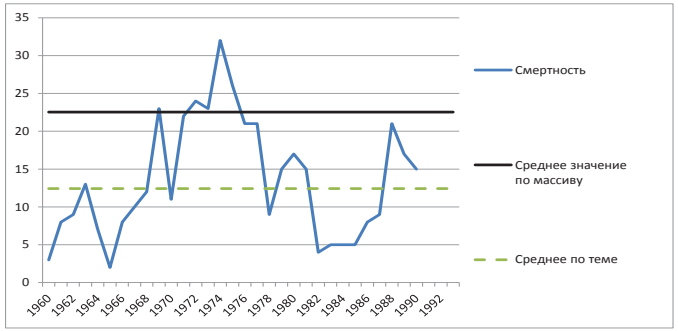


Рисунок 6

Изменение числа публикаций, посвященных брачности

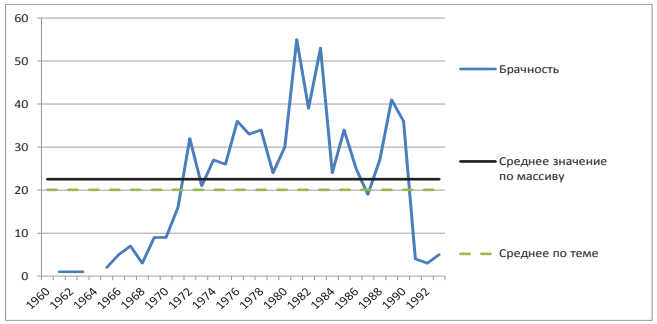


Рисунок 7

Изменение числа публикаций, посвященных демографической политике

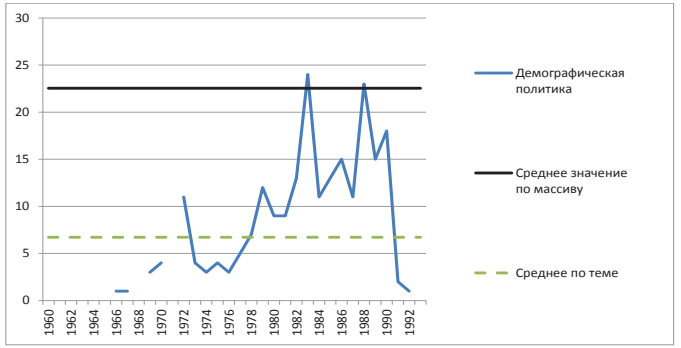


Рисунок 8

Изменение числа публикаций, посвященных исторической демографии

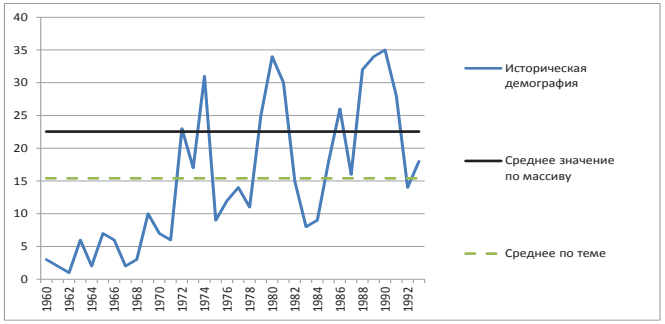
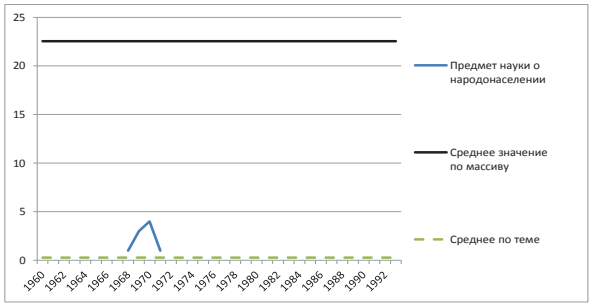


Рисунок 9

Изменение числа публикаций, посвященных предмету науки о народонаселении



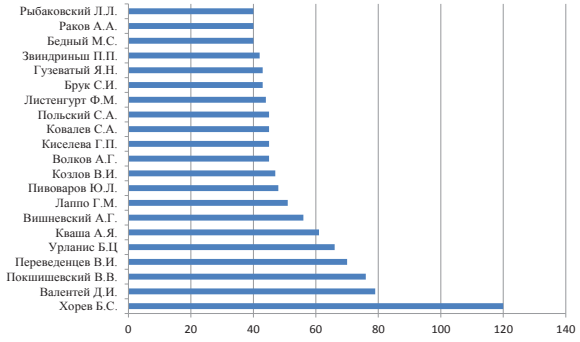
Работы, посвященные предмету демографии, издавались преимущественно в 1968-1971 гг., в период активных дебатов о статусе демографической науки, ее предмете и задачах.

Исходя из числа докладов на научных конференциях отечественного и международного уровня можно сделать вывод, что наиболее популярными среди исследователей темами были урбанизация, расселение и география населения, миграция. Такая же ситуация характерна для других категорий отечественных публикаций – статей, монографий, не приуроченных к каким-либо конференциям. Наибольшее число статей и монографий посвящено проблемам урбанизации (расселения), миграции и численности, размещению и составу населения.

Тем не менее, следует отметить, что с середины 1980-х гг. наблюдается снижение интенсивности публикаций в целом, и работы по урбанизации, миграции, брачности, исторической демографии находятся примерно на одном уровне.

Рисунок 10

Исследователи, имеющие свыше 40 публикаций за 1960-1993 гг.



Обработка библиографических сборников методом контент-анализа также позволяет выявить активность ученых-демографов. На рис. 10 видно, что наибольшее число публикаций за исследуемый период имеют те ученые, чья сфера интересов так или иначе связано с урбанизацией, расселением населения и миграцией, что весьма логично, т.к. именно данные направления исследований были наиболее актуальными.

Таким образом, с начальных этапов подъема демографии как новой науки в СССР активно проводились различные конференции, совещания и симпозиумы, посвященные вопросам народонаселения. Следует отметить интенсивность научного коммуникационного взаимодействия не только между различными институтами, высшими учебными заведениями и исследователями на территории всего СССР, но и социалистических стран Восточной Европы. Развитие научной коммуникации с мировым сообществом посредством участия демографов из СССР в международных конференциях постепенно разрушало изоляцию отечественной науки. В свою очередь, периодические, серийные и монографические демографические издания исполняли роль трансляции наиболее актуальных идей и результатов исследований.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Широканова А.А. Научная коммуникация в информационном обществе: социологический анализ: автореф. дис. на соискание ученой степени канд. соц. наук: 22.00.01. – Минск, 2013. – С. 3.
2. Вопросы демографии. Материалы конференции, посвященной состоянию и задачам демографической науки на Украине / Под ред. П.И. Багрий. – Киев: Статистика, 1968. – С. 3.
3. Там же, с. 291.
4. Веха в истории отечественной демографии: Киевская конференция 1966 года. [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly, 30 октября – 12 ноября 2006. - № 263 – 264. URL: http://demoscope.ru/weekly/2006/0263/nauka01.php (дата обращения: 21.05.2014).
5. Борисов В.А. Демография [Электронный ресурс] // Портал российской прикладной социологии. URL: http://www.sociologos.ru/upload/File/Methods/Demography_Borisov.pdf (дата обращения: 15.05.2014).
6. Составлено по: Библиография по проблемам народонаселения. (Советская и переводная литература, 1960-1971 гг.) / Под. ред. Д.И. Валентея и Э.Ю. Бурнашева. – М.: Статистика, 1974. – 344 с.; Библиография по проблемам народонаселения. 1972-1975 гг. / Под. ред. Д.И. Валентея и Э.Ю. Бурнашева. – М.: «Статистика», 1977. – 232 с.; Литература о населении: Библиографический указатель (1975-1978 гг.) / Под. ред. Д.И. Валентея и Э.Ю. Бурнашева. – М.: Статистика, 1981. – 255 с.; Литература о населении: Библиографический указатель (1979-первая половина 1983 гг.) / Под.

ред. Д.И. Валентея и Э.Ю. Бурнашева. – М.: Мысль, 1987. – 287 с.; Литература о народонаселении. Библиографический указатель (1983-1993 гг.). – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 124 с.
7. Литература о населении: Библиографический указатель (1975-1978 гг.) / Под. ред. Д.И. Валентея и Э.Ю. Бурнашева. – М.: Статистика, 1981. – С. 160.
8. Литература о населении: Библиографический указатель (1979-первая половина 1983 гг.) / Под. ред. Д.И. Валентея и Э.Ю. Бурнашева. – М.: Мысль, 1987. – С. 255.
9. Библиография по проблемам народонаселения. (Советская и переводная литература, 1960-1971 гг.) / Под. ред. Д.И. Валентея и Э.Ю. Бурнашева. – М.: Статистика, 1974. – С. 257.
10. Литература о населении: Библиографический указатель (1975-1978 гг.) / Под. ред. Д.И. Валентея и Э.Ю. Бурнашева. – М.: Статистика, 1981. – С. 182.
11. Библиография по проблемам народонаселения. (Советская и переводная литература, 1960-1971 гг.) / Под. ред. Д.И. Валентея и Э.Ю. Бурнашева. – М.: Статистика, 1974. – С. 270.
12. Библиография по проблемам народонаселения. (Советская и переводная литература, 1960-1971 гг.) / Под. ред. Д.И. Валентея и Э.Ю. Бурнашева. – М.: Статистика, 1974. – С. 237.
13. Библиография по проблемам народонаселения. (Советская и переводная литература, 1960-1971 гг.) / Под. ред. Д.И. Валентея и Э.Ю. Бурнашева. – М.: Статистика, 1974. – С. 240.
14. Там же, с. 241.
15. Там же.
16. Библиография по проблемам народонаселения. (Советская и переводная литература, 1960-1971 гг.) / Под. ред. Д.И. Валентея и Э.Ю. Бурнашева. – М.: Статистика, 1974. – С. 242.
17. Митченков И.Г. Эпистемология: основная проблематика и эволюция подходов в философии науки [Электронный ресурс] // Электронная библиотека. URL: http://bookucheba.com/istoriya-filosofii/organizatsionnyie-formyi-nauki-8183.html (дата обращения 15.05.2014).
18. См. например, Польский С.А., Захарова Т.В. Некоторые демографические проблемы изменения численности городского населения БССР в 1959-1971 гг. – «Изв. Всесоюз. геогр. о-ва», 1974, т. 106, вып. 1. – С. 58-63.
19. См. например, Оборин В.А. Миграции местного населения и их роль в освоении Урала в XVI-XVII веках // История СССР». – 1974. - №4. – С. 63-77.
20. 90 лет со дня рождения Тимона Васильевича Рябушкина (1915-1986) [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly, 10-23 января 2005. - № 185-186. URL: http://demoscope.ru/weekly/2005/0185/nauka01.php (дата обращения: 18.06.2013).
21. Вишневский А.Г. Андрей Гаврилович Волков. Штрихи к биографии [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly, 17-30 августа 2009. - № 385-386. URL: http://demoscope.ru/weekly/2009/0385/nauka01.php (дата обращения: 13.05.2014).
22. Из истории медицинской демографии [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly, 29 октября-11 ноября 2012. - № 529- 530. URL: http://demoscope.ru/weekly/2012/0529/nauka01.php (дата обращения: 05.04.2014).

23. Харькова Т.Л. 70 лет со дня рождения Михаила Семеновича Бедного (1932-1990) [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly, 7-20 октября 2002. - № 83-84. URL: http://demoscope.ru/weekly/2002/083/nauka01.php (дата обращения: 05.04.2014).
24. Составлено по: Библиография по проблемам народонаселения. (Советская и переводная литература, 1960-1971 гг.) / Под. ред. Д.И. Валентея и Э.Ю. Бурнашева. – М.: Статистика, 1974. – 344 с.; Библиография по проблемам народонаселения. 1972-1975 гг. / Под. ред. Д.И. Валентея и Э.Ю. Бурнашева. – М.: «Статистика», 1977. – 232 с.; Литература о населении: Библиографический указатель (1975-1978 гг.) / Под. ред. Д.И. Валентея и Э.Ю. Бурнашева. – М.: Статистика, 1981. – 255 с.; Литература о населении: Библиографический указатель (1979-первая половина 1983 гг.) / Под. ред. Д.И. Валентея и Э.Ю. Бурнашева. – М.: Мысль, 1987. – 287 с.; Литература о народонаселении. Библиографический указатель (1983-1993 гг.). – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 124 с.
25. Тольц М.С. Тайны советской демографии [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly, 27 сентября-10 октября 2004. - № 171-172. URL: http://demoscope.ru/weekly/2004/0171/analit06.php (дата обращения 23.06.2013).

Трифонова З.А., Степанов С.Н., Славомир Бухер

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОЦЕНКА УРОВНЯ СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Страны Центрально-Восточной Европы – уникальный социально-географический регион. Объединяет эти страны не только географическое положение, но и историческое прошлое. Исследуемые страны, во второй половине XX в. были социалистическими и входили в состав Совета Экономической Взаимопомощи, а в конце XX в. испытали глубокие политические и экономические преобразования. Последствия перехода к рыночной экономике привели к резкому снижению уровня доходов населения. В свою очередь, это отразилось на динамике численности населения и демографических показателях. Как отмечают эксперты Мирового банка, уникальное сочетание быстрого старения и низкого уровня доходов населения присутствует только в этом регионе [From Red to Gray..., 2008]. Вопрос в том, имеются ли отличия между странами данного региона в уровне старения населения?

В исследуемый регион авторы включили 20 стран, отличающихся размерами территории и численностью населения, а также уровнем индустриальных и постиндустриальных процессов. В результате преобразований в странах региона постепенно сформировалась рыночная экономика, сменились политические и экономические партнеры, также как изменилось и членство стран в различных союзах. Так, Болгария, Венгрия, Польша, Словакия, Чехия, Словения, Хорватия, Румыния, Латвия, Литва, Эстония стали

членами Европейского Союза, а Россия и Белоруссия образовали таможенный союз ЕврАзЭС. К сожалению, в западной литературе не практикуется сравнительное исследование этих стран в рамках Центрально-Восточной Европы. В то же время реальность существования данного социально-географического региона очевидна. Важнейшие социальные аспекты развития стран во многом похожи, не исключение и демографические процессы.

Страны региона, как и большинство стран Европы, имеют общую демографическую проблему, связанную с сокращением и старением населения. Сокращение населения в странах региона наметилось в 1990-1995-е годы, ранее, чем в остальных странах снижение численности населения началось в Венгрии, еще в 1980 г. В период между 1990 и 2010 гг. в целом население стран Центрально-Восточной Европы сократилось на 4,5 млн. человек. Самые высокие темпы сокращения населения за 20 лет, которые превышали 10%, наблюдались в Латвии, Литве, Эстонии, Болгарии, Молдавии, России, Боснии и Герцеговине. В то же время в Словакии, Чехии, Польше, Черногории и Македонии наблюдался в этот период незначительный рост населения. Однако согласно прогнозам и эти страны начнут терять население. В результате численность населения Центрально-Восточной Европы к 2035 г. снизится на 13,4 млн. человек.

Одной из главных причин сокращения численности населения является повышение удельного веса пожилых людей. В 1980 г. в странах региона доля лиц в возрасте старше 65 лет варьировала от 4,9% в Албании, которая имела минимальный удельный вес пожилых в возрасте старше 65 лет, до 13,6% в Венгрии, имевшей максимальный удельный вес пожилых людей в возрасте старше 65 лет. К 2010 г. удельный вес пожилых повысился во всех странах, составляя 10,1% в Албании и 18,3% в Болгарии и Латвии, теперь уже эти страны имели максимальный удельный вес пожилых людей в возрасте старше 65 лет. К 2035 г. удельный вес этой возрастной группы по прогнозным оценкам повысится, и будет варьировать от 17,9% в России до 26,5% в Словении.

Цель исследования – провести территориальную дифференциацию стран Центрально-Восточной Европы по уровню старения.

Методика исследования.

В настоящее время в исследованиях старения населения применяются различные индексы, опирающиеся на данные о численности населения различных половозрастных групп [Антипова Е.А., 2008; Трифонова З.А., 2010]. В данной статье предложена авторская методика комплексной оценки уровня старения населения [Slavomir Bucher, 2012]. Информационной базой исследования послужили динамические данные по возрастным группам населения стран, включая прогнозные показатели до 2035 г., имеющиеся на сайте ООН [World…, 2012]. Было выбрано 7 индексов оценки различных

возрастных групп. В силу разной степени репрезентативности было решено объединить эти 7 показателей в комплексный индекс старения населения. На основании полученного результата комплексной оценки появилась возможность провести территориальный сравнительный анализ уровня старения населения. Комплексный индекс старения (Iage) авторы предлагают рассчитывать по следующей формуле:

Iage= (IAGE(ec)+IAGE II (ec)+CD(y)+CD(old)+ CD(ov)+Cin +Cout)/7,

где

IAGE(ec) – индекс старости, рассчитываемый как отношение группы лиц старше 65 лет к группе лиц моложе 20 лет:

$$I_{AGE\ (ec)}=\frac{P_{(65+)}}{P_{0-19}}X\ 100$$

IAGE II (ec) – индекс старости, рассчитываемый как отношение группы лиц моложе 20 лет к группе лиц старше 65 лет:

$$I_{AGE\ II(ec)}=\frac{P_{(0-19)}}{P_{(65+)}}X\ 100$$

CD(y) – индекс нагрузки молодого населения на население в продуктивном возрасте:

$$C_{D(y)}=\frac{P_{(0-19)}}{P_{(20-64)}}X\ 100$$

CD(old) – индекс нагрузки пожилого населения на население продуктивного возраста:

$$C_{D(old)}=\frac{P_{(65+)}}{P_{(20-64)}}X\ 100$$

CD(ov) – индекс нагрузки молодого и пожилого населения на население продуктивного возраста:

$$C_{D(ov)}=\frac{P_{(0-19)}+P_{}}{P_{(20-64)}}$$

Cin – индекс притока молодого населения в группу продуктивного возраста:

$$C_{in}=\frac{P_{(20-24)}}{P_{(20-64)}}X\ 100$$

Cout – индекс оттока населения из группы продуктивного в группу пожилого населения

$$C_{out}=\frac{P_{(60-64)}}{P_{(20-64)}}X\ 100$$

Предварительно, перед суммированием 8 показателей, необходимых для расчета комплексного индекса старения, полученные в ходе расчетов индексы по 20 странам были проиндексированы по формуле:

$$\frac{(X_{max} - X_i)}{(X_{max} - X_{min})}$$

В дальнейшем на основе полученного комплексного индекса старения (Iage) была создана карта, отражающая территориальные различия в уровне старения населения среди стран Центрально-Восточной Европы.

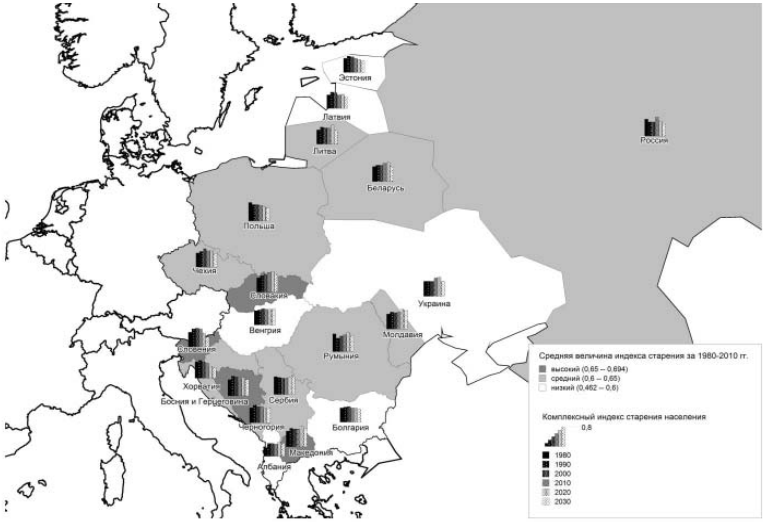
Обсуждение результатов исследования.

Отметим, что мы проводили оценку комплексного индекса старения (Iage) в динамике, т.е. на следующие годы: 1980, 1990, 2000, 2010, 2020 и 2030. Прогнозные значения индекса старения рассчитывались по данным, демонстрирующим средний сценарий прогноза численности населения в возрастных группах.

Сравнение величины индекса в динамике по всем 20 странам показало довольно большой разброс от 0,3 в Албании (1980 г.) до 0,77 в Словакии (2010 г.). Территориальные различия хорошо демонстрируются на карте (рис. 1). Динамические изменения значения индекса указаны для каждой страны в виде диаграмм, а фоном указана группировка стран, полученная в ходе расчета средней величины комплексного индекса старения за период 1980-2010 гг. В итоге было получено 3 типа стран.

Рисунок 1

Типы стран Центрально-Восточной Европы по уровню старения населения



К странам с высоким уровнем старения относятся государства, возникшие после распада Югославии: Босния и Герцеговина, Словения, Македония, а также Словакия, образованная после распада Чехословакии. В странах этой группы резкое увеличение значения индекса старения населения произошло в период с 1980 по 1990 гг. В последующие годы эта величина оставалась стабильно высокой или незначительно снизилась. В Боснии и Герцеговине увеличение значения индекса происходило до 1995 г. К этому году страна достигла максимального уровня – 0,81, которого в последующем не достигала ни одна другая страна всего региона. Причина столь резкого старения населения обусловлена трагическими событиями 1990-х гг. на территории бывшей Югославии, которые сказались на изменении возрастной структуры населения. Одним из следствий стало резкое возрастание удельного веса пожилых людей. Например, в Боснии и Герцеговине доля лиц старше 65 лет выросла с 8% в 1995 г. до 15% в 2010 г. В 1990-х, 2000-х гг. демографическая ситуация в странах этого типа усугубилась относительно низкими показателями рождаемости населения, что наблюдалось повсеместно во всей Центрально-Восточной Европе. Однако в этих странах все осложнялось неблагоприятной социально-экономической ситуацией, вызванной периферийным положением территории государств в границах бывших Югославии и Чехословакии.

Средний уровень старения населения характерен для Белоруссии, Литвы, России, Молдавии, Румынии, Польши, Чехии, Сербии, Черногории. В этих странах динамика комплексного индекса в 1980-2010 гг. была положительной, а ее значения медленно увеличивались по годам. Вызывает интерес Польша и Сербия, в них величина индекса в 2010 г. была меньше величины индекса, наблюдаемого в 1980 г. В случае с Польшей произошло резкое падение индекса с 0,7 в 1980 г. до 0,6 в 1985 г., в дальнейшем величина индекса медленно увеличивалась, так и не достигнув к 2010 г. значения, наблюдаемого в 1980 г. Аналогично менялась динамика комплексного индекса старения в Сербии. По-видимому, причина в изменении соотношения исследуемых возрастных групп в период с 1980 по 1985 г.

В группу стран с низким уровнем старения вошли Эстония, Латвия, Украина, Албания, Болгария, Венгрия. При этом в Албании в 1980 г. наблюдался самый низкий индекс старения среди стран региона. Неожиданно видеть в этой группе Латвию, Эстонию и Украину. Если в Эстонии и Латвии низкие значения индекса сохранялись на всем рассматриваемом периоде, то в Украине он резко вырос в 2010 г., однако средняя величина осталась сравнительно низкой.

Отметим, что изменения, наблюдаемые в странах Центрально-Восточной Европы, являются частью глобальной демографической тенденции, сопровождающейся изменением структуры населения, в которой домини-

рующее положение начинают занимать пожилые люди. Это демонстрирует индекс старости (IAGE(ec)), который был одним из 7 индексов, вошедших в комплексный индекс старения населения (табл.1).

При расчете индекса старости, указанного в табл. 1 сравнивалось отношение лиц после трудоспособного возраста к группе лиц дотрудоспособного возраста. Общей тенденцией для всех стран региона является увеличение значения индекса старости в период с 1980 по 2035 гг. Однако, очевидны различия между странами. Выделяются страны, демонстрирующие стабильно низкими значениями индекса в период с 1980 по 2035 гг. – это Албания, Молдавия, Черногория. В них сохраняется сравнительно высокая доля детей. В 2010 г. в Албании доля детей составляла 32,5%, в Черногории – 26,7%, в Молдавии 24,8%. Неслучайно, что именно эти страны продемонстрировали самый высокий уровень притока молодого населения в группу лиц трудоспособного возраста согласно результатам расчета.

Таблица 1

Динамика индекса старости в странах Центрально-Восточной Европы (IAGE(ec)), %

Страна	1980	1985	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2020	2025	2030	2035
Россия	34,1	33,6	34,2	42,1	46,9	58,5	62,2	62,6	65,9	72,4	80,3	82,3
Украина	40,6	39,4	42,1	49,2	54,6	70,8	79,0	75,4	80,3	81,3	90,4	95,1
Беларусь	33,9	33,0	35,3	42,6	50,3	62,0	65,6	66,9	69,0	76,6	87,1	93,7
Словакия	30,7	27,2	30,8	34,2	40,5	47,7	56,4	66,8	79,2	89,0	99,3	108,5
Чехия	45,1	38,7	42,9	48,5	59,9	66,6	76,9	89,2	93,8	96,1	102,2	108,7
Польша	32,2	29,1	31,1	35,8	43,7	55,0	62,9	75,4	88,8	99,8	108,0	116,8
Словения	36,9	33,0	38,3	47,5	61,5	76,1	87,4	93,9	106,1	117,0	131,9	145,9
Хорватия	36,3	35,5	43,1	53,2	64,8	76,8	83,7	93,7	106,9	117,2	128,9	136,6
Босния и Герцеговина	15,6	16,8	19,1	27,8	38,6	49,6	61,2	72,6	88,7	103,2	113,5	123,0
Сербия	28,2	26,0	29,5	36,7	46,0	54,6	58,0	68,4	83,8	97,2	108,3	117,8
Черногория	21,4	22,5	22,7	29,9	38,4	47,0	46,7	54,7	65,3	75,0	86,0	91,8
Македония	16,8	17,4	21,2	26,3	32,9	40,3	46,7	57,1	69,2	81,5	94,2	107,8
Болгария	40,8	39,9	47,7	59,9	73,8	86,2	98,9	107,6	110,3	113,3	118,5	126,7
Молдавия	21,4	21,4	23,2	25,7	30,6	38,6	45,0	52,5	60,7	68,3	80,0	86,5
Латвия	46,6	42,5	41,8	50,3	59,4	76,4	90,6	93,3	88,2	88,4	92,4	96,8
Литва	35,7	34,1	36,2	42,7	50,5	61,3	69,8	75,2	76,2	79,0	86,6	95,2
Эстония	43,7	39,8	40,0	49,4	59,5	73,6	82,8	87,7	88,9	92,4	99,1	105,6
Румыния	32,1	27,9	33,3	41,4	51,6	62,6	71,6	76,3	83,9	92,9	98,0	116,0
Венгрия	48,7	43,0	48,5	54,2	64,9	72,2	81,0	88,8	97,5	102,1	102,8	108,0
Албания	10,1	10,7	11,3	13,7	17,0	23,5	31,0	39,6	51,7	65,0	73,9	83,8

На другом полюсе находятся Венгрия, Болгария, Хорватия, Словения, Латвия, которые показывают высокие значения индекса старости. Если в 1980 г. Венгрия выделялась высокой величиной индекса (48%), то в 2010 г. самая высокая величина индекса наблюдалась в Болгарии (98,9%), а по прогнозным данным в 2035 г. самое высокое значение индекса будет в Словении 145,9%. К 2010 г. в этой группе стран доля пожилых лиц приблизилась к доле лиц дотрудоспособного возраста. Например, в Болгарии доля пожилых составляла 18,3%, а детей – 18,5%, в Латвии доля пожилых составляла 18,4%, а детей – 20,3.

Подводя итог, отметим, что страны региона сближают схожие процессы старения населения. По прогнозам к 2035 г. доля пожилых лиц превысит долю лиц дотрудоспособного населения в 12 странах Центрально-Восточной Европы. В Словении пожилые будут составлять 26,6% от численности населения. Лишь незначительно доля детей будет превышать долю пожилых в Албании, Белоруссии, России, Украине, Молдавии, Черногории, Литве и Латвии. Но и в них доля пожилых лиц существенно повысится по сравнению с 2010 г. Так в Молдавии доля пожилых в 2035 г. будет составлять 17,4%.

Уникальная ситуация с динамично стареющим населением имеет весомые экономические и социальные последствия. В связи с этим важно понимать, что в таких условиях повышается роль государства, его социальных институтов, непосредственно работающих с пожилым населением. Наши расчеты показали, гибкость величины, отражающей уровень старения населения, которая может меняться в зависимости от соотношения возрастных групп. Эта величина может служить индикатором стабильности всей социальной системы государства. Анализ динамики изменений величины сводного индекса по странам показал, что колебания значения этой величины носят волновой характер. Сопоставление примеров отклонения этой величины с социально-экономическими, политическими и демографическими процессами указывает на регулируемость величины комплексного индекса старения населения. Важно знать механизмы регулирования. Следующий этап исследования связан с контен-анализом накопившегося опыта ведения социально-демографической политики в странах Центрально-Восточной Европы. Безусловно, что опыт стран наших соседей, имеющих довольно схожие социально-культурные процессы, и получивших сравнительно управляемые, регулируемые демографические процессы будет полезен для России.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Антипова Е.А. Геодемографические проблемы и территориальная структура сельского расселения Беларуси / Е.А. Антипова. – Минск: БГУ 2008. – 327 с., 114 с.
2. Трифонова З.А. Демографический потенциал регионов России и анализ региональной демографической политики (на примере Приволжского Федерального округа) / З.А. Трифонова, И.П. Данилов // Вестник Чувашского университета. Серия гуманитарные науки. – 2010. № 4. – С. 457-462.
3. From Red to Gray. The «Third Transition» of Aging Populations in Eastern Europe and the former Soviet Union. Washington: The World Bank. 2008. 298 p. World Population Prospects: The 2012 Revision. URL:http://esa.un.org/unpd/wpp/Excel-Data/population.htm.
4. Slavomir Bucher. Aspects of the phenomenon of demographic population aging in Czechia and Slovakia time and regional dimensions // Human geographies – Journal of Studies and Research in Human Geography. No 6.1, 2012 , P. 25-33

Уалиева С.К.

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ БРАКОВ В КАЗАХСТАНЕ

Межэтнические браки в демографическом аспекте представляют особый интерес, поскольку показывают различие в моделях брачного поведения разных этносов. В широком смысле под брачностью понимают все процессы, характеризующие заключение и прекращение браков, то есть вся совокупность изменения брачного состояния. Этнодемографические характеристики динамики межэтнических браков и разводов позволяют выявить основные тенденции различных процессов.

Для советского времени характерно использование термина межнациональные браки. В современный период, ученые наравне используют термин межэтнические браки. На основании статистических материалов имеется возможность для общей характеристики тенденций. В Казахстане межнациональные браки в советский период по данным переписи 1970 года составляли – 20,6%, в 1979 году – 21,5%, [1, с. 140], в 1989 году – 23,9% [2, с. 76]. Практически, в советские годы наблюдалась тенденция увеличения доли таких браков, иными словами, в 1989 году каждая четвертая семья в нашей республике состояла из представителей разных этносов.

Вопрос о необходимости критического рассмотрения статистических показателей межнациональных браков в советский период в Казахстане отмечал Д. Горенбург [3]. Поскольку статистические данные могут неверно отражать реальное состояние дел. Учитывая изложенные пожелания, автор

сделал специальные расчеты коэффициентов межэтнических браков, позволяющие рассматривать демографический аспект смешанных браков на рубеже XX-XXI веков в Казахстане, тенденции и характеристики в этническом аспекте.

Именно соотношение основных национальностей оказывает влияние на характеристику и динамику числа регистрируемых межэтнических браков. Основными этносами в Казахстане по данным материалов переписи 2009 годов являются казахи, русские, узбеки, украинцы, уйгуры, татары и немцы. Численность и удельный вес этносов значительно изменилась за период между переписями. Значительно вырос удельный вес казахского населения, и снизилась доля русского населения, таблица 1.

Таблица 1

Численность населения Казахстана по отдельным этносам по материалам переписей населения

Национальности	Численность населения, человек		Удельный вес в % от общей численности населения	
Годы	1999	2009	1999	2009
Всего	14981281	16009597	100	100
Казахи	8011452	10096763	53,5	63,1
Русские	4480675	3793764	29,9	23,7
Узбеки	370765	456997	2,5	2,9
Украинцы	547065	333031	3,6	2,1
Уйгуры	210377	224713	1,4	1,4
Татары	249052	204229	1,7	1,3
Немцы	353462	178409	2,4	1,1

Рассчитано по: 4, с. 10.

В отношении других этносов наблюдается следующая картина: произошло снижение удельного веса украинского и немецкого населения, почти в два раза. Численность татар несколько снизилась. Показатели уйгур в процентном соотношении не изменились. Численность узбекского населения выросла.

За период с 1991 года, удельный вес межэтнических браков изменился. По данным Агентства Республики Казахстан по статистике, за период с 1999 по 2004 годы удельный вес межэтнических браков среди всех браков несколько снизился, с 21,4% до 18,7% соответственно, и межэтнические бра-

ки составляли почти каждую пятую семью [5, с. 36].

При этом происходит увеличение абсолютного числа межэтнических браков – с 18 402 в 1999 году и до 27 269 в 2011 году, что дало повод журналистам писать о росте численности межэтнических браков. В реальности, эти цифры связаны, прежде всего, с значительным ростом показателей брачности в целом в стране, с 85 872 в 1999 году до 160 494 в 2011 году, таблица 2.

Необходимо отметить, что, несмотря на рост числа межэтнических браков, их доля от общего количества заключенных браков снизилась. К 2006 году удельный вес межэтнических браков почти стабилизировался и практически сохранялся до 2009 года на уровне 18%. Дальше происходит понижение до 16% в 2012 году, данные таблицы 2.

Таблица 2

Число и удельный вес межэтнических браков в Казахстане (в процентах)

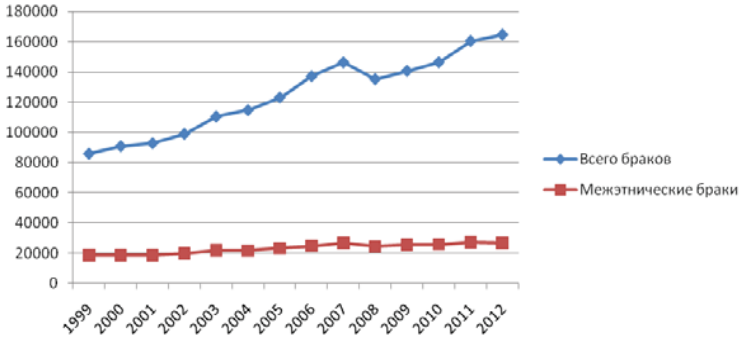
Годы	Всего браков	Межэтнические браки	Удельный вес межэтнических браков (%)
1999	85872	18402	21,4
2000	90873	18477	20,3
2001	92852	18601	20,0
2002	98986	19502	19,7
2003	110414	21646	19,6
2004	114685	21465	18,7
2005	123045	23161	18,8
2006	137204	24650	18,0
2007	146379	26632	18,2
2008	135280	24243	17,9
2009	140785	25522	18,1
2010	146443	25669	17,5
2011	160494	27269	17,0
2012	164681	26647	16,2

Рассчитано по: 6, с. 155, 168; 7, с. 120, 138; 8, с. 178, 197; 9, с. 107, 125; 10, с. 162, 176.

По данным таблицы составлен график, рисунок 1, наглядно отражающий соотношение числа всех браков и межэтнических браков. Наблюдается уверенный рост показателей брачности в целом, и на этом фоне лишь незначительное изменение показателей межэтнических браков.

Рисунок 1

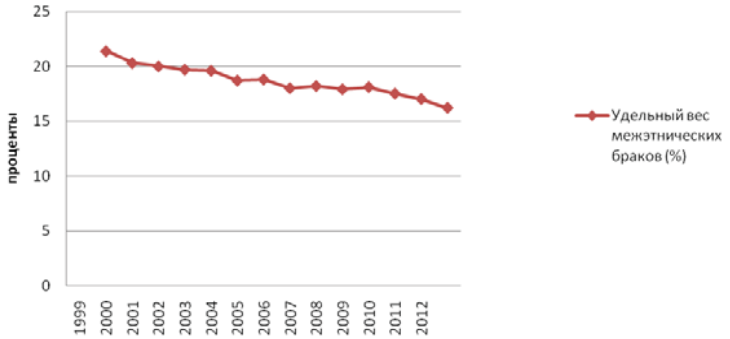
Число всех браков и межэтнических браков в Казахстане



В то же время, рисунок 2 демонстрирует снижение удельного веса межэтнических браков в Казахстане. Причинами являются и миграционный отток, и изменение общественно-политической ситуации в республике.

Рисунок 2

Динамика удельного веса межэтнических браков в Казахстане



Интерес представляет рассмотрение данных вступивших в межэтнические браки по национальной принадлежности. Материалы «Демографического ежегодника Казахстана, 2005» предоставляют данные о доле межэтнических браков среди всех браков определенного этноса. Удельный вес межэтнических браков у казашек составляет 4,17% от всех браков, в то время как у русских женщин этот показатель значительно выше, почти в 8 раз,

составляет 30,12%. [5, с. 37]

Для рассмотрения характеристики межэтнических браков применяют коэффициент национальной гомогенности браков (национальной однородности). Рассчитывается данный показатель как отношение числа вступивших в брак со своей национальностью к общему числу вступивших в брак данной национальности. Коэффициенты, равные единице, означают, что представители этих национальностей практически не вступали в смешанные браки. Близкий к единице коэффициент объясняется как абсолютным преобладанием этноса, так и традиционно консервативным отношением к смешанным бракам. Низкий уровень национальной гомогенности браков обусловлен значительной долей межэтнических браков. Нами рассчитаны коэффициенты гомогенности, таблица 3.

Таблица 3

Вступившие в 2004 году в межнациональные браки по полу (в процентах в отношении браков данной национальности) и коэффициенты национальной гомогенности браков по этносам

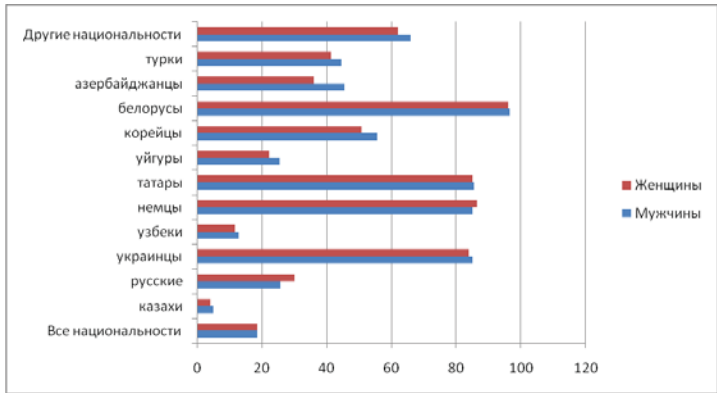
Национальности	Мужчины %	Коэффициент нац. гомогенности	Женщины %	Коэффициент нац. гомогенности
Все национальности	18,72	0,813	18,72	0,813
казахи	5,17	0,948	4,17	0,958
русские	25,64	0,744	30,12	0,699
украинцы	85,10	0,149	83,86	0,161
узбеки	12,89	0,871	11,75	0,882
немцы	85,02	0,150	86,33	0,137
татары	85,63	0,144	85,06	0,149
уйгуры	25,55	0,745	22,27	0,777
корейцы	55,54	0,445	50,70	0,493
белорусы	96,48	0,035	96,10	0,039
азербайджанцы	45,62	0,544	36,20	0,638
турки	44,55	0,555	41,30	0,578
другие нац.	65,90	0,341	62,00	0,380

Рассчитано по: 5, с. 37.

Характеристика по Казахстану в целом следующая – для всех национальностей общий показатель составляет 0,813. У мужчин казахов он составляет – 0,948, у женщин – 0,958. У русских соответственно 0,744 и 0,699. Показатели выявляют отличия в национальном и гендерном аспектах. Для казахов в целом свойственны более гомогенные браки, в то же время этот показатель выше у женщин. Для русских напротив, характерны более низкие показатели национальной однородности браков, при этом статистические данные свидетельствуют, что русские женщины чаще вступают в межэтнические браки по сравнению с мужчинами.

Рисунок 3

Удельный вес мужчин и женщин, вступивших в межэтнические браки в отношении к бракам по этносам в Казахстане в 2004 году



По рисунку 3 наблюдается, что показатели вступивших в брак с представителями других этносов выше у белорусов, украинцев, татар и немцев. Соответственно, и показатели национальной гомогенности у названных этносов более низкие. Высокие показатели национально-однородных браков у казахов и узбеков.

В последующих демографических ежегодниках данные об удельном весе вступивших в межнациональные браки по определенным этносам не предоставляются. В связи с чем, нами были рассчитаны таблицы с показателями удельного веса вступивших в смешанные браки в отношении всех заключенных межэтнических браков по годам.

Важен тот факт, что в межэтнические браки чаще стали вступать казахи (с 12% до 21%) и казашки (с 8% до 17%) в 1999 и 2012 годах, их доля в общем количестве подобных браков увеличилась, все эти тенденции отражены в показателях таблиц 4 и 5.

Таблица 4

Удельный вес вступивших в брак мужчин с представителями других этносов среди межэтнических браков (в процентах)

Годы	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Казахи	12,0	11,9	13,0	13,1	15,8	16,9	17,3	18,3	18,7	19,7	19,2	19,8	20,4	20,6
Русские	32,4	31,8	31,6	31,8	30,5	30,0	30,1	29,8	29,3	28,8	28,5	28,5	28,5	28,7
Украинцы	14,8	14,4	13,9	13,1	12,6	12,1	12,4	11,5	11,5	10,5	10,9	10,5	10,8	10,6
Узбеки	1,3	1,6	1,7	1,8	2,3	2,2	2,3	2,6	2,7	2,7	2,9	2,9	2,6	2,9
Уйгуры	1,5	2,0	1,8	2,2	2,0	2,3	2,4	2,5	2,5	2,7	2,4	2,5	2,6	2,5
Татары	5,2	5,3	5,4	5,8	5,3	5,8	6,1	6,2	6,3	5,9	5,9	6,0	6,3	6,2
Немцы	15,5	15,6	14,5	13,7	11,9	10,8	10,1	9,6	8,9	8,5	8,7	8,2	8,5	8,8
Другие этносы	17,3	16,8	17,3	17,0	17,6	18,3	18,0	18,1	20,1	18,3	18,0	18,0	19,0	19,8

Рассчитано по: 6, с. 168; 7, с. 138, 140; 8, с. 197, 199; 9, с. 125, 127; 10, с. 176, 177.

Таблица 5

Удельный вес вступивших в брак женщин с представителями других этносов среди межэтнических браков (в процентах)

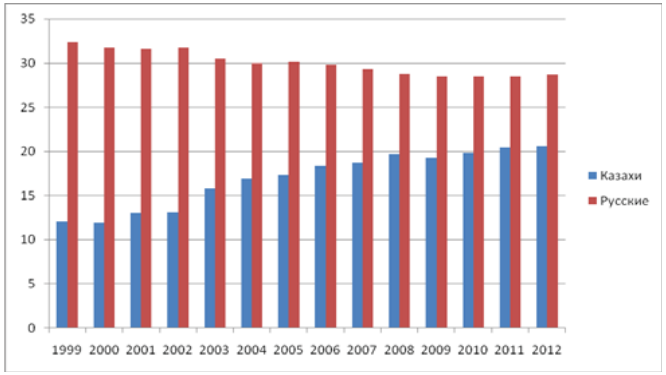
Годы	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Казахи	8,4	9,4	10,1	11,0	12,3	13,5	14,2	15,3	15,3	16,0	16,4	16,5	16,8	17,2
Русские	40,4	39,7	39,1	38,4	38,4	37,5	37,4	36,5	36,5	35,2	34,9	34,4	35,6	35,0
Украинцы	13,8	12,9	13,0	12,5	12,0	11,0	11,5	11,0	10,7	10,2	10,2	10,3	10,4	9,9
Узбеки	1,1	1,1	1,1	1,4	1,8	1,9	2,0	2,0	2,3	2,2	2,4	3,0	2,8	3,1
Уйгуры	1,2	1,4	1,4	1,6	1,7	1,9	1,9	2,0	2,0	2,2	2,1	1,9	2,1	2,3
Татары	5,1	5,3	5,4	5,5	5,6	5,5	5,9	6,2	6,2	5,8	6,3	6,4	6,3	6,4
Немцы	17,0	16,6	15,9	14,7	12,6	12,1	11,0	9,8	9,6	9,4	8,8	8,4	8,5	8,3
Другие этносы	12,6	13,0	13,5	13,8	14,2	15,2	15,0	15,7	17,3	16,5	16,5	16,3	16,3	17,8

Рассчитано по: 6, с. 168; 7, с. 138, 140; 8, с. 197, 199; 9, с. 125, 127; 10, с. 176, 177.

По данным таблиц нами создан ряд диаграмм. В связи с тем, что основными этносами в стране являются казахи и русские, а также в связи со значительными изменениями показателей двух этносов, по ним были созданы сравнительные диаграммы. Удельный вес межэтнических браков у казахов мужчин по отношению ко всем зарегистрированным межэтническим бракам в Казахстане, имеет тенденцию к увеличению. Важной является гендерная характеристика процесса.

Рисунок 4

Динамика удельного веса межэтнических браков у мужчин (в %)

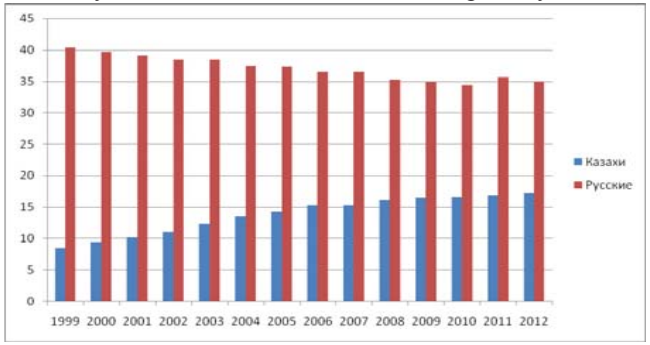


Наибольшие проценты межэтнических браков у казахов приходятся на мужское население, причем разрыв в показателях с женщинами стабильно сохраняется. В ходе глубинных интервью, проведенных автором, выявлены причины такого поведения. В казахских семьях, традиционно считается, что «если сын приводит невестку, какой национальности она бы ни была, она приходит в семью мужа». Соответственно, у казахов большая свобода в выборе этнической принадлежности партнера предоставляется мужчинам.

Удельный вес межэтнических браков русских по отношению ко всем зарегистрированным межэтническим бракам в Казахстане, показывает некоторое снижение показателей как у мужчин, так и у женщин. Причины видятся в первую очередь, в значительном миграционном оттоке из РК молодых людей русской национальности в конце XX – начале XXI веков. В результате, в возрастной структуре молодых людей на брачном рынке произошли определенные изменения.

Рисунок 5

Динамика удельного веса межэтнических браков у женщин (в %)



Следует подчеркнуть вдвое увеличение показателей межэтнических браков у казашек. Практически, это новая тенденция последнего десятилетия. Девушки выходят замуж не только за парней другой национальности в нашей стране, так же увеличилось количество браков с зарубежными женихами.

Таблица 6

Удельный вес расторгнувших брак мужчин с представителями других этносов среди межэтнических разводов (в процентах)

Годы	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Казахи	9,4	9,2	10,3	10,1	12,7	13,8	14,8	15,1	15,0	15,6	15,1	15,6	15,7	17,4
Русские	32,5	34,8	32,3	31,8	27,8	24,7	23,0	22,4	22,9	23,4	21,6	21,0	23,0	24,3
Украинцы	14,6	15,7	15,4	13,7	11,5	11,1	10,0	9,1	9,5	9,2	7,1	7,0	7,9	7,7
Узбеки	1,2	1,3	1,5	1,0	1,1	1,4	1,8	1,6	1,3	1,5	1,2	1,9	1,7	1,5
Уйгуры	1,1	1,1	1,3	1,3	1,2	1,3	1,2	1,4	1,4	1,3	1,3	1,5	1,6	1,7
Татары	4,8	5,7	5,8	5,3	4,4	4,2	4,2	3,8	4,3	4,0	3,5	3,7	4,1	4,3
Немцы	9,4	10,2	9,0	8,3	6,6	5,9	5,7	5,5	6,1	5,8	4,8	4,6	5,2	5,6
Другие этносы	14,3	15,9	15,4	14,3	12,7	12,0	10,5	10,3	10,5	11,1	9,9	9,8	10,8	11,4

Рассчитано по: 6, с. 168; 7, с. 138, 140; 8, с. 197, 199; 9, с. 125, 127; 10, с. 178.

Таблица 7

Удельный вес расторгнувших брак женщин с представителями других этносов среди межэтнических разводов (в процентах)

Годы	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Казахи	8,7	7,2	7,9	10,9	14,6	17,5	19,2	21,5	20,2	19,9	22,8	23,2	22,8	22,3
Русские	40,1	40,8	40,6	40,0	37,7	36,1	34,6	33,0	34,9	34,7	33,5	32,8	33,1	33,6
Украинцы	14,4	15,8	15,2	14,1	12,0	11,3	10,1	9,7	9,7	9,6	8,8	8,8	8,9	9,5
Узбеки	0,7	0,7	0,9	0,8	1,2	1,3	1,5	1,6	1,3	1,3	1,2	1,5	1,3	1,2
Уйгуры	0,7	0,7	0,8	0,8	0,9	1,0	0,9	0,8	1,3	1,1	0,9	1,0	1,2	1,1
Татары	5,5	5,7	5,4	5,3	5,1	4,7	4,3	4,9	4,7	4,4	4,5	4,2	4,7	5,2
Немцы	12,5	13,4	12,7	11,4	9,0	7,0	6,8	5,7	6,7	6,3	5,7	5,9	6,4	6,8
Другие этносы	11,3	13,1	12,5	10,5	10,3	9,6	9,0	8,8	9,3	10,5	9,4	8,8	10,4	10,2

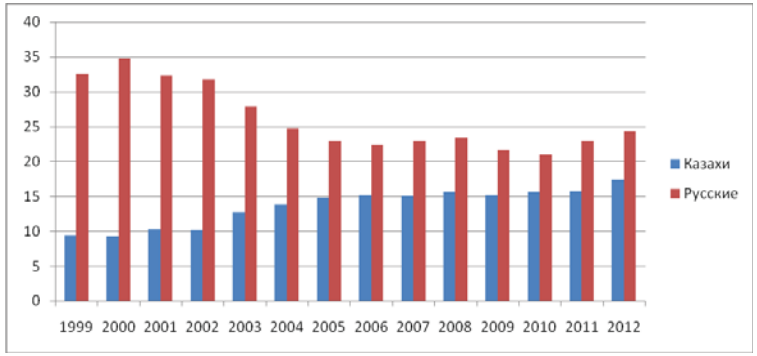
Рассчитано по: 6, с. 168; 7, с. 138, 140; 8, с. 197, 199; 9, с. 125, 127; 10, с. 178.

Удельный вес разводов казахов в межэтнических браках по отношению ко всем зарегистрированным разводам межэтнических браков в Казахстане, характеризует увеличение показателей, практически в два раза, таблица 6. При этом гендерные особенности проявляются особенно интересно, начиная с 2002 года, показатели разводов у женщин стали существенно превышать показатели у мужчин. Данная особенность в сопоставлении с более высокими показателями межэтнической брачности у мужчин казахов, свидетельствует о новых тенденциях разводимости у женщин, изменении их представлений о свободе выбора.

Динамика удельного веса межэтнических разводов у мужчин характеризует сближение показателей у русских и казахов. В 1999 году в показателях разводов у мужчин русских и казахов был значительный разрыв, показатели русских были намного выше. С 2004 года наблюдается сближение показателей, в силу снижения показателей межэтнических разводов у русских мужчин, и увеличения показателей у казахов. Одной из причин увеличения показателей разводов в межэтнических браках у казахов является рост числа самих смешанных браков.

Рисунок 6

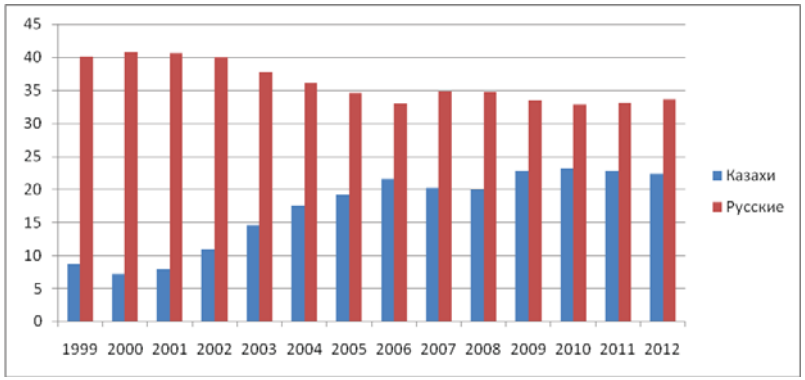
Динамика удельного веса межэтнических разводов у мужчин (в %)



Удельный вес разводов русских мужчин в межэтнических браках в Казахстане, демонстрирует в отличие от казахов, определенное снижение показателей. В гендерном аспекте – показатели разводов у русских женщин значительно выше, в чем проявляется зависимость от высоких показателей межэтнической брачности. В то же время, за период с 1999 по 2012 годы, разница между показателями разводов у мужчин и женщин увеличилась.

Рисунок 7

Динамика удельного веса межэтнических разводов у женщин (в %)



Показатели межэтнических разводов у русских женщин значительно выше. К тому же, в динамике наблюдается сближение показателей русских и казахских женщин, хотя в 1999 году разрыв был довольно значительный. Показатели межэтнических разводов у русских женщин были в пять раз выше. В 2012 году разница составляет лишь 10%, разрыв значительно сократился – 22,3% у казашек и 33,6% у русских женщин. Произошло это в связи с тем, что показатели разводов у русских женщин имеют тенденцию к снижению. Для казашек характерна обратная тенденция: увеличение показателей межэтнических разводов, по аналогии с межэтническими браками.

Интересным является снижение показателей межэтнических разводов у украинцев и немцев, почти в два раза. Причем тенденции аналогичные как у мужчин, так и у женщин. Одной из важных причин является снижение доли межэтнических браков у этих национальностей.

В целом, в характеристике межэтнических браков двух основных этносов страны – казахов и русских, выявлены определенные отличия. Более гомогенные браки свойственны для казахов, в этом сохраняется определенная специфика. В то же время, наблюдается изменение этнических особенностей смешанных браков. Увеличились практически в два раза показатели женщин казашек, вступающих в межэтнические браки. Раньше возможность создания смешанных браков считалась привилегией мужчин. К тому же выросли показатели вступающих в межэтнические браки и у мужчин казахов.

Для русского населения Казахстана характерны более высокие показатели межэтнических браков. Ситуация объясняется различным удельным весом в национальном составе и более традиционными представлениями у казахов в отношении национальной однородности браков. Кроме того, удельный вес межэтнических браков выше у мужчин казахов, по сравнению

с женщинами. У русских обратная ситуация – выше показатели межэтнических браков у женщин, в сравнении с мужчинами.

Этнодемографические характеристики брачного поведения населения в межэтнических браках свидетельствуют о сохранении основных этнических характеристик демографического поведения. В тоже время происходит унификация определенных тенденций, что связано с процессами урбанизации и трансформации общества в целом.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Сусоколов А.А. Межнациональные браки в СССР. – М., 1987. – 142 с.
2. Топилин А.В. Межнациональные семьи и миграция: вопросы взаимовлияния. / Социология национальных отношений / «Социс», 1995, № 7. – С. 76-82.
3. Dmitry Gorenburg «Rethinking Interethnic Marriage in the Soviet Union», Post-Soviet Affairs, 2006, 22,2, pp. 145-165.
4. Перепись населения Республики Казахстан 2009 года. Краткие итоги. Статистический сборник / Под ред. А.А. Смаилова. – Астана, 2010. – 110 с.
5. Демографический ежегодник Казахстана, 2005 / Статистический сборник под редакцией К. Абдиева / Агентство РК по статистике. – Алматы, 2005. – 448 с.
6. Этнодемографический ежегодник Казахстана. Статистический сборник. / Под редакцией Шокаманова Ю.К. – Алматы, 2006. – 440 с.
7. Демографический ежегодник Казахстана. (2007) Статистический сборник. / Под ред. А. Мешимбаевой. – Астана, 2008. – 754 с.
8. Демографический ежегодник Казахстана. (2008) Статистический сборник. / Под ред. А. Мешимбаевой. – Астана, 2009 – 637 с.
9. Демографический ежегодник Казахстана. (2010) Статистический сборник. / Под редакцией А. Смаилова. – Астана, 2011. – 592 с.
10. Демографический ежегодник Казахстана / Статистический сборник / Агентство Республики Казахстан по статистике. Главный редактор Смаилов А.А. – Астана, 2013. – 840 с.

Фоминых В.В.

РОЛЬ ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРЫ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Общеизвестно, что историческая наука может поспособствовать как упорядочению, гармонизации межнациональных отношений, предотвращению и предупреждению национальной вражды, углублению взаимопонимания и солидарности различных этносов, их интеграции без нивелировки, так и разъединению, разобщению народов, распространению античеловеческих

расистских и шовинистических убеждений, ксенофобии, множа, тем самым, конфликтный потенциал в обществе. В качестве свежего трагического примера можно привести нынешнее кровавое вооруженное противостояние в Украине, в разжигание и эскалацию которого, несомненно, внесло свою лепту длительное «промывание мозгов» и оболванивание населения, в первую очередь подрастающего поколения, идеями, возникшими в воспаленном воображении «историков», вольно и тенденциозно переписывавших и перевиравших национальное прошлое после развала СССР.

Как писал в «Идее истории» английский историк и философ Р.Дж. Коллингвуд, «каждое настоящее располагает собственным прошлым». К сожалению, в наше время историческая наука Казахстана в своей увлеченности созданием принципиально нового прошлого в значительной мере замыкается на его этноцентристском видении и интерпретации, мистифицированном, мифологизированном и крайне субъективном восприятии истории, усугубляя тем самым этнодифференцирующие, а не консолидирующие, сплачивающие тенденции в общественном развитии. В историческом познании все отчетливее проступает примат национального самосознания, «национального духа» как главных двигателей и основополагающих начал исторического процесса, вполне оправдывается такое явление как национализм [1, с. 376-377]. Не случайно, что многие историки, склонные рассматривать историю Казахстана исключительно как историю казахского народа, выразили свое неудовольствие и несогласие даже с названием труда «История Казахстана: народы и культуры» (Алматы, 2001) [2], представляющего собой одну из немногочисленных попыток современной историографии преподнести историю Казахстана «как историю общности судеб всех народов страны».

Если бы разлагающим, растлевающим вирусом этноцентризма были заражены только плодящиеся и тиражирующиеся псевдоисторические опусы М. Магауина, К. Даниярова, М. Барманкулова, Н. Амрекулова, К. Закирьянова, К. Томпиева, Б. Тогисбаева, их кумыкского «коллеги» М. Аджи, чьи «творения» с завидной регулярностью переиздаются в Казахстане, и др., это было бы еще полбеды. Однако национал-романтическими и ура-патриотическими искажениями, полуправдой, а то и откровенной ложью переполнены многие научные труды и, что особенно прискорбно, школьные и вузовские учебники, авторы которых рассчитывают, что юные, неокрепшие умы впитают, словно губка, их голословные, взятые с потолка домыслы и мифы. Последние уже довольно прочно завладевают сознанием: достаточно внимательно обозреть казахстанское интернет-пространство [3].

При этом «окучивание» неискушенных, неоперившихся школьников, постигающих азы истории, начинается буквально с их первых шагов. Так, в методическом руководстве к вводному курсу «Рассказы по истории Казахстана» учителям школ не просто советуют, а настоятельно требуют от них

«довести до сознания детей» абсолютно абсурдное заявление, что общность «родов и племен, составивших казахский народ», восходит к «коневодческим племенам энеолита» [4, с. 7], проживавшим на территории республики. Неудивительно, что некоторые авторы в стремлении провозгласить историческое первородство казахов пошли еще дальше, объявив Казахстан прародиной человечества. К примеру, А. Абдакимов заявил, что энеолитическое (!) поселение Ботай является «самой древней стоянкой человека в мире» [5, с. 63]. В учебнике «История древнего Казахстана» (6 класс) грубо исковеркано содержание этнических процессов: население этого периода поименовано «древними казахскими улусами», безосновательно и бездоказательно декларируется тюркоязычность саков, утверждается, что монголоидные признаки «стали преобладать» «в обличье этносов» уже в древности, а территория древнего Казахстана с навязчивым постоянством называется «казахскими землями» [6, с. 40-41, 68, 138]. В «Иллюстрированной истории Казахстана», адресованной широкому кругу читателей, племена ариев, историчность которых не вызывает никаких сомнений, объявлены «мифическими», поскольку их существование не вписывается в версию о «древних тюркских корнях», и даже этноним «казах» выискивается там, где его не было в помине и быть не могло, – в Бехистунской надписи Дария I конца VI в. до н.э. [7, с. 42, 87]. Столь явственно выступает здесь нежелание этноцентристов признать, что в древности на территории Казахстана долго доминировали нетюркские этнические компоненты, а достаточно продолжительное время нетюркские и тюркские этнообразования сосуществовали и взаимопроникали.

Не благоприятствует нормальному функционированию межнациональных отношений, соблюдению баланса интересов разных национальностей и «методологическая контрреволюция», произошедшая после развала СССР, в частности, увлечение казавшимися тогда новомодными концепциями «локальных цивилизаций» (от которых, кстати сказать, западная антропология к тому времени уже отреклась, и в «струю мейнстрима» отечественная историческая мысль не попала), а также близко к ним стоящей теорией Л.Гумилева, надуманно актуализированными, благодаря не только изменившимся социально-экономическим и политическим реалиям, но и дезинтеграционным процессам, затронувшим социокультурное пространство и этносферу. Но если в российской науке популярность плюральных взглядов на историю уже заметно остыла, и они все чаще подвергаются справедливой критике, в том числе, со стороны таких видных ученых как историк и философ Ю.И. Семенов, этнолог В.А. Шнирельман, востоковед Л.Б. Алаев, кочевниковед Н.Н. Крадин и др., то казахстанская историография настойчиво и судорожно хватается за спасительный, с ее точки зрения, поплавок «кочевой цивилизации». Этот лейбл наклеивается на историю Казахстана с одной целью – для констатации «особого типа идентичности», характеризующегося

«самостью», уникальностью, непохожестью на остальных, оторванностью, изолированностью, обособленностью от общеисторического пути, что с неизбежностью повлекло акцентирование на «особости», неповторимости и исключительности на этническом и даже генном уровне. Распространению таких идей в немалой степени содействовала «гипертрофия суверенитета», непосредственно повлиявшая на национально-государственную самоидентификацию, зачастую проявляющуюся в популяризации доктрины традиционализма, являющейся, по существу, идеологией демодернизации, насаждаемой под предлогом «деколонизации», «преодоления европоцентризма» и характеризующейся конструированием некоего образца, выдаваемого за исторически изначальную, а потому идеальную социокультурную модель, попытками реанимировать доимперские и досоветские социально-культурные традиции, рассмотрением собственного этноса в превосходной степени, как всеобщего и универсального эталона. В последние годы такие представления стимулируются еще и экстраполяцией широко пропагандируемых достижений современного Казахстана на национальное прошлое. При этом старательно игнорируется тот факт, что за «исторически избранный» путь нации выдается отставание по различным параметрам, а в конечном счете отвергается универсальность категорий общественного прогресса. Забывается, что история, не отрицая национальную специфику, в то же время должна не разделять народы, не противопоставлять их преднамеренно друг другу, не формировать отношения предубежденности к иным этносам, а искать точки соприкосновения между ними, что сделать весьма не трудно, если иметь непредвзятый взгляд на вещи. Отрицание же единства исторического человечества, как пишет тот же Л.Б. Алаев, «чаще всего продиктовано идеологическими и политическими взглядами, обычно не без элементов расизма» [8].

Конечно, единство истории не исключает ее разнообразия, но господствовавший в средневековом Казахстане номадный уклад, сочетавшийся с патриархальным, феодальным, рабовладельческим укладами (Казахстан, как и другие страны Востока, отличался укладной разношерстностью), подчинялся тем же общим и объективным историческим закономерностям, что проявлялись у разных народов, разделенных громадными пространствами, таким как закономерности классообразования, политогенеза, соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил, соотношения базисных и надстроечных отношений, неравномерности общественного развития и т. д., выпукло и объемно выступающие и в номадизме.

Неотъемлемой чертой этноцентристской историографии является не только преувеличение национальной самобытности, но и претензии на отыскание единственности в своем роде там, где ее в принципе не было. На-

пример, особо подчеркивается, что у казахов существовал «примечательный обычай…, которого нет у других народов – «хан саркыты». Соплеменники поровну делили между собой скот хана после его избрания, поскольку считалось, что хану скот ни к чему, у него не должно быть иных забот, кроме благополучия его народа – если скот есть у народа, значит, он есть и у хана» [9]. Неправомерность такого заявления очевидна. Во-первых, ритуал раздаривания имущества вождями, старейшинами, называемый в литературе потлач (потлачество), подробно описан, начиная еще с XIX в., у индейцев тихоокеанского побережья Северо-западной Америки, а затем и у других народов земного шара (меланезийцев, африканских банту и др.). Во-вторых, потлачевидный церемониал в классовом казахском обществе приобрел превращенную форму; скорейшее ответное «одаривание» хана скотом в десятикратном размере (о котором в вышеупомянутой публикации «позабыли» проинформировать) имело характер редистрибутивных отношений, отражавших социально-экономическое неравенство и являвшихся зародышевым видом (как полагает К.С. Бельский) обязательных налоговых платежей рядовых членов общества в пользу центральной власти, в форме которых осуществлялось отчуждение прибавочного продукта. Хан, разумеется, использовал «подаренный» скот не на общественные нужды, а распоряжался им по своему усмотрению.

Современными авторами, мягко говоря, преувеличивается степень «открытости», «демократичности», «свободы» традиционного казахского общества [9; 10], также преподносимых в качестве национального феномена и долженствующих смотреться особенно ошеломляюще на фоне европейского абсолютизма и азиатского деспотизма. В частности, заявляется, что «хан – верховная власть – всегда советовался с народом», «и на собраниях… народ не безмолвствовал» [9]. Однако действительного участия в курултаях, некогда выросших из вечевых собраний и схожих с сословно-представительными учреждениями феодальной Европы (не случайно А.И. Левшин отмечал, что они приобретают «вид Сеймов»), народ не принимал. Решения курултаев предопределялись узкоклассовыми интересами господствующей верхушки. Как подметил тот же Левшин, принятые на собраниях положения только объявлялись «толпящемуся кругом народу», но все дела вершили «родоначальники, Батыри, богачи и старейшины». Дж. Кэстль, побывавший в 1736 г. в Младшем жузе, также заметил, что хан «не является самодержавным властителем, а зависит от совета старшин. Он исполняет то, что одобряют старшины». Иными словами, функционирование политической власти в казахском обществе зависело от степени «совместимости и согласованности интересов и потребностей хана-патрона с интересами и стимулами взаимодействовавших с ним влиятельных персон (султанов, старшин, биев, батыров)» [11, с. 50], т. е. представителей господствующего класса, а отнюдь

не широких трудящихся масс. Потому столь же неубедительным выглядит и следующее утверждение: «Если народ изгонял хана, а такие примеры были в истории, то эти действия адекватно воспринимались степной аристократией» [9]. И хотя в истории Казахстана действительно известны случаи, причем не единичные, изгнания или убийства неугодных ханов (Бурундук, Мамаш, Тахир, Хакназар, Турсун-Мухаммед, некий Жангир в начале XVIII в. и др.), но связаны они с политической борьбой элитарных групп, как внутри чингизидов (например, остракизм Тахира обусловлен, прежде всего, тем, что, как писал Мухаммад Хайдар, «просвещенные сердца султанов отвратились от него»), так и между чингизидами и родовой знатью, соперничавшей с «белой костью» во влиянии на массу кочевников, обладавшей действенными экономическими и политическими рычагами воздействия на подчиненное население дисперсных военно-потестарных социальных организмов, выражавшей групповые, корпоративные интересы, большей частью противодействовавшие политической централизации и усилению ханской власти (таково, было, к примеру, противостояние хана Есима и жырау Жиембета, являвшегося бием в Младшем жузе). Я. Гавердовский отмечал, что политика хана Тауке привела к «развращению», раздроблению власти, торжеству «права сильного», которым успешно пользовались «приумножавшиеся в родах начальники», и казахи «совершенно разделились на части». Само Казахское ханство было структурой дисбалансированной, аморфной, центральная власть – нестабильной, неустойчивой, и уже поэтому не могла полноценно «защищать интересы государства», а тем более «способствовать проживанию народа в благоденствии» [Там же]. Не соответствует истине и утверждение, что «рядовой кочевник, обладавший такими добродетелями как ум, порядочность, справедливость, храбрость, мудрость, мог беспрепятственно перемещаться вверх по социальной лестнице» [Там же]. Если вхождение в «белую кость» строго возбранялось и элитарным слоям «карасуйек», то вход в последние обставлялся множеством пропускных фильтров. Русские источники прямо указывали: «Бии… должны иметь богатырей… своими предками»; они выходят «из знатнейших и самых богатых дворян». Даже в наиболее открытую социальную группу батыров, как показывают источники, в первую очередь входили представители родовой знати, лица, имеющие престижные родственные связи, затем отдельные выходцы из баев. Еще М.П. Вяткин отметил «сращивание звания батыра с родовой знатью» [12, с. 109].

Превратному истолкованию поддаются сейчас и наиболее консервативные институты адата, в т.ч. те, что закрепляли бесправность женщины. Так, С. Кенжеахметулы, пытаясь всячески обелить калым, превращавший брак в имущественную сделку между родителями или опекунами жениха и невесты, заявляет, что «во времена советской власти чернили как могли эти традиции и обычаи, наговаривая, что девушек меняют на скот» [13, с. 7]. До-

нельзя идеализируется сущность не только общественных и политико-правовых институтов казахов, но и их хозяйство (экстенсивно-скотоводческое и натурально-патриархальное в своей основе), объявляемое «адаптированным современным индустриальным, рыночным условиям» (!), а расщепленная социальная структура общества, глубоко иерархизированного и дифференцированного по классовым, сословно-кастовым и кланово-жузовым признакам, трактуется как «прогрессивное явление» [14, с. 252]. И напротив, модернизация общества в XIX и, особенно, в XX в. преподносится как прерывание «естественного течения этнического развития» [Там же, с. 245]. Застойные, депрессивные производственные отношения, базирующиеся на крайне анахроничных, ломких производительных силах, не совершенствующихся, неизменных в течение столетий, присущие экономике номадизма, провозглашаются рациональными, эффективными, динамичными, высокопродуктивными, способными полностью удовлетворять «экономические и социальные потребности» [15, с. 200-201]. И почему-то этноцентристов не удивляет, что воображаемое ими поразительно гармоничное, тщательно отрегулированное общество с умопомрачительными достижениями в начале XVIII в. было поражено глубочайшим и всесторонним системным кризисом.

Национальная мифология, пытающаяся обосновать приоритетность, первенство предков казахов в различных сферах человеческой жизнедеятельности, не только транслирует уже набившие оскомину постулаты, но и регулярно пополняет их новыми «сногсшибательными подробностями». Так, к мифу об изначальной монотеистичности тенгрианства добавился домысел о том, что «кочевник всегда был единобожим, других божеств себе не выдумывал», т. к. «глаза его были обращены к небу, к природе, он первым замечал… наступление другого времени года, и видел перед собой он только огромные пространства, небо и степь, и высокие горы, над которыми сияло солнце», а «земледелец понаделал себе из камней, глины и деревьев богов», поскольку он «копался в земле, оба его глаза были обращены вниз, куда он посадил плоды своего труда, вырастет не вырастет, счастье и несчастье, бедствие и разгул природы, все у земледельца зависело от земли и воды, от почвы и ее плодородия» [7, с. 170] (авторский стиль и пунктуация сохранены). Абсурдность, нелепость таких сентенций, примитивность и ущербность аргументации настолько отчетливы, что комментировать их излишне. Опасно другое: умышленно подчеркиваемое противопоставление «возвышенных» кочевников «приземленным» земледельцам, и тональность, в которой оно излагается, откровенно унижают земледельческие народы, демонстрируют отношение к ним свысока, с пренебрежительностью, как к неполноценным.

Несомненно, что это и подобные ему бесцеремонные измышления, густо замешенные на фарисействе и передергивании, переиначивании, коверкании фактов, часто замаскированные «модными и блестящими мунди-

рами», никак нельзя оправдать ссылками на необходимость поднятия самооценки нации и прививания чувства «нового» патриотизма, поскольку они порождают только лжепатриотизм, что может иметь необратимые и самые непредсказуемые последствия. Неиспорченный, «подлинный патриотизм» складывается лишь там, где он «вверяет национальное чувство контролю разума, морали и культуры» (А. Швейцер). И как может сформироваться патриотическое сознание у неказахского населения, если авторы школьных учебников и методических руководств забывают о его существовании, обращаясь только к представителям титульной национальности [См.: 4, с. 129, 133 и др.]?

Еще одним заблуждением современности является представление о том, что межнациональное согласие и толерантность – эксклюзивный продукт суверенного «безоблачного» Казахстана, что до обретения независимости межнациональные отношения представляли собой один беспрерывный клубок противоречий, просчетов и ошибок. В действительности, стабильность в межэтнических отношениях является результатом длительного общения, взаимодействия и взаимовлияния полиэтнического населения Казахстана, и ее значимость не может быть правильно понята и оценена без объективного анализа межнациональных отношений и национальной политики в прошлом. Возможно, немного найдется таких дисциплин как история Казахстана, предмет которой дает настолько прекрасную возможность научить подрастающее поколение уважать национальное достоинство других граждан, стремиться укреплять братское сотрудничество всех этносов республики, причем не только и не столько посредством ознакомления с внешней традиционностью и обрядностью народов, пусть даже красочной и увлекательной.

Однако в настоящее время многие выигрышные в этом плане вопросы просто изгоняются из учебных программ и учебных пособий или препарируются до неузнаваемости. Вымарываются факты, касающиеся цивилизаторской, прогрессивной роли России по отношению к народам Востока, о которой писал в свое время Ф. Энгельс и которую признавали выдающиеся деятели казахского народа Ч. Валиханов, И. Алтынсарин, А. Кунанбаев, факты, показывающие, что замечательные представители русского народа считали казахов не врагами, а собратьями; категорично акцентируется внимание лишь на одной стороне присоединения Казахстана к России – колониальном иге. Так, в Типовой учебной программе по истории Казахстана для неисторических специальностей бакалавриата (Астана, 2014) эпоха присоединения и нахождения Казахстана в составе Российской империи с однозначной прямолинейностью именуется «колониальным периодом».

Извращается историческое значение первых документов Советской власти по национальному вопросу и их практического воплощения, пропа-

гандируются несостоятельные утверждения, что приход Советов к власти «ничего не давал казахскому населению», что «провозглашение автономии… оказалось номинальным», и «Казахстан вновь занял место колониальной окраины» [16, с. 313, 315, 330]. Фальсифицируются многие направления политики Советской власти, в частности, формирование национальных отрядов Красной Армии: заявляется, что «недоверие к коренному населению выражалось… в нежелании большевиков вооружать его и обучать военному делу» [17, с. 105], т.е. не замечается деятельность Киргизского (Казахского) краевого военкомата и отдела по формированию военных частей, сформировавших за годы гражданской войны 33 национальных части и подразделения Красной Армии, а также рапорт краевого комиссара, отмечавшего, что всевобучу подлежит не менее 1,5 млн. казахов и 500 тыс. русских, татар и представителей других национальностей. Во многих изданиях стараются не упоминать мероприятия Советского государства по повышению статуса казахского языка, политику коренизации, направленную на выдвижение в органы управления КАССР представителей казахского народа. Вместо этого заученно твердят, что якобы «ни в состав высших правительственных органов, ни на ключевые посты в органах местного управления представители коренного населения… не допускались» [Там же]. Непомерное самомнение и самолюбие позволяют утверждать, что политика «Малого Октября» и коллективизации, главная мотивация которых лежит в социально-экономической, а не в этнической плоскости, были «курсом на широкомасштабный геноцид» [16, с. 333], целенаправленным «уничтожением автохтонного этноса» [14, с. 252]. Как продуманный «этноцид» трактуется и политика депортации отдельных народов СССР в 30-40-е годы, но не учитывается, что, будучи преступной по своему характеру, она в то же время была продиктована архисложной политической обстановкой предвоенного и военного времени и имела своей целью стабилизацию политической ситуации, очистку от «шпионских элементов», наказание за пособничество нацистам и антисоветские выступления, но, разумеется, в соответствии с видением сталинского руководства и испробованными им методами. Утрированное объявление всей территории Казахстана то сплошным «концентрационным лагерем», то сплошным «ядерным полигоном» [Там же, с. 246] также порождает образ врага, скрывая, что от действий сталинизма население страдало независимо от национальности.

Затушевываются бесспорные факты, что в 20-30-х годах прошлого столетия Казахстан совершил, несмотря на все трудности, просчеты, издержки и «неполадки», беспрецедентный и непревзойденный по историческим меркам прыжок в своем развитии, выражавшийся в радикальной трансформации экономики, искоренении классового и национального угнетения, реализации недоступных ранее социально-экономических и культурных прав, эмансипа-

ции женщины, урбанизации, преодолении клановости, трайбализма, «жузовщины», косной патриархальной идеологии, в секуляризации общественной жизни, консолидации казахов в нацию и т. д. Об этом цивилизационном (в общеисторическом смысле) скачке, совершенном среднеазиатским регионом («самыми отсталыми областями России») благодаря политике Советской власти, писал в свое время один из виднейших политических деятелей мирового масштаба Дж. Неру: «…Среди перемен, происходящих во всех его [Советского Союза] частях, ничто не волнует и не очаровывает так сильно, как пустынные равнины Сибири и древнейшие в мире долины Средней Азии. На протяжении поколений эти края находились вне поступательного движения человечества, а ныне они движутся вперед стремительными темпами», причем «наблюдался рост единства и солидарности между множеством различных народов, населяющих СССР» – страну, которую Неру назвал «захватывающе интересной» [18, с. 294, 296]. Вышеназванные обстоятельства подготовили почву для нормализации национальных отношений в стране, утверждения межэтнического согласия, патриотизма и интернационализма, с честью выдержавших проверку на прочность в тяжелейших условиях Великой Отечественной войны. Однако национал-патриоты продолжают упорно отрицать необходимость модернизации казахского общества, умиляться и упиваться архаичными, отжившими и даже реакционными социальными институтами [19, с. 92-93, 165], протаскивать в различные сферы жизни современного Казахстана такие традиционалистские «ценности» как родовое сознание, принцип «жеты ата» и т. п. [20], препятствовавшие этническому единению казахов. Идеологическая установка, гласящая, что «история Казахстана в XX веке – это во многом история столкновения национального и тоталитарного. Это история подавления национального самосознания безжалостной политической машиной» [21], не берет во внимание, что, с одной стороны, в национальной истории казахов (как и любого другого народа) было немало омерзительного и имелось множество своих «скелетов в шкафу», а с другой стороны, что именно в «тоталитарном» СССР (не будем вдаваться в проблему, насколько сам термин «тоталитаризм», привнесенный из идеологического инструментария западной советологии, применим к истории Советского Союза в целом) сделано невероятно много для того, чтобы направить казахскую нацию в лоно прогрессивного развития: возрождена казахская государственность на качественно новой и более совершенной основе, а затем повышен ее правовой статус, обеспечено не только юридическое равноправие, но и в значительной мере фактическое равенство национальностей, продолжены и многократно обогащены национальные культурные традиции, преодолевается прежняя национальная замкнутость, формируется билингвистическая культура и др. В СССР фактор этничности явился важной коннотацией всего процесса модернизации: «укрепление национального статуса стало ассоциироваться с историческим прогрессом…, формирование наций воспринималось как неизбежная и позитивная стадия в модернизации Советского Союза» [22, с. 62].

Крайне важны для воспитания культуры межэтнических отношений факты, иллюстрирующие необычайную спаянность, сплоченность советских людей в годы Великой Отечественной войны, их чувство товарищества, доходящее до самопожертвования, преданность Отчизне, готовность самоотверженно защищать общую Родину от самого бесчеловечного врага (например, знаменитый кинорежиссер и кинодраматург А.П. Довженко говорил о ступивших на украинскую землю воинах-казахах, которые припадали к ней, целовали ее и говорили: «Пришли пролить за тебя свою кровь, сестра наша»). Однако из ряда учебных изданий исчезло даже само понятие «Великая Отечественная война», участие Казахстана в войне объясняется только тем, что он «был лишен возможности осуществлять какие-либо международные контакты», а героизм казахстанцев различных национальностей в войне сведен к минимуму [16, с. 352-353]. Заявляется, что в военные годы большинство промышленных предприятий республики создано исключительно подневольным трудом – «огромным контингентом концлагерей, трудовых армий, репрессированных народов» [14, с. 254], не делается различий между образованием трудармий в годы Великой Отечественной войны и мобилизацией царизмом «инородцев» на тыловые работы в период первой мировой, империалистической, войны [1, с. 326].

Ревизуется роль освоения целины в качестве школы братства и интернационального воспитания; оно рассматривается как продолжение «колониальной политики царизма» [Там же, с. 379]. Негативно воспринимается превращение Казахстана в «лабораторию дружбы народов», характеризуемое чрезвычайно односторонне («заполонили республику переселенцами» [5, с. 432]), умалчивается роль миграции в быстром подъеме казахстанской экономики, в бурном строительстве городов, ставших центрами интенсивных межнациональных контактов, в расширении и развитии культурного потенциала республики. Минимизируется значимость шагов советского руководства в середине 50-х – начале 60-х гг. по восстановлению справедливости в отношении депортированных народов, репатриации населения в Казахстан, а нередко они просто замалчиваются.

В современной литературе всячески раздувается проблема «напряженности, годами копившейся в национальных отношениях» [1, с. 379]. Третируются и осуждаются такие принципы советской национальной политики как всестороннее развитие и сближение всех наций и народностей СССР, идея о складывании новой исторической общности – советского народа, что звучит особенно цинично и вызывающе на фоне пропаганды единой казахстанской нации. Игнорируется, что данные принципы отнюдь не требова-

ли искусственно форсировать сближение наций, не устраняли этническую многообразность, «не содержали в себе обоснования ассимиляторской политики» (С.Г. Кара-Мурза), не отрицали разнообразности культур, не стремились создать безнационального, безэтнического «homo soveticus'а», а сама советская общность определялась как многонациональный коллектив. Концепция «советского народа» не была вымученно смоделированным конструктом идеологического дискурса, а во многом констатировала объективные интегративные тенденции в развитии этносов, населявших Советский Союз, появилась в результате осмысления общественно-политических процессов, приведших к формированию советского народа как продукта длительного развития единого государства. К таким выводам пришли современные российские исследователи С.Г. Кара-Мурза, В.А. Тишков, С.В. Чешко, В.Ю. Зорин и др. Формирование интернационального сознания доказывают самоочевидные факты победы в Великой Отечественной войне, освоения целинных земель, строительства новых городов и магистралей и т.д. Способность к сотрудничеству как норма человеческих отношений, как «механизм созидания народа» закладывалась в СССР уже на ранних этапах социализации личности. Это подтвердили сравнительные исследования советских и западных школ, проводимые в 70-х гг. под руководством американского психолога У. Бронфенбреннера, подчеркнувшего, что западная школа была ориентирована на противоположный процесс – конкуренцию. Накопленный бесценный опыт сожительства народов, чувство общности, связавшее представителей разных национальностей, в значительной мере были разрушены «перестройкой» и последовавшим за ней развалом СССР, десоветизацией и декоммунизацией. Вследствие этого курса искажается сейчас и проблема функционирования казахского языка в советский период, а национально-языковая политика советского руководства считается «продолжением политики царской власти» [23, с. 493]. Отечественные авторы перещеголяли даже западные социализмоведческие теории, отдельные приверженцы которых, при всей своей идеологической зашоренности в неприятии советского опыта, все же признавали, что «Советский Союз – первая европейская держава, которая сформулировала и осуществила конструктивную политику по отношению к родным языкам азиатских народов» [24, с. 287]. Цитировавшийся ранее профессор Гарвардского университета Терри Мартин вообще полагает, что советская национальная политика 20-30-х гг. поддерживала внешние формы существования национальных меньшинств – культуру, язык, элиты, территории в гораздо большей степени, чем национального большинства – русских. Что же касается усиления роли русского языка как языка межнационального общения и тяготения казахов к его усвоению, то эти процессы являлись результатом естественно-исторического хода развития советского общества, а не были порождены «форсированной интернационализацией…

репрессивными методами», «политикой русификации» и т. п. [1, с. 376, 377].

Понятно, почему из учебников по истории Казахстана исчезает даже упоминание о референдуме 17 марта 1991 года, ведь его итоги (94,1% казахстанцев, участвовавших в референдуме, проголосовало за сохранение Союза) никак не укладываются в схему «имперски-колониального» прошлого, а свидетельствуют о явном преобладании в тогдашнем Казахстане центростремительных тенденций.

Справедливости ради надо заметить, что в казахстанской литературе встречается и честный, непредубежденный взгляд на вышеупомянутые проблемы. К примеру, Б. Ирмуханов справедливо отмечает, что «главным итогом развития Казахстана» за годы Советской власти «явилось вступление его на путь современной цивилизации, фундаментальные изменения всех сторон жизни и быта казахского народа, решающими из которых являются социально-экономические, культурные» [25, с. 119]. Однако такие резюме – лишь отдельные живительные струйки в водопаде этноцентристских кульбитов, чайная ложка меда в большой бочке ура-патриотического дегтя.

Для того чтобы реализовать дремлющий пока в истории Казахстана мощный воспитательный потенциал и направить его в нужное русло, необходимо проделать непочатый край работ: кардинально пересмотреть содержание школьных и вузовских учебных программ, учебников и учебных пособий, исключив из них все этноцентристские домысливания, приукрашивающие, приглаживающие, причесывающие, лакирующие действительность на одних этапах исторического развития и превращающие ее в «черную дыру» на других. Следует в корне пересмотреть методологические подходы, не сводить историю Казахстана – «планеты ста языков» – к истории лишь казахского этноса, усилить компонент многонациональности в содержании учебного материала курса, как в школе, так и в вузе. В случае изыскания соответствующих возможностей представляется целесообразным введение в вузах элективного курса под условным названием «История межэтнических отношений в Казахстане». Ниже прилагается предлагаемые автором примерная структура и содержание программы данного спецкурса.

Блок 1. Формирование полиэтнического и мультикультурного состава населения Казахстана в дореволюционную эпоху.

1. Этническая история казахского народа. Исторические предпосылки и этапы этногенеза казахов. Этноним «казах».

2. Казахские жузы: этнический состав, география расселения и численность.

3. Военно-казачья и крестьянская колонизация территории Казахстана в XVIII – середине XIX вв.

4. Формирование татарской, немецкой, польской и других диаспор.

5. Миграция уйгуров и дунган в Семиречье.

6. Переселенчество как составная часть аграрной политики царизма во второй половине XIX – начале XX вв. Массовое переселение славянского и немецкого крестьянства в ходе осуществления столыпинской аграрной реформы.

7. Влияние первой мировой войны и восстания 1916 года на этнодемографическую ситуацию в крае. Этническая структура населения Казахстана и межэтнические отношения в крае накануне Октябрьской революции 1917 года.

Блок 2. Этнодемографические процессы и межнациональные отношения в советский период.

8. Первые декреты Советской власти по национальному вопросу, их значение. Образование Туркестанской АССР и Киргизской (Казахской) АССР. Влияние на этнодемографическую ситуацию гражданской войны и голода 1921-1922 гг. Национальная политика Советского государства в 20-е годы. Повышение статуса казахского языка. Политика коренизации и ее результаты. Национально-государственное размежевание Средней Азии 1924 года и завершение объединения казахского народа в составе одной республики.

9. Этнодемографическая ситуация в 30-е годы, влияние на нее индустриализации, коллективизации, голода 1931-1933 годов и политических репрессий. Национальная политика и межэтнические отношения в СССР в 30-е годы. Преобразование Казахской АССР в союзную республику. Депортация народов в Казахстан в предвоенные годы.

10. Межнациональные отношения в годы Великой Отечественной войны. Интернационализм и патриотизм народа на фронте и в тылу. Эвакуация населения западных регионов СССР в Казахстан в период войны. Активизация депортации народов в Казахстан в военные годы. Положение депортированных народов.

11. Этнодемографическая ситуация в послевоенные годы. Миграционные процессы в период освоения целинных и залежных земель и послевоенного промышленного строительства, их влияние на межэтнические отношения. Реабилитация депортированных народов и ее влияние на этнодемографическую ситуацию. Репатриация населения в Казахстан во второй половине 50-х – начале 60-х годов.

12. Национальная политика Советского государства, этнодемографическая ситуация и межнациональные отношения в середине 60-х – середине 80-х годов. Целиноградские события 1979 года. Обострение межнациональных проблем в СССР в период «перестройки», их причины. Декабрьские события 1986 года в Алма-Ате. Принятие «Закона о языках» 1989 года и «Декларации о государственном суверенитете Казахской ССР» 1990 года. Референдум 17 марта 1991 года. Провал попытки подписания нового Союзного договора, его причины.

Блок 3. Межнациональные отношения и этнодемографическая ситуация в Казахстане на современном этапе.

13. Национально-языковая политика суверенного Казахстана.

14. Межнациональные отношения на современном этапе. Образование Ассамблеи народа Казахстана. Национально-культурные центры.

15. Изменения национального состава населения Казахстана и численности этносов, их причины. Миграционные процессы. Оралманы.

Роль данного спецкурса в формировании культуры межэтнических отношений может быть значительно усилена при использовании, наряду с общеисторическим, краеведческого материала, учитывающего особенности того или иного региона.

ЛИТЕРАТУРА:

1. История Казахстана с древнейших времен до наших дней (очерк). – Алматы, 1993.
2. Национальные истории на постсоветском пространстве: 10 лет спустя // http://www.airo-xxi.ru/projects_2008/natsionalnii_istorii_10let/istorii.htm
3. http://forum.pavlodar.ru/viewtopic.php
4. Артыкбаев Ж.О., Сабданбекова А.А., Байдолда М. Рассказы по истории Казахстана. Методическое руководство. – Алматы, 2006.
5. Абдакимов А. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). – Алматы, 2001.
6. Турлыгул Т., Толеубаев А., Кунапина К. История древнего Казахстана. – Алматы, 2002.
7. Иллюстрированная история Казахстана с древнейших времен до наших дней в 4-х т. – Алматы, 2004. – Т. 1.
8. Алаев Л.Б. Смутная теория и спорная практика: о новейших цивилизационных подходах к Востоку и к России // Историческая психология и социология истории. – 2008. – № 2 //http://www.socionauki.ru/journal/articles/129681/
9. Рахметова Г. Ак суйек – отцы казахской демократии. Меруерт Абусеитова // http://www.stihi.ru/diary/tashpek/2012-10-13
10. Наурзбаева З. Культура кочевников и современный менталитет казахов // http://www.otuken.kz/index.php/skpubl/53?task=view
11. Ерофеева И.В. Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик. – Алматы, 1999.
12. Вяткин М.П. Батыр Срым. – Алматы, 1998.
13. Кенжеахметулы С. Казахские народные традиции и обряды. – Алматы, 2000.
14. Артыкбаев Ж.О. История Казахстана. – Костанай, 2007.
15. Берденова К.А. и др. Экономическая история Казахстана (с тестовыми заданиями). – Алматы, 2001.
16. Кузембайулы А., Абиль Е. История Республики Казахстан. – Алматы, 1998.
17. Шаймерденова М.Д. История Казахстана с древнейших времен до середины XX века. – Алматы, 1999.

18. Неру Дж. Взгляд на всемирную историю. – М., 1981. Т. 3.
19. Абиль Е. История государства и права Республики Казахстан (с древнейших времен до 1992 года). – Астана, 2001.
20. Асанова С. Возрождение традиционных обрядов в современном Казахстане // http://panasia.ru/main/kazakhstan/culture
21. Кадыров Б., Курпякова Н. Народ в потоке истории // http://kp.kazpravda.kz/c/1370472643
22. Мартин Т. Империя позитивного действия: Советский Союз как высшая форма империализма? // Ab imperio. Theory and History of Nationalism and Empire in the Post-Soviet Space. – Казань, 2002. – № 2.
23. История Казахстана. Энциклопедический справочник. – Алматы, 2010.
24. Wheeler G. Asian Affairs // Journal of the Royal Central Asian Society. – 1973. – V. 60. – P. III
25. Ирмуханов Б.Б. Казахстан: прошлое и настоящее. Историко-публицистические этюды. – Алматы, 2001.

Чаймарданова А.А.

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ В РЕГИОНЕ БОЛЬШОГО АЛТАЯ (НА ПРИМЕРЕ ВКО РК И СУАР КНР)

Уровень образования в обществе, в первую очередь высшего образования, всегда считался одним из важных компонентов структурного набора, играющего существенную роль, по которому определялась степень развития государства. Система высшего образования является стратегическим ресурсом политического, социального, и экономического развития государства.

Глобализационные тенденции современности наложили особый отпечаток на всю систему высшего образования, которая теперь определяется степенью интегрированности образования и науки, развитой системой международных договоров на двустороннем и многостороннем уровнях. Любое государство, стремящееся играть ключевую роль в международных отношениях пристальное внимание уделяет вопросам международного сотрудничества в данной сфере, опираясь на развитую систему договоров.

Процессы интеграции и глобализации современного мира неизменно затрагивают сферу науки и образования. Вопросы интеграции образования, науки и производства в обществе стоят довольно давно. Наука и образование как ресурс стратегических знаний в отличие, например, от невосполнимых ресурсов (нефть, газ) после его использования не убывает, потому, что в процессе производства интеллектуальный потенциал увеличивается. Экономика, основанная на знаниях, постепенно приходит на смену индустриальной

экономике, базирующейся на использовании исчерпаемых природных ресурсов. Университеты и исследовательские лаборатории становятся источником новых научных достижений, которые находят спрос промышленных предприятий.

В настоящее время в промышленно развитых странах Запада при оценке состояния и перспектив развития экономики появились новые термины – «высокотехнологичная цивилизация», «информационное общество», «общество знаний», «инновационная экономика», «экономика знаний».

Среди них, несмотря на некоторую нечеткость этих понятий, термины «инновационная экономика» и «экономика знаний», как синонимы, становятся все более заметными и устойчивыми. Они несут в себе главный признак нового этапа развития экономики - основным неисчерпаемым фактором производства становится новое знание.

В экономику стали включаться кроме самих технологий и весь механизм производства знаний. Это не только экономика материального производства, но и фундаментальные и прикладные научные исследования, система коммуникаций и патентная система, система образования, прежде всего высшего, обеспечивающая готовность работать с этими технологиями – весь этот огромный комплекс.

Президент в своем Послании к народу Казахстана «Казахстан-2030» отмечает «Процесс глобализации и научно-технического прогресса, особенно в развитии новых информационных и телекоммуникационных технологий представляет уникальные возможности для нашей большой, но малонаселенной страны …крайне важно понимать эти технологии, добиваться их полной интеграции в наше общество, поддерживать научно-технические кадры» [1].

Говоря о долгосрочных приоритетах развития экономики, в Послании поддерживается необходимость формирования индустриальной технологической стратегии для Казахстана, в основе которой рост доли перерабатывающих производств, и, прежде всего – наукоемких. Казахстан в плане научного сотрудничества сотрудничает с близлежащими соседними государствами, как Китай, Россия.

Китайская Народная Республика одной из первых признала независимость Республики Казахстан. Дипломатические отношения между двумя странами были установлены 3 января 1992 года. Стороны обозначили обоюдное стремление к построению добрососедских отношений на основе взаимного уважения суверенитета, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела, равенства и взаимной выгоды и выразили готовность к развитию полномасштабного диалога по всем аспектам взаимоотношений [2].

Современный этап сотрудничества между Казахстаном и Китаем ха-

рактеризуется установлением отношений стратегического партнерства.

Как отметил президент нашей республики Н. Назарбаев в выступлений в Евразийском университете: «Казахстанско-китайские отношения сейчас вступили в новый этап развития. Казахстан является крупным региональным соседом КНР, оказывающим значительное влияние на ситуацию в приграничных с Китаем районах. Китай и Казахстан имеют общие горы и реки, а наша дружба – глубокие корни. Доказательством этому является договор о добрососедстве между РК и КНР. Развитие добрососедских отношений с Китаем является одним из ключевых моментов внешней политики нашего государства.

С начала установления дипломатических отношений Казахстан и Китай приняли значительный пакет документов, всесторонне углубляющие двустороннее сотрудничество, в том числе в области научно-технической и культурно-гуманитарной сферах» [3].

С развитием отношений между РК и КНР постепенно расширяется и углубляется сотрудничество в области образования. Особую роль в углублении и расширении данного вида сотрудничества играет Подкомитет сотрудничества в области образования, который был создан в рамках Комитета сотрудничества между двумя странами [4].

На протяжении многих лет двустороннее сотрудничество РК и КНР в области образования осуществляется на основании Соглашения между Министерством образования и науки РК и Министерством образования КНР от 03 июня 2003 года, а также в рамках Соглашения между правительствами государств-членов ШОС о сотрудничестве в области образования от 15 июня 2006 года. В рамках Соглашения с КНР ежегодно осуществляется обмен студентами.

Сотрудничество между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой в области образования и науки осуществляется на основании межгосударственных, межправительственных и межведомственных договоров. И Казахстаном и Китаем разработаны стратегические документы которые предназначены регулировать отношения между государствами, при этом большое значение отводится к приграничным отношениям в частности ВКО и СУАР КНР. Большое внимание при этом уделяется вопросам развития приграничного сотрудничества, которое вмещает в себя кроме всего прочего обмен опытом, обучение, продвижение фирм, организацию выставок и ярмарок, обмен экономической информацией, культурное сотрудничество соседними странами.

Размеры приграничного района определяются двумя рассматриваемыми фактами: граница как физическое понятие и приграничный регион как тер¬ритория новых договорных отношений. Одним из ключевых приоритетных направлений в последним посланий президента РК является развитие

современного образования и передовой науки. Суть в том, что нации конкурируют не только товарами и услугами – они конкурируют системами общественных ценностей и системой образования. Наука, Образование и новые технологии стали ключевыми факторами конкурентоспособности.

Так как, научно-техническое сотрудничество между Казахстаном и Китаем обладает значительным потенциалом, стороны продолжают активное развитие взаимовыгодного сотрудничества в области науки и техники, особенно в сфере высоких технологий. Китайская сторона приветствует участие казахстанской стороны в различных курсах в научно-технической сфере, проводимых китайской стороной.

МОН РК разработан проект Меморандума о взаимопонимании и сотрудничестве между Всекитайской молодежной федерацией и Объединением юридических лиц в форме ассоциации «Конгресс молодежи Казахстана» в области молодежной политики и направлен на согласование китайской стороне. Научно-техническое сотрудничество с КНР осуществляется на основании межправительственного соглашения от 30 декабря 1994 года.

Научно-исследовательские организации и предприятия наших стран активно сотрудничают в области энергосберегающих нано- и биотехнологий, новых материалов и химии, IT-сферы и автоматизации, коммуникаций и транспорта, природных ресурсов и охраны окружающей среды, а также космоса и сейсмологии. В течение 2005-2007 гг. при активном участии государства проведена работа по созданию предпосылок и благоприятных условий для развития инновационной сферы. В частности, были определены приоритеты научно-технологического развития. Начала работать система предоставления финансирования разных стадий инновационных проектов – 21 проект, была создана система венчурного финансирования с участием отечественного капитала – 6, а также зарубежного капитала 6 венчурных фондов – итого 12 венчурных фондов. Создана и получила развитие инновационная бизнес-среда, началась реализация системных инновационных проектов, формирующих ядро кластеров, требующих концентрации государственных ресурсов под эгидой АО «ФУР Казына» с активным участием Национального инновационного фонда и других национальных институтов развития. Созданы и начали функционировать основные элементы инновационной инфраструктуры: национальный технологический Парк информационных технологий «Alatau IT city», 4 региональных технопарка , 6 технологических бизнес-инкубатора при крупных технологических университетах и технопарках, создается и совершенствуется нормативно-правовая база для развития научно-технической и инновационной деятельности, приобретены 4 зарубежных компании [5].

В соответствии со Стратегией индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2003-2015 гг. в Восточно-Казахстанской

области разработана и утверждена Региональная программа индустриально-инновационного развития на 2004-2015 годы. Целью данной программы является достижение устойчивого развития региона путем диверсификации отраслей экономики, поэтапное замещение части сырьевой составляющей в валовом региональном продукте на высокотехнологичную конкурентоспособную продукцию с высокой добавленной стоимостью.

Начиная с 1998 года, между ВКО и СУАР КНР подписан значительный пакет документов, меморандумов и протоколов встреч, в которых охвачены все сферы приграничной деятельности. Законодательные органы государственной власти Алтайского края, Республики Алтай, Баян-Ульгийского и Ховдского аймаков Монголии, Восточно-Казахстанской области, а также уполномоченной китайской стороной орган в лице Управления по науке и технике СУАР в апреле 2003г. подписали Соглашения о создании Международного координационного совета «Наш общий дом – Алтай», главными направлениями деятельности которого являются: определение наиболее актуальных проблем, требующих для своего решения совместной работы государственных органов, научных и общественных организаций; содействие подготовке и проведению международных, региональных конференций, семинаров и рабочих совещаний.

Центр наук о земле, металлургии и обогащения РК совместно с Синьцзянским научно-исследовательским институтом цветных металлов СУАР КНР реализует проект «Разработка технологии прямого биовыщелачивания благородных и редких металлов из руд казахстанских месторождений» [6]. Особо следует отметить деятельность университетов приграничных регионов РК и КНР, в частности Восточно-Казахстанский государственный университет (ВКГУ) и Синьцзяньский институт Филологии. Первые договоры ВКГУ заключил со Всекитайским авиационным объединением по экспорту и импорту товаров народного потребления с синьцзяньским центром анализа и испытаний (г. Урумчи), обществом переводчиков иностранных языков (СУАР КНР). В ВКГУ прибыли первые китайские стажеры – на химический факультет (из центра анализа и испытаний и двух других организаций) – обучаться русскому языку. В сентябре 1992 г. первые 20 китайских стажеров, обучающихся русскому языку с применением интенсивных методик завершили обучение в ВКГУ и возвратились в Китай. В 1992-1993 учебном году прибыли уже 30 стажеров и 8 студентов из Китая. За 1992 год университетом было принято 6 делегаций из КНР, а 9 представителей университета побывали за рубежом.

В 2004 году в соответствии с Резолюцией Международного Координационного Совета «Наш общий дом – Алтай» по правовым аспектам сотрудничества сопредельных территорий Алтайского региона (Казахстан, Китай, Монголия, Россия). ВКГУ им. С. Аманжолова и Управление науки и техники

Алтайского округа СУАР КНР заключили договоры о проведений совместных мероприятий по организаций и проведению Летнего лагеря науки и техники студентов ВКГУ и студентов из СУАР.

В 2005 году ВКГУ им. С. Аманжолова и Синьцзяньский Университет (Институт Филологий) СУАР КНР заключили договор о сотрудничестве. Стороны договорились проводить совместные мероприятия по организации и проведению языковой стажировки студентов.

Таким образом, следует отметить, что по сравнению с экономически развитыми странами условия для развития инновационной деятельности в Казахстане имеют принципиальные отличия. В частности, в республике инновационная деятельность в основном осуществляется на основе привлечения прямых иностранных инвестиций.

В Казахстане научно-техническая сфера до настоящего времени не стала базовым элементом социально-экономического развития общества. С целью реализации стратегических направлений научно-технологического развития необходимо откорректировать приоритетные направления развития отечественной науки и техники, выявить причины и факторы, сдерживающие их развитие, определить реальные механизмы по их разрешению.

С целью завершения и продвижения на рынок наиболее перспективных разработок, необходимо сформировать сеть государственных и негосударственных региональных инновационных фондов и центров, шире привлекать для этих целей внебюджетные средства.

В республике не достаточно налажена система подготовки кадров для инновационной сферы. Основными причинами этого являются – значительное ослабление связи системы высшего образования с прикладной наукой и производством, отсутствие отечественных учебных программ, учебников и учебных пособий по инноватике, соответствующих государственных стандартов образования.

В связи с этим, необходима государственная поддержка и приоритетная подготовка научных кадров для отраслей наук, имеющих первостепенное значение для преодоления технологического отставания и структурной перестройки казахстанской экономики.

Необходимо создать реальные условия для интеграции вузов страны с научно-исследовательскими институтами и научными центрами с учетом кадрового потенциала, материально-технической базы, потребностей инновационного развития и создание, на ее основе, научно-образовательных комплексов по приоритетным направлениям научных исследований.

С целью подготовки специалистов для инновационной сферы следует разработать комплексную образовательную программу, ориентированную на подготовку менеджеров по реализации инновационных проектов, инженерно-технических специалистов для инновационных предприятий, а также

переподготовку специалистов, как на базе ведущих университетов республики, так и в Академии государственной службы при Президенте Республики Казахстан.

Перспективные направления сотрудничества приграничных регионов ВКО и СУАР в сфере образования и науки должны базироваться в первую очередь на инновационной составляющей. Однако столь стремительному развитию мешает несовершенство законодательной базы в разрезе приграничного сотрудничества. Необходима гармонизация работы администраций приграничных регионов, при этом пристальное внимание следует уделить созданию свободной экономической зоны на приграничных территориях ВКО и СУАР. Именно в рамках указанных свободных экономических зон будут разрабатываться прорывные научные проекты при участии двух государств.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Мажаров И.В. Научно-техническая программа КНР: взгляд в будущее // http://www.chinadata.khv.ru/scit_ma.htm
2. Адырбеков И. Казахстан и Китай отмечают 20-летие установления дипломатических отношений / http://i-news.kz/news/2012/01/05/
3. К экономике знаний – через инновации и образование // http://www.akorda.kz
4. Казахстанско-китайские отношения: единство и борьба интересов // easttime.ru.
5. Искалиев М. Казахстан в системе международных экономических отношений // Analytic. – 2006. - №1. – С. 31-34., с. 32.
6. Соглашение о научно-техническом сотрудничестве между КНР и РК, 1998 г. // Министерство иностранных дел Казахстана // http: //mfa.kz.

Чернышов О.В.

ОСНОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ РК И АЛТАЙСКОГО КРАЯ РФ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В широком спектре внешнеполитических интересов Республики Казахстан особое место занимает участие в интеграционных процессах в рамках СНГ. Углубление сотрудничества между странами максимально актуализирует проблему функционирования приграничного пространства, в том числе между Восточно-Казахстанской областью РК и Алтайским краем РФ.

Приграничное пространство – особая территория, образ мышления населения которой в определенной степени отличается от образа мышления населения центральных регионов государств. Определяющим фактором является то, что жители приграничных территорий находятся под влиянием как минимум двух государств – того, в котором проживают, и того, с которым граничат. В результате идет постоянное сравнение, оценка динамики развития приграничных регионов, что в значительной мере определяет идентичность населения, степень лояльности к власти, экономическое и миграционное поведение.

В силу вышеназванных особенностей, в приграничном пространстве кроется более значительный, чем в центральных регионах, как позитивный, так и конфликтный потенциал. Продуцирование позитивного потенциала зависит, в основном, от результатов совместной деятельности исполнительной и представительной власти сопредельных территорий на макроуровне (решение, в первую очередь, вопросов экономического характера).

Конфликтный потенциал формируется, преимущественно, на микроуровне среди населения (территориальные споры, этнодемографические проблемы, исторические обиды, реанимация исторических событий в связи с меняющейся политической ситуацией и т. д.). При этом, высока вероятность кардинальных отличий в оценке тех или иных явлений по разную сторону границ.

Потенциальные и реальные конфликтные ситуации редко проявляются через призму какого-то одного фактора, являясь сочетанием нескольких вариантов напрямую, на первый взгляд, не имеющих отношения к проблеме. Вследствие этого, развитие диалога между населением приграничных регионов и принятие адекватных мер со стороны представителей власти позволит провести интеграцию с максимальным проявлением позитивного потенциала и минимальным – конфликтного.

Для создания и поддержания стабильной общественно-политической ситуации важны исследования в этой сфере и их своевременный анализ. Опыт такой работы имеется и у специалистов Восточно-Казахстанской области РК и Алтайского края РФ, но его обобщение и совместная деятельность еще недостаточно развиты.

Основной целью данной работы является показать возможные основы и перспективы дальнейшей региональной интеграции Восточно-Казахстанской области РК и Алтайского края РФ.

Исторические корни тесного взаимодействия Восточно-Казахстанской области и Алтайского края являются прочным основанием к успешной интеграции. В немалой степени этому способствовали административно-территориальные преобразования, происходившие в период существования Российской Империи и СССР. Так, в конце 60-х гг. XIX в., современные территории Казахстана входили в состав Туркестанского, Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств, с. 1882 г. – Западно-Сибирского

и Туркестанского. Семипалатинская область относилась к Западно-Сибирскому (Степному) генерал-губернаторству. По положению 1868 г., область делилась на Семипалатинский, Павлодарский, Каркаралинский, Кокпектинский уезды, а Зайсанский край составлял особое приставство. В 1869 г. территории Кокпектинского уезда и Зайсанского приставства были переделены. В результате, образовался новый, Усть-Каменогорский уезд с центром в г. Усть-Каменогорск. В 1883 г. Зайсанское приставство также было преобразовано в уезд.

В июле 1921 г. постановлением ВЦИК из Алтайского округа Томской губернии в состав КАССР была передана большая и плотно заселенная территория. На правах уезда в состав области вошел Бухтарминский район. В Семипалатинский уезд вошли 10 волостей, в Усть-Каменогорский – 9. В настоящее время, это часть территории Бородулихинского, Шемонаихинского, Глубоковского, Зыряновского, Катон-Карагайского районов. Часть г. Усть-Каменогорск (Верхняя пристань) также входила в состав Томской губернии.

Вторая сессия КазВЦИК в феврале 1932 г. установила, что на территории Казахстана создаются 6 областей: Алма-Атинская, Актюбинская, Карагандинская, Восточно-Казахстанская (вместе с Семипалатинским регионом), Западно-Казахстанская, Южно-Казахстанская.

В 1934 г. из районов, переданных из Восточно-Казахстанской, Карагандинской и Алма-Атинской областей, образован Каркаралинский округ. В 1936 г. он был ликвидирован и вошел в состав Карагандинской области.

В 1938 г., наряду с другими, были образованы Восточно-Казахстанская и Семипалатинская области, объединенные в 1997 г. с центром в г. Усть-Каменогорск. [1, С. 9-16]

Таким образом, частые изменения административных границ на территории Восточно-Казахстанской области РК и Алтайского края РФ в течение последних полутора веков способствовали углублению развития взаимосвязей между регионами в политической, торгово-экономической и духовно-нравственной сферах.

Нахождение регионов в составе одного государства (Российская империя, а затем СССР) обусловило развитие не конкурирующих между собой экономик, что также способствует дальнейшей интеграции: ВКО – индустриальный центр, работающий на экспорт, Алтайский край – аграрно-индустриальный регион, работающий, в основном, на внутренний рынок РФ. Следовательно, регионы серьезно не конкурируют друг с другом, так как производят в значительной мере разную продукцию, что предполагает активный торговый обмен.

В плане демографического развития можно отметить, что для Восточно-Казахстанской области РК, как и для Алтайского края РФ, одной из актуальных проблем является отток населения. Для ВКО это отрицательное сальдо межобластной внутригосударственной миграции и межгосударственной; для Алтайского края – отрицательное сальдо межрегиональной внутригосударственной миграции. Причем положительное сальдо межгосударственной миграции для Алтайского края на 40,4% обеспечивается за счет эмигрантов из Казахстана [2, с. 186].

Таблица 1.

Сальдо миграции населения Восточно-Казахстанской области РК и Алтайского края РФ, 2013 г.

Восточно-Казахстанская область РК	Алтайский край РФ
Всего -51,7 человек на 10 тыс.человек населения	Всего -26,8 человек на 10 тыс.человек населения
Межобластная внутригосударственная миграция -35,9 человек на 10 тыс.человек населения	Межрегиональная внутригосударственная миграция -49,4 человек на 10 тыс.человек населения
Межгосударственная миграция -15,8человек на 10 тыс.человек населения	Межгосударственная миграция +22,6 человек на 10 тыс.человек населения

Сведения по Алтайскому краю РФ – Социально-экономическое положение Алтайского края. 2013 год. Стат. докл./Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Б., 2014. – 204 с. – С. 185;

Сведения по Восточно-Казахстанской области – рассчитано по данным Департамента статистики Восточно-Казахстанской области Агентства Республики Казахстан по статистике: Экспресс-информация – 10-39/404, 11 мая 2014 г.; Бюллетень «Миграция населения Восточно-Казахстанской области. Демография. 14 серия». – 10-36/351, 23 апреля 2013 г. – 20 с. – 6 с.

Анализ материалов социологических исследований, проведенных в 2013 г. в Восточно-Казахстанской области РК ТОО «Институт анализа и прогнозирования ВКО» и в Алтайском крае РФ профессорско-преподавательским составом Алтайского государственного университета, выявил, что:

- Рейтинг проблем, волнующих население Восточного Казахстана и Алтайского края имеет много общего: социально-экономические проблемы, проблемы злоупотреблений представителей государственных органов и экологии. Исключение составляют проблемы преступности, одиночества и

заброшенности, равенства по полу и возрасту, политическим убеждениям, религиозной и этнической принадлежности, входящие в рейтинг наиболее актуальных проблем в Алтайском крае, и низкое качество медицинского обслуживания, коммунальные проблемы, проблемы молодежи и миграции в Восточном Казахстане.

Таблица 2.

Рейтинг актуальных проблем, волнующих население на основании социологических исследований, 2013 г.

Восточно-Казахстанская область РК	Алтайский край РФ
1. Низкое качество медицинского обслуживания	1. Проблемы бедности
2. Рост цен на товары и продукты первой необходимости	2. Преступность
3. Коррупция, злоупотребление в органах власти	3. Экологические угрозы
4. Низкий уровень доходов населения (низкая заработная плата, пенсии, пособия и т.д.)	4. Проблема произвола чиновников и правоохранительных органов
5. Состояние экологии, загрязнение окружающей среды	5. Проблемы одиночества и заброшенности
6. Коммунальные проблемы (высокие тарифы, перебои с электричеством, газом, водоснабжением)	6. Притеснения из-за возраста или пола
7. Трудно устроиться на работу по специальности и за достойную зарплату	7. Преследования за политические убеждения
8. Проблемы молодежи (трудоустройство, образование, досуг и т.д.)	8. Религиозные проблемы
9. Люди уезжают из моего населенного пункта	9. Ущемления по национальному признаку

Сведения по Алтайскому краю РФ – Колесникова О.Н., Артюхина В.А., Чуканова Т.В. Социальное самочувствие как интегральная характеристика жизнедеятельности населения региона: результаты мониторингового исследования // Вестник Алтайской науки. - №1. – 2014. – С. 115-120;

Сведения по Восточно-Казахстанской области – данные социологических исследований, проведенных ТОО «Институт анализа и прогнозирования ВКО» в 2013 г. по заказу Управления внутренней политики ВКО РК.

- Уровень социального оптимизма населения в Восточно-Казахстанской области РК равен показателям Алтайского края РФ: 39,5% опрошенных в 2013 г. в Алтайском крае полагали, что в ближайшем году будут жить лучше, 38,0% – в Восточном Казахстане [3; 4]

Контент-анализ СМИ по проблемам социального самочувствия и безопасности населения Восточно-Казахстанской области и Алтайского края за 2013 г. (ВКО – n=1249; Алтайский край – n=988) показал совпадение наиболее часто поднимаемых журналистами проблем. В ходе исследования были проанализированы следующие материалы:

- Восточно-Казахстанская область: республиканские печатные издания – 25; областные и городские печатные издания – 16; районные средства массовой информации – 30; республиканские электронные СМИ – 8; областные электронные СМИ – 4 (ТОО «Институт анализа и прогнозирования ВКО»);

- Алтайский край: краевые газеты «Алтайская правда», «Свободный курс»; региональные приложения к федеральной прессе «Аргументы и факты Алтай», «Комсомольская правда на Алтае» (Алтайский государственный университет).

Из общего числа проанализированных статей большая часть посвящена проблемам в социальной сфере (ВКО – 54%; Алтайский край – 43%), таким, как ЖКХ, качество здравоохранения и образования, низкий уровень жизни населения. Отличия состоят в том, что в СМИ ВКО РК также часто поднимаются такие проблемы, как вопросы пассажирского транспорта и автоперевозок, перебои электричества и проблемы инвалидов, а в Алтайском крае РФ – нелегальная миграция и преступность, а также социально обусловленные заболевания: алкоголизм и наркомания.

Таблица 3.

Рейтинг проблем, освещаемых в периодических изданиях в социальной сфере, 2013 г.

Восточно-Казахстанская область РК	Алтайский край РФ
1. Сфера ЖКХ (47,8%) и жилищные проблемы населения (9,3%)	1. Качество здравоохранения и образования (39,4%)
2. Качество здравоохранения (15,1%) и организация питания в школах, некачественное строительство объектов, качество дошкольного образования (6,6%)	2. Нелегальная миграция и преступность (22,7%)

3. Вопросы автоперевозок, качества обслуживания, повышения проезда, отсутствия льгот (8,9%)	3. Жилищные проблемы населения и трудности в функционировании сферы ЖКХ (24,7%)
4. Частые перебои электричества, устаревшие сети подняты (4,1%)	4. Публикации, освящающие социально обусловленные заболевания: алкоголизм, наркомания (9,8%)
5. Низкий уровень жизни населения региона (3,0%)	5. Низкий уровень жизни населения региона (3,7%)
6. Проблемы инвалидов (2,2% соответственно)	-

Сведения по Алтайскому краю РФ – Колесникова О.Н., Артюхина В.А., Чуканова Т.В. Социальное самочувствие как интегральная характеристика жизнедеятельности населения региона: результаты мониторингового исследования // Вестник Алтайской науки. - №1. – 2014. – С. 115-120;

Сведения по Восточно-Казахстанской области – результаты контент-анализа СМИ, проведенного ТОО «Институт анализа и прогнозирования ВКО» в 2013 г.

Абсолютно идентичные проблемы, освещаемые в СМИ ВКО РК (14%) и Алтайском крае РФ (20%) в сфере политики – это неэффективная работа органов государственной власти, коррупция, бюрократизм и неэффективность законодательной базы.

Таблица 4.

Рейтинг проблем, освещаемых в периодических изданиях в политической сфере, 2013 г.

Восточно-Казахстанская область РК	Алтайский край РФ
1. Неэффективная работа органов государственной власти (53,9%)	1. Неэффективная работа органов государственной власти (38,9%)
2. Проблема коррупции (21,1%)	2. Проблема коррупции (30,5%)
3. Бюрократизма (12,8%)	3. Неэффективность законодательной базы (28,1%)
4. Неэффективность законодательной базы, некачественное исполнение государственных программ (12,2%)	4. Бюрократизм (2,4%)

Сведения по Алтайскому краю РФ – Колесникова О.Н., Артюхина В.А., Чуканова Т.В. Социальное самочувствие как интегральная характеристика жизнедеятельности населения региона: результаты мониторингового исследования // Вестник Алтайской науки. - №1. – 2014. – С. 115-120;

Сведения по Восточно-Казахстанской области – результаты контент-анализа СМИ, проведенного ТОО «Институт анализа и прогнозирования ВКО» в 2013 г.

В экономической сфере предметом рассмотрения 12% материалов СМИ в Восточно-Казахстанской области РК и 17% в Алтайском крае РФ являются проблемы развития малого бизнеса, агропромышленного комплекса, рост цен и безработица. В ВКО РК также часто в СМИ публикуются материалы по вопросу повышения пенсионного возраста, а также задержке и невыплате заработной платы; в Алтайском крае РФ – об упадке экономики.

Таблица 5.

Рейтинг проблем, освещаемых в периодических изданиях в экономической сфере, 2013 г.

Восточно-Казахстанская область РК	Алтайский край РФ
1. Повышение пенсионного возраста женщин (30,3%)	1. Проблемы агропромышленного комплекса (37,1%).
2. Проблемы в сфере развития малого бизнеса (23,7%)	2. Проблемы в сфере развития малого бизнеса (22%)
3. Проблемы роста цен (19%)	3. Проблемы роста цен (21,2%)
4. Проблемы агропромышленного комплекса (13,8%)	4. Упадок экономики (16,5%)
5. Задержка и невыплата заработной платы (7,9%)	5. Безработица (3,2%)
6. Безработица (5,3%)	-

Сведения по Алтайскому краю РФ – Колесникова О.Н., Артюхина В.А., Чуканова Т.В. Социальное самочувствие как интегральная характеристика жизнедеятельности населения региона: результаты мониторингового исследования // Вестник Алтайской науки. - №1. – 2014. – С. 115-120;

Сведения по Восточно-Казахстанской области – результаты контент-анализа СМИ, проведенного ТОО «Институт анализа и прогнозирования ВКО» в 2013 г.

В сфере духовно-нравственной жизни общества для журналистов Восточно-Казахстанской области РК (10%) и Алтайского края РФ (13%) актуальны проблемы искусства и культуры, падения нравственности, трудности патриотического воспитания и вопросы религии. Кроме того, в материалах СМИ ВКО также часто встречаются материалы по развитию спорта и языков.

Таблица 6.

Рейтинг проблем, освещаемых в периодических изданиях в духовно-нравственной сфере, 2013 г.

Восточно-Казахстанская область РК	Алтайский край РФ
1. Проблемы искусства и культуры (33,3%)	1. Проблемы искусства и культуры (67,4%)
2. Проблемы падения нравственности (23,3%)	2. Трудности патриотического воспитания (11,4%)
3. Проблемы в сфере спорта (16,3%),	3. Проблемы падения нравственности (10,6%)
4. Проблемы развития языков, грамматических ошибок (13,2%)	4. Религиозные проблемы (10,5%)
5. Религиозные проблемы (4,6%)	-
6. Трудности патриотического воспитания (3,1%)	-

Сведения по Алтайскому краю РФ – Колесникова О.Н., Артюхина В.А., Чуканова Т.В. Социальное самочувствие как интегральная характеристика жизнедеятельности населения региона: результаты мониторингового исследования // Вестник Алтайской науки. - №1. – 2014. – С. 115-120;

Сведения по Восточно-Казахстанской области – результаты контент-анализа СМИ, проведенного ТОО «Институт анализа и прогнозирования ВКО» в 2013 г.

В связи с актуальностью экологических проблем как для Восточно-Казахстанской области РК, так и для Алтайского края РФ в СМИ (9,1% и 7% соответственно) часто встречаются материалы о незаконной вырубке лесов, расхищении природных богатств. Для ВКО РК также актуальна проблема выбросов с крупных металлургических предприятий, а для Алтайского края РФ – в целом, проблемы загрязнения окружающей среды и лесных пожаров.

Таблица 7.

Рейтинг проблем, освещаемых в периодических изданиях по проблемам экологии, 2013 г.

Восточно-Казахстанская область РК	Алтайский край РФ
1. Проблемы выбросов с крупных металлургических предприятий (82,3%)	1. Проблемы загрязнения окружающей среды (67,2%).
2. Проблема незаконной вырубки лесов (6,2%)	2. Проблема незаконной вырубки лесов (25,2%)
3. Проблемы расхищения природных богатств (3,5%)	3. Проблемы расхищения природных богатств (7%)
-	4. Проблемы лесных пожаров (0,7%)

Сведения по Алтайскому краю РФ – Колесникова О.Н., Артюхина В.А., Чуканова Т.В. Социальное самочувствие как интегральная характеристика жизнедеятельности населения региона: результаты мониторингового исследования // Вестник Алтайской науки. - №1. – 2014. – С. 115-120;

Сведения по Восточно-Казахстанской области – результаты контент-анализа СМИ, проведенного ТОО «Институт анализа и прогнозирования ВКО» в 2013 г.

Следовательно, градация проблем внутри обозначенных приоритетных сфер (вопросов), актуальных для населения и освещаемых в СМИ, идентична для ВКО РК и Алтайского края РФ, некоторые отличия не столь значительны и связанны с особенностями социального и экономического развития регионов.

Таким образом, основы приграничного сотрудничества и региональной интеграции Восточно-Казахстанской области РК и Алтайского края РФ лежат, прежде всего, в глубоких исторических корнях тесного политического взаимодействия, во взаимовыгодном торгово-экономическом сотрудничестве, а также в сходстве базовых характеристик социального самочувствия населения. Перспективы сотрудничества зависят как от результатов совместной деятельности исполнительной и представительной власти, так и от реализации возможностей развития диалога между населением регионов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексеенко Н.В., Алексеенко А.Н. Население Казахстана за 100 лет (1897-1997 гг.).

Усть-Каменогорск, 1999. – С. 9-16.
2. Социально-экономическое положение Алтайского края. 2013 год. Стат. докл. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Б., 2014. – 204 с.
3. Колесникова О.Н., Артюхина В.А., Чуканова Т.В. Социальное самочувствие как интегральная характеристика жизнедеятельности населения региона: результаты мониторингового исследования // Вестник Алтайской науки. - №1. – 2014. – С. 115-120.
4. Данные социологических исследований, проведенных ТОО «Институт анализа и прогнозирования ВКО» в 2013 г. по заказу Управления внутренней политики ВКО РК.

Чуканова Т.В.

САМОАКТУАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ И СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ МОЛОДЕЖИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ[1]

Значительные социально-экономические и политические изменения, происходящие в современном российском обществе, создают качественно новые экономические условия жизнедеятельности, формируют принципиально новые социальные отношения. Эти трансформации отражаются в изменении организации жизнедеятельности, мировоззрения, поведения, потребления, деловой активности, качества жизни как общества в целом, социальных групп, его составляющих, так и отдельных людей. Субъективное восприятие благополучия отражает эти изменения и является, с одной стороны, серьезным показателем экономического развития страны, с другой – фактором, контролирующим экономическое поведение человека. На переживание благополучия или неблагополучия влияют различные стороны бытия человека, его отношение к себе и окружающему миру. Его многочисленные составляющие тесно взаимосвязаны меду собой и влияют друг на друга. Как научная категория «благополучие» обладает рядом особенностей.

Во-первых, очевидны объективная и субъективная стороны благополучия и представления о нем. Причем объективные критерии (степень удовлетворения потребностей, уровень благосостояния, показатели здоровья, социальные, психологические и другие возможности развития) и субъективные, т.е. индивидуальные оценки людьми и социальными группами как собственного благополучия, так и его объективных индикаторов могут не совпадать, или прямо противоречить друг другу.

Во-вторых, понятие «благополучие» тесно связано с другими категориями («счастье», «благосостояние», «уровень жизни», «успешность»), включено в более общие категории («качество жизни», «удовлетворенность жизнью»). В то же время это понятие само по себе широкое, многогранное (материальное, экономическое, психологическое, экзистенциональное, духовное благополучие).

1. Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно исследовательского проекта по теме «Мониторинг социального самочувствия и безопасность населения Алтайского края», проект №13-13-22005

В-третьих, категория благополучия, отражая реальную жизнь людей, не может не меняться одновременно с развитием общества.

Самое общее определение предложил Е. Дайнер. По его мнению, субъективное благополучие отражает оценку человеком своей жизни и включает в себя счастье, положительные эмоции, удовлетворенность жизнью и относительное отсутствие негативных эмоций и настроений. Им выделены различные уровни оценки жизни: уровень общей удовлетворенности жизнью, уровень удовлетворенности отдельными сферами жизни (браком, учебой, работой) и уровень эмоциональной уравновешенности (качество и частота испытываемых человеком эмоциональных состояний). Е. Дайнером была дана двухкомпонентная структура благополучия, определены когнитивная и эмоциональная составляющие. Причем отмечается, что несмотря на их взаимосвязь, они не имеют прямой зависимости в субъективных переживаниях и являются независимыми компонентами благополучия [1]. Качество жизни может быть оценено объективно, как степень удовлетворения нормативных потребностей соответствия определенным критериям, или субъективно, через личные оценки и мнения самих субъектов. Понимание взаимосвязи субъективных и объективных характеристик благополучия необходимо для решения практических задач оптимизации экономических отношений в обществе, повышения качества жизни людей, усиления деловой актуальности и гармонизации экономического поведения.

Важным феноменом, влияющим на субъективное переживание благополучия является способность человека к самоактуализации, характеризующей определенный уровень его развития. По мнению А. Маслоу при оценке здоровых самоактуализирующихся людей замечена постепенная, но неуклонная замена отчетливо нормативных и откровенно личных оценок на всё более объективные понятия относительного характера [2]. Самоактуализрующиеся личности наделены особой убежденностью и не склонны поддаваться чужому влиянию, они обладают выраженной способностью к творчеству, направлены на поиск жизненного смысла, стремятся в своем развитии обрести целостность и единство, стремятся к реализации своих потенциальных возможностей в деятельности. В этой связи актуально рассмотрение вопросов, связанных с самореализацией, социальной активностью молодежи в современных условиях.

Современными представляются усилия по развитию социальной активности молодого поколения, поскольку это важно как для социального

благополучия молодежи, так и для реализации своих социальных функций.

Развитие социальной активности молодежи предусмотрено в нормативно-правовых документах разного уровня, целевых программах, направленных на развитие молодежного потенциала. Так целью ведомственной целевой программы «Молодежь Алтая» на 2011-2013 годы является формирование условий для успешного развития потенциала молодежи и ее эффективной самореализации в интересах социально-экономического, общественно-политического и культурного развития региона. Обозначены задачи, в числе которых:

- вовлечение молодежи в социальную практику и содействие ее профессиональной социализации;

- формирование в моложенной среде здорового образа жизни, системы традиционных нравственных и семейных ценностей, гражданское образование и патриотическое воспитание молодежи;

- формирование системы продвижения инициативной и талантливой молодежи, поддержка международного молодежного сотрудничества.

Особое внимание уделяется развитию добровольческой деятельности молодежи и созданию условий для деятельности молодежных общественных объединений и некоммерческих организаций.

Несомненно, важным фактором развития распространения молодежных общественных организаций, является их взаимодействие с государственными органами.

Основные направления взаимодействия государственных органов и организаций можно рассматривать в разных сферах. Сфера правового обеспечения деятельности детских и молодежных общественных организаций предполагает действующие и необходимые региональные законы, постановления местной законодательной и исполнительной власти, которые определяют правовые рамки для деятельности детских, молодежных общественных организаций и их предприятий; статус кадров работников детского и молодежного движения; условия и порядок оказания государственной поддержки детским, молодежным объединениям; государственные, а также общественно-государственные органы, осуществляющие государственную поддержку, их полномочия и ответственность в этих вопросах; формы участия детских, молодежных организаций в подготовке и реализации государственных решений, целевых программ в области государственной молодежной политике.

В сфере финансового обеспечения осуществляется частичное финансирование программ детских, молодежных общественных организаций; государственный заказ через определение приоритетов и минимальных объемов финансирования.

В сфере материально-технического обеспечения возможно представление базы государственных учреждений для осуществления деятельности

детских, молодежных общественных организаций; передача материально-технической базы государственных социальных учреждений с выполнением их функций детским и молодежным общественным объединением.

В сфере информационного и научно-методического обеспечения можно выделить создание специализированных информационных центров, аккумулирующих необходимую для развития детского и молодежного движения информацию; учреждение детских и молодежных СМИ (TV, радио, пресса); создание научно-методических центров, работающих в сфере детского и молодежного движения; организация экспериментальных площадок, реализующих инновационные программы детских и молодежных общественных объединений; организация консультативных центров, обеспечивающих информационную и научно-методическую поддержку вновь созданным детским и молодежным объединениям.

В сфере кадрового обеспечения проводится целевая подготовка и переподготовка кадров детского и молодежного движения всех уровней; социально-правовая защита и определение статуса кадров, работающих в детских и молодежных общественных организациях; материальная поддержка кадров детского и молодежного движения через организацию конкурсов, учреждений грантов, премий, званий и наград.

В сфере обеспечения общественной поддержки деятельности детских и молодежных организаций можно говорить об информировании общественности о деятельности детских и молодежных общественных организаций через СМИ; привлечение внимания общества через участие официальных представителей власти в мероприятиях детских и молодежных общественных организаций; содействие в создании общественно-государственных структур, способствующих развитию детского и молодежного движения; создание системы мер для согласованного включения всех государственных структур в осуществление политики по отношению к детским и молодежным общественным организациям; содействие негосударственным организациям, оказывающим поддержку детским и молодежным общественным объединениям. Сотрудничество с детскими и молодежными общественными организациям возможно и через высшие учебные заведения.

Организация деятельности детских и молодежных общественных объединений с привлечением студентов важна для повышения правовой культуры молодого поколения. Участие в работе общественных организаций дает возможность не только в теории познакомиться с совокупностью правовых знаний, но и реализовать возможность их практического осуществления. На уровне региона деятельность в сфере взаимодействия органов власти и молодежных общественных объединений, регулируется законом «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений в Алтайском крае» от 31.03.1998 г., определяющим гарантии, общие

принципы, содержание и меры этой поддержки.

Дальнейшее развитие такого сотрудничества и поддержки государства обеспечат стимулирование социальной активности молодежи, реализацию ее потенциальных возможностей, востребованности и способствуют достижению социального благополучия. Субъективное благополучие молодого человека складывается из оценок различных сторон его жизни, отдельные оценки сливаются в ощущение благополучия, одним из значимых компонентов которого является самоактуализация личности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Фоломеева Т.В. Социальные представления о благополучии / Т.В Фоломеева, И.И. Серегина // Мир психологии. – 2004. – № 3.

2. Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики / А. Маслоу. – СПб., 1997.

Шмидт В.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РАЗВИТИЯ НЕМЕЦКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЫ КАЗАХСТАНА В 1920-Е ГОДЫ (НА ПРИМЕРЕ АКМОЛИНСКОЙ И КУСТАНАЙСКОЙ ГУБЕРНИЙ)

Важным аспектом в понимании исторического прошлого немецкого населения Казахстана, его развития в послереволюционный период, безусловно, является исследование и освящение, а также введение в научный оборот комплекса архивных документов и материалов, содержащих сведения о развитии сети школьного образования среди этой национальной группы. Надо отметить, что вопросы связанные с развитием национальной школы у немцев Казахстана в послереволюционный период практически не рассматривались и не освещались в научной литературе. Исследование образовательной ситуации и развитие национальной школы среди немцев Казахстана в послереволюционный период имеет весьма важное значение для последующей характеристики многих вопросов связанных с дальнейшим социально-политическим положением и развитием этого народа в рамках советской государственности. Проблемы и историко-политические последствия политики развития сети национальных школ для немецкого населения Казахстана в предвоенные годы является сложной и многосторонней проблемой. Именно предвоенный период характеризуется определенным ростом интереса со стороны советской власти к вопросам развития национальной школы и образования, особенно 1920-е годы [1]. Цель предлагаемой статьи, прежде всего нацелена на освящение вопросов развития народного образования и мероприятий партийных, административных органов Казахстана среди немецкого населения в 1920-е годы. С приходом большевиков, новая политическая власть занялась делом народного образования, потому что она придавала важное значение организации новой школы, которая должна была воспитывать адептов нового политического строя. Уже в первых программных документах большевистской партии и советского правительства, а также других законодательных актах, как центральных, так и местных партийных и исполнительных организаций обращалось внимание на декларацию равных прав всех народов на их культурное развитие и образование [2]. Об этом свидетельствует также один из первых документов советской власти – постановление Народного Комиссариата просвещения РСФСР «О школах национальных меньшинств» от 31 октября 1918 года, в котором провозглашалось, что «все национальности населяющие РСФСР и другие национальные окраины бывшей царской России, пользуются правом организации обучения на своем родном языке на обоих ступенях единой трудовой школы и в высшей школе [3]. Эти же принципы о создании и организации национальных школ на родном языке были подтверждены материалами состоявшегося в марте 1919 года VIII съезда РКП (б), в которых был рассмотрен ряд вопросов о создании единой трудовой школы с преподаванием на родном языке [4].

Не случайно в своем выступлении 1 августа 1919 года на первом съезде работников просвещения Ленин высказал мысль, что: «... победу революции может закрепить только школа» [5]. Расширение работы по созданию национальной школы для немцев Казахстана стало возможным в середине 20-х годов, когда в политике Советского государства намечается временный, «либеральный» сдвиг в сторону защиты интересов малых народов, в частности это проявилось в попытке удовлетворения их языковых и культурных потребностей. В 20-е годы большевистская партия проводила «либеральную» политику в области национальных отношений, что для многих национальных групп бывшего Советского Союза означало создание национальных республик, а для национальных меньшинств, к числу которых принадлежали немцы создание национальных автономий, областей, районов и советов. Тесным образом с проведением этой политики большевики проводили определенную линию в организации и развитии национального образования и культуры на родном языке. Бесспорно, что развитие просвещения среди немецкого населения и формирование его национальной школы протекало в контексте общенациональных процессов в советском государстве. Однако такое движение в общем русле становления и развития единой советской системы народного образования не исключало наличие региональной и национальной специфики. Использованные при написании работы архивные документы в своей основе раскрывают различные стратегические направления большевистской партии в решении и создании национальной школы

среди немецкого населения. Во многих архивных материалах можно проследить определенную закономерность, что одним из сложных моментов в упрочнении советской власти была политика укрепления её позиций в системе народного образования среди малых народов Казахстана. Для успешного реформирования старой школьной системы и построение новой советской системы просвещения требовались значительные средства, которых в государственном и местном (республиканском) бюджете катастрофически не хватало. Если говорить о системе школьного образования для немцев Казахстана, то в начале 20-х годов как таковой единой системы образования для этой национальной группы республики не имелось. Это было прежде всего объяснимо результатами проводимой царским правительством политики русификации, а также последствиями упадка хозяйственной и экономической жизни в регионе, вызванными бурными событиями послеоктябрьского переворота, что в свою очередь влияло на этнокультурное и социальное развитие немецкого населения. Ко всему следовало бы также отнести следующие причины мешавшие строительству единой системы национального образования – это прежде всего отсутствие квалифицированного педагогического персонала, а с другой стороны полное отсутствие знаний со стороны новых служащих в сфере образования, а именно незнание определенной специфики при организации национально-языковых школ. Следствием всего этого было чрезвычайное уменьшение количества школ, особенно начальных, что было признано Луначарским на X съезде Советов, где он утверждал, что в некоторых губерниях оно достигало 60% [6]. Несмотря на обнищание школ, содержание их было с 1921 года передано местным бюджетам. Говоря об этом новом ударе для системы народного образования, Луначарский впоследствии заявил: «так называемый переход на местные средства был началом ужасающей катастрофы. Веревка, на которой висело дело народного образования, сверху, от казны оборвалась, и дело это упало в бездну, в болото, ибо никакой опоры снизу, в местных средствах оно получить не могло» [7]. Несмотря на трудности после окончания Гражданской войны партийные и советские органы развернули пропагандистскую деятельность среди широких слоев населения с призывом оказать всесильную материальную и финансовую поддержку в деле школьного строительства. 26 июня 1921 года КазЦиК принял постановление о мобилизации всех лиц в возрасте от 16 до 50 лет, имеющих достаточное образование, к привлечению и участию в работе по организации школьных учреждений [8].

В мае 1922 года ЦК РКП (б) обратился с письмом «К коммунистам Киргизской (Казахской) республики», подписанным Сталиным. В письме отмечалось, что в казахстанской партийной организации основы национальной политики партии еще не усвоены полностью, продолжается борьба колонизаторских и националистических элементов против линии партии,

которая отвлекает партийные организации от живого дела [9]. В январе 1923 года состоялся Всероссийский съезд национальных меньшинств, на котором было принято специальное решение, что: «... в губерниях с компактным проживанием национальных меньшинств должны быть приняты меры для комплектования школ по преимуществу из представителей национальных меньшинств или же из лиц говорящих на языке этих национальностей» [10]. В феврале 1923 года в Акмолинский губернский отдел народного образования была послана специальная телеграмма Киргизского Комиссариата народного просвещения, по поводу не выполнения решений Всероссийского съезда национальных меньшинств, в ней в частности писалось, что: «... у Вас до сего времени не разрешено вести работу и обучение на родном языке в частности среди немцев, а также других национальностей. Поэтому Народный Комиссариат просвещения республики предлагает незамедлительно начать вести работу среди выше названной национальной группы на родном языке» [11]. В процессе развития и строительства национальной школы среди немецкого населения Казахстана имелись особенности, а также конкретные мероприятия советских и партийных органов. Надо отметить, что все мероприятия руководящих органов во многом сводились только к декларативной деятельности, нашедшей свое отражение в идеологии, что на практике фактически не реализовалось или реализовалось в недостаточной степени. Последующие партийные съезды РКП (б) XII и состоявшийся в марте 1924 года XIII Съезд в своих решениях вновь обращаются к обсуждению вопросов развития национальной школы и языков народов бывших национальных окраин царской России. Так в материалах XIII съезда РКП (б) подчеркивалось, что: «работе среди национальных меньшинств РСФСР, а также в национальных республиках, среди местного партийного и советского аппарата не уделяется достаточного внимания. Особенно плохо обстоят дела в процессе создания национальных школ, так как руководящие органы не оказывают в этой работе определенную поддержку. Особенно плохо в национальных республиках этой работой охвачены немцы» [12]. При ознакомлении с рядом материалов по интересующей проблеме, возникает мнение, что республиканские партийные и советские органы занимались вопросами создания национальной школы для немцев только лишь в особых случаях, когда исходили критические замечания в отношении этой работы со стороны центральных органов власти. По материалам переписи 1924 года в Казахстане немцы составляли одну из значительных групп среди народов населяющих республику 50106 человек [13]. Исходя из многочисленности немецкого населения, партийные органы Казахстана уделяли особо важное значение в проведении определенной работы в их среде. Основным направлением в проводимой работе являлось в местах их компактного проживания создание национальных общеобразовательных учреждений, с введением в этих про-

светительских учреждениях преподавания предметов на родном языке. В материалах переписи 1924 года также отмечалось, что в этот период на территории Казахстана имелось следующие количество немецких школ I-ой ступени – 56 и II-ой ступени – 1 [14]. Процесс роста общеобразовательных учреждений среди немецкого населения республики приходится на вторую половину 20-х годов. Вопросы, связанные с развитием народного образования среди немецкого населения, не только обсуждались в местных партийных и советских органах, но также были вынесены на обсуждение на всероссийском уровне. Свидетельством этому являются материалы состоявшегося в январе 1923 года Всероссийского съезда национальных меньшинств, где было отмечена важность мероприятий проводимых советской властью в среде немецкого населения бывших окраин царской России, а также важность активизации этой политики. С 1923 года расширяется сеть школ, улучшается материальное положение учителей. В 1923/1924 учебном году число школ I-ой ступени выросло на 15%, семилеток тоже на 15%. К началу 1924 года в Казахстане насчитывалось 2351 школа I-ой ступени, 68 семилетних школ и школ II-ой ступени [15]. Укреплению школьной сети в Казахской АССР [16] всемерно содействовало правительство РСФСР. В докладе ЦИК республики IV Всеказахскому съезду Советов (январь 1924 года) указывалось, что ввиду крайней слабости губернских бюджетов Казахстана часть школ, состоящих в Российской Федерации на местном бюджете, переводятся в Казахстане на государственный бюджет. Именно после этого решения, то есть с января 1924 года происходит расширение деятельности в организации немецких национальных школ на территории республики. На значимость развития национальной школы также указывали материалы второй сессии ВЦИК XI созыва состоявшейся 15 октября 1924 года. В пункте 19 постановления «О мероприятиях по народному просвещению» отмечалось, что «... признавая сдвиги происшедшие в последние годы в деле просвещения народов нерусского языка, ВЦИК полагает, что в этом отношении необходим дальнейший отпуск средств, на помощь национальностям, а также автономным республикам и областям, находящихся в особо трудных условиях и прежде всего на расширение работы в деле развития школ I ступени, издания учебников на национальных языках» [17]. В 1924 году из печати вышли десятки названий учебных книг. Именно в этот период были изданы буквари на национальных языках количеством 679 тыс. экземпляров [18]. Несмотря на определенные успехи в издании учебников на национальных языках, нужно отметить, что в период 1924 года проблема обеспечения национальных школ учебниками на родном языке не была окончательно разрешена. Большим недостатком в этой работе являлось то, что многие местные органы народного образования принимали очень слабое участие в закупке учебников на национальных языках. Несмотря на принятые решения как центральных, так и

местных органов власти по вопросу развития сети национальных школ для немцев Казахстана, на региональном уровне имелись определенные трудности в проведении этой работы. Еще в 1924 году о крайне сложной ситуации в работе по организации и созданию национальных школ среди немцев Казахстана в докладной записке Народного Комиссариата просвещения Казахской АССР отмечалось, что во многих губерниях, где проживают немцы, тормозом и негативным фактором в проведении намеченных мероприятий, было нежелание многих местных партийных, комсомольских и административных органов, а также их полное равнодушие, безучастность и сознательное стремление с их стороны к срыву этих мероприятий для этой национальной группы республики. Свою позицию по отношению проводимой политики советской властью в области народного образования для немецкого населения Казахстана, определенная группа партийных работников обосновывала нецелесообразностью и бесперспективностью развития школьных учреждений для немцев на их родном языке [19]. Свою точку зрения на эти актуальные вопросы партийные и комсомольские, а также административные функционеры распространяли через агитацию и печать. Во многих распорядительных документах Народного Комиссариата просвещения Казахской АССР неоднократно указывалось на важность и значимость усиления работы по организации школьного дела среди немецкого населения. Поэтому проблема строительства национальной школы на территории Казахстана оставалась одной из трудных, важнейших и первоочередных задач в деятельности Народного Комиссариата просвещения республики. Для успешного решения накопившихся проблем в сфере создания национальных школ для немецкого населения республики в 1924 году при Казахском Центральном Исполнительном комитете (КазЦИК) и Народном Комиссариате просвещения Казахской АССР, а также губернских и уездных отделах народного образования был учрежден особый управленческий аппарат, состоящий из уполномоченных и инструкторов по делам национальных меньшинств. В задачи уполномоченных по делам немецких школ при КазЦИКе входило оказание помощи по укреплению сети национальных школ для немцев в республике, политическое и методическое руководство, кадровые вопросы, обеспечение этих национальных школ учебными пособиями, контроль за учебно-воспитательной работой и многое другое. По поводу вновь организованного управленческого аппарата и его значимости писал в докладной записке на имя председателя КазЦИКа руководитель Акмолинского губернского управления народного образования Сагдеев: «что работа по организации и образованию прежде всего немцев, до сих пор стоит не на должном уровне и она протекает очень медленно, и в самых тяжелых условиях, истекающих из отсутствия специальных представителей по делам этого национального меньшинства при губернских отделах народного образования»

[20]. К центрам, где происходило развитие немецкой национальной школы на территории Казахстана в предвоенный период следовало бы отнести следующие губернии: Акмолинскую, Кустанайскую, Кокчетавскую и Петропавловскую, а также определенные районы Семипалатинской и Павлодарской губерний, где еще в дореволюционное время возникли компактные немецкие переселенческие поселения, в результате переселенческой политики царизма [21]. В данной статье будут рассмотрены только две губернии Казахстана, где шел процесс развития национальной школы для немцев. Среди губерний Казахстана, на территории которой проживало наибольшее число лиц немецкой национальности, Акмолинская область постоянно находилась под пристальным вниманием советских и партийных органов Казахстана. Республиканские органы интенсивно субсидировали развитие системы школьных учреждений в этом регионе. В этом плане интересны статистические данные по городам и уездам Акмолинской губернии о наличии немецкого населения и о состоянии его грамотности.

Таблица 1 [22]

Немецкое население, город Петропавловск и уезд

Национальность	Общее число населения губернии	Из них неграмотных
Немцы	10623	10386

Таблица 2 [23]

Немецкое население, город Кокчетав и Кокчетавский уезд

Национальность	Общее число населения губернии	Из них неграмотных
Немцы	10490	1384

Таблица 3 [24]

Немецкое население, город Атбасар и Атбасарский уезд

Национальность	Общее число населения губернии	Из них неграмотных
Немцы	559	557

В годы строительства национальной школы среди немецкого населения острой проблемой являлся вопрос о ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения. В отчете о деятельности Народного Комиссариата просвещения Казахской АССР за 1924-1925 год отмечалось, что Казахская АССР в отношении грамотности населения представляет одну из самых отсталых автономных республик. Статистические данные свидетельствуют о том, что в этот период среди взрослого немецкого населения было 54% неграмотных [25].

В плане рассмотрения нашей темы интересен также отчет губернского отдела народного образования Акмолинской области в Народный Комиссариат просвещения Казахской АССР за 1924 год по развитию национальных школ и пунктов по ликвидации неграмотности среди немецкого населения губернии. В отчете сообщалось, что конкретных сведений за 1923 год отдел народного образования губернии не располагает, но на текущий 1924 год по всей губернии для немецкого населения существовало следующее количество просветительских учреждений.

Таблица 4 [26]

Наличие немецких школ и просветительских учреждений за 1924 год для немецкого населения Акмолинской области

Немецкие школы	I ступени – 33	II ступени – 1	Семилетка – 1	Детских домов – 1	Ликвидационных пунктов неграмотности – 5

Однако в 1924 году просветительская работа среди немецкого населения Акмолинской области проводилась частично и не охватила большую часть немецких поселений губернии [27]. Проблема частичной работы в организации школьных учреждений среди немцев Акмолинской губернии в этот период объяснялась разбросанностью немецких поселений по обширной территории губернии. В годовом информационном отчете Акмолинского губернского отдела народного образования за 1924 год также отмечалось, что по уровню грамотности немецкое население губернии стоит среди других национальностей на четвертом месте.

Таблица 5 [28]

Уровень грамотности немецкого населения Акмолинской губернии за 1924 год

Название национальности	Общее число	мужчин	женщин	Общее число грамотных	мужчин	женщин
Немцы	22348	11065	11183	10557	10343	10214

Как сообщалось в данном отчете немецкое население Акмолинской губернии, как впрочем и другие национальности не имели достаточно возможности обучаться на своем родном языке и только 2% по губернии были охвачены обучением на родном языке [29]. В материалах протокола заседания Президиума Акмолинского губернского исполнительного комитета от 21 марта 1924 года подчеркивался тот факт, что в этот период по всей губернии было охвачено школами только 18,5% детского населения школьного возраста. В этом протоколе также указывалось, что в период 1924 года в Акмолинской губернии имелось школ общим количеством 626, из числа которых 192 являлись начальными школами [30]. В решениях по вопросу развития национальной школы среди немцев Казахстана центральные государственные и партийные органы республики особое внимание уделяли вопросу переподготовке учителей из числа немцев. Для этого предлагалось заключение соответствующих соглашений с Наркоматами автономных республик для предоставления Казахской АССР мест на организацию краткосрочных курсов для учителей из числа немцев.

Так в распоряжении Народного Комиссариата просвещения Казахской АССР Акмолинскому губернскому отделу народного образования сообщалось, что ввиду того, что учителя немецких школ не имеют достаточной подготовки и поэтому Народный Комиссариат просвещения Казахской АССР добился места для таковых по переподготовке немецких учителей в Немецкой Автономной Республике Поволжья [31]. Ниже приведенная таблица указывает, что в год из Казахской АССР должно было направляться пять человек немецкой национальности на переподготовку.

Таблица 6 [32]

Количество учителей из числа немцев, подлежащих переподготовке

Национальность	Количество
немцы	5 человек

На 1 декабря 1925 года количество учителей немецких школ I-ой ступени по Казахстану в процентном отношении составляло.

Таблица 7 [33]

Процентный состав учителей немецких школ I-ой ступени по Казахстану 1925 год

Наименование национальности	Всего в процентах
немцы	1,70%

В докладной записке 1925 года на имя председателя Совета национальностей при КазЦике отмечалось, что более успешно работой на родном языке по Казахстану охвачены татарские и немецкие национальные школы [34]. В плане организации школьного образования для немцев Акмолинской губернии интересны статистические данные о существовании немецких национальных школ по уездам [35] этой губернии за 1925 год.

Таблица 8 [36]

Таблица немецких национальных школ по уездам Акмолинской губернии за 1925 год

Наименование уездов Акмолинской губернии	Количество немецких школ
Петропавловский уезд	6
Кокчетавский уезд	-
Акмолинский уезд	8
Атбасарский уезд	1
Итого	15

Однако несмотря на расширение сети национальной школы для немцев Акмолинской губернии в данный период ощущался острый недостаток учительских кадров. Как сообщалось в статистической сводке Акмолинского губернского отдела народного образования именно по этой причине намеченная к открытию немецкая школа не функционировала. В 1925 году губернский отдел народного образования в своем распоряжении имел учительских кадров из числа немцев следующее количество.

Таблица 9 [37]

Количество педагогических кадров по Акмолинской губернии из числа немцев за 1925 год

Национальность	Количество учительских кадров
немцы	20

Наличие педагогического состава в немецкой национальной школе не соответствовало общим требованиям общей трудовой политехнической школы, так как требовалось срочная и специальная подготовка учительских кадров. В начале 20-х годов острой и наиболее существенной проблемой в строительстве национальной школы для немцев Казахстана являлась нехват-

ка квалифицированных учителей, так как не было специальных педагогических училищ, техникумов и институтов, подготавливающих преподавателей со знанием родного языка. Поэтому в начале 20-х годов ввиду тяжелого экономического положения, недостаточного числа школ, чрезвычайной загруженности учительского состава, вопрос полного охвата начальным образованием детей из числа немцев в Казахстане все таки не был решен. В этот период острым оставался также вопрос обеспечения немецких национальных школ Казахстана учебными программами, методическими разработками, книгами для чтения, учебниками на родном языке. Несмотря на все трудности начального этапа, ко второй половине 20-х годов были в целом заложены основы сети начальных школ для немцев Казахстана. Заметные достижения в деле строительства национальной школы были достигнуты в РСФСР и других национальных республиках, в том числе и в Казахстане, но эти достижения требовали закрепления и проведения целого ряда мероприятий по дальнейшему развитию и развертыванию просветительской работы. Одним из острых и дискуссионных вопросов в развитии национальной школы являлся вопрос о языке обучения. В докладной записке 1925 года в Совет Народных Комиссаров Казахской АССР по поводу развития сети просветительских учреждений среди немцев республики отмечалось, что несмотря на то, что немцы составляют около 25-30 процентов от общего числа населения Казахской АССР просветительская работа на родном языке среди этой группы населения ведется очень посредственно. 22 октября 1925 года в связи с создавшейся ситуацией в развитии образования на родном языке состоялось заседание Коллегии Народного Комиссариата просвещения Казахской АССР, в материалах которого отмечалось, что: «в просветительской работе наметился определенный сдвиг, но особо эту работу все таки следует усилить среди немцев республики» [38]. Практически во многих материалах архивных документов, касающихся вопросов развития просветительской работы среди немцев Казахстана по губерниям, отмечался ее недостаточный уровень. В основном плохо обстояло дело в развитии школьной системы в немецких населенных пунктах находившихся в сельской местности [39]. Для развития успешной работы по организации народного образования и формирования национальной школы среди немцев Казахстана на состоявшемся 8 октября 1925 года заседании Коллегии Народного Комиссариата просвещения Казахской АССР в повестку был внесен вопрос о создании специальных отделений при педагогических вузах для подготовки учителей со знанием немецкого языка, для национальной немецкой школы Казахстана. Поэтому поводу в протоколе заседания предлагалось следующее: «а) внести проект постановления Совета Народных Комиссаров о национально-лингвистических отделениях при педагогических вузах, утвержденный 29 сентября 1925 года, на рассмотрение Совнаркома Казахской АССР; б) считать организацию

национально-лингвистических отделений первым шагом в деле развития высшего педагогического образования для различных национальностей республики» [40]. Кроме Акмолинской губернии немецкое население также проживало и в Кустанайской области, где органы народного образования активно участвовали в работе по развитию культурно-просветительских учреждений среди немцев губернии. В информационном письме кустанайского губернского отдела народного образования о развитии национальной школы среди немецкого населения сообщалось, что органы народного образования предпринимают все меры для того, чтобы в создаваемых школах преподавание проводилось на родном языке. Однако работа губернского отдела народного образования Кустанайской губернии в работе по организации национальной школы для немцев проживающих в пределах губернии осложнялась его разбросанностью, а также и тем, что наибольшая часть его проживала в сельской местности.

Таблица 10 [41]

Количество немецких школ и педагогических работников по уездам Кустанайской области в 1924 году

Уезд	Количество немецких школ	Количество педагогических работников
Кустанайский уезд	2	6
Федоровский уезд	1	2
Денисовский уезд	3	4

В период 1924 года губернский отдел народного образования Кустанайской губернии планировал открыть специально для немцев пять пунктов по ликвидации неграмотности, однако запланированные мероприятия были невозможны в связи с отсутствием учебного материала на родном языке. В частности со стороны руководящих органов республики были организованы специальные выезды полномочных комиссий в районы компактного проживания немцев, для проверки в этих районах текущей работы по созданию национальной школы и культурно-просветительских учреждений. Как было отмечено в отчетах этих комиссий основной трудностью в развитии сети национальной школы среди немцев на территории республики являлось практическое отсутствие квалифицированных педагогических кадров со знанием родного языка. В отчете Народного Комиссариата просвещения Казахской АССР за 1925-1926 годы был выделен особый пункт об обучении в школах на родном языке. В период с 1925 по 1926 годы на территории Казахстана существовало 24 немецких национальных школ, в которых обучение

проводилось на родном языке [42]. Наряду с национальными немецкими школами, в которых обучение велось на родном языке, существовали также смешанные школы, что на практике означало преподавание в данных школах проводилось на двух языках. В Казахстане в этот период насчитывалось русско-немецких школ такого типа четыре. В протоколе заседания КазЦика от 14.05.1925 года было особо подчеркнуто об основных трудностях в строительстве и развитии национальной школы в республике. К этим причинам были отнесены следующие моменты:

1) распыленность немцев не территории республики;

2) смешанность немецкого населения с коренным населением и другими европейскими национальностями;

3) наличие межнациональных трений.

В связи с необходимостью улучшения работы по организации системы образования среди различных национальностей 18 июня 1926 года Совет Народных Комиссаров РСФСР принял специальное постановление «О просветительской работе среди национальных меньшинств РСФСР». В данном постановлении закреплялось решение о дальнейшем планомерном улучшении и расширении сети школ I-ой ступени в целях всеобщего осуществления всеобщего обучения; открытие необходимого количества педагогических учебных заведений для национальностей; составление плана развертывания сети профессионально-технических школ и техникумов в районах с компактным населением национальных меньшинств: намечалось усилить состав местных органов народного образования работниками из числа национальных меньшинств [43]. Согласно данному постановлению Народный Комиссариат просвещения и Народный Комиссариат финансов РСФСР, а также Советы Народных Комиссаров автономных республик, областные и губернские исполкомы должны были при составлении и рассмотрении плана и смет, начиная с 1926/1927 годов, предусмотреть соответствующие ассигнования для организации культурно-просветительских учреждений в среде национальных меньшинств. Постоянное наблюдение за состоянием просвещения среди различных национальностей поручалось Народному Комиссариату просвещения РСФСР, Народному Комиссариату рабоче-крестьянской инспекции и Народным Комиссариатам автономных республик [44]. Помимо этих решений Совет Народных Комиссаров РСФСР по докладу Народного Комиссариата просвещения РСФСР среди национальных меньшинств, констатировал, что: «несмотря на наличие заметных достижений, общее состояние этого дела еще во многом остается на среднем уровне просвещения» [45]. Также указывалось, что основной проблемой в строительстве национальной школы являлось то, что многие местные органы образования все еще принимают самое ничтожное участие в закупке учебников на национальных языках. В 1926 году количество детей немецкой национальности

обучающихся в национальной школе по губерниям Казахстана выглядело следующим образом.

Таблица 11 [46]

Наименование губернии	Количество детей школьного возраста	Количество существующих школ	Количество детей, охваченных школой	Количество детей, неохваченных школой	Национальность
Акмолинская	2212	23	765	1447	немцы
Актюбинская	183	-	-	183	-
Кустанайская	1345	12	639	706	-
Семипалатинская	925	13	525	400	-

В докладе на первом краевом совещании национальных меньшинств состоявшемся 12.05.1927 года Ураз Джандосов [47] затронул ряд вопросов непосредственно касающихся партийных и советских органов Казахстана по урегулированию межнациональных отношений. В частности Джандосов отметил, что: «никаких разговоров на счет ассимиляции кого бы то ни было и как бы то ни было пока не должно быть. Особенно в этом плане вопрос языка, в национальном вопросе составляет важнейший элемент, и поэтому, не говоря уже о недопустимости какого бы то ни было ущемления прав трудящихся каждой нации говорить и учиться на своем родном языке, надо не допускать никаких разговоров на счет ассимиляции» [48]. В заключительном слове Джандосов вновь возвращается к вопросу о языке, где более четко формулирует мысль о роли национального языка: «чтобы предоставить трудящимся каждой национальности, которые имеются на территории Казахстана, возможность пользоваться своим языком, иметь хотя бы книжечку, букварь на своем языке, не надо будет пожалуй жалеть средств. Вопрос о языке – это, в конце концов, основной вопрос. Во всяком случае, это – основная часть вопроса о национальной культуре»[1].

Завершая данную статью, хотелось бы отметить, что в истории про-

1. Джандосов Ураз: Документы и публикации (1918 -1937гг.) В 2-х томах. т. 2. Соств. Буханова И.Н. Алматы 1999, с.47

свещения немцев Казахстана в 20-е годы имелись как значительные достижения, так и невосполнимые потери. Развитие школьного дела среди немцев республики происходило в контексте общего хозяйственного развития Казахстана, когда определяющим фактором была административно-командная система управления всеми процессами в стране. Изучение данной темы по вопросам развития национального образования среди немецкого населения Казахстана еще во многом нуждается в дальнейшей разработке и привлечении архивных документов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Черказьянова И.В. Школьное образование российских немцев. (Проблема развития и сохранения немецкой школы Сибири в XVIII-XX вв.). – Санкт-Петербург, 2004. – С. 29.
2. Шмидт В. Советизация и система народного образования среди немецкого населения Казахстана (середина 20-х-начало 30-х годов), в: «Вопросы германской истории». Сборник научных статей. Отв. ред. Бобылева С.И. – Днепропетровск, 2004. – С. 137.
3. Собрание декретов и постановлений Рабочего и Крестьянского правительства по народному образованию. – Москва 1919-1920. Вып. 1-2. С. 41.
4. Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. Сост. Подземский А.Я. – Москва / Ленинград , 1931. – С. 11.
5. Константинов Н.А., Медынский Е.Н. Очерки по истории советской школы РСФСР за 30 лет. – Москва, 1948. – С. 44.
6. Лазаревич Н. Народное образование в СССР. (Начальная и средняя школа.). – Мюнхен, 1956. – С. 15.
7. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. – Париж, 1931. т. II. С. 887.
8. Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период (1921-1925). Сборник документов. – Алма-Ата, 1962. – С. 497-498.
9. Образование СССР. – Москва, 1949. – С. 230-231.
10. ЦГА РК Ф-Р 81, Оп. 1, Д. 551, Л. 12.
11. ЦГА РК Ф-Р 81, Оп. 1, Д. 551, Л. 46.
12. Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. Соств. Подземский А.Я. – Москва / Ленинград, 1931. – С. 80.
13. Центральный Государственный архив Республики Казахстан (далее ЦГА РК Ф-Р 81, Оп. 1, Д. 1155, Л. 15).
14. ЦГА РК Ф-Р 81, Оп. 1, Д. 1155, Л. 13.
15. Отчет правительства Киргизской (Казахской АССР) пятому Всекиргизскому (Всеказахскому) съезду Советов. – Кызыл –Орда, 1925. – С. 65.
16. Казахская Автономная Социалистическая Советская Республика – казахская национальная автономия, административно-территориальная единица в составе РСФСР и на территории современного Казахстана. Существовала с 15.06.1925 по 5.12.1936 года. О переименовании КирАССР в КазАССР стал декрет ВЦИК от 15.06.1925 года. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. – Москва, 1925, № 43. – С. 321.
17. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917-1973 гг. Сост. Абакумов А. – Москва, 1974. – С. 37-38.
18. Константинов Н.А., Медынский Е.Н. Очерки по истории советской школы РСФСР за 30 лет. – Москва, 1948. – С. 186.
19. ЦГА РК Ф-Р 962, Оп. 1, Д. 16, Л. 56.
20. ЦГА РК Ф-Р 81, Оп. 1, Д. 1157, Л. 20.
21. Schmidt W.: Deutsche Schulen in Kasachstan Ende der zwanziger und Anfang der dreißiger Jahre, in: «Deutsche Studien» . Heft 3-4 (2000), S. 245.
22. ЦГА РК Ф-Р 11, Оп. 1, Д. 1157, Л. 20 обр.-21.
23. ЦГА РК Ф-Р 11, Оп. 1, Д. 1157, Л. 20 обр.-21.
24. ЦГА РК Ф-Р 11, Оп. 1, Д. 1157, Л. 20 обр.-21.
25. ЦГА РК Ф-Р 81, Оп. 1, Д.16, Л. 51 обр.
26. ЦГА РК Ф-Р 81, Оп. 1, Д. 1154, Л. 1 обр.
27. ЦГА РК Ф-Р 81, Оп. 1, Д. 1154, Л. 3 обр.
28. ЦГА РК Ф-Р 81, Оп. 1, Д. 1308, Л. 2.
29. ЦГА РК Ф-Р 81, Оп. 1, Д. 1308, Л. 2.
30. ЦГА РК Ф -Р 1175, Оп. 1, Д. 18, Л. 63.
31. ЦГА РК Ф-Р 81, Оп. 1, Д. 1157, Л. 3.
32. ЦГА РК Ф-Р 81, Оп. 1, Д. 551, Л. 53.
33. ЦГА РК Ф-Р 81, Оп. 1, Д. 982, Л. 21.
34. ЦГА РК Ф-Р 81, Оп. 1, Д. 1155, Л. 13.
35. Уезд – низшая административная, судебная и фискальная единица в Российской империи с 1775 года, а также в РСФСР и СССР в первые годы после Октябрьской революции вплоть до административной реформы 1920-х годов. В результате административной реформы 1920-х годов уезд, как административная категория был упразднен.
36. ЦГА РК Ф-Р 81, Оп. 1, Д. 1154, Л. 3 об.ст.
37. ЦГА РК Ф-Р 81, Оп. 1, Д. 1154, Л. 3 об.ст.
38. ЦГА РК Ф-Р 81, Оп. 1, Д. 1155, Л. 13.
39. ЦГА РК Ф-Р 81, Оп. 1, Д. 1162, Л. 7.
40. ЦГА РК Ф-Р 81, Оп. 1, Д. 1004 а, Л. 43.
41. ЦГА РК Ф-Р 81, Оп. 1, Д. 1162, Л. 7-8.
42. ЦГА РК Ф-Р 81, Оп. 1, Д. 982, Л. 38.
43. Шмидт В. Советизация и система народного образования среди немецкого населения Казахстана (середина 20-х-начало 30-х годов), в: «Вопросы германской истории». Сборник научных статей. Отв. ред. Бобылева С.И. – Днепропетровск, 2004. – С. 143-144.
44. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1926, № 37. – С. 294.
45. Народное просвещение в РСФСР. Отчет Народного Комиссариата просвещения РСФСР за 1925/1926 учебный год. – Москва/Ленинград 1927. – С. 200.
46. ЦГА РК Ф-Р 81, Оп. 1, Д. 1154, Л. 35.
47. Ураз Джандосов (1889-1938) – партийный и советский деятель Казахстана. В 1908-

1918 годах обучался в Верненской мужской гимназии. В 1928 -1937 годах народный комиссар просвещения Казахской АССР. В 1937 году Ураза Джандосова исключили из партии. 31 июля 1937 года он был арестован по обвинению в принадлежности к антисоветской организации. 2 марта 1938 года был расстрелян. Реабилитирован посмертно 8 июня 1957 года.

48. Джандосов Ураз: Документы и публикации (1918 -1937 гг.). В 2-х томах. т. 2. Состав. Буханова И.Н. – Алматы, 1999. – С. 41.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдыгалиева Лаура Исупкановна – кандидат философских наук, доцент Восточно-Казахстанского государственного технического университета им. Д. Серикбаева, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Алдашева Анара Болотовна – кандидат социологических наук, доцент Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына.

Анисимова Инна Владимировна – кандидат исторических наук, доцент Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Антонович Ирина Владимировна – кандидат социологических наук, доцент Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Артюхина Валентина Андреевна – кандидат социологических наук, доцент Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Ахметова Гульжан Мырзамухаметовна – кандидат исторических наук, доцент Восточно-Казахстанского государственного университета им. С. Аманжолова, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Биктимиров Нияз Миннахматович – доцент Казанского (Приволжского) федерального университета, Казань, Россия.

Буканова Жанар Каликановна – директор научно-исследовательского центра «Молодежь» МОН РК, Астана, Казахстан.

Бургарт Людмила Александровна – магистр истории, референт-переводчик Римско-католического прихода Пресвятой Девы Марии Святого Розария, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Бухер Славомир – доктор географических наук, Прешовский университет, Прешов, Словакия.

Водичев Евгений Григорьевич – доктор исторических наук, Главный научный сотрудник СО РАН, профессор Национального исследовательского Томского государственного университета и Новосибирского государственного технического университета, Новосибирск, Россия.

Габдрахманов Нияз Камилевич – кандидат географических наук, старший

преподаватель Казанского (Приволжского) федерального университета, Казань, Россия.

Гайкин Виктор Алексеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВОРАН, Владивосток, Россия.

Глушкова Лилия Николаевна – кандидат психологических наук, старший преподаватель Восточно-Казахстанского государственного технического университета им. Д. Серикбаева, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Гончаров Юрий Михайлович – доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Григоричев Константин Вадимович – кандидат исторических наук, начальник научно-исследовательской части, руководитель лаборатории исторической и политической демографии Иркутского государственного университета. г. Иркутск, Россия.

Егоренкова Елена Николаевна – старший преподаватель Восточно-Казахстанского государственного университета им. С. Аманжолова, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Еремин Алексей Алексеевич – кандидат географических наук, доцент Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Жанбосинова Альбина Советовна – доктор исторических наук, профессор Восточно-Казахстанского государственного университета им. С. Аманжолова, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Игнатьева Людмила Николаевна – кандидат исторических наук, доцент Восточно-Казахстанского государственного технического университета им. Д. Серикбаева, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Каланчина Ирина Борисовна – научный сотрудник Центра краеведческой информации КГУ «ЦБС» акимата г. Усть-Каменогорска, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Калиева Канша Саветкановна – кандидат исторических наук, главный эксперт Научно-исследовательского центра «Молодежь» МОН РК, Астана, Казахстан.

Кашин Алексей Александрович – старший преподаватель Удмуртского государственного университета, Ижевск, Россия.

Кибардин Михаил Михайлович – кандидат географических наук, доцент Удмуртского государственного университета, Ижевск, Россия.

Колесникова Ольга Николаевна – кандидат социологических наук, доцент Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Колупаев Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, профессор Алтайского Государственного Технического Университета им. И.И. Ползунова, Барнаул, Россия.

Краснобаева Нелли Леонидовна – кандидат исторических наук, доцент Восточно-Казахстанского государственного технического университета им. Д. Серикбаева, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Кудрявцев Андрей Федорович – кандидат географических наук, доцент Удмуртского государственного университета, Ижевск, Россия.

Кумарова Бахыт Мейрамовна – заведующая отделом этнографии народов и малочисленных этнических групп Восточно-Казахстанского областного архитектурно-этнографического и природно-ландшафтного музея-заповедника, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Литвинов Анатолий Александрович – кандидат географических наук, доцент Удмуртского государственного университета, Ижевск, Россия.

Лекомцев Александр Леонидович – старший преподаватель кафедры Удмуртского государственного университета, Ижевск, Россия.

Логинова Нина Николаевна – кандидат географических наук, доцент Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва, Саранск, Россия.

Лысенко Юлия Александровна – доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Мармонтова Таисия Викторовна – кандидат исторических наук, доцент Евразийского национального университета Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан.

Москвичёва А.А. – кандидат социологических наук, доцент Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Ниязханқызы Гүлжанат – кандидат исторических наук, старший преподаватель Восточно-Казахстанского государственного технического университета им. Д. Серикбаева, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Панковская Галина Ивановна – кандидат исторических наук, доцент Восточно-Казахстанского государственного технического университета им. Д. Серикбаева, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Ротанова Ирина Николаевна – кандидат географических наук, профессор Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Савин Сергей Петрович – магистрант Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия.

Сапегина Наталья Владимировна – независимый исследователь, Барнаул, Россия.

Сарсембаева Гульжан Алибековна – кандидат исторических наук, доцент Восточно-Казахстанского государственного технического университета им. Д. Серикбаева, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Свахина Татьяна Евгеньевна – специалист Восточно-Казахстанского областного архитектурно-этнографического и природно-ландшафтного музея-заповедника, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Сидоров Валерий Петрович – кандидат географических наук, доцент Удмуртского государственного университета, Ижевск, Россия.

Ситников Павел Юрьевич – магистрант Удмуртского государственного университета, Ижевск, Россия.

Смагулова Анар Мурзагалиевна – научно-исследовательский центр «Алтай тану» Восточно-Казахстанского государственного университета им. С. Аманжолова, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Степанов Сергей Николаевич – Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, Россия.

Столярова Лилия Викторовна – кандидат философских наук, профессор Восточно-Казахстанского государственного технического университета им. Д. Серикбаева, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Столярова Элеонора Олеговна – кандидат социологических наук, доцент Восточно-Казахстанского государственного технического университета им. Д. Серикбаева, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Стрелец Ксения Евгеньевна – аспирант 2 курса Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Сулайманов Жоомарт Мурзаевич – кандидат философских наук, доцент Ошского государственного университета, Ош, Кыргызстан.

Тарасова Наталья Владимировна – магистрант 2 курса Национального Исследовательского Университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Трифонова Зоя Алексеевна – кандидат географических наук, доцент Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, Чебоксары, Россия.

Уалиева Сауле Кабдымуликовна – кандидат исторических наук, старший преподаватель Восточно-Казахстанского государственного технического университета им. Д. Серикбаева, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Фоминых Вадим Владимирович – доцент Восточно-Казахстанского государственного технического университета им. Д. Серикбаева, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Чаймарданова Айнар Акылкызы – магистрантка Синцзянского финансово-экономического университета, Урумчи, Китай.

Чернышов Олег Владимирович – директор ТОО «Институт анализа и прогнозирования ВКО», Усть-Каменогорск, Казахстан.

Чуканова Татьяна Викторовна – кандидат социологических наук, доцент Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Шмидт Вальдемар – магистр истории Университета Регенсбурга, Регенсбург, Германия.

СОДЕРЖАНИЕ:

Абдыгалиева Л.И. Халықтар тоғысқан кеңістік: гуманизм ұғымының эволюциясы және оның қазіргі өмірмәндік мәні 3
Алдашева А.Б. Этническая идентичность кыргызов по итогам социологического исследования на юге Кыргызстана 7
Антонович И.В. Оказание помощи беженцам и переселенцам в XIX – начале XX веков в России: исторический аспект 12
Артюхина В.А. Некоторые аспекты регулирования протестного поведения населения современной России 21
Ахметова Г.М. Проблемы и перспективы развития академической мобильности на приграничных территориях 26
Биктимиров Н.М., Габдрахманов Н.К. Роль системы расселения татар на территории современной Республики Татарстан в формировании демографического потенциала региона 41
Буканова Ж.К., Калиева К.С. Молодежь Казахстана: демографический аспект (по материалам национального доклада «Молодежь Казахстана – 2013») 47
Бургарт Л.А. Особенности влияния демографических факторов на процесс самоорганизации немцев-католиков Казахстана в середине 60-х – начале 90-х гг. XX в. 60
Водичев Е.Г. Российско-казахстанские взаимодействия в приграничных регионах сквозь призму европейского опыта трансграничного сотрудничества 71
Гайкин В.А. Тихоокеанская Россия – «стыковочный узел» экономической кооперации России с Японией и Кореей 83
Глушкова Л.Н. Родительство на ранних этапах брака в Восточно-Казахстанской области 88
Гончаров Ю.М. Социокультурная инфраструктура провинциального города во второй половине XIX – начале XX в.: к проблеме изучения (на примере Западной Сибири) 96
Григоричев К.В., Савин С.П. Повышение рождаемости в Сибирском регионе: субрегиональная мозаика 111
Егоренкова Е.Н. К вопросу о самоидентификации населения приграничных регионов: проблема идентичности 116
Еремин А.А. Сравнительно-демографическое исследование регионов Большого Алтая 121
Жанбосинова А.С. Молодежная толерантность и религиозные настроения 145
Игнатьева Л.Н. Спецпоселенцы в Казахстане в послевоенный период 156

Каланчина И.Б. Роль женщины-казачки в социально-экономической жизни сибирского казачества 161
Кашин А.А., Кибардин М.М., Кудрявцев А.Ф., Лекомцев А.Л., Литвинов А.А., Сидоров В.П., Ситников П.Ю. Этногеографические особенности эволюции системы расселения населения в приграничном пространстве удмуртского, русского и татарского этносов 169
Колесникова О.Н. Социальное самочувствие населения Алтайского края (по результатам социологических исследований приграничного агропромышленного региона России) 177
Колупаев Д.В. Социальное положение сибирского казачества в XIX веке 184
Краснобаева Н.Л. К вопросу о миграционных связях Казахстана и России в конце XIX – первой четверти XX века: спорные сюжеты, особенности трактовок 188
Кумарова Б.М. Татары-мишари в Казахстане – просто татары 201
Логинова Н.Н. Расселение и динамика численности финно-угорских народов в конце XX – начале XXI вв. в Республике Казахстан 210
Лысенко Ю.А., Анисимова И.В. Иртышская десятиверстная полоса как особая зона русско-казахских межэтнических контактов 221
Мармонтова Т.В. Основные аспекты региональных взаимодействий на Большом Алтае в начале XXI века 236
Москвичёва А.А. Социальные проблемы семьи по результатам контент-анализа интернет-ресурсов 244
Ниязханқызы Г. Қазақстан Республикасындағы көші-қонның қала-село тұрғындарының динамикасына әсері 248
Панковская Г.И. Издания переселенческого управления как исторический источник по изучению переселенческой политики на территории Восточного Казахстана в начале XX века 257
Ротанова И.Н. Многогранность развития гуманитарного приграничного сотрудничества России и Казахстана в регионе Большого Алтая 260
Сапегина Н.В. Молодежь муниципальных образований Алтайского края: социально-демографический аспект 269
Сарсембаева Г.А. Возрастная структура казахского этноса в 1999-2009 гг. 273
Свахина Т.Е. Межнациональные браки в Восточном Казахстане: еврейский аспект 280
Сиротина Т.В., Полосина Е.В. Совершенствование государственного управления системой социального обслуживания населения в Алтайском крае 288
Смагулова А.М. Репрезентация истории и культуры казахов в музейной практике (Россия – Монголия – Китай) 303

Столярова Л.В. Приграничное сотрудничество: динамика развития и проблемы 314
Столярова Э.О. Социальный и демографический потенциал распространения практики гибких рабочих графиков для женщин (на примере ВКО) 318
Стрелец К.Е. Торговля как фактор модернизационных процессов на территории Горного Алтая глазами дореволюционных исследователей 332
Сулайманов Ж.М. Национально-территориальное размежевание Средней Азии в начале XX века 341
Сулайманов Ж.М. Трансформация системы образования и ее влияние на формирование национальной идентичности 351
Тарасова Н.В. Формы научной коммуникации ученых-демографов в СССР в 1960-1991 гг. 359
Трифонова З.А., Степанов С.Н., Бухер С. Территориальная оценка уровня старения населения в странах Центрально-Восточной Европы 375
Уалиева С.К. Этнодемографические характеристики межэтнических браков в Казахстане 382
Фоминых В.В. Роль истории Казахстана в формировании культуры межэтнических отношений 393
Чаймарданова А.А. Перспективы приграничного сотрудничества в сфере образования и науки в регионе Большого Алтая (на примере ВКО РК и СУАР КНР) 408
Чернышов О.В. Основы и перспективы региональной интеграции Восточно-Казахстанской области РК и Алтайского края РФ: к постановке проблемы 414
Чуканова Т.В. Самоактуализация личности и субъективное благополучие молодежи Алтайского края 424
Шмидт В. Об особенностях развития немецкой национальной школы Казахстана в 1920-е годы (на примере Акмолинской и Кустанайской губерний) 428

АССАМБЛЕЯ НАРОДА КАЗАХСТАНА ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ

ОБЛАСТНОЙ ДОМ ДРУЖБЫ

ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Д. СЕРИКБАЕВА

ЛАБОРАТОРИЯ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРИ ВКГТУ ИМ. Д. СЕРИКБАЕВА

ИНСТИТУТ АНАЛИЗА И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ВКО

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КАЗАХСТАНЕ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

XIV Международная научно-практическая конференция
(г. Усть-Каменогорск, 11–12 сентября 2014 г.)

Сборник научных трудов

Ответственный за выпуск: А.Ф. Алексеев
Редактор: В.П. Алексеева
Корректор: Д.С. Хацанович
Дизайн обложки: А.А. Набокина
Верстка: А.А. Набокина

Подписано в печать 24.11.2014 г.
Формат 60*84/16 Усл. -печ. 28,25
Усл.-изд. л. 28,9 Тираж 150 Заказ 301 Цена договорная

Издательство “Медиа-Альянс”
070005, г. Усть-Каменогорск, пр. Абая, 181/3

Отпечатано в типографии ТОО “Медиа-Альянс”